

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

309 D 6

NEVILL FORBES BEQUEST

PG 3337. L5. A1. 1897 (2)
= Rep. Slav. 177

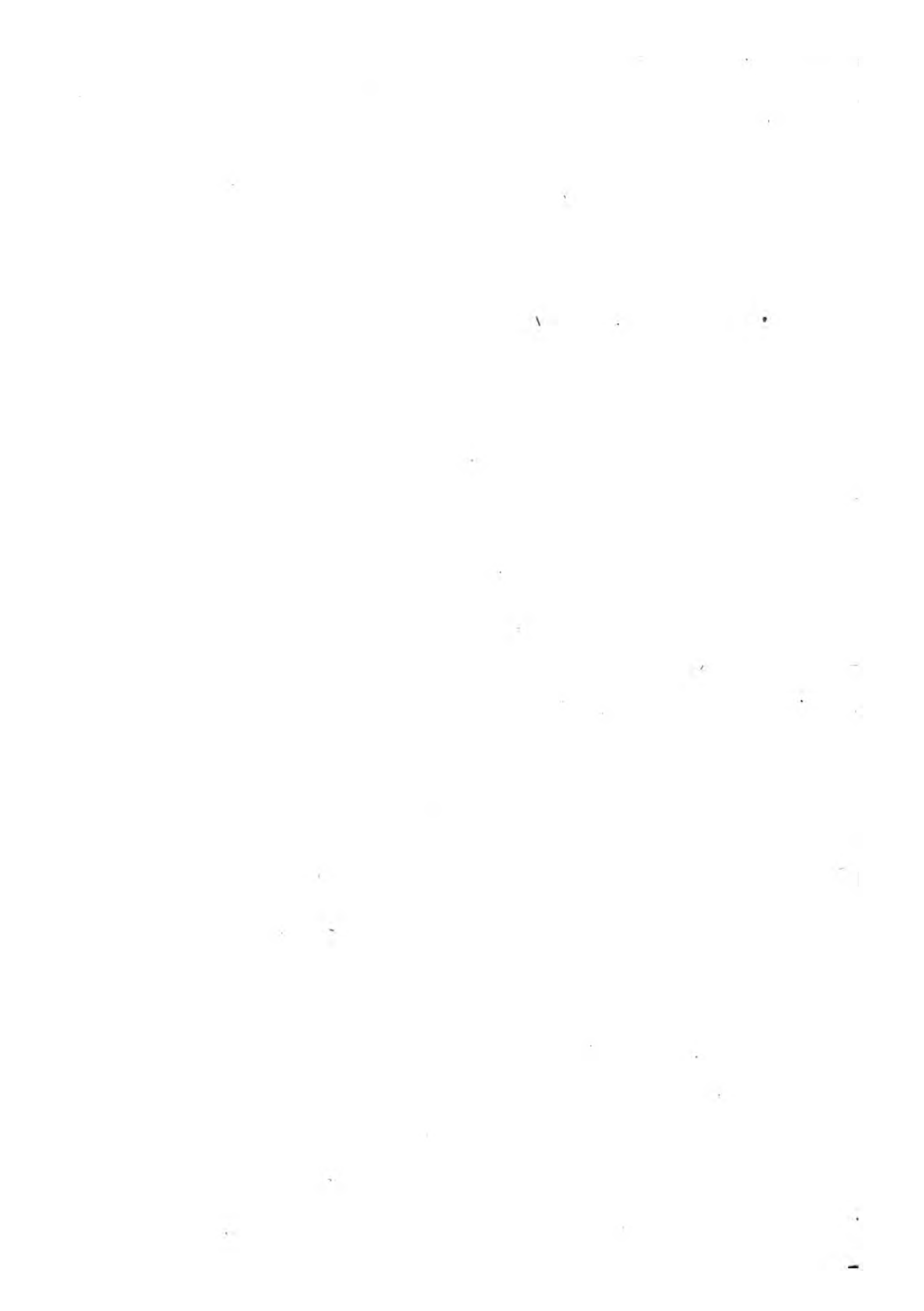

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРАВЕДНИКИ: Одnodумъ. — Пигмей. — Кадетскій монастырь. — Русскій демократъ. — Несмертельный Голованъ. — Инженеры безсребренники. — Лѣвша. — Очарованный странникъ. — Человѣкъ на часахъ. — Шерамуръ.

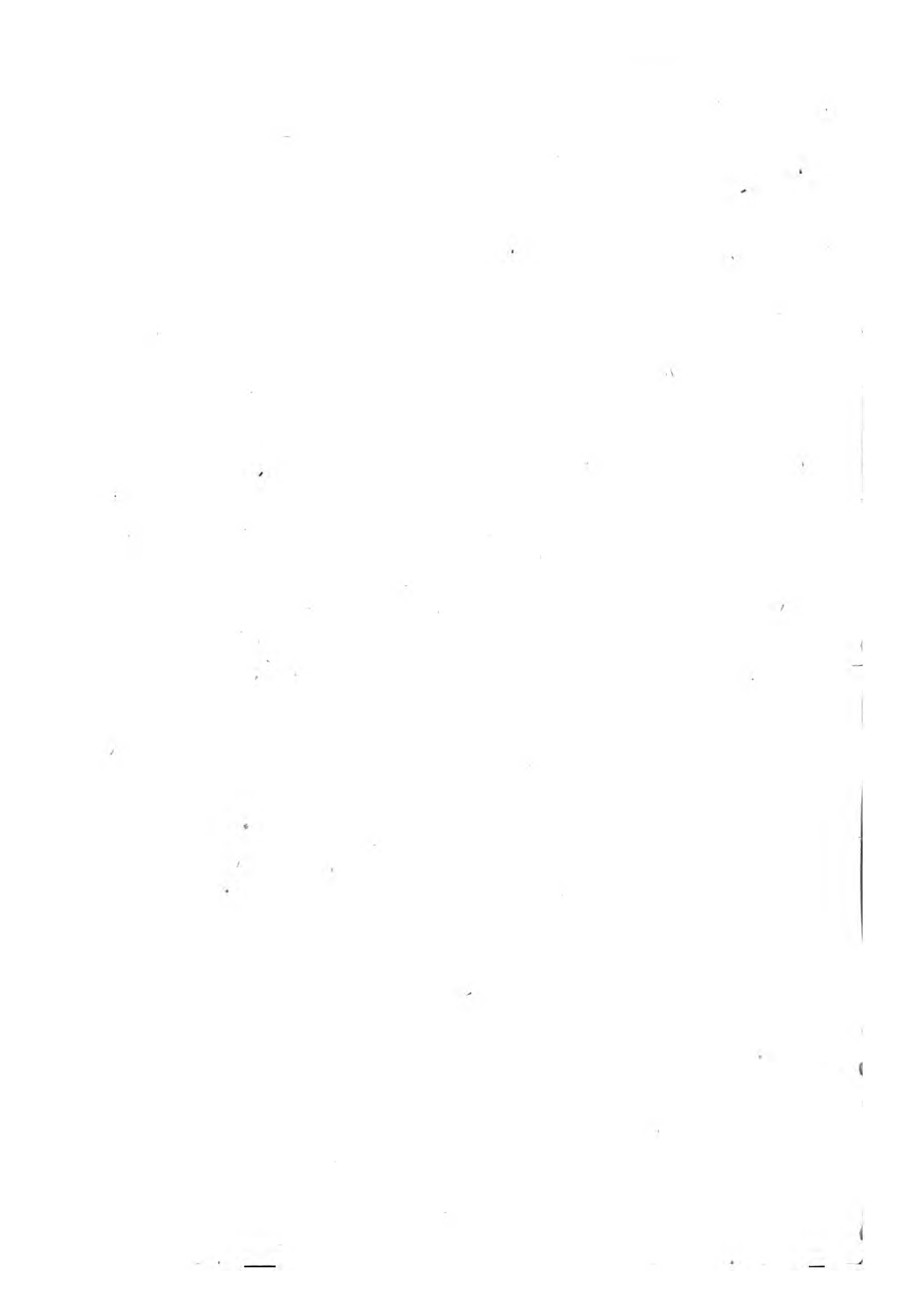

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типография А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ПРАВЕДНИКИ.

«Безъ трехъ праведныхъ
нѣсть граду стоянія».

При мнѣ въ сорокъ восьмой разъ умиралъ одинъ большой русскій писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ кончинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одинокъ во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщаніе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣнчивости рассказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствіямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театрально-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лѣкарства противъ мучительныхъ болей, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки попутались въ утробѣ, говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостинничнаго номера, и потомъ, переводя ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чортъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ. Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердцѣ: никогда вы человѣку утѣшенія не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испущай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказалъ ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ

будетъ чрезвычайно прискорбно, если театально-литературный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратить драгоцѣнную жизнь вашу, но...

— Ты недурно началъ, перебилъ писатель,—продолжай, пожалуйста, говорить, а я, можетъ-быть, усну.

— Извольте, отвѣчалъ я,—и такъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что умираю!

— Прекрасно, отвѣчаю,—но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется, стѣитъ; это стѣитъ тысячу рублей, просто налѣ умирающій.

— Да; къ сожалѣнію, отвѣчалъ я,—пѣса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей, и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро приподнялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще что за гнусное разсужденіе! Подари мнѣ, пожалуйста, тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю,—почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за что долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По-вашему, небось, все надо хорошихъ писать, а я, братъ, что вижу, то и пишу, а вижу я однѣ гадости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ, совсѣмъ обозлясь, умирающій,—но только что же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего, кромѣ мерзости, не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ «суще» пре-

красно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но зато самимъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

«Какъ, думалъ я, — неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего, кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, что когда-либо замѣтилъ художественный глазъ другихъ писателей, — одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью, которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?»

Мнѣ это было и ужасно, и несносно, и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія», но куда я ни обращался, кого ни спрашивалъ—всѣ отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что всѣ люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ, и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю себѣ, или неправедны,—все это надо собрать и потомъ разобратъ: что тутъ возвышается надъ чертою простой нравственности и потому «свято Господу».

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамиліи Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ Костромской губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтицѣ. Тамъ, по словарю кн. Гагарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейныхъ дома и 3,665 жителей обоого пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары; кромѣ того, значится «довольно дѣятельная торговля известью и дегтемъ». Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь еще были соляныя варницы.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ, какъ могъ жить и какъ, дѣйствительно, жилъ мелкотравчатый герой нашего разсказа Алексашка или, впоследствии, Александръ Аванасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію «Однодумъ».

Родители Алексашки имѣли собственный домъ, — одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не сто́ятъ*, но, однако, даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и

оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, «ничего не стоилъ». Но вдова-приказничиха сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которая «въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановить,—въ горящую избу взойдетъ»,—простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности, пригодныя для неприхотливаго обихода, и къ ней кое-кто засылала свахъ, но она отклонила новое супружество и стала заниматься печеньемъ пироговъ. Пироги изготовлялись по скромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ— съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному пятаку за штуку. Отъ прибыли своего пирожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку «мастерицѣ»; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподалъ ему дьякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ коемъ у него безъ всякой табакерки содержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дьякъ, «отъучивъ» Алексашку, взялъ горшокъ каши за выучку и съ этимъ вдовинъ сынъ пошелъ въ люди добывать себѣ хлѣбъ-соль и всѣ опредѣленные для него блага міра.

Алексашкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и въ этомъ возрастѣ его можно откомендовать читателю.

Молодой Рыжовъ порою удался въ мать: онъ былъ рослый, плечистый, — почти атлетъ, необъятной силы и несокрушимаго здоровья. Въ свои отроческіе годы онъ былъ уже первый силачъ и такъ удачно предводительствовалъ *стбною* на кулачныхъ бояхъ, что на которой сторонѣ былъ Алексашка Рыжовъ,—та считалась непобѣдимой. Онъ былъ досужъ и трудолюбивъ. Дьякова школа дала ему превосходный, круглый, четкій, красивый почеркъ, которымъ онъ

написалъ старухамъ множество заупокойныхъ поминаній и тѣмъ положилъ начало самопитанія. Но важнѣе этого были тѣ свойства, которыя дала ему его мать, сообщившая живымъ примѣромъ строгое и трезвое настроеніе его здоровой души, жившей въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ. Онъ былъ, какъ мать, умѣренъ во всемъ и никогда не прибѣгалъ ни къ чьей посторонней помощи.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже считалъ грѣхомъ ѣсть материнъ хлѣбъ; поминанія приносили немного и при томъ заработокъ этотъ, зависящій отъ случайностей, былъ непостояненъ; къ торговлѣ Рыжовъ питалъ врожденное отвращеніе, а оставить Солигаличъ не хотѣлъ, чтобы не разлучаться съ матерью, которую очень любилъ. А потому надо было здѣсь же промыслить себѣ занятіе, и онъ его промыслилъ.

Въ то время у насъ только образовывались постоянныя почтовые сообщенія: между ближайшими городами учреждались разъ въ недѣлю гонцы, которые *носили* суму съ пакетами. Это называлась пѣшая почта. Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ и при своей обуви». Но для кого и такое содержаніе было заманчиво, тѣ колебались взяться носить почту, потому что для чуткой христіанской совѣсти русскаго благочестія представлялось сомнительнымъ: не заключается ли въ такой пустой затѣѣ, какъ разноска бумага, чего-нибудь еретическаго и противнаго истинному христіанству?

Всякій, кому довелось о томъ слышать, — раздумывалъ, какъ бы не истравить этимъ душу, и за мзду временную не потерять жизнь вѣчную. И тутъ-то вотъ общее сердоболіе устроило Рыжовкина Алексашку.

— Онъ, говорили, сирота: ему больше Господь проститъ,—особенно по ребячеству. Ему, если его на поноскѣ дорогою медвѣдь или волкъ задеретъ, и онъ на судъ предстанетъ, одно отвѣчать: «не разумѣлъ, Господи», да и только. И въ ту пору взять съ него нечего. А если да онъ уцѣ-

лѣтъ и современемъ въ лѣта взойдетъ, то можетъ въ монастырь пойти и все преотлично отмолить, да еще не за своей свѣчей и при чужомъ ладанѣ. Чего ему еще по сиротству его ожидать лучшаго?

Самъ Алексашка, котораго это касалось мѣхъ болѣе, былъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ: онъ смѣлою рукою взялъ почтовую суму, взвалилъ ее на плечи и сталъ таскать изъ Солигалича въ Чухлому и обратно. Служба въ пѣшей почтѣ пришла ему совершенно по вкусу и по натурѣ: онъ шелъ одинъ черезъ лѣса, поля и болота и думалъ про себя свои сиротскія думы, какія слагались въ немъ подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, чтò встрѣчалъ, чтò видѣлъ и слышалъ. При такихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти поэтъ въ родѣ Борнса или Кольцова, но у Алексашки Рыжова была другая складка,—не поэтическая, а философская, и изъ него вышелъ только замѣчательный чудакъ «Однодумъ». Ни даль утомительнаго пути, ни зной, ни стужа, ни вѣтры и дождь его не пугали: почтовая сума до такой степени была нипочемъ его могучей спинѣ, что онъ, кромѣ этой сумы, всегда носилъ съ собою еще другую, сѣрую, холщовую сумку, въ которой у него лежала толстая книга, имѣвшая на него неодолимое вліяніе.

Книга эта была «Библія».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мнѣ не извѣстно, сколько лѣтъ онъ несъ службу въ пѣшей почтѣ, безпрестанно таская суму и Библію, но, кажется, это было долго и кончилось тѣмъ, что пѣшая почта замѣнилась конною, а Рыжову «вышелъ чинъ». Послѣ этихъ двухъ важныхъ въ жизни нашего героя событій, въ судьбѣ его произошелъ большой переломъ: охочій ходокъ съ почтою, онъ уже не захотѣлъ ѣздить съ почтаремъ и сталъ искать себѣ другого мѣста,—опять непременно тамъ же, въ Солигаличѣ, чтобы не разстаться съ матерью, которая въ то время уже оstarѣла и, притупивъ зрѣніемъ, стала хуже печь свои пироги.

Судя по тому, что чины на низшихъ почтовыхъ должностяхъ получались очень не скоро, напримѣръ, лѣтъ за двѣнадцать,—надо думать, что Рыжовъ имѣлъ объ эту пору лѣтъ двадцать шесть или даже немножко болѣе и во все это время онъ только ходилъ взадъ и впередъ изъ Солигалича въ Чухлому и на ходу, и на отдыхѣ читалъ одну только свою Библию въ затрапезномъ переплетѣ. Онъ читался ей вволю и пріобрѣлъ въ ней большія и твердыя познанія, легшія въ основу всей его послѣдующей оригинальной жизни, когда онъ сталъ умствовать и прилагать къ дѣлу свои библейскія воззрѣнія.

Конечно, во всемъ этомъ было много оригинальнаго. Рыжовъ, напримѣръ, зналъ наизусть всѣ писанія многихъ пророковъ и особенно любилъ Исаію, широкое боговѣдѣніе котораго отвѣчало его душевной настроенности и составляло весь его катехизисъ и все богословіе.

Старый человѣкъ, знавшій во время своей юности восьмидесятипятилѣтняго Рыжова, когда онъ уже прославился и заслужилъ имя «Однодума», говорилъ мнѣ, какъ этотъ старикъ вспоминалъ какой-то «дубъ на болотѣ», гдѣ онъ особенно любилъ отдыхать и «кричать вѣтру».

— Стану, говорить, бывало, и воплю встрѣчь воздуху:

«Позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего, а людіе мои неразумѣша. Сѣмя лукавое; сыны беззаконія! Что еще уязвляетесь прилагая неправды! Всякая глава въ болѣзнь, — всякое сердце въ плачь. — Что ми множество жертвъ вашихъ: тука агнцовъ и крови юницъ и козловъ не хочу. Не приходите явитися ми. И аще принесете ми семидалъ — всеу; кадило мерзость ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ, и дне великаго не потерплю: поста и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ ненавидитъ душа моя.—Егда прострете руки ваши ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленія,—не услышу васъ. Измойтесь, отымите лукавство отъ душъ вашихъ. Научитесь добро творити, и прійдите истяземся, и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное—убѣлю

ихъ яко снѣгъ. Но князи не покоряются,—общницы татемъ любяще дары, гоняще воздаяніе—сего ради глаголетъ Саваоѳъ: горе крѣпкимъ, — не престанетъ бо ярость моя на противныя».

И выкрикивалъ сирота-мальчуганъ это «горе, горе крѣпкимъ» надъ пустыннымъ болотомъ и мнилось ему, что вѣтеръ возьметъ и понесетъ слова Исаи и отнесетъ туда, гдѣ видѣнныя Іезекіилемъ «сухія кости» лежатъ, не шевелятся; не нарастаетъ на нихъ живая плоть и не оживаетъ въ груди истлѣвшее сердце.

Его слушалъ дубъ и гады болотные, а онъ самъ дѣлался полу-мистикомъ, полу-агитаторомъ въ библейскомъ духѣ,— по его словамъ: «дышалъ любовью и дерзновеніемъ».

Все это созрѣло въ немъ давно, но обнаружилось въ ту пору, когда онъ получилъ чинъ и сталъ искать другого мѣста, не надъ болотомъ. Развитие Рыжова было уже совершенно закончено и наступало время дѣятельности, въ которой онъ могъ приложить правила, созданныя имъ себѣ на библейскомъ грунтѣ.

Подъ тѣмъ же дубомъ, надъ тѣмъ же болотомъ, гдѣ Рыжовъ выкрикивалъ словами Исаи «горе крѣпкимъ», онъ дождался духа, давшаго ему мысль самому сдѣлаться крѣпкимъ, дабы устыдить крѣпчайшихъ. И онъ принялъ это посвященіе и пронесъ его во весь почти столѣтній путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромавъ ни на правое колено, ни на лѣвое.

Впереди насъ ожидаетъ довольно образцовъ его задѣхнувшейся въ тѣснотѣ удивительной силы и въ концѣ сказанія неожиданный актъ дерзновеннаго безстрашія, увѣнчавшій его, какъ рыцаря, рыцарскою наградою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ту отдаленную пору, къ которой восходитъ передаваемый мною рассказъ о Рыжовѣ, самое главное лицо въ каждомъ русскомъ городишкѣ былъ городничій. Не разъ было сказано и никѣмъ не оспорено, что, по понятію мно-

гихъ русскихъ людей, каждый городничій былъ «третье лицо въ государствѣ». Государственная власть въ народномъ представленіи отъ первоисточника своего — монарха развѣтвлялась такъ: первое лицо въ государствѣ—государь, правящій всѣмъ государствомъ; за нимъ второе—губернаторъ, который править губерніею, и потомъ прямо за губернаторомъ непосредственно слѣдуетъ третье—городничій, «сидящій на городу». Исправниковъ тогда еще не было и потому о нихъ въ раздѣленіи власти сужденія не полагали. Такъ это оставалось, впрочемъ, и впослѣдствіи: исправникъ былъ человѣкъ развѣздной и онъ сѣкъ только сельскихъ людей, которые тогда еще не имѣли самостоятельнаго понятія объ іерархіи, и кто ихъ ни сѣкъ—одинаково ногами перебирали.

Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений, ограничившее прежнюю теократическую полноправность сельскихъ администраторовъ, попортило это, особенно въ городахъ, гдѣ оно значительно содѣйствовало паденію не только городническаго, а даже губернаторскаго престижа, поднять который на прежнюю высоту уже невозможно,—по крайней мѣрѣ, для городничихъ, высокой урядъ которыхъ замѣненъ новшествомъ.

Но тогда, когда обдумывалъ и рѣшалъ свою судьбу «Одnodумь»,—все это было еще въ своемъ благоустроенномъ порядкѣ. Губернаторы сидѣли въ своихъ центрахъ какъ царьки: доступъ къ нимъ былъ труденъ и предстоянiе имъ «сопряжено со страхомъ»; они всѣмъ норовили говорить «ты», всѣ имъ кланялись въ поясъ, а иные, по усердію, даже земно; протопопы ихъ «срѣтали» съ крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавная знать чествовала ихъ выраженіемъ низменнаго искательства и едва дерзала, въ лицѣ немногихъ избранныхъ своихъ представителей, просить ихъ «въ воспріемники къ купели». И они, даже когда соглашались снизойти до такой милости, держали себя царственно: они не ѣздили крестить сами, а посылали вмѣсто себя чиновниковъ особыхъ порученій или адъютан-

товъ, которые отвозили «ризки» и принимали почетъ «въ лицѣ пославшаго». Все тогда было величественно, степенно и серьезно, подстать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынѣшнему времени, не доброму и не серьезному.

Рыжову вышла прекрасная линія приблизиться къ началу градской власти и, не разставаясь съ роднымъ Солигаличемъ, стать на четвертую ступень въ государствѣ: въ Солигаличѣ умеръ старый кварталный, и Рыжовъ задумалъ проситься на его мѣсто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Квартальническое мѣсто, хотя и не очень высокое, не смотря на то, что составляло первую ступень ниже городничаго, было, однако, довольно выгодно, если только человекъ, его занимающій, хорошо умѣлъ стащить съ каждаго воза полѣно дровъ, пару бураковъ, или кочанъ капусты; но если онъ не умѣлъ этого, то ему было бы плохо, такъ какъ казеннаго жалованья по этой четвертой въ государствѣ должности полагалось всего десять рублей ассигнаціями въ мѣсяць, т. е. около двухъ рублей восьмидесяти пяти копѣекъ по нынѣшнему счету. На это четвертая особа въ государствѣ должна была прилично содержать себя и свою семью, а какъ это невозможно, то каждый кварталный «донималъ» съ тѣхъ, которые обращались къ нему за чѣмъ-нибудь «по касающемуся дѣлу». Безъ этого «дониманія» невозможно было обходиться и даже сами вольтеріанцы противъ этого не возставали. О «неберущемъ» кварталномъ никто и не думалъ, и потому если всѣ кварталные брали, то долженъ былъ брать и Рыжовъ. Само начальство не могло желать и терпѣть, чтобы онъ портилъ служебную линію. Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія и не могло быть о томъ никакой рѣчи.

Городничій, къ которому Рыжовъ обратился за кварталничьимъ мѣстомъ, разумѣется, не задавалъ себѣ ника-

кого вопроса о его способности къ взяткѣ. Вѣроятно, онъ думалъ, что на этотъ счетъ Рыжовъ будетъ какъ всѣ другіе, и потому у нихъ особаго договора на этотъ счетъ не было. Городничій принялъ въ соображеніе только его громадный ростъ, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою извѣстностью силу и неутомимость въ ходьбѣ, которую Рыжовъ доказалъ своимъ пѣшимъ ношеніемъ почты. Все это были качества, очень подходящія для полицейской службы, которой добивался Рыжовъ,—и онъ былъ сдѣланъ солигаличскимъ квартальнымъ, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на томъ самомъ базарѣ, гдѣ сынъ ея долженъ былъ установить и держать добрые порядки: блюсти вѣсь вѣрный и мѣру полную и утрясенную.

Городничій сдѣлалъ ему только одно внушеніе:

— Бей безъ поврежденія и по касающему моего не захватывай.

Рыжовъ обязался это исполнять и пошелъ дѣйствовать, но вскорѣ же началъ подавать о себѣ странныя сомнѣнія, которыя стали тревожить третью особу въ государствѣ, а самого бывшего Алексашку, а нынѣ Александра Аванасьевича, доводить до весьма тягостныхъ испытаній.

Рыжовъ съ перваго же дня службы оказался по должности ретивъ и исправенъ: придя на базаръ, онъ размѣстилъ тамъ возы; разсадилъ иначе бабъ съ пирогами, помѣстя при томъ свою мать не на лучшее мѣсто. Пьяныхъ мужиковъ частію урезонилъ, а частію поучилъ рукою властною, но съ пріятностью, такъ хорошо, какъ будто имъ этимъ большое одолженіе сдѣлалъ и ничего не взялъ за науку. Въ тотъ же день онъ отвергъ и приношеніе капустныхъ бабъ, пришедшихъ къ нему на поклонъ по касающему, и еще объявилъ, что ему по касающему ни отъ кого ничего и не слѣдуетъ, потому что за все его касающее ему «царь жалуетъ, а мзду братъ Богъ запрещаетъ».

День провелъ Рыжовъ хорошо, а ночь провелъ еще лучше: обошелъ весь городъ, и кого засталъ на ходу въ поздній часъ, распросилъ: откуда, куда и по какой на-

добности? Съ добрымъ чловѣкомъ поговорилъ, самъ его даже проводилъ и посовѣтовалъ, а одному-другому пьяному уху надралъ, да будошникову жену, которая подъ коровъ колдовать ходила, въ кутузку заперъ, а на утро явился къ городничему съ докладомъ, что видитъ себѣ въ дѣлѣ одну помѣху въ будошникахъ.

— Проводять, говорить, они время въ праздности и спросонья ходять безъ надобности,—людямъ по касающему надѣдаютъ и сами портятся. Лучше ихъ отъ лѣнивой пустоты отрѣшить и послать къ вашему высокоблагородію въ огородъ гряды полоть, а я одинъ все управлю.

Городничему это было не вопреки, а домовитой городничихѣ совсѣмъ по сердцу: однимъ будошникамъ могло не нравиться, да закону не соотвѣствовало; но будошниковъ кто думалъ спрашивать, а законъ... городничій судилъ о немъ русскимъ судомъ: «законъ—что конь: куда надо—туда и вороти его». Александръ же Аванасьевичъ выше всего ставилъ законъ: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и по тому закону выходило, что всякіе лишніе «приставники»—бремя ненужное, которое надо отставить и приставить къ какому бы то ни было другому настоящему дѣлу,—«потному».

И учредилось это дѣло, какъ указалъ Рыжовъ, и было оно пріятно въ очахъ правителя и народа и обратило къ Рыжову сердца людей благодарныхъ. А Рыжовъ самъ ходитъ по городу днемъ, ходитъ одинъ ночью и мало-помалу вездѣ сталъ чувствоваться его добрый хозяйскій досмотръ, и опять было это пріятно въ очахъ всѣхъ. Словомъ, все шло хорошо и обѣщало покой невозмутимый, но тутъ-то и бѣда: не сварился народъ,—не кормилъ воеводъ—ни откуда ни что не касалось и, кромѣ уборки огорода, не было правителю прибылей ни большихъ, ни среднихъ, ни малыхъ.

Городничій возмутился духомъ, вникъ въ дѣло, увидалъ, что такъ невозможно, и воздвигъ на Рыжова ѣдкое гоненіе.

Онъ попросилъ протопопа разузнать, нѣтъ ли въ безка-

сательномъ Рыжовѣ какого неправославія, но протопопъ отвѣчалъ, что явнаго неправославія въ Рыжовѣ онъ не усматриваетъ, а замѣчаетъ въ немъ нѣкую гордыню, происходящую, конечно, отъ того, что его мать пироги печетъ и ему отдѣляетъ.

— Пресѣчь совѣтую оный торгъ, ей нынѣ по сыну неподобающій, и уничтожится тогда ему оная его непомѣрная гордыня и онъ прикоснется.

— Пресѣку, отвѣчалъ городничій, и сказалъ Рыжову:— твоей матери на торгу сидѣть не годится.

— Хорошо, отвѣчалъ Рыжовъ и взялъ мать съ ночвами съ базара, а въ укоризненномъ поведеніи остался попрежнему,—не прикасался.

Тогда протопопъ указалъ, что Рыжовъ не справлялъ себѣ форменнаго платья и въ пасхальный день, скупо похристовавшись съ одними ближними, не явился съ поздравленіемъ ни къ кому изъ именитыхъ гражданъ, на что тѣ, впрочемъ, претензіи не изъявляли.

Это находилось въ зависимости одно отъ другого. Рыжовъ не ходилъ за праздничными и потому ему не на что было обмундироваться, но обмундировка требовалась и она была у прежняго квартальнаго. Всѣ видѣли у него и мундиръ съ воротомъ, и рейтузы, и сапоги съ кисточкой, а этотъ какъ ходилъ съ почтою, такъ и оставался въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ съ крючками, въ желтыхъ нанковыхъ штанахъ и въ простой крестьянской шапкѣ, а на зиму имѣлъ овчинный нагольный тулупъ, и ничего иного не заводилъ, да и не могъ завести на 2 руб. 87 коп. мѣсячнаго жалованья, на которое жилъ, служба вѣрою и правдою.

Къ тому же, произошелъ случай, потребовавшій денегъ: умерла мать Рыжова, которой нечего было дѣлать на землѣ послѣ того, какъ она не могла на ней продавать пироги.

Александръ Аѳанасьевичъ схоронилъ ее, по общему отзыву, «скаречно», чѣмъ и доказалъ свою нелюбовь. Онъ заплатилъ за нее причту по-малости, но по самой-то пи-

рожницѣ даже пирога не спекъ и сорокоуста не заказалъ.

Еретикъ! и это было тѣмъ достовѣрнѣе, что хотя городничій ему не довѣрялъ и протопопъ въ немъ сомнѣвался, но и городничиха и протопопица за него горой стояли, — первая за пригонъ на ея огородъ бударей, а вторая по какой-то тайной причинѣ, лежавшей въ ея «характерѣ сопротивленія».

Въ этихъ особахъ Александръ Аванасьевичъ имѣлъ защитницъ. Городничиха сама ему послала отъ урожая земнаго двѣ мѣры картофеля, но онъ, не развязывая мѣшковъ, принесъ картофель назадъ на своихъ плечахъ и коротко сказалъ:

— За усердіе благодарю, а даровъ не приѣмлю.

Тогда протопопица, дама мнительная, поднесла ему двѣ коленкоровыя манишки своего древняго рукодѣля отъ тѣхъ поръ, когда еще протопопъ былъ ставленникомъ, но чудакъ и этого не взялъ:

— Нельзя, говорить, дары брать, да и, одѣваясь по простотѣ, я никакой въ семь щегольствѣ пользы не нахожу.

Тутъ и сказала протопопица мужу въ злости задорное слово:

— Вотъ бы, говорить, кому пристало у алтаря стоять, а не вамъ, обираламъ духовнымъ.

Протопопъ осердился, — велѣлъ женѣ молчать, а самъ все лежалъ да думалъ:

— Это новость масонская, и если я ее услѣжу и открою, то могу быть въ большомъ отличіи, и даже могу въ Петербургъ переѣхать.

Такъ онъ этимъ забредилъ и съ бреду составилъ планъ, какъ обнажить совѣсть Рыжова до раздѣленія души съ тѣломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подходилъ Великій постъ и протопопъ, какъ на ладонѣ, видѣлъ, какимъ образомъ онъ обнажить душу Рыжова до раздѣленія, и тогда будетъ знать, какъ поступить съ нимъ по злобѣ его уклоненія отъ истинъ православія.

Съ этою цѣлью онъ прямо присовѣтоваль городничему прислать къ нему на духъ полосатаго квартальнаго на первой же недѣлѣ. А на духу онъ обѣщаль его хорошенько пронять и, гнѣвомъ Божиимъ припугнувъ, все отъ него вывѣдать, что въ немъ есть тайнаго и сокровеннаго, и за что онъ всего касающаго чуждается и даровъ не пріемлетъ. А затѣмъ сказалъ: увидимъ по открытому страхомъ виду его совѣсти, чему онъ подлежать будетъ, и тому его и подвергнемъ, да спасется духъ.

Помянувъ слова Павла, протопопъ сталъ ждать покойно, зная, что въ нихъ кійждо своя отыскать можетъ.

Городничій тоже сдѣлалъ свое дѣло.

— Намъ съ тобой, Александръ Аѳанасьевичъ, какъ виднымъ лицамъ въ городѣ, сказалъ онъ, надо въ народѣ религіи примѣръ показать и къ церкви сдѣлать почтеніе.

Рыжовъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ.

— Изволь же, братецъ, говѣть и исповѣдаться.

— Согласенъ, отвѣчалъ Рыжовъ.

— И какъ оба мы люди на виду у всѣхъ, то и на виду все это должны сдѣлать, а не какъ-нибудь, прячучись. Я къ протопопу на духъ хожу, — онъ всѣхъ въ духовенствѣ опытиѣ,—и ты къ нему иди.

— Пойду къ протопопу.

— Да; и иди ты на первой недѣлѣ, а я на послѣдней пойду,—такъ и раздѣлимся.

— И на это согласенъ.

Протопопъ выисповѣдалъ Рыжова и даже похвалился, что на всѣ корки его пробралъ, но не нашель въ немъ грѣха къ смерти.

— Каялся, говорить, въ одномъ, другомъ, въ третьемъ,— во всемъ не святъ по-малости, но грѣхи все простые, человѣческіе, а противъ начальства особаго зла не мыслить и ни на васъ, ни на меня «по касающему» доносить не думаетъ. А что «даровъ не пріемлетъ», — то это по одной вредной фантазіи.

— Все же, значить, есть въ немъ вредная фантазія. А въ чемъ она заключается?

— Библии начитался.

— Ишь его, дурака, угораздило!

— Да; начитался отъ скуки и позабыть не можетъ.

— Экій дуракъ! что же теперь съ нимъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаешь: онъ уже очень далеко начитанъ.

— Неужели до самого до «Христа» дошелъ?

— Всю, всю прочиталъ.

— Ну, значить, шабашъ.

Пожалѣли и стали къ Рыжову милостивѣе. На Руси всѣ православные знаютъ, что кто Библию прочиталъ и «до Христа дочитался», съ того резонныхъ поступковъ строго спрашивать нельзя; но зато этакіе люди, что юродивые,—они чудесятъ, а никому не вредны и ихъ не боятся. Впрочемъ, чтобы быть еще обезпеченнѣе насчетъ страннаго исправленія Рыжова «по касающему», отецъ протопопъ преподалъ городничему мудрый, но жесткій совѣтъ,—чтобы женить Александра Аѳанасьевича.

— Женатый человѣкъ, развивалъ протопопъ,—хотя и «до Христа дочитается», но ему свою честность соблюсти трудно: жена его начнетъ нажигать, и не тѣмъ, такъ другимъ манеромъ такъ дойметъ, что онъ ей уступить и всю Библию изъ головы выпустить, а станетъ къ дарамъ пріимчивъ и начальству преданъ.

Городничему совѣтъ пришелъ по мыслямъ и онъ заказалъ Александру Аѳанасьевичу, чтобы тотъ какъ знаетъ, а непременно женился, потому что холостые люди на политическихъ должностяхъ не надежны.

— Какъ хочешь, говорить, братъ, а ты мнѣ въ разсужденіи всего хорошъ, но въ разсужденіи одного не годишься.

— Почему?

— Холостой.

— Что же въ томъ за укоризна?

— Въ томъ укоризна, что можешь что-нибудь въролом-

ное сдѣлать и сбѣжать въ чужую губернію. Тебѣ, вѣдь, теперь что?—схватилъ свою Бибель да и весь тутъ.

— Весь тутъ.

— Вотъ это и неблагонадежно.

— А развѣ женатый благонадежнѣе?

— И сравненья нѣтъ; изъ женатаго я, говорить, хоть веревку вей, онъ все стерпитъ, потому что онъ птенцовъ заведетъ, да и бабу пожалѣетъ, а холостой самъ что птица,—ему довѣрить нельзя. Такъ вотъ—либо уходи, либо женись.

Загадочный чудакъ, выслушавъ такое разсужденіе, нимало не смутился и отвѣчалъ:

— Что же,—и женитьба вещь добрая, она отъ Бога показана: если требуется—я женюсь.

— Но только ты руби дерево по себѣ.

— По себѣ вырублю.

— И выбирай поскорѣе.

— Да у меня уже выбрана: надо только сходить посмотреть, не взяли ли ее другіе.

Городничій надъ нимъ посмѣялся:

— Ишь ты, говорить, грѣховодникъ,—будто за нимъ и грѣха никогда не водится, а онъ себѣ уже и жену высмотрѣлъ.

— Гдѣ грѣхамъ не водится!—отвѣчалъ Александръ Аванасьевичъ, — полонъ сосудъ мерзости, а только невѣсту я еще не сваталъ, но, дѣйствительно, на примѣтъ имѣю и прошу позволенія сходить на нее взглянуть.

— А гдѣ она у тебя,—не здѣшняя, вѣрно.—дальняя?

— Да, такъ, и не здѣшняя, и не дальняя,—у ручья при болотцѣ живетъ.

Городничій еще посмѣялся, отпустилъ Рыжова и, заинтересованный, ждетъ: когда его чудакъ вернется и что скажетъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыжовъ, дѣйствительно, срубилъ дерево по себѣ: черезъ недѣлю онъ привелъ въ городъ жену—ражую, бѣлую, ру-

мяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ шагѣ и движеніи. Одѣта она была по-крестьянски и шли оба супруга другъ за другомъ, неся на плечахъ коромысло, на которомъ висѣла подвязанная холщевымъ концомъ расписная лубочная коробья съ приданымъ.

Бывалые торговые люди сразу узнали въ этой особѣ дочь старой бабы Козлихи, чтѣ жила въ одинокой избушкѣ у ручья надъ болотомъ и слыла злою колдуньей. Всѣ думали, что Рыжовъ взялъ себѣ колдунью дѣвку въ работницы.

Это отчасти такъ и было, но только Рыжовъ, прежде чѣмъ привести эту работницу домой, — перевѣнчался съ нею. Супружеская жизнь обходилась ему ничуть не дороже холостой; напротивъ, теперь ему стало даже выгоднѣе, потому что онъ, приведя въ домъ жену, тотчасъ же отпустилъ батрачку, которой много ли, мало ли, а все-таки платить рубль мѣдью въ мѣсяцъ. Съ этихъ поръ мѣдный рубль былъ у него въ карманѣ, а хозяйство пошло лучше; здоровыя руки его жены никогда не были праздны: она себѣ и пряла, и ткала, да еще оказалось мастерицею валять чулки и огородничать. Словомъ, жена его была простая, досужая крестьянская женщина, вѣрная и покорная, съ которою библейскій чудакъ могъ жить по-библейски, и рассказать о ней, кромѣ сказаннаго, нечего.

Обращеніе съ женою у Александра Аванасьевича было самое простое, но своеобразное: онъ ей говорилъ «ты», а она ему «вы»; онъ звалъ ее «баба», а она его Александръ Аванасьевичъ; она ему служила, а онъ былъ ея господинъ; когда онъ съ нею заговаривалъ, она отвѣчала, — когда онъ молчалъ, она не смѣла спрашивать. За столомъ онъ сидѣлъ, а она подавала, но ложе у нихъ было общее и, вѣроятно, это было причиною, что у нихъ появился плодъ супружества. Плодъ былъ одинъ — единственный сынъ, котораго «баба» выкормила, а въ воспитаніе его не вмѣшивалась.

Любила ли «баба» своего библейскаго мужа, или не любила—это въ ихъ отношеніяхъ ничѣмъ не проявлялось, но что она была вѣрна своему мужу — это было несомнѣнно.

Кромѣ того, она его боялась какъ лица, поставленнаго надъ нею закономъ Божескимъ и имѣющаго на нее божественное право. Мирному житію ея это не мѣшало. Грамотѣ она не знала и Александръ Аѳанасьевичъ не желалъ пополнять этого пробѣла въ ея воспитаніи. Жили они, разумѣется, спартански, въ самой строгойшей умѣренности, но не считали это несчастіемъ; этому, можетъ-быть, много помогало, что и многіе другіе жили вокругъ не въ бѣльшемъ довольствѣ. Чаю они не пили и не содержали его въ заводѣ, а мясо ѣли только по большимъ праздникамъ—въ остальное же время питались хлѣбомъ и овощами, квасными или свѣжими съ своего огорода, а всего болѣе грибами, которыхъ росло въ изобиліи въ ихъ лѣсной сторонѣ. Грибы эти «баба» лѣтнею порою сама собирала по лѣсамъ и сама готовила въ прокъ, но, къ сожалѣнію ея, заготовляла ихъ только однимъ способомъ сушенія. Солить было нечѣмъ. Расходъ на соль въ потребномъ количествѣ для всего запаса не входилъ въ расчетъ Рыжова, а когда «баба» однажды насолила кадочку груздей солью, которую ей подарилъ въ мѣшечкѣ откупщикъ, то Александръ Аѳанасьевичъ, дознавшись объ этомъ, «бабу» патриархально побилъ и свелъ къ протопоцу для наложенія на нее эпитиміи за ослушаніе противъ завѣтовъ мужа, а грибы цѣлою кадкою собственноручно прикатилъ къ откупщику двору и велѣлъ взять «куда хотятъ», а откупщику сдѣлалъ выговоръ.

Таковъ былъ этотъ чудакъ, про котораго изъ долготы его дней тоже рассказывать много нечего; сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое маленькое дѣло, не пользующееся ничѣмъ особеннымъ сочувствіемъ и ничьего особеннаго сочувствія не искалъ; солигаличскіе верховоды считали его «поврежденнымъ отъ Библии», а простецы судили о немъ просто, что онъ «такой-нѣкій-этакой».

Довольно неясное опредѣленіе это для нихъ имѣло значеніе ясное и понятное.

Рыжовъ нисколько не заботился, что о немъ думаютъ: онъ честно служилъ всѣмъ и особенно не угождалъ никому; въ

мысляхъ же своихъ отчитывался Единому, въ Кого неизмѣнно и крѣпко вѣрилъ, именуя Его учредителемъ и хозяиномъ всего сущаго. Удовольствіе Рыжова состояло въ исполненіи своего долга, а высшій духовный комфортъ— философованіе о высшихъ вопросахъ міра духовнаго и объ отраженіи законовъ того міра въ явленіяхъ и въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не имѣлъ ли Рыжовъ общей многимъ самоучкамъ слабости считать себя всѣхъ умнѣе—это не извѣстно: но онъ не былъ гордъ и своихъ вѣрованій и взглядовъ онъ никому никогда не навязывалъ и даже не сообщалъ, а только вписывалъ въ большія тетради синей бумаги, которыя подшивалъ въ одну обложку съ многозначительною надписью: «Однодумъ».

Что было написано во всей этой громаднѣйшей рукописи полицейскаго философа—осталось сокрытымъ, потому что со смертью Александра Аванасьевича его «Однодумъ» пропалъ, да и по памяти о немъ много никто рассказать не можетъ. Едва только два-три мѣста изъ всего «Однодума» были показаны Рыжовымъ одному важному лицу при одномъ необычайномъ случаѣ его жизни, къ которому мы теперь приближаемся. Остальные же листы «Однодума», о существованіи котораго зналъ почти весь Солигаличъ, изведены на оклейку стѣнъ или, можетъ-быть, и сожжены, во избѣжаніе неприятностей, такъ какъ это сочиненіе заключало въ себѣ много несообразнаго бреда и религіозныхъ фантазій, за которыя тогда и автора, и чтецовъ посылали молиться въ Соловецкій монастырь.

Духъ же этой рукописи сталъ извѣстенъ съ наступающаго достопамятнаго въ хроникахъ Солигалича происшествія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу съ точностью вспомнить и не знаю, гдѣ справится: въ которомъ именно году въ Кострому былъ назначенъ губернаторомъ Сергій Степановичъ Ланской, впоследствии графъ и извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ.

Сановникъ этотъ, по мѣткому замѣчанію одного его современника, «имѣлъ сильный умъ и надменную фигуру», и такая краткая характеристика вѣрна и вполне достаточна для представленія, какое нужно имѣть о немъ нашему читателю.

Можно, кажется, добавить только, что Ланской уважалъ въ людяхъ честность и справедливость и самъ былъ добръ, а также любилъ Россію и русскаго человѣка, но понималъ его барственно, какъ аристократъ, имѣвшій на все чужеземный взглядъ и западную мѣрку.

Назначеніе Ланскаго губернаторомъ въ Кострому случилось во время чудаческаго служенія Александра Аѳанасьевича Рыжова солигаличскимъ кварталнымъ, и при томъ еще при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

По вступленіи Сергѣя Степановича въ должность губернатора, онъ, по примѣру многихъ дѣятелей, прежде всего «размель губернію», т. е. выгналъ со службы великое множество нерадивыхъ и злоупотреблявшихъ своею должностію чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и солигаличскій городничій, при которомъ состоялъ кварталнымъ Рыжовъ.

По изгнаніи со службы негодныхъ лицъ, новый губернаторъ не счѣшилъ замѣщать ихъ другими, чтобы не попасть на такихъ же, а можетъ-быть еще и на худшихъ. Чтобы избрать людей достойныхъ, онъ хотѣлъ оглядѣться или, какъ нынче по-русски говорятъ, «оріентироваться».

Съ этою цѣлью должности удаленныхъ лицъ были поручены временнымъ замѣстителямъ изъ младшихъ чиновниковъ,—а губернаторъ вскорѣ же предпринялъ объѣздъ всей губерніи, затрепетавшей страннымъ трепетомъ отъ однихъ слуховъ о его «надменной фигурѣ».

Александръ Аѳанасьевичъ исправлялъ должность городничаго. Чтò онъ дѣлалъ на этомъ замѣстительствѣ отмѣннаго отъ прежнихъ «сталыхъ» порядковъ,—этого не знаю; но, разумѣется, онъ не бралъ взятокъ на городничествѣ, какъ не бралъ ихъ на своемъ кварталничествѣ. Образа жизни своей и отношеній къ людямъ Рыжовъ тоже не мѣнялъ,—

даже не садился на городническій стулъ передъ зеркало, а подписывался «за городничаго», сидя за своимъ изъѣденнымъ чернилами столикомъ у входной двери. Этому послѣднему упорству Рыжовъ имѣлъ объясненіе, находящееся въ связи съ апопееозою его жизни. У Александра Аѳанасьевича и послѣ многихъ лѣтъ его службы точно такъ же, какъ и въ первые дни его квартальничества, — *не было форменнаго платья*, и онъ правилъ «за городничаго» все въ томъ же просаленномъ и перештопанномъ бешметѣ. А потому на представленія писмоводителя пересѣсть на мѣсто онъ отвѣчалъ:

— Не могу, хитонъ обличаетъ мя, яко нѣсть браченъ.

Все это такъ и было записано имъ собственною рукою въ его «Однодумѣ», съ добавленіемъ, что писмоводитель предлагалъ ему «пересѣсть въ бешметѣ, но снять орла на зеркалѣ», однако, Александръ Аѳанасьевичъ «оставилъ сію непристойность» и продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ въ бешметѣ.

Дѣлу полицейской расправы въ городѣ эта неформенность не мѣшала, но вопросъ становился совершенно инымъ, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ «надменной фигуры». Александръ Аѳанасьевичъ, въ качествѣ градоначальника, долженъ былъ встрѣтить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостояніи Солигалича, а также отвѣчать на всѣ вопросы, какіе Ланской ему предложить, и репрезентовать ему всѣ достопримѣчательности города, начиная отъ собора, до тюрьмы, пустырей, овраговъ, съ которыми никто не зналъ что дѣлать.

Рыжовъ, дѣйствительно, имѣлъ задачу: какъ ему отбыть все это въ своемъ бешметѣ? Но онъ объ этомъ нимало не заботился, зато много заботъ причиняло это всѣмъ другимъ, потому что Рыжовъ своимъ безобразіемъ могъ на первомъ же шагу прогнѣвить «надменную фигуру». Никому и въ голову не приходило, что именно Александру-то Аѳанасьевичу и предстояло удивить и даже *обрадовать* всѣхъ пугавшую «надменную фигуру», и даже напороочить ему повышение.

Вообще заботливый Александр Афанасьевич нимало не смущался, какъ онъ явится, и совсѣмъ не раздѣлялъ общей чиновничьей робости, черезъ что подвергся осужденію и даже ненависти и палъ во мнѣніи своихъ согражданъ, но палъ съ тѣмъ, чтобы потомъ встать всѣхъ выше и оставить по себѣ память героическую и почти баснословную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не излишне еще разъ напомнить, что въ тѣ недавнія, но глубоко провалившіяся времена, къ которымъ относится рассказъ о Рыжовѣ, губернаторы были совсѣмъ не то, что въ нынѣшніе лукавые дни, когда величіе этихъ сановниковъ значительно пало, или, по выраженію нѣкаго духовнаго лѣтописца, «жестоко подвалишася». Тогда губернаторы ѣздили «страшно», а встрѣчали ихъ «притрепетно». Теченіе ихъ совершалось въ грандіозной суетѣ, которой работали не только всѣ младшія начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногіе скоты. Города къ пріѣзду губернаторовъ воспринимали помазаніе мѣломъ, сажей и охрою; на шлагбаумы заново наводилась національная пестрядь казенной трехцвѣтки; бударямъ и инвалидамъ внушали «головы и усы наваксить»,—изъ больницъ шла усиленная выписка въ «оздоровку». Во всеобщемъ оживленіи участвовало все до конецъ земли; изъ деревень на тракты сгоняли бабъ и мужиковъ, которые по мѣсяцамъ кочевали, чиня дорожные топи, гати и мосты; на станціяхъ замедляли даже оглашенные курьеры и разные поручики, спѣшно ѣдущіе по безчисленнымъ казеннымъ надобностямъ. Станціонные смотрители въ эту пору отмещивали неспокойному люду свои нестерпимыя обиды и съ непоколебимою душевною твердостью заставляли плестись на какихъ попало клячахъ, потому что хорошія лошади «выстаивались» подъ губернатора. Словомъ, не было никому ни проходу, ни проѣзду безъ того, чтобы онъ не осязалъ какимъ-нибудь изъ своихъ чувствъ, что въ природѣ всѣхъ вещей происходитъ нѣчто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда безъ всякаго пусто-

звонства болтливой прессы всякъ, старь и младь, знали, что ѣдетъ тотъ, кого нѣтъ на всю губернію больше, и всѣ, кто какъ умѣлъ, выражали по этому случаю искреннему своему разнообразныя свои чувства. Но самая возвышенная дѣятельность происходила въ центральныхъ гнѣздахъ уѣзднаго властелинства—въ судебныхъ канцеляріяхъ, гдѣ дѣло начиналось съ утомительной и скучной отмѣтки регистровъ, а кончалось веселою операціею обметанія стѣнъ и мытья половъ. Поломойство — это было что-то въ родѣ классическихъ оргій въ дни сбиранія винограда, когда все напряженно ликовало, имѣя одну заботу: пожить, пока наступитъ часъ смертный. Въ канцеляріи за небольшимъ конвоемъ кривыхъ инвалидовъ доставляли изъ острога смертною скукою соскучившихся арестантокъ, которыя, ловя краткій мигъ счастья, пользовались здѣсь плѣнительными правами своего пола—услаждать долю смертныхъ. Декольте и маншкуртъ, съ которыми онѣ приступали къ работѣ, столь возбуждительно дѣйствовали на дежурившихъ при бумагахъ молодыхъ приказныхъ, что послѣдствіемъ этого, какъ извѣстно, въ острогахъ нерѣдко появлялись на свѣтъ такъ называемыя «поломойныя дѣти»,—непризнаннаго, но несомнѣнно благороднаго происхожденія.

Въ эти же дни въ домахъ чернили парадные сапоги, бѣлили ретузы и приготавливали слежавшіеся и поточенные молью мундиры. Это тоже оживляло городъ. Мундиры сначала *протышивали* въ жаркій день на солнышкѣ, раскидывая ихъ на протянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ, что ко всякимъ воротамъ привлекало множество любопытныхъ; потомъ мундиры *выбивали* прутьями, растянувъ на подушкѣ, или на войлочкѣ; затѣмъ ихъ *трясли*, еще позже ихъ *штопали*, *утюжили* и, наконецъ, *раскидывали* на креслѣ въ залѣ или другой парадной комнатѣ, и въ заключеніе всего — въ концѣ концовъ ихъ втихомолку кропили изъ священныхъ бутылочекъ богоявленскою водою, которая, если ее держать у образа въ заткнутой воскомъ посудинѣ, не портится отъ одного Крещеньева дня до другого и нимало

не утрачиваетъ чудотворной силы, сообщаемой ей въ моментъ погруженія креста съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое».

Исходя въ срѣтеніе особъ, чиновники облакались въ окропленные мундиры и, въ качествѣ прочаго Божія достоянія, бывали спасаемы. Объ этомъ есть много достовѣрныхъ сказаній, но при нынѣшнемъ всеобщемъ маловѣріи и особенно при оффенбаховскомъ настроеніи, царящемъ въ чиновномъ мирѣ, все это уже уронено въ общемъ мнѣніи и въ числѣ многихъ другихъ освященныхъ временемъ вещей легкомысленно подвергается сомнѣнію; отцамъ же нашимъ, имѣвшимъ настоящую, крѣпкую вѣру, давалось по ихъ вѣрѣ.

Ожиданіе губернатора въ тѣ времена длилось долго и мучительно. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, и поѣзда не подходили въ урочный часъ по росписанію, подвозя губернатора вмѣстѣ со всѣми прочими смертными, а особо заготовлялся трактъ и затѣмъ никто не зналъ съ точностью ни дня, ни часа, когда сановникъ пожалуетъ. Поэтому истома ожиданія была продолжительна и полна особенной торжественной тревожности, на самомъ зенитѣ которой находился очередной будочникъ, обязанный наблюдать трактъ съ самой высшей въ городѣ колокольни. Онъ долженъ былъ не задремать, охраняя городъ отъ внезапнаго наѣзда; но, конечно, случалось, что онъ дремалъ и даже спалъ, и тогда въ такихъ несчастныхъ случаяхъ бывали разныя непріятности. Иногда нерадивый стражъ ударялъ въ малый колоколь, подпустивъ губернатора уже на слишкомъ близкую дистанцію, такъ что не всѣ чиновники успѣвали примундириться и выскочить, протопопъ облачиться и стать со крестомъ на сходахъ, а иногда даже городничій не успѣвалъ выѣхать, стоя въ телѣгѣ, къ заставѣ. Во избѣжаніе этого, сторожа заставляли ходить вокругъ колокольни и у каждаго пролета дѣлать поклонъ въ соотвѣтственную сторону.

Это служило сторожу развлеченіемъ, а обществу ручательствомъ, что бдящій надъ нимъ не спитъ и не дрем-

летъ. Но и эта предосторожность не всегда помогала; случалось, что сторожь обладалъ способностью альбатроса: онъ спалъ, ходя и кланяясь, а спросонья билъ ложный вполухъ, принявъ за губернатора помѣщичью карету, и тогда въ городѣ поднималось напрасное смятеніе, оканчивавшееся тѣмъ, что чиновники снова размундировались и городническая тройка откладывалась, а неосмотрительнаго стража слегка или не слегка сѣкли.

Подобныя трудности встрѣчались часто и преодолювались нелегко, и при томъ всею своею тягостью главнымъ образомъ лежали на городничемъ, который впередъ всѣхъ выносился вскачь навстрѣчу, первый принималъ на себя начальственные взоры и взрывы и, потомъ, опять, стоя же, скакалъ впереди губернаторской кареты къ собору, гдѣ у крыльца ожидалъ протопопъ во всемъ облаченіи съ крестомъ и кропиломъ въ чашѣ священной воды. Здѣсь городничій непременно собственноручно откидывалъ губернаторскую подножку и этимъ приѣмомъ, такъ сказать, собственноручно выпускалъ прибывшую высокую особу на родимую землю изъ путешественнаго ковчега. Теперь все это уже не такъ, все это попорчено и притомъ едва ли даже безъ участія самихъ губернаторовъ, въ числѣ коихъ были охотники «играть на пониженіе». Нынче они, можетъ-быть, и каются, но что уплыло, того не воротятъ: подножекъ имъ никто не откидываетъ, кромѣ лакеевъ и жандармовъ.

Но исправлявшій эту обязанность прежній городничій этимъ не стѣснялся и служилъ для всѣхъ первымъ пробнымъ камнемъ; онъ первый извѣдывалъ: лютъ или благоденствъ прибывшій губернаторъ. И, надо правду сказать, отъ городничаго многое зависѣло: онъ могъ испортить дѣло вначалѣ, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью могъ разгнѣвать губернатора и заставить его рвать и метать; а могъ также однимъ ловкимъ прыжкомъ, оборотомъ или инымъ соотвѣтственнымъ вывертомъ привести его превосходительство въ благорасположеніе.

Теперь каждый, даже не знавшій этихъ патріархальныхъ

порядковъ, читатель, можетъ судить, какъ естественна была тревога солигалической чиновной знати, которой пришлось имѣть своимъ представителемъ такого своеобразнаго, неуклюжаго и упрямаго городничаго, какъ Рыжовъ, у котораго, вдобавокъ ко всѣмъ его личнымъ неудобнымъ качествамъ, весь уборъ состоялъ въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ и кошлатой мужичьей шапкѣ.

Вотъ что первое должно было ударить прямо въ очи «надменной фигурѣ», о которой уже досужіе языки довели до Солигалича самыя страшныя вѣсти... Чего было ожидать добраго?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Александръ Аѳанасьевичъ, дѣйствительно, могъ привести кого хотите въ отчаяніе; онъ ни о чемъ не безпокоился и въ ожиданіи губернатора держалъ себя такъ, какъ будто предстоявшее страшное событіе его совсѣмъ не касалось. Онъ не сломалъ ни у одного жителя ни одного забора, ничего не перемазалъ ни мѣломъ, ни охрою и вообще не предпринималъ никакихъ средствъ не только къ украшенію города, но и къ измѣненію своего несообразнаго костюма, а продолжалъ прохаживаться въ бешметѣ. На всѣ предлагаемые ему прожекты онъ отвѣчалъ:

— Не должно вводить народъ въ убытки: развѣ губернаторъ изнуритель края? онъ пусть проѣдетъ, а заборъ пусть останется. Требованія же насчетъ мундира Рыжовъ отражалъ тѣмъ, что у него на то нѣтъ достатковъ и что, говорить, имѣю,—въ томъ и являюсь: Богу совсѣмъ нагишомъ предстану. Дѣло не въ платьѣ, а въ разсудкѣ и въ совѣсти,—по платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ.

Переупрямить Рыжова никто не надѣялся, а между тѣмъ это было очень важно не столько для упрямаца Рыжова, которому, можетъ-быть, и ничего съ его библейской точки зрѣнія, если его второе лицо въ государствѣ сгонить съ глазъ долой въ его бешметѣ; но это было важно для всѣхъ

другихъ, потому что губернаторъ, конечно, разгнѣвается, увидя такую невидаль, какъ городничій въ бешметѣ.

Дорожа первымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго гостя, солигаличскіе чины добивались только двухъ вещей: 1) чтобы былъ перекрашенъ шлагбаумъ, у котораго Александръ Аѳанасьевичъ долженъ встрѣтить губернатора, и 2) чтобы самъ Александръ Аѳанасьевичъ былъ на этотъ случай не въ полосатомъ бешметѣ, а въ приличной его званію формѣ. Но какъ этого достигнуть?

Мнѣнія были различныя и болѣе склонялись все къ тому, чтобы и шлагбаумъ перекрасить, и городничаго одѣтъ вскладчину. Въ отношеніи шлагбаума это было, конечно, удобно, но по отношенію къ обмундировкѣ Рыжова никуда не годилось.

Онъ сказалъ: «это даръ, а я даровъ не приѣмлю». Тогда восторжествовало надъ всѣми предложеніе, которое подалъ зрѣлый въ сужденіи отецъ протопопъ. Онъ не видалъ нужды ни въ какой складчинѣ ни на окраску заставы, ни на форму градоправителя, а сказалъ, что все должно лечь на того, кто всѣхъ провиннѣе, а всѣхъ провиннѣе, по его мнѣнію, былъ откупщикъ. На него все должно и пасть. Онъ одинъ обязанъ на свой собственный счетъ не по неволѣ какой, а изъ усердія, окрасить заставу, за чтѣ протопопъ обѣщаль, срѣтая губернатора, упомянуть объ этомъ въ краткомъ словѣ и, кромѣ того, помолиться о жертвователѣ въ тайноглаголемой запрестольной молитвѣ. Кромѣ того, отецъ протопопъ разсудилъ, что откупщикъ долженъ дать засѣдателю, сверхъ ординаріи, тройную порцію рому, французской водки и кизлярки, до которыхъ засѣдатель охочъ. И пусть засѣдатель за то отрапортуется больнымъ и пьетъ себѣ дома эту добавочную ординарію и на улицу не выходитъ, а свой мундиръ, одной съ полицейскимъ формы, отпустить Рыжову, — отчего сей послѣдній, вѣроятно, не найдетъ причины отказаться, и будутъ тогда и овцы цѣлы, и волки сыты.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что непремѣн-

ный засѣдатель ростомъ-дородствомъ нѣсколько походилъ на Рыжова и притомъ, женись недавно на купеческой дочери, имѣлъ мундирную пару въ полномъ порядкѣ. Слѣдовательно, оставалось только упросить его, чтобы онъ для общаго блага къ приѣзду начальства слегъ въ постель подъ видомъ тяжелой болѣзни и сдалъ свою амуницію на этотъ случай Рыжову, котораго отецъ протопопъ, надѣясь на свой духовный авторитетъ, тоже взялся убѣдить — и убѣдилъ. Не видя въ этомъ ни даровъ, ни мзды, справедливый Александръ Аѳанасьевичъ, для общаго счастія, согласился надѣть мундиръ. Произведена была примѣрка и пригонка форменной пары засѣдателя на Рыжова, и послѣ нѣкотораго выпуска со всѣхъ сторонъ всѣхъ запасовъ въ мундиръ и въ ретузахъ, дѣло было приведено къ удовлетворительному результату. Александръ Аѳанасьевичъ хотя чувствовалъ въ мундирѣ весьма стѣснительную связанность, но могъ, однако, двигаться и все-таки былъ теперь сноснымъ представителемъ власти. Небольшой же бѣлый карнизъ между мундиромъ и канифасовыми ретузами положено было закрыть соответственной же канифасовою надшивкою, которою этотъ карнизъ былъ удачно замаскированъ. Словомъ, Александръ Аѳанасьевичъ былъ снаряженъ такъ, что губернаторъ могъ повернуть его на всѣ стороны и полюбоваться имъ такъ и иначе. Но злomu року угодно было все это осмѣять и оставить Александру Аѳанасьевичу надлежащую представительность только съ одной стороны, а другую совсѣмъ испортить, и притомъ такимъ двусмысленнымъ образомъ, что могло дать поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ его и безъ того загадочнаго политическаго образа мыслей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шлагбаумъ былъ окрашенъ во всѣ цвѣта національной пестряди, состоящей изъ черныхъ и бѣлыхъ полосъ съ красными отводами, и еще не успѣлъ запылиться, какъ пронеслась вѣсть, что губернаторъ уже выѣхалъ изъ сосѣдняго

города и держать путь прямо на Солигаличъ. Тотчасъ же вездѣ были поставлены махальные солдаты, а у забора бѣдной хибары Рыжова глодала землю рѣзвая почтовая тройка съ телѣгою, въ которую Александръ Аѳанасьевичъ долженъ былъ вспрыгнуть при первомъ сигналѣ и скакать навстрѣчу «надменной фигурѣ».

Въ послѣднемъ условіи было чрезвычайно много неудобной сложности, исполнявшей все вокругъ безпокойной тревогой, которую очень не любилъ самообладающій Рыжовъ. Онъ рѣшился «быть всегда на своемъ мѣстѣ»: перевелъ тройку отъ своего забора къ заставѣ и самъ въ полномъ нарядѣ,—въ мундирѣ и бѣлыхъ рейтузахъ, съ рапортомъ за бортомъ, сѣлъ тутъ же на раскрашенную перекладину шлагбаума и водворился здѣсь, какъ столпникъ, а вокругъ него собрались любопытные, которыхъ онъ не прогонялъ, а, напротивъ, велъ съ ними бесѣду и среди этой бесѣды сподобился увидать, какъ на трактѣ за клубилось пыльное облако, изъ котораго стала вырѣзаться пара выносныхъ съ форейторомъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. Это катилъ губернаторъ.

Рыжовъ быстро спрыгнулъ въ телѣгу и хотѣлъ скакать, какъ вдругъ былъ пораженъ общимъ стономъ и вздохомъ толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штанцы!

— Что такое? переспросилъ Рыжовъ.

— Штанцы сбрось, батюшка, штанцы, отвѣчали люди. Погляди-ка, на коемъ мѣстѣ сидѣлъ, такъ къ бѣлому весь шланбовъ припечаталъ.

Рыжовъ оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ, что всѣ невысохшія полосы національныхъ цвѣтовъ шлагбаума, дѣйствительно, съ удивительною отчетливостью отпечатались на его рейтузахъ.

Онъ поморщился, но сейчасъ же вздохнулъ и сказалъ: «Сюда начальству глядѣть нечего» и пустилъ вскачь тройку навстрѣчу «надменной особѣ».

Люди только руками махнули:
— Отчаянный! что-то ему теперь будет?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Скороходы изъ этой же толпы быстро успѣли дать знать въ соборъ духовенству и набольшимъ, въ какомъ двусмысленномъ видѣ встрѣтитъ губернатора Рыжовъ,—но теперь уже всѣмъ было самому до себя.

Всѣхъ страшнѣе было протопопу, потому что чиновники притаились въ церкви, а онъ съ крестомъ въ рукахъ стоялъ на сходахъ. Его окружалъ очень небольшой причтъ, изъ коего вырѣзались двѣ фигуры: приземистый дьяконъ съ большой головой и длинноногій дьячокъ въ стихарѣ съ священной водою въ «апликовой» чашѣ, которая ходуномъ ходила въ его оробѣвшихъ рукахъ. Но вотъ трепеть страха смѣнился окаменѣніемъ: на площади показалась борзо скачущая тройкою почтовая телѣга, въ которой съ замѣчательнымъ достоинствомъ возвышалась гигантская фигура Рыжова. Онъ былъ въ шляпѣ, въ мундирѣ съ краснымъ воротомъ и въ бѣлыхъ рейтузахъ съ надшитымъ канифасовымъ гарнизомъ, — что издали рѣшительно ничего не портило. Напротивъ, онъ всѣмъ казался чѣмъ-то величественнымъ и, дѣйствительно, такимъ и долженъ былъ казаться. Твердо стоя на скачущей телѣгѣ, на облучкѣ которой подпрыгивалъ ящикъ, Александръ Аванасьевичъ не колебался ни направо, ни налево, а плылъ точно на колесницѣ какъ триумфаторъ, сложивъ на груди свои богатырскія руки и сбдавая цѣлымъ облакомъ пыли слѣдовавшую за нимъ шестерикомъ коляску и легкій тарантасикъ. Въ этомъ тарантасѣ ѣхали чиновники. Ланской помѣщался одинъ въ каретѣ и, несмотря на отличавшую его солидную важность, былъ, повидимому, сильно заинтересованъ Рыжовымъ, который летѣлъ впереди его, стоя, въ кургузомъ мундирѣ, нимало не закрывавшемъ разводы національныхъ цвѣтовъ на его бѣлыхъ рейтузахъ. Очень возможно, что значительная

доля губернаторскаго вниманія была привлечена именно этою странностію, значеніе которой не такъ легко было понять и опредѣлить.

Телѣга въ свое время своротила въ сторону и Александръ Аонасьевичъ въ свое время соскочилъ и открылъ дверцу у губернаторской кареты.

Ланской вышелъ, имѣя, какъ всегда, неизмѣнно «надменную фигуру», въ которой, впрочемъ, содержалось довольно доброе сердце. Протопопъ, осѣнивъ его крестомъ, сказала: «Благословенъ грядый во имя Господне» и затѣмъ покропилъ его легонько священной водою.

Сановникъ приложился ко кресту, отеръ батистовымъ платкомъ попавшія ему на надменное чело капли и вступилъ *первый* въ церковь. Все это происходило на самомъ виду у Александра Аонасьевича и чрезвычайно ему не понравилось,—все было «надменно». Неблагопріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что, вступивъ въ храмъ, губернаторъ не положилъ на себя креста и никому не поклонился,—ни алтарю, ни народу, и шелъ какъ шестъ, не сгибая головы, къ амвону.

Это было противъ всѣхъ правилъ Рыжова по отношенію къ богопочитанію и къ обязанностямъ высшаго быть примѣромъ для низшихъ,—и благочестивый духъ его всколебался и поднялся на высоту невѣроятную.

Рыжовъ все шелъ слѣдомъ за губернаторомъ и, по мѣрѣ того, какъ Ланской приближался къ солеѣ, Рыжовъ все больше и больше сокращалъ разстояніе между нимъ и собою, и вдругъ неожиданно схватилъ его за руку и громко произнесъ:

— Рабъ божій Сергій! входи во храмъ Господень не надменно, а смиренно, представляя себя самымъ большимъ грѣшникомъ—вотъ какъ!

Съ этимъ онъ положилъ губернатору руку на спину и, степенно нагнувъ его въ полный поклонъ, снова отпустилъ и сталъ на вытяжку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Очевидецъ, передававшій эту анекдотическую исторію о солигаличскомъ антикѣ, ничего не говорилъ: какъ принялъ это бывшій въ храмѣ народъ и начальство. Извѣстно только, что никто не имѣлъ отваги, чтобы заступиться за нагнутаго губернатора и остановить безтрепетную руку Рыжова, но о Ланскомъ сообщаютъ нѣчто подробнѣе: Сергій Степановичъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ продолженію беспорядка, а, напротивъ, «смѣнилъ свою горделивую надменность умнымъ самообладаніемъ». Онъ не оборвалъ Александра Аванасьевича, и даже не сказалъ ему ни слова, но перекрестился и, оборотясь, поклонился всему народу, а затѣмъ скоро вышелъ и отправился на приготовленную ему квартиру.

Здѣсь Ланской принялъ чиновниковъ—коронныхъ и выборныхъ. и тѣхъ изъ нихъ, которые ему показались достойными большаго довѣрія, разспросилъ о Рыжовѣ: что это за человѣкъ и какимъ образомъ онъ терпится въ обществѣ.

— Это нашъ квартальный Рыжовъ, отвѣчалъ ему голова.

— Что же онъ... вѣроятно, въ помѣшательствѣ?

— Никакъ нѣтъ: просто всегда *такой*.

— Такъ зачѣмъ же держать *такого* на службѣ?

— Онъ по службѣ хорошъ.

— Дерзокъ.

— Самый смирный: на шею ему старшій сядь, — разсудить: «поэтому везть надо» — и повезеть, но только онъ много въ Библии начитавшись и черезъ то разстроень.

— Вы говорите несообразное: Библия книга божественная.

— Это точно такъ, только ее не всякому честь пристойно: въ иночествѣ отъ нея страсть мечется, а у мірскихъ людей умъ мѣшается.

— Какіе пустяки! — возразилъ Ланской и продолжалъ разспрашивать:

— А какъ онъ насчетъ взятокъ: умѣренъ ли?

— Помилуйте, говоритъ голова: онъ совсѣмъ ничего не беретъ...

Губернаторъ еще больше не повѣрилъ.

— Этому, говоритъ, я уже ни за что не повѣрю.

— Нѣтъ; дѣйствительно, не беретъ.

— А какъ же, говоритъ, онъ какими средствами живетъ?

— Живетъ на жалованье.

— Вы вздоръ мнѣ рассказываете: такого человѣка во всей Россіи нѣтъ.

— Точно, отвѣчаетъ, нѣтъ; но у насъ такой объявился.

— А сколько ему жалованья положено?

— Въ мѣсяць десять рублей.

— Вѣдь на это, говоритъ, овцу прокормить нельзя.

— Дѣйствительно, говоритъ, мудро жить—только онъ живетъ.

— Отчего же такъ всѣмъ нельзя, а онъ обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо,—«Библии начитался», а что же онъ ѣстъ?

— Хлѣбъ да воду.

И тутъ голова и рассказалъ о Рыжовѣ, каковъ онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Такъ это совсѣмъ удивительный человѣкъ! — воскликнулъ Ланской и велѣлъ позвать къ себѣ Рыжова.

Александръ Аванасьевичъ явился и сталъ у притолки, иже по подчиненію.

— Откуда вы родомъ?—спросилъ его Ланской.

— Здѣсь, на Нижней улицѣ родился, отвѣчалъ Рыжовъ.

— А гдѣ воспитывались?

— Не имѣлъ воспитанія... у матери росъ, а матушка шроги пекла.

— Учились гдѣ-нибудь?

— У дьячка.

— Исповѣданія какого?

— Христіанинъ.

— У васъ очень странные поступки.

— Не замѣчаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно.

Ланской подумаль, что это вызывающій, дерзкій намекъ и, строго взглянувъ на Рыжова, рѣзко спросилъ:

— Не держитесь ли вы какой-нибудь секты?

— Здѣсь нѣтъ секты: я въ соборъ хожу.

— Исповѣдуетесь?

— Богу при протопопѣ каюсь.

— Семья у васъ есть?

— Есть жена съ сыномъ.

— Жалованье малое получаете?

Никогда не смѣявшійся Рыжовъ улыбнулся.

— Беру, говоритъ, въ мѣсяць десять рублей, а не знаю: какъ это,—много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукаваго раба это мало.

— А для вѣрнаго?

— Достаточно.

— Вы, говорятъ, никакими статьями не пользуетесь?

Рыжовъ посмотрѣлъ и промолчалъ.

— Скажите по совѣсти: быть ли это можетъ такъ?

— А отчего же не можетъ быть?

— Очень малыя средства.

— Если имѣть великое обузданіе, то и съ малыми средствами обойтись можно.

— Но зачѣмъ вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станетъ?

— Кто-нибудь другой.

— Развѣ онъ лучше меня справить?

Теперь Ланской улыбнулся: квартальный совѣмъ заинтересовалъ его нечуждую теплоты душу.

— Послушайте, сказалъ онъ: вы чудакъ; я васъ прошу сѣсть.

Рыжовъ сѣлъ vis-à-vis съ «надменнымъ».

— Вы, говорятъ, знатокъ Библии?

— Читаю, сколько время позволяетъ, и вамъ совѣтую.

— Хорошо; но... могу ли я васъ увѣрить, что вы можете со мною говорить совсѣмъ откровенно и по справедливости.

— Ложь заповѣдью запрещена,—я лгать не стану.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю.

— За что?

— Лѣнны, алчны и предъ престоломъ криводушны, отвѣчалъ Рыжовъ.

— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчествуете?

— Нѣтъ; а по Библии вывожу, что ясно слѣдуетъ.

— Можете ли вы мнѣ показать хоть одинъ вашъ выводъ?

Рыжовъ отвѣчалъ, что можетъ, — и сейчасъ же принесъ цѣлый обертокъ бумаги съ надписью «Однодумъ».

— Что тутъ есть пророчественнаго о прошломъ и сбышемся?—спросилъ Ланской.

Квартальный перемахнулъ знакомыя страницы и прочиталъ: «Государыня въ перепискѣ съ Вольтеромъ назвала его вторымъ Златоустомъ. За сіе несообразное сравненіе жизнь нашей монархини не будетъ имѣть спокойнаго конца».

На отлинеенномъ полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «исполнилось при огорчительномъ сватовствѣ Павла Петровича».

— Покажите еще что-нибудь.

Рыжовъ опять заметалъ страницы и указалъ новое мѣсто, которое все заключалось въ слѣдующемъ: «Изданъ указъ о попенномъ сборѣ. Отнынѣ хладъ бѣдныхъ хижинъ усилится. Надо ожидать особеннаго наказанія». И на полѣ опять отмѣтка: «Исполнилось,—зри страницу такую-то», а на той страницѣ запись о кончинѣ юной дочери императора Александра Перваго съ отмѣткою: «сіе послѣдовало за назначеніе налога на лѣсъ».

— Но позвольте, однако, спросилъ Ланской: вѣдь лѣса составляютъ собственность?

— Да; а грѣтъ воздухъ въ жильѣ составляетъ потребность.

— Вы противъ собственности?

— Нѣтъ; я только, чтобы всѣмъ тепло было въ стужу. Не надо давать лѣсовъ тѣмъ, кому и безъ того тепло.

— А какъ вы судите о податяхъ: слѣдуетъ ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платилъ казнѣ за бѣднаго.

— Гм, гм! вы ни откуда это ученіе не почерпаете?

— Изъ священнаго писанія и моей совѣсти.

— Не руководятъ ли васъ къ сему иные источники новаго времени?

— Всѣ другіе источники не чисты и полны суетудрія.

— Теперь скажите впослѣднее: какъ вы не боитесь ни того, что пишете, ни того, что со мною въ церкви сдѣлали?

— Что пишу, то про себя пишу, а что въ храмѣ сдѣлалъ, то долженъ былъ учинить, цареву власть оберегаячи.

— Почему цареву?

— Дабы видѣли всѣ его слугъ къ вѣрѣ народной почтительными.

— Но вѣдь я могъ съ вами обойтись совсѣмъ не такъ, какъ обхожусь.

Рыжовъ посмотрѣлъ на него «съ сожалѣніемъ» и отвѣчалъ:

— А какое же зло можно сдѣлать тому, кто на десять рублей въ мѣсяцъ умѣетъ съ семьей жить?

— Я могъ велѣть васъ арестовать.

— Въ острогъ сытѣй ѣдятъ.

— Васъ сослали бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, гдѣ бы мнѣ было хуже и гдѣ бы Богъ мой оставилъ меня? Онъ вездѣ со мною, а кромѣ Его никого не страшно.

Надменная шея склонилась и лѣвая рука Ланского простерлась къ Рыжову.

— Характеръ вашъ почтенецъ, сказалъ онъ и велѣлъ ему выйти.

Но, повидимому, онъ еще не совсѣмъ довѣрялъ этому библейскому социалисту и спросилъ о немъ лично самъ нѣсколько простолюдиновъ.

Тѣ, покрутя рукой въ воздухѣ, въ одно слово отвѣчали:
— Онъ у насъ такой-нѣкій-этакой.

Болѣе положительнаго изъ нихъ о немъ никто не зналъ.

Прощаясь, Ланской сказалъ Рыжову:

— Я о васъ не забуду и совѣтъ вашъ исполню,—прочту Библию.

— Да только этого мало, а вы и на десять рублей въ мѣсяцъ жить поучитесь, добавилъ Рыжовъ.

Но этого совѣта Ланской уже не обѣщаль исполнить, а только засмѣялся, опять подалъ ему руку и сказалъ:

— Чудакъ, чудакъ!

Сергѣй Степановичъ уѣхаль, а Рыжовъ унесъ къ себѣ домой своего «Однодума» и продолжалъ писать въ немъ, что изливали его наблюдательность и пророческое вдохновеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Со времени проѣзда Ланского прошло довольно времени и событія, сопровождавшія этотъ проѣздъ черезъ Солигаличъ, уже значительно позабылись и затерлись ежедневною сутолкою, какъ вдругъ, нежданно-негаданно, на дивное-диво не только Солигаличу, а всей просвѣщенной Россіи, въ обривизованный городъ пришло извѣстіе совершенно невѣроятное и даже въ стройномъ порядкѣ правленія невозможное: квартальному Рыжову былъ присланъ дарующій дворянство владимірскій крестъ, — первый владимірскій крестъ, пожалованный квартальному.

Самый орденъ пріѣхаль вмѣстѣ съ предписаніемъ возложить его и носить по установленію. И крестъ, и грамота были вручены Александру Аѳанасьевичу съ объявленіемъ, что удостоенъ онъ сея чести и сего пожалованія по представленію Сергѣя Степановича Ланского.

Рыжовъ принялъ орденъ, посмотрѣлъ на него и проговорилъ вслухъ:

— Чудакъ, чудакъ! А въ «Однодумѣ» противъ имени Ланскаго отмѣтилъ: «быть ему графомъ», — что, какъ извѣстно, и исполнилось. Носить же ордена Рыжову было *не на чемъ*.

Кавалеръ Рыжовъ жилъ почти девяносто лѣтъ, аккуратно и своеобразно отмѣчая все въ своемъ «Однодумѣ», который, вѣроятно, издержанъ при какой-нибудь уѣздной реставраціи на оклейку стѣнъ. Умеръ онъ, исполнивъ всѣ христіанскія требы по установленію православной церкви, хотя православіе его, по общимъ замѣчаніямъ, было «сомнительно». Рыжовъ и въ вѣрѣ былъ человѣкъ такой-нѣкій-этакой, но при всемъ томъ, мнѣ кажется, въ немъ можно видѣть кое-что кромѣ «одной дряни», — чѣмъ и да будетъ онъ помянутъ въ самомъ началѣ розыска о «трехъ праведникахъ».

ПИГМЕЙ.

Разскажу вамъ одно истинное событіе, о которомъ недавно вспомнили въ одномъ скромномъ кружкѣ, по поводу замѣчаемаго нынче чрезмѣрнаго усиленія въ нашемъ обществѣ холоднаго и безстрастнаго эгоизма и безучастія. Нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ казалось, что будто прежде такъ не было, — имъ сдавалось, будто еще и въ недавнее время сердца были немножко потеплѣе и души поучастливѣе, и одинъ изъ собесѣдниковъ, мой землякъ, пожилой и весьма почтенный человѣкъ, сказалъ намъ:

— Да вотъ какъ, господа: я сейчасъ еще знаю у насъ въ губерніи одного старичка, самаго мелкопомѣстнаго дворянина, настоящаго пигмея, который никогда въ жизни не игралъ никакой значительной роли, а между тѣмъ онъ, живучи здѣсь въ Петербургѣ, по одному благородному побужденію, сдѣлалъ разъ такое дѣло, что этому даже, пожалуй, и повѣрить трудно. И если я вамъ это разскажу, такъ вы увидите, что можетъ сдѣлать для ближняго самый маленькій человѣкъ, когда онъ серьезно *захочетъ* помочь ему;—наше нынѣшнее горе въ томъ, что никто ничего не хочетъ сдѣлать для человѣка, если не чаесть отъ этого себѣ выгоды.

И разсказчикъ сообщилъ намъ слѣдующее:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкопомѣстный дворянинъ, о которомъ я говорю, назывался С***, онъ еще здравствуетъ и доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ маленькомъ хуторочкѣ въ К. уѣздѣ. Прежде чѣмъ состарѣться, онъ служилъ здѣсь въ Петербургѣ въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи и на самомъ ничтожномъ мѣстѣ: на обязанности его лежало распорядиться исполненіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ то сравнительно весьма недавнее время у насъ на святой Руси людей непривилегированнаго класса сѣкли плетями и клеймили. За свою долговременную службу нынѣшній старичокъ С., разумѣется, «привелъ въ исполненіе» этихъ наказаній такое безчисленное множество, что совершенно привыкъ къ такому непріятному занятію и распорядился этимъ холодно и безтрепетно, какъ самымъ обыкновеннымъ служебнымъ дѣломъ. Но вотъ разъ съ нимъ случилось такое событіе, что онъ самъ себя измѣнилъ и, по собственнымъ его словамъ, «вмѣсто того, чтобы благоразумно долгъ свой исполнить—надѣлалъ глупостей».

Событіе это произошло въ 1853 г., когда русскія отношенія къ Франціи были очень натянуты, и въ столицѣ сильно уже поговаривали о возможности рѣшительнаго разрыва. Въ это время разъ чиновнику С. передаютъ «для исполненія» бумагу о наказаніи плетями, черезъ палача, молодого француза Н, осужденнаго къ этому за самый гадкій поступокъ надъ малолѣтней дѣвочкой. Я не назову вамъ этого француза, потому что онъ живъ и довольно извѣстенъ; а какъ его имя берегла отъ оглашенія скромность «шигмея», то и я не великанъ, чтобы его выдать.

— Прочелъ, говоритъ С., я эту бумагу, помѣтилъ, и что же еще тутъ долго думать: отшлепаемъ молодца яко старца, да и дѣло съ концомъ: и я далъ въ порядкѣ приказъ подрядчику, чтобы завтра эшафотъ на площади сладить, а самъ велѣлъ привести арестанта, чтобы посмотреть на него: здо-

ровъ ли онъ и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедурѣ.

Приводятъ челоуѣка такого тщедушнаго, дохлаго; блѣдный, плачетъ, дрожить и руки ломаетъ, а самъ все жалостно лепечеть.

— Ахъ ты, думаю, Господи Боже мой: надо же было ему, такому французскому поганцу, сюда заѣхать и такое пакостное дѣло здѣсь учинить, чтобы мы его тутъ на свой фасонъ какъ сидорову козу лупили.

И вдругъ жаль мнѣ его стало.

— Что, говорю, ты это себѣ надѣлалъ! Какъ ты дерзнулъ на бѣдное дитя покушаться...

А онъ падаетъ въ ноги, ручки въ кандалахъ къ небу поднимаетъ, гремитъ цѣпями и плачетъ.

— Мусье, мусье! Небо видитъ...

— Что, говорю: «Небо»! нечего теперь, братецъ, землю обезчестивши, на небо топыриться,—готовься: завтра экзекуція,—что заслужилъ, то и примешь.

— Я, говоритъ, занапрасно (онъ, три года въ острогѣ сидя, таки подбучился немножко по-русски).

— Ну, уже это, говорю, монъ ами, врешь,—занапрасно бы у насъ тебя не присудили: судъ знаетъ, за что карать.

— Ей Богу, говоритъ, занапрасно... вотъ Богъ, Дье, Дье меня убей.. и тому подобное, и такъ горько, такъ горько бѣдный плачетъ, что всего меня встревожилъ. Много я въ своей жизни всякихъ слезъ передъ казнью видѣлъ, но, а этакихъ жаркихъ, горячихъ да дробныхъ слезъ, право, не видалъ. Такъ вотъ и видно, что ихъ напраслина жметъ...

— Ну, а мнѣ то, скажите,—что же я, пигмей, могу ему сдѣлать?—мое дѣло одно, что надо его отпороть, заклеить, да сослать «во исполненіе рѣшенія», вотъ и все, и толковать тутъ не о чемъ. И я кивнулъ часовымъ, чтобы взяли его, потому что для чего же мнѣ его держать,—и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

— Ведите, говорю, его назадъ въ тюрьму.

Но онъ, какъ услыхалъ это, такъ обхватилъ мою ногу руками и замеръ: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапогъ мою ногу жжетъ.

— Тыфу, провались ты совсѣмъ, думаю, вотъ на горе свое я съ нимъ разговорился: и никакъ его съ ноги стряхнуть не могу; а самому мнѣ въ ухо вдругъ что-то шептать начало: «разспроси его, разспроси, послушай, да заступись».

— Ну, чего тутъ, помилуйте, заступаться мнѣ, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дѣло уголовнымъ судомъ рѣшено и уже и подрядчику, и смотрителю насчетъ палача приказъ данъ. Какія тутъ заступничества? А оно, это что-то незримое, знай все свое въ ухо шепчетъ: «разспроси, заступись».

Я и соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а разспросить, пожалуй, разспрошу.

— Валяй, говорю, рассказывай по всей истинѣ, какъ дѣло было! Да только смотри—не ври.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ мнѣ, сколько ему позволяли слезы и рыданія, рассказалъ, что жилъ онъ на Морской у парикмахера; туда ходила къ нимъ, къ стригачамъ, отъ прачки дѣвочка, двѣнадцати—не то тринадцати лѣтъ,—очень хорошенькая. И говоритъ, что она не то на его сестренку или, какъ тамъ ко ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а онъ, это, знаете, какъ французъ... ну, разумѣется, со вкусомъ тоже и фантазіей: нравится ему дитя,—онъ ей нынче бантикъ, завтра апельсинчикъ, послѣ рубль, или полтинничекъ, бомбошки—все баловалъ ее. Говоритъ, безъ всякой будто цѣли; а мать-то ея пройдоха была: зазвала его къ себѣ да съ дѣвчонкою ихъ и заперла, а дѣвчонку научила ему рожу распаранать, да кричать, будто ее страшно обидѣть хотѣлъ. Сбѣжался народъ, актъ составили, въ тюрьму,—въ тюрьмѣ три года продержали и къ плетямъ, да къ ссылкѣ присудили.

Выслушалъ я все это и все мнѣ показалось это такъ, какъ онъ разсказалъ, и обратилъ я вниманіе на его рубецъ, что эта дѣвочка ему на носу сдѣлала: глубокій рубецъ,—зажилъ, но поблѣлый шрамъ такъ и остался. Престранный шрамъ: точно нарочно рассчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. По большой части это никогда такъ не бываетъ: по большой части женщина въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаетъ,—потому она, когда ее одолеваетъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ; а это какъ-то по кошачьи, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено...

Думаю: чего добраго, Богъ знаетъ, вѣдь есть такія проходимки; въ полиціи какъ послужишь, такъ вѣдь на какихъ негодяевъ не насмотришься, и говорю ему,—это вамъ даже смѣшно должно показаться,—говорю:

— Ну, хорошо, мусье: если все это такъ, какъ ты мнѣ сказалъ,—то, можетъ быть, Богъ напраслины не допустить:—молись и надѣйся.

Онъ руки у меня разцѣловалъ и забрякалъ цѣпями, пошелъ, а я остался на своемъ мѣстѣ и думаю себѣ: вотъ и два дурака вмѣстѣ собрались. Первый онъ, что меня за пророка почелъ, а другой я, что ему напрасную надежду подаль.

А во лбу такъ таки вотъ и стоять, что это напраслина и ужасная напраслина, и между тѣмъ вотъ мы завтра его бить будемъ и это его щуплое французское тѣлице будетъ на деревянной кобылѣ ежится, кровью обливаться и будетъ онъ визжать, какъ живой поросенокъ на вертелѣ... Ахъ, ты, лихо бы тебя било, да не я бы на это смотрѣлъ! Не могу; просто такъ за него растревожился, что не могу самой пустой бумажонки на столѣ распредѣлить.

Подозвалъ младшаго чиновника и говорю:

— Сдѣлайте тутъ, что нужно, а у меня очень голова разболѣлась,—я домой пойду.

Пришелъ домой, ходилъ-ходилъ, ругался-ругался со всѣми, и съ женою, и съ прислугою—не могу успокоиться

да и баста! Стоптъ у меня французъ передъ глазами и никакъ его не выпихнешь.

Жена уговариваетъ, «что ты, да что съ тобою»?—потому что я никогда такой не былъ, а я еще хуже томлюсь.

Подали обѣдать; я сѣлъ, но сейчасъ же опять вскочилъ, не могу да и только. Жаль француза, да и конецъ.

Не выдержалъ и, чтобы не видали домашніе какъ я мучусь, схватилъ шляпу и побѣжалъ изъ дома, и вотъ съ этихъ-то поръ я уже словно не самъ собою управлялъ, а начало мною орудовать какое-то вдохновеніе: *я задумалъ измѣну.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышелъ я и прямо къ приставу, у котораго это происшествіе было; спрашиваю: какъ это все тогда, три года назадъ, происходило и что за баба мать этой дѣвочки.

Приставъ говоритъ:

— Чортъ ихъ знаетъ,—это дѣло еще не при мнѣ было, а баба, мать этой дѣвочки—большая негодяйка и она, говорить, съ своею дочкою еще послѣ того не разъ этакую же исторію подводила. А впрочемъ, говорить, кто ихъ разбереть: кто правъ, кто виноватъ.

Ну, довольно, думаю, съ меня: мы съ тобою, братъ, этого не разберемъ, а Богъ разберетъ, да съ этимъ прямо въ Коюшенную, на каретную биржу: договорилъ себѣ карету глубокую, четверомѣстную, въ какихъ больныхъ возять, и велѣлъ какъ можно скорѣе гнать въ Измайловскій полкъ, къ одному пріятелю, который былъ семейный и при дѣтяхъ держалъ гувернера француза. Этотъ французъ давно въ Россіи жилъ и по русски понималъ все, какъ надо.

Прикатилъ я къ пріятелю и говорю:

— Дай, говорю, голубчикъ, мнѣ на поддержаніе своего французинку, что у тебя служитъ: онъ мнѣ нуженъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваетъ.

— Такъ, говорю, нуженъ онъ мнѣ,—на самое короткое время,—всего часа на два.

И говорю это, знаете, такъ, что пріятель мой легко могъ замѣтить, что я не спокоенъ, потому что задыхаюсь, тороплюсь и волнуюсь, и чѣмъ это больше скрыть хочу, тѣмъ больше себя, къ досадѣ своей, высказываю и ввожу его насчетъ себя въ сомнѣніе, а тѣмъ у него, разумѣется, еще больше вопросы вызываю: «что ты, да на что тебѣ?»

Насилу нашелся увернуться отъ его долгихъ разспросовъ, сказавши, что будто бы встревоженъ оттого, что получилъ извѣстіе о болѣзни брата, и не могу удержаться, хочу съѣздить къ французенкѣ гадалкѣ на ленорманскихъ картахъ погадать: выздоровѣетъ ли мой братъ или умретъ? Ну, а какъ самъ я по французски не маракую, то... и прочее, и прочее, и прочее.

Не знаю: повѣрилъ ли мнѣ пріятель или не повѣрилъ, но только разспрашивать больше не сталъ и француза мнѣ отпустилъ; а я, взявши того, сейчасъ же опять съ нимъ въ карету и говорю.

— Ну, слушай, мусье: знаешь ли ты, по какому дѣлу я тебя взялъ?

А тотъ, смотрю, глядитъ на меня и блѣднѣетъ, потому, знаете: наша полицейская служба къ намъ вольнолюбивыхъ людей не располагаетъ. Особенно въ тогдашнее время, для француза я могъ быть очень неприятенъ, такъ какъ, напоминая вамъ, тогда наши русскія отношенія съ Франціею сильно уже портились и у насъ по полиціи часто секретныя распоряженія были за разными людьми ихъ націи по-строже присматривать.

— Что ты это, кажется, говорю, сробѣлъ?

А уже его и лихорадка колотить.

— Помилуйте, отвѣчаетъ, я ни въ чемъ не виноватъ!

— Да, дуй тебя горою: кто тебѣ говоритъ, что ты въ чемънибудь виноватъ! Тутъ я, братецъ, во всемъ виноватъ, потому что я *измѣнникъ*: я въ такое время вмѣшиваюсь въ дѣло, куда мнѣ совсѣмъ и носа совать не слѣдуетъ; ну, да некуда податься, видно Богу такъ угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себѣ, я, дѣйстви-

тельно, въ то время такъ чувствовалъ, что *это Богу угодно* совершить то, что я дѣлаю. Разумѣется, самомнѣніе.

— Слушай же, говорю, такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло: вотъ что съ однимъ твоимъ компатріотомъ случилось и что ему завтра неотразимо угрожаетъ—плети, а я его отъ этого намѣрень избавить.

Спутникъ мой и ротъ разинулъ: онъ хоть и иностранецъ былъ, но давно, какъ я вамъ сказалъ, у насъ въ Россіи живши, имѣлъ о нашихъ порядкахъ понятіе и потому, конечно, могъ развѣ за съумасшествіе принять, что маленький полицейскій исполнительный чиновникъ вызывается отмѣнить судебное уголовное рѣшеніе, утвержденное высшею властью. Но я ему говорю:

— Я тебя прошу, любезный другъ, на меня открытымъ ртомъ не зѣвать и не ахать, а послужить Богу въ этомъ дѣлѣ, для чего я тебя и взялъ: знаешь ли ты, куда я тебя теперь везу?

— Не знаю, говорить.

— Ну, такъ вотъ знай, вотъ сейчасъ мы остановимся у вашего посольства; мнѣ туда заходить никакъ нельзя, потому что я полицейскій чиновникъ и намъ закономъ запрещено въ посольскіе дома вступать, а ты войди, и какъ ваши послы столь просты, что своихъ соотечественниковъ во всякое время принимаютъ, то добейся, чтобы тебя герцогъ сейчасъ принялъ *), и все ему расскажи. А я, тѣмъ временемъ, здѣсь въ каретѣ сидѣть буду—тебя дожидаться, и если посольскій скажетъ, чтобы меня позвать, ну, ты тогда пришли за мной, и я явлюсь, и все подтверждаю; но, можетъ быть, онъ и такъ повѣритъ и самъ узнаетъ, что ему надо сдѣлать.

Подѣхали мы къ посольскому дому, остановились; французъ мой вылѣзъ и за зеркальныя двери въ подъѣздъ

*) Въ Петербургѣ въ это время французскимъ посломъ и полномочнымъ министромъ находился, кажется, *герцогъ де-Гишъ*, который заступилъ съ 10-го (22-го) августа 1853 г. барона Бюринь де-Варень, бывшаго повѣреннаго по дѣламъ.

ушелъ, а я велѣлъ извозчику подальше немножко отъѣхать и забился въ уголокъ кареты — и жду. И тутъ вдругъ я сообразилъ всю свою измѣну и меня начала лихорадка бить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вдругъ, знаете, сразу мнѣ все ясно представилось: за какое я непосильное дѣло взялся, и это... полицейскій-то я чиновникъ, и какъ будто на свое правительство... жалуюсь... да еще иностранному послу, да еще французскому, и въ такое политическое время... Эхъ, скверно! измѣнникъ я, чистый измѣнникъ! И что больше думаю, то все хуже выходитъ... Эхъ, какъ скверно! А французика моего все нѣтъ, какъ нѣтъ, изъ-за этихъ зеркальныхъ дверей, а мнѣ видно, какъ по той сторонѣ улицы, по противоположному тротуару, все квартальный ходитъ... Думаю себѣ: недаромъ же онъ тутъ прогуливается... И, вѣдь поди, на мой грѣхъ, можетъ быть, еще этакій... изъ внимательныхъ, орденокъ, гляди, хочеть выслужить и стоять, теперь, пожалуй, да соображаетъ, что, молъ, это за карета къ посольскому дому подъѣхала? нѣтъ ли тутъ чего? да возьметъ, воръ, и заглянетъ въ окно; а я вотъ тутъ и есть! Узнаетъ, бездѣльникъ, потому что меня по полициіи всѣ знали, и скажетъ: «А-а, милостивый государь, такъ вы измѣнять!» да сейчасъ донесетъ по начальству; и поминай какъ звали... И дома не побываешь, а прямо черезъ Троицкій мостъ, да въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ для насъ, измѣнниковъ, обители многи суть... Страхъ такой обнялъ, что лежу въ углу кареты, какъ мокрый песь колечкомъ свернувшись, а самъ такъ же, какъ песь на холоду, и дрожу, и уже ругательски себя ругаю, что заварилъ этакую крутую кашу... И все, знаете, однимъ глазкомъ поглядываю изъ окошечка на квартального, который насупротивъ гуляетъ, а самъ все книзу, да книзу съ сидѣнья на полъ кареты спускаюсь, и норовлю, чтобы пятками дверцу оттолкнуть, да по низку

стрекача дать, благо — я тутъ вблизи пролетный дворъ зналъ — и искать бы меня негдѣ было.

Такъ я и устроилъ: въ каретѣ на сидѣньи положилъ два цѣлковыхъ, что за экипажъ слѣдовало, а самъ открылъ дверцу — и только задомъ-то выползъ и ступилъ на мостовую, какъ вдругъ слышу: «б-гись!» и мимо самой моей спины пролетѣла пара вороныхъ лошадей въ коляскѣ и прямо къ подъѣзду, и я вижу французскій посоль въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ скоро сѣлъ и поскакалъ, а возлѣ меня какъ изъ земли выросъ этотъ мой посоль-французъ, тоже очень взволнованъ, и говорить:

— Зачѣмъ, говорить, вы вылѣзли?

А я отъ нечистой совѣсти такъ перепугался, что одурѣлъ, и давай врать:

— Что такое, говорю, вамъ нужно? Я васъ вовсе не знаю и ни откуда я не вылѣзалъ.

— А видѣли вы?

— Да что такое, говорю, видѣть? — отстаньте вы отъ меня: ничего я не видалъ.

— Герцогъ-то нашъ, говорить, уже поѣхалъ.

— Да какое мнѣ дѣло до вашего герцога... что вы ко мнѣ приклеились?

— Какъ, говорить, какое дѣло: да вы знаете ли, куда онъ отправился?

— Ничего, ровно ничего я не знаю, и знать мнѣ не-зачѣмъ, а вы если отъ меня не уйдете, такъ я сейчасъ полицейскаго кликну.

Онъ смотритъ на меня, что я такъ страненъ, должно-быть, ему въ своихъ рѣчахъ показался и шепчетъ:

— Герцогъ въ Зимній дворецъ поѣхалъ.

— Да отойдите же, говорю, вы отъ меня: я вамъ ска-залъ, что я ничего не знаю; и съ этимъ отпихнулъ его, да скорѣе черезъ знакомый пролетный дворъ, да домой къ птенцамъ, чтобы, пока еще время есть, хотя разъ ихъ къ своему сердцу прижать. И не успѣлъ этимъ распорядиться,

какъ вдругъ нарочный, съ запиской отъ генерала, чтобы завтра наказаніе такого-то француза отмѣнить.

Батюшки мои, думаю, какъ заиграло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я только языкъ прикусилъ, да поскорѣ написалъ всѣмъ кому надо отмѣну церемоніи и всю ночь потомъ не ложился, а все ходилъ въ такомъ въ самомъ странномъ какомъ-то состояніи. Еще самъ себѣ не отдавалъ отчета: какъ это я сдѣлалъ и что изъ этого дальше выйдетъ? А и страшно, и словно благодать какая въ душѣ. Думаю, конечно, и о томъ: не попадусь ли я тутъ самъ какимъ-нибудь манеромъ и чего буду за мою измѣну удостоенъ, но и за бѣднягу французишку нарадоваться не могу. И только насилу передъ самымъ утромъ, съ этими нелегкими мыслями, у себя въ кабинетѣ въ креслѣ задремалъ, какъ вдругъ слышу въ передней возлѣ двери шумъ и пререканіе, жена кого-то упрасиваетъ повременить, говорить, что я только сейчасъ заснулъ; а тотъ, чужой голосъ, настаиваетъ, чтобы тотчасъ разбудить и точно какъ будто имя государя мнѣ послышалось. Сейчасъ мнѣ припомнилась моя измѣна и сразу вся моя дрема прошла.

Бросился я, какъ былъ, въ халатѣ къ двери, смотрю — курьеръ стоитъ съ такою солидною рожею, какихъ нарочно по осторожнымъ дѣламъ посылаютъ, и подаетъ мнѣ молча пакетъ.

Я, знаете, и пакетъ беру, и руки-то ходенемъ ходятъ, насилу разломилъ печать и вижу бѣлый листъ, а на немъ посрединѣ всего одно слово выведено «*благодарю*», а въ срединѣ деньги... Сосчиталъ—какъ разъ полторы тысячи рублей денегъ.

Вѣдь не поймешь этого ничего какъ-то въ первую минуту: что это и отъ кого, и потому не знаешь къ кому въ такомъ затрудненіи готовъ за объясненіями обратиться. Такъ и я курьера-то этого хочу спросить, а его уже слѣдъ про-

стыль... Ну тутъ я на пакетъ-то этотъ глянулъ, чьей рукою имя-то мое написано и «благодарю-то» это священное для меня выведено и вспомнилъ, чей это почеркъ... да ужъ зато тутъ - то уже я себѣ и далъ волю: то есть, этакъ, я вамъ говорю, я дурачки ревлѣлъ, этакъ я сладко вырыдался, что мое вамъ почтеніе... Два раза во всю мою жизнь потомъ только этакъ и плакалъ: во второй это было, какъ императоръ Николай Павловичъ умеръ, и я ему къ его гробу ночью *свое* «благодарю» ходилъ сказывать за то, про что мы *съ нимъ двое* только изъ всѣхъ русскихъ знали: онъ, мой царь, да я,—его измѣнникъ. И еще послѣ я въ третій разъ такъ же плакалъ, по иному случаю, изъ этой же, впрочемъ, исторіи вытекшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Этого французика мы такъ совсѣмъ плетями и не сѣкли, а велѣно было его просто выслать вонъ изъ Россіи съ подпискою, чтобы никогда въ предѣлы оной возвращаться не смѣлъ. Ну, да гдѣ уже ему, дураку, было желать сюда возвращаться, да и незачѣмъ:—онъ дивнымъ образомъ очень богатъ сдѣлался въ Парижѣ. А я эти полторы тысячи-то, которыя мнѣ какъ съ неба упали, припряталъ себѣ на лѣченіе и изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ къ отставкѣ моей изъ полторы двѣ или даже немножко болѣе стало, я и поѣхалъ въ Виши водами отъ своего сидѣнья полѣчиться... Наполеонъ тамъ еще императорствовалъ, ну, и все это еще у нихъ тогда по старому было; а на обратномъ пути, облегчаясь, я въ Парижъ завернулъ: посмотрѣть тамъ, что поинтереснѣе, да домой своимъ дамкамъ, знаете, какой нибудь галантерейщинки и парфюмеріи прихватить. У насъ, я слыхалъ, въ Петербургѣ все Пино, парижскаго парфюмера, предпочитаютъ, и говорю своему проводнику:

— Сведите-ка меня, батюшка, къ Пино, душковъ да помадки у него какія получше набрать.

А преводникъ мнѣ возражаетъ.

— Зачѣмъ же, говорить, вамъ къ Пино ѣхать?

— Да вѣдь онъ, говорю, самый лучший.

— Помилуйте, отвѣчаетъ, это Богъ знаетъ, какъ давно было, что онъ лучшимъ считался, а теперь не Пино, а другой парфюмеръ здѣсь всѣхъ лучше, и назвалъ мнѣ, знаете, фамилію, которая такъ меня сразу чѣмъ-то знакомымъ по уху и щелкнула.

— Какъ, говорю, вы его называете?

Тотъ повторилъ.

— Ахъ, батюшки мои, вспомнилъ я себѣ: да вѣдь это чуть ли и мой давнишній крестникъ тоже такъ назывался! и спрашиваю:

— Не былъ ли этотъ вашъ знаменитый парфюмеръ когда нибудь въ Россіи!

— Какъ же, говорить, былъ, только онъ въ 1853 г. — передъ крымскою кампаніею, за политическія вмѣшательства оттуда высланъ изъ Петербурга.

— Гмъ, знаю, моль, я эту политику.

— Ну, а все-таки, говорю, мы уже батюшка лучше къ Пино покупать-то поѣдемъ, а къ этому не поѣдемъ.

Проводникъ мой меня отговаривать, но я, однако, на своемъ уперся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, говорю, мнѣ это не идетъ... Богъ его еще знаетъ тамъ, какъ онъ, хорошо ли дѣлаетъ; мало ли кто у васъ тутъ на короткое время въ моду входитъ, а Пино, говорю, это фирма старая, и онъ у насъ славится: такъ уже вы меня, пожалуйста, къ Пино свезите.

Избѣгалъ, разумѣется, чтобы не встрѣтиться, знаете... Ну, что хорошаго такое скверное, что уже прошло, опять человѣку напоминать?

Но тутъ, долженъ вамъ сознаться въ своей маленькой слабости: проводникъ мнѣ началъ рассказывать, какъ этотъ господинъ очень богатъ; какая у него богатая фабрика и какой щегольской магазинъ и живетъ въ собственномъ домѣ,—не знаю уже, какъ эта улица у нихъ называется, а

только, близъ самой Вандомской колонны... Я домъ-то и захотѣлъ посмотрѣть.

— Что же, думаю: хоть не на него, такъ, по крайней мѣрѣ, на его имущество взгляну: отчего же не взглянуть? вѣдь это ему ничего,—онъ и знать не будетъ. Разумѣется, нехорошо, и этого не слѣдовало, потому что суетно. Но, какъ хотите, вѣдь интересно, потому что хоть небольшое дѣло я ему сдѣлалъ, а все же онъ съ моихъ рукъ жить пошелъ.

Вотъ мы и поѣхали: проѣзжаемъ мимо, нарочно тихо — въ колясочкѣ, и вижу: домъ какъ дворецъ; вывѣска фабрики на три улицы; окна въ магазинѣ — хоть шестерикомъ въ нихъ поворачивай.

— Быть, говорю, не можетъ, чтобы это тотъ самый человекъ!

— Нѣтъ, тотъ самый, что у васъ изъ Россіи за политику высланъ.

— Да что ты, думаю, дурачокъ, толкуешь, много ты понимаешь меня, о чемъ я думаю? По твоему это тотъ, а по моему это не тотъ политикъ, про котораго я разумѣю.

Ну, а впрочемъ, что я ему стану рассказывать, какіе тамъ у моего крестника кондуиты: я только не вѣрю, чтобы могла судьба этакъ играть человекомъ и дать вдругъ, послѣ такого униженія, такое большое богатство.

— Когда бы мнѣ можно было на него какъ-нибудь взглянуть, говорю: вотъ бы это мнѣ было очень интересно!

— Отчего же, говоритъ: это очень можно.

— Только я къ нему въ магазинъ не пойду, а нельзя ли такъ... гдѣ-нибудь въ щелочку, чтобы онъ меня не видалъ, а я бы его видѣлъ?

— Очень можно, говоритъ: да онъ самъ въ магазинъ и рѣдко приходитъ, и въ домъ-то этомъ теперь лѣтомъ не живетъ.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— У себя на дачѣ, въ Пасси.

— У него и дача, говорю, есть?

— Не одна, говорить, а двѣ: одна этакая полулѣтняя, по-ихнему «демисезонъ», тутъ недалеко надъ Трокадеро, а другая, настоящая, въ Пасси,—такой, говорить, загородный домъ, что рѣдко можно другой встрѣтить и онъ, говорить, всегда въ семь часовъ у себя надъ открытымъ цвѣтникомъ, на верандѣ, кофе съ гостями пьетъ, а иногда съ женою и дѣтьми въ серсо играетъ: вотъ мы можемъ потихоньку разъ или два мимо пройти, вы его и увидите.

— Что же, и отлично!

На дворѣ было какъ разъ часовъ шесть, и я уже по-своему, по-русски, былъ пообѣдавши и проводникъ мой тоже накормленъ, я и говорю ему:

— Да что, батюшка, далеко-то откладывать: велите-ка извозчику сейчасъ прямо туда ѣхать. Эй, ты, братецъ, говорю: коше, пошелъ-ка, братъ, въ Пасси, да порѣзвѣ, на водку хорошо получишь.

Проводникъ перевелъ,—мы и поѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поѣхали, и какъ путь лежалъ чрезъ Трокадеро, то мой проводникъ и домикъ мнѣ этого моего стараго знакомаго показалъ, — важный домикъ, хоть бы принцу жить не стыдно; ну, а въ Пасси такъ просто замокъ этакій маленькій, стѣны каменные, высокія, всѣ плющемъ заросли, и подъѣздъ изъ узенькаго переулочка, а за рѣшеткою видѣнъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ домъ и веранда... И что же вы изволите думать: застали мы здѣсь все, будто по писаному, какъ мой проводникъ мнѣ предсказалъ: въ цвѣтникѣ дѣтки рѣзвятся, на верандѣ гости сидятъ и хозяинъ... Я спрятался за уголь стѣнки, вынулъ изъ кармана бинокль, навелъ на него и вижу, нѣтъ сомнѣнія,—это *онъ*, мой крестникъ! Возмужалъ и постарѣлъ, да и отѣлся, разумѣется, хорошо въ благополучной жизни; а у носика-то бѣлый рубчикъ все-таки остался.

— Не знаете ли, батюшка, говорю я своему проводнику, хорошій ли онъ мужъ?

— Превосходный, говоритъ, человѣкъ; отлично они живутъ, — и жена у него чудесная, и дѣти добрыя, и самъ онъ добрый, и бѣдныхъ людей очень помнитъ.

— Вотъ за это, говорю, молодець, что бѣдныхъ помнитъ.

А въ это самое время, какъ мы, такимъ образомъ, за угломъ перешептываемся, онъ насъ, должно быть, замѣтилъ—и кричитъ дочкѣ:

— Алина!

И вдругъ рѣшетчатая калиточка хлопнула и ко мнѣ подпорхнула милая, какъ ангелокъ, дѣвочка, въ розовомъ платицѣ, и не успѣлъ я опомниться, какъ она мнѣ сунула въ руку франкъ, проговорила: «о номъ де Жезю», или какъ тамъ по-ихнему въ родѣ нашего: «прими, Христа ради» и скрылась.

Я это, знаете, въ пальто въ своемъ, въ русскомъ, былъ и шляпа на мнѣ мягкая пуховая и, дѣйствительно, я на бульварнаго воюка былъ похожъ, ну, она мнѣ и подала за отца «Христа ради». Что же такое: я этотъ франкъ ея принялъ и о сю пору берегу: говорятъ, будто нищенское хорошо для счастья, но я не для суевѣрія, а такъ... для памяти дорожу.

Ну-съ, вотъ тутъ-то вотъ, я, какъ назадъ въ свой номеришка вѣхалъ, уже самъ себѣ измѣнилъ: опять въ третій разъ всю дорогу сладко пресладко плакалъ. Проводникъ-то, я думаю, какимъ дуракомъ меня считалъ, да и стоило. Только вѣдь, знаете, не удержишься, потому что, какъ въ старинныхъ стихахъ говорится:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Какъ же за эти незаслуженныя ощущенія Бога хоть слезою не поблагодарить!

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыя святое и доброе больше чѣмъ когда-нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣтите, все не изъ чернородья и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, коимъ соблюсти правоту труднѣе, но тогда были... Вѣрно и теперь есть; только, разумѣется, искать надо.

Я хочу вамъ рассказать нѣчто весьма простое, но не лишенное занимательности—сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой «глухой поры», хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія мои касаются Перваго петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу въявь видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позвольте мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ раздѣленъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каж-

дой камерѣ было по двадцати человекъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые «аббаты» — французы и нѣмцы. Бывали, кажется, и англичане. Каждому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и спали, дежуря по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были всѣ говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ, конечно, объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много пословъ и высшихъ офицеровъ, употреблявшихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ, въ первый разъ по своему воцареніи, сейчасъ же приказалъ: «аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротахъ полковыхъ» *).

Съ этого времени образованіе во всѣхъ своихъ частяхъ пало, а языкознаніе — вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личныя воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прошу вѣрить, а лично слышавшихъ меня — засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а также я понимаю слегка и нынѣшнее время. Я не чуждъ направленій нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ «*глухое*», что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять сплошь «*скалозубами*», что, можетъ быть, нельзя

*) Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 г.

признать вполне вѣрнымъ. Были люди высокіе, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ, кажется, и искать не зачѣмъ.

Всѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитывалъ и какъ воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатлѣлись на сердцахъ, потому что—грѣшный человекъ—виѣ этого, т. е. безъ живого возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да, впрочемъ, теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

И такъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумалъ хвалиться. Иду по номерамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

№ 1. *Директоръ, генераль-майоръ Перскій* (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ Херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но нашъ старикъ поднялъ такой шумъ и сопротивленіе, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточивалъ должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставлялъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него «вниманія и покровительства».

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно, потому, что разговоръ шель при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказываетъ вамъ начальство. Главное, вы знайте только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ либо шалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чего-нибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенное выраженіе «подъегозчикъ», и этого преступленія кадеты *никогда не прощали*. Съ виновнымъ въ этомъ обращались презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосудъ, можетъ быть, былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитывалъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ недаромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаилъ Степановичъ Перскій былъ замѣчательная личность: онъ имѣлъ въ высшей степени представительную наружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностью служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, но самымъ изящнымъ образомъ: всегда носилъ тогдашнюю треугольную шляпу «по формѣ», держался прямо и молодцовато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ бы выражалось настроеніе его души, проникнутой служебнымъ долгомъ, но не знавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Перскій оставилъ зданіе, и

одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождавшимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ,—весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ».

Ему, впрочемъ, и некогда было разгуливать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день *непрѣменно* обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре перемѣны уроковъ и Перскій *непрѣменно* побывалъ *на каждомъ урокъ*. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстового, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Ананьева. Ананьевъ всюду его сопровождалъ и открывалъ передъ нимъ двери.

Перскій *исключительно* занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтную часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ него мы видѣли только одно наказаніе: кадета лѣниваго или нерадиваго онъ, бывало, слегка коснется въ лобъ кончикомъ безымяннаго пальца, какъ бы оттолкнетъ отъ себя, и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-рой кадетъ!

И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не пилъ и не ѣлъ и всячески старался исправиться и тѣмъ «утѣшить Михаила Степановича».

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже *для насъ*.—Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. По крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Степановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ Провидѣніе ввѣрило такъ много чужихъ дѣтей,

что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ, конечно, была не фраза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говоря о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ. Объясняться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ приемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и, по слухамъ, разошедшимся, вѣроятно, отъ Ананьева, квартира его была неудобна для приемовъ; комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ-лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чистилъ его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда нибудь въ избранный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими жестряпунами готовился обѣдъ для безсемейныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашемъ монастырѣ, какъ бы по примѣру начальника, завелось много, и Перскій кушалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что, находившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а, имѣя хорошія свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно вникалъ въ преподаваніе, Перскій приходилъ къ себѣ усталый,

съѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ ввѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошалости перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ, бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ страшно, что казалось страшнѣе сѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія коими Перскій, какъ сказано, устранился, вѣроятно потому, что нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Сѣкли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и соображая успѣхи учениковъ съ непройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упражнялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного попозже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ кряду этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключить со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ и жилъ, и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой,—хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигаютъ немногіе,—однако, все это, *только честность*. А у Перскаго была и доблесть, которую мы,

дѣти, считали *своею*, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитанникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ мы, ребяташки, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Исаакіевской площади. Всѣ роты были размѣщены по линіи, а *резервная* рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ—тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Исаакіевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Исаакіевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихъ войскъ, которыя состояли изъ баталіона московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ адмиралтейства и направленныхъ на сенатъ, и въ числѣ бунтовавшихъ появились раненые, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вошли въ ворота корпуса, и тутъ, который гдѣ привалились,—кто подь стѣнкой, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона московскаго полка.

Кадеты, услыхавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержа, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили cadaго какъ

могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но, не помню, почему-то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако, я объ этомъ не спорю и этого не утверждаю. Можетъ быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служительской казармѣ и тутъ принялись около нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго, къ тому же, и невозможно было скрыть. Сейчасъ же они дали знать объ этомъ директору Перскому, а сами межъ тѣмъ уже сдѣлали, какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ называемую «передачу», т. е. по всему фронту передали шопотомъ слова:

— «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ». «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ»...

Эта «передача»*) была приемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусѣ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные «на хлѣбъ и на воду».

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстраивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ-гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ,—«шло приказаніе», передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шопотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—пирогі не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пироговъ, то точно такой же приказъ отдавался насчетъ котлетъ, и

*) Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова «передача», но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказано кадетомъ-старцемъ.

несмотря на то, что утаить и вынести изъ-за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пироги, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да, впрочемъ, начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и обычай, совсѣмъ къ этому не придиралось. «Не ѣдятъ, уносятъ,—ну и пускай уносятъ». Худа въ этомъ не полагали, да его, можетъ быть, и не было. Это маленькое правонарушение служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспитывало духъ товарищества, духъ взаимопомощи и состраданія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень многопослѣдственный день, когда мы уложили и перевязали своими платками раненыхъ бунтовщиковъ. Гренадеры дали передачу:

— «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ».

И всѣ этотъ приказъ исполнили по всей точности, какъ было принято: пироговъ никто не ѣлъ и всѣ они были отнесены раненымъ, которые вслѣдъ затѣмъ были куда-то убраны.

День кончился, по обыкновенію, и мы уснули, нимало не помышляя о томъ, какое мы сдѣлали непозволительное и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который всѣхъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ ни одного слова охуденія, а, напротивъ, простился съ нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурного. Онъ даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ будто онъ одобрилъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ невиноватыми и не ждали ни малѣйшей неприятности, а она была на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы показать намъ Михаила Степановича въ такомъ величій души, ума и характера, о которыхъ мы не могли со-

ставить и понятія, но о которыхъ, конечно, ни одинъ изъ насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ *неожиданно* пріѣхалъ государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей квартиры и, по обыкновенію, отпрапортовалъ его величеству о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изволилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, отвѣчалъ полнымъ и спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рылѣвъ и Бестужевъ! — попрежнему съ неудовольствіемъ сказалъ императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Кульневъ, — всѣ главнокомандующіе, и отсюда Толь, съ тѣмъ же неизмѣннымъ спокойствіемъ возразилъ, глядя открыто въ лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! — сказалъ, показавъ на насъ рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — дратья съ непріателемъ, но послѣ побѣды призрѣвать раненыхъ, какъ своихъ.

Негодование, выразившееся на лицѣ государя, не измѣнилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрно-подданническими отвѣтами отклонилъ отъ насъ бѣду, и мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ поръ. Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже недолго: близился крутой и жесткій переломъ, совершенно измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго заведенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ровно черезъ годъ послѣ декабрьскаго бунта, именно 14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова былъ назначенъ генераль-адъютантъ отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Демидовъ, человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный. Его и безъ того трепетали въ войскахъ, гдѣ имя его произносилось съ ужасомъ, а для насъ онъ получилъ особенное приказаніе «подтянуть».

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ. Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго командира, полковника Шмидта (человѣка превосходной честности) и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го, Эллермана и Черкасова, который передъ тѣмъ долгое время преподавалъ фортификацію, такъ что пожалованный въ графы Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать имена кадетъ, которые дурно себя ведутъ. Прошу сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, отвѣчалъ Перскій.

— Однакоже, конечно, непременно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучшіе и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самыя худшіе, и они въ примѣръ прочимъ будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непритворное удивленіе, возразилъ со всегдашнимъ своимъ самообладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры!—за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго воз-

раста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ ссылатъ ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры.

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать совѣтъ, отвѣчалъ Перскій: — вы бы извоили такъ сказать сначала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы сидѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багговуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наихудшія отмѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и нашихъ товарищей одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели на дворъ, разсадили тамъ съ жандармами въ заготовленные сани и отправили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такія высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка *сто балловъ*, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то такой будетъ немедленно отданъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣннн переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая

страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбя за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ «варваръ», и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всѣмъ пропасть, но показать ему «наше презрѣніе къ нему и ко всѣмъ опасностямъ».

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, если бы опять не подоспѣли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на душѣ у всѣхъ жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудами приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закипитъ на душѣ... Какъ они, сердечные, должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то и какъ они стали приходить въ себя и проч., проч... Словомъ сказать: душевная мука,—и стоимъ мы всѣ, понуривъ головочки уныло, и вспоминаемъ Демидова, «варвара», но ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всѣмъ заодно пропадать,—знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворяются двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говорить:

— Здравствуйте, дѣточки!

Всѣ молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства не-

годованія ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая непріятность, сказалъ Демидову громко такъ, что всѣ мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему «дѣточки». Если вы поздоровааетесь съ ними и скажете: «здравствуйте, *кадеты*», они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время главнымъ образомъ адресуетъ ихъ намъ, довѣряя себя самого нашей совѣстливости и нашему разсудку. Опять, безъ всякаго уговора всѣ сразу поняли его едиными сердцами и поддержали его единими устами. Когда Демидовъ сказалъ: «здравствуйте, кадеты!» мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: «здравія желаемъ!»

Но это не былъ конецъ исторіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое «здравія желаемъ», Демидовъ спустилъ съ себя строгость, которою началъ было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлалъ нѣчто еще болѣе для насъ непріятное.

— Вотъ, сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлалъ только приторнымъ,—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Ананьеву, который скорыми шагами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетами въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется пять, а можетъ быть было и болѣе)—это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же,—это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста, но Перскій, видя это, даль знакъ солдатамъ, державшимъ демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ, и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и нашли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинѣ и взялъ горсть конфетъ, онъ успѣлъ шепнуть сосѣду:

— Конфеты не ѣсть—въ яму.

И въ одну минуту «передача» эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло и насъ пустили порѣзвиться, мы всѣ, другъ за другомъ, веревочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и всѣ бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это демидовское угощеніе. Ни одинъ малышъ не слукавилъ и не соблазнился конфетою: всѣ бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружелюбія и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій новичокъ проникался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и залазгать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которыя видѣли въ такихъ людяхъ какъ Михаилъ Степановичъ Перскій—главный командиръ, или, лучше сказать, игуменъ нашего кадетскаго монастыря,

гдѣ онъ подѣ-стать себѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—онъ ли ихъ умѣлъ подбирать, или они сами къ нему подѣ-стать подбирались, дабы жить въ отрадномъ согласіи,—этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи; но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже расскажу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежитъ *эконому*. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ, по важности значенія, слѣдовалъ воспѣтый Рылѣевымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ *Бобровъ*.

Я ставлю его *вторымъ* только по подчиненности и потому, что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Петровичъ былъ такой же высоко замѣчательный человекъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступалъ ему, развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. За то сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ, разумѣется, былъ *холодъ*, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любилъ чрезвычайно. Только не такъ любилъ, какъ иные любятъ, — теоретически, въ разсужденіяхъ, что, молъ, «это будущность Россіи», или «наша надежда»—или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего, кромѣ эгоизма и безсердечія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любитъ и о насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходилъ съ косицею и, по опрятности, составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда носилъ

одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный-презасаленный,—и другого у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлить было невозможно, но Андрей Петровичъ нимало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстоялъ передъ старшими военными лицами, великими князьями и самимъ государемъ. Говорили, будто бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его неряшество.

У Боброва была Анна съ брильянтами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна,—про то не спрашивайте. Лента была такъ же нераспознаваема, какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всей экономической частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Перскій совсѣмъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и не нужно при такомъ экономѣ, какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же, оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600.000 руб. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него, значить, обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ ничего не прилипло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ росписывался, и когда этотъ денежный человѣкъ на сороковомъ году своего экономства умеръ, то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье, на какую проматывалъ его необходимую страстишку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы и зналъ покойный императоръ Николай Павловичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

По обычаю своему, Бобровъ былъ такой же домосѣдъ, какъ и Перскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса, но зато постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». *Мошенники* это были мы, — такъ онъ называлъ кадетъ, разумѣется употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы пили сбитень; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую пищу мы получали непременно при немъ. Онъ любилъ «кормить» и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Нашъ нынѣшній государь, въ отрочествѣ своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и, вѣроятно, еще изволитъ помнить нашего «старога Бобра» *). Порцій, какъ это водится во всѣхъ заведеніяхъ, у насъ при Бобровѣ не было, — всѣ ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвалъ онъ насъ всегда хорошо; бѣлье заставлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, что отчасти было, вѣроятно, извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такія вещи, которыя Андрей Петровичъ, по добросердечію своему, не могъ не сдѣлать, но зналъ, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ, скрывался съ ними какъ школьникъ. Это больше всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь внѣ себя былъ, сдерживался, но внутренно ужасно болѣлъ, — кипятился, какъ самоварчикъ, и, наконецъ, не выдерживалъ, чтобы чѣмъ-нибудь не «утѣшить мошенника». Всякаго наказаннаго онъ какъ-нибудь подзоветъ, насупится, будто ка-

*) Въ «Исторіи I Кадетскаго корпуса» (1832 г.) есть упоминаніи о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ посѣщалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

кой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того погладить, что-нибудь дать и отпихнуть:

— Пошелъ, мошенникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ на воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаяніе. Андрей Петровичъ всегда зналъ по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ, сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходя мимо его изъ столовой, подъ ритмическій топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятся:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ или стоитъ только выпуча свои глазки, какъ будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ, дразнится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

— Мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ на воду выводили изъ арестантскихъ на ночлегъ въ роту, Андрей Петровичъ подстерегалъ эту процессію, отнималъ ихъ у провожатыхъ, забиралъ къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по коридорамъ во все это время разставлялъ солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имъ, бывало, кашу маслить и торопится тарелки подставлять, а самъ твердить:

— Скорѣе, мошенникъ, скорѣе глотай!

Всѣ при этомъ часто плакали,—и арестанты, и онъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надоѣдливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему, по неосторожности, попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всё знали, что дѣлать: всё бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что онъ былъ толстенькій кубикъ, ворочается, бывало, у насъ на рукахъ,—кричить:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете... Это мнѣ нездорово, но это не помогало.

Теперь скажу о страстишкѣ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ нынче грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставались не съ тѣмъ, что я такъ-то устроюсь или разживусь—а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ,—на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасные! Андрей Петровичъ сожалѣлъ о бѣднякахъ и безродныхъ и хотѣлъ, чтобы и изъ нихъ каждый имѣлъ что-нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ давалъ всѣмъ бѣднымъ приданое,—серебряныя ложки и бѣлье. Каждый выпущенный прапорщикъ получалъ отъ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки, по четыре чайныхъ восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро—для «общежитія».

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать шей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое,—такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрялось — накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратовъ. Все до мелочей и вдаль — на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный былъ человекъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рылѣевъ, какъ я сказалъ, написалъ ему оду, которая начиналась словами:

«О ты, почтенный экономя Бобровъ!»

Вообще любили его поистинѣ, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ переменною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прїѣзжали въ корпусъ «явиться Андрею Петровичу» — «старому Бобру». И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидить, бывало, человека незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большомъ чинѣ и встрѣтить официально вопросомъ: «что вамъ угодно?» А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ почесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою—отстраняетъ гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить,—позвольте!

И если тотъ не спѣшилъ вполне открыться, то онъ ворчалъ:

— У насъ былъ... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?..

— Вашъ, вашъ, Андрей Петровичъ! — отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывалъ ему его «благословеніе»—серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ топалъ ногами, кричалъ: «прочь, прочь, мошенникъ!» и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголъ дивана за столъ, закрывалъ оба глаза своими пухленькими кулачками или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакалъ, а рыдалъ, рыдалъ звонко, визгливо и неудержимо, какъ нервическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волновавшихъ его встрѣчахъ, то деньщикъ его это наль и сеічасъ ста-

вилъ передъ нимъ на подносикѣ стаканъ воды. Болѣе никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончилась, старикъ самъ вышивалъ воду и, вставая, говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго, долго, причемъ многіе, конечно, безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ повторялъ:

— Вспомнилъ, мошенникъ, старика,—вспомнилъ! и сейчасъ же усаживалъ гостя и самъ принимался доставать изъ шкафа какой-то графинчикъ, а деньщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной, бывало, отпрашивается:

— Андрей Петровичъ! я, говорить, званъ и обѣщался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу, говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда, такъ ты *мой*,— и долженъ изъ стараго корыта почавкать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Рацей онъ никогда не читалъ, а только *жилъ* передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокового года службы за недостаточностію на казенный счетъ похоронили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Теперь третій постоянный инокъ нашего монастыря — нашъ корпусный докторъ *Зеленскій*. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домосѣдъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга — никто никогда не могли себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія

у больных: онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Числа визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а, кромѣ того, еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ, — тутъ и отдыхалъ возлѣ больного на сосѣдней койкѣ.

Этотъ докторъ, по опрятности, былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ, рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цвѣтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича, т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человѣкъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это, можетъ-быть, покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посѣтилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ страшномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она послала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знатокомъ дѣтскихъ болѣзней, въ коихъ имѣлъ, разумѣется, огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю, и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ *приказать* Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и *вылѣчить* ея ребенка.

Докторъ повиновался,—поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобрять ли кто или не одобряет этот его поступокъ, но я говорю какъ происходило.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зеленскій былъ докторъ отличный, и сколько я могу теперь понимать, вѣроятно, относился къ новой медицинской школѣ: онъ былъ гигиенистъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но тогда насчетъ медикаментовъ и другихъ нужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователенъ и чрезвычайно настойчивъ. Что онъ назначилъ и потребовалъ, — это уже чтобъ было, да, впрочемъ, и сопротивленія-то некому было оказывать. О нищѣ ужъ и говорить нечего: разумѣется, какую порцію ни потребуй—Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ «мошенниковъ» любилъ кормить дѣ-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина и назначилъ его на рецептъ словами: «такой-то номеръ по преись-куранту англійскаго магазина».

Солдатъ понесъ требованіе эконому и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батенька, говоритъ, вы знаете ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ? Онъ, вѣдь, стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать, говоритъ, этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну, а если нужно, такъ и толковать не о чемъ, отвѣчалъ Бобровъ, и сейчасъ же вынулъ деньги и послалъ въ англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это, между прочимъ, въ примѣръ, какъ они всѣ были между собою согласны въ томъ, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе драгоценной цѣли, какъ *наше* благо.

Имѣя на рукахъ, въ числѣ 1,300 человѣкъ, двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательнѣйше наблюдалъ, чтобы не допускать поварныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ скарлатиною сейчасъ же отдѣлялъ и лѣчилъ въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ ее дѣломъ серьезнымъ и всегда ея держался, и оттого ли, или не оттого, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоровѣлъ мальчикъ, заболѣвшій скарлатиною. Зеленскій на этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ, *вся* канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка, имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно—было сдѣлано; но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеровъ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ,—поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойти онъ, разумѣется, не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту могъ выйти; а тогда, по старинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина—и опять сиди на мѣстѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вѣруя и постоянно говоря, что «главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней», Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, къ которымъ, какъ извѣстно, наши

русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зная это, Зеленскій держался съ ними морали крыловской басни «Коть и поварь». Не исполнено или не точно исполнено его приказаніе,—не станеть разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорога на руку доктора Зеленскаго, чтобы скорые на осужденіе современные люди не сказали: «вотъ какой драчунъ или Держиморда», но чтобы воспоминанія были вѣрны и полны—изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и наисправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ, разумѣется, человѣкъ *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы «никого не сдѣлать несчастнымъ», и этого держались всѣ хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ *недопущенія болѣзней*, прежде чѣмъ кадеть вводили въ классы, Зеленскій проходилъ всѣ классныя комнаты, гдѣ въ каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Источники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана—сейчасъ врачебная зубочистка. Какъ мы садились за классныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило то же самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ *всегда* обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и при томъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ попало и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ предбанникѣ, но, кромѣ того, производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановить кадета и прикажетъ раздѣться до-нага; осмотритъ все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ, оглядитъ, выстрижены ли.

Рѣдкое и преполезное вниманіе!

Но теперь, оканчивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали Высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человѣкъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретъ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣлано съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ «подтянуть» и, кажется, слишкомъ переусердствовалъ въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусами. Подъ словомъ «подтянуть» Демидовъ понялъ *остановить образованіе*. Теперь уже, разумѣется, не было никакого мѣста прежней задачѣ—чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. Наоборотъ, все дѣло шло о томъ, чтобы сузить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая библіотека и музеумъ. Библіотеку приказали *запереть*, въ музеумъ не водить и наблюдать, чтобы никто

не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Если же откроется, что, не смотря на запрещеніе, кто-нибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это велѣно было подвергать строгому тѣлесному наказанію розгами. Причемъ въ опредѣленіи мѣры наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно, смирнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рылѣвъ, который писалъ стихи, вышелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: «для воиновъ и для жителей». Прежде она была надписана: «для воиновъ и *для гражданъ*»,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто «*для гражданъ*», было поставлено «для жителей». Даже географическіе глобусы велѣно было вынести, чтобы не наводили на какія-нибудь мысли, а стѣну, на которой встарину были сдѣланы крупныя надписи важныхъ историческихъ датъ,—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что «*никакія* учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они «уединоображиваются» *).

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Можно представить, какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человѣкъ, какимъ несомнѣнно былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно, и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающій

*) См. не дѣйствующее болѣе «Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 24 декабря 1848 года. Спб., типографія Военно-учебныхъ заведеній.

пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, хотъ возбудить въ насъ какую-нибудь любознательность, дать хотъ какое-нибудь направленіе нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человекъ, онъ *любилъ* насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чему-нибудь въ корпусѣ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда, съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшпиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому—я не знаю, но можетъ-быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторяю, книги самыя позволительныя, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но, говорятъ, человекъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ. а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ *чувствъ*, способныхъ породить добрыя *настроенія*, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же *поведеніе*. А потому будутъ цѣлесообразнѣе и всѣ *поступки* въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и распредѣлить, гдѣ какъ поступить,—невозможно, а надо все съ добрымъ настроеніемъ и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства; приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ,

обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ ней приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ, отвѣчаетъ Зеленскій, — весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ *miserere*.

— *Oleum ricini* давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то спросилъ: давали?

— Давали.

— А *oleum crotoni*?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-съ.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ *miserere*: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однако, проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ преспокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы *проняло*.

По сколько къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ, — онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ насколько онъ кого-нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ, — этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадетскаго скита, но надо помянуть еще четвертаго, пришлаго въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также попавшаго нашему духу подстать и оставившаго по себѣ превосходную память.

• ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія религіозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ корпусъ присылался архимандритъ, изъ назначавшихся къ архіереюству. Разумѣется, это большею частію были люди очень умные и хорошіе, но особенно дорогъ и памятенъ намъ остался *послѣдній*, который былъ у насъ на этомъ назначеніи, и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали ихъ просто «отецъ архимандритъ», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ сердоваго возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна,—я всегда думалъ: «вздоръ мелете, миланки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣлствовалъ, образовавъ мое религіозное чувство. Да и

для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ что-то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ всѣ были открыты; выбалтывали ему всѣ наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впереди будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій, онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходѣ, стараться приобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и высказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа, онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всѣмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ-быть, потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ, кстати и некстати приставая: «молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же «ангеловъ» растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совер-

шеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандрить же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, при томъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленные къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во все углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему все наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефисъ, — нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

«Подумаемъ, такъ говорилъ архимандрить, — не лучше ли было бы, если бы для устраненія всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человѣческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величїи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Кадеты, разумѣется, молчали. Что тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія и ждали страстно, жадно и затаивъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и, остановясь, продолжалъ такъ:

«Когда я, сытый, что по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, разсуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода животъ къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло». И я думаю, что, если бы Господь нашъ пришелъ

въ славѣ, то и Ему отвѣчали бы что-нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на-время и учишь. Нѣтъ, вотъ, если бы Ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, что намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босой и пробрелъ по землѣ безъ приюта».

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это человѣкъ не въ его духѣ, чувствовалъ, что это заправскій, настоящій христіанинъ, а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но подѣлать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока этотъ не далъ на себя иного оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, портилъ наше религіозное настроеніе и доводивъ насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глупые предразсудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностью, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не пріѣдетъ ни въ понедельникъ, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ, гдѣ ни увидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходить, мы начали ему всюду готовить эти сюрпризы; въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ пріѣдетъ въ корпусъ, у насъ

уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстинокъ или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно, имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ, бывало, начальство за этимъ ни смотритъ, чтобы этого не было, а уже мы ухитримся—крестикъ подбросимъ. Бывало, всѣ идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не метали, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предразсудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всѣ его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотно блѣде, весь трясся и вышелъ, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочи-

нился особенный духовно-военный турнирь, въ которомъ я не знаю, кому приписать побѣду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предрасудкахъ», Демидовъ не сманкировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство! и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволоцѣ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я *вамъ* говорю, воскликнулъ онъ скоро, но спокойно, — въ храмъ Божіемъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Живаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и приказывать, и я вамъ *запрещаю* дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это былъ послѣдній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Я кончилъ, больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Ихъ время прошло,

нераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать, былъ архимандритъ Ириней, впоследствии епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

РУССКІЙ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Это—маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно примкнуть къ рассказамъ «о трехъ праведникахъ». Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записалъ рассказъ объ инокахъ кадетскаго монастыря а теперь въ видѣ *post-scriptum* записываю еще одно послѣднее сказаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значитъ, вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчиваетъ, а онъ былъ человѣкъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію чело-вѣка необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣжденій. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ вспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо,—что они нужны. При томъ же Иванъ

Оомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально—не было занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и взявшись за которое оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О честности же, разумѣется, и говорить нечего—на однихъ комиссіонерахъ и интендантахъ миллионъ могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ неодолимъ. Всякую хитрость провидитъ и *окрулитъ*. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Оомича въ директоры канцеляріи при Дибичѣ ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайно разностороннія. По взятіи Варшавы, тутъ сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго; привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка свѣше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать, черною работою, въ родѣ уборки чего-то въ тылу.

Иначе, можетъ-быть, это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагаютъ совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда, бывало, остаются не иначе какъ плачучи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская крыса,—это понять не трудно. Штатскіе, впрочемъ, тогда и повсемѣстно мало гдѣ и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была—пренебреженіе ко всѣмъ невоеннымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперанскаго, но и то ставили это себѣ за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди, бывало, съ особенною

серьезностью внушали, что «Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозою свѣта»... Хомяковъ сказалъ: «мы долго вѣрили среди восточной лѣни и грязной суеты» и проч., — и дѣйствительно, вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое изреченіе, что, бывало, наслушаешься и начнешь вѣрить. Крымъ это поисправилъ, а то мѣры не было вздорамъ. Рассказывали, напримѣръ, какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорятъ лакею: «подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!» Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники — это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: «а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подь хрѣномъ». Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изъясняетъ ему гласно, что поручики — это поросята. Этотъ глупый анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеркомъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ тельжка чухонца съ выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновничка, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно, человекъ бѣдный былъ, потому что шляпенка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подоль подтрепанъ и разрѣзъ сзади, — какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разныя стороны и располосовали пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ но-

сились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зыкливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе — особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Самбурскій, съ его правильнымъ умомъ, конечно, отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры канцеляріи, зналъ какъ устроиться. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно отвѣтственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чьихъ-либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Ѳедоровичемъ это было еще необходимѣе, чѣмъ съ Дибичемъ, который былъ очень толковый администраторъ. Съ Паскевичемъ было труднѣе, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распорядиться: инья изъ его распоряженій, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ точности огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; но знаю, что онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность. Мнѣ извѣстно также, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Ѳомича и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человекъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ, разумѣется, только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мы-

слей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать справедливость, — былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: «Кто писалъ?» Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самого предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, съ какою-то поэтической отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало, не разъ вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ нравственности. Нигдѣ натуры не бываютъ цѣльнѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ, если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротишь, и негодяи, если задаются, такъ тоже бываютъ ничѣмъ неисправимые. Самбурскій, разумѣется, былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича, и едва ли не былъ, быть-можетъ, главнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый, какой-то трудной специальности, говорили, будто астрономъ. Ему надо было написать ученое сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо зналъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣлъ-сидѣлъ этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяць, давалъ со-

вѣты, обѣщаль помощь и, наконецъ, разсердясь, говоритъ:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Это нельзя,—это цѣлый предметъ.

— Ну, и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудилъ рассказать, выслушалъ, а черезъ недѣлю приносить написанную диссертацію.

Можетъ-быть, тутъ что-нибудь раздуто и преувеличено,— я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, и многіе передавали его даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи, но всю ее проникъ одною силою своего остраго ума.

Вообще по всему можно было видѣть, что фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, котораго надо было уважать; но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и, такъ сказать, анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича, у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была небольшая, кажется, человѣкъ изъ десяти, но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большею осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ какъ человѣкъ былъ принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣетъ къ нему не полное довѣріе. Эта дрянная, хотя весьма распространенная, манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовію, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ млад-

шихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ ними бесѣдовалъ, о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало, поговорить, поговорить, да смотришь и дасть работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совсѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника, разумѣется, мудро не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человѣкъ, съ которымъ Самбурскій любилъ посовѣтоваться. Но и совѣты совѣщаль онъ не по-официальному, а по-семейному, т. е. не наединѣ, «при закрытыхъ дверяхъ», въ насмѣшку надъ которыми тайны, за ними сказанныя, очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы приучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отечеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ,—что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ къ его услугамъ.

Самбурскій и говоритъ:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а нынче бессонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется, додумался до чего-то похожаго на дѣло. Не знаю, каковъ будетъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣніе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманіемъ. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

Не смотря на милую доброту Ивана Ѳомича, всѣ мы держали себя съ нимъ крайне почтительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Каждое царствованіе, началъ Самбурскій,—мы ведемъ здѣсь побоища съ поляками, но самое огромное побоище было теперь; оно стоило денегъ двѣсти милліоновъ, а человѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормить некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли здѣсь отказаться не можемъ, пока не устроимъ своихъ единовѣрныхъ въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Польша—Богъ съ ней; но своихъ мы никакъ не можемъ оставить на произволь судьбы.

Самбурскій,—ошибался онъ или нѣтъ,—былъ того мнѣнія, что Польша намъ *ненужна* и составляетъ для насъ вопросъ только, пока не упрочены какъ надо юго-западный край и Литва. Поэтому онъ и проектировалъ всѣ свои мѣры для этой окраины и былъ увѣренъ, что если тѣ мѣры выполнить, т. е. если Литва, Волынь и Подолия сдѣлаются совершенно русскими, то о Польшѣ и говорить не стоить и беречь ее при себѣ не для чего. Тогда она лѣзть къ намъ подъ бокъ не можетъ чрезъ сплошное единовѣрное намъ населеніе съ русскимъ дворянствомъ и беспокоить насъ не будетъ. А что касается собственнаго ея значенія для Россіи, то Самбурскій сводилъ его къ нулю и говорилъ:

— Надо желать, чтобы она сдѣлалась самостоятельной, надо ее сдѣлать таковою и бросить. Тогда ее сейчасъ же сожрутъ нѣмцы и запаху ея не останется.

Онъ даже думалъ, что Польша намъ вредъ и болѣзнь.

— Наполеонъ, говоритъ, ошибался, называя Кавказъ нашимъ вѣчнымъ чирьемъ,—настоящій вѣчный чирій нашъ—Польша и мы ее будемъ таскать, пока не загородимся полосю западнаго края, а саму Польшу бросимъ. Иначе она намъ нагадитъ, напугитъ внутренняго разлада (что, кажется, и сбывается). Но я возвращаюсь къ прерванному разговору Самбурскаго съ Лахтинымъ.

— Непремѣнно, сказалъ Самбурскій,—надо на будущее время сдѣлать невозможными такія кровопролитія; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это когда-нибудь кончится. Усмиримъ мятежь, подсѣчемъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнутъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторія.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласія головою и сказалъ:

— Это иначе быть не можетъ.

— Да; это очень естественно, согласился Самбурскій,—если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшей одинъ узкій масштабъ военныхъ занятій западнаго края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья, по моему мнѣнію, не имѣютъ того вліянія, какое нужно, чтобы разъ навсегда отучить поляковъ отъ неумѣстныхъ претензій на Литву и на юго-западный край, населенный народомъ, который поляковъ не любитъ. Нужно еще особое орудіе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу, отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскій улыбнулся и сказалъ:

— Это орудіе—самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николай Андреевичъ,—простой русскій самоваръ.

Тутъ уже и мы, «молодшіе люди», слыша, что наши нѣбольшіе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недоумѣніемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль положеніе престарѣлаго офицера?—продолжалъ Самбурскій.

— Очень много разъ приходило, отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вотъ видите! Значитъ, у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, то ко всякому такому человѣку этотъ вопросъ бьется. Это не даромъ: въ чье-ни-

будь сердце онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящіе стратотерицы: служатъ они, и на службѣ имъ нѣтъ никакой радости, а подъ старость и угла нѣтъ, гдѣ приклонить голову. Хорошо, который куда-нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопѣечнаго содержанія половину воровать станеть. Но, вѣдь, очень немного такихъ счастливецъ, которымъ такая карьера выпадеть, а то жаль смотрѣть чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался: это правда!

— Да какъ же не правда!—продолжалъ Самбурскій.—Пока молодъ да легкомысленъ, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шпоры звенятъ, и эполеты блестятъ, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходить, такъ, вѣдь,—сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станеть.

— Рошцуть, молвилъ Лахтинъ.

— Да; рошцуть, но очень мало рошцуть, отвѣчалъ, продолжая матерію, Самбурскій.—Удивительные люди,—праведники. Иной бы, поди, какого шума надѣлалъ и цѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сердцовъ за чаркой зелена вина гдѣ-нибудь выругается, а потомъ завьеть горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходитъ. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому что у него тутъ больное мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставить. Служилъ какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и изувѣчить, а другой, можетъ-быть, и изувѣченъ, а между тѣмъ, война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе, и тысячи этихъ отставныхъ слугъ отечества идутъ въ заштатъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣть-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо, который куда-нибудь на частную должность примкнетъ къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но, по крайней

мѣрѣ, спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продають, просьбы по постояннымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,— всего и не перечесть.

— И не дай Богъ, вставилъ Лахтинъ.

— Именно, не дай Богъ, а между тѣмъ, въ такомъ печальномъ исходѣ совсѣмъ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать оторваннымъ отъ мирныхъ занятій военнымъ людямъ справедливость, но выставить прямо отечество благодарнымъ къ своимъ слугамъ,—и въ то же время за одинъ пріемъ достигнуть высшаго государственнаго плана—пресѣчь возможность повторенія безпокойной аристократической крамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ, какъ и мнѣ, извѣстно количество казенныхъ и конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Казнѣ они не принесутъ дохода,—все съѣстъ администрація. По-моему, выгоднѣе будетъ отдать ихъ въ частныя руки. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накрошить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ которыхъ каждое можетъ приносить отъ пяти до шести тысячъ годового дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись, сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ трудолюбивыхъ рукахъ, и именно въ рукахъ воиновъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдуци, но они хорошо знаютъ, чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежь, и потому оцѣнятъ все настоящимъ образомъ, безъ фантазіи. При томъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ благодарны правительству и усугубятъ свою преданность. А чтобы и казна своего не теряла—даромъ ничего давать не нужно, даровое всегда слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непроизводительнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть

средства. Стоить только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ спеціальною цѣлью помочь приобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условійхъ, и цѣль эта будетъ вполнѣ достигнута. А когда на двадцати пяти тысячахъ мѣсть станутъ двадцать пять тысячъ русскихъ помѣщичьихъ домиковъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ сосѣдь къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной деньщикъ въ тверскомъ шлыкѣ съ павлиньими перьями заведетъ: «Не одну во полѣ дороженьку», такъ это будетъ уже не Литва и не Велико-Польша, а Россія. Единовѣрное намъ крестьянское населеніе какъ слышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстопузиковъ и разстилающійся отъ нихъ дымъ отечества,—сразу пойметъ, кто здѣсь настоящіе хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не «збуйство да здрайство», какъ они называютъ наши нынѣшнія военныя нашествія и стоянки, а это тихое, хозяйственное заселеніе на всегдашнія времена, и дѣло съ возстаніями будетъ покончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣпно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы,—хотя насъ не спрашивали,—подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь?

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа,—ваше сочувствіе мнѣ дорого и дай Богъ, чтобы наше—какъ вижу—общее желаніе исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости,—я сейчасъ отправлюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представляю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: «Господи благослови!»—и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія по штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли, при мысли, что цѣлыя двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себѣ по домамъ и на полянкахъ свои самовары и станутъ попаривать своимъ чайкомъ свои косточки, подъ своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ-быть, теперь за это кто-нибудь и осудить, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается, и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по отставкѣ просто и трогательно намъ вспомнеть Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было, дѣйствительно, патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: какъ могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, гениальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленіямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только,—былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашинъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно,—такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицалъ возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ, лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно,—козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаетъ.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ

и умникъ, и дѣлецъ, и характера самага достойнаго, но любить, къ своему наслѣдственному гадячскому или кролевецкому остроумію, подпустить благопріобрѣтеннаго волтеріанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, и всегда имѣлъ при себѣ наготовѣ этого козырнаго туза, котораго, по его словамъ, «никакой чудотворецъ не покроетъ».

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось,—въ другихъ какихъ-либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говоритъ:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было какъ нельзя больше благопріятно. Больше ничего вамъ сказать не могу, но Иванъ Ѳомичъ самъ все расскажетъ.

Самбурскій, какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говоритъ:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ, но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать—все собрали. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготавилъ свой проектъ, который, какъ все имъ писанное, былъ изложенъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и разсадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ воиновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготовить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготовили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отмѣтки о земляхъ.

Послѣднее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало-быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все совершить, не требуя какихъ-нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій не ошибся: фельдмаршалъ, дѣйствительно, вполне овладѣлъ предметомъ и сочинилъ собственный планъ, какъ этимъ дѣломъ распорядиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли многія преимущества. У насъ это дѣло поднималъ и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы всѣ ему помогали, только безъ пользы. Это отерочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники Царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 злотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, и тотъ нашелъ это неправильнымъ и позволилъ открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это такъ, — чтобы русскимъ не обидно было противъ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо,

и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни сновъ никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нежить тяжелою ступнею по полу не расхаживала и не трещала половицами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ, самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелишенный комизма, или, лучше сказать, горькой ироніи.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ-глазу-на-глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Ѳомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбію не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или, по крайней мѣрѣ, неприятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но, конечно, игры нельзя было тянуть долго: при первомъ же докладѣ, будетъ или не будетъ рѣчь о томъ, что фельдмаршалу неприятно, — Самбурскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся—нескладно же такъ институтски конфузиться лица ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбурскій.

Паскевичъ, конечно, все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самбурскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію спѣшными шагами, былъ красенъ и разстроены.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Ивашину и Лактину принесенныя съ собою бумаги и, послабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ:

— Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всѣ вскочили съ мѣстъ и, забывъ всякую дисциплину, бросились къ нему и осыпали его вопросами: что, какъ и для чего?

— Я подаю въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Ѳомичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое рѣшено иначе,—князь имѣетъ маіоратъ, который долженъ приносить 200,000 злотыхъ, нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. Вмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ предвидѣть, но эта игра не стоить свѣчь. Если бы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и, чтобы ее поправить, надо ожидать новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ,—все можетъ измениться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, перебилъ Самбурскій:—онъ меня не забылъ,—мнѣ тоже предложено выбрать себѣ маіоратъ, но я этимъ не воспользуюсь,—я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ править, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а думать о себѣ. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всему правительству. Въ разго-

ворѣ со мною было употреблено слово «демократъ». Оно шло, очевидно, по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ — не демагогъ. Быть демократомъ между прочимъ значитъ желать счастья возможно большому числу людей. Я этого желаю, и, по-моему, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Аристократія желаетъ противоположнаго: господства своего меньшинства. «Нельзя безъ аристократіи.» Есть такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Аристократіи есть мѣсто въ Англіи и тамъ я ее понимаю, хотя и тамъ считаю несправедливою и недолговѣчною;—роль аристократизма въ польской исторіи вижу только губительную, а въ русской исторіи никакого мѣста аристократизму вовсе не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала я не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ,—пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ, на Воскресенской набережной, есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте: служите честно, а меня не уговаривайте остаться. При этомъ онъ горько улыбнулся и, обратясь съ шутливою ироніею къ Ивашину, добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ,—козырнаго туза, дѣйствительно, ничѣмъ не покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченныя достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки, считавшіе Самбурскаго человѣкомъ справедливымъ и весьма его уважавшіе, были, однако, чрезвычайно рады его паденію. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался имъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и напугалъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредоносность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача казенныхъ и конфискован-

ныхъ земель большими маіоратами, въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совсѣмъ неопасною для польскаго патріотизма,— что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука, вѣроятно, была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Ѳомичъ возвратился домой, прислуга, убиравшая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому пакетикъ, въ которомъ оказалась записочка на польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ диплома, выданнаго «дѣйствительному русскому демократу Самбурскому» на званіе «государственнаго самовара» (*samowaga państwa*).

Надъ этой польской шуткой, которую немудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно, только и оставалось посмѣяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я—чъ, человѣкъ совсѣмъ другого сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Ивашинымъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

— И мнѣ тоже это очень непріятно, отвѣчалъ Ивашинъ:—просите себѣ перемѣщенія или выходите въ отставку.

Того это ужасно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, отвѣчалъ фельдмаршалъ.—А докучное дѣло объ уравненіи служебныхъ выгодъ, приносившее много хлопотъ по сношеніямъ, приказалъ «бросить».

Все́му этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣятелей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это, разумѣется, нимало не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ-быть, не лишнее знать, что идеи князя Владиміра Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Ѳомича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патріотическій духъ, который согрѣвалъ ихъ сердце, окрылялъ слово и руководилъ поступками.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ.

Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ.

«Совершенная любовь изгоняетъ страхъ».
Иоаннъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Онъ самъ почти мнѣ, а исторія его — легенда. Чтобы повѣствовать о немъ—надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совсѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не настолько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако я подберу и представлю нѣкоторыя черты этого не высокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть «*несмертельнымъ*».

Прозвище «несмертельнаго», данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, бессмысленнымъ звукомъ—его прозвали несмертельнымъ вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ—человѣкъ особенный; человѣкъ, который не боится смерти. Какъ могло сло-

житься о немъ такое мнѣніе среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дала простота, которая сродни глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, но какъ судили о томъ другіе — этого я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ объ этомъ не думалъ, а когда я подросъ и могъ понимать вещи—«несмертельнаго Голована» уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ-называемаго въ г. Орлѣ «большого пожара», утонувъ въ кипящей яминѣ, куда уналъ, спасая чью-то жизнь или чье-то добро. Однако «часть его большая, отъ тлѣна убѣжавъ, продолжала жить въ благодарной памяти», и я хочу попробовать занести на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несмертельный Голованъ былъ простой человекъ. Лицо его, съ чрезвычайно крупными чертами, врѣзалось въ моей памяти съ раннихъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда, говорятъ, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но, однако, со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабушкою слѣдующимъ образомъ:

«Вчера (26 мая 1835 г.) пріѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всѣмъ домѣ были однѣ мы, женщины и дѣвичья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія

(губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ посмотрѣть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (понынѣ живой старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣпная Рябка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на грудцы Аннѣ, но въ ту самую минуту, какъ Рябка, опершись лапами, бросился на грудь Аннѣ, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ его и пристрѣлили изъ ружья, а дитя спаслось».

Литя это былъ я, и какъ бы точны ни были доказательства, что полуторагодовой ребенокъ не можетъ помнить, что съ нимъ происходило, я, однако, помню это происшествіе.

Я, конечно, не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ послѣ того какъ она захрипѣла, барахтаясь лапами и извиваясь всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной рукѣ; но я помню моментъ... *только моментъ*. Это было, какъ при блескѣ молоньи, среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ за-разъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрогнувшую на жердочкѣ канарейку и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково, вѣроятно, свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ такомъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу передъ собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ,—сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напмаженномъ зѣвѣ... оскаль, который хотѣлъ уже защелкнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрѣзъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась, какъ голый человѣческій локоть, выпятившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣческая фигура съ огромною головою, и она взяла

и понесла бѣшеннаго пса. Во все это время лицо человека *улыбалось*.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что совсѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе имѣлъ широкое, сухое и мускулистое; онъ былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта—соли съ перцомъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже стриженные. Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она свѣтилась въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ и добрыхъ, но какъ будто немножко насмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, по крайней мѣрѣ, я иного не помню. Къ дополненію этого неискуснаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенности, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣвая, но не ровно, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, «шкандыбалъ», то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Казалось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя, впрочемъ, эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ,—всегда лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы,—онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ, и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его «вѣковѣчнымъ».

По тулупу Голованъ подпоясывался «чекменнымъ» ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ—совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ дратву да дырки. Но тулупъ содержался въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сиживалъ у Голована за пазухой, слушая его рѣчи, и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкій воротъ тулупа никогда не застегивался, а, напротивъ, былъ широко открытъ до самаго пояса. Здѣсь было «нѣдро», представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставлялъ на кухню Орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ «вышелъ на волю» и получилъ на разживу «ермоловскую корову».

Могучую грудь «несмертельнаго» покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ воротомъ, всегда чистая, какъ кипень, и непременно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована нѣчто свѣжее и джентельменское, что ему очень шло, потому что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ джентельменъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы были съ Голованомъ сосѣди. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на Третьей Дворянской улицѣ и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части, оканчивавшейся церковью Василя Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садомъ—глубокій оврагъ и за нимъ степной выгонъ, на кото-

ромъ торчалъ какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой, — самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или, лучше сказать, на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красный быкъ «ермоловской» породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу «на подержанье» по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Ему это приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удоистыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ супругѣ. Голованъ, какъ я выше сказалъ, поставлялъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которыя славились своими высокими достоинствами, зависѣвшими, конечно, отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ, было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и ароматно, а сливки «не текли», то-есть, если оборачивали бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки изъ нея не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того, Голованъ поставлялъ также въ клубъ отмѣнно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голландскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и, наконецъ, «приготовлялъ телятъ», отпаивая ихъ мастерски и всегда ко времени, напримѣръ, къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особеннымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ, обусловливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продовольствовалъ интересныхъ особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ «Дворянскаго гнѣзда».

Голованъ жилъ, впрочемъ, не въ самой улицѣ, а «на отлетѣ». Постройка, которая называлась «Головановымъ домомъ», стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда-то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью-нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Голованову постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ-быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спуститься, и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помнится мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую-то услугу, оказывать которая онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ на-двое: одна половина, обмазанная глиной и выбѣленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жилымъ помещеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой—были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голландскія куры и черный «шпанскій» пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался «колдовской птицей». Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который пригоденъ на множество случаевъ: на то, чтобы счастье приносить, отнятое государство пзъ непріятельскихъ рукъ возвращать, и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣетъ семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда пѣтухъ пить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія, — жилое и скотское—были очень просторны, но, несмотря на всю о нихъ заботливость, плохо держали тепло. Впрочемъ, тепло нужно было только для женщинъ, а самъ Голованъ былъ

нечувствителенъ къ атмосфернымъ перемѣнамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ, возлѣ любимца своего,—краснаго тирольскаго быка «Васьки». Холодъ его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого миѳическаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную репутацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или, иногда, Павлагеюшка. Но чаще ее называли «Головановъ грѣхъ». Такъ я привыкъ слышать съ дѣтства, когда еще даже и не понималъ значенія этого намека. Для меня эта Павла была просто очень ласковою женщиною, и я, какъ сейчасъ, помню ея высокій ростъ, блѣдное лицо съ яркими пятнами на щекахъ и удивительной черноты и правильности бровями. Такія черныя брови правильными полукругами можно видѣть только на картинахъ, изображающихъ персіянку, покоящуюся на колѣняхъ престарѣлаго турка. Наши дѣвушки, впрочемъ, знали и очень рано сообщили мнѣ секретъ этихъ бровей: дѣло заключалось въ томъ, что Голованъ былъ зеленикъ и, любя Павлу, чтобы ее никто не узналъ,—онъ ей сонной помазалъ брови медвѣжьимъ саломъ. Послѣ этого въ бровяхъ Павлы, разумѣется, не было уже ничего удивительнаго, а она къ Головану привязалась не своею силою.

Наши дѣвушки все это знали.

Сама Павла была чрезвычайно кроткая женщина и «все молчала». Она была столь молчалива, что я никогда не слыхалъ отъ нея болѣе одного и то самаго необходимаго слова: «здравствуй», «садись», «прощай». Но въ каждомъ этомъ короткомъ словѣ слышалась бездна привѣта, доброжелательства и ласки. То же самое выражалъ звукъ ея тихаго голоса, взглядъ сѣрыхъ глазъ и каждое движеніе. Помню тоже, что у нея были удивительно красивыя руки, что составляетъ большую рѣдкость въ рабочемъ классѣ, а она была такая работница, что отличалась дѣятельностью даже въ трудолюбивой семьѣ Голована.

У нихъ у всѣхъ было очень много дѣла: самъ «несмертельный» кипѣлъ въ работѣ съ утра до поздней ночи. Онъ былъ и пастухъ, и поставщикъ, и сыроваръ. Съ зарею онъ выгонялъ свое стадо за наши заборы на росу и все переводилъ своихъ статныхъ коровъ съ обрывца на обрывецъ, выбирая для нихъ, гдѣ потучнѣе травка. Въ то время, когда у насъ въ домѣ вставали, Голованъ являлся уже съ пустыми бутылками, которыя забиралъ въ клубъ вмѣсто новыхъ, которыя снесъ туда сегодня; собственноручно врубалъ въ ледъ нашего ледника кувшины новаго удоя и говорилъ о чемъ-нибудь съ моимъ отцомъ, а когда я, отучившись грамотѣ, шелъ гулять въ садъ, онъ уже опять сидѣлъ подъ нашимъ заборчикомъ и руководилъ своими коровками. Здѣсь была въ заборѣ маленькая калиточка, черезъ которую я могъ выходить къ Головану и разговаривать съ нимъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ рассказывать сто четыре священные исторіи, что я ихъ зналъ отъ него, никогда не уча ихъ по книгѣ. Сюда же приходили къ нему, бывало, какіе-то простые люди—всегда за совѣтами. Иной, бывало, какъ придетъ, такъ и начинается:

— Искаль тебя, Голованычъ, посоветуй со мною.

— Что такое?

— А вотъ то-то и то-то:—въ хозяйствѣ что-нибудь разстроилось или семейные нелады.

Чаще приходили съ вопросами этой второй категоріи. Голованычъ слушаетъ, а самъ ивнячокъ плететь, или на коровокъ покрикиваетъ, и все улыбается, будто безъ вниманія, а потомъ вскинетъ своими голубыми глазами на собесѣдника и отвѣтитъ:

— Я, братъ, плохой совѣтникъ! Бога на совѣтъ призови.

— А какъ Его призовешь?

— Охъ, братъ, очень просто:—помолись, да сдѣлай такъ, какъ будто тебѣ сейчасъ помирать надо. Вотъ скажи-ка мнѣ: какъ бы ты въ такомъ разѣ сдѣлалъ?

Тотъ подумаетъ и отвѣтитъ.

Голованъ или согласится, или же скажетъ:

— А я бы, братъ, умираючи, вотъ какъ лучше сдѣлалъ.

И рассказываетъ, по обыкновению, все весело, со всегдашней улыбкой.

Должно-быть его совѣты были очень хороши, потому что всегда ихъ слушали и очень его за нихъ благодарили.

Могъ ли у такого человѣка быть «грѣхъ», въ лицѣ кротчайшей Павлагеюшки, которой въ то время, я думаю, было съ небольшимъ лѣтъ тридцать, за предѣлы которыхъ она и не перешла далѣе? Я не понималъ этого «грѣха» и остался чистъ отъ того, чтобы оскорбить ее и Голована довольно общими подозрѣніями. А поводъ для подозрѣнія былъ, и поводъ очень сильный, даже, если судить по видимости, неопровержимый. Кто она была Головану?—чужая. Этого мало: онъ ее когда-то зналъ, онъ былъ однихъ съ нею господъ, онъ хотѣлъ на ней жениться, но это не состоялось: Голована дали въ услуги герою Кавказа Алексѣю Петровичу Ермолову, а въ это время Павлу выдали замужъ за наѣздника Оерапонта, по мѣстному выговору «Храпона». Голованъ былъ нужный и полезный слуга, потому что онъ умѣлъ все,—онъ былъ не только хорошій поваръ и кондитеръ, но и смѣтливый, и бойкій походный слуга. Алексѣй Петровичъ платилъ за Голована что слѣдовало его помѣщику, и, кромѣ того, говорятъ, будто далъ самому Головану займы денегъ на выкупъ. Не знаю, вѣрно ли это, но Голованъ, дѣйствительно, вскорѣ, по возвращеніи отъ Ермолова, выкупился и всегда называлъ Алексѣя Петровича своимъ «благодѣтелемъ»: Алексѣй же Петровичъ, по выходѣ Голована на волю, подарилъ ему на хозяйство хорошую корову съ теленкомъ, отъ которыхъ у того и пошелъ «ермоловскій заводъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда именно Голованъ поселился въ сараѣ на обвалѣ,—этого я совсѣмъ не знаю, но это совпадало съ первыми днями его «вольнаго человѣчества», когда ему предстояла

большая забота о родныхъ, оставшихся въ рабствѣ. Голованъ былъ выкупленъ самолично одинъ, а мать, три его сестры и тетка, бывшая впоследствии моею нянькою, оставались «въ крѣпости». Въ такомъ же положеніи была и нѣжно любимая ими Павла или Павлагеюшка. Голованъ ставилъ первую заботою всѣхъ ихъ выкупить, а для этого нужны были деньги. По мастерству своему, онъ могъ бы идти въ повара, или въ кондитеры, но онъ предпочелъ другое, именно молочное хозяйство, которое и началъ при помощи «ермоловской коровы». Было мнѣніе, что онъ избралъ это потому, что самъ былъ *молоканъ*. Можетъ-быть это значило просто, что онъ все возился съ молокомъ, но, можетъ-быть, что названіе это мѣтило прямо на его вѣру, въ которой онъ казался страннымъ, какъ и во многихъ иныхъ поступкахъ. Очень возможно, что онъ на Кавказѣ и зналъ молокановъ и что-нибудь отъ нихъ позаимствовалъ. Но это относится къ его странностямъ, до которыхъ дойдетъ ниже.

Молочное хозяйство пошло прекрасно: года черезъ три у Голована было уже двѣ коровы и быкъ, потомъ три, четыре, и онъ нажилъ столько денегъ, что выкупилъ мать, потомъ каждый годъ выкупалъ по сестрѣ, и всѣхъ ихъ забиралъ и сводилъ въ свою просторную, но прохладную лачугу. Такъ, лѣтъ въ шесть-семь, онъ высвободилъ всю семью, но красавица Павла у него улетѣла. Къ тому времени, когда онъ могъ и ее выкупить, она была уже далеко. Ея мужъ, наѣздникъ Храпонъ, былъ плохой человѣкъ—онъ не угодилъ чѣмъ-то барину и, въ примѣръ прочимъ, былъ отданъ въ рекруты безъ зачета.

Въ службѣ Храпонъ попалъ въ «скачки», т. е. верховые пожарной команды въ Москву, и вытребовалъ туда жену; но вскорѣ и тамъ сдѣлалъ что-то нехорошее и бѣжалъ, а покинутая имъ жена, имѣя нравъ тихій и робкій, убоялась коловратностей столичной жизни и возвратилась въ Орель. Здѣсь она тоже не нашла на старомъ мѣстѣ никакой опоры и, гонимая нуждою, пришла къ Головану. Тотъ, разумѣется,

ее тотчасъ же принялъ и помѣстилъ у себя въ одной и той же просторной горницѣ, гдѣ жили его сестры и мать. Какъ мать и сестры Голована смотрѣли на водвореніе Павлы,—я доподлинно не знаю, но водвореніе ея въ ихъ домѣ не посѣяло никакой распри. Всѣ женщины жили между собою очень дружно и даже очень любили бѣдную Павлагеюшку, а Голованъ всѣмъ имъ оказывалъ равную внимательность, а особенное почтеніе оказывалъ только матери, которая была уже такъ стара, что онъ лѣтомъ выносилъ ее на рукахъ и сажалъ на солнышко какъ больного ребенка. Я помню, какъ она «заходила» ужаснымъ кашлемъ и все молилась «о прибраніи».

Всѣ сестры Голована были пожилыя дѣвушки и всѣ помогали брату въ хозяйствѣ: онѣ убирали и доили коровъ, ходили за курами и пряли необыкновенную пряжу, изъ которой потомъ ткали необыкновенныя же и никогда мною послѣ этого не виданныя ткани. Пряжа эта называлась очень некрасивымъ словомъ «поплѣвки». Матеріалъ для нея приносилъ откуда-то въ кулъкахъ Голованъ, и я видѣлъ и помню этотъ матеріалъ: онъ состоялъ изъ небольшихъ сучковатыхъ обрывочковъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ нитей. Каждый обрывочекъ былъ длиною отъ вершка до четверти аршина, и на каждомъ такомъ обрывочкѣ непременно былъ болѣе или менѣе толстый узелокъ, или сучокъ. Откуда Голованъ бралъ эти обрывки — я не знаю, но очевидно, что это былъ фабричный отбросъ. Такъ мнѣ и говорили его сестры.

— Это, говорили, — миленькій, гдѣ бумагу прядутъ и ткутъ, такъ—какъ до такого узелка дойдутъ, сорвутъ его да на полъ и *сплюнутъ*, потому что онъ въ берда не идетъ, а братецъ ихъ собираетъ, а мы изъ нихъ вотъ тепленькія одѣяльца дѣлаемъ.

Я видалъ какъ онѣ всѣ эти обрывки нитей терпѣливо разбирали, связывали ихъ кусочекъ съ кусочкомъ, наматывали образовавшуюся такимъ образомъ пеструю, разноцвѣтную нить на длинныя шпули; потомъ ихъ трастили,

ссучивали еще толще, растягивали на колышкахъ по стѣнѣ, сортировали что-нибудь одноцвѣтное для каемъ, и, наконецъ, ткали изъ этихъ «поплёвокъ» черезъ особое бердо «поплёвковыя одѣяла». Одѣяла эти съ виду были похожи на нынѣшнія байковыя: такъ же у каждаго изъ нихъ было по двѣ каймы, но само полотно всегда было мрамористое. Узелки въ нихъ какъ-то сглаживались отъ ссучиванья и хотя были, разумѣется, очень замѣтны, но не мѣшали этимъ одѣяламъ быть легкими, теплыми и даже иногда довольно красивыми. Притомъ же они продавались очень дешево, — меньше рубля за штуку.

Эта кустарная промышленность въ семьѣ Голована шла безъ остановки и онъ, вѣроятно, находилъ сбытъ поплёвковымъ одѣяламъ безъ затрудненія.

Павлагеюшка тоже вязала и сучила поплёвки и ткала одѣяла, но, кромѣ того, она, по усердію къ пріютившей ее семьѣ, несла еще всѣ самыя тяжелыя работы въ домѣ: ходила подъ кручу на Орликъ за водою, носила топливо и прочее, и прочее.

Дрова уже и тогда въ Орлѣ были очень дороги, и бѣдные люди отапливались то гречневою лузгою, то навозомъ, а послѣднее требовало большой заготовки.

Все это и дѣлала Павла своими тонкими руками, въ вѣчномъ молчаніи, глядя на свѣтъ Божій изъ-подъ своихъ персидскихъ бровей. Знала ли она, что ея имя «грѣхъ», — я не свѣдушъ, но таково было ея имя въ народѣ, который твердо стоитъ за выдуманныя имъ клички. Да и какъ иначе: гдѣ женщина, любящая, живетъ въ домѣ у мужчины, который ее любилъ и искалъ на ней жениться, — тамъ, конечно, грѣхъ. И дѣйствительно, въ то время, когда я ребенкомъ видалъ Павлу, она единогласно почиталась Головановымъ «грѣхомъ», но самъ Голованъ не утрачивалъ черезъ это ни малѣйшей доли общаго уваженія и сохранялъ прозвище «несмертельнаго».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Несмертельнымъ» стали звать Голована въ первый годъ, когда онъ поселился въ одиночествѣ надъ Орликомъ съ своею «ермоловскою коровою» и ея теленкомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее вполне достовѣрное обстоятельство, о которомъ никто не вспомнилъ во время недавней «прокофьевской» чумы. Было въ Орлѣ обычное лихолѣтье, а въ февралѣ на день св. Агаѣи Коровницы по деревнямъ какъ надо побѣжала «коровья смерть». Шло это, яко тому обычай есть и какъ пишется въ универсальной книгѣ иже глаголется: *Прохладный вертоградъ*: «Какъ лѣто сканчевается, а осень приближается, тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А въ то время надобе всякому человѣку на всемогущаго Бога упованіе возлагати и на пречистую Его Матерь и силою честнаго креста ограждатися и сердце свое воздержати отъ кручины и отъ ужаста и отъ тяжелой думы, ибо черезъ сіе сердце человѣческое умаляется и скоро порса и язва прилѣпляется,—мозгъ и сердце захватить, осилѣть человѣка и борзо умереть». Было все это тоже при обычныхъ картинахъ нашей природы, «когда стають въ осень туманы густые и темные и вѣтеръ съ полуденной страны и послѣди дожди и отъ солнца воскуреніе земли, и тогда надобе на вѣтръ не ходити, а сидѣти во избѣ въ топленой и оконъ не отворяти, а добро бы чтобы въ томъ градѣ ни жити, и изъ того граду отходити въ мѣста чистыя». Когда, т. е. въ какомъ именно году послѣдовалъ моръ, прославившій Голована «несмертельнымъ»—этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимались и изъ-за нихъ не поднимали шума, какъ вышло изъ-за Наума Прокофьева. Мѣстное горе въ своемъ мѣстѣ и кончалось, усмиряемое однимъ упованіемъ на Бога и Его пречистую Матерь, и развѣ только въ случаѣ сильнаго преобладанія въ какой-нибудь мѣстности досужаго «интеллигента» принимались свособычныя оздоравлиющія мѣры: «во дворѣхъ огонь рас-

кладали ясный, дубовымъ дровомъ, дабы дымъ расходился, а въ избахъ кѳрили пелынею и можжевеловыми дровами и листвѳемъ рутовымъ». Но все это могъ дѳлать только интеллигентъ и притомъ при хорошемъ зажиткѳ, а смерть борзо брала не интеллигента, но того, кому ни въ избѳ топленой сидѳть некогда, да и дровомъ дубовымъ раскрытый дворе топить не по силамъ. Смерть шла объ руку съ голодомъ и другъ друга поддерживали. Голодающѳе собирались у голодающихъ, больщые умирали «борзо», т. е. скоро, что крестьянину и выгоднѳе. Долгихъ томленѳй не было, не было слышно и выздоравливающихъ. Кто заболѳлъ, тотъ «борзо» и померъ, *кромъ одного*. Какая это была болѳзнь,—научно не опредѳлено, но народно ее звали «пазуха», или «вередъ», или «жмыховой пупырухъ», или даже просто «пупырухъ». Началось это съ хлѳбородныхъ уѳздовъ, гдѳ, за неимѳнѳемъ хлѳба, ѳли конопляный жмыхъ. Въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѳздахъ, гдѳ крестьяне мѳшали горсть непросѳвной мучи съ толченой корою, была болѳзнь иная, тоже смертоносная, но не пупырухъ. «Пупырухъ» показался сначала на скотѳ, а потомъ передавался людямъ. «У человѳка подъ пазухами или на шеѳ садится болячка червенна и въ тѳлѳ колотье почюеть, и внутри негасимое горячество или во удесѳхъ нѳкая студеность, и тяжкое въздыханѳе и не можетъ въздыхати—духъ въ себя тянетъ и паки выпускаетъ; сонъ найдетъ, что не можетъ перестать спать; явится горестъ, кислотъ и блеванѳе; въ лицѳ человѳкъ смѳнится, станетъ образомъ глиностенъ и борзо умираетъ». Можетъ-быть это была сибирская язва, можетъ-быть какая-нибудь другая язва, но только она была губительна и безпощадна, а самое распространенное названѳе ей, опять повторяю, было «пупырухъ». Вскочить на тѳлѳ прыщъ, или по-простонародному «пупырушекъ», зажелтоголовится, вокругъ зардѳетъ и къ суткамъ начинаетъ мясо отгнивать, а потомъ борзо и смерть. Скорая смерть представлялась, впрочемъ, «въ добрыхъ видахъ». Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всѳмъ помирав-

шимъ до послѣдней минутки хотѣлось пить. Въ этомъ и былъ весь не долгій и не утомительный уходъ, котораго требовали, или, лучше сказать, вымаливали себѣ больные. Однако, уходъ за ними даже въ этой формѣ былъ не только опасенъ, но почти невозможенъ,—человѣкъ, который сегодня подавалъ пить заболѣвшему родичу,—завтра самъ заболѣвалъ «пупырухомъ», и въ домѣ нерѣдко ложились два и три покойника рядомъ. Остальные въ осиротѣлыхъ семьяхъ умирали безъ помощи,—безъ той единственной помощи, о которой заботится нашъ крестьянинъ, «чтобы было кому подать напиться». Вначалѣ такой сирота поставитъ себѣ у изголовья ведерко съ водою и черпаетъ ковшикомъ, пока рука поднимается, а потомъ ссучитъ изъ рукава или изъ подола рубашки соску, смочитъ ее, сунетъ себѣ въ ротъ, да такъ съ ней и закаменѣетъ.

Большое личное бѣдствіе — плохой учитель милосердія. По крайней мѣрѣ, оно нехорошо дѣйствуетъ на людей обыкновенной, заурядной нравственности, невозвышающейся за черту простого состраданія. Оно притупляетъ чувствительность сердца, которое само тяжело страдаетъ и полно ощущенія собственныхъ мученій. Зато въ такія горестныя минуты общаго бѣдствія среда народная выдвигаетъ изъ себя героевъ великодушія, людей безстрашныхъ и самоотверженныхъ. Въ обыкновенное время они не видны и часто ничѣмъ не выдѣляются изъ массы; но наскочить на людей «пупырушекъ», и народъ выдѣляетъ изъ себя избранника и тотъ творитъ чудеса, которыя дѣлаютъ его лицомъ миѳическимъ, баснословнымъ, «*несмертельнымъ*». Голованъ былъ изъ такихъ и въ первый же моръ превзошелъ и затмилъ въ народномъ представленіи другого здѣшняго замѣчательнаго человѣка, купца Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ былъ честный старикъ, котораго уважали и любили за доброту и справедливость, ибо онъ «близко-помощенъ» былъ ко всѣмъ народнымъ бѣдствіямъ. Помогалъ онъ и въ «мору» потому, что имѣлъ списаннымъ «врачеваніе» и «все оное переписывалъ и множилъ». Списанія эти у него

брали и читали по разнымъ мѣстамъ, но понять не могли и «приступитъ не знали». Писано было: «аще болячка явится поверхъ главы или иномъ мѣстѣ выше пояса,—пушай много кровь изъ медіаны; аще явится на челѣ, то пушай скоро кровь изъ-подъ языка; аще явится подлѣ ушей и подъ бороною, пушай изъ сефаліевы жилы, аще же явится подъ пазухами, то значить сердце больно, и тогда въ той сторонѣ медіанъ отворяй». На всякое мѣсто, «гдѣ тягостно услышишь», расписано было, какую жилу отворять «саеенову» или «противъ большаго перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базику» съ «наказомъ пушаты изъ нихъ кровь течи дондеже зелена станетъ и перемѣнится». А лѣчить еще «левкаремъ да антелемъ, печатною землею, да землею арменскою; виномъ малмозеею, да водкой буглосовою, вирианомъ виницейскимъ, митридатомъ да сахаромъ монюсъ-кристи», а входящимъ къ больному «держатъ во ртѣ дягилева корьніе, а въ рукахъ—пелынь, а ноздри сворбориновымъ уксусомъ помазаны и губу въ уксусѣ мочену жохоть». Никто ничего въ этомъ понять не могъ, точно въ казенномъ указѣ, въ которомъ писано и переписано, то туда, то сюда и «въ дву потомужъ». Ни жилъ такихъ не находили, ни вина малмозеи, ни земли арменской, ни водки буглосовой, и читали люди списанія добраго старичка Андросова болѣе только для «утоли моя печали». Примѣнять же изъ нихъ могли одни заключительныя слова: «а гдѣ бываетъ моръ и въ тѣ мѣста ненадобе ходить, а отходити прочь». Это и соблюдали во множествѣ, и самъ Иванъ Ивановичъ держалъ тое жъ правило, и сидѣлъ въ избѣ топленой и раздавалъ врачебныя списанія въ подворотенку, задерживая въ себѣ духъ и держа во рту дягиль-корень. Къ больнымъ можно было безопасно входить только тѣмъ, у а кого есть оленьи слезы или *безоаръ* камень; но ни слезъ оленьихъ, ни камня безоара у Ивана Ивановича не было, въ аптекахъ на Болховской улицѣ камень, хотя, можетъ-быть, и водился, но аптекаря были—одинъ изъ поляковъ, а другой нѣмецъ,—къ русскимъ людямъ надлежащей жалости

не имѣли и безоаръ камень для себя берегли. Это было вполне достовѣрно потому, что одинъ изъ двухъ орловскихъ аптекарей какъ потерялъ свой безоаръ, такъ сейчасъ же на дорогѣ у него стали уши желтѣть, око одно ему противъ другого убавилось и онъ сталъ дрожать и хоша желалъ вспотѣть и для того велѣлъ себѣ дома къ подошвамъ каленный кирпичъ положить, однако не вспотѣлъ, а въ сухой рубахѣ умеръ. Множество людей искали потерянный аптекаремъ безоаръ, и кто-то его нашель, только не Иванъ Ивановичъ, потому что онъ тоже умеръ.

И вотъ въ это-то ужасное время, когда интеллигенты отирались уксуомъ и не испускали духу, по бѣднымъ слободскимъ хибаркамъ еще ожесточеннѣе пошелъ «пупырухъ»; люди начали здѣсь умирать «соплошь и безъ всякой помощи»—и вдругъ тамъ на нивѣ смерти появился съ изумительнымъ безстрашіемъ Голованъ. Онъ, вѣроятно, зналъ или думалъ, будто знаетъ какую-то медицину, потому что клалъ на опухоли больныхъ своего приготовленія «кавказскій пластырь»; но этотъ его кавказскій, или ермоловскій, пластырь помогалъ плохо. Пупыруховъ Голованъ не вылѣчивалъ такъ же какъ и Андросовъ, но зато велика была его услуга больнымъ и здоровымъ въ томъ отношеніи, что онъ безбоязненно входилъ въ зачумленные лачуги и поилъ зараженныхъ не только свѣжею водою, но и снятымъ молокомъ, которое у него оставалось изъ-подъ клубныхъ сливокъ. Утромъ рано до зари переправлялся онъ на снятыхъ съ петель сарайныхъ воротницахъ черезъ Орликъ (лодки здѣсь не было) и съ бутылками за необъятнымъ нѣдромъ пнырялъ изъ лачужки въ лачужку, чтобы промочить изъ скляницы засохшія уста умирающихъ, или поставить мѣломъ крестъ на двери, если драма жизни здѣсь уже кончилась и занавѣсъ смерти закрылась надъ послѣднимъ изъ актеровъ. Съ этихъ поръ доселѣ малоизвѣстнаго Голована широко узнали во всѣхъ слободахъ и началось къ нему большое народное тяготѣніе. Имя его, прежде знакомое прислугѣ дворянскихъ домовъ, стали произносить съ уваженіемъ въ

народъ; начали видѣть въ немъ человѣка, который не только можетъ «заступить умершаго Ивана Ивановича Андросова, а даже болѣе его означать у Бога и у людей». А самому безстрашію Голована не умедлили подыскать сверхъестественное объясненіе: Голованъ, очевидно, что-то зналъ, и въ силу такого знахарства онъ былъ «*несмертельный*»...

Позже оказалось, что это такъ именно и было: это помогъ всѣмъ разъяснить пастухъ Панька, который видѣлъ за Голованомъ вещь невѣроятную, да подтверждалось это и другими обстоятельствами.

Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирѣпствовала въ слободахъ, ни самъ онъ, ни его «ермоловская» корова съ бычкомъ ничѣмъ не заболѣли; но этого мало: самое важное было то, что онъ обманулъ и извелъ, или, держась мѣстнаго говора, «изништожилъ» саму язву, и сдѣлалъ то, не пожалѣвъ теплой крови своей за народушко.

Потерянный аптекаремъ безоаръ камень былъ у Голована. Какъ онъ ему достался—это было неизвѣстно. Полагали, что Голованъ несъ сливки аптекарю для «обыденной мази» и увидалъ этотъ камень, и утаилъ его. Честно это или не честно было произвести такую утайку, про то строгой критики не было, да и быть не должно. Если не грѣхъ взять и утаить съѣдомое, потому что съѣдомое Богъ всѣмъ дарствуетъ, то тѣмъ паче не предосудительно взять цѣлебное вещество, если оно дано къ общему спасенію. Такъ у насъ судятъ,—такъ и я сказываю. Голованъ же, утаивъ аптекаревъ камень, поступилъ съ нимъ великодушно, пустивъ его на общую пользу всего рода христіанскаго.

Все это, какъ я выше уже сказаль, обнаружилъ Панька, а общій разумъ мірской это выяснилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Панька, разноглазый мужикъ съ выпвѣтшими волосами, былъ подпаскомъ у пастуха и, кромѣ общей пастушей должности, онъ еще гонялъ по утрамъ *на росу* перекрещи-

ванскихъ коровъ. Въ одно изъ такихъ раннихъ своихъ занятій, онъ и подсмотрѣлъ все дѣло, которое вознесло Голована наверхъ величія народнаго.

Это было по веснѣ, должно-быть вскорѣ послѣ того, какъ выѣхалъ на русскія поля изумрудныя молодой Егорій свѣтлохрабрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды переходя, а божій людъ честной-праведный выгналъ встрѣчь ему малъ и крупенъ скотъ. Травка была еще такъ мала, что овца и коза ею едва-едва наѣдались, а толстогубая корова мало могла захватывать. Но подъ плетнями въ тѣняхъ и по канавкамъ уже ботвѣли полынь и крапива, которыя съ росой за нужду ѣлись.

Выгналъ Панька перекрещиванскихъ коровъ рано, еще затемно, и прямо бережкомъ около Орлика прогналъ за свободу на полянку, какъ разъ напротивъ конца Третьей Дворянской улицы, гдѣ съ одной стороны по скату шелъ старый, такъ называвшійся «городецкій» садъ, а слѣва на своемъ обрывкѣ лѣпилось Голованово гнѣздо.

Было еще холодно, особенно передъ зарею, по утрамъ, а кому спать хочется, тому еще холоднѣе кажется. Одежда на Панькѣ была, разумѣется, плохая, сиротская, какая-нибудь рвань съ дырой на дырѣ. Парень вертится на одну сторону, вертится на другую, молить, чтобы святой Оедуль на него тепломъ подуль, а на мѣсто того все холодно. Только заведетъ глаза, а вѣтерокъ заюлить, заюлить въ прорѣху, и опять разбудить. Однако, молодая сила взяла свое: натянулъ Панька свитку на себя совсѣмъ сверхъ головы, шалашикомъ, и задремалъ. Часъ какой не разслышалъ, потому что зеленая богоявленская колокольня далеко. А вокругъ никого, нигдѣ ни одной души человѣческой, только толстыя купеческія коровы пыхтятъ, да нѣтъ-нѣтъ въ Орликѣ рѣзвый окунь всплеснетъ. Дремлется пастуху и въ дырявой свиткѣ. Но вдругъ, какъ будто что-то его подъ бокъ толкнуло, вѣроятно, зефиръ гдѣ-нибудь еще новую дыру нашель, Панька вскинулся, повелъ съ просонья глазами, хотѣлъ крикнуть:

«куда комолая», и остановился. Показалось ему, что кто-то на той сторонѣ спускается съ кручи. Можетъ-быть воръ хочетъ закопать въ глину что-нибудь краденое. Панька заинтересовался: можетъ-быть, онъ подстережетъ вора и накроетъ его, либо закричитъ ему «чуръ вмѣстѣ», а еще лучше постарается хорошенько замѣтить похоронку, да потомъ переплыветъ днемъ Орликъ, выкопаетъ и все себѣ безъ раздѣла возьметъ.

Панька воззрился, и все на кручу за Орликъ смотреть. А на дворѣ еще чуть сѣрѣло.

Вотъ кто-то спускается съ кручи, сошелъ, сталъ на воду и идетъ. Да такъ просто идетъ по водѣ, будто по суху, и не плескаетъ ничѣмъ, а только костылькомъ подпирается. Панька оторопѣлъ. Тогда въ Орлѣ изъ мужского монастыря чудотворца ждали, и голоса уже изъ подполицы слышали. Началось это сразу послѣ «Никодимовыхъ похоронъ». Архирей Никодимъ былъ злой человѣкъ, отличившійся къ концу своей земной карьеры тѣмъ, что, желая имѣть еще одну кавалерію, онъ изъ угодливости сдалъ въ солдаты очень много духовныхъ, между которыми были и единственные сыновья у отцовъ, и даже сами семейные дьячки и пономари. Они выходили изъ города цѣлой партией, заливаясь слезами. Провожавшіе ихъ также рыдали, и самый народъ, при всей своей нелюбви къ многоовчинному поповскому брюху, плакалъ и подавалъ имъ милостыню. Самому партіонному офицеру было ихъ такъ жалко, что онъ, желая положить конецъ слезамъ, велѣлъ новымъ рекрутамъ запѣть пѣсню, а когда они хоромъ стройно и громко затянули ими же сложенную пѣсню:

Архирей нашъ Никодимъ
Архилютный крокодилъ,

то будто бы и самъ офицеръ заплакалъ. Все это тонуло въ морѣ слезъ, и чувствительнымъ душамъ представлялось зломъ, вопіющимъ на небо. И дѣйствительно—какъ достигло ихъ вопленье до неба, такъ въ Орлѣ пошли «гласы». Сначала «гласы» были не внятные, и неизвѣстно отъ кого шли, но

когда Никодимъ вскорѣ послѣ этого умеръ и былъ погребенъ подъ церковью, то пошла явная рѣчь отъ прежде его погребеннаго тамъ епископа (кажется Аполлоса). Прежде отшедшій епископъ былъ недоволенъ новымъ сосѣдствомъ и, ничѣмъ не стѣняясь, прямо говорилъ: «возьмите вонъ отсюда это падло, душно мнѣ съ нимъ» И даже угрожалъ, что если «падло» не уберутъ, то онъ самъ «уйдетъ и въ другомъ городѣ явится». Это многіе люди слышали. Какъ, бывало, пойдутъ въ монастырь ко всенощной и, отстоявъ службу, идутъ назадъ, имъ и слышно; стонетъ старый архіерей: «возьмите падло». Всѣмъ очень желалось, чтобы заявленіе добраго покойника было исполнено, но не всегда внимательное къ нуждамъ народа начальство не выбрасывало Никодима и явно открывавшійся угодникъ всякую минуту могъ «сойти съ двора».

Вотъ не что иное, какъ это самое, теперь и происходило: угодникъ уходитъ, и видитъ его только одинъ бѣдный пастушокъ, который такъ отъ этого растерялся, что не только не задержалъ его, но даже не замѣтилъ, какъ святой уже и изъ глазъ у него пропалъ. На дворѣ же только чуть начало свѣтать. Со свѣтомъ къ человѣку прибываетъ смѣлости, съ смѣлостью усиливается любознательность. Панька захотѣлъ подойти къ самой водѣ, черезъ которую только что прослѣдовало таинственное существо; но едва онъ подошелъ, какъ видитъ тутъ мокрая воротница къ бережку шестомъ приткнута. Дѣло выяснилось: значить это не угодникъ прослѣдовалъ, а просто проплылъ несмертельный Голованъ: вѣрно, онъ пошелъ какихъ-нибудь обезродѣвшихъ ребятишекъ изъ нѣдра молочкомъ привѣтить. Панька подивился: когда этотъ Голованъ и спитъ!.. Да и какъ онъ, такой мужичище, плаваетъ на такой посудинѣ,—на половинкѣ воротъ? Правда, что Орликъ рѣка не великая и воды его, захваченныя пониже запрудою, тихи какъ въ лужѣ, но все-таки каково это на воротахъ плавать?

Панькѣ захотѣлось самому это попробовать. Онъ сталъ на воротца, взялъ шестикъ, да, шая, и переѣхалъ на ту

сторону, а тамъ сошелъ на берегъ Головановъ домъ посмотреть, потому что уже хорошо забрезжило, а между тѣмъ Голованъ въ ту минуту и кричитъ съ той стороны: «Эй! кто мои ворота угналъ! назадъ давай!»

Панька былъ малый не большой отваги и не приученъ былъ рассчитывать на чье-либо великодушіе, а потому испугался и сдѣлалъ глупость. вмѣсто того, чтобы подать Головану назадъ его плоть, Панька взялъ да и схоронился въ одну изъ глиняныхъ ямокъ, которыхъ тутъ было множество. Залегъ Панька въ яминку, и сколько его Голованъ ни звалъ съ той стороны, онъ не показывается. Тогда Голованъ, видя, что ему не достать своего корабля, сбросилъ тулупъ, раздѣлся до нага, связалъ весь свой гардеробъ ремнемъ, положилъ на голову и поплылъ черезъ Орликъ. А вода была еще очень холодна.

Панька объ одномъ заботился, чтобы Голованъ его не увидалъ и не побилъ; но скоро его вниманіе было привлечено къ другому. Голованъ переплылъ рѣку и началъ было одѣваться, но вдругъ присѣлъ, глянулъ себѣ подъ лѣвое колѣно и остановился.

Было это такъ близко отъ яминки, въ которой прятался Панька, что ему все было видно изъ-за глыбинки, которою онъ могъ закрываться. И въ это время уже было совсѣмъ свѣтло, заря уже румянѣла, и хотя большинство горожанъ еще спали, но подъ городецкимъ садомъ появился молодой парень съ косою, который началъ окашивать и складывать въ плетушку крапиву.

Голованъ замѣтилъ косаря и, вставъ на ноги въ одной рубахѣ, громко крикнулъ ему:

— Малець, дай скорѣй косу!

Малець принесъ косу, а Голованъ говоритъ ему:

— Поди мнѣ большой лопухъ сорви, и какъ парень отъ него отвернулся, онъ снялъ косу съ косья, присѣлъ опять на корточки, оттянулъ одною рукою икру у ноги, да въ одинъ махъ всю ее и отрѣзалъ прочь. Отрѣзанный шмать

мяса величиною въ деревенскую лепешку швырнулъ въ Орликъ, а самъ зажалъ рану обѣими руками и повалился.

Увидѣвъ это, Панька про все позабылъ, выскочилъ и сталъ звать косаря.

Парни взяли Голована и перетащили къ нему въ избу, а онъ здѣсь пришелъ въ себя, велѣлъ достать изъ коробки два полотенца и скрутить ему порѣзъ какъ можно крѣпче. Они стянули его изо всей силы, такъ что кровь перестала.

Тогда Голованъ велѣлъ имъ поставить около него ведро съ водою и ковшикъ, а самимъ идти къ своимъ дѣламъ, и никому про то, что было, не сказывать. Они же пошли и, трясясь отъ ужаста, всѣмъ рассказали. А услышавшіе про это сразу догадались, что Голованъ это сдѣлалъ не спроста, а что онъ, такимъ образомъ, избоясь за людей, бросилъ язвѣ пимать своего тѣла на тотъ конецъ, чтобы онъ прошелъ жертвицей по всѣмъ русскимъ рѣкамъ изъ малаго Орлика въ Оку, изъ Оки въ Волгу по всей Руси великой до широкаго Каспія, и тѣмъ Голованъ за всѣхъ отстрадалъ, а самъ онъ отъ этого не умретъ, потому что у него въ рукахъ аптекаревъ живой камень и онъ человѣкъ «несмертельный».

Сказъ этотъ пришелъ всѣмъ по мысли да и предсказаніе оправдалось: Голованъ не умеръ отъ своей страшной раны. Лихая же хвороба послѣ этой жертвы, дѣйствительно, прекратилась и настали дни успокоенія: поля и луга уключились густой зеленью и привольно стало по нимъ разѣзжать молодому Егорію свѣтло-храброму, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, а по концамъ звѣзды переходя. Отбѣлились холсты свѣжею юрьевою россою, выѣхаль вмѣсто витязя Егорія въ поле Іеремія пророкъ съ тяжелымъ ярмомъ, волоча сохи да бороны, засвистали соловьи въ Борисовъ день, утѣшая мученика, стараніями святой Мавры засинѣла крѣпкая разсада, прошелъ Зосима святой съ долгимъ костылемъ, въ набалдашникѣ пчелиную матку пронесъ; минулъ день Ивана Богословца «Николина батюшки»

и самъ Никола отпразднованъ, и сталъ на дворѣ Симонъ Зилоть, когда земля именинница. На землины именины Голованъ вылѣзъ на заваленку, и съ той поры мало по малу ходить началъ и снова за свое дѣло принялся. Здоровье его, повидимому, ни мало не пострадало, но только онъ «шкандыбать» сталъ,—на лѣвую ножку подпрыгивалъ.

О трогательности и отвагѣ его кроваваго надъ собою поступка, люди, вѣроятно, имѣли высокое мнѣніе, но судили о немъ такъ, какъ я сказалъ: естественныхъ причинъ ему не доискивались, а, окутавъ все своею фантазіею, сочинили изъ естественнаго событія баснословную легенду, а изъ простаго, великодушнаго Голована сдѣлали мистическое лицо, что-то въ родѣ волхва, кудесника, который обладалъ неодолимымъ талисманомъ и могъ на все отважиться и нигдѣ не погибнуть.

Зналъ или не зналъ Голованъ, что ему присвоивала такія дѣла людская молва,—мнѣ неизвѣстно. Однако, я думаю, что онъ зналъ, потому что къ нему очень часто обращались съ такими просьбами и вопросами, съ которыми можно обращаться только къ доброму волшебнику. И онъ на многіе такіе вопросы давалъ «помогательные совѣты», и вообще ни за какой спросъ не сердился. Бывалъ онъ по слободамъ и за коровьяго врача и за людского лѣкаря, и за инженера, и за звѣздоточія, и за аптекаря. Онъ умѣлъ сводить шелуди и коросту, опять таки какою-то «ермоловской мазью», которая стоила одинъ мѣдный грошъ на трехъ человѣкъ; вынималъ соленымъ огурцомъ жаръ изъ головы; зналъ, что травы надо собирать съ Ивана до полу-Петра, и отлично «воду показывалъ», то есть гдѣ можно колодезь рыть. Но это онъ могъ, впрочемъ, не во всякое время, а только съ начала іюня до св. Федора Колодезника, пока «вода въ землѣ слышно какъ идетъ по суставчикамъ». Могъ Голованъ сдѣлать и все прочее, что только человѣку надо, но на остальное у него передъ Богомъ былъ зарокъ данъ за то, чтобы пупырухъ остановился. Тогда онъ это кровью своею подтвердилъ и держалъ крѣпко на крѣпко. За то его

и Богъ любилъ и миловалъ, а деликатный въ своихъ чувствахъ народъ никогда не просилъ Голована о чемъ ненужно. По народному этикету это такъ у насъ принято.

Головану, впрочемъ, столь не тягостно было отъ мистическаго облака, которымъ повивала его народная fama, что онъ не употреблялъ, кажется, никакихъ усилій разрушить все, что о немъ сложилось. Онъ зналъ, что это напрасно.

Когда я съ жадностью пробѣгалъ листы романа Виктора Гюго «Труженики моря» и встрѣтилъ тамъ Жильята, съ его гениально очерченной строгостью къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, достигшей высоты совершеннаго самоотверженія я былъ пораженъ не однимъ величіемъ этого облика и силою его изображенія, но также и тождествомъ гернсейскаго героя съ живымъ лицомъ, котораго я зналъ подъ именемъ Голована. Въ нихъ жилъ одинъ духъ и бились самоотверженнымъ боемъ сходныя сердца. Немного разнились они и въ своей судьбѣ: во всю жизнь вокругъ нихъ густѣла какая-то тайна, именно потому, что они были слишкомъ чисты и ясны и какъ одному, такъ и другому не выпало на долю ни одной капли личнаго счастья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Голованъ, какъ и Жильятъ, казался «сумнителемъ въ вѣрѣ». Думали, что онъ былъ какой нибудь раскольникъ, но это еще не важно, потому что въ Орлѣ въ то время было много всякаго разновѣрія: тамъ были (да вѣрно и теперь есть) и простые старовѣры, и старовѣры не простые,—и еедосѣвцы, «пилипоны», и перекрещиванцы,—были даже хлысты, и «люди Божіи», которыхъ далеко высылали судомъ человѣческимъ. Но всѣ эти люди крѣпко держались своего стада и твердо порицали всякую иную вѣру,—особились другъ отъ друга въ молитвѣ и яденіи, и однихъ себя разумѣли на «пути правомъ». Голованъ же велъ себя такъ, какъ будто онъ даже совсѣмъ не зналъ ничего на-

стоящаго о наилучшемъ пути, а ломалъ хлѣбъ отъ своей краюхи безъ разбору каждому, кто просилъ, и самъ садился за чей угодно столъ, гдѣ его приглашали. Даже жиду Юшкѣ изъ гарнизона онъ давалъ для дѣтей молока. Но нехристіанская сторона этого послѣдняго поступка по любви народа къ Головану нашла себѣ кое-какое извиненіе: люди проникли, что Голованъ, задабривая Юшку, хотѣлъ добыть у него тщательно сохраняемыя евреями «іудины губы», которыми можно передъ судомъ отоглаться, или «волосатый овощъ», который жидамъ жажду тушить, такъ что они могутъ вина не пить. Но что совсѣмъ было непонятно въ Голованѣ, это то, что онъ водился съ мѣдникомъ Антономъ, который пользовался въ разсужденіи всѣхъ настоящихъ качествъ самою плохую репутаціею. Этотъ человѣкъ ни съ кѣмъ не соглашался въ самыхъ священныхъ вопросахъ, а выводилъ какіе-то таинственные зодіи и даже что-то сочинялъ. Жилъ Антонъ въ слободѣ, въ пустой горенкѣ на чердачкѣ, платя по полтинѣ въ мѣсяць, но держалъ тамъ такія страшныя вещи, что къ нему никто не заходилъ, кромѣ Голована. Извѣстно было, что Антонъ имѣлъ здѣсь планъ, рекомый «зодіи», и стекло, которымъ «съ солнца огонь изводилъ»; а кромѣ того, у него былъ лазъ на крышу, куда онъ вылѣзалъ ночами наружу, садился какъ котъ у трубы, «выставлялъ плезирную трубку» и въ самое сонное время на небо смотрѣлъ. Приверженность Антона къ этому инструменту не знала предѣловъ, особенно въ звѣздныя ночи, когда ему видны были всѣ зодіи. Какъ только прибѣжить отъ хозяина, гдѣ работалъ мѣдную работу — сейчасъ проскользнетъ черезъ свою горенку и уже лѣзетъ изъ слухового окна на крышу, и если есть на небѣ звѣзды, онъ цѣлыя ночи сидитъ и все смотреть. Ему это могли бы простить, еслибы онъ былъ ученый, или, по крайней мѣрѣ, нѣмецъ, но какъ онъ былъ простой русскій человѣкъ—его долго отучали, не разъ доставали шестами и бросали навозомъ и дохлой кошкой, но онъ ничему ни внималъ и даже не замѣчалъ, какъ его тычутъ. Всѣ, смѣясь, звали его «Астраномъ», а онъ и въ са-

момъ дѣлѣ былъ астрономъ *). Человѣкъ онъ былъ тихій и очень честный, но вольнодумецъ: увѣрялъ, что земля вертится и что мы бываемъ на ней внизъ головами. За эту послѣднюю очевидную несообразность Антонъ былъ битъ и признанъ дурачкомъ, а потомъ какъ дурачекъ сталъ пользоваться свободою мышленія, составляющею привилегію этого выгоднаго у насъ званія, и заходилъ до невѣроятнаго. Онъ не признавалъ седьминъ Ланіила прорѣченными на русское царство, говорилъ, что «звѣрь десятирогій» заключается въ одной аллегоріи, а звѣрь медвѣдица—астрономическая фигура, которая есть въ его планахъ. Также онъ вовсе неправославно разумѣлъ о «крылѣ орла», о фіалахъ и о печати антихристовой. Но ему, какъ слабоумному, все это уже прощалось. Онъ былъ не женатъ, потому что ему некогда было жениться и нечѣмъ было бы кормить жену, да и какая же дура рѣшилась бы выйти за астронома? Голованъ же былъ въ полномъ умѣ, но не только водился съ астрономомъ, а и не шутилъ надъ нимъ; ихъ даже видали ночами вмѣстѣ на астраномовой крышѣ, какъ они, то одинъ, то другой, перемѣняясь, посматривали въ плезиРНую трубку на зодіи. Понятно, что за мысли могли внушать эти двѣ стоящія ночью у трубы фигуры, вокругъ которыхъ работали мечтательное суевѣріе, медицинская поэзія, религіозный бредъ и недоумѣніе... И, наконецъ, сами обстоятельства ставили Голована въ нѣсколько странное положеніе: неизвѣстно было—какого онъ прихода... Холодная хибара его торчала на такомъ отлетѣ, что никакіе ду-

*) Я и мой товарищъ по гимназіи, нынче извѣстный русскій математикъ, К. Д. Краевичъ, знавали этого антика, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда мы были въ третьемъ классѣ орловской гимназіи и жили вмѣстѣ въ домѣ Лосевыхъ. «Антонъ-астрономъ» (тогда уже престарѣлый), дѣйствительно, имѣлъ кое какія понятія о небесныхъ свѣтилахъ и о законахъ вращенія, но главное, что было интересно: онъ самъ приготовлялъ для своихъ трубъ стекла, отшлифовывая ихъ пескомъ и камнемъ изъ донышекъ толстыхъ хрустальныхъ стакановъ и черезъ нихъ онъ оглядывалъ цѣлое небо... Жилъ онъ нищимъ, но не чувствовалъ своей нищеты, потому что находился въ постоянномъ восторгѣ отъ «зодій».

ховные стратеги не могли ее присчитать къ своему вѣдѣнію, а самъ Голованъ объ этомъ не заботился, и если его уже очень докучно спрашивали о приходѣ, отвѣчалъ:

— Я изъ прихода Творца-Вседержителя,—а такого храма во всемъ Орлѣ не было.

Жильять, въ отвѣтъ на предлагаемый ему вопросъ, гдѣ его приходъ, только поднималъ вверхъ палецъ и, указавъ на небо, говорилъ:

«— Вонъ тамъ»; но сущность обоихъ этихъ отвѣтовъ одинакова.

Голованъ любилъ слушать о всякой вѣрѣ, но своихъ мнѣній на этотъ счетъ какъ будто не имѣлъ, и на случай неопредѣленнаго вопроса: «како вѣруеши?» читалъ:

«Вѣрую во единого Бога-Отца, вседержителя творца, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ».

Это, разумѣется, уклончивость.

Впрочемъ, напрасно бы кто нибудь подумалъ, что Голованъ былъ сектантъ, или бѣжалъ церковности. Нѣтъ, онъ даже ходилъ къ отцу Петру въ Борисоглѣбскій соборъ «совѣсть повѣрять». Придетъ и скажетъ:

— Посрамите меня, батюшка, что-то себѣ очень не нравлюсь.

Я помню этого отца Петра, который къ намъ хаживалъ и однажды, когда мой отецъ сказалъ ему къ какому-то слову, что Голованъ, кажется, человѣкъ превосходной совѣсти, то отецъ Петръ отвѣчалъ:

— Не сомнѣвайтесь; его совѣсть снѣга бѣлѣй.

Голованъ любилъ возвышенныя мысли и зналъ *Поппе*, но не такъ, какъ обыкновенно знаютъ писателя люди, *прочитавшіе* его произведеніе. Нѣтъ; Голованъ, одобривъ «Опытъ о человѣкѣ», подаренный ему тѣмъ же Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, зналъ всю поэму *наизустъ*. И я помню, какъ онъ, бывало, слушаетъ, стоя у притолки, рассказъ о какомъ-нибудь новомъ грустномъ происшествіи и, вдругъ вздохнувъ, отвѣчаетъ:

«Любезный Болинброкъ, гордыня въ насъ одна
«Всѣхъ заблужденій сихъ неистовыхъ вина».

Читатель напрасно сталъ бы удивляться, что такой человекъ, какъ Голованъ, перекидывался стихами *Поппе*. Тогда было время жестокое, но поэзія была въ модѣ, и ея великое слово было дорого даже мужамъ кровей. Отъ господъ это снисходило до плебея. Но теперь я дохожу до самаго большого казуса въ исторіи Голована, — такого казуса, который уже несомнѣнно бросалъ на него двусмысленный свѣтъ, даже въ глазахъ людей, не склонныхъ вѣрить всякому вздору. Голованъ представлялся нечистымъ въ какомъ-то отдаленномъ прошломъ. Это оказалось вдругъ, но въ самыхъ рѣзкихъ видахъ. Появилась на стогнахъ Орла личность, которая ни въ чьихъ глазахъ ничего не значила, но на Голована заявляла могущественныя права и обходилась съ нимъ съ невѣроятною наглостію.

Эта личность и исторія ея появленія есть довольно характерный эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ нравовъ и не лишенная колорита бытовая картинка. А потому — прошу минуту вниманія въ сторону, — немножко вдаль отъ Орла, въ края еще болѣе теплыя, къ тихоструйной рѣкѣ въ ковровыхъ берегахъ, на народный «пиръ вѣры», гдѣ нѣтъ мѣста дѣловой, будничной жизни; гдѣ все, — *рѣшительно все*, проходитъ черезъ своеобразную религіозность, которая и придаетъ всему свою особенную рельефность и живость. Мы должны побывать при открытіи мощей новаго угодника, что составляло для самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества событіе величайшаго значенія. Для простого же народа это была эпопея, или, какъ говорили одинъ тогдашній витія, — «свершался священный пиръ вѣры».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Такого движенія, которое началось ко времени открытія торжества, не можетъ передать ни одно изъ напечатанныхъ въ то время сказаній. Живая, но низменная дѣла сторона отъ нихъ уходила. Это не было нынѣшнее спокойное

путешествіе въ почтовыхъ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ съ остановками въ благоустроенныхъ гостинницахъ, гдѣ есть все нужное и за сходную цѣну. Тогда путешествіе было подвигомъ и въ этомъ случаѣ благочестивымъ подвигомъ, котораго, впрочемъ, и стоило ожидаемое торжественное событіе въ церкви. Въ немъ было такъ же много поэзіи, — и опять-таки особенной, — пестрой и проникнутой разнообразными переливами церковно-бытовой жизни, ограниченной народной наивности и безконечныхъ стремленій живого духа.

Изъ Орла къ этому торжеству отправилось множество народа. Больше всего, разумѣется, усердствовало купечество, но не отставали и средней руки помѣщики, особенно же валилъ простой народъ. Эти шли пѣшкомъ. Только тѣ, кто везъ «для цѣльбы» немощныхъ, тянулись на какой-нибудь кляченкѣ. Иногда, впрочемъ, и немощныхъ везли *на себѣ* и даже не очень тѣмъ тяготились, потому что съ немощныхъ на постоялыхъ дворахъ за все брали дешевле, а иногда даже и совсѣмъ пускали безъ платы. Было не мало и такихъ, которые нарочно на себя «болѣзни сказывали, подь лобъ очи пуцали, и двое третьяго, по перемѣнкамъ: на колесенькахъ везли, чтобы имать доходъ жертвенный на воскъ и на масло, и на другіе обряды».

Такъ я читалъ въ сказаніи не печатанномъ, но вѣрномъ, списанномъ не по шаблону, а съ «живого видѣнія», и человекомъ, предпочитавшимъ правду тенденціозной лживости того времени.

Движеніе было такое многолюдное, что въ городахъ Ливнахъ и въ Ельцѣ, черезъ которые лежалъ путь, не было мѣстъ ни на постоялыхъ дворахъ, ни въ гостинницахъ. Случалось, что важные и именитые люди ночевали въ своихъ каретахъ. Овесъ, сѣно, крупа—все по тракту поднялось въ цѣнѣ, такъ что, по замѣчанію моей бабушки, воспоминаніями которой я пользуюсь, съ этихъ поръ въ нашей сторонѣ, чтобы накормить человека студенемъ, щами, бараниной и кашей, стали брать на дворахъ по пятьдесятъ двѣ

копѣйки (то-есть пятиалтынный), а до того брали двадцать пять (или $7\frac{1}{2}$ коп.). По нынѣшнему времени,—конечно, и пятиалтынный—цѣна совершенно невѣроятная, однако, это такъ было, и открытіе мощей новаго угодника въ подъемѣ цѣнности на жизненные припасы имѣло для прилегающихъ мѣсть такое же значеніе, какое въ недавніе годы имѣлъ для Петербурга пожаръ мстинскаго моста. «Цѣна *вскочила* и такая и осталась».

Изъ Орла, въ числѣ прочихъ паломниковъ, отправилось на открытіе семейство купцовъ С—хъ, людей въ свое время очень извѣстныхъ «ссыпщиковъ», то-есть проще сказать крупныхъ кулаковъ, которые ссыпаютъ въ амбары хлѣбъ съ возовъ у мужиковъ, и потомъ продаютъ свои «ссыпки» оптовымъ торговцамъ въ Москву и въ Ригу. Это прибыльное дѣло, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ было не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горькимъ опытомъ дознали, что даже къ глупому кулачному дѣлу они неспособны. Купцы С. считались, по своему значенію, первыми ссыпщиками и важность ихъ простиралась до того, что дому ихъ вмѣсто фамиліи была дана возвышающая кличка. Домъ былъ, разумѣется, строго благочестивый, гдѣ утромъ молились, цѣлый день тѣснили и обирали людей, а потомъ вечеромъ опять молились. А ночью псы цѣпами по канатамъ гремятъ и во всѣхъ окнахъ — «лампадъ и сіяніе», громкій храпъ и чьи-нибудь жгучія слезы.

Правиль домошь, по нынѣшнему, сказали бы «основатель фирмы», а тогда просто говорили «самъ». Былъ это мякенькій старичокъ, котораго, однако, всѣ какъ огня боялись. Говорили о немъ, что онъ умѣлъ мягко слать, да было жестко спать: обходилъ всѣхъ словомъ «матинька», а спускалъ къ чорту въ зубы. Типъ, извѣстный и знакомый типъ, торговаго патріарха.

Вотъ этотъ-то патріархъ и фхалъ на открытіе «въ большомъ составѣ», — самъ, да жена, да дочь, которая страдала «болѣзнью меланхоліи» и подлежала исцѣленію. Испы-

таны были надъ нею всѣ извѣстныя средства народной поэзіи и творчества: ее поили бодрящимъ девясиломъ, обсыпали пионією, которая унимаетъ надхожденіе стѣни, давали нюхать майранъ, что въ головѣ мозгъ поправляетъ, но ничто не помогло и теперь ее взяли къ угоднику, поспѣвая на первый случай, когда пойдетъ самая первая сила. Вѣра въ преимущество *первой силы* очень велика и она имѣетъ своимъ основаніемъ сказаніе о силоамской купѣли, гдѣ тоже исцѣлѣвали *первыя*, кто успѣвалъ войти по возмущеніи воды.

Ѣхали орловскіе купцы черезъ Ливны и черезъ Елецъ, претерпѣвая большія затрудненія, и совершенно измучились, пока достигли къ угоднику. Но улучшить «первый случай» у угодника оказалось невозможнымъ. Народу собралась такая область, что и думать нечего было протолкаться въ храмъ, ко всенощной, подъ «открытый день», когда собственно и есть «первый случай», т.-е., когда отъ новыхъ мощей исходитъ самая большая сила.

Купецъ и жена его были въ отчаяніи, — равнодушнѣе всѣхъ была дочка, которая не знала, чего она лишалась. Надеждъ никакихъ не было помочь горю, — столько было знати, съ такими фамиліями, а они простые купцы, которые хотя въ своемъ мѣстѣ что нибудь и значили, но здѣсь, въ такомъ скопленіи христіанскаго величія, совсѣмъ потерялись. И вотъ однажды, сидя въ горѣ подъ своею кибиточкою за чаемъ на постояломъ дворѣ, жалуется патриархъ женѣ, что уже и надежды никакой не полагаетъ достигнуть до святого гроба ни въ первыхъ, ни во вторыхъ, а развѣ доведется какъ нибудь въ самыхъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ниварями и рыбаками, т. е. вообще съ простымъ народомъ. А тогда уже какая радость: и полиція осмирѣетъ, и духовенство заморится—вдоволь помолиться не дастъ, а совать станетъ. И вообще тогда все не то, когда уже приложится столько тысячъ устъ всякаго народа. Въ таковыхъ видахъ можно было и послѣ пріѣхать, а они не того доспѣвали: они Ѣхали, томились, дома дѣло на

приказчицкія руки бросили и дорогою за все въ три дорога платили, и вотъ тебѣ вдругъ какое утѣшеніе.

Пробовалъ купецъ разъ и два достигнуть до дьяконовъ, — готовъ былъ дать благодарность, но и думать нечего, — съ одной стороны одно стѣсненіе, въ видѣ жандарма съ бѣлой рукавицею или казака съ плетью (ихъ тоже пришло къ открытію мощей множество), а съ другой — еще опаснѣе, что задавить самъ православный народушко, который волновался какъ океанъ. Уже и были «разы» и даже во множествѣ и вчера, и сегодня. Шарахнутся гдѣ нибудь добрые христіане отъ взмаха казачьей нагайки цѣлой стѣною въ пять, въ шесть сотъ человѣкъ, и какъ попрутъ, да поналяжутъ стѣной друженъко, такъ изъ середины только стонъ да пахъ пойдетъ, а потомъ, по освобожденіи, много видано женскаго уха въ серьгахъ рванаго и персты изъ подъ колець верчены, а двѣ-три души и совсѣмъ Богу представлялись.

Купецъ всѣ эти трудности и высказываетъ за чаемъ женѣ и дочери, для которой особенно надо было улучшить первыя силы, а какой-то «пустошный человѣкъ», невѣдомо городскаго или сельскаго званія, все между разными кибитками ходить подъ сараемъ, да какъ будто засматриваетъ на орловскихъ купцовъ съ намѣреніемъ.

«Пустошныхъ людей» тогда тоже собралось здѣсь много. Имъ не только было свое мѣсто на этомъ пиршествѣ вѣры, но они даже находили здѣсь себѣ хорошія занятія; а потому понахлынули сюда въ изобиліи, изъ разныхъ мѣстъ и особенно изъ городовъ, прославленныхъ своими воровскими людьми, т. е. изъ Орла, Кромъ, Ельца и изъ Ливенъ, гдѣ славились большіе мастера чудеса строить. Все сошедшіеся сюда пустошные люди искали себѣ своихъ промысловъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ дѣйствовали строемъ, располагаясь кучками въ толпахъ, гдѣ удобно было при содѣйствіи казака произвести натискъ и смятеніе, и во время суматохи обыскать чужіе карманы: сорвать часы, поясныя пряжки и повыдергать серьги изъ ушей; а люди болѣе сте-

пенные ходили въ одиночку по дворамъ, — жаловались на убожество, «сказывали сны и чудеса», предлагали привороты, отвороты и «старымъ людямъ секретныя помочи изъ китоваго сѣмени, вороньяго сала, слоновьей спермы» и другихъ снадобій, отъ коихъ «сила постоянная движеть». Снадобья эти не утрачивали своей цѣны и здѣсь, потому что, къ чести человѣчества, совѣсть не за всѣми исцѣленіями позволяла обращаться къ угоднику. Не менѣе охотно пустошные люди смирнаго обычая занимались просто воровствомъ и при удобныхъ случаяхъ нерѣдко до-чиста обворовывали гостей, которые за неимѣніемъ помѣщеній жили въ своихъ повозкахъ и подъ повозками. Мѣста вездѣ было мало и не всѣ повозки находили себѣ пріютъ подъ сараями постоянныхъ дворовъ; другія же стояли обозомъ за городомъ на открытыхъ выгонахъ. Тутъ шла жизнь еще болѣе разнообразная и интересная и притомъ еще болѣе полная оттѣнковъ священной и медицинской поэзіи и занимательныхъ плутней. Темные промышленники шныряли повсемѣстно, но пріютомъ имъ былъ этотъ загородный, «бѣдный обозъ», съ окружавшими его оврагами и лачужками, гдѣ шло ожесточенное корчемство водкой, и въ двухъ-трехъ повозкахъ стояли румяныя солдатки, пріѣхавшія сюда вскладчину. Тутъ же фабриковались стружки отъ гроба, «печатная земля», кусочки истлѣвшихъ ризъ и даже «частицы». Иногда между промышленными этими дѣлами художниками попадались люди очень остроумные и выкидывали штуки интересныя и замѣчательныя по своей простотѣ и смѣлости. Таковъ былъ и тотъ, котораго замѣтило благочестивое орловское семейство. Проходимецъ подслушалъ ихъ сѣтованіе о невозможности приступить къ угоднику прежде чѣмъ отъ мощей истекуть первыя струи цѣлебной благодати, и прямо подошелъ и заговорилъ начистоту.

— Скорби-де ваши я слышалъ и могу помочь, а вамъ меня избѣгать нечего... Безъ насъ вы здѣсь теперь желаемого себѣ удовольствія, при столь большомъ и именитомъ сѣздѣ, не получите, а мы въ таковыхъ разгахъ бывали и

средства знаемъ. Угодно вамъ быть у самыхъ первыхъ силъ угодника — не пожалѣйте за свое благополучіе сто рублей и я васъ поставлю.

Купецъ посмотрѣлъ на субъекта и отвѣчалъ:

— Полно врать.

Но тотъ свое продолжалъ:

— Вы, говорить, вѣроятно, такъ думаете, судя по моему ничтожеству; но ничтожное въ очахъ человѣческихъ можетъ быть совсѣмъ въ другомъ расчисленіи у Бога, и я за что берусь, то твердо могу исполнить. Вы вотъ смущаетесь насчетъ земного величія, что его много наѣхало, а мнѣ оно все прахъ, и будь тутъ хоть видимо-невидимо однихъ принцевъ и королей, они нисколько намъ не могутъ препятствовать, а даже всѣ сами передъ нами разступятся. А потому, если вы желаете сквозь все пройти чистымъ и гладкимъ путемъ и самыхъ первыхъ лицъ увидать, и другу Божію дать самыя первыя лобызанія, то не жалѣйте того, что сказано. А если ста рублей жалко и не побрезгаете компаніей, то я живо подберу еще два человѣка, коихъ на примѣтъ имѣю, и тогда вамъ дешевле станетъ.

Что оставалось дѣлать благочестивымъ поклонникамъ? Конечно, рисковано было вѣрить пустошному человѣку, но и случая упустить не хотѣлось, да и деньги требовались небольшія, особенно если въ компаніи... Патріархъ рѣшился рискнуть и сказалъ:

— Ладъ компанію.

Пустошный человѣкъ взялъ задатокъ и побѣжалъ, наказавъ семейству рано побѣдять и за часъ передъ тѣмъ, какъ ударятъ къ вечернѣ въ первый колоколъ, взять каждому съ собой по новому ручному полотенцу и идти за городъ, на указанное мѣсто «въ бѣдный обозъ», и тамъ ожидать его. Оттуда немедленно же долженъ былъ начинаться походъ, котораго, по увѣреніямъ антрепренера, не могли остановить никакіе принцы, ни короли.

Таковыя «бѣдные обозы» въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ становились широкимъ станомъ при всѣхъ по-

добныхъ сборищахъ, и я самъ видалъ ихъ и помню въ Коренной подь Курскомъ, а о томъ, о которомъ наступаетъ повѣствованіе, слышалъ рассказы отъ очевидцевъ и свидѣтелей тому, что будетъ сейчасъ описано.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мѣсто, занятое бѣднымъ становищемъ, было за городомъ, на обширномъ и привольномъ выгонѣ, между рѣкою и столбовою дорогою, а въ концѣ примыкало къ большому, извилистому оврагу, по которому бѣжалъ ручеекъ и росъ густой кустарникъ; сзади начинался могучій сосновый лѣсъ, гдѣ клектали орлы.

На выгонѣ расположилось множество бѣдныхъ повозокъ и колымагъ, представлявшихъ, однако, во всей своей нищетѣ довольно пестрое разнообразіе національнаго генія и изобрѣтательности. Были обыкновенныя рогожныя будки, полотняные шатры, во всю телѣгу, «бесѣдки» съ пушистымъ ковылемъ-травой и совершенно безобразныя лубковые окаты. Цѣлый большой лубъ съ вѣковой липы согнуть и приколотъ къ телѣжнымъ грядкамъ, а подь нимъ лежка: лежать люди ногами къ ногамъ въ нутро экипажа, а головы къ вольному воздуху, на обѣ стороны впередъ и назадъ. Надъ возлежащими проходить вѣтерокъ и вентилируетъ, чтобы имъ можно было не задохнуться въ собственномъ духу. Тутъ же у взвязанныхъ къ оглоблямъ пихтерей съ сѣномъ и хрѣптуговъ стояли кони, большею частію тощія, всѣ въ хомутахъ и иные, у бережливыхъ людей, подь рогожными «крышками». При нѣкоторыхъ повозкахъ были и собачки, которыхъ хотя и не слѣдовало бы брать въ паломничество, но это были «усердныя» собачки, которыя догнали своихъ хозяевъ на второмъ, третьемъ покормѣ и ни при какомъ бойлѣ не хотѣли отъ нихъ отвязаться. Имъ здѣсь не было мѣста по настоящему положенію паломничества, но онѣ были терпимы, и, чувствуя свое контрабандное положеніе, держали себя очень смиренно; онѣ жались гдѣ нибудь у те-

лѣжнаго колеса подъ дегтяркою и хранили серьезное молчаніе. Одна скромность спасала ихъ отъ остракизма и отъ опаснаго для нихъ крещенаго цыгана, который въ одну минуту «снималъ съ нихъ шубы». Здѣсь, въ бѣдномъ обозѣ, подъ открытымъ небомъ жилось весело и хорошо, какъ на ярмаркѣ. Всякаго разнообразія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ гостинничныхъ номерахъ, доставшихся только особымъ избранникамъ, или подъ навѣсами постоялыхъ дворовъ, гдѣ въ вѣчномъ полумракѣ мѣстились въ повозкахъ люди второй руки. Правда, въ бѣдный обозъ не заходили тучные пноки и иподіаконы, не видать было даже и настоящихъ, опытныхъ странниковъ, но за то здѣсь были свои мастера на всѣ руки и шло обширное кустарное производство разныхъ «святостей». Когда мнѣ довелось читать извѣстное въ кіевскихъ хроникахъ дѣло о поддѣлкѣ мощей изъ бараньихъ костей, я былъ удивленъ младенчествомъ приѣма этихъ фабрикантовъ въ сравненіи съ смѣлостью мастеровъ, о которыхъ слыхалъ ранѣе. Тутъ это было какое-то откровенное *неглиже съ отвагой*. Даже самый путь къ выгону по Слободской улицѣ уже отличался ничѣмъ нестѣсняемою свободою самой широкой предприимчивости. Люди знали, что этакіе случаи не часто выпадаютъ и не теряли времени: у многихъ воротъ стояли столики, на которыхъ лежали иконки, крестики и бумажные сверточки съ гнилою древесною пылью, будто бы отъ стараго гроба, и тутъ же лежали стружки отъ новаго. Весь этотъ матеріалъ былъ, по увѣренію продавцовъ, гораздо высшаго сорта, чѣмъ въ настоящихъ мѣстахъ, потому что принесенъ сюда самими столярами, копачами и плотниками, производившими самыя важныя работы. У входа въ лагерь вертѣлись «носящіе и сидящіе» съ образками новаго угодника, заклеенными пока бѣлою бумажкою съ крестикомъ. Образки эти продавались по самой дешевой цѣнѣ и покупать ихъ можно было сію же минуту, но открывать нельзя было до отслуженія перваго молебна. У многихъ недостойныхъ, купившихъ такіе образки и открывшихъ ихъ раньше времени, они оказались

чистыми дощечками. Въ оврагѣ же за становищемъ, подъ санями, опрокинутыми къ верху полозьями, жили у ручья цыганъ съ цыганкою и цыганятами. Цыганъ и цыганья имѣли тутъ большую врачебную практику. У нихъ на одномъ полозѣ былъ привязанъ за ногу большой безголосый «пѣтухъ», изъ котораго выходили по утрамъ камни, «двигавшіе постельную силу», и цыганъ имѣлъ кошкину траву, которая тогда была весьма нужна къ «болячкамъ афедроновымъ». Цыганъ этотъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость. Слава о немъ шла такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ открывали, и тамъ онъ не лишній былъ: онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ, прутяныя сѣченья господскимъ людямъ лѣчилъ и военнымъ кавалерамъ заплечный бой изъ нутра черезъ водотокъ выводилъ. Цыганка же его, кажется, знала еще большія тайны природы: она двѣ воды мужьямъ давала: одну ко обличенію женъ, кои блудно грѣшатъ; той воды, если женамъ дать, она въ нихъ не удержится, а насквозь пройдетъ, а другая вода магнитная: отъ этой воды жена неохочая во снѣ страстно мужа обойметъ, а если усилится другого любить— съ постели станетъ падать.

Словомъ, дѣло здѣсь кипѣло и многообразныя нужды человечества находили тутъ полезныхъ пособниковъ.

Пустошный человѣкъ, какъ завидѣлъ купцовъ, не сталъ съ ними разговаривать, а началъ ихъ манить, чтобы сошли въ овражекъ, и самъ туда же впередъ юркнулъ.

Опять это показалось страшновато; можно было опасаться засады, въ которой могли скрываться лихіе люди, способные обобрать богомольцевъ до-гола, но благочестіе превозмогло страхъ и купецъ, послѣ небольшого раздумья, помолясь Богу и помянувъ угодника, рѣшился переступить шага три внизъ.

Сходилъ онъ осторожно, держась за кустики, а женѣ и дочери приказалъ въ случаѣ чегонибудь кричать изо всей мочи.

Засада здѣсь и въ самомъ дѣлѣ была, но не опасная:

купецъ нашелъ въ оврагѣ двухъ такихъ же, какъ онъ, благочестивыхъ людей въ купеческомъ одѣяннн, съ которыми надо было «сладиться». Всѣ они должны были здѣсь заплатить пустошному уговорную плату за проводы ихъ къ угоднику, а тогда онъ имъ откроетъ свой планъ и сейчасъ ихъ поведетъ. Долго думать было нечего и упорство ни къ чему не вело: купцы сложили сумму и дали, а пустошный открылъ имъ свой планъ, простой, но, по простотѣ своей, чисто гениальный: онъ заключался въ томъ, что въ «бѣдномъ обозѣ» есть извѣстный пустошному человѣку человѣкъ разслабленный, котораго надо только поднять и нести къ угоднику и никто ихъ не остановитъ и пути имъ не затруднитъ съ болящимъ. Надо только купить для слабаго болѣзненный одрець да покровецъ, и поднявъ его, нести всѣмъ шестерымъ, подвязавши подъ одрѣ полотенчики.

Мысль эта казалась въ первой своей части превосходною, съ разслабленнымъ носителей, конечно, пропустить, но каковы быть могутъ послѣдствія? Не было бы дальше конфуза? Однако и на этотъ счетъ все было успокоено, проводникъ сказалъ только, что это не стоитъ вниманія.

— Мы таковыя разы, говорить, — уже видали: вы въ ваше удовольствіе сподобитесь все видѣть и приложиться къ угоднику во время всеобщаго иѣнн, а въ разсужденн болящаго, будь воля угодника; — пожелаетъ онъ его исцѣлить — и исцѣлитъ, а не пожелаетъ — опять его воля. Теперь только скиньтесь скорѣе на одрець и на покровецъ, а у меня ужъ все это припасено въ близкомъ домѣ, только надо деньги отдать. Мало меня здѣсь повремените, и въ путь пойдемъ.

Взявъ, поторговавшись, еще на снасть по два рубля съ лица и побѣжалъ, а черезъ десять минутъ назадъ вернулся и говорить:

— Идемъ, братія, только не бойко выступайте, а поспустите малость очи побогомысленнѣе.

Купцы спустили очи и пошли съ благоговѣніемъ, и въ этомъ же «бѣдномъ обозѣ» подошли къ одной повозкѣ, у

которой стояла у хрѣптуга совсѣмъ дохлая клячонка, а на передкѣ сидѣлъ маленькій золотушный мальчикъ и забавлялъ себя, перекидывая съ руки на руку ощищенные плоднички желтыхъ пупавокъ. На этой повозкѣ подъ липовымъ лубкомъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ лицомъ самихъ пупавокъ желтѣе, и руки тоже желтыя; всѣ вытянутыя, и какъ мягкія плети валяются.

Женщины, завидѣвъ такую ужасную немощь, стали креститься, а проводникъ ихъ обратился къ больному и говорить:

— Вотъ, дядя Фотей, добрые люди пришли помочь мнѣ тебя къ исцѣленью нести. Воли Божіей часъ къ тебѣ близится.

Желтый человѣкъ сталъ поворачиваться къ незнакомымъ людямъ и благодарственно на нихъ смотреть, а перстомъ себѣ на языкъ показываетъ.

Тѣ догадались, что онъ нѣмой. «Ничего, говорятъ, ничего, рабъ божій, не благодари насъ, а Богу благодарствуй», и стали его вытаскивать изъ повозки,—мужчины подъ плечи и подъ ноги, а женщины только его слабыя ручки поддерживали, и еще болѣе напугались страшнаго состоянія больного, потому что руки у него въ плечевыхъ суставахъ совсѣмъ «перевалилися» и только волосяными веревками были кое какъ перевязаны.

Одрикъ стоялъ тутъ же. Это была небольшая старая кровать, плотно засыпанная по угламъ клоповыми яйцами; на кровати лежалъ снопъ соломы и кусокъ рѣдкаго миткалю съ грубо выведеннымъ красками крестомъ копіемъ и тростию. Проводникъ ловкою рукою распушилъ соломку, чтобы на всѣ стороны съ краевъ свѣшивалась, положили на нее желтаго разслабленнаго, покрыли миткалемъ и понесли.

Проводникъ шелъ впереди съ глиняной жаровенкой и крестообразно покуривалъ.

Еще они и изъ обоза не вышли, какъ на нихъ уже начали креститься, а когда пошли по улицамъ, вниманіе къ

нимъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе: всѣ, видя ихъ, понимали, что это къ чудотворцу несутъ болящаго и присоединялись. Купцы шли поспѣшаючи, потому что слышали благовѣсть ко всенощной и пришли съ своею ношею какъ разъ во-время, когда запѣли: «хвалите имя Господне, раби Господа».

Храмъ, разумѣется, не вмѣщаль и сотой доли собравшагося народа; видимо-невидимо людей сплошною массою стояло вокругъ церкви, но чуть увидали одръ и носящихъ, всѣ загудѣли: «разслабаго несутъ, чудо будетъ», и вся толпа разступилась.

До самыхъ дверей стала живая улица и дальше все сдѣлалось какъ обѣщаль проводникъ. Даже и твердое упованіе вѣры его не осталось въ постыженіи: разслабленный исцѣлѣлъ. Онъ всталъ, онъ самъ вышелъ на своихъ ногахъ «славяще и благодаряще». Кто-то все это записалъ на записочку, въ которой со словъ проводника исцѣленный разслабленный былъ названъ «родственникомъ» орловскаго купца, черезъ что ему многіе завидовали и исцѣленный за позднимъ временемъ не пошелъ уже въ свой бѣдный обозъ, а ночевалъ подъ сараемъ у своихъ новыхъ родственниковъ.

Все это было пріятно. Исцѣленный былъ интереснымъ лицомъ, на котораго многіе приходили взглянуть, и кидали ему «жертвки». Но онъ еще мало говорилъ и неясственно,—очень шамкалъ съ непривычки и больше все на купцовъ исцѣленною рукою показывалъ: «ихъ-де спрашивайте, они родственники, они все знаютъ». И тогда тѣ по-неволѣ говорили, что онъ ихъ родственникъ; но вдругъ подъ все это подкралась неожиданная непріятность: въ ночь, наставшую послѣ исцѣленія желтаго разслабленнаго, было замѣчено, что у бархатнаго намета надъ гробомъ угодника пропалъ одинъ золотой шнуръ съ такою же золотою кистью.

Дознавали объ этомъ изъ-подъ руки и спросили орловскаго купца, не замѣтилъ ли онъ, близко подходя, и что

такое за люди помогали ему нести больного родственника? Онъ по совѣсти сказалъ, что люди были незнакомые, изъ бѣднаго обоза, по усердію несли. Возили его туда узнавать мѣсто, людей, клячу и телѣжку съ золотушнымъ мальчикомъ, игравшимъ пупавками, но тутъ только одно мѣсто было на своемъ мѣстѣ, а ни людей, ни повозки, ни мальчика съ пупавками и слѣда не было.

Дознаніе бросили, «да не молва будетъ въ людяхъ». Кисть повѣсили новую, а купцы послѣ такой непріятности скорѣе собрались домой. Но только тутъ исцѣленный родственникъ осчастливилъ ихъ новой радостью: онъ обязывалъ ихъ взять его съ собою и въ противномъ случаѣ угрожалъ жалобою, и про кисть напомнилъ.

И потому, когда пришелъ часъ къ отъѣзду купцовъ во свояси, Фотей очутился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, и скинуть его было невозможно до лежавшаго на ихъ пути села Крутого. Здѣсь былъ въ то время очень опасный спускъ съ одной горы и тяжелый подъемъ на другую, и потому случались разныя происшествія съ путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее въ этомъ родѣ. Село Крутое непременно надо было прослѣдовать за-свѣтло, иначе надо заночевать, а въ сумерки никто не рисковалъ спускаться.

Наши купцы тоже здѣсь переночевали, и утромъ при восхожденіи на гору «растерялись», то есть потеряли своего исцѣленного родственника Фотея. Говорили, будто съ вечера они «добре его угостили изъ фляги», а утромъ не разбудили и съѣхали, но нашлись другіе добрые люди, которые поправили эту растерянность и, прихвативъ Фотея съ собою, привезли его въ Орель.

Здѣсь онъ отыскалъ своихъ неблагодарныхъ родственниковъ, покинувшихъ его въ Крутомъ, но не встрѣтилъ у нихъ родственнаго приѣма. Онъ сталъ нищенствовать по городу и рассказывать, будто купецъ ѣздилъ къ угоднику не для дочери, а молился, чтобы хлѣбъ подорожалъ. Никому это точнѣе Фотея извѣстно не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не въ долгихъ дняхъ послѣ появленія въ Орлѣ извѣстнаго и покинутаго Фотей, въ приходѣ Михаила Архангела у купца Акулова были «бѣдные столы». На дворѣ, на доскахъ, дымились большія липовыя чаши съ лапшой и чугуны съ кашей, а съ хозяйскаго крыльца раздавали по рукамъ ватрушки съ лукомъ и пироги. Гостей набралось множество, каждый съ своей ложкой въ сапогѣ или за пазухой. Пирогами одѣлялъ Голованъ. Онъ часто былъ званъ къ такимъ «столамъ» архитриклиномъ и хлѣбодаромъ, потому что былъ справедливъ, ничего не утаитъ себѣ и основательно зналъ кто какого пирога стоитъ—съ горохомъ, съ морковью или съ печенкой.

Такъ и теперь онъ стоялъ и каждому подходящему «одѣлялъ» большой пирогъ, а у кого зналъ въ домѣ немощныхъ—тому два и болѣе «на недужную порцію». И вотъ въ числѣ разныхъ подходящихъ подошелъ къ Головану и Фотей, человекъ новый, но какъ будто удивившій Голована. Увидавъ Фотей, Голованъ словно что-то вспомнилъ и спросилъ:

— Ты чей и гдѣ живешь?

Фотей сморщился и проговорилъ:

— Я ничей, а Божій, обшитъ рабьей кожей, а живу подъ рогожей.

А другіе говорятъ Головану: «его кушцы привезли отъ угодника... Это Фотей исцѣленный».

Но Голованъ улыбнулся и заговорилъ было:

— Съ какой стати это Фотей!—но въ эту же самую минуту Фотей вырвалъ у него пирогъ, а другою рукою далъ ему оглушительную пощечину, и крикнулъ:

— Не брешь лишняго!— и съ этимъ сѣлъ за столы, а Голованъ стерпѣлъ и ни слова ему не сказалъ. Всѣ поняли, что вѣрно это такъ надобно, очевидно исцѣленный юродуетъ, а Голованъ знаетъ, что это надо сносить. Но

только «въ какомъ расчисленіи стоить Голованъ такого обращенія»? Это была загадка, которая продолжалась многіе годы и установила такое мнѣніе, что въ Голованѣ скрывается что нибудь очень бѣдовое, потому что онъ Фотей боится.

И впрямь тутъ было что-то загадочное. Фотей, скоро павшій въ всеобщемъ мнѣніи до того, что вслѣдъ ему кричали: «у святого кисть укралъ и въ кабакъ пропиль», съ Голованомъ обходился чрезвычайно дерзко.

Встрѣчая Голована гдѣ бы то ни было, Фотей заступалъ ему дорогу и кричалъ «долгъ подавай». И Голованъ, нимало ему не возражая, лѣзъ за пазуху и доставалъ оттуда мѣдную гривну. Если же у него не случалось съ собою гривны, а было менѣе, то Фотей, котораго за пестроту его лохмотьевъ прозвали Горностаемъ, швырялъ Головану недостаточную дачу назадъ, плевалъ на него и даже билъ его, швырялъ камнями, грязью или снѣгомъ.

Я самъ помню, какъ однажды въ сумерки, когда отецъ мой со священникомъ Петромъ сидѣли у окна въ кабинетѣ, а Голованъ стоялъ подъ окномъ и всѣ они втроемъ вели свой разговоръ, въ открытыя на этотъ случай ворота вбѣжалъ ободранный Горностай и съ крикомъ «забылъ подлець!» при всѣхъ ударилъ Голована по лицу, а тотъ, тихонько его отстранивъ, далъ ему изъ за пазухи мѣдныхъ денегъ и повелъ его за ворота.

Такіе поступки были никому не въ рѣдкость и объясненіе, что Горностай что нибудь за Голованомъ знаетъ, было, конечно, весьма естественно. Понятно, что это возбуждало у многихъ и любопытство, которое, какъ вскорѣ увидимъ, имѣло вѣрное основаніе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мнѣ было около семи лѣтъ, когда мы оставили Орель и переѣхали на постоянное житъе въ деревню. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Голована. Потомъ наступило время учиться

и оригинальный мужикъ съ большой головою пропалъ у меня изъ вида. И слышалъ я о немъ только разъ, во время «большого пожара». Тогда погибло не только много строе- ній и движимости, но сгорѣло и много людей—въ числѣ послѣднихъ называли Голована. Разсказывали, что онъ упалъ въ какую-то яму, которой не видно было подъ пепломъ, и «сварился». О семейныхъ, которые его пережили, я не спра- влялся. Послѣ этого я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и побывалъ въ родимыя мѣста уже черезъ десять лѣтъ. Было новое цар- ствованіе, начинались новые порядки; вѣяло радостной свѣ- жостью,—ожидали освобожденія крестьянъ и даже погово- ривали уже о гласномъ судопроизводствѣ. Все новое: сердца горѣли. Непримиримыхъ еще не было, но уже обозначались нетерпѣливцы и выжидатели.

На пути къ бабушкѣ я остановился на нѣсколько дней въ Орлѣ, гдѣ тогда служилъ совѣстнымъ судьей мой дядя, который оставилъ по себѣ память честнаго человѣка. Онъ имѣлъ много прекрасныхъ сторонъ, внушавшихъ къ нему почтеніе даже въ тѣхъ людяхъ, которые не раздѣляли его взглядовъ и симпатій: онъ былъ въ молодости щеголь, гу- сарь, потомъ садоводъ и художникъ—диллетантъ съ замѣ- чательными способностями; благородный, прямой, дворя- нинъ, и «дворянинъ au bout des ongles». Понимая по своему обязательство этого званія, онъ, разумѣется, покорствовалъ новизнѣ, но желалъ критически относиться къ эмансипаціи, и представлялъ изъ себя охранителя. Эмансипаціи хотѣлъ только такой, какъ въ Остзейскомъ краѣ. Молодыхъ людей онъ привѣчалъ и ласкалъ, но ихъ вѣра, что спасеніе на- ходится въ правильномъ движеніи впередъ, а не назадъ— казалась ему ошибкой. Дядя любилъ меня и зналъ, что я его люблю и уважаю, но во мнѣніяхъ объ эмансипаціи и другихъ тогдашнихъ вопросахъ мы съ нимъ не сходились. Въ Орлѣ онъ дѣлалъ изъ меня по этому поводу очистит- ельную жертву и хотя я тщательно старался избѣгать этихъ разговоровъ, однако, онъ на нихъ направлялъ и очень любилъ меня «поражать».

Дядѣ всего болѣе нравилось подводить меня къ казусамъ, въ которыхъ его судейская практика обнаруживала «народную глупость».

Помню роскошный, теплый вечеръ, который мы провели съ дядею въ орловскомъ «губернаторскомъ» саду, занимаясь, признаться сказать, уже значительно утомившимъ меня споромъ о свойствахъ и качествахъ русскаго народа. Я несправедливо утверждалъ, что народъ *очень* уменъ, а дядя, можетъ быть, еще несправедливѣе настаивалъ, что народъ *очень* глупъ, что онъ совершенно не имѣетъ понятій о законѣ, о собственности, и, вообще, народъ *азіатъ*, который можетъ удивить кого угодно своею дикостью.

— И вотъ, говорить,—тебѣ, милостивый государь, подтвержденіе: если память твоя сохранила ситуацію города, то ты долженъ помнить, что у насъ есть буераки, слободы и слободки, которыя чортъ знаетъ кто межевалъ и кому отводилъ подъ постройки. Все это въ нѣсколько приемовъ убралъ огонь и на мѣстѣ старыхъ лачугъ построились такія же новыя, а теперь никто не можетъ узнать кто здѣсь по какому праву сидитъ?

Дѣло было въ томъ, что когда отдохнувшій отъ пожаровъ городъ сталъ устраиваться и нѣкоторые люди стали покупать участки въ кварталахъ за церковью Василя Великаго, оказалось, что у продавцовъ не только не было никакихъ документовъ, но что и сами эти владѣльцы и ихъ предки считали всякіе документы совершенно лишними. Домикъ и мѣстишко до этой поры переходили изъ рукъ въ руки безъ всякаго заявленія властямъ, и безъ всякихъ даней и пошлинъ въ казну, а все это, говорятъ, писалось у нихъ въ какую-то «китратъ», но «китратъ» эта въ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ сгорѣла и тотъ, кто велъ ее— умеръ, а съ тѣмъ и всѣ слѣды ихъ владѣнныхъ правъ кончились. Правда, что никакихъ споровъ по праву владѣнія не было, но все это не имѣло законной силы, а держалось на томъ, что если Протасовъ говорить, что его отецъ купилъ домишко отъ покойнаго дѣда Тарасовыхъ, то

Тарасовы не оспаривали владѣнныхъ правъ Протасовыхъ; но какъ теперь требовались *права*, то правъ нѣтъ, и совѣстному судѣ во-очію предлежало рѣшать вопросъ: преступленіе ли вызвало законъ, или законъ создалъ преступленіе?

— А зачѣмъ все это они такъ дѣлали?—говорилъ дядя.— Потому-съ, что это не обыкновенный народъ, для котораго хороши и нужны обезпечивающіе право государственныя учрежденія, а это *номады*, *орда*, осѣвшая, но еще сама себя не сознающая.

Съ тѣмъ мы заснули, выспались,—рано утромъ я сходилъ на Орликъ, выкупался, посмотрѣлъ на старыя мѣста, вспомнилъ Головановъ домикъ и, возвращаясь, нахожу дядю въ бесѣдѣ съ тремя неизвѣстными мнѣ «милостивыми государями». Всѣ они были купеческой конструкціи,—двое сердовые въ сюртукахъ съ крючками, а одинъ совершенно бѣлый въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ чуйкѣ и въ крестьянской шляпѣ «гречникомъ».

Дядя показалъ мнѣ на нихъ рукою и говоритъ:

— Вотъ это иллюстрація ко вчерашнему сюжету. Эти господа рассказываютъ мнѣ свое дѣло: войди въ наше совѣщаніе.

Затѣмъ онъ обратился къ предстоящимъ съ очевидною для меня, но для нихъ, конечно, съ непонятною шуткою и добавилъ.

— Это мой родственникъ, молодой прокуроръ изъ Кіева.— къ министру въ Петербургъ ѣдетъ и можетъ ему объяснить ваше дѣло.

Тѣ поклонилсь.

— Изъ нихъ, видишь ли, продолжалъ дядя, вотъ этотъ, господинъ Протасовъ, желаетъ купить домъ и мѣсто вотъ этого, Тарасова; но у Тарасова нѣтъ никакихъ бумагъ. Понимаешь: *никакихъ*! Онъ только помнитъ, что его отецъ купилъ домикъ у Власова, а вотъ этотъ, третій—есть сынъ господина Власова, ему, какъ видишь, тоже уже не мало лѣтъ.

— Семьдесятъ, коротко замѣтилъ старикъ.

— Да, семьдесятъ, и у него тоже нѣтъ и не было никакихъ бумагъ?

— Никогда не было, опять вставилъ старикъ.

— Онъ пришелъ удостовѣрить, что это такъ именно было и что онъ ни въ какія права не вступается.

— Не вступаемся, — отцы продали.

Да; но кто его «отцамъ» продалъ, — тѣхъ уже нѣтъ.

— Нѣтъ они за вѣру на Кавказъ посланы.

— Ихъ можно розыскать, сказалъ я.

— Нечего искать, тамъ имъ вода нехороша, — воды не спесли, — всѣ покончились.

— Какъ же, вы, говорю, это такъ странно поступали?

— Поступали, какъ мощно было. Приказный былъ лють, даней съ малыхъ дворовъ давать было нечего, а была у Ивана Ивановича китратъ, въ нее и писали. А допрежь его еще не за моей памяти Гапѣевъ купецъ былъ, у него была китратъ, а послѣ всѣхъ Головану китратъ дали, а Голованъ въ поганой ямѣ сварился и китрати сгорѣли.

— Это Голованъ, выходитъ, былъ у васъ что-то въ родѣ нотаріуса? — спросилъ дядя (который не былъ орловскимъ старожиломъ).

Старикъ улыбнулся и тихо молвилъ:

— Изъ-за чего же нотаріусъ! — Голованъ былъ справедливый человѣкъ.

— Какъ же ему всѣ такъ и вѣрили?

— А какъ такому человѣку не вѣрить: онъ свою плоть за людей съ живыхъ костей рѣзалъ.

— Вотъ и легенда! — тихо молвилъ дядя, но старикъ вслушался и отвѣчалъ!

— Нѣтъ, сударь, Голованъ не легенда, а правда и память его будь съ похвалою.

Дядя пошутилъ и съ путаницей. И онъ не зналъ, какъ онъ этимъ вѣрно отвѣчалъ на всю массу воспріянувшихъ во мнѣ въ это время воспоминаній, къ которымъ при тогдашнемъ моемъ любопытствѣ мнѣ страстно хотѣлось подыскать ключъ.

А ключъ ждалъ меня, сохраняясь у моей бабушки.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Два слова о бабушкѣ: она происходила изъ московскаго купческаго рода Колобовыхъ и была взята въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшее ея свойство было — душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ. Войдя въ дворянскій кругъ, она уступила многимъ его требованіямъ и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда какъ ея настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже безъ намѣренія, конечно, удержала нѣкоторую простонародность въ рѣчи. Она говорила «ехтоть» вмѣсто этоть, считала слово «мораль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить «бухгалтеръ». За то она не позволила никакимъ моднымъ давленіямъ поколебать въ себѣ вѣру въ народный смыслъ, и сама не разставалась съ этимъ смысломъ. Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела домъ и умѣла принять всякаго, начиная съ императора Александра I до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кромѣ дѣтскихъ писемъ, но любила обновленіе ума въ бесѣдахъ и для того «требовала людей къ разговору». Въ этомъ родѣ собесѣдникомъ ея былъ бурмистръ Михайло Лебедевъ, буфетчикъ Василій, старшій поваръ Климъ или ключница Маланья. Разговоры всегда были не пустые, а къ дѣлу и къ пользѣ, разбиралось, отчего на дѣвку Оеклушку мораль пущена или зачѣмъ мальчикъ Гришка мачихой не доволенъ. Вслѣдъ за такимъ разговоромъ шли свои мѣры, какъ помочь Оеклушѣ покрыть косу и что сдѣлать, чтобы мальчикъ Гришка не былъ мачихой недоволенъ.

Для нея все это было полно живого интереса, можетъ быть совершенно непонятнаго ея внучкамъ.

Въ Орлѣ, когда бабушка пріѣзжала къ намъ, дружбой ея пользовались соборный отецъ Петръ, купецъ Андросовъ и Голованъ, которыхъ для нея и «призывали къ разговору».

Разговоры, надо полагать, и здѣсь были не пустые, не для одного препровожденія времени, а, вѣроятно, тоже про какія-нибудь дѣла, въ родѣ падавшей на кого-нибудь морали, или неудовольствій мальчика съ мачихой.

У нея поэтому могли быть ключи отъ многихъ тайностей, для насъ, пожалуй, мелкихъ, но для своей среды весьма значительныхъ.

Теперь, въ это послѣднее мое свиданіе съ бабушкой, она была уже очень стара, но сохраняла въ совершенной свѣжести свой умъ, память и глаза. Она еще шила.

И въ этотъ разъ я засталъ ее у того же рабочаго столика съ верхней паркетной дощечкой, изображавшей арфу, поддерживаемую двумя амурами.

Бабушка спросила меня: заѣзжалъ ли я на отцову могилу, кого видѣлъ изъ родныхъ въ Орлѣ и что подѣлываетъ тамъ дядя? Я отвѣтилъ на всѣ ея вопросы и распространился о дядѣ, рассказавъ, какъ онъ разбирается со старыми «лыгендами».

Бабушка остановилась и подняла на лобъ очки. Слово «лыгенда» ей очень понравилась: она услышала въ немъ наивную передѣлку въ народномъ духѣ и разсмѣялась.

— Это, говорить, старикъ чудесно сказалъ про лыгенду.

А я говорю: а мнѣ, бабушка, очень бы хотѣлось знать, какъ это все происходило на самомъ дѣлѣ, не по лыгендѣ.

— Про что же тебѣ именно хотѣлось бы знать?

— Да вотъ про все это: какой былъ этотъ Голованъ? Я его вѣдь чуть-чуть помню, и то все съ какими-то, какъ старикъ говорить, лыгендами, а вѣдь конечно же, дѣло было просто...

— Ну, разумѣется, просто, но отчего васъ это удивляетъ, что наши люди тогда купчихъ крѣпостей избѣгали, а просто продажи въ тетрадки писали? Этого еще и впереди много откроется. Приказныхъ боялись, а своимъ людямъ вѣрили, и все тутъ.

— Но чѣмъ, говорю, Голованъ могъ заслужить такое

довѣріе? Мнѣ онъ, по правдѣ сказать, иногда представляется какъ будто немножко... шарлатаномъ.

— Почему же это?

— А что такое, на примѣръ, я помню, говорили будто онъ какой-то волшебный камень имѣлъ и своею кровью или тѣломъ, которое въ рѣку бросилъ, чуму остановилъ? За что его «несмертельнымъ» звали?

— Про волшебный камень—вздоръ. Это люди такъ причинили и Голованъ тому не виновать, а «несмертельнымъ» его прозвали потому, что въ этакое ужасѣ, когда надъ землей смертныя фиміазмы стояли и всѣ оробѣли, онъ одинъ безстрашный былъ и его смерть не брала!

— А зачѣмъ же, говорю, онъ себѣ ногу рѣзалъ?

— Икру себѣ отрѣзалъ.

— Для чего?

— А для того, что у него тоже прыщъ чумной сѣлъ. Онъ зналъ, что отъ этого спасенья нѣтъ, взялъ поскорѣе косу, да всю икру и отрѣзалъ.

— Можетъ ли, говорю, это быть!

— Конечно, это такъ было.

— А что, говорю, надо думать о женщинѣ Павлѣ?

Бабушка на меня взглянула и отвѣчаетъ:

— Что же такое? Женщина Павла была Фрапошкина жена; была она очень горестная и Голованъ ее пріютилъ.

— А ее, однако, называли Головановымъ «грѣхомъ».

— Всякъ по себѣ судить и называетъ;—не было у него такого грѣха.

— Но, бабушка, развѣ вы, милая, этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но я это *знаю*.

— Но какъ можно это *знать*?

— Очень просто.

Бабушка обратилась къ работавшей съ нею дѣвочкѣ и послала ее въ садъ набрать малины, а когда та вышла, она значительно взглянула мнѣ въ глаза и проговорила:

— Голованъ былъ *дѣйственикъ*!

— Отъ кого вы это знаете?

— Отъ отца Петра.

И бабушка мнѣ рассказала, какъ отецъ Петръ незадолго передъ своею кончиною говорилъ ей, какіе люди на Руси бываютъ неимовѣрные, и что покойный Голованъ былъ дѣвственникъ.

Коснувшись этой исторіи, бабушка вошла въ маленькія подробности и припоминала свою бесѣду съ отцомъ Петромъ.

— Отецъ Петръ, говоритъ, сначала и самъ усумнился и сталъ его подробнѣе спрашивать и даже намекнулъ на Павлу. «Нехорошо, говоритъ, это: ты не каешься, а соблазняешь. Не достойно тебѣ держать у себя сію Павлу. Отпусти ее съ Богомъ». А Голованъ отвѣтилъ: «Напрасно это вы, батюшка, говорите: пусть лучше она живетъ у меня съ Богомъ, — нельзя, чтобы я ее отпустилъ». «А почему?..» «А потому, что ей головы приклонить негдѣ...» «Ну, такъ, говоритъ, женись на ней!» «А это, отвѣчаетъ, невозможно», а почему невозможно, — не сказалъ, и отецъ Петръ долго насчетъ этого сомнѣвался; но Павла вѣдь была чахоточная и недолго жила, и передъ смертью, когда къ ней пришелъ отецъ Петръ, то она ему открыла всю причину.

— Какая же, бабушка, была это причина?

— Они жили по любви *совершенной*.

— То-есть какъ это?

— Ангельски.

— Но, позвольте, для чего же это? Вѣдь мужъ Павлы пропалъ, а есть законъ, что послѣ пяти лѣтъ можно выйти замужъ. Неужто они это не знали?

— Нѣтъ, я думаю знали, но они еще кое-что больше этого знали.

— Напримѣръ, что?

— А напримѣръ то, что мужъ Павлы всѣхъ ихъ пережилъ и никогда не пропадалъ.

— А гдѣ же онъ былъ?

— Въ Орлѣ.

— Милая, вы шутите?

— Ни крошечки.

— И кому же это было известно?

— Имъ троемъ: Головану, Павль, да самому этому негодивцу. Ты можешь вспомнить Фотея?

— Исцѣленнаго?

— Да, какъ хочешь его называй, только теперь, когда всѣ они перемерли, я могу сказать, что онъ совсѣмъ былъ не Фотей, а бѣглый солдатъ Фрапошка.

— Какъ! это былъ Павлы мужъ!

— Именно.

— Отчего же?.. началъ было я, но устыдился своей мысли и замолчалъ, но бабушка поняла меня и договорила:

— Вѣрно хочешь спросить: отчего его никто другой не узналъ, а Павла съ Голованомъ его не выдали? Это очень просто: другіе не узнали его потому, что онъ былъ не городской, да постарѣлъ, волосами заросъ, а Павла его не выдала жалѣючи, а Голованъ ее любячи.

— Но вѣдь юридически, по закону, Фрапошка не существовалъ, и они могли ожениться.

— Могли,—по юридическому закону могли, да по закону своей совѣсти не могли.

— За что же Фрапошка Голована преслѣдовалъ?

— Негодяй былъ покойникъ, — разумѣль о нихъ какъ прочіе.

— А они изъ-за него все счастье у себя и отняли!

— Да вѣдь въ чемъ счастье полагать: есть счастье праведное, есть счастье грѣшное. Праведное ни черезъ кого не переступить, а грѣшное все перешагнетъ. Они же первое возлюбили паче послѣдняго.

— Бабушка, воскликнулъ я, — вѣдь это удивительные люди!

— Праведные, мой другъ, отвѣчала старушка.

Но я все-таки хочу добавить—и удивительные, и даже невѣроятные. Они невѣроятны, пока ихъ окружаетъ легендарный вымыселъ, и становятся еще болѣе невѣроятными,

когда удастся снять съ нихъ этотъ налетъ и увидать ихъ во всей ихъ святой простотѣ. Одна одушевлявшая ихъ *совершенная любовь* поставляла ихъ выше всѣхъ страховъ и даже подчинила имъ природу, не побуждая ихъ ни закапываться въ землю, ни бороться съ видѣніями, терзавшими св. Антонія.

ИНЖЕНЕРЫ-БЕЗСРЕБРЕННИКИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтїя въ петербургскомъ инженерномъ училищѣ между воспитанниками обнаруживалось очень оригинальное и благородное направленіе, которое можно назвать стремленіемъ къ безукоризненной честности и даже къ святости. Изъ молодыхъ людей, подчинившихся названному направленію, особенно ревностно ему послужили трое: Брянчаниновъ, Чихачевъ и Николай Ферморъ. Всѣ эти три воспитанника инженернаго училища представляютъ собою очень любопытные характеры, а судьба ихъ имѣетъ общій интересъ. Во всякомъ случаѣ въ ней есть многое, что можетъ пригодиться, какъ данныя для характеристики тридцатыхъ годовъ, а также и для уясненія современныхъ разномысліи по поводу мнѣній о значеніи школы и о независимости человѣческаго характера.

Дмитрій Александровичъ Брянчаниновъ въ указанномъ направленіи былъ первымъ заводчикомъ: онъ былъ главою кружка любителей и почитателей «святости и чести», и потому о немъ слѣдуетъ сказать прежде прочихъ. Набожность и благочестіе были, кажется, врожденною чертою Брянчанинова. По крайней мѣрѣ, по книгѣ, о немъ написанной, извѣстно, что онъ былъ богомоленъ съ дѣтства, и

если вѣрить френологическимъ системамъ Галя и Лафатера, то черепъ Брянчанинова являлъ признаки «возвышеннаго богопочитанія».

Онъ былъ мальчикъ съ чрезвычайно миловидною и располагающею наружностью, которая при выдержанности его характера и благородствѣ манеръ очень сильно къ нему располагала. Но Брянчаниновъ былъ остороженъ съ дѣтства; онъ не довѣрялся всѣмъ ласкамъ безъ разбора и вообще держалъ себя строго.

Такъ онъ умѣлъ себя хорошо поставить съ перваго же дня.

Вскорѣ послѣ принятія его въ инженерное училище, туда пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ, бывшій въ то время еще великимъ княземъ. Онъ заѣзжалъ сюда часто, но на этотъ разъ цѣль посѣщенія была особенная, а именно «выборъ пансіонеровъ».

Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе самъ выбирать дѣтей въ пансіонеры своего имени и руководился въ этомъ случаѣ не старшинствомъ балловъ пріемнаго экзамена, а личнымъ взглядомъ, т. е. великій князь назначалъ своими пансіонерами тѣхъ, кто ему нравился.

Извѣстно, что этотъ государь очень вѣрилъ въ проницательность своего взгляда и держался такъ-называемыхъ первыхъ впечатлѣній. Брянчаниновъ же произвелъ на него столь благопріятное впечатлѣніе, что великій князь не только сейчасъ же назначилъ его своимъ пансіонеромъ, но приказалъ мальчику немедленно одѣться и ждать его на подъѣздѣ. Отсюда Николай Павловичъ взялъ Брянчанинова съ собою въ экипажъ и, пріѣхавъ съ нимъ въ Аничковъ дворецъ, повелъ его за собою въ покои великой княгини, впоследствии императрицы Александры Ѳеодоровны *).

Великая княгиня была тогда въ своемъ кабинетѣ и, сидя за письменнымъ столомъ, не слыхала, какъ вошелъ ея су-

*) «Жизнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова» говоритъ, что великій князь *приказалъ кадету придти во дворецъ*, но генераль Пав. Ѳед. Ферморъ, товарищъ Брянчанинова, помнитъ, что Николай Павловичъ *взялъ Брянчанинова съ собою*.

пругъ въ сопровожденіи воспитанника Брянчанинова и не оглянулась на нихъ.

Великій князь взялъ Брянчанинова за плечо и поставилъ его за спинкою кресла государыни, а самъ тихо обнялъ супругу и, поцѣловавъ ее въ голову, сказалъ ей по-французски:

— Я привезъ тебѣ представить моего новаго пансіонера. Посмотри на него.

Государыня оборотилась на стулъ, посмотрѣла на мальчика въ лорнетъ и съ довольною улыбкой сказала:

— Это прекрасный мальчикъ.

Вслѣдъ затѣмъ Брянчаниновъ былъ накормленъ во дворцѣ сытнымъ завтракомъ и отпущенъ въ училище, гдѣ его ждали, и тотчасъ же подвергли обстоятельнымъ разпросамъ о томъ, что съ нимъ было.

Скромный, но правдивый юноша рассказалъ все по порядку и по правдѣ.

Благоволеніе великаго князя ему послужило въ большую пользу.

Начальство училища съ этого же дня обратило на Брянчанинова особенное вниманіе. Характеръ и способности юноши были изучены и опредѣлены въ точности и въ первый же разъ послѣ этого, когда великій князь спросилъ:

— Какъ Брянчаниновъ?

Ему по сущей справедливости отвѣчали:

— Онъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный.

— Очень радъ,—замѣтилъ съ удовольствіемъ Николай Павловичъ, прозорливость котораго въ этомъ случаѣ получила себѣ пріятное ему подтвержденіе.

— А каковы его наклонности и характеръ? — продолжалъ государь.

— Онъ очень религіозенъ и отличной нравственности.

— Я очень радъ, и очень желалъ бы, чтобы такіе же были и другіе. Пусть онъ имъ служить примѣромъ.

Приведенныя слова государя моментально сдѣлались известными воспитанникамъ и между ними быстро образо-

вался кружокъ юношей, желавшихъ какъ можно болѣе подражать Брянчанинову, и Брянчаниновъ получилъ въ этомъ кружкѣ значеніе вождя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенное благорасположеніе великаго князя оказало свое вліяніе на Брянчанинова въ томъ смыслѣ, что онъ вдругъ какъ бы ускоренно созрѣлъ и сдѣлался еще серьезнѣе. Кружокъ его состоялъ чловѣкъ изъ десяти, и изъ нихъ особенною дружбой Брянчанинова сразу сталъ пользоваться Миша Чихачевъ, которому Брянчаниновъ и открывалъ свою душу и заповѣдныя думы, выражавшія его направленія и цѣли.

— Самое главное въ нашемъ положеніи теперь то, внушалъ онъ Чихачеву, — чтобы сберечь себя отъ гордости. Я не знаю, какъ мнѣ быть благодарнымъ за незаслуженную милость великаго князя, но постоянно думаю о томъ, чтобы сохранить то, что всего дороже. Надо слѣдить за собою, чтобы не начинать превозноситься. Прошу тебя: будь мнѣ другъ—наблюдай за мною и предостерегай, чтобы я не могъ утрачивать чистоту моей души.

Чихачевъ обѣщалъ ему эту помощь.

— Прекрасно, отвѣчалъ онъ, — я всегда скажу тебѣ правду но въ этомъ и не будетъ надобности, такъ какъ ты уже нашелъ средства спасти себя отъ соблазна.

— Что ты этимъ хочешь сказать?

— Ты самъ сказалъ: надо *не начинать*, и если ты никогда не будешь начинать, то оно никогда и не начнется...

— Твоя правда, отвѣтилъ, подумавъ, Брянчаниновъ, — но... все-таки наблюдай за мною. Я боюсь, что могу быть втянутъ на этотъ путь отъ тѣхъ самыхъ людей, которые должны быть мнѣ примѣромъ. Вѣдь мы «должны быть покорны начальникамъ нашимъ...»

— Да, это правда, отвѣтилъ Чихачевъ и тотчасъ же замѣтилъ, что лицо Брянчанинова вдругъ какъ бы озари-

лось какою-то радостною мыслью,—онъ взялъ товарища за обѣ руки, сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ и, глядя съ серьезною восторженностью вверхъ, какъ бы читалъ подь высокимъ карнизомъ покоя:

— Я вижу одно вѣрное средство для того, чтобы не поддаться опасности соблазна, который представляютъ люди, и ты, можетъ быть, отгадываешь, въ чемъ оно заключается...

— Мнѣ кажется, что я отгадываю, о чемъ ты думаешь.

— Я думаю, что надо всегда смотрѣть на Богочеловѣка.

— Ты правъ.

— Повѣрь,—если мы не будемъ сводить съ Него нашихъ мысленныхъ глазъ и будемъ стараться во всемъ Ему слѣдовать, то для насъ нѣтъ никакой опасности, Онъ насъ спасетъ отъ опасности потерять себя во всѣхъ случаяхъ жизни.

— Вѣрю.

— И вотъ Онъ съ нами, и мы въ Немъ, и Онъ въ насъ. Мнѣ кажется, я понялъ сейчасъ въ этихъ словахъ новый удивительный смыслъ.

— И я тоже.

Товарищи восторженно обнялись и съ этой минуты сдѣлались неразрывными друзьями. Дружба ихъ, впрочемъ, носила особый отпечатокъ чего-то аскетическаго. Они дружили для того, чтобы поддерживать одинъ другого въ общемъ ихъ стремленіи уйти отъ житейскихъ соблазновъ къ поднявшему ихъ возвышенному идеалу чистой жизни въ духъ христіанскаго ученія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ различныхъ путей, которыми русскіе образованные люди подобнаго настроенія въ то время стремились къ достиженію христіанскаго идеала, наибольшимъ вниманіемъ и предпочтеніемъ пользовались библейскій піотизмъ и тяготѣніе къ католичеству, и Брянчаниновъ и Чихачевъ не пошли во слѣдъ ни за однимъ изъ этихъ направленій, а

избрали третье, которое тогда только обозначалось и потомъ довольно долго держалось въ обществѣ: это было православіе въ духѣ митрополита Михаила. Многіе тогдашіе люди съ благочестивыми стремленіями и съ образованнымъ вкусомъ, по той или по другой причинѣ, никакъ не могли «принять все какъ въ катехизисѣ», но не хотѣли слушать и «чуждаго гласа», а получали успокоеніе для своихъ мучительныхъ противорѣчій въ излюбленныхъ толкованіяхъ и поученіяхъ Михаила. Находить же религіозное примиреніе съ своею совѣстью—кому не дорого изъ людей, имѣющихъ совѣсть? И у Михаила было очень много почитателей, оставшихся ему вѣрными и послѣ того, какъ въ его сочиненіяхъ признано было не все «соотвѣтственнымъ».

Брянчаниновъ и Чихачевъ были изъ числа большихъ почитателей преосв. Михаила *). Они внимали и охотно усвоивали его религіозныя мнѣнія и пошли по его направленію, въ которомъ они могли не предаваться чуждому русской натурѣ вліянію католичества и въ то же время не оставаться наединѣ безъ всякой церковной теплоты, на что приходилось обречь себя людямъ, слѣдовавшимъ строго-піэтистическимъ традиціямъ.

Оба молодые человека рано стали вести самую воздержную жизнь, разумѣя воздержность не въ одной пищѣ, но главнымъ образомъ въ недопущеніи себя до гнѣва, лжи, раздражительности, мщенія и лести. Это дало ихъ характерамъ не только отпечатокъ благородства, но и благочестія, которое вскорѣ же было замѣчено сначала товарищами, а потомъ и начальствомъ, и создало Брянчанинову такое почетное положеніе среди воспитанниковъ, какого не достигалъ въ инженерномъ училищѣ никто дру-

*) Въ книгѣ о жизни Брянчанинова, на стр. 15-й, упоминается, что «въ то время разнообразныя религіозныя идеи занимали столицу съверную, препирались и боролись между собою», но не показано, какъ эта борьба касалась Брянчанинова и Чихачева, а не касалась ихъ она не могла. Устные указанія на то, что они читали сочиненія митрополита Михаила, отнюдь не представляются невѣроподобными.

гой ни до него, ни послѣ него. Ему всѣ вѣрили и никто не имѣлъ случая сожалѣть о своей съ нимъ откровенности, но откровенность эта тоже имѣла особенный, ограничительный характеръ, отвѣчавшій характеру благочестиваго юноши, рано получившаго отъ товарищей прозвище «монаха». Брянчанинову нельзя было говорить ни о какихъ школьныхъ гадостяхъ, такъ какъ онъ всегда былъ серьезенъ и не любилъ дурныхъ школьныхъ продѣлокъ, которыя тогда были въ большомъ ходу въ закрытыхъ русскихъ училищахъ. Ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не участвовали тоже ни въ какихъ проявленіяхъ молодечества и прямо говорили, что они желаютъ не знать о нихъ, потому что не хотятъ быть о нихъ спрошенными, ибо не могутъ лгать и не желаютъ ни на кого доказывать. Такая твердая откровенность поставила ихъ въ особенное, прекрасное положеніе, въ которомъ они никогда не были въ необходимости никого выгораживать, прибѣгая ко лжи, и ни на кого ничего не доказывали. Воспитатели знали этотъ «духъ» Брянчанинова и Чихачева и никогда ихъ не спрашивали въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась надобность изслѣдовать какую нибудь кадетскую продѣлку. Съ откровенностями въ этомъ родѣ товарищи къ Брянчанинову и Чихачеву и не появлялись, но за то во всѣхъ другихъ случаяхъ, если встрѣчалось какое либо серьезное недоразумѣніе, или кто нибудь имѣлъ горе и страданіе, тѣ смѣло обращались къ «благочестивымъ товарищамъ-монахамъ» и всегда находили у нихъ самое теплое, дружеское участіе. Къ Брянчанинову обращались тоже въ случаѣ несогласій между товарищами и его мнѣніе принимали за рѣшеніе, хотя онъ самъ всегда устранился отъ суда надъ другими, говоря: «меня никто не поставилъ, чтобы судить и дѣлить другихъ». Но самъ онъ дѣлился съ нуждающимися всѣмъ, чѣмъ могъ подѣлиться.

Чихачевъ хотя былъ того же самаго духа, какъ и другъ его Брянчаниновъ, но имѣлъ второстепенное значеніе, съ одной стороны потому, что Брянчаниновъ обладалъ болѣе яркими способностями и прекраснымъ даромъ слова, а съ

другой—потому, что болѣе молодой по лѣтамъ Чихачевъ добровольно тушевался и самъ любилъ при каждомъ случаѣ отдавать первенство своему другу.

Вліяніе ихъ на товарищей было большое; учились они оба прекрасно и начальство заведенія надѣялось, что изъ нихъ выйдутъ превосходные инженеры. Въ томъ же былъ увѣренъ и великій князь, который «очень желалъ видѣть въ инженерномъ вѣдомствѣ честныхъ людей».

Оба друга окончили курсъ въ 1826 г., сохранивъ за собою свое почетное положеніе до послѣдняго дня своего пребыванія въ училищѣ, оставили тамъ по себѣ самую лучшую память, а также и нѣсколькихъ послѣдователей, изъ которыхъ потомъ вскорѣ же отличился своею непосредственностью и неуклонностью своего поведенія Николай Ферморъ, о которомъ расскажемъ ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По окончаніи кадетскихъ классовъ въ инженерномъ училищѣ, Брянчаниновъ и Чихачевъ вышли на вольную квартиру и поселились вмѣстѣ на Невскомъ проспектѣ въ большомъ и очень нелѣпомъ домѣ Лопатина. Дома этого теперь уже не существуетъ,—онъ сломанъ и по мѣсту, которое занималъ его обширный дворъ, пролегаетъ нынѣшняя Пушкинская улица.

Удаленіе изъ подъ надзора, которому друзья подчинялись въ закрытомъ заведеніи, открыло имъ большую свободу располагать своимъ временемъ, сообразно своимъ стремленіямъ и вкусамъ. Они этимъ и воспользовались. Они повели образъ жизни самый строгій,—чисто-монашескій,—соблюдали постные дни; не посѣщали никакихъ увеселеній и гульбищъ; избѣгали всякихъ легкомысленныхъ знакомствъ и ежедневно посѣщали церковь. Каждый день они вставали очень рано и шли пѣшкомъ въ Невскую лавру, гдѣ выслушивали раннюю обѣдню, и затѣмъ тамъ же пили

чай у голосистаго ієродіакона Виктора *). Обь этомъ Викторѣ сохранилось преданіе, какъ о монахѣ очень слабомъ, — онъ велъ самую нетрезвую жизнь и говорилъ всѣмъ грубости, но ему все это прощалось за хорошій голосъ и за отмѣнное мастерство руководить исполнителями при торжественныхъ богослуженіяхъ. Но, какъ человѣкъ, онъ былъ очень добръ, прямъ и до того откровененъ, что не могъ нимало покривить душою и притвориться. Такою своею прямою онъ содержалъ въ постоянномъ страхѣ извѣстнаго Андрея Николаевича Муравьева, котораго находилъ «противнымъ», а его молодыхъ «сень-сировъ» называлъ «сквернавцами», и просто выгонялъ вонъ.

Помолившись за раннею обѣдней и напившись чаю у Виктора, друзья шли въ свое инженерное училище, въ офицерскіе классы, гдѣ оставались положенное время, а потомъ уходили домой, скромно трапезовали и все остальное время дня проводили за учебными занятіями, а покончивъ съ ними, читали богословскія и религіозныя книги, опять-таки отдавая передъ многими изъ нихъ предпочтеніе сочиненіямъ митрополита Михаила **).

Мягкое, миролюбивое, христіанское настроеніе этого писателя оказало чрезвычайно сильное вліяніе на обоихъ молодыхъ людей и измѣнило путь ихъ жизни и дѣятельно-

*) Разсказъ о близости Брянчанинова и Чихачева съ Викторомъ представляется страннымъ и почти невѣроятнымъ. Извѣстно, что они ходили въ лавру къ *духовнику* и что лица, желавшія отклонить ихъ отъ набожности, дѣлали въ этомъ направленіи большія усилія. Не слѣдуетъ ли думать, что юноши, съ своей стороны, старались скрывать, къ кому именно они ходили въ лавру, а ихъ товарищи думали, что они ходятъ къ веселому Виктору.

**) Михаилъ Десницкій, изъ студентовъ Московской академіи, былъ приходскимъ священникомъ, потомъ придворнымъ священникомъ Зимняго дворца, потомъ придворнымъ іеромонахомъ, и съ 1818 года митрополитомъ петербургскимъ. Скончался 24-го марта 1821 года. Сочиненія его до сихъ поръ многими любимы и высоко цѣнятся, но они рѣдко встрѣчаются въ продажѣ. Специалисты, впрочемъ, находили въ нихъ большіе недостатки.

сти. Первое, чѣмъ повредилъ имъ Михаилъ, выразилось тѣмъ, что ни Брянчаниновъ, ни Чихачевъ не захотѣли воевать и не могли сносить ничего того, къ чему обязывала ихъ военная служба, для которой они были приготовлены своимъ спеціальнымъ военнымъ воспитаніемъ. Потомъ они не попадали въ общій тонъ тогдашняго инженернаго вѣдомства, гдѣ тогда инспекторствовалъ генералъ Ламновскій, имя котораго было исторически связано съ поставкою въ казну мрамора, почему его и звали «мраморнымъ». Въ инженерномъ вѣдомствѣ многіе тогда были заняты заботами о наживѣ и старались ставить это дѣло «правильно и братски»,—вырабатывали *систему самовознагражденія*.

«Монахи» не хотѣли ни убивать людей, ни обворовывать государства и потому, можетъ быть, по неопытности, сочли для себя невозможною инженерную и военную карьеру и рѣшили удалиться отъ нея, не смотря на то, что она могла имъ очень улыбаться, при ихъ хорошихъ родственныхъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора Николая Павловича къ Брянчанинову. Государь хотя о немъ теперь уже не освѣдомлялся такъ часто, какъ прежде, но если бы Брянчаниновъ захотѣлъ, то ему, при его упомянутыхъ родственныхъ связяхъ, всегда было легко напомнить о себѣ государю, и тотъ, безъ сомнѣнія, оказалъ бы ему свою всеильную помощь. Брянчаниновъ, однако, этого не только не искалъ, но даже удерживалъ родныхъ отъ всякихъ о немъ заботъ въ этомъ родѣ. Онъ старался держать себя незамѣтно и скромно и какъ будто имѣлъ на умѣ что-то другое.

Совершенно такъ же велъ себя и Чихачевъ. А между тѣмъ они оба окончили офицерскіе классы и были выпущены на службу. Брянчаниновъ изъ верхняго класса въ Динабургъ, а Чихачевъ изъ нижняго—въ учебный саперный батальонъ. Тутъ они на время разстались и въ 1827 году Брянчаниновъ выпросился въ отставку и ушелъ въ свирскій монастырь, гдѣ и остался послушникомъ. По другимъ свѣдѣніямъ это было иначе, и это интересно, потому что вторая версія содержательнѣе и полнѣе выражаетъ поэти-

ческую борьбу молодых аскетовъ, какъ о ней рассказывали въ обществѣ.

По рассказамъ современниковъ, Брянчаниновъ и Чихачевъ колебались уходить изъ міра въ монастырь и рѣшились на это только тогда, когда представилась необходимость взяться за оружіе для настоящихъ военныхъ дѣйствій.

Какъ только у насъ возгорѣлась война съ Турціею, то Чихачевъ и Брянчаниновъ оба разомъ подали просьбы объ отставкѣ. Это было и странно, и незаконно, и даже постыдно, такъ какъ представляло ихъ трусами, но тѣмъ не менѣе они ни на что это не посмотрѣли и просили выпустить ихъ изъ военной службы въ отставку.

Истинная причина ихъ уклоненія отъ военной службы въ прошеніяхъ ихъ была не объяснена, но ихъ семейнымъ и друзьямъ было извѣстно, что она заключалась въ томъ, что они находили военное дѣло несомвѣстнымъ съ своими христіанскими убѣжденіями. Какъ люди послѣдовательные и искренніе, они не хотѣли не только воевать оружіемъ, но находили, что не могутъ и служить приготовленіемъ средствъ къ войнѣ. Впрочемъ, и самое возведеніе оборонъ они не усматривали возможности производить съ полною честностью. Имъ казалось, что надо было «попасть въ систему самовознагражденія» или противодѣйствовать тѣмъ, чьи приказанія должно было исполнять.

Конечно, со стороны молодыхъ людей тутъ было, можетъ быть, значительное преувеличеніе опасности, но тогда взятки царили повсюду и самъ государь Николай Павловичъ, какъ явствуетъ изъ многихъ напечатанныхъ впоследствии анекдотовъ, находилъ себя не въ силахъ остановить это страшнѣйшее зло его времени.

Нашимъ «монахамъ» казалось, что служить честно—это значило постоянно поперечить всѣмъ желающимъ наживаться, и надо порождать распри и несогласія, безъ всякой надежды отстоять правду и не допускать повсюду царствовавшихъ злоупотребленій. Они поняли, что это подвигъ,

требующій такой большой силы, какой они въ себѣ не находили, и потому они рѣшились бѣжать.

Борець болѣ смѣлый еще подросталъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Когда государю было доложено, что Брянчаниновъ и Чихачевъ подали прошенія объ отставкѣ, императоръ разгнѣвался и сказалъ: «это вздоръ!»—и ихъ не выпустили. Надо было покориться, но при хорошихъ связяхъ тогда удавалось многое, что для людей обыкновеннаго положенія было невозможно. Черезъ нѣкоторое время, когда войска наши уже двинулись въ Турцію, Брянчаниновъ и Чихачевъ опять подали вторично просьбы объ отставкѣ, но въ этотъ разъ прибѣгнули уже къ содѣйствію тѣхъ родственныхъ связей, которыми не хотѣли пользоваться до сей поры для другихъ цѣлей. Связи эти были столь сильны, что дѣло прошло какъ-то мимо государя и Чихачева съ Брянчаниновымъ тихонько выпустили въ отставку, «подъ сурдинкою».

Это было будто бы уже на походѣ и молодые друзья должны были отстать отъ своихъ частей при пересудахъ и ропотѣ своихъ товарищей, изъ которыхъ одни имъ завидовали, какъ баричамъ, уходившимъ отъ службы въ опасное время, а другіе старались дать имъ чувствовать свое презрѣніе, какъ трусамъ.

Друзья предвидѣли такое истолкованіе своего поступка и перенесли эти непріятности съ давно выработаннымъ въ себѣ спокойствіемъ. Въ утѣшеніе себѣ они знали, что они не трусы, и удаляются отъ войны не изъ боязни смерти, а потому они не обижались, а спѣшили какъ можно скорѣе и незамѣтнѣе «бѣжать изъ арміи».

Выходъ ихъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, былъ похожъ на побѣгъ: объ отпускѣ ихъ изъ частей старались не говорить,—ихъ будто куда-то «послали» и потомъ они совсѣмъ

скрылись, избѣжавъ, такимъ образомъ, еще многихъ другихъ непріятностей *).

Сначала они будто отправились къ сѣверу вмѣстѣ, но на дорогѣ разстались: Брянчаниновъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пребываніе его казалось очень опаснымъ, потому что онъ тутъ безпрестанно рисковалъ попасть въ глаза императору, а Чихачевъ пріѣхалъ къ своей сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, по мужу Кутузовой. Онъ говорилъ о своемъ возвращеніи не много и не ясно, а о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ совсѣмъ не говорилъ ничего. Его находили «страннымъ», какъ будто потеряннымъ или отрѣшеннымъ отъ міра, и не предающимся живо ни радостямъ, ни печалямъ. Это было очень тяжело видѣть въ молодомъ человѣкѣ, и семейные Чихачева общими силами старались узнать, «что у него на душѣ». Одни думали «влюбленъ», другимъ казалось «замѣшанъ», а одинъ родственникъ съ волтерьянскою заправкой увѣрялъ, что племянникъ «помѣшанъ».

— На чемъ?

— Гордецъ. Хочетъ быть лучше всѣхъ... Набожный чистоплюй... Пусть міръ тонетъ въ смрадѣ грѣха, а онъ будетъ сидѣть какъ дроздъ на березкѣ, и свои перышки перечищать носикомъ... Чистоплюй!

На этого волтерьянца махали рукою, а Чихачевъ въ одинъ прекрасный день пропалъ изъ дома.

Мать и сестра его были въ отчаяніи. Особенно мать, безпокойства которой возрастали отъ цѣлой тучи предположеній и догадокъ, одна тревожила другой. Положеніе было ужасное. Семья и старалась искать бѣглеца и въ то же время боялась, чтобы не распространился широко слухъ

*) Эта часть разсказа совершенно не согласна съ тѣмъ, что читается въ жизнеописаніи Брянчанинова и представляется настоящею легендой, въ которой удаленіе молодыхъ людей отъ міра желали представить какъ можно эффективѣе. Однако, разсказъ этотъ держится въ этомъ видѣ до сихъ поръ и ему вѣрятъ, не смотря на то, что книга передаетъ дѣло иначе.

объ его исчезновеніи. Надо было, чтобы это не дошло какъ нибудь въ Петербургъ до государя. Всего' ужасно боялись, — и надо было бояться. Начались и очень долго продолжались въ величайшемъ секретѣ большіе поиски, въ которыхъ принимали участіе родственники пропавшаго и особенно преданные и довѣренныя крѣпостные слуги, — шла съ кѣмъ можно осторожная, но горячая переписка, но все это оставалось безъ результатовъ. Спросили даже волтерьянца, но тотъ вмѣсто отвѣта посоветовалъ читать житіе Алексѣя челоуѣка Божія, такъ какъ, по его мнѣнію, Чихачевъ будто всего вѣроятнѣе поревнуетъ примѣру этого святого. На «безчувственнаго циника» кивали головами, а слѣдовъ пропавшаго бѣглеца все-таки не находили нигдѣ. Семья и особенно мать переносили тяжкое горе и вдобавокъ должны были молчать и не показывать вида, что молодой челоуѣкъ пропалъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ самъ объявился въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ на Волгѣ. Волтерьянецъ угадывалъ всѣхъ ближе къ истинѣ: оба друга, Чихачевъ и Брянчаниновъ, появились вмѣстѣ въ Бабайки и тутъ же оба вмѣстѣ начали одновременно свой путь въ иночествѣ, которое было имъ какъ бы врожденно и въ школѣ напророчено *).

Гдѣ бѣжавшій изъ имѣнія О. В. Кутузовой Чихачевъ встрѣтился съ появившимся на короткое время въ Петербургѣ Брянчаниновымъ, — это осталось ихъ тайною, которая, можетъ быть, и не представляетъ ничего особенно интереснаго, но тѣмъ не менѣе они объ этомъ никогда не говорили. Важенъ тотъ фактъ, какъ и гдѣ началось это «послѣдованіе Алексѣю челоуѣку Божію» и чѣмъ оно разрѣшилось, представивъ собою намъ два врожденные характера, достопримѣчательные своею цѣльностью и послѣдовательностью.

Ихъ не въ силахъ были измѣнить ни среда школы и ея

*) На самомъ дѣлѣ Брянчаниновъ попалъ въ Бабайки только въ концѣ своей монашеской жизни, а Чихачевъ былъ здѣсь очень короткое время для свиданія съ другомъ.

направленіе, ни самый лестный фаворъ, ни строгое осужденіе, ни укоризны трусостью, какъ порокомъ, который долженъ бы несносно уязвлять благородное чувство, если-бы оно не видало себѣ оправданія въ идеалѣ высшемъ. Пусть, быть можетъ, этотъ идеалъ понятъ и узко, но тѣмъ не менѣе онъ требовалъ настоящаго мужества для своего цѣлостнаго осуществленія. И у Брянчанинова съ Чихачевымъ не оказалось недостатка въ мужествѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Проходить рядъ лѣтъ тихихъ монастырскихъ трудовъ и Брянчаниновъ снова попадаетъ на видъ государя. Сдѣлать это рѣшился московскій митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, которому, конечно, не безызвѣстно было, что императоръ Николай Павловичъ не хотѣлъ выпускать Брянчанинова въ отставку. Напомнить теперь о немъ значило привести на память государю всю исторію, и онъ могъ спросить: кто и когда выпустилъ Брянчанинова? Но Филаретъ все-таки вывелъ Брянчанинова, приспособленнаго со всѣмъ не къ тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ его тщательно приготавлило петербургское инженерное училище.

Спустя лѣтъ десять, въ продолженіи которыхъ императоръ Николай Павловичъ не вспоминалъ о Брянчаниновѣ и Чихачевѣ, государь въ одну изъ своихъ побывокъ въ Москвѣ посѣтилъ митрополита Филарета и выражалъ неудовольствіе по поводу событій, свидѣтельствовавшихъ о большой распущенности въ жизни монаховъ *). Митрополитъ не возражалъ, но сказалъ, что есть теперь прекрасный игумень, настоящій монахъ, на котораго можно положиться и съ нимъ можно будетъ многое поочистить и исправить въ монастыряхъ.

— Кто этотъ рѣдкій челоуѣкъ?—спросилъ государь.

— Игнатій Брянчаниновъ.

*) На самомъ дѣлѣ разговоръ въ этомъ родѣ происходилъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

— Брянчаниновъ? Я помню одного Брянчанинова въ инженерномъ училищѣ.

— Это тотъ самый и есть.

— Развѣ онъ пошелъ въ монахи?

— Онъ уже игумень.

— Да, я помню, онъ и въ училищѣ еще отличался набожностью и прекраснымъ поведеніемъ. Я очень радъ, что онъ нашель свое призваніе и можетъ быть полезнымъ для управы съ монахами. Они невозможны.

— Отецъ Игнатій уже привелъ нѣсколько монастырей въ отличный порядокъ.

— Въ такомъ разѣ, если онъ у васъ уже привелъ въ порядокъ, то я попрошу васъ теперь дать его мнѣ, чтобы онъ мнѣ поочистилъ хоть немножко мою петербургскую Сергіевскую пустынь. Тамъ монахи ведутъ себя такъ дурно, что подають огромный соблазнъ.

— Воля вашего величества будетъ исполнена и я твердо надѣюсь, что Игнатій Брянчаниновъ окажется полезнымъ всюду, куда вамъ угодно будетъ его назначить.

— Очень радъ, но жалю, что онъ одинъ такой: одинъ въ полѣ—не воинъ.

— Съ нимъ есть его другъ,—такой же строгій монахъ,— Чихачевъ.

— Ба! Чихачевъ! Это тоже изъ той же семьи,—мой кадетъ.

— Точно такъ, ваше величество.

— Ну, такъ и прошу перевести ихъ вмѣстѣ.

Брянчаниновъ пріѣхалъ игуменомъ въ Сергіевскую пустынь и привезъ съ собою друга своего Чихачева, который былъ съ этой поры его помощникомъ, и оба они начали «чистить» и «подтягивать» сергіевскихъ монаховъ, жизнь которыхъ въ то время, дѣйствительно, представляла большой соблазнъ, легендарныя сказанія о коемъ и до сей поры увеселяють любителей этого жанра *).

*) На это есть указанія и въ «Жизнеописаніи» (стр. 66 и 67).

Послѣдующая духовная карьера Игнатія Брянчанинова известна. Онъ былъ епископомъ безъ образовательнаго ценза и имѣлъ много почитателей и много враговъ.

Чихачевъ не достигъ такихъ высокихъ іерархическихъ степеней и къ нимъ не стремился. Ему во всю жизнь нравилось тихое, незамѣтное положеніе и онъ продолжалъ тушеваться какъ при другѣ своемъ Брянчаниновѣ, такъ и послѣ. Превосходный музыкантъ, пѣвецъ и чтецъ, онъ занимался хоромъ и чтецами и былъ известенъ только въ этой области. Велъ онъ себя какъ настоящій иннокъ, никогда, впрочемъ, не утрачивая отпечатка хорошаго общества и хорошаго тона, даже подъ схимою. Схиму носилъ съ рѣдкимъ достоинствомъ, устраняя отъ себя всякое покушеніе разглашать что либо о какихъ бы то ни было его особенныхъ дарахъ.

Даже набожныя дамы, создающія у насъ репутацію святыхъ и чудотворцевъ при жизни, ничего особеннаго о Чихачевѣ внушать не смѣли. Онъ ни предсказаній не дѣлалъ, ни чудесъ не творилъ.

Музыкальныя и вокальныя способности и познанія Чихачева до нѣкоторой степени характеризуются слѣдующимъ за достовѣрное сообщаемымъ случаемъ: одна изъ его родственницъ, Марія Павловна Ферморъ, была замужемъ за петербургскимъ генераль-губернаторомъ Кавелинымъ. Чихачевъ нерѣдко навѣщалъ ее. Однажды, когда онъ сидѣлъ у Кавелиной, къ ней пріѣхалъ съ прощальнымъ визитомъ известный Рубини. Кавелина, знакомя встрѣтившихся гостей, сказала Рубини, что Чихачевъ — ея дядя, и что онъ хотя и монахъ, но прекрасно знаетъ музыку и обладаетъ превосходнымъ голосомъ.

— Но васъ онъ никогда не слыхалъ, добавила Марія Павловна.

— Почему же это такъ?

— Это потому, что у насъ духовныя лица не могутъ ходить въ театры.

— Какая жалость, отвѣчалъ Рубини, — музыка возвы-

шаетъ чувства и театр можетъ наводить на очень глубокія размышленія.

— Ну, ужъ какъ бы это тамъ ни было, а у насъ такое правило, что монахи оперъ не слушаютъ.

— Но, все равно, вашъ дядюшка могъ быть въ моемъ концертѣ.

Кавелина улыбнулась и отвѣчала:

— Нашимъ монахамъ не позволено бывать и въ концертахъ.

— Это варварство!—воскликнулъ Рубини,—и, я думаю, вы не станете ему слѣдовать и не запретите мнѣ спѣть при вашемъ дядѣ.

— Я буду отъ этого въ восторгѣ.

— А вы ничего противъ этого не имѣете? — обратился, живо вставая съ мѣста, Рубини къ самому Чихачеву.

— Я очень радъ слышать знаменитаго Рубини.

— Въ такомъ случаѣ Рубини поетъ съ двойною цѣлью, чтобы доставить удовольствіе хозяйкѣ дома и своему собрату, а въ то же время, чтобы сдѣлать неудовольствіе грубымъ людямъ, не понимающимъ, что музыка есть высокое искусство.

Марія Павловна Кавелина открыла рояль и сѣла аккомпанировать, а Рубини всталъ и пропѣлъ для Чихачева нѣсколько лучшихъ своихъ арій.

Чихачевъ слушалъ съ глубочайшимъ вниманіемъ, и когда пѣніе было окончено, онъ сказалъ:

— Громкая слава ваша нимало не преувеличиваетъ достоинствъ вашего голоса и умѣнья. Вы поете превосходно.

Такъ скромно и достойно выраженная похвала Чихачева чрезвычайно понравилась Рубини. Ему, конечно, давно уже надокучили и опротивѣли всѣ опозлѣвшіе возгласы дешеваго восторга, которыми люди банальныхъ вкусовъ считаютъ за необходимое привѣтствовать артистовъ. Въ словахъ Чихачева, дѣйствительно, была похвала, которую можно принять, не краснѣя за того, кто хвалитъ. И Рубини, сжавъ руку монаха, сказалъ:

— Я очень радъ, что мое пѣніе вамъ нравится, но я хотѣлъ бы имѣть понятіе о вашемъ пѣніи.

Чихачевъ сейчасъ же, молча, всталъ, самъ сѣлъ за фортепіано и, самъ себѣ аккомпанируя, пропѣлъ что-то изъ какого-то духовнаго концерта.

Рубини пришелъ въ восхищеніе и сказалъ, что онъ въ жизнь свою не встрѣчалъ такой удивительной октавы и жалѣетъ, что лучшіе композиторы не знаютъ о существованіи этого голоса.

— Къ чему же бы это послужило?—произнесъ Чихачевъ.

— Для вашего голоса могли быть написаны вдохновенныя партіи и ваша слава, вѣроятно, была бы громче моей!

Чихачевъ молчалъ и, сидя бокомъ къ клавиатурѣ, тихо перебиралъ клавиши.

Рубини всталъ и началъ прощаться съ Кавелиной и съ ея гостемъ.

Подавъ руку Чихачеву, онъ еще разъ сильно сжалъ его руку, посмотрѣлъ ему въ глаза и воскликнулъ съ восторгомъ:

— Ахъ, какой голосъ! какой голосъ пропадаетъ безвѣстно!

— Онъ не пропадаетъ: я имъ пою Богу моему дондеже есмь, проговорилъ Чихачевъ по-русски.

Рубини попросилъ перевести ему эту фразу и, подернувъ плечами, сказалъ:

— Ага!.. Да, да... это другое дѣло.

Къ сожалѣнію, престарѣлый свидѣтель этого происшествія не могъ вспомнить, что такое пѣлъ для Рубини Чихачевъ въ гостиной М. П. Кавелиной. А это очень любопытно, потому что голосъ у Чихачева была знаменитая октава, которая очень важна въ хорѣ, но не solo. Слѣдовательно, очень бы интересно знать, что такое Чихачевъ могъ исполнить одинъ своею октавою, и при томъ въ такомъ совершенствѣ, что вызвалъ восторги у Рубини.

Можетъ-быть, кто-нибудь это знаетъ отъ какого-нибудь болѣе памятливаго свидѣтеля или современника. Это весьма

возможно, такъ какъ встрѣча Рубини съ Чихачевымъ въ гостинной генераль-губернаторскаго дома и все, что тамъ произошло, говорятъ, очень быстро распространилось въ «свѣтъ» и было разнесено молвою по городу. Зналъ объ этомъ и императоръ Николай, и отвѣтъ Чихачева: «пою Богу моему» чрезвычайно ему понравился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ выхода Брянчанинова и Чихачева изъ инженернаго училища, тамъ не переставалъ держаться *ихъ духъ*, которымъ отъ нихъ «надышались» малыши, и въ свою очередь показали черты, совершенно непригодныя для службы, къ какой они предназначались по своему специальному образованію. Однимъ изъ наиболѣе «надышавшихся» былъ Николай Ферморъ.

Въ инженерномъ училищѣ воспитывались два брата Ферморы, Павелъ и Николай. Старшій, Павелъ Ѳеодоровичъ, учился въ одно время съ Брянчаниновымъ, былъ съ нимъ друженъ и находился подъ его непосредственнымъ духовнымъ вліяніемъ, а младшій, Николай Ѳеодоровичъ, шелъ позже, вслѣдъ за братомъ, и поступилъ въ инженерное училище, когда государь Николай Павловичъ уже пересталъ быть великимъ княземъ, а сдѣлался императоромъ. Непосредственное вниманіе его тогда къ училищу, за множествомъ другихъ дѣлъ, уже прекратилось и только въ преданіяхъ рассказывалось, какъ онъ, бывало, заходилъ въ училище съ вечерней прогулки, иногда даже вдвоемъ съ государыней Александрой Ѳеодоровной. Ее, бывало, оставить въ залѣ, а самъ обходилъ дортуары, гдѣ воспитанники уже спали, и Ламновскій чаще всѣхъ имѣлъ удачу встрѣчать великаго князя и черезъ то казался ему очень усерднымъ къ своему инспекторскому служенію, что на самомъ дѣлѣ было далеко не такъ.

По вступленіи Николая Павловича на престолъ, высшее попеченіе объ инженерномъ училищѣ имѣлъ братъ госу-

даря, великій князь Михайль Павловичъ. Онъ слыль за очень строгаго и грознаго и любиль, чтобы его боялись,—и его, дѣйствительно, очень боялись и даже трепетали дѣти. Ламновскій при немъ продолжалъ служить, какъ и при Николаѣ Павловичѣ. «Духъ» въ училищѣ держался все тотъ же: одними практиковалась «система самовознагражденія», а другіе къ этому присматривались и приспособлялись, каждый по соображеніямъ своего ума. Одни выходили во вкусъ Ламновскаго, другіе въ менѣ смѣломъ, но еще въ болѣе тонкомъ родѣ, и «мелочами не мазались». Послѣ изятія Варшавы, когда тамъ, въ Новогеоргіевскѣ и въ другихъ пунктахъ бывшаго Царства Польскаго, началась постройка новыхъ крѣпостей, «система самовознагражденія», казалось, достигла до самаго невысшаго своего развитія. Больше всего достойна памяти и удивленія откровенность этого направленія въ молодежи: инженерные юнкера весело и беззабѣчно говорили, что они «иначе не понимаютъ, какъ быть инженеромъ—это значитъ *купаться въ золотѣ*». Такъ они и росли съ этимъ убѣжденіемъ, укрѣплялись въ немъ и, выходя, начинали его практиковать.

Но какъ вездѣ бывають и всегда могутъ быть неподходящія къ общему правилу исключенія, такъ было и здѣсь. Рядомъ съ тѣми, которые приспособлялись активно практиковать «систему самовознагражденія», или хотя пассивно «не мѣшать товарищамъ», были безпокойные отщепенцы, «надышавшіеся брянчаниновскимъ духомъ». Ихъ звали «сектою» и не даромъ на нихъ косились, какъ бы предчувствуя, что изъ нихъ, наконецъ, выйдетъ когда-нибудь «предерзкая собака на сѣнѣ». Таковою и вышелъ Николай Ферморъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Секта Брянчанинова», подъ вліяніе которой подпалъ въ инженерномъ училищѣ Николай Федоровичъ Ферморъ, къ его времени потерпѣла значительное измѣненіе въ духѣ. Съ отходомъ перваго своего основателя и руководителя

Брянчанинова и его друга Чихачева, она утратила преобладание религиознаго направленія, но зато еще болѣе повысила требованія общей честности и благородства.

Разумѣется, все это держалось въ очень небольшомъ кружкѣ юношей, которые не только составляли меньшинство, но были, такъ сказать, каплею въ морѣ, которую съ полнымъ удобствомъ можно было не замѣчать или считать ни во что. Начальство такъ на нихъ и смотрѣло: оно о нихъ кое-что знало и называло ихъ «мечтателями», но не опасными. Въ училищѣ они не могли оказывать никому никакой помѣхи, а съ выходомъ на службу преобладающее общее настроеніе, казалось, безъ сомнѣнія, должно ихъ убѣдить въ непригодности ихъ мечтаній и сравнять со всѣми другими, которые ничего мечтательнаго не затѣвали, а ортодоксально вѣрили, что «быть инженеромъ—значить купаться въ золотѣ». Многочисленные опыты убѣждали солидные умы въ пользу этого успокоительнаго предположенія и опасаться серьезнаго вреда отъ безсребренниковъ было нечего.

Николай Ферморъ, однако, представлялъ своимъ характеромъ исключеніе и съ раннихъ поръ заставлялъ думать, что его увлеченія честностью и благородствомъ могутъ когда-нибудь сдѣлаться въ серьезной степени неудобными и причинять съ ними хлопоты.

Это и оправдалось.

Что онъ проповѣдывалъ безусловное безкорыстіе и честность, находясь въ училищѣ, съ этимъ можно было еще не считаться, но онъ упорно держался того же и по выпускѣ его въ офицеры. На самомъ первомъ шагу своего выхода въ свѣтъ, когда бывшіе товарищи по училищу собрались вмѣстѣ, чтобы «всбрызнуть свои эполеты», Ферморъ за обѣдомъ прочиталъ стихи своего сочиненія, въ которыхъ зывалъ къ совѣсти своихъ однокашниковъ, приглашая ихъ тутъ же дать другъ передъ другомъ торжественную клятву, что они будутъ служить отечеству съ совершеннымъ безкорыстіемъ и не только ни одинъ никогда не станетъ воз-

награждать себя самъ, по «системѣ самовознагражденія», но и другимъ этого не дозволить дѣлать, а, не смотря ни на что, остановить всякое малѣйшее злоупотребленіе и не пощадить вора. Онъ этого требовалъ въ своихъ горячихъ и, какъ говорятъ, будто бы очень недурныхъ стихахъ, и самъ же первый произнесъ торжественную клятву свято, неотступно слѣдовать во всю жизнь своему воззванію.

Читая свое стихотвореніе, онъ былъ разгоряченъ и взволнованъ, глаза его горѣли, онъ самъ дрожалъ и, все выше и выше возвышая голосъ, окончилъ истерическимъ экстазомъ, который многимъ былъ неприятенъ и приписанъ вліянію выпитаго поэтомъ вина. Такого дѣйствія, какого ожидалъ горячій юноша, не послѣдовало: съ нимъ никто не спорилъ, никто не говорилъ, что то, къ чему онъ призывалъ товарищей, было дурно, но никто къ нему на грудь не бросался, дружнаго звона сдвинутыхъ бокаловъ не раздалось, а, напротивъ, многіе, потупивъ глаза въ свои приборы, обнаруживали смущеніе и какъ будто находили въ обличительныхъ словахъ поэта нѣчто неумѣстное, колкое, оскорбительное для старшихъ и вообще не отвѣчающее веселому характеру собранія. А нѣкто, кажется, и теперь еще живущій и, по крайней мѣрѣ, очень недавно еще произносившій «рѣчи съ юморомъ», поправилъ дѣло, сказавъ, что «надо помнить о присягѣ и, подчиняясь ей, не заводить никакихъ союзовъ, основанныхъ на исключительныхъ клятвахъ и обязательствахъ».

— По крайней мѣрѣ, я, господа, напоминаю, что я принималъ присягу и ни о какихъ союзахъ знать не хочу.

— И мы тоже, и мы! Bravo! Ура!

Николай Ферморъ не сконфузился, но очень обидѣлся; онъ, стоя, дождался, пока шумъ стихъ, обвелъ вокругъ сидѣвшихъ за столомъ товарищей, мрачно улыбнулся и сказалъ:

— Ну, если мнѣ суждено выпить мою чашу одному, то я ее одинъ и выпью.

И съ этимъ онъ выпилъ вино и разбилъ бокаль, чтобы изъ него не пили ни за какое другое пожеланіе.

Это опять бросило неблагоприятную тѣнь на общее настроеніе пирующихъ. Опять нашлись люди, которые пытались поправить слово, но это не удавалось. Кто-то возгласилъ извѣстное стихотвореніе Пушкина, окончивающееся словами: «да здравствуетъ *разумъ*», и всѣ пили этотъ тостъ, но Ферморъ не пилъ,—ему не изъ чего было пить за «разумъ»,—его бокаль былъ разбитъ послѣ тоста «за честность въ жизни и на службѣ». Этотъ человѣкъ постоянно являлся внѣ общаго движенія—«уединеннымъ пошехонцемъ», и всѣ были рады, что онъ оставилъ общество ранѣе другихъ, всѣ, по уходѣ его, точно вздохнули и веселье закипѣло, а онъ былъ уже одинъ, унесъ съ собою неудовольствіе на другихъ и оставивъ такое же или, можетъ-быть, еще большее неудовольствіе въ этихъ другихъ.

Съ разсказаннаго случая на самомъ первомъ шагу самостоятельной жизни Фермора началось его отлученіе. Это не обѣщало ничего хорошаго, но онъ нимало не пугался создающагося положенія и еще усиливалъ его, раздражаясь отъ времени до времени новыми стихами, въ которыхъ старался какъ можно строже и язвительнѣе бичевать сребролюбіе и другія хорошо ему извѣстныя порочныя склонности своего званія.

Ему было сдѣлано замѣчаніе, что такъ служить нельзя.

Ферморъ хотѣлъ сейчасъ же оставить инженерную службу, боясь, что далѣе онъ еще хуже не сумѣетъ поладить съ господствовавшимъ въ вѣдомствѣ направленіемъ, но перемѣнить службу ему не удалось. Великій князь Михайль Павловичъ, знавшій Николая Федоровича въ училищѣ, оставилъ его въ Петербургѣ при здѣшней инженерной командѣ.

Тутъ не было такихъ дѣлъ, изъ-за которыхъ молодому фанатику честности пришлось бы раздражаться, и онъ сносилъ свое служебное положеніе спокойно. Онъ даже былъ имъ доволенъ, но въ это именно время (въ 1831 г.) начались большія постройки въ крѣпостяхъ Царства Польскаго, гдѣ наши инженеры особенно привольно «купались въ золотѣ». Это ни для кого не было большою тайной, но все-

таки «купанье» иногда обращало на себя внимание государя и великаго князя и тогда производилось «освѣженіе личнаго состава», отчего, впрочемъ, дѣло нисколько не выигрывало, ибо лица, вновь прибывающія для освѣженія, немедленно же ощущали совершенную невозможность противустоять общему направленію и вскорѣ же, безъ всякаго протеста, становились такими же, какъ и прежніе.

Кто по нежеланію, или по неумѣнью, или изъ страха самъ не лѣзъ въ золотое русло, чтобы купаться въ золотѣ, такихъ чрезвычайно предупредительно и ласково сами старшіе окунали въ ванны домашнимъ порядкомъ.

Дѣло было устроено такъ удобно, что тому, кто не хотѣлъ самъ лично входить въ какія-нибудь сдѣлки, не было и никакой необходимости заниматься этимъ самолично. Въ извѣстной части старшій самъ сдѣлывался съ поставщиками и пріемщиками и дѣлился со всѣми своими сослуживцами безъ объясненія путей и источниковъ дохода. При такомъ порядкѣ каждый «купался» безъ всякаго насилія своей скромности и своей совѣсти. Не доносить же на старшихъ,— да и чѣмъ подкрѣпить доносъ? Всѣ скажутъ: «это неправда» и «міръ зинеть—правда сгинеть».

Н. О. Ферморъ былъ у великаго князя Михаила Павловича на хорошемъ счету, какъ способный инженерный офицеръ, и это повело къ тому, что въ одинъ прекрасный день Ферморъ совершенно неожиданно для себя получилъ переводъ изъ Петербурга въ Варшаву, гдѣ тогда производилось множество инженерныхъ работъ.

Ферморъ не обрадовался: онъ точно чувствовалъ, что ему тамъ не сдобровать, но онъ не имѣлъ такой рѣшимости, какъ Чихачевъ или Брянчаниновъ, чтобы бѣжать отъ службы и скрыться подъ рясу монаха. Да и идеаль Алексѣя челоуѣка Божія, которому слѣдовали въ своей рѣшимости Чихачевъ и Брянчаниновъ, не былъ идеаломъ позже ихъ вышедшаго на житейскій путь Фермора. Этотъ тоже былъ религіозенъ, но онъ не хотѣлъ бѣжать отъ жизни въ свѣтѣ, а, напротивъ, хотѣлъ борьбы со зломъ — онъ хотѣлъ

внести посильную долю правды и свѣта въ жизнь. Ферморъ былъ человѣкъ съ гражданскими добродѣтелями и для него не годились ни аскетизмъ, ни витаніе въ поэзіи красоты и любовныхъ восторговъ. Онъ писалъ недурные стихи, но не къ «ножкамъ Терпсихоры», а къ возбужденію духа чести въ житейскихъ отношеніяхъ, и въ этомъ смыслѣ значительно опережалъ свое время и неминуемо долженъ былъ нажать себѣ много недоброжелателей и враговъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Часть, въ которую Николай Ферморъ поступилъ по прибытіи въ Варшаву, находилась въ управленіи инженера, у котораго «система самовознагражденія» была поставлена самымъ правильнымъ образомъ. Никто, кромѣ самого начальника части, не имѣлъ надобности ничего извлекать самъ въ свою пользу или входить въ какія бы то ни было непосредственныя отношенія съ подрядчиками работъ и поставщиками строительныхъ матеріаловъ. Все это начальникъ со всею отвѣтственностью несъ на себѣ самъ, устраняя своихъ подчиненныхъ отъ всякихъ сдѣлокъ, «дабы не происходило никакой путаницы». Никто изъ офицеровъ своими руками ничего отъ постороннихъ не принималъ, но каждому ежемѣсячно, при выдачѣ казеннаго жалованья, раздавалась «прибавка» или «дачка», о происхожденіи которой извѣстно было только, что она «идетъ изъ кружки». Какъ составлялась эта «кружка»—всѣмъ было понятно: старшій бралъ или «уэкономливалъ», и потомъ «дѣлилъ какъ попъ на причетъ». Причетники получали то, что имъ давалъ отецъ настоятель, и никакихъ частныхъ всей этой благостыни могли не знать. Они даже обязаны были не стараться проникать въ тайны, чтобы не подвергать дитя опасности отъ семи нянекъ, а получали, что имъ распредѣлялось отъ отца командира, и затѣмъ продолжали служить съ незапятнанною совѣстью, исполняя приказанія старшаго и ни въ чемъ ему не переча.

Словомъ, «система самовознагражденія» была здѣсь возведена на высокую степень практичности и всѣ были ею довольны, тѣмъ болѣе, что отецъ настоятель былъ мастеръ собирать кружку и дѣлилъ ее не скаречно.

При раздѣлѣ кружечный сборъ составлялъ для каждого такую значительную сумму, при которой казенное жалованье было сравнительно сущею бездѣлицей. Расписывались же только въ одной этой казенной бездѣлицѣ, а самое значительное полученіе «изъ кружки» выдавалось на руки безъ всякихъ росписокъ,—по-домашнему или по-семейному. Сколько командиръ собиралъ, объ этомъ этикетомъ принято было не любопытствовать, но тѣмъ, что онъ дарствовалъ, всѣ были довольны, потому что онъ былъ «человѣкъ благородный и давалъ не скупясь».

Положеніе это всѣмъ нравилось и никто его измѣнять не хотѣлъ; но вотъ вдругъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга «молокососъ Ферморъ» и не только причиняетъ своимъ безразсуднымъ поведеніемъ всѣмъ ужасное безпокойство, но дѣлаетъ еще такой скандалъ во всемъ причтѣ и въ обществѣ, что отъ него надо было избавиться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Прибыль Николай Ферморъ въ Варшаву въ свое время, по расчисленію поперстнаго разстоянія, и «какъ офицеръ, рекомендованный великимъ княземъ съ наилучшей стороны», былъ принятъ съ особливимъ вниманіемъ.

— Васъ избралъ для посылки сюда самъ великій князь, сказалъ Фермору его начальникъ части.—Очень вамъ рады, намъ хорошіе молодые люди нужны и мы постараемся, чтобы вамъ у насъ было хорошо.

Ферморъ благодарилъ.

— Да, мы о васъ позаботимся, — у насъ уже это такъ принято. Мы считаемъ васъ своимъ со дня назначенія. Теперь отдыхайте.

Ферморъ пошелъ отдыхать, а потомъ, отдохнувъ, явился для испрошенія себѣ указанныхъ занятій.

Ему отвѣчали, чтобы онъ объ этомъ не заботился, что «занятія придутъ своимъ чередомъ». А «пока» ему никакого прямого назначенія не было.

— Что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ заниматься?

Начальнику это рвеніе не понравилось, и онъ сразу же посмотрѣлъ на него, какъ на человѣка мало дисциплинированнаго и «съ чѣмъ-то особеннымъ въ характерѣ». А все сколько-нибудь и въ какомъ-нибудь отношеніи «особенное» тогда не нравилось и казалось подозрительнымъ, или, во всякомъ случаѣ, особенность не располагала къ довѣрію и даже внушала беспокойство. Желательны были люди «стереотипнаго изданія», которые походили бы одинъ на другого, «какъ однофурменныя пуговицы».

Ферморъ къ этому не подходилъ и своимъ домогательствомъ занятій съ перваго же раза не понравился.

Начальникъ ему отвѣтилъ холодно и сухо:

— Ходите и присматривайтесь; мы увидимъ, къ чему вы способны.

Ферморъ сталъ «ходить и присматриваться», но ему продолжало сразу не везти во мнѣніи начальства,—нашли, что онъ слишкомъ внимательно присматривается.

— Что ему такое надо?

О немъ списались съ Петербургомъ въ отношеніи того, какъ онъ положенъ во мнѣніи начальства и какіе у него родственныя связи.

Отвѣтъ пришелъ успокоительный: начальство ничего особаго о молодомъ инженерѣ не разумѣло, и только великій князь Михайлъ благоволилъ къ нему потому, что зналъ Фермора по инженерному училищу, гдѣ тотъ хорошо учился и былъ извѣстенъ добрымъ поведеніемъ. А что касается связей, то Ферморы принадлежали къ хорошей фамиліи, но особенно сильныхъ связей у нихъ нѣтъ, и старшій братъ Николая, Павелъ Ѳедоровичъ Ферморъ, служитъ простымъ

офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и даже нуждается *).

Свѣдѣніе это успокоило варшавскаго начальника Николая Фермора и онъ опредѣлилъ себѣ, какъ надо держать этого молодого офицера.

Въ первый же мѣсяць, когда приспѣло время получать жалованье, Николай Ферморъ явился къ казначею вмѣстѣ съ другими. Казначей съ своими сундуками помѣщался въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ начальника части. Инженерные офицеры входили къ нему по одному, расписывались въ книгѣ и получали въ одну руку изъ ящика ту сумму, какая имъ слѣдовала изъ казны и въ которой они расписывались, а въ другую, изъ особо стоявшей на полу возлѣ казначея корзины, имъ выдавалась обернутая въ бумажку пачка, въ которой заключалась сумма, значительно превосходящая казенное жалованье.

Эту получку инженеры брали изъ рукъ казначея, не разсматривая и безъ расписки, а казначей только дѣлалъ карандашомъ значокъ о выдачѣ ея въ особой маленькой тетрадкѣ.

Казначей былъ «косоротый», чиновникъ изъ писарей, въ своемъ родѣ дѣловитый и въ своемъ родѣ добрый человекъ, очень веселаго нрава. Онъ иногда позволялъ офицерамъ «любопытствовать, сколько въ пачкѣ», но большею частью этого никто не дѣлалъ, такъ какъ это ни къ чему не вело и только могло служить передъ начальствомъ признакомъ строптивости.

«Косоротый», скривя губы, говорилъ:

— Вѣруй, а не испытуй. Вѣрующему приложится, а у испытующаго отнимется.

Всѣ здраво разсуждавшіе люди знали, что надо вѣрить, и вѣрили. За это имъ и давалось по вѣрѣ ихъ.

*) Павелъ Федоровичъ Ферморъ впоследствии достигъ значительной высоты служебнаго положенія и былъ начальникомъ военно-юридической академіи, образованной изъ аудиторскаго училища.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Когда вошелъ въ казначейскую комнату Николай Ферморъ, «косоротый» придержалъ его, пока два случившіеся здѣсь офицера вышли, а потомъ предложилъ ему для учиненія расписки казенную книгу, а когда тотъ расписался въ полученіи слѣдовавшихъ ему казенныхъ денегъ (кажется, что-то около сорока рублей), тогда казначей подалъ ему эти деньги и затѣмъ, опустя лѣвую руку въ стоявшую возлѣ него корзину, подалъ пачку ассигнацій, перетянутую желтою бумажною полоской.

Положивъ эту пачку на столъ рядомъ съ отсчитаннымъ казеннымъ жалованьемъ, «косоротый» черкнулъ у себя въ тетрадь карандашикомъ и, задвинувъ тетрадь въ столъ, ждалъ, чтобы Ферморъ вышелъ и далъ мѣсто другому офицеру.

И Ферморъ, дѣйствительно, отъ него ушелъ, но пачки, перетянутой бумажною полоской, не тронулъ.

— Что же вы?—проговорилъ ему вслѣдъ «косоротый».

Ферморъ остановился.

— Что же вы не берете? Это вѣдь тоже ваше.

— Что такое?—спросилъ, недоумѣвая, Ферморъ.

— Свое, что вамъ слѣдуетъ.

— Я получилъ все свое, что мнѣ слѣдуетъ.

— И это тоже вамъ слѣдуетъ.

Казначей опять показалъ глазами на оставшуюся на столѣ пачку.

— Что же это такое?

Казначей посмотрѣлъ на него значительно и съ неудовольствіемъ и отвѣчалъ:

— Что я вамъ буду рассказывать! Это деньги.

— Какія?

— Государственныя ассигнаціи.

— Сколько же ихъ здѣсь?

— Сколько? Объ этомъ не говорятъ, но можете сосчитать, сколько ихъ здѣсь. Тутъ четыреста рублей.

— И они мои?!

— Да, ваши.

— Рѣшительно не понимаю!— произнесъ, сдвинувъ плечами, Ферморъ.

— Ну, такъ и не понимайте,— отвѣчалъ «косоротый», и при выходѣ Фермора бросилъ предназначавшуюся ему пачку опять назадъ въ корзину.

А Николай Ферморъ, выйдя въ комнату, гдѣ были офицеры, отыскалъ тѣхъ изъ нихъ, съ которыми уже успѣлъ познакомиться, и за великій секретъ, съ негодованіемъ, рассказывалъ, какую «оскорбительную штуку» хотѣлъ было съ нимъ продѣлать «косоротый».

— Я понялъ его, — говорилъ Ферморъ, — онъ меня соблазнялъ потому, что хотѣлъ испытывать, но это ему никогда не удастся... И за то онъ теперь этого больше себѣ никогда не позволить ни со мной, ни съ другимъ. Пусть старшіе поступаютъ какъ хотятъ, но люди нашего поколѣнія должны научить этихъ господъ, какъ надо уважать честность.

И онъ при этомъ только хотѣлъ продолжать, что всѣ молодые инженеры должны образовать союзъ, чтобы поддерживать другъ друга на честномъ пути безкорыстнаго служенія, но замѣтилъ, что кучка молодежи, среди которой онъ сообщалъ о своемъ оскорбленіи, растаяла и съ нимъ остался только одинъ изъ наиболѣе добросердечныхъ товарищей, и тотъ не столько ему внималъ, сколько убѣждалъ оставить это на время и идти «со всѣми вмѣстѣ въ гастрономію, такъ какъ это у насъ, говорить, заведено и никому не хорошо нарушать товарищескіе обряды».

— Я себѣ никогда и не позволю нарушать ничего товарищественнаго, но я ужасно взволнованъ казначеемъ... Это его презрѣніе къ моей чести...

— Полноте, пожалуйста, да онъ и не думаетъ ни о чьей чести!

— Но тогда что же даетъ ему такую увѣренность? И при томъ, я, вѣдь, еще ничего не дѣлалъ, а только «ходилъ да присматривался».

— Ну, полно вамъ добираться... «Ходите да присматривайтесь», тогда и поймете. А, впрочемъ, въ «гастрономіи» у насъ своя инженерная зала и мы можемъ тамъ продолжать нашъ разговоръ, а теперь пойдете туда скорѣй, чтобы не задерживать товарищей.

Они пошли въ «гастрономическое отдѣленіе», гдѣ Николай Ферморъ повторилъ въ усиленномъ видѣ сцену въ томъ же самомъ родѣ, какъ та, которую онъ разыгралъ въ Петербургѣ, на пиру вновь вышедшихъ инженеровъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ «гастрономію» въ Варшавѣ ходили только такіе люди, у которыхъ есть «глупыя деньги». Здѣсь, правда, можно было получать самыя утонченныя и рѣдкія вещи, но зато надо было платить за все чрезвычайно дорого. Людямъ, не имѣющимъ лишнихъ средствъ, сюда и порога переступить было не для чего, а съ тѣхъ, которые сюда заходили, драли уже цѣны безъ всякаго милосердія.

Самыми любимыми и наиболѣе избираемыми посѣтителями «гастрономіи» были русскіе инженеры, которые «купались въ золотѣ».

Если русскія армейскія войска полонили Варшаву, то русскіе инженеры несомнѣнно полонили варшавскую «гастрономію» и приложили стараніе внушать здѣшней челяди уваженіе къ русскому имени. Именитые поляки, поддерживавшіе здѣсь ранѣе честь польской аристократіи, при-смирѣли и были вытѣснены въ «малые кабинеты», а самымъ большимъ помѣщеніемъ завладѣли русскіе инженеры и назвали его «инженернымъ заломъ». Сюда при нихъ никто не смѣлъ приходить и садиться, потому что инженеры во всякое время могли его подавить грандіозностью своего поведенія.

Въ обычаѣ своемъ они были люди еще очень простые, и въ день полученія жалованья и пачекъ въ бумажныхъ полоскахъ приходили въ гастрономію «валомъ», т. е. почти

во всемъ составѣ, со включеніемъ и «косоротого». Здѣсь пили и ѣли много, забирая все, что есть самаго лучшаго и самаго дорогаго; засиживались долго, сколько хотѣли, и платили за все настоящимъ благороднымъ манеромъ, т. е. не торгуясь и даже не считая, что дѣйствительно взято и что безсовѣстно присчитано.

Послѣ отшедшаго вѣка магнатуріи они начинали вѣкъ инженеріи, и, должно признаться, начинали его со славою. Заря, облиставшая инженерную славу, поднималась въ Варшавѣ и Новогеоргіевскѣ и оттуда свѣтила далѣе, противъ естества—съ запада на востокъ, черезъ Кіевъ, даже до Баку и Ленкорани, ибо нынѣ даже и тамъ воспрославлено имя русскаго инженера.

Съ такими-то людьми, если не барственныхъ, то, по крайней мѣрѣ, широкихъ привычекъ очутился чужакъ, опоенный самою щекотливою честностью, и онъ повелъ себя въ этомъ почтенномъ сообществѣ какъ старинный юродивый въ золотомъ чертогѣ. Онъ жался, толкался, хмурился, оставался нелюдимъ, не принималъ никакого живого участія въ товарищескомъ разгулѣ, и не только почти ничего не ѣлъ, но и не пилъ, а между тѣмъ чувствовалъ надъ собою нечто демоническое и ужасное, подобное тому, что ощущаютъ нѣкоторые люди, проѣзжая надъ пропастью. Не проглотивъ ни одного глотка вина, Ферморъ опьянѣвалъ отъ однихъ паровъ, отъ одной атмосферы и чувствовалъ неотразимую тягу броситься въ зіяющую бездну, мимо которой ему нимало не тѣсно было бы пройти, если бы его туда не влекло и не толкало все вмѣстѣ взятое, чего не ощущалъ никто, кромѣ его одного. Его прямолинейныя понятія и чувствительныя нервы не переносили всей массы этихъ впечатлѣній, и онъ теперѣ философствовалъ и жегъ себя огненными муками.

«Жизнь меня обманула!—разсуждалъ онъ, и такъ написалъ въ письмѣ къ своему родственнику.—Я догадываюсь, что у насъ честно жить очень трудно и даже невозможно. Напрасно намъ въ такомъ случаѣ представляютъ примѣры

изъ жизни чужихъ народовъ. У другихъ выгодно быть честнымъ, а у насъ нѣтъ. У насъ съ умомъ и съ честностью обходятся несравненно суровѣе и беспощаднѣе, чѣмъ съ бездарностью и съ искательствомъ. У насъ съ честностью можно только страдать и пресмыкаться. Я все изжилъ, еще почти не начиная жить. Если бы у меня былъ сынъ, я бы теперь уже не зналъ, какъ его воспитывать. Чтобы онъ не былъ несчастливъ, надо, чтобы онъ не былъ очень честенъ и на все былъ стговорчивъ. Отъ этого я никогда не буду имѣть своей семьи. На честныхъ людей хорошо любоваться со стороны, но мучительно заставлять близкаго человѣка переносить все въ его собственной кожѣ. Задумываюсь даже, стоитъ ли жить и самому? Я не вижу смысла жить въ томъ ужасномъ сознаніи, что чести и настоящему благородству нѣтъ мѣста въ русской жизни... Этого никто одинъ исправить не можетъ, а при этомъ честно жить невозможно...»

И вдругъ въ этомъ самомъ родѣ онъ заговорилъ передъ всѣми, засѣдавшими въ «гастрономіи». И въ то же самое время, какъ онъ это говорилъ, онъ не помнилъ: зачѣмъ и съ какой стати онъ это говорить? Онъ никакъ не могъ вспомнить ни момента, ни случая, когда въ немъ вздрогнули вѣщія струны пророческой арфы и онъ пошелъ «глаголомъ жечь сердца людей». А въ то же время онъ понималъ, что дѣлаетъ что-то совершенно неудобное, разстраивающее компанію и потому неприличное и даже обидное. Онъ видѣлъ, что люди встаютъ и отходятъ отъ него, пожимая плечами и кидая на него презрительные взгляды, и вотъ уже нѣтъ никого, а только одинъ «косоротый» легъ грудью на столъ и, положивъ на руки голову, крѣпко спитъ, посвистывая носомъ.

На другой день Ферморъ ощущалъ чадъ и туманъ въ головѣ, какъ будто онъ неумѣренно пилъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не бралъ въ ротъ никакого вина. Ночью онъ легъ поздно, но безпрестанно просыпался, точно будто послѣ большого проигрыша. Ощущенія были такъ

сходны съ этимъ, что онъ даже хватался два раза за свой бумажникъ и тщательно повѣрялъ свою наличность. Она была ничтожна: Ферморъ не пилъ, но пили другіе, а какъ расчетъ былъ сообща, то, уплачивая по-ровну со всѣми, онъ отдалъ почти все, что имѣлъ при себѣ. Во всякомъ случаѣ полученное имъ мѣсячное жалованье ушло почти все безъ остатка.

Это его не могло не смутить, потому что такіе расходы были возможны только для тѣхъ, кто «купался въ золотѣ»; но кто хотѣлъ жить на одно казенное жалованье, для того траты въ такомъ размѣрѣ были не по силамъ. Ферморъ тутъ же ночью далъ себѣ слово, что впередъ въ подобной компаніи онъ никогда участвовать не будетъ.

— Кто хочетъ прожить честно, тотъ не долженъ быть транжиромъ и мотомъ. Онъ даже не долженъ стыдиться быть нищимъ. Иначе невозможно.

Ферморъ только немножко сожалѣлъ кое-кого изъ молодыхъ инженеровъ, которыхъ считалъ за людей лучшаго порядка, и стѣнялся, какъ онъ имъ откажетъ въ товариществѣ. Но безпокойство его было напрасно: ни старшіе, ни младшіе, никто его сообщества болѣе не искали. Другой мѣсяць Ферморъ тоже «проходилъ присматриваясь», безъ особаго назначенія, а когда пришелъ день раздачи жалованья, «косоротый» подалъ ему казенныя деньги въ книжкѣ и *два* пачки, перетянутыя бумажною полоской, — за истекающій мѣсяць и за прошедшій.

Ферморъ притворился, что онъ этихъ денегъ какъ бы не замѣтилъ, и взялъ только одно жалованье.

«Косоротый» еще болѣе скосоротился и спросилъ:

— Что-жь?... Опять не берете?

— Да, не беру и никогда не возьму, — рѣзко отвѣчалъ Ферморъ и добавилъ, чтобы казначей на будущее время не смѣлъ и дѣлать ему такихъ предложеній.

— Хорошо-съ, — отвѣчалъ «косоротый», и тутъ же, прежде чѣмъ Ферморъ успѣлъ выйти, онъ пошелъ съ обѣими пачками въ рукахъ въ кабинетъ начальника.

Ферморъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что «косоротый» спряталъ у себя его деньги,—напротивъ, онъ долженъ былъ думать, что деньги доставлены начальнику, какъ непринятая Ферморомъ.

И, дѣйствительно, дѣло такъ и было, и съ этихъ поръ все принимаетъ совсѣмъ иной характеръ.

Донъ-кихотство переходитъ въ трагизмъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Фермора совсѣмъ не позвали во второй разъ въ гастрономію. Старшіе, очевидно, не хотѣли его видѣть, а изъ младшихъ, тѣ, съ которыми онъ ближе другихъ сталкивался, были немножко сконфужены и, наконецъ, кто-то изъ нихъ, при какомъ-то разсказѣ о чемъ-то, происходившемъ въ послѣдній разъ въ гастрономіи, сказалъ Фермору:

— Мы васъ съ собою не звали потому, что намъ всѣмъ было совѣстно: вы ничего не пьете, а между тѣмъ у насъ плата общая. Вамъ это убыточно.

— Мнѣ это *невозможно!*—отвѣчалъ Ферморъ.

— То-то и есть.

Молодой человѣкъ не искалъ пировъ и не почиталъ себя ни за честь, ни за удовольствіе пить и ѣсть въ «гастрономіи», онъ даже (какъ выше сказано) самъ желалъ отъ этого отказаться, но когда почувствовалъ, что его «выключили безъ прошенія», и при томъ такъ рѣшительно, такъ мягко и въ то же время такъ безповоротно, онъ сконфузился и, самъ не сознавая чего-то, сробѣлъ.

— Какъ это такъ скоро и такъ просто? Я не сдѣлалъ ничего дурного, а меня вышвырнули, какъ кошку за хвостъ... И еще извиняются... Это уже насмѣшка!

Но прошло нѣсколько дней и ему стало смѣшно, какъ его спустили.

Къ сожалѣнію, не къ чему было уже и присматриваться. Ферморъ видѣлъ, что его самага разсмотрѣли до дна и отставили, и, вдобавокъ, стала ходить какая-то сказка, будто

онъ принялъ какую-то *шутку* казначея за серьезное предложеніе ему какой-то артельной взятки.

Это его возмутило: онъ пошелъ требовать отъ казначея объясненій и въ пылу гнѣва чуть не поднялъ руку...

«Косоротый» скрылся, но рассказалъ исторію.

На Фермора стали смотрѣть какъ на человѣка помѣшаннаго.

— Это Донъ-Кихоть; ему ни вѣсть что представляется; онъ никакой шутки не понимаетъ и бросается на добрыхъ людей.

Теперь, если бы онъ и захотѣлъ подчиниться общему положенію и братски принимать дѣлежи кружки, ему врядъ ли удалось бы поправить свое положеніе въ обществѣ товарищей и старшихъ, которыхъ онъ всѣхъ безъ исключенія сбидѣлъ своимъ фанфаронствомъ.

— Дрянной и безпокойный человѣкъ,—говорили о немъ, и онъ слышалъ это и находилъ въ себѣ еще болѣе силы стоять на своемъ и не поддаваться.

Къ счастью, на каждого старшаго у насъ бываетъ еще высшій старшій, и Ферморъ надѣялся найти себѣ защиту выше.

Въ числѣ рекомендацій, которыми Ферморъ былъ снабженъ изъ Петербурга въ Варшаву, у него было рекомендательное письмо къ русскому, православному викарному архіерею Антонію Рафальскому, извѣстному своею странною и до сихъ поръ невыясненною ролью по приему Почаевской лавры отъ уніатскихъ монаховъ, а потомъ, впоследствии, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому.

Ферморъ, отъ скуки и досады, вздумалъ воспользоваться этимъ письмомъ и предсталъ викарію, который до вдовства своего жилъ въ міру и зналъ толкъ въ «обхожденіи».

Безъ всякаго сомнѣнія, онъ сразу же уразумѣлъ представшаго передъ нимъ молодого человѣка и сообразилъ, что это—прекрасное, восторженное дитя, человѣкъ совсѣмъ непригодный къ жизни между людьми бойцовой породы, и Антонію, можетъ-быть, стало жаль «младенца», а при

томъ и петербургская рекомендація, которую привезъ Ферморъ, имѣла вѣсь въ глазахъ Рафальскаго, который дорожилъ связями въ Петербургѣ. Вслѣдствіе всего этого, онъ нашелъ полезнымъ принять въ Николаѣ Ферморѣ участіе, чтобы имѣть за то на своей сторонѣ лицо, которое о немъ писало.

По такимъ побужденіямъ, истинный смыслъ которыхъ молодому идеалисту былъ недоступенъ, викарій варшавскій принялъ въ немъ участіе и воспользовался первымъ случаемъ ему помочь. При свиданіи съ начальникомъ инженеровъ въ Варшавѣ Деномъ, Антоній разсказалъ о Ферморѣ и сумѣлъ расположить Дена въ его пользу.

Иванъ Ивановичъ День особенно не вникалъ въ просьбу такъ какъ она представлялась ему очень неважною. Молодой человѣкъ томится, что ему не даютъ сразу много дѣлъ въ руки, надъ чѣмъ командовать. Это часто такъ бываетъ: молодые люди всегда чѣмъ-нибудь томятся и хотятъ выше головы прыгнуть, а это нельзя. А, впрочемъ, молодой инженеръ, хорошо учившійся и хорошо рекомендованный учебнымъ начальствомъ... и также извѣстенъ великому князю... и также просить архіерей... Отчего онъ остается, въ самомъ дѣлѣ, безъ назначенія, тогда какъ инженерныхъ работъ множество? Объ этомъ надо спросить.

День спросилъ, что это значитъ?

Ему отвѣчали, что молодой человѣкъ очень хорошій и имъ очень довольны; что его и не думали оставлять безъ назначенія, но надо было, разумѣется, «присмотрѣться», къ чему его можно лучше назначить.

— Ну, да, ну, да, это совершенно справедливо. Онъ мнѣ и не жаловался, а архіерея тамъ... за него просили и онъ просить... Надо для него сдѣлать.

— Да ужъ и сдѣлалъ.

— Ну, и прекрасно!—отвѣчалъ День, и извѣстилъ Антонія, что все улажено: его protégé дадутъ дѣло по силамъ, «а тогда мы не оставимъ это безъ вниманія и онъ будетъ награжденъ».

Антоній сейчасъ же послалъ за Ферморомъ и поспѣшилъ его обрадовать, но былъ неприятно пораженъ, замѣтивъ, что въ немъ «мало восторга», а «наиболѣе томности и унылости, какъ бы у человѣка разочарованнаго жизнью».

Викарій его за это отечески пощунялъ и далъ «къ жизни наставленіе», заключавшееся въ томъ, что надо хранить бодрость духа во всякихъ положеніяхъ.

— Духа въ себѣ не угашайте и носа не вѣшайте, — училъ епископъ, — впередъ очень быстро не устремляйтесь, да иніи не возропцать, и позади не отставайте, да иніи не вознепщуютъ. Надо держать серединку на половинкѣ — себя блюсти и ближняго не скрести. А въ заключеніе всего афоризмъ: не укоряй и не укоренъ будеши, а укоришь другихъ — укорять и ты.

Ферморъ этого нисколько не боялся: за что его кто-нибудь можетъ укорить? Но въ отношеніи неудовольствія на начальство онъ почувствовалъ, что былъ неправъ: начальникъ, дѣйствительно, выбралъ и далъ ему самое подходящее занятіе, къ которому ни съ какой стороны не могло подползти никакое подозрѣніе. Начальникъ поручилъ Фермору техническія повѣрки, которыми, кромѣ него, занимались еще шесть человѣкъ, чинами старше и умомъ опытнѣе.

Назначеніе было почетное. Работа полезная и самостоятельная: смотри, вникай, сообрази, изложи критику и доложи умно и понятно.

Ферморъ и пошелъ усердствовать. Сколько ему ни дадутъ работы на руки, онъ всѣ ихъ къ докладному дню въ недѣлю окончитъ и представляетъ.

Его товарищи всѣ вразъ на него перекошились. Первую, вторую недѣлю ему спустили, а потомъ одинъ отъ лица прочихъ говоритъ:

— Вы что же это дѣлаете? Отличиться, что ли, хотите?

Ферморъ отвѣчалъ, что у него и въ помыслахъ не было искать превозвышенія надъ товарищами и, по его понятіямъ,

онъ ровно ничего такого не дѣлалъ, за что бы его можно укорить въ честолюбіи или въ неблагородствѣ.

— А вы, вѣдь, имѣли время присматриваться, такъ вы, развѣ, не видите, что всѣ *по одному* дѣлу въ докладной день представляютъ, а вы для чего тащите пять, да шесть и изъ cadaго показываете разную шерсть?

— Мнѣ сколько поручаютъ, я столько и представляю.

— Да развѣ это можно такъ дѣлать?

— У меня много свободного времени и я успѣваю.

— Мало ли что вы успѣваете! Вы, вонъ, и вина не пьете, и въ карты не играете,—нельзя же требовать, чтобы такъ жили всѣ. Если вамъ въ тягость ваше свободное время, можете найти для себя какое угодно занятіе, только не быть выскочкою противъ товарищей.

Ферморъ сталъ скучать и явился просить другого дѣла.

— Каковъ молодецъ! онъ уже недоволенъ своимъ положеніемъ и просить другого! Безпокоить главнаго начальника и архіерея. Трется попасть въ амишки!—стали говорить одни, а другіе прибавляли:

— Какія протекціи! Изъ Петербурга его рекомендуютъ, здѣсь за него просятъ то архіерей, то самъ Иванъ Ивановичъ (День). Кому хотите дать столько протекцій, всякій себѣ карьеру сдѣлаетъ.

А Фермору казалось, будто чѣмъ больше людей за него заступается, тѣмъ ему становится хуже.

Изъ Петербурга ему пишутъ, что онъ «не умѣетъ» пользоваться участіемъ, а онъ не находитъ въ этомъ участіи того, что нужно, — не особыхъ протекцій, а возможности честнаго и усерднаго труда.

Онъ уже не зналъ, на кого роптать: всѣ хороши — начальникъ его не порицалъ и не преслѣдовалъ, а даже показывалъ, что очень доволенъ его усердіемъ, и «косоротый» ему не предлагалъ пачекъ съ бумажною полоской, а давалъ только то, что слѣдуетъ, и даже вслухъ приговаривалъ: «извольте столько-то рублей и копѣекъ», и въ «гастроно-

мію» его не приглашали, но ему день ото дня становилось все тяжелѣе и невыносимѣе.

Антоній къ нему продолжалъ благовоить и освѣдомлялся у его начальника: какъ онъ служить?

Тотъ отвѣчалъ, что онъ самъ Ферморомъ очень доволенъ, но удивляется и сожалѣетъ, что тотъ очень неудобно поставилъ себя со всѣми товарищами.

Викарій при первомъ свиданіи передалъ это Фермору и освѣдомился:

— Въ чемъ дѣло?

— Не гожусь, не подхожу, отвѣчалъ Ферморъ.

— Отчего?.. Для чего вы такой зломнительный? Не хорошо имѣть мрачный взглядъ на жизнь. Въ ваши цвѣтушіе годы жизнь должна человека радовать и увлекать. Я о васъ говорилъ съ вашимъ начальникомъ и онъ васъ хвалить, а отнюдь не говорить того, будто вы не подходите. Извините меня: вы сами себѣ создаете какое-то особенное, нелюбимое положеніе между товарищами.

Ферморъ вспыхнулъ и отвѣчалъ:

— Это совершенно вѣрно: начальство относится ко мнѣ теперь лучше, чѣмъ товарищи.

— Ну, вотъ... Это не хорошо.

— Да; но чтобъ они относились ко мнѣ хорошо,—чтобы я *былъ любимъ* — надо, чтобъ я сдѣлалъ... то... чтоо всѣмъ нехорошо.

— Что же это?.. Неужто вольномысліе?

— О, нѣтъ! Я ничего не знаю о вольномыслии, — отвѣчалъ Ферморъ.

— Такъ что же?

Ферморъ молчалъ.

— Вѣрно, берутъ?

— Я ничего говорить не буду.

— Если это, то, вѣдь, что инженерія, что финансерія— это такія вѣдомства, гдѣ всѣ берутъ.

— Зачѣмъ же это? Для чего это такъ?

Викарій долго на него посмотрѣлъ и сказалъ:

— Для чего берутъ-то?

— Да!.. Вѣдь, это подло!

— Значить, поладить не можете?

— Не могу, ваше преосвященство, я къ этому совсѣмъ отъ природы неспособенъ.

— Ну, способности тутъ немного надо.

— Взятка... мнѣ руку прожжетъ.

— Прожечъ не прожжетъ, а... нехорошо. Но дерзости не надо себѣ дозволять.

Ферморъ понялъ, что передано что-нибудь объ его сценѣ съ «косоротымъ», и съ горечью воскликнулъ:

— Ахъ, ваше преосвященство, какія дерзости! Они сами выводятъ изъ терпѣнія, сами обижаютъ, а потомъ лгутъ и сочиняютъ.

— Да, но все-таки на службѣ надо уживаться.

— Я не вижу никакой возможности уживаться съ такими людьми и буду проситься въ другое мѣсто.

— И на другомъ мѣстѣ, можетъ-быть, встрѣтите то же самое, ибо и тамъ тоже будутъ люди.

— Но не всѣ же люди одинаковы!

Антоній опять на него поглядѣлъ съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Да, иногда бываетъ и отмѣна.

— Я посмотрю... я вѣрую встрѣтить иное.

— Ну, вѣруйте... посмотрите.

Въ тонѣ викарія было слышно утомленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Ближайшій начальникъ Фермора оказался зато такъ къ нему снисходителенъ и милостивъ, что далъ ему другое порученіе, на которое Ферморъ уже не приходилъ никому жаловаться, но совсѣмъ не сталъ заниматься дѣломъ, а началъ уединяться, жилъ нелюдимымъ, не открывалъ своихъ дверей ни слугѣ, ни почтальону и «бормоталъ» какія-то странности.

Антоній узналъ объ этомъ и послалъ просить его къ себѣ.

Ферморъ пришелъ, но не только не опровергъ передъ викариемъ дошедшихъ до него слуховъ, а, напротивъ, еще усилилъ сложившееся противъ него предубѣжденіе. Онъ былъ сухъ съ епископомъ, который за него заступался, и на вопросъ о причинѣ своего мрачнаго настроенія и уклоненія отъ общества отвѣчалъ:

— Я потерялъ вѣру въ людей и не могу ничего дѣлать.

Антоній не могъ вызвать Фермора ни на какую большую откровенность и отпустилъ его, сказавъ, что онъ, по его мнѣнію, должно-быть, боленъ и ему надо полѣчиться.

Ферморъ ушелъ молча и еще плотнѣе заперся, а потомъ, призванный черезъ нѣсколько дней къ начальнику, наговорилъ ему такихъ дерзостей, что тотъ, «желая спасти его», поѣхалъ къ Антонію и рассказалъ все между ними бывшее и добавилъ:

— Если я дамъ этому ходъ, то молодой человекъ пропадетъ, потому что онъ говоритъ на всѣхъ ужасныя вещи.

— Ай, ай!

— Да, онъ не только нарушаетъ военную дисциплину, но... простите меня великодушно: онъ подвергаетъ критику ваши архипасторскія слова... Однако, какъ вы изволите принимать въ немъ такое теплое участіе, то я не желаю васъ огорчить и прошу васъ обратить на него вниманіе: онъ положительно боленъ и его надо увезти куда-нибудь къ роднымъ, гдѣ бы онъ имѣлъ за собою нѣжное, родственное попеченіе и ничѣмъ не раздражался. На службѣ онъ въ такомъ состояніи невозможенъ, но его любитъ великій князь, и если вы согласитесь сказать объ этомъ генералу Дену, то онъ, вѣроятно, напишетъ въ Петербургъ и исходатайствуетъ ему у великаго князя продолжительный отпускъ и средства для излѣченія.

Антоній согласился вмѣшаться въ это дѣло и вскорѣ же нашелъ случай поговорить о томъ съ Деномъ.

Иванъ Ивановичъ Денъ зачмокалъ губами и закачалъ головой.

— Жаль, очень жаль, заговорилъ онъ.—Я не прочь донести объ этомъ великому князю и увѣренъ, что бѣднягѣ разрѣшать отпускъ и дадутъ средства, но прежде чѣмъ я рѣшусь объ этомъ писать, надо обстоятельно удостовѣриться о здоровьѣ этого офицера. Я пошлю къ нему своего доктора и сообщу вамъ, что онъ мнѣ скажетъ.

Викарій извѣстилъ Фермора, какое участіе принимаетъ въ немъ главный начальникъ, который пришлетъ къ нему своего доктора, но это извѣстіе, вмѣсто того, чтобы принести молодому человѣку утѣшеніе, до того его взволновало, что онъ написалъ викарію вспыльчивый отвѣтъ, въ которомъ говорилъ, что докторъ ему не нуженъ, и вообще все, что дѣлается, то не нужно, а что нужно, то-есть, чтобы дать ему возможность служить при честныхъ людяхъ,—то это не дѣлается. Дену устроить это ничего бы не стоило, но онъ, къ несчастію, тоже не такъ на все смотритъ, потому что и самъ...

Викарій увидалъ, что молодой человѣкъ уже слишкомъ много себѣ позволяетъ: этакъ дѣла въ государствѣ идти не могутъ.

Письмо осталось безъ отвѣта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Посланный Деномъ его довѣренный и искусный врачъ нашелъ Фермора въ самомъ мрачномъ настроеніи, которое при первыхъ же словахъ доктора моментально перешло въ крайнюю раздраженность.

Молодой человѣкъ сначала не хотѣлъ ничего говорить, кромѣ того, что онъ физически совершенно здоровъ, но находится въ тяжеломъ душевномъ состояніи, потому что «потерялъ вѣру къ людямъ»; но когда докторъ сталъ его убѣждать, что эта потеря можетъ быть возмѣщена, если человѣкъ будетъ смотрѣть, съ одной стороны, снисходительнѣе, а съ другой—шире, ибо человѣчество отнюдь не состоитъ только изъ тѣхъ людей, которыми мы окружены въ данную минуту и въ данномъ мѣстѣ, то Ферморъ вдругъ

словно сорвался съ задерживающихъ центровъ и въ страшномъ гнѣвѣ началъ утверждать, что у насъ нигдѣ ничего нѣтъ лучшаго, что онъ извѣрился во всѣхъ безъ исключенія, что честному человѣку у насъ жить нельзя и гораздо отраднѣе какъ можно скорѣе умереть. И въ этомъ пылу онъ то схватывалъ, то бросалъ отъ себя лежавшій на столѣ пистолетъ и порицалъ безъ исключенія всѣ власти, находя ихъ безсильными остановить повсюду у насъ царящее лицемеріе, лихоимство, неуваженіе къ честности, къ уму и къ дарованіямъ и въ заключеніе назвалъ всѣ власти несоотвѣтствующими своему назначенію.

Врачъ доложилъ объ этомъ Дену и выразилъ такое мнѣніе, что Ферморъ, если и не сумасшедшій, то находится въ положеніи очень близкомъ къ помѣшательству, и что ему не только нельзя поручать теперь служебныя дѣла, но надо усиленно смотрѣть за нимъ, чтобы онъ, подъ вліяніемъ своей мрачной меланхоли, не причинилъ самому себѣ или другимъ какой-нибудь серьезной опасности.

— Я и подозрѣваю это.

Иванъ Ивановичъ Денъ послалъ доктора рассказать все Антонію, а самъ немедленно довелъ о происшествіи съ Николаемъ Ферморомъ до вѣдома великаго князя. А Михаилъ Павловичъ сейчасъ велѣлъ призвать къ себѣ Павла Федоровича Фермора и приказалъ ему немедленно ѣхать въ Варшаву и привезти «больного» въ Петербургъ.

Приказаніе это было исполнено: Николая Фермора привезли въ Петербургъ и онъ сталъ здѣсь жить въ домѣ своихъ родителей и лѣчиться у ихъ домашняго, очень хорошаго доктора.

Сумасшествія у него не находили, но онъ, дѣйствительно, былъ нервно разстроенъ, унылъ и все писалъ стихи во вкусѣ извѣстнаго тогда мрачнаго поэта Эдуарда Губера. Въ разговорахъ онъ здраво отвѣчалъ на всякіе вопросы, исключая вопроса о службѣ и о честности. Все, что касалось этого какою бы то ни было стороною, моментально выводило его изъ спокойнаго состоянія и доводило до изступленія, въ

которомъ онъ страстно выражалъ свою печаль объ утратѣ вѣры къ людямъ и полную безнадежность возвратить ее черезъ кого бы то ни было.

На указаніе ему самыхъ сильныхъ лицъ онъ отвѣчалъ, что «это все равно,—никто ничего не значить: что нужно, того никто не сдѣлаетъ».

— Они всё есть, но когда нужно, чтобъ они значили то, что они должны значить, тогда они ничего не значать, а это значить, что ничто ничего не значить.

Такъ онъ пошелъ «заговариваться», и въ этомъ было резюме его внутренняго разлада, такъ сказать, «пунктъ его помѣшательства». О разстройствѣ Николая Фермора скоро заговорили въ «свѣтѣ». Странный душевный недугъ Фермора казался интереснымъ и занималъ многихъ. Опять думали, что онъ скрываетъ что-то политическое, и неохотно вѣрили, что ничего подобнаго не было. А онъ самъ говорилъ:

— Я знаю не политическое, а просто гадкое, и оно меня тѣснить и давить.

Душевные страданія Фермора, говорятъ, послужили мотивами Герцену для его «Записокъ доктора Крупова», а еще позже—Оеофилу Толстому, который съ него написалъ свой этюдъ «Болѣзни воли». Толстой въ точности воспроизвелъ своего героя съ Николая Фермора, а разсужденія взялъ изъ «Записокъ доктора Крупова», появившихся ранѣе.

Судя по времени событія и по большому сходству того, что читается въ «Запискахъ доктора Крупова» и особенно въ «Болѣзняхъ воли» О. Толстаго съ характеромъ несчастнаго Николая Фермора, легко вѣрить, что и Герценъ, и Оеофиль Толстой пользовались исторіею Николая Фермора для своихъ этюдовъ—Герценъ болѣе талантливо и оригинально, а О. Толстой болѣе рабски и протокольно воспроизводя извѣстную ему дѣйствительность.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ такомъ положеніи, что называется, ни въ тѣхъ, ни въ сихъ, Николай Ферморъ оставался нѣсколько лѣтъ. Ему

по временамъ то становилось немножко легче, то опять на него наваливала хандра и безпокойство,—онъ не въ-время уходилъ изъ дома и не въ-время возвращался, сердился за пустяки и не обращалъ вниманія на вещи крупнаго значенія. Но вообще онъ всегда выходилъ изъ себя за всякую самомалѣйшую недобросовѣстность. Онъ не спускалъ никому, если видѣлъ, что человѣкъ поступаетъ несправедливо и невеликодушно противъ другого человѣка. Но если его ничто не раздражало, то онъ былъ тихъ и или ходилъ задумчиво, или сидѣлъ потупя взоръ, какъ Абадонна, и читалъ Губера.

Такъ бы, вѣроятно, тянулось многіе годы, если бы не явился исключительный случай, какіе, впрочемъ, въ царствованіе Николая I бывали, свидѣтельствуя и теперь еще о сравнительной простотѣ тогдашнихъ обычаевъ.

Однажды Павелъ Федоровичъ Ферморъ, отправляясь на лѣто съ полкомъ въ лагерь въ Петергофъ, пригласилъ съ собою туда больного брата. Тотъ согласился и оба брата поселились въ лагерь, въ одной палаткѣ.

Николай Федоровичъ былъ въ это время въ тихой полдосѣ,—онъ читалъ, гулялъ и могъ вести спокойные разговоры, лишь бы они не касались его пункта—честности и начальства. Но въ Петергофѣ преобладало карьерное настроеніе, и невозможно было уйти отъ частыхъ разговоровъ о томъ, что одному удалось, а почему это же самое другому не удалось. Больной слушалъ все это и началъ опять раздражаться, на него напала бессонница, которая его разстроила до того, что онъ сталъ галлюцинировать и рассказывалъ своему брату Павлу разныя несообразности. Но какъ Николай Ферморъ все-таки былъ совершенно тихъ и ни для кого не опасенъ, то за нимъ не присматривали и онъ выходилъ, когда хотѣлъ, и шелъ, куда ему вздумалось.

Въ такомъ-то именно настроеніи онъ въ одно утро вышелъ изъ дома очень рано и отправился гулять въ Нижній Садъ. А въ тотъ годъ государь Николай Павловичъ пилъ минеральныя воды и также вставалъ очень рано и дѣлалъ

проходку прямо изъ Александрии по главной аллеѣ Нижняго Сада.

Случилось такъ, что императоръ и больной Николай Ферморъ встрѣтились.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Увидѣвъ государя, Николай Ферморъ сталъ какъ слѣдовало и приложилъ руку къ фуражкѣ.

Государь взглянулъ на него и было прошелъ уже мимо, но потомъ, вѣроятно, затрудняясь вспомнить, что это за инженерный офицеръ и зачѣмъ онъ здѣсь, оборотился назадъ и поманулъ Фермора къ себѣ.

Ферморъ подошелъ.

— Кто ты такой?—спросилъ государь.

Ферморъ назвалъ свое имя.

— Зачѣмъ ты здѣсь?

Ферморъ отвѣчалъ, что онъ былъ на службѣ въ Варшавѣ, но имѣлъ несчастіе тамъ заболѣть и, по приказанію его высочества, привезенъ своимъ братомъ Павломъ въ Петербургъ, а теперь находится для пользованія свѣжимъ воздухомъ у брата въ лагерѣ.

Государь, межъ тѣмъ, всматривался въ его лицо и потомъ спросилъ:

— Ты былъ въ инженерномъ училищѣ, когда я былъ еще великимъ княземъ?

— Нѣтъ, ваше величество,—это былъ мой братъ.

— Чѣмъ же ты нынче боленъ?

Николай Ферморъ смѣшался и лицо его мгновенно приняло страдальческое выраженіе.

Государь это замѣтилъ и ободрилъ его.

— Говори правду! Чтó бы то ни было, мнѣ надо отвѣчать правду!

— Ваше величество, отвѣчалъ Ферморъ,—я никогда не лгу ни передъ кѣмъ и вамъ доложу сущую правду: болѣзнь моя заключается въ томъ, что я потерялъ довѣріе къ людямъ.

— Чтò такое?—переспросилъ, возвыся голосъ и откидывая голову, государь.

Ферморъ спокойно повторилъ то же самое, т. е., что онъ потерялъ довѣріе къ людямъ, и затѣмъ добавилъ, что отъ этого жизнь ему сдѣлалась несносна.

— Мнѣ не вѣрятъ, ваше императорское величество, но я ужасно страдаю.

— Я тебѣ вѣрю. Я знаю, это у тебя отъ Варшавы; но это ничего не значитъ,—ты вздохнешь здѣсь русскимъ духомъ и поправишься.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество.

— Отчего нѣтъ?

— Нельзя служить честно.

Лицо Фермора приняло жалкое, угнетенное выраженіе.

Государь былъ, видимо, тронуть разлитымъ во всемъ его существѣ страданіемъ и, нимало не сердясь, коснулся его плеча и сказалъ:

— Успокойся,—я тебѣ дамъ такую службу, гдѣ ты будешь въ состояніи никого не бояться и служить честно.

— Кто же меня защититъ?

— Я тебя защищу.

Ферморъ поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ, но лѣвую щеку его судорожно задергало.

— Или ты и мнѣ не вѣришь?

— Я вамъ вѣрю, ваше величество, но вы не можете сдѣлать то, чтò изволите такъ великодушно обѣщать.

— Почему?

Возбужденіе и разстройство Фермора въ эту минуту достигло такой высокой степени, что судорога перехватила ему горло и изъ глазъ его полились слезы. Онъ весь дрожалъ и нервнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Виновать, простите меня, ваше величество: я не знаю почему, но... не можете... не защитите.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Государь посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и въ это время, конечно, убѣдился, что онъ говоритъ съ помѣшаннымъ.

— Тебя лѣчили въ Варшавѣ, когда ты заболѣлъ?

— Генераль Денъ присылалъ ко мнѣ своего доктора.

— И что же, онъ тебѣ не помогъ?

— Мнѣ нельзя помочь, потому что я потерялъ...

— Да, да, я знаю, перебилъ государь,—ты потерялъ довѣріе къ людямъ... Но ты не робѣй: этимъ самымъ отчасти страдаю и я...

— Ваше величество, въ вашемъ положеніи это еще ужаснѣе!

— Что, братецъ, дѣлать! Но я, однако, терплю. Я бы тебѣ посоветовалъ искать утѣшеніе въ религіи. Ты молишься Богу?

— Молюсь.

— У насъ есть духовныя лица съ большою извѣстностью, ты бы обратился къ кому-нибудь изъ нихъ.

— Я пользовался въ Варшавѣ расположеніемъ преосвященнаго Антонія.

— Да, онъ краснорѣчивъ. Религія въ твоемъ положеніи можетъ дать тебѣ утѣшеніе. Но ты, вѣдь, долженъ знать Игнатія Брянчанинова,—онъ твой товарищъ.

— Онъ товарищъ моего старшаго брата, Павла.

— Это все равно: я васъ сведу. Иди сейчасъ въ лагерь и скажи твоему брату, что я приказываю ему сейчасъ свести тебя отъ моего имени въ Сергіевскую пустынь къ отцу Игнатію. Онъ можетъ принести тебѣ много пользы.

Ферморъ молчалъ.

Государь пошелъ своею дорогой, но потомъ во второй разъ опять остановился,—самъ подошелъ къ стоявшему на мѣстѣ больному и сказалъ:

— Иди же, иди! Иди, не стой на мѣстѣ... А если тебѣ что-нибудь надобно—проси: я готовъ тебѣ помочь.

— Ваше величество!—отвѣчалъ Ферморъ,—я стою не потому, что хочу бѣльшихъ милостей, но я не могу идти отъ полноты всего, что ощущаю. Я благодарю васъ за участие, и мнѣ больше ничего не нужно.

По щекамъ Фермора заструились слезы.

Государь вынулъ свой платокъ, обтеръ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Ферморъ тяжело дышалъ и шатался, но смотрѣлъ оживленно и бодро.

— Ты, братецъ, рѣдкій человекъ, если тебѣ ничто не нужно; но если не теперь, а послѣ тебѣ что-нибудь понадобится, то помни,—я даю тебѣ право обратиться прямо ко мнѣ во всякое время.

— Низжайше благодарю, ваше императорское величество, но никогда этого не сдѣлаю.

— Отчего?

— У васъ, ваше величество, столько важныхъ и священныхъ дѣлъ, что моя одинокая судьба не стоитъ того, чтобы вамъ обо мнѣ думать. Это святотатство. Я себѣ не позволю васъ беспокоить.

— Ты мнѣ нравишься. Если не хочешь ко мнѣ приходить, напиши мнѣ и передай во дворецъ черезъ генералъ-адъютанта. Я буду радъ тебѣ помочь; тебя кто теперь лѣчитъ?

— Докторъ Герацкій.

— Онъ не годится,—я поручу тебя Мандту. Прощай.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда Николай Ферморъ пришелъ въ лагерь послѣ свиданія и разговора съ государемъ, старшій Ферморъ (Павель) еще спалъ. Николай его разбудилъ и сталъ ему рассказывать о томъ, какъ онъ повстрѣчался съ императоромъ въ Нижнемъ Саду и какой у нихъ вышелъ разговоръ, причемъ разговоръ этотъ былъ воспроизведенъ въ дословной точности.

Павель Ѳедоровичъ подумалъ, что вотъ именно теперь

братъ его совсѣмъ уже сошелъ съ ума и галлюцинируетъ и зрѣніемъ, и слухомъ, но, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, однако, что Николай Ферморъ говоритъ сущую правду. По крайней мѣрѣ, особливые люди, которымъ все надо видѣть — дѣйствительно видѣли, что императоръ встрѣтилъ Фермора въ Нижнемъ Саду и довольно долго съ нимъ разговаривалъ, два раза къ нему возвращался и обтеръ своимъ платкомъ его лицо и поцѣловалъ его въ лобъ.

Всему остальному приходилось вѣрить на слова больному и въ этомъ смыслѣ докладываться начальству.

Батальоннымъ командиромъ у Павла Фермора въ это время былъ Ферре. Къ нему къ первому явился Павелъ Ферморъ, рассказалъ, что и какъ происходило, и затѣмъ просилъ разъяснить ему: какъ теперь быть,—оставить ли это безъ движенія, отнеся все слышанное насчетъ больного воображенія Николая Фермора, или не вѣрить передачѣ и исполнить въ точности переданное приказаніе государя?

Ферре былъ того мнѣнія, что хотя Николай Ферморъ и считается человѣкомъ больнымъ и очень легко можетъ галлюцинировать, но что въ данномъ случаѣ онъ, по всѣмъ видимостямъ, говоритъ правду, и потому переданныя черезъ него приказанія государя надо исполнить.

Тогда Павелъ Федоровичъ Ферморъ взялъ экипажъ, посадилъ туда больного брата и повезъ его въ «пустыню» къ Сергію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Брянчанинова П. Ферморъ засталъ на служеніи: онъ совершалъ литургію. Ему доложили о прибывшихъ къ нему отъ государя братьяхъ Ферморахъ, когда онъ вернулся изъ церкви домой и собирался въ трапезу.

Игнатій принялъ братьевъ въ своихъ покояхъ, при чемъ находился и Чихачевъ, на племянницѣ котораго былъ женатъ Павелъ Федоровичъ. Они поговорили здѣсь вкратцѣ

потому, что надо было идти въ трапезную къ братіи. За трапезою въ монастырѣ разговоры невозможны, но послѣ трапезы до звона къ вечернѣ подробнѣе поговорили обо всемъ, что вспомнялось, затѣмъ офицеры должны были возвратиться въ лагерь.

Свиданіе «утратившаго довѣріе къ людямъ» Николая Фермора съ Брянчаниновымъ и Чихачевымъ нимало не возвратило ему его утраты, а только исполнило его сильной нервной усталости, отъ которой онъ зѣвалъ и безпрестанно засыпалъ, тогда какъ брату его, Павлу Ѳедоровичу, одно за однимъ являлись новыя хлопоты по исполненію заботъ государя о больномъ.

Едва они подѣхали къ лагерю, какъ Павлу Фермору сказали, что его давно уже ищутъ.

— Но я не могъ быть въ лагерь, потому что возилъ брата къ Сергію по приказанію государя и сказался о томъ своему батальонному командиру.

— Все равно, отвѣчали ему, — васъ ищутъ тоже по приказанію государя, а батальонный ничего не сказалъ. Идите скорѣе въ вашу палатку, — тамъ вамъ есть важное письмо.

Оказалось, что въ лагерь былъ самолично великая медицинская знаменитость своего времени, докторъ Мандтъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь по личному приказанію государя, чтобы видѣть Николая Фермора, и остался очень недоволенъ, что не нашелъ больного. Зато онъ оставилъ записку, въ которой писалъ, что «сегодня онъ былъ экстренно вытребованъ государемъ императоромъ, которому благоугодно было передать на его попеченіе Николая Фермора, и въ виду этого онъ, д-ръ Мандтъ, проситъ Пв. О. Ф-ра, какъ только онъ возвратится въ лагерь и въ какое бы то ни было время, тотчасъ пожаловать къ нему для личныхъ объясненій».

Хотя время было уже поздновато, но Павелъ Ферморъ сейчасъ же отправился въ городъ на квартиру Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Мандтъ былъ дома. Онъ сидѣлъ на верандѣ и курилъ.

Когда ему доложили о Ферморѣ, онъ его тотчасъ же принялъ и, дымя сигарою, сказалъ:

— Государь очень заинтересовался вашимъ братомъ. У него, какъ думаетъ его величество, должно быть есть наклонность къ меланхоли. Что вамъ извѣстно о болѣзненномъ состоянii вашего брата?

Павель Федоровичъ Ферморъ разсказалъ все, что ему было извѣстно, но Мандтъ нашелъ это недостаточнымъ: ему для уясненiя себѣ дѣла и для доклада о немъ государю нужно было имѣть «исторiю болѣзни», написанную медикомъ, и притомъ все это надо было имѣть въ рукахъ и завтра утромъ уже доложить государю.

По счастiю, у Павла Фермора была исторiя болѣзни, написанная врачомъ, пользовавшимся его брата, но она была оставлена на городской квартирѣ въ Петербургѣ, а сообщенiя съ Петергофомъ тогда были не нынѣшнiя.

Чтобы помочь дѣлу, Мандтъ выдалъ Павлу Фермору билетъ на казенный пароходъ, отходившiй въ Петербургъ утромъ, и «исторiя болѣзни» Николая Фермора поспѣла въ руки Мандта во-время. Онъ ее сразу прочелъ, все въ ней понялъ и въ тотъ же день доложилъ государю.

Государь былъ доволенъ, что приказанiя его исполняются такъ скоро и такъ точно: онъ благодарилъ Мандта и просилъ его принять къ сердцу горестное состоянiе несчастнаго молодого человѣка.

— Его бредъ, сказалъ государь, — исполненъ такого искренняго благородства, что нѣчто подобное не худо бы имѣть тѣмъ, которые пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ.

Мандтъ принялъ протянутую ему при этомъ руку государя и какъ бы изъ нея переданнаго ему больного Николая Фермора съ его «утраченнымъ довѣрiемъ къ людямъ».

Все семейство Ферморовъ было въ восторгѣ, всѣ благо-

словляли вниманіе государя и начали смотрѣть въ будущее съ новымъ упованіемъ.

Въ обществѣ тоже говорили, что «теперь Мандтъ разорвется, а выльчить... Иначе, чортъ ихъ возьми, — грошъ цѣна всей ихъ наукѣ».

Но самъ Николай Ферморъ молчалъ и спокойно смотрѣлъ на все, что съ нимъ дѣлали. Все это какъ будто не имѣло для него никакого значенія. Мандтъ, такъ и Мандтъ, — ему все равно, при чемъ содѣйствіи утеривать послѣднее довѣріе къ людямъ. Онъ точно какъ изжилъ всю свою энергію и чувствительность въ своемъ утреннемъ разговорѣ съ государемъ, и что теперь за этимъ дальше слѣдуетъ, — ему до этого уже не было никакого дѣла.

Чѣмъ, какъ и гдѣ будетъ пользоваться его Мандтъ, — это его и не интересовало. Онъ теперь смотрѣлъ на дѣло какъ человѣкъ, для котораго всѣ эти хлопоты не важны и результатъ ихъ безразличенъ, потому что онъ самъ знаетъ самое вѣрное средство, какъ избавиться отъ тяжести своего несчастнаго настроенія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Тѣмъ, что описано въ выше сего помѣщенныхъ строкахъ, выразилось самое сильное и самое большое напряженіе усердія знаменитаго врача къ исполненію порученія, лично переданнаго ему самимъ государемъ. Докторъ Мандтъ сдѣлалъ больному только одинъ неудачный визитъ, когда онъ не нашелъ Фермора въ палаткѣ петергофскаго лагеря. На другой день, какъ сказано, Мандтъ прочелъ наскоро исторію болѣзни и сдѣлалъ государю докладъ, не посѣтивъ больного. И съ этой поры онъ самъ не посѣщалъ Фермора ни разу, а присылалъ своего ассистента, врача, тоже составившаго себѣ впоследствии большое имя, Н. О. Здекауера. Если же государь спрашивалъ: видитъ ли онъ Фермора, то Мандтъ отвѣчалъ, что «видитъ», и чтобы это не было неправдою, онъ тотчасъ же вытребовалъ пациента къ себѣ на квартиру.

Для больного, который находился въ такомъ состояніи,

какъ Николай Ферморъ, не тяжело было исполнить это требованіе, и онъ на каждый зовъ тотчасъ же шель въ квартиру Мандта (по Мойкѣ, неподалеку отъ Полицейскаго моста, въ домѣ Бѣликова).

Такимъ образомъ прошелъ годъ и могло бы идти и дальше, но однажды раннею весной Николай Ферморъ во время прогулки опять попался на глаза императору Николаю Павловичу, и отъ этого случая произошла перемѣна, которая дала дѣлу новое направленіе.

Государь встрѣтилъ Николая Фермора на углу Невскаго и Большой Морской, у самаго англійскаго магазина.

Проходившій Ферморъ, замѣтилъ приближеніе государя, взялъ руку къ козырьку и остановился.

Государь взглянулъ на него и сейчасъ же узналъ.

— Ферморъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— Какъ теперь твое здоровье?

— Я не чувствую, ваше величество, ни малѣйшаго облегченія.

На лицѣ государя выразилось неудовольствіе.

— Что же дѣлаетъ съ тобой Мандтъ?

— Онъ иногда присылаетъ ко мнѣ Здекауера, а иногда требуетъ меня къ себѣ.

— Ну, а что же вы дѣлаете, когда ты къ нему приходишь?

— Сначала я долго ожидаю его въ приѣмной, а потомъ, когда онъ выйдетъ, пустить мнѣ въ лицо дымъ отъ сигары и скажетъ, чтобы я пилъ bitter Wasser.

— И только?

— Только всего, ваше величество.

Лицо государя омрачилось, а Ферморъ воспользовался минутой этого разговора и напомнилъ государю о его дозволеніи обращаться къ нему съ просьбами.

— Ну, прекрасно, что же я могу тебѣ сдѣлать?

— Прикажете меня лѣчить какому-нибудь доброму доктору изъ русскихъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ государь и, кивнувъ головой, удалился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Государь опять не забылъ своего обѣщанія. Не успѣлъ Ферморъ возвратиться домой, какъ его уже ожидалъ «вздохой» изъ дворца, посланный Мандтомъ съ требованіемъ, чтобы больной немедленно прибылъ къ своему знаменитому доктору.

Николай Ферморъ, нимало не раздумывая, пошелъ.

Мандтъ на этотъ разъ не держалъ его долго въ приѣмной.

— Вы на меня пожаловались государю?— встрѣтилъ онъ его строгимъ вопросомъ.

— Я не жаловался. Государь изволилъ спросить меня: чѣмъ вы меня лѣчите, а я отвѣчалъ, что ничѣмъ не лѣчите, кромѣ какъ велите пить bitter Wasser. Я всегда говорю правду.

— Да, да, вы все съ правдой... Но вы просили государя поручить васъ другому доктору?

— Да, мнѣ казалось, что вамъ, при вашемъ положеніи, некогда мною заниматься, и я просилъ его величество дозволить мнѣ пользоваться совѣтомъ другого доктора.

— Государь удовлетворилъ вашу просьбу. По вашему желанію, вамъ назначенъ другой врачъ. Отправьтесь на Михайловскую площадь, въ домъ Жербина, тамъ живетъ главный докторъ учрежденій императрицы Маріи. Государь ему поручилъ васъ и я ему уже передалъ исторію вашей болѣзни.

Въ семейныхъ мемуарахъ, которыми я пользовался для составленія настоящаго очерка, не названо имени врача, смѣнившаго въ этой исторіи доктора Мандта. Способъ его лѣченія, однако, тоже не отличался удачею, но зато приемы отличались отъ системы Мандта гораздо болѣею рѣшительностью.

Новый врачъ не томилъ Фермора въ своей приѣмной и не посылалъ къ нему на домъ помощника, а нашелъ нуж-

нымъ подвергнуть его болѣзненные явленія болѣе основательному и притомъ постоянному наблюденію, для чего самымъ удобнымъ средствомъ представлялось помѣстить пациента въ больницу душевныхъ больныхъ «на седьмую версту».

Родныхъ Фермора эта мѣра поразила самымъ неприятнымъ образомъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ знакомыхъ, не предстояло рѣшительно никакой необходимости лишать несчастнаго Николая Фермора той свободы и тѣхъ семейныхъ радостей, которыми онъ пользовался въ домашней обстановкѣ.

Но врачъ былъ непреклоненъ въ своемъ мнѣніи: онъ находилъ необходимымъ удалить пациента отъ его домашней обстановки и всю прежнюю безуспѣшность лѣченія приписывалъ тому, что больной ранѣе не былъ устраненъ изъ дома и не находился подъ постояннымъ надзоромъ.

Возражать и спорить, однако, было невозможно: врачъ иначе не находилъ возможности приступить къ лѣченію, и, въ случаѣ противодѣйствія родныхъ пациента, обѣщаль доложить о томъ государю.

Одни видѣли въ этомъ необходимость, а другіе подозрѣвали въ докторѣ желаніе—прежде всего обезопасить себя отъ повторенія такой случайности, которая была причиной перехода Николая Фермора къ нему отъ Мандта. И подозрѣніе это имѣло основаніе. Пока Николай Ферморъ оставался въ своемъ семействѣ и выходилъ свободно гулять по городу въ своей военной формѣ, онъ опять могъ какъ-нибудь встрѣтиться съ государемъ, и это могло дать поводъ къ безпокойствамъ, между тѣмъ какъ съ удаленіемъ его «на седьмую версту» возможность такой встрѣчи устранялась и всѣмъ становилось гораздо спокойнѣе.

Мандтъ самъ или не отважился предложить эту мѣру, или она ему не приходила и въ голову, но когда это было высказано его собратомъ русскаго происхожденія, онъ ее поддержалъ, какъ мѣру вполне сообразную и самую полезную для основательнаго наблюденія за больнымъ.

Государь убѣдился мнѣніемъ знаменитыхъ врачей, но и на этотъ разъ не оставилъ Фермора безъ своей опеки. Онъ велѣлъ помѣстить Николая Фермора на седьмую версту, но зато приказалъ его доктору «навѣщать больного какъ можно чаще и непременно разъ въ недѣлю лично докладывать о состояніи его здоровья».

Черезъ такой оборотъ положеніе новаго врача дѣлалось несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ было положеніе Мандта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Это, съ одной стороны, успокоило родныхъ больного, что Николай Феодоровичъ не будетъ на седьмой верстѣ заброшенъ какъ всѣ прочіе, которые имѣли несчастіе туда попадать, а съ другой стороны — создало находчивому доктору совершенно непредвидѣнное и очень тяжелое и непріятное положеніе, котораго онъ не желалъ. Мудрецъ попался. Онъ долженъ былъ два-три раза въ недѣлю ѣздить въ больницу «Всѣхъ скорбящихъ», что ему было безпокойно и невыгодно, а потомъ разъ въ недѣлю являться къ государю и давать утомительно-однообразный отчетъ, такъ какъ съ больнымъ никакихъ перемѣнъ не происходило, а повторять все одно и то же черезъ недѣлю передъ государемъ было отнюдь не пріятно.

Кромѣ того, это могло государя разсердить и имѣть для карьеры врача дурныя послѣдствія.

«На седьмой верстѣ» тоже не рады были такому гостю, какъ Николай Ферморъ, который блажилъ, но все понималъ, и, видя жестокіе порядки, которые тогда были въ сумасшедшихъ домахъ, вступался за тѣхъ, кого считалъ обиженнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ больницѣ «на седьмой верстѣ», какъ и въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, люди допускали злоупотребленіе своею силой надъ больными.

Ферморъ же все это видѣлъ, и если бы государь вдругъ пожелалъ его посѣтить (что, по характеру и обычаямъ императора, почитали за очень возможное), то неутомимый

правдолюбецъ могъ надѣлать большихъ хлопотъ; а ихъ черезъ него и такъ вышло уже не мало.

Надо было отъ него совсѣмъ избавиться, и у медицинской политики не оказалось для этого недостатка въ средствахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Врачъ, наблюдавшій за Николаемъ Ферморомъ, хотя и претерпѣлъ на первыхъ шагахъ неудачу, но оставался на высотѣ дипломатической линіи; онъ доложилъ государю, что въ Берлинѣ открыта новая частная лѣчебница для душевныхъ больныхъ, которою завѣдуетъ знаменитый психіатръ, и что у него получаютъ удивительные результаты излѣченія.

— Такъ что же?—воскликнулъ государь,—послать туда, на мой счетъ, Фермора.

Это было какъ разъ то, что было всего желательнѣе врачамъ, которымъ возня съ Ферморомъ чрезвычайно надоѣла.

— Только я приказываю, добавилъ государь, — чтобы больной былъ посланъ какъ можно удобнѣе. За безопасность его мнѣ отвѣчаютъ.

Къ исполненію этого тотчасъ же были приняты самыя энергическія мѣры.

Лучшее сообщеніе съ Берлиномъ тогда представляли пароходы, отправлявшіеся изъ Петербурга въ Штетинъ; съ ними и ѣхали за границу. А изъ пароходовъ, совершавшихъ эти рейсы, самымъ удобнымъ и комфортабельнымъ по тому времени почитался пароходъ «Александръ». На немъ ѣздила лучшая публика. По крайней мѣрѣ, всѣ мѣста въ весеннихъ рейсахъ «Александра» обыкновенно сберегались для особъ знатныхъ. На этомъ пароходѣ, въ первый его весенній рейсъ, и назначено было отправить Николая Фермора съ его провожатымъ.

Братъ Николая Феодоровича, Павелъ Ферморъ, о которомъ неоднократно приходилось упоминать въ этой эпопее, не могъ сопровождать больного въ Штетинъ. Онъ нуженъ былъ

по службѣ въ петергофскомъ лагерѣ, а Николай Федоровичъ былъ поручень смотрѣнію своего товарища, по фамиліи Степанова, которому вмѣстѣ съ больнымъ были поручены и деньги на его расходы, и подробная инструкція, какъ больного везти, оберегая его отъ всякихъ опасностей въ пути. Онъ же долженъ былъ и устроить Николая Фермора въ Берлинѣ, согласно волѣ и приказанію императора.

Это препорученіе Николая Фермора другому лицу, безъ сомнѣнія, должно служить доказательствомъ, что больной въ это время уже былъ окончательно признанъ за сумасшедшаго, а то, что его помѣщали все-таки на самомъ лучшемъ пароходѣ, которымъ пользовались, по преимуществу, особы знатныя, указываетъ, какъ старались сберечь этого больного, пользовавшагося вниманіемъ государя.

Лучше уже ничего нельзя было сдѣлать для того, чтобы доложить государю, какъ тщательно и серьезно исполнена его воля.

Пароходъ шелъ съ отмѣннымъ обществомъ, въ которомъ, между прочимъ, блистали своимъ присутствіемъ: бывший новороссійскій генераль-губернаторъ Воронцовъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, тайный совѣтникъ Бекъ и много другихъ особъ того и другого пола, занимавшихъ видное положеніе въ тогдашнемъ высшемъ обществѣ и пользовавшихся въ немъ большимъ вліяніемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

День былъ самый погожій и жизнерадостный. Отъѣзжавшій Николай Ферморъ находился въ очень спокойномъ, философскомъ настроеніи.

На стѣнѣ его комнаты, въ домѣ, за седьмою верстой, осталось начертаніе апофеямы Гиппократы:

«*Quod medicamenta non sanant, ferrum sanat; quod ferrum non sanat—ignis sanat; quod ignis non sanat, mors sanat*», (т. е. «что не излѣчиваютъ лѣкарства, то излѣчиваетъ желѣзо; что не излѣчиваетъ желѣзо, то излѣчиваетъ огонь; что не излѣчиваетъ огонь, то излѣчиваетъ смерть»).

Кому эта апоэегма сильно понравилась и кто заботливою рукой воспроизвелъ ее на стѣнѣ своего печальнаго жилища, тотъ, вѣроятно, имѣлъ твердый взглядъ на жизнь.

Ферморъ не радовался отъѣзду за границу и не скучалъ о томъ, съ чѣмъ разставался на родинѣ. Излѣчиться отъ своей меланхолии онъ былъ радъ, но, повидимому, отнюдь не вѣрилъ въ возможность излѣченія.

Эта предубѣжденность, по мнѣнію врачей, и портила все дѣло. А у больного былъ противъ этого свой доводъ: онъ находилъ, что нельзя же возвратить себѣ довѣріе къ людямъ, если они этого довѣрія къ себѣ не внушаютъ.

Братъ проводилъ больного до Кронштадта, гдѣ у нихъ произошло послѣднее, трогательное прощаніе; но горечь разлуки для Павла Фермора была сильно облегчена общимъ участіемъ пассажировъ къ его больному брату.

Какъ только эти уважаемые люди узнали на переѣздѣ до Кронштадта, что съ ними ѣдетъ тотъ Ферморъ, которому оказываетъ отеческое вниманіе государь, то всѣ тотчасъ же наперерывъ старались обнаружить къ Николаю Фермору самую теплую, родственную заботливость. Зачѣмъ ему братъ? — онъ въ каждомъ здѣсь находилъ самаго нѣжнаго родственника.

- - Вѣдь всѣ мы русскіе, всѣ дѣти одного царя и братья по вѣрѣ.

Тайный совѣтникъ Бекъ привелъ даже по-церковно-славянски отъ Писанія, объ ангелахъ, которымъ заповѣдано сохранить и взять человѣка на рукахъ своихъ. Да если бы молодой человѣкъ и не внушалъ ничего самъ по себѣ, то одного того, что онъ лично извѣстенъ государю, и его величество имѣетъ о немъ попеченіе, было бы черезчуръ достаточно, чтобы всѣ считали своимъ долгомъ сберечь его, забывъ сами себя.

Лучше, кажется, уже нельзя было отправить больного, какъ онъ отпраплялся, и Павелъ Ферморъ, въ полномъ спокойствіи, возвратился къ своему полку въ петергофскій лагерь, а на третій день послѣ проводовъ брата поѣхалъ къ

своей теткѣ, которая тогда проводила лѣто на дачѣ близъ Сергія, и тамъ скоро получилъ неожиданное извѣстіе, какъ отмынно уберегли на пароходѣ его брата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Павелъ Оедоровичъ Ферморъ сидѣлъ у тетки, къ ней завернули проѣздомъ съ бывшаго въ тотъ день, въ Красномъ Селѣ, развода три уланскіе офицера, изъ которыхъ одинъ, Карлъ Пилларъ-фонъ-Пильхау, началъ съ сожалѣніемъ рассказывать, что разводъ не удался.

— Кто же въ этомъ виновать?—спросила хозяйка.

— Никто не виновать, но государь пріѣхалъ огорченный и оттого благодарилъ мало.

— Что же такое опечалило государя передъ разводомъ?

Пилларъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Государю совсѣмъ не во-время, передъ самымъ его отъѣздомъ на разводъ, подали печальное извѣстіе.

— О чемъ?

— О непріятномъ происшествіи съ однимъ инженеромъ, подпоручикомъ Ферморомъ. Государь принималъ въ немъ участіе, и гибель его страшно его величество огорчила.

Хозяйка только въ эту минуту замѣтила свою оплошность: она думала, что пріѣхавшіе кавалеристы знакомы съ Павломъ Оедоровичемъ Ферморомъ, и потому ихъ не познакомила.

Теперь она постигла это сдѣлать, но не могла уже поправить этимъ ужаснаго впечатлѣнія, произведеннаго словами Пиллара на Павла Фермора.

Павелъ Оедоровичъ, однако, совладалъ съ собою и сказалъ, что онъ въ силахъ все выслушать, и просить одной милости — сказать сейчасъ, какъ можно скорѣе, въ чемъ заключается печальное извѣстіе о его братѣ.

— Я долженъ скорѣе это знать, чтобы спѣшить, что можно поправить.

— Увы, отвѣчалъ Пилларъ,—дѣло кончено, и никакая поправка невозможна. Если вы тверды, какъ долженъ быть

твердь въ несчастіи уважающій себя мужчина, то я вамъ скажу, что братъ вашъ погибъ не возвратно.

— Какъ, гдѣ и какимъ образомъ?

— Онъ бросился съ корабля въ море и утонулъ. Это случилось близъ острова Борнгольма.

Тогда помянулась Гиппократова апофегма, начертанная на стѣнѣ за семью верстой:

«*Quod medicamenta non sanant—mors sanat.*»

Утраченное довѣріе къ людямъ уврачевала смерть...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но краткое извѣстіе о томъ, что «Николай Ферморъ бросился въ море и утонулъ», достаточное для начальства, не удовлетворяло родныхъ и друзей погибшаго. Имъ хотѣлось знать: какъ могло случиться это трагическое происшествіе при той тщательной бережи и при той нѣжной предусмотрительности, съ которыми больной былъ отправленъ.

Объ этомъ существовали двѣ версіи.

Г. Степановъ, принявшій на свое попеченіе Николая Фермора, по возвращеніи изъ-за границы, рассказывалъ происшествіе Павлу Ѳедоровичу Фермору слѣдующимъ образомъ. Несчастіе случилось вскорѣ послѣ обѣда. Погода была прекрасная и всѣ пассажиры послѣ стола вышли на палубу, чтобы пить кофе. Изъ всей знати остались внизу только два-три человѣка, которые не пили послѣобѣденнаго кофе и предпочитали послѣобѣденный сонъ. Николай Ферморъ былъ въ числѣ вышедшихъ на палубу. Онъ былъ въ спокойномъ расположеніи и за столомъ хорошо кушалъ.

На палубѣ пассажиры размѣстились съ чашками кофе по группамъ и всѣ вели оживленные разговоры. Николай Ферморъ пилъ свой кофе, сидя въ сообществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, и когда его чашка была уже имъ допита, онъ поставилъ ее на рубку, а самъ всталъ съ мѣста и отошелъ къ борту и затѣмъ сію же минуту наступилъ ногою на перекладину и, перекинувшись черезъ перила, бросился въ воду на глазахъ всѣхъ пассажировъ...

Всѣхъ объялъ неописанный ужасъ и поднялось страшное смятеніе, въ которомъ ничего нельзя было разобрать.

Пока въ этой суматохѣ отыскивали и вызвали наверхъ капитана, пока успѣли остановить пароходъ и спустить шлюпку, Николай Ферморъ вынырнулъ и сталъ грести руками, держась на волнахъ; но когда шлюпка стала къ нему приближаться, онъ ослабѣлъ или не захотѣлъ быть спасеннымъ и пошелъ ко дну.

Спасти его уже было невозможно, и пароходъ, при неописанномъ ужасѣ пассажировъ, продолжалъ дальше свое плаваніе къ Штетину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Другая версія, которую мнѣ привелось слышать отъ контръ-адмирала А. В. Фрейганга, человѣка замѣчательной искренности и справедливости, совсѣмъ не сходна съ тою, которая приведена выше, и представляетъ дѣло въ иномъ видѣ.

По второй версіи, Николай Ферморъ погибъ еще проще и незатѣйнѣе. Общество за столомъ, дѣйствительно, все было очень оживленно и всѣ были заняты вновь образовавшимися на пароходѣ знакомствами. Николай Ферморъ ничего не пилъ и былъ спокоенъ, но какого сорта было его спокойствіе, это могъ знать только онъ самъ.

Когда обѣдъ былъ конченъ, Ферморъ вышелъ изъ столовой раньше всѣхъ прочихъ и послѣ того его уже никто не видалъ. Налитая для него чашка кофе, дѣйствительно, осталась на рубкѣ, но кофе въ ней былъ цѣлъ, и потому нельзя съ утвердительною сказать, кто ее тамъ поставилъ, Ферморъ или разносившій кофе кельнеръ. Хватились же Фермора не сразу, а случайно, когда тайный совѣтникъ Бекъ, посовѣтовавшись съ Морфеемъ, вышелъ изъ каюты на палубу и, освѣжительно зѣвнувъ, спросилъ:

— А гдѣ же этотъ нашъ... какъ его... что ѣдетъ по приказанію государя?

Тогда стали оглядываться по всѣмъ сторонамъ и замѣ-

тили, что Фермора нѣтъ. Но при этомъ сразу никто не предполагалъ, что онъ погибъ въ волнахъ, а думали, что онъ запропастился гдѣ-нибудь на пароходѣ, и потому суетились, бѣгали, искали его по всеѣмъ мѣстамъ, гдѣ можно и даже гдѣ нельзя человѣку спрятаться... Но всеѣ поиски оказались тщетны,—и только тогда, когда были осмотрѣны всеѣ закоулки и всеѣ мышиныя норочки,—тогда впервые у капитана явилось ужасное предположеніе, что Фермора нѣтъ на пароходѣ.

— Гдѣ же онъ дѣлся? Вокругъ вода и небо и ничего больше.

Кто-то, отличавшійся логическимъ настроеніемъ ума, все обнялъ мыслью и сказалъ:

— Если онъ не взять за правдолюбіе живой на небо, то онъ, очевидно, утонулъ въ безднѣ моря.

Къ стыду человѣчества, эта циническая шутка для многихъ облегчила тяжесть впечатлѣнія. Ужасъ былъ, но небольшой, и то онъ чувствовался болѣе къ ночи, когда дамамъ стало представляться, будто изъ волнъ «поднимается голова».

Чтобы избавиться отъ этого привидѣнія, всеѣ поспѣшили скорѣе сойти въ освѣщенныя каюты, а на другое утро тайный совѣтникъ уже совѣтовалъ видѣть во вчерашнемъ событіи указаніе—«какъ наша молодежь относится къ жизни и какъ она мало способна цѣнить милости».

Согласить эти двѣ версіи такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ какой-нибудь общій выводъ, конечно, невозможно, но я не знаю, которой изъ нихъ слѣдуетъ дать предпочтеніе передъ другою въ разсужденіи справедливости. Лѣтомъ 1887 года, съ парохода рижскаго общества, носящаго то же самое имя, какимъ назывался пароходъ, съ котораго пропалъ Николай Ферморъ, одна молодая дама бросилась въ море и утонула такъ, что этого *никто* не замѣтилъ. Извѣстно и нѣсколько другихъ, точно такихъ же случаевъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего невозможнаго, что и Николай Ферморъ, при большемъ оживленіи пассажировъ, занятыхъ новыми интерес-

ными знакомствами, очень легко могъ укрыть свое намѣреніе и покончилъ со своею безотрадною жизнью такъ, какъ сообщаетъ вторая версія этого разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Въ обители св. Сергія тоже знали *эту* вторую версію и едва ли не давали ей больше вѣры, чѣмъ первой. Брянчанниковъ и Чихачевъ были огорчены гибелью молодого человека, одного съ ними воспитанія и однихъ и тѣхъ же стремленій къ водворенію въ жизни царства правды и безкорыстія. Монахи считали гибель Фермора тяжкимъ преступленіемъ для всѣхъ русскихъ, бывшихъ на пароходѣ. По ихъ понятіямъ, эти господа могли меньше говорить о томъ, какъ имъ близокъ бѣднякъ, о которомъ заботился ихъ государь, но должны были больше поберечь его.

Но все было кончено. Иноки отслужили панихиду о погибшемъ мученикѣ томительныхъ стремленій къ неосуществимой въ то время служебной честности, и схимникъ Чихачевъ, опустивъ голову, процѣлъ своею удивительною октавой «плачу и рыдаю».

Такъ отошли отъ жизни три страстно стремившіеся къ праведности воспитанника русской инженерной школы. На службѣ, къ которой всѣ они трое готовились, не годился изъ нихъ ни одинъ. Двое первые, которые держались правила: «отыди отъ зла и сотвори благо», ушли въ монастырь, гдѣ одинъ изъ нихъ опочилъ въ архіерейской митрѣ, а другой—въ схимѣ. Тотъ же, третій, который желалъ бороться со зломъ и побороть его въ жизни, самъ похоронилъ себя въ безднѣ моря.

Л Ъ В Ш А.

(Сказъ о тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда императоръ Александръ Павловичъ окончилъ вѣнскій совѣтъ, то онъ захотѣлъ по Европѣ проѣздиться и въ разныхъ государствахъ чудесъ посмотреть. Обѣздивъ онъ всѣ страны и вездѣ черезъ свою ласковость всегда имѣлъ самые междуособные разговоры со всякими людьми, и всѣ его чѣмъ-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотѣли, но при немъ былъ донской казакъ Платовъ, который этого склоненія не любилъ и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манилъ. И чуть если Платовъ замѣтитъ, что государь чѣмъ-нибудь иностраннымъ очень интересуется, то всѣ провожатые молчатъ, а Платовъ сейчасъ скажетъ: такъ и такъ, и у насъ дома свое не хуже есть,— и чѣмъ-нибудь отведеть.

Англичане это знали, и къ пріѣзду государеву выдумали разныя хитрости, чтобы его чужестранностью плѣнить и отъ русскихъ отвлечь, и во многихъ случаяхъ они этого достигали, особенно въ большихъ собраніяхъ, гдѣ Платовъ не могъ по-французски вполне говорить; но онъ этимъ

мало и интересовался, потому что былъ человекъ женатый и всѣ французскіе разговоры считалъ за пустяки, которые не стоятъ воображенія. А когда англичане стали звать государя во всякіе свои цейхгаузы, оружейные и мыльнопильные заводы, чтобы показать свое надъ нами во всѣхъ вещахъ преимущество и тѣмъ славиться, — Платовъ сказалъ себѣ:

— Ну, ужь тутъ шабашъ. До этихъ поръ еще я терпѣлъ, а дальше нельзя. Сумѣю я или не сумѣю говорить, а своихъ людей не выдамъ.

И только онъ сказалъ себѣ такое слово, какъ государь ему говоритъ:

— Такъ и такъ, завтра мы съ тобою ѣдемъ ихъ оружейную кунсткамеру смотрѣть. Тамъ, говоритъ, такія природы совершенства, что какъ посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русскіе, со своимъ значеніемъ никуда не годимся.

Платовъ ничего государю не отвѣтилъ, только свой грабоватый носъ въ лохматую бурку спустилъ, а пришелъ въ свою квартиру, велѣлъ деньщику подать изъ погребца фляжку кавказской водки—кислярки *), дерябнулъ хорошій стаканъ, на дорожній складень Богу помолился, буркой укрылся и захрапѣлъ такъ, что во всемъ домѣ англичанамъ никому спать нельзя было.

Думалъ: утро ночи мудренѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На другой день, поѣхали государь съ Платовымъ въ кунсткамеру. Больше государь никого изъ русскихъ съ собою не взялъ, потому что карету имъ подали двухѣстную.

Пріѣзжаютъ въ небольшое зданіе — подъѣздъ неописанный, коридоры до безконечности, а комнаты одна въ одну, и, наконецъ, въ самомъ главномъ залѣ разные огромныя бюстры и посрединѣ подъ валдахиномъ стоитъ Аболонъ полведерскій.

*) Кизлярки.

Государь оглядывается на Платова: очень ли онъ удивленъ и на что смотреть, а тотъ идетъ, глаза опустивши, какъ будто ничего не видитъ—только изъ усовъ кольца вьетъ.

Англичане сразу стали показывать разныя удивленія, и пояснять, что къ чему у нихъ приноровлено для военныхъ обстоятельствъ: бурметры морскіе, мерблюзы мантоны пѣшихъ полковъ, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется — все кажется ему очень хорошо, а Платовъ держитъ свою ажидацію, что для него все ничего не значитъ.

Государь говоритъ:

— Какъ это возможно—отчего въ тебѣ такое безчувствіе? Неужто тебѣ здѣсь ничто не удивительно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ здѣсь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы безъ всего этого воевали и дванадцать языкъ прогнали.

Государь говоритъ:

— Это безразсудокъ.

Платовъ отвѣчаетъ:

— Не знаю, къ чему отнести, но спорить не смѣю и долженъ молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчасъ подвели его къ самому Аболону полведерскому и берутъ у того изъ одной руки Мортимерово ружье, а изъ другой пистолю.

— Вотъ, говорятъ, какая у насъ производительность, и подаютъ ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрѣлъ спокойно, потому что у него такія въ Царскомъ Селѣ есть, а они потомъ даютъ ему пистолю и говорятъ:

— Это пистоля неизвѣстнаго, неподражаемаго мастерства—ее нашъ адмираль у разбойничьяго атамана въ Канаделабріи изъ-за пояса выдернулъ.

Государь взглянулъ на пистолю и наглядѣться не можетъ.

Взахался ужасно.

— Ахъ, ахъ, ахъ! говорить,—какъ это такъ... какъ это даже можно такъ тонко сдѣлать! И къ Платову по-русски оборачивается и говорить:—вотъ если бы у меня былъ хотя одинъ такой мастеръ въ Россіи, такъ я бы этимъ весьма счастливый былъ и гордился, а того мастера сейчасъ же благороднымъ бы сдѣлалъ.

А Платовъ на эти слова въ ту же минуту опустилъ правую руку въ свои большія шаровары и тащить оттуда ружейную отвертку. Англичане говорятъ: это не отворяется, а онъ, вниманія не обращая, ну, замокъ ковырять. Повернулъ разъ, повернулъ два—замокъ и вынулся. Платовъ показываетъ государю собачку, а тамъ, на самомъ сугибѣ, сдѣлана русская надпись: «Иванъ Москвинъ во градѣ Тульѣ».

Англичане удивляются и другъ другу поталкиваютъ:

— Охъ-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорить:

— Зачѣмъ ты ихъ очень сконфузилъ, мнѣ ихъ теперь очень жалко. Поѣдемъ.

Сѣли опять въ ту же двухсѣстную карету и поѣхали, и государь въ этотъ день на балѣ былъ, а Платовъ еще ббльшій стаканъ кислярки выдушилъ и спалъ крѣпкимъ казачьимъ сномъ.

Было ему и радостно, что онъ англичанъ оконфузилъ, а тульского мастера на точку вида поставилъ, но было и досадно: зачѣмъ государь подь такой случай англичанъ сожалѣлъ!

«Черезъ что это государь огорчился? — думалъ Платовъ,—совсѣмъ того не понимаю,» и въ такомъ разсужденіи онъ два раза вставалъ, крестился и водку пилъ, пока насильно на себя крѣпкій сонъ навелъ.

А англичане же въ это самое время тоже не спали, потому что и имъ завертѣло. Пока государь на балѣ веселился, они ему такое новое удивленіе подстроили, что у Платова всю фантазію отняли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день, какъ Платовъ къ государю съ добрымъ утромъ явился, тотъ ему и говоритъ:

— Пусть сейчасъ заложать двухсѣстную карету и поѣдемъ въ новыя кунсткамеры смотрѣть.

Платовъ даже осмѣлился доложить, что: не довольно ли, моль, чужеземные продукты смотрѣть, и не лучше ли къ себѣ въ Россію собираться? но государь говоритъ:

— Нѣтъ, я еще желаю другія новости видѣть: мнѣ хвалили, какъ у нихъ первый сортъ сахаръ дѣлаютъ.

Поѣхали.

Англичане все государю показываютъ: какіе у нихъ разные первые сорта, а Платовъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, да вдругъ говоритъ:

— А покажите-ка намъ вашихъ заводовъ сахаръ *молво*?

А англичане и не знаютъ: что это такое *молво*? Перешептываются, перемигиваются, твердятъ другъ дружкѣ: «молво, молво», а понять не могутъ, что это у насъ такой сахаръ дѣлается, и должны сознаться, что у нихъ всѣ сахара есть, а «молва» нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Ну, такъ и нечѣмъ хвастаться. Приѣзжайте къ намъ, мы васъ напоимъ чаемъ съ настоящимъ молво Бобринскаго завода.

А государь его за рукавъ дернулъ и тихо сказалъ:

— Пожалуйста, не портъ мнѣ политики.

Тогда англичане позвали государя въ самую послѣднюю кунсткамеру, гдѣ у нихъ со всего свѣта собраны минеральные камни и нимфозоріи, начиная съ самой огромнѣйшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазамъ видѣть невозможно, а угрызеніе ея между кожей и тѣломъ.

Государь поѣхалъ.

Осмотрѣли керамиды и всякія чучелы и выходятъ вонъ, а Платовъ думаетъ себѣ:

«Вотъ, слава Богу, все благополучно — государь ничему не удивляется.»

Но только пришли въ самую послѣднюю комнату, а тутъ стоятъ ихъ рабочіе въ тужурныхъ жилеткахъ и въ фартукахъ и держатъ подносъ, на которомъ ничего нѣтъ.

Государь вдругъ и удивился, — что ему подаютъ пустой подносъ.

— Что это такое значитъ? — спрашиваетъ; а аглицкіе мастера отвѣчаютъ: это вашему величеству наше покорное поднесеніе.

— Что же это?

— А вотъ, говорятъ, извольте видѣть сориночку?

Государь посмотрѣлъ и видитъ, точно лежитъ на серебряномъ подносѣ самая крошечная соринка.

Работники говорятъ;

— Извольте пальчикъ послунить и ее на ладошку взять.

— На что же мнѣ эта соринка?

— Это, отвѣчаютъ, не соринка, а нимфозорія.

— Живая она?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаютъ, — не живая, а изъ чистой изъ аглицкой стали въ изображеніи блохи нами выкована и въ серединѣ въ ней заводъ и пружина. Извольте ключикомъ повернуть: она сейчасъ начнетъ дансе танцовать.

Государь залюбопытствовалъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же ключикъ?

А англичане говорятъ:

— Здѣсь и ключъ передъ вашими очами.

— Отчего же, государь говоритъ, — я его не вижу?

— Потому, отвѣчаютъ, — что это надо въ мелкоскопъ.

Подали мелкоскопъ, и государь увидѣлъ, что возлѣ блохи, дѣйствительно, на подносѣ ключикъ лежитъ.

— Извольте, говорятъ, — взять ее на ладошечку, — у нея въ пузкѣ заводная дырка, а ключъ семь поворотовъ имѣетъ, и тогда она пойдетъ дансе...

Насилу государь этотъ ключикъ ухватилъ и насилу его въ щепоткѣ могъ удержать, а въ другую щепотку блошку

взялъ и только ключикъ вставилъ, какъ почувствовалъ, что она начинаетъ усиками водить, потомъ ножками стала перебирать, а, наконецъ, вдругъ прыгнула и на одномъ лету прямое дансе и двѣ вѣрояціи въ сторону, потомъ въ другую, и такъ въ три вѣрояціи всю кадрили станцевала.

Государь сразу же велѣлъ англичанамъ миллионъ дать какими сами захотятъ деньгами,—хотятъ серебряными пяточками,—хотятъ мелкими ассигнаціями.

Англичане попросили, чтобы имъ серебромъ отпустили, потому что въ бумажкахъ они толку не знаютъ; а потомъ сейчасъ и другую свою хитрость показали: блоху въ даръ подали, а футляра на нее не принесли: безъ футляра же ни ея, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются, и въ сору ихъ такъ и выбросятъ. А футляръ на нее у нихъ сдѣланъ изъ цѣльнаго брилліантоваго орѣха — и ей мѣстечко въ серединѣ выдавлено. Этого они не подали, потому что футляръ, говорятъ, будто казенный, а у нихъ насчетъ казеннаго строго, хоть и для государя, нельзя жертвовать.

Платовъ было очень разсердился, потому что, говорить:

— Для чего такое мошенничество!—даръ сдѣлали и миллионъ за то получили, и все еще недостаточно! Футляръ, говорить, всегда при всякой вещи принадлежитъ.

Но государь говорить:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дѣло,—не портъ мнѣ политики. У нихъ свой обычай,—и спрашиваетъ:—Сколько тотъ орѣхъ стоить, въ которомъ блоха мѣстится?

Англичане положили за это еще пять тысячъ.

Государь Александръ Павловичъ сказалъ: «выплатить», а самъ спустилъ блошку въ этотъ орѣшекъ, а съ нею вмѣстѣ и ключикъ, а чтобы не потерять самый орѣхъ, опустилъ его въ свою золотую табакерку, а табакерку велѣлъ положить въ свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана перламутромъ и рыбьей костью. Аглицкихъ же мастеровъ государь съ честью отпустилъ и сказалъ имъ: вы есть пер-

вые мастера на всемъ свѣтѣ, и мои люди супротивъ васъ сдѣлать ничего не могутъ,

Тѣ остались этимъ очень довольны, а Платовъ ничего противъ словъ государя произнести не могъ. Только взялъ мелкоскопъ, да, ничего не говоря, себѣ въ карманъ спустилъ, потому что онъ сюда же, говоритъ, принадлежитъ, а денегъ вы и безъ того у насъ много взяли.

Государь этого не зналъ до самаго пріѣзда въ Россію, а уѣхали они скоро, потому что у государя отъ военныхъ дѣлъ сдѣлалась меланхолія, и онъ захотѣлъ духовную исповѣдь имѣть въ Таганрогѣ у попа Ѳедота *). Дорогой у нихъ съ Платовымъ очень мало пріятнаго разговора было, потому они совсѣмъ разныхъ мыслей сдѣлались; государь такъ соображалъ, что англичанамъ нѣтъ равныхъ въ искусствѣ, а Платовъ доводилъ, что и наши на что взглянуть—все могутъ сдѣлать, но только имъ полезнаго ученья нѣтъ. И представлялъ государю, что у аглицкихъ мастеровъ совсѣмъ на все другія правила жизни, науки и продовольствія, и каждый человекъ у нихъ себѣ всѣ абсолютныя обстоятельства передъ собою имѣетъ, и черезъ то въ немъ совсѣмъ другой смыслъ.

Государь этого не хотѣлъ долго слушать, а Платовъ на каждой станціи выйдетъ и съ досады квасной стаканъ водки выпьетъ, соленымъ бараночкомъ закуситъ, закурить свою корешковую трубку, въ которую сразу цѣлый фунтъ Жукова табаку входило, а потомъ сядетъ и сидитъ рядомъ съ царемъ въ каретѣ молча. Государь въ одну сторону глядитъ, а Платовъ въ другое окно чубукъ высунетъ и дымить на вѣтеръ. Такъ они и доѣхали до Петербурга, а къ попу Ѳедоту государь Платова уже совсѣмъ не взялъ.

*) «Попъ Ѳедотъ» не съ вѣтра взять: императоръ Александръ Павловичъ передъ своею кончиною въ Таганрогѣ исповѣдывался у священника Алексѣя *Ѳедотова*-Чеховскаго, который послѣ того именовался «духовникомъ его величества» и любилъ ставить всѣмъ на видъ это совершенно случайное обстоятельство. Вотъ этотъ-то *Ѳедотовъ*-Чеховской, очевидно, и есть легендарный «попъ Ѳедотъ».

— Ты, говорить, къ духовной бесѣдѣ невоздержень и такъ очень много куришь, что у меня отъ твоего дыму въ головѣ копотъ стоитъ.

Платовъ остался съ обидою и легъ дома на досадную укушетку, да такъ все и лежалъ да покуривалъ Жуковъ табакъ безъ перестачи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Удивительная блоха изъ аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича въ шкатулкѣ подъ рыбьей костью, пока онъ скончался въ Таганрогѣ, отдавъ ее попу Федоту, чтобы сдать послѣ государынѣ, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексѣевна посмотрѣла блохины вѣрояціи и усмѣхнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, говорить, теперь дѣло вдовье, и мнѣ никакія забавы не обольстительны, а, вернувшись въ Петербургъ, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями въ наслѣдство новому государю.

Императоръ Николай Павловичъ по началу тоже никакого вниманія на блоху не обратилъ, потому что при восходѣ его было смятеніе, но потомъ одинъ разъ сталъ пересматривать доставшуюся ему отъ брата шкатулку и досталъ изъ нея табакерку, а изъ табакерки брилліантовый орѣхъ, и въ немъ нашель стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не дѣйствовала, а лежала смирно, какъ коченѣлая.

Государь посмотрѣлъ и удивился.

— Что это еще за пустяковина и къ чему она тутъ у моего брата въ такомъ сохраненіи!

Придворные хотѣли выбросить, но государь говоритъ:

— Нѣтъ,—это что-нибудь значить.

Позвали отъ Аничкина моста изъ противной аптеки химика, который на самыхъ мелкихъ вѣсахъ яды взвѣшивалъ, и ему показали, а тотъ сейчасъ взялъ блоху, положилъ на языкъ и говоритъ: «чувствую хладъ, какъ отъ крѣпкаго металла». А потомъ зубомъ ее слегка помялъ и объявилъ:

— Какъ вамъ угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозорія, и она сотворена изъ металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велѣлъ сейчасъ разузнать: откуда это и что такое означаетъ?

Бросились смотрѣть въ дѣла и въ списки,—но въ дѣлахъ ничего не записано. Стали того, другого спрашивать,—никто ничего не знаетъ. Но, по счастью, донской казакъ Платовъ былъ еще живъ и даже все еще на своей досадной укушеткѣ лежалъ и трубку курилъ. Онъ какъ услышалъ, что во дворцѣ такое безпокойство, сейчасъ съ укушетки поднялся, трубку бросилъ и явился къ государю во всѣхъ орденахъ. Государь говоритъ:

— Что тебѣ, мужественный старикъ, отъ меня надобно?

А Платовъ отвѣчаетъ:

— Мнѣ, ваше величество, ничего для себя не надо, такъ какъ я пью—ѣмъ что хочу, и всѣмъ доволенъ, а я, говорить, пришелъ доложить насчетъ этой нимфозоріи, которую отыскали: это, говорить, такъ и такъ было, и вотъ какъ происходило при моихъ глазахъ въ Англіи,—и тутъ при ней есть ключикъ, а у меня есть ихъ же мелкоскопъ, въ который можно его видѣть, и симъ ключомъ черезъ пузичко эту нимфозорію можно завести и она будетъ скакать, въ какомъ угодно пространствѣ, и въ стороны вѣрояціи дѣлать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платовъ говоритъ:

— Это, говорить, ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только намъ этому удивляться съ однимъ восторгомъ чувствъ не слѣдуетъ, а надо бы подвергнуть ее русскимъ пересмотрамъ въ Туль или въ Сестербекъ,—тогда еще Сестрорѣцкъ Сестербекомъ звали,—не могутъ ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане надъ русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павловичъ въ своихъ русскихъ людяхъ былъ очень увѣренный и никакому иностранцу уступать не любилъ, онъ и отвѣтилъ Платову:

— Это ты, мужественный старикъ, хорошо говоришь, и я тебѣ это дѣло поручаю повѣрить. Мнѣ эта коробочка все равно теперь при моихъ хлопотахъ не нужна,—а ты возьми ее съ собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поѣзжай на тихій Донъ и поведи тамъ съ моими донцами междуособные разговоры насчетъ ихъ жизни и преданности, и что имъ нравится? А когда будешь ѣхать черезъ Тулу, покажи моимъ тульскимъ мастерамъ эту нимфозорію, и пусть они о ней подумаютъ. Скажи имъ отъ меня, что братъ мой этой вещи удивлялся и чужихъ людей, которые дѣлали нимфозорію, больше всѣхъ хвалилъ, а я на своихъ надѣюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронятъ и что-нибудь сдѣлаютъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Платовъ взялъ стальную блоху и, какъ поѣхалъ черезъ Тулу на Донъ, показалъ ее тульскимъ оружейникамъ и слова государевы имъ передалъ, а потомъ спрашиваетъ:

— Какъ намъ теперь быть, православные?

Оружейники отвѣчаютъ:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуемъ и никогда его забыть не можемъ за то, что онъ на своихъ людей надѣется, а какъ намъ въ настоящемъ случаѣ быть, того мы въ одну минуту сказать не можемъ, потому что аглицкая нація тоже не глухая, а довольно даже хитрая, и искусство въ ней съ большимъ смысломъ. Противъ нея, говорятъ, надо взяться подумавши и съ Божьимъ благословеніемъ. А ты если, твоя милость, какъ и государь нашъ, имѣешь къ намъ довѣріе, поѣзжай къ себѣ на тихій Донъ, а намъ эту блошку оставь, какъ она есть, въ футлярѣ и въ золотой царской табакерочкѣ. Гуляй себѣ по Дону и заживляй раны, которыя пріялъ за отечество, а когда назадъ будешь черезъ Тулу ѣхать—остановись и посылай за нами: мы къ той порѣ, Богъ дастъ, что-нибудь придумаемъ.

Платовъ не совсѣмъ доволенъ былъ тѣмъ, что туляки такъ много времени требуютъ и притомъ не говорятъ ясно:

что такое именно они надѣются устроить. Спрашивалъ онъ ихъ такъ и иначе и на всѣ манеры съ ними хитро подонски заговаривалъ, но туляки ему въ хитрости нимало не уступили, потому что имѣли они сразу же такой замысль, по которому не надѣялись даже, чтобы и Платовъ имъ повѣрилъ, а хотѣли прямо свое смѣлое воображеніе исполнить, да тогда и отдать.

Говорятъ:

— Мы еще и сами не знаемъ, что учинимъ, а только будемъ на Бога надѣяться, и авось слово царское ради насъ въ постыжденіи не будетъ.

Такъ и Платовъ умомъ виляетъ, и туляки тоже.

Платовъ вилялъ, вилялъ да увидалъ, что туляка ему не перевилять, подалъ имъ табакерку съ нимфозоріей и говоритъ:

— Ну, нечего дѣлать, пусть, говоритъ, будетъ по вашему; я васъ знаю, какіе вы, ну, иначе, дѣлать нечего,— я вамъ вѣрю, но только смотрите, брилліантъ чтобы не подмѣнить и аглицкой тонкой работы не испортъте, да недолго возитесь, потому что я шибко ѣзжу: двухъ недѣль не пройдетъ, какъ я съ тихаго Дона опять въ Петербургъ поворожу,—тогда мнѣ чтобъ непременно было, что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, говорятъ, мы не повредимъ и брилліанта не обмѣнимъ, а двѣ недѣли намъ времени довольно, а къ тому случаю, когда назадъ возвратишься, будетъ тебѣ *что-нибудь* государеву великолѣпно достойное представить.

А *что именно*, этого такъ-таки и не сказали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Платовъ изъ Тулы уѣхалъ, а оружейники три человека, самые искусные изъ нихъ, одинъ косою лѣвша, на щекѣ пятно родимое, а на вискахъ волосья при ученьи вы-

драны, — попрощались съ товарищами и съ своими домашними, да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съѣстного и скрылись изъ города.

Замѣтили за ними только то, что они пошли не въ Московскую заставу, а въ противоположную Кіевскую сторону, и думали, что они пошли въ Кіевъ почивающимъ угодикамъ поклониться или посовѣтовать тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ живыхъ святыхъ мужей, всегда пребывающихъ въ Кіевѣ въ изобиліи.

Но это было только близко къ истинѣ, а не самая истина. Ни время, ни разстояніе не позволяли тульскимъ мастерамъ сходить въ три недѣли пѣшкомъ въ Кіевъ, да еще потомъ успѣть сдѣлать посрамительную для англицкой націи работу. Лучше бы они могли сходить помолиться въ Москву, до которой всего «два девяносто верстѣ», а святыхъ угодниковъ и тамъ почиваетъ не мало. А въ другую сторону, — до Орла такіе же «два девяносто», да за Орель до Кіева снова еще добрыхъ пять сотъ верстѣ. Этакого пути скоро не сдѣлаешь, да и сдѣлавши его не скоро отдохнешь, — долго еще будутъ ноги остекливши и руки трястись.

Инымъ даже думалось, что мастера набахвалили передъ Платовымъ, а потомъ какъ пообдумались, то и струсили и теперь совсѣмъ сбѣжали, унеся съ собою и царскую золотую табакерку, и брилліантъ, и надѣлавшую имъ хлопотъ англицкую стальную блоху въ футлярѣ.

Однако, такое предположеніе было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусныхъ людей, на которыхъ теперь почивала надежда націи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Туляки, люди умные и свѣдущіе въ металлическомъ дѣлѣ, извѣстны также какъ первые знатоки въ религіи. Ихъ славою въ этомъ отношеніи полна и родная земля и,

даже святой Аѳонъ: они не только мастера пѣть съ вавилонами, но они знаютъ какъ пишется картина «вечерній звонъ», а если кто изъ нихъ посвятить себя бѣльшему служенію и пойдетъ въ монашество, то таковыя слывутъ лучшими монастырскими экономами, и изъ нихъ выходятъ самыя способныя сборщики. На святомъ Аѳонѣ знаютъ, что туляки — народъ самый выгодный, и если бы не они, то темныя уголки Россіи навѣрно не видали бы очень многихъ святостей отдаленнаго Востока, а Аѳонъ лишился бы многихъ полезныхъ приношеній отъ русскихъ щедротъ и благочестія. Теперь «аѳонскіе туляки» обвозятъ святости по всей нашей родинѣ и мастерски собираютъ сборы даже тамъ, гдѣ взять нечего. Тулякъ полонъ церковнаго благочестія и великій практикъ этого дѣла, а потому и тѣ три мастера, которые взялись поддержать Платова и съ нимъ всю Россію, не дѣлали ошибки, направясь не къ Москвѣ, а на югъ. Они шли вовсе не въ Кіевъ, а къ Мценску, къ уѣздному городу Орловской губерніи, въ которомъ стоитъ древняя «камнесѣченая» икона св. Николая, приплывшая сюда въ самыя древнія времена на большомъ каменномъ же крестѣ по рѣкѣ Зушѣ. Икона эта вида «грознаго и пристрашнаго», — святитель Миръ-Ликійскихъ изображенъ на ней «въ ростъ», весь одѣянъ сребропозлащенной одеждой, а лицомъ темень и на одной рукѣ держитъ храмъ, а въ другой — мечъ — «военное одолѣніе». Вотъ въ этомъ «одолѣніи» и заключался смыслъ вещи: св. Николай вообще покровитель торговаго и военнаго дѣла, а «мценскій Никола» въ особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебень у самой иконы, потомъ у каменнаго креста и, наконецъ, возвратились домой «нощю» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дѣло въ ужасномъ секретѣ. Сошлись они всѣ трое въ одинъ домикъ къ лѣвшѣ, двери заперли, ставни въ окнахъ закрыли, передъ Николинымъ образомъ лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидятъ и никуда не выходятъ, все моло-

точками потюкиваютъ. Куютъ что-то такое, а что куютъ—ничего неизвѣстно.

Всѣмъ любопытно, а никто ничего не можетъ узнать, потому что работающіе ничего не сказываютъ и наружу не показываются. Ходили къ домику разные люди, стучались въ двери подъ разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спросъ не отпираются, и даже чѣмъ питаются — неизвѣстно. Пробовали ихъ пугать, будто по сосѣдству домъ горитъ, — не выскочутъ ли въ перепугѣ и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этихъ хитрыхъ мастеровъ: одинъ разъ только лѣвшя высунулся по плечи и крикнулъ:

— Горите себѣ, а намъ некогда, и опять свою щипальную голозу спрятали, ставню захлопнулъ и за свое дѣло принялся.

Только сквозь малыя щелочки было видно, какъ внутри дома огонекъ блеститъ, да слышно, что тонкіе молоточки по звонкимъ наковальнямъ вытюкиваютъ.

Словомъ, все дѣло велось въ такомъ страшномъ секретѣ, что ничего нельзя было узнать, и притомъ продолжалось оно до самаго возвращенія казака Платова съ тихаго Дона къ государю, и во все это время мастера ни съ кѣмъ не видались и не разговаривали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Платовъ ѣхалъ очень спѣшно и съ церемоніей: самъ онъ сидѣлъ въ коляскѣ, а на козлахъ два свистовые казака съ нагайками по обѣ стороны ямщика садились и такъ его поливали безъ милосердія, чтобы скакалъ. А если какой казакъ задремлетъ, Платовъ его самъ изъ коляски ногою ткнетъ, и еще злѣе понесутся. Эти мѣры побужденія дѣйствовали до того успѣшно, что нигдѣ лошадей ни у одной станціи нельзя было удержать, а всегда сто скачекъ мимо остановочнаго мѣста перескакивали. Тогда опять

казакъ надъ ямщикомъ обратно сдѣйствуетъ, и къ подъѣзду возвратятся.

Такъ они и въ Тулу прикатили, — тоже пролетѣли сначала сто скачковъ дальше Московской заставы, а потомъ казакъ сдѣйствовалъ надъ ямщикомъ нагайкою въ обратную сторону, и стали у крыльца новыхъ коней запрягать. Платовъ изъ коляски не вышелъ, а только велѣлъ свистовому какъ можно скорѣе привести къ себѣ мастеровыхъ, которымъ блоху оставилъ.

Побѣжалъ одинъ свистовой, чтобы шли какъ можно скорѣе и несли ему работу, которою должны были англичанъ посрамить, и еще мало этотъ свистовой отбѣжалъ, какъ Платовъ вдогонку за нимъ разъ за разомъ новыхъ шлетъ, чтобы какъ можно скорѣе.

Всѣхъ свистовыхъ разогналъ и сталъ уже простыхъ людей изъ любопытной публики посылать, да даже и самъ отъ нетерпѣнія ноги изъ коляски выставляетъ, и самъ отъ нетерпѣливости бѣжать хочетъ, а зубами такъ и скрипитъ,—все ему еще нескоро показывается.

Такъ въ тогдaшнее время все требовалось очень въ аккуратъ и въ скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тульскіе мастера, которые удивительное дѣло дѣлали, въ это время какъ-разъ только свою работу оканчивали. Свистовые прибѣжали къ нимъ запыхавшись, а простые люди изъ любопытной публики, тѣ и вовсе не добѣжали, потому что съ непривычки по дорогѣ ноги разсыпали и повалились, а потомъ отъ страха, чтобы не глядѣть на Платова, ударились домой, да гдѣ попало спрятались.

Свистовые же какъ прискочили, сейчасъ вскрикнули и какъ видятъ, что тѣ не отпираютъ, сейчасъ безъ церемоніи рванули болты у ставень, но болты были такіе крѣпкіе, что нимало не подались, дернули двери, а двери изнутри

заложены на дубовый засовъ. Тогда свистовые взяли съ улицы бревно, поддѣли имъ на пожарный манеръ подъ кровельную застрѣху да всю крышу съ маленькаго домика сразу и своротили. Но крышу сняли да и сами сейчасъ повалились, потому что у мастеровъ въ ихъ тѣсной хороминкѣ отъ безотдышной работы въ воздухѣ такая потная спираль сдѣлалась, что непривычному человѣку съ свѣжаго повѣтрія и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такіе-сякіе, сволочи, дѣлаете, да еще такою спиралью ошибать смѣете! Или въ васъ послѣ этого Бога нѣтъ!

А тѣ отвѣчаютъ:

— Мы сейчасъ, послѣдній гвоздикъ заколачиваемъ и какъ забьемъ, тогда нашу работу вынесемъ.

А послы говорятъ:

— Онъ насъ до того часу живьемъ съѣстъ и на поминъ души не оставитъ.

Но мастера отвѣчаютъ:

— Не успѣетъ онъ васъ поглотить, потому вотъ пока вы тутъ говорили, у насъ уже и этотъ послѣдній гвоздь заколоченъ. Бѣгите и скажите, что сейчасъ несемъ.

Свистовые побѣжали, но не съ увѣркою,—думали, что мастера ихъ обманутъ; а потому бѣжать, бѣжать, да оглянутся; но мастера за ними шли и такъ очень скоро поспѣшали, что даже неполнѣ какъ слѣдуетъ для явленія важному лицу одѣлись, а на ходу крючки во кафтанахъ застегиваютъ. У двухъ у нихъ въ рукахъ ничего не содержалось, а у третьяго, у лѣвши, въ зеленомъ чехлѣ царская шкатулка съ аглицкой стальной блохой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Свистовые подбѣжали къ Платову и говорятъ:

— Вотъ они сами здѣсь!

Платовъ сейчасъ къ мастерамъ:

— Готово ли?

— Все, отвѣчаютъ, готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипажъ уже запряженъ и ямщикъ, и фореиторъ на мѣстѣ. Казаки сейчасъ же рядомъ съ ямщикомъ усѣлись и нагайки надъ нимъ подняли, и такъ замахнувши и держатъ.

Платовъ сорвалъ зеленый чехоль, открылъ шкатулку, вынулъ изъ ваты золотую табакерку, а изъ табакерки бриллиантовый орѣхъ, — видитъ: аглицкая блоха лежитъ тамъ какая была, а кромѣ ея ничего больше нѣтъ.

Платовъ говоритъ:

— Это что же такое? А гдѣ же ваша работа, которою вы хотѣли государя утѣшить.

Оружейники отвѣчали:

— Тутъ и наша работа.

Платовъ спрашиваетъ:

— Въ чемъ же она себя заключаетъ?

А оружейники отвѣчаютъ:

— Зачѣмъ это объяснять? Все здѣсь въ вашемъ виду, — и предусматривайте.

Платовъ плечами вздвигнулъ и закричалъ:

— Гдѣ ключъ отъ блохи?

— А тутъ же, отвѣчаютъ; гдѣ блоха, тутъ и ключъ, въ одномъ орѣхѣ.

Хотѣлъ Платовъ взять ключъ, но пальцы у него были кучапые, ловилъ, ловилъ, — никакъ не могъ ухватить ни блохи, ни ключика отъ ея брюшного завода, и вдругъ разсердился и началъ ругаться словами на казацкѣй манеръ.

Кричалъ:

— Что вы, подлецы, ничего не сдѣлали, да еще, пожалуйста, всю вещь испортили! Я вамъ голову сниму!

А туляки ему въ отвѣтъ:

— Напрасно такъ насъ обижаете, — мы отъ васъ, какъ отъ государева посла, всѣ обиды должны стерпѣть, но только за то, что вы въ насъ усумнились и подумали, будто мы

даже государево имя обмануть сходственны,—мы вамъ секретъ нашей работы теперь не скажемъ, а извольте къ государю отвезти—онъ увидитъ: каковы мы у него люди, и есть ли ему за насъ постыжденіе.

А Платовъ крикнулъ:

— Ну, такъ врите же вы, подлецы, я съ вами такъ не разстануся, а одинъ изъ васъ со мною въ Петербургъ поѣдетъ, и я его тамъ допытаюся, какія есть ваши хитрости.

И съ этимъ протянулъ руку, схватилъ своими куцаными пальцами за шиворотокъ косога лѣвшу, такъ что у того всѣ крючечки отъ казакина отлетѣли, и кинулъ его къ себѣ въ коляску въ ноги.

— Сиди, говоритъ, здѣсь до самаго Петербурга въ родѣ пубеля, — ты мнѣ за всѣхъ отвѣтишь. А вы, говоритъ свистовымъ, теперь гайда! Не зѣвайте, чтобы послѣзавтра я въ Петербургъ у государя былъ.

Мастера ему только осмѣлились сказать за товарища, что какъ же, моль, вы его отъ насъ такъ безъ тугамента увозите? ему нельзя будетъ назадъ слѣдовать! А Платовъ имъ вмѣсто отвѣта показалъ кулакъ, такой страшный—бугровый и весь изрубленный, кое-какъ сросся,—и, погрозивши, говоритъ: вотъ вамъ тугаментъ! А казакамъ говоритъ:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони,—все вразъ заработало, и умчали лѣвшу безъ тугамента, а черезъ день, какъ приказалъ Платовъ, такъ его и подкатили къ государеву дворцу, и даже, раскакавшись какъ слѣдуетъ—мимо колоннъ проѣхали.

Платовъ всталъ, подцѣпилъ на себя ордена и пошелъ къ государю, а косога лѣвшу велѣлъ свистовымъ казакамъ при подѣздѣ караулить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Платовъ боялся къ государю на глаза показаться, потому что Николай Павловичъ былъ ужасно какой замѣчательный и памятный—ничего не забывалъ. Платовъ зналъ,

что онъ непременно его о блохѣ спросить. И вотъ онъ, хоть никакого въ свѣтѣ непріятеля не пугался, а тутъ струсиль: вошелъ во дворецъ со шкатулочкою, да потихонечку ее въ залъ за печкой и поставилъ. Спрятавши шкатулку, Платовъ предсталъ къ государю въ кабинетъ и началъ поскорѣе докладывать, какіе у казаковъ на тихомъ Дону междоусобные разговоры. Думалъ онъ такъ: чтобы этимъ государя занять и тогда, если государь самъ вспомнить и заговорить про блоху, надо подать и отвѣтствовать, а если не заговорить, то промолчать, шкатулку кабинетному камердинеру велѣть спрятать, а тульского лѣвшу въ крѣпостной казаматъ безъ сроку посадить, чтобы посидѣлъ тамъ до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павловичъ ни о чемъ не забывалъ, и чуть Платовъ насчетъ междоусобныхъ разговоровъ кончилъ, онъ его сейчасъ же и спрашиваетъ:

— А что же, какъ мои тульскіе мастера противъ аглицкой нимфозоріи себя оправдали?

Платовъ отвѣчалъ въ томъ родѣ, какъ ему дѣло казалось.

— Нимфозорія, говоритъ, ваше величество, все въ томъ же пространствѣ, и я ее назадъ привезъ, а тульскіе мастера ничего удивительнѣе сдѣлать не могли.

Государь отвѣтилъ:

— Ты—старикъ мужественный, а этого, что ты мнѣ докладываешь, быть не можетъ.

Платовъ сталъ его увѣрять и рассказалъ, какъ все дѣло было, и какъ досказалъ до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павловичъ его по плечу хлопнулъ и говоритъ:

— Подай сюда. Я знаю, что мои меня не могутъ обманывать. Тутъ что-нибудь сверхъ понятія сдѣлано.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вынесли изъ-за печки шкатулку, сняли съ нея суконный покровъ, открыли золотую табакерку и брилліантовый

орѣхъ, — а въ немъ блоха лежитъ, какая прежде была и какъ лежала.

Государь посмотрѣлъ и сказалъ:

— Что за лихо! но вѣры своей въ русскихъ мастеровъ не убавилъ, а велѣлъ позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказалъ ей:

— У тебя на рукахъ персты тонкіе — возьми маленькій ключикъ и заведи поскорѣе въ этой нимфозоріи брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключикомъ, и блоха сейчасъ усиками зашевелила, но ногами не трогаетъ. Александра Николаевна весь заводъ натянула, а нимфозорія все-таки ни дансе не танцуетъ и ни одной вѣрояціи, какъ прежде, не выкидываетъ.

Платовъ весь позеленѣлъ и закричалъ:

— Ахъ, они шельмы собаческія! теперь понимаю, зачѣмъ они ничего мнѣ тамъ сказать не хотѣли. Хорошо еще, что я одного ихняго дурака съ собой захватилъ.

Съ этими словами выбѣжалъ на подъѣздъ, словилъ лѣвшу за волосы и началъ туда-сюда трепать такъ, что клочья полетѣли. А тотъ, когда его Платовъ пересталъ бить, поправился и говорить:

— У меня и такъ всѣ волосья при учобѣ выдраны, а не знаю теперь за какую надобность надо мною такое повтореніе?

— Это за то, говоритъ Платовъ, — что я на васъ надѣялся и заручался, а вы рѣдкостную вещь испортили.

Лѣвшя отвѣчаетъ:

— Мы много довольны, что ты за насъ ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, въ самый сильный мелкоскопъ смотрите.

Платовъ назадъ побѣжалъ про мелкоскопъ сказывать, а лѣвшѣ только погрозился:

— Я тебѣ, говоритъ, такой-сякой-этакой еще задамъ.

И велѣлъ свистовымъ, чтобы лѣвшѣ еще крѣпче локти назадъ закрутить, а самъ поднимается по ступенямъ, за-

пыхался и читаетъ молитву: «Благого Царя Благая Мати, пречистая и чистая», и дальше какъ надобно. — А царедворцы, которые на ступеняхъ стоятъ, всѣ отъ него отворачиваются, думаютъ: попался Платовъ и сейчасъ его изъ дворца вонъ погонять, — потому они его терпѣть не могли за храбрость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ довелъ Платовъ лѣвшины слова государю, тотъ сейчасъ съ радостію говоритъ:

— Я знаю, что мои русскіе люди меня не обманутъ, и приказалъ подать мелкоскопъ на подушкѣ.

Въ ту же минуту мелкоскопъ былъ поданъ, и государь взялъ блоху и положилъ ее подъ стекло сначала кверху спинкою, потомъ бочкомъ, потомъ пузичкомъ, — словомъ сказать, на всѣ стороны ее повернули, а видѣть нечего. Но государь и тутъ своей вѣры не потерялъ, а только сказалъ:

— Привести сейчасъ ко мнѣ сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платовъ докладываетъ:

— Его бы приодѣть надо, — онъ въ чемъ былъ взятъ, и теперь очень въ зломъ видѣ.

А государь отвѣчаетъ:

— Ничего — ввести какъ онъ есть.

Платовъ говоритъ:

— Вотъ иди теперь самъ, такой-этакой, передъ очами государю отвѣчай.

А лѣвша отвѣчаетъ:

— Что жъ такое и пойду, и отвѣчу.

Идетъ въ чемъ былъ: въ опорочкахъ, одна штанина въ сапогъ, другая мотается, а озямчикъ старенькій, крюечки не застегаются, порастеряны, а шиворотъ разорванъ; но ничего, не конфузится.

— Что же такое? — думаетъ, — если государю угодно меня видѣть — я долженъ идти; а если при мнѣ тугамента

нѣтъ, — такъ я тому не причиненъ, и скажу, отчего такъ дѣло было.

Какъ взошелъ лѣвша и поклонился, государь ему сейчасъ и говоритъ:

— Что это такое, братецъ, значить, что мы и такъ, и этакъ смотрѣли, и подъ мелкоскопъ клали, а ничего замѣчательнаго не усматриваемъ?

А лѣвша отвѣчаетъ:

— Такъ ли вы, ваше величество, изволили смотрѣть?

Вельможи ему киваютъ: «дескать, не такъ говоришь!» а онъ не понимаетъ, какъ надо по придворному съ лестью или съ хитростью, а говоритъ просто.

Государь говоритъ:

— Оставьте надъ нимъ мудрость, — пусть его отвѣчаетъ, какъ онъ умѣетъ.

И сейчасъ ему пояснилъ:

— Мы, говоритъ, вотъ какъ клали — и положилъ блоху подъ мелкоскопъ. Смотри, говоритъ, самъ — ничего не видно.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Этакъ, ваше величество, ничего и невозможно видѣть, потому что наша работа противъ такого размѣра гораздо секретнѣе.

Государь спросилъ:

— А какъ же надо?

— Надо, говоритъ, всего одну ея ножку въ подробности подъ весь мелкоскопъ подвести и отдѣльно смотрѣть на всякую пяточку, которой она ступаетъ.

— Помилуй, скажи, говоритъ государь: — это уже очень сильно мелко!

— А что же дѣлать, отвѣчаетъ лѣвша, — если только такъ нашу работу и замѣтить можно: тогда все и удивленіе окажется.

Положили, какъ лѣвша сказалъ, и государь какъ только глянулъ въ верхнее стекло, такъ весь и просіялъ, — взялъ лѣвшу, какой онъ былъ неубранный и въ пыли неумытый, —

обнялъ его и поцѣловалъ, а потомъ обернулся ко всѣмъ придворнымъ и сказалъ:

— Видите, я лучше всѣхъ зналъ, что мои русскіе меня не обманутъ. Смотрите, пожалуста: вѣдь они, шельмы, англискую блоху на подковы подковали!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Стали всѣ подходить и смотрѣть: блоха, дѣйствительно, была на всѣ ноги подкована на настоящія подковы, а лѣвша доложилъ, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, говорить, былъ лучше мелкоскопъ, который въ пять милліоновъ увеличиваетъ, такъ вы изволили бы, говорить, увидать, что на каждой подковинкѣ мастерово имя выставлено: какой русскій мастеръ ту подковку дѣлалъ.

— И твое имя тутъ есть?—спросилъ государь.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ лѣвша, — моего одного и нѣтъ.

— Почему же?

— А потому, говорить, что я мельче этихъ подковокъ работалъ: я гвоздики выковывалъ, которыми подковки забиты,—тамъ уже никакой мелкоскопъ взять не можетъ.

Государь спросилъ:

— Гдѣ же вашъ мелкоскопъ, съ которымъ вы могли произвести это удивленіе?

А лѣвша отвѣтилъ:

— Мы люди бѣдные и по бѣдности своей мелкоскопа не имѣемъ, а у насъ такъ глазъ пристрѣлявши.

Тутъ и другіе придворные, видя, что лѣвши дѣло выгорѣло, начали его цѣловать, а Платовъ ему сто рублей далъ и говорить:

— Прости меня, братецъ, что я тебя за волосы отодралъ.

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Богъ проститъ — это намъ не впервые такой снѣгъ на голову.

А больше и говорить не сталъ, да и некогда ему было ни съ кѣмъ разговаривать, потому что государь приказалъ сейчасъ же эту подкованную нимфозорію уложить и отослать назадъ въ Англію,—въ родѣ подарка, чтобы тамъ поняли, что намъ это не удивительно. И велѣлъ государь, чтобы везъ блоху особый курьеръ, который на всѣ языки ученъ, а при немъ чтобы и лѣвшя находился, и чтобы онъ самъ англичанамъ могъ показать работу и каковыя у насъ въ Тулѣ мастера есть.

Платовъ его перекрестилъ:

— Пусть, говорить, — надъ тобою будетъ благословеніе, а на дорогу я тебѣ моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Такъ и сдѣлалъ,—прислалъ.

А графъ Кисельвроде велѣлъ, чтобы обмыли лѣвшю въ Туляковскихъ всенародныхъ баняхъ, остригли въ парикмахерской и одѣли въ парадный кафтанъ съ придворнаго пѣвчаго, для того дабы похоже было, будто и на немъ какой-нибудь жалованный чинъ есть.

Какъ его такимъ манеромъ обформировали, напоили на дорогу чаемъ съ Платовскою кисляркою, затянули ремненнымъ поясомъ какъ можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли въ Лондонъ. Отсюда съ лѣвшой и пошли заграничныя виды.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ѣхали курьеръ съ лѣвшою очень скоро, такъ что отъ Петербурга до Лондона нигдѣ отдыхать не останавливались, а только на каждой станціи пояса на одинъ значекъ еще уже перетягивали, чтобы кишки съ легкими не перепутались; но какъ лѣвшѣ послѣ представленія государю, по Платовскому приказанію, отъ казны винная порція вволю полагалась, то онъ, не ѣвши, этимъ однимъ себя поддерживалъ и на всю Европу русскія пѣсни пѣлъ, только припѣвъ дѣлалъ по иностранному: — *«ай люли — се тре жули»*.

Курьеръ, какъ привезъ его въ Лондонъ, такъ появился

кому надо и отдалъ шкатулку, а лѣвшу въ гостинницѣ въ номеръ посадилъ, но ему тутъ скоро скучно стало, да и ѣсть захотѣлось. Онъ постучалъ въ дверь и показалъ служащему себѣ на ротъ, а тотъ сейчасъ его и свелъ въ пищепріемную комнату.

Сѣлъ тутъ лѣвша за столъ и сидитъ, а какъ чегонибудь по-аглички спросить — не умѣетъ. Но потомъ догадался: опять просто по столу перстомъ постучить, да въ ротъ себѣ покажетъ, — англичане догадываются и подаютъ, только не всегда того, что надобно, но онъ что ему не подходящее не принимаетъ. Подали ему ихняго приготовления горячій студингъ въ огнѣ; — онъ говоритъ: это я не знаю, что бы такое можно ѣсть, и вкушать не сталъ — они ему перемѣнили и другого кушанья поставили. Такъ же и водки ихъ пить не сталъ, потому что она зеленая — въ родѣ какъ будто купоросомъ заправлена, и выбралъ что всего натуральнѣе, и ждетъ курьера въ прохладѣ за баклажечкой.

А тѣ лица, которымъ курьеръ нимфозорію сдалъ, сію же минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный 'мелкоскопъ и сейчасъ въ публицейскія вѣдомости описаніе, чтобы завтра же на всеобщее извѣстіе клеветонъ вышель.

— А самага этого мастера, говорятъ, — мы сейчасъ хотимъ видѣть.

Курьеръ ихъ приприводилъ въ номеръ, а оттуда въ пищепріемную залу, гдѣ нашъ лѣвша порядочно уже подрумянился, и говоритъ: вотъ онъ!

Англичане лѣвшу сейчасъ хлопъ-хлопъ по плечу и какъ ровнаго себѣ — за руки: «камрадъ, говорятъ, камрадъ — хорошій мастеръ, — разговаривать съ тобой современемъ послѣ будемъ, а теперъ выпьемъ за твое благополучіе».

Спросили много вина и лѣвшѣ первую чарку, а онъ съ вѣжливостью первый пить не сталъ: думаетъ, можетъ быть отравить съ досады хотите.

— Нѣтъ, говоритъ, — это не порядокъ: и въ Польшѣ нѣтъ хозяина больше, — сами впередъ кушайте.

Англичане всѣхъ винъ передъ нимъ опробовали и тогда ему стали наливать. Онъ всталъ, лѣвой рукой перекрестился и за всѣхъ ихъ здоровье выпилъ.

Они замѣтили, что онъ лѣвой рукою крестится и спрашиваютъ у курьера:

— Что онъ, лютеранецъ или протестантистъ?

Курьеръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, онъ не лютеранецъ и не протестантистъ, а русской вѣры.

— А зачѣмъ же онъ лѣвой рукой крестится?

Курьеръ сказалъ:

— Онъ — лѣвша и все лѣвой рукой дѣлаетъ.

Англичане еще болѣе стали удивляться и начали накачивать виномъ и лѣвшу и курьера, и такъ цѣлые три дня обходились, а потомъ говорятъ: «теперь довольно». По симфону воды съ ерфиксомъ приняли и, совсѣмъ освѣживши, начали разспрашивать лѣвшу: гдѣ онъ и чему учился и до какихъ поръ ариѣметику знаетъ?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, и ариѣметики мы нимало не знаемъ.

Англичане переглянулись и говорятъ:

— Это удивительно.

А лѣвша имъ отвѣчаетъ:

— У насъ это такъ повсемѣстно.

— А что же это, спрашиваютъ, — за книга въ Россіи «Полусонникъ»?

— Это, говоритъ, книга къ тому относящая, что если въ Псалтирѣ что нибудь насчетъ гаданья царь Давидъ не ясно открылъ, то въ Полусонникѣ угадываетъ дополненіе.

Они говорятъ:

— Это жалко, лучше бы, еслибъ вы изъ ариѣметики по крайности хоть четыре правила сложенія знали, — то бы вамъ было гораздо полезнѣе, чѣмъ весь Полусонникъ. Тогда бы вы могли сообразить, что въ каждой машинѣ расчетъ силы есть, а то вотъ хоша вы очень въ ру-

какъ искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, какъ въ нимфозоріи, на самую аккуратную точность рассчитана и ея подковокъ несть не можетъ. Черезъ это теперь нимфозорія и не прыгаетъ, и дансе не танцуетъ.

Лѣвша согласился.

— Объ этомъ, говорить,—спору нѣтъ, что мы въ наукахъ не зашлись, но только своему отечеству вѣрно преданные.

А англичане сказываютъ ему:

— Оставайтесь у насъ, мы вамъ большую образованность передадимъ, и изъ васъ удивительный мастеръ выйдетъ.

Но на это лѣвша не согласился:

— У меня, говорить, дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителямъ деньги посылать, но лѣвша не взялъ:

— Мы, говорить, — къ своей родинѣ привержены и тятинька мой уже старичокъ, а родительница — старушка и привыкли въ свой приходъ въ церковь ходить, да и мнѣ тутъ въ одиночествѣ очень скучно будетъ, потому что я еще въ холостомъ званіи.

— Вы, говорятъ, обвыкнете, — нашъ законъ примете, и мы васъ женимъ.

— Этого, отвѣтилъ лѣвша, — никогда быть не можетъ.

— Почему такъ?

— Потому, отвѣчаетъ, — что наша русская вѣра самая правильная, и какъ вѣрили наши правотцы, такъ же точно должны вѣрить и потомцы.

— Вы, говорятъ англичане, нашей вѣры не знаете: мы того же закона христіанскаго и то же самое Евангеліе содержимъ.

— Евангеліе, отвѣчаетъ лѣвша, — дѣйствительно, у всѣхъ одно, а только наши книги противъ вашихъ толще и вѣра у насъ полнѣе.

— Почему вы такъ это можете судить?

— У насъ тому, отвѣчаетъ, — есть всѣ очевидныя доказательства.

— Какія?

— А такія, говоритъ, — что у насъ есть и боготворныя иконы, и гроботочивыя главы, и мощи, а у васъ ничего, и даже, кромѣ одного воскресенья, никакихъ экстренныхъ праздниковъ нѣтъ, а по второй причинѣ, мнѣ съ англичанкою, хоть и повѣнчавшись въ законѣ, жить конфузно будетъ.

— Отчего же такъ?—спрашиваютъ.—Вы не пренебрегайте—наши тоже очень чисто одѣваются и хозяйственныя.

А лѣвша говоритъ:

— Я ихъ не знаю.

Англичане отвѣчаютъ:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вамъ грандеву сдѣлаемъ.

Лѣвша застыдился.

— Зачѣмъ, говоритъ, — напрасно дѣвушекъ морочить, и отнѣкался. Грандеву, говоритъ, это дѣло господское, а намъ нейдетъ, и если объ этомъ дома, въ Тулѣ, узнаютъ, надо мною большую насмѣшку сдѣлаютъ.

Англичане полюбопытствовали:

— У если, говорятъ,—безъ грандеву, то какъ же у васъ въ такихъ случаяхъ поступаютъ, чтобы пріятный выборъ сдѣлать?

Лѣвша имъ объяснилъ наше положеніе.

— А насъ, говоритъ, — когда чѣловѣкъ хочетъ насчетъ дѣвушки обстоятельное намѣреніе обнаружить, посылаетъ разговорную женщину, и какъ она предлогъ сдѣлаетъ, тогда вмѣстѣ въ домъ идутъ вѣжливо, и дѣвушку смотреть не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвѣчали, что у нихъ разговорныхъ женщинъ нѣтъ и такого обыкновенія не водится, а лѣвша говоритъ:

— Это тѣмъ и пріятнѣе, потому что такимъ дѣломъ если и заняться, то надо съ обстоятельнымъ намѣреніемъ, а какъ я сего къ чужой націи не чувствую, то зачѣмъ дѣвушекъ морочить?

Онъ англичанамъ и въ этихъ своихъ сужденіяхъ понравился, такъ что они его опять пошли по плечамъ и по колънямъ съ пріятствомъ ладошками хлопывать, а сами спрашиваютъ:

— Мы бы, говорятъ, только черезъ одно любопытство знать желали: какія вы порочныя примѣты въ нашихъ дѣвицахъ примѣтили, и за что ихъ обѣгаете?

Тутъ лѣвша имъ уже откровенно отвѣтилъ:

— Я ихъ не порочу, а только мнѣ то не нравится, что одежда на нихъ какъ-то машется, и не разобрать, что такое надѣто и для какой надобности; тутъ одно что нибудь, а ниже еще другое пришилино, а на рукахъ какія-то ногавочки. Совсѣмъ точно обезьяна—сапажу—плисовая тальма.

Англичане засмѣялись и говорятъ:

— Какое же вамъ въ этомъ препятствіе?

— Препятствія, отвѣчаетъ лѣвша,—нѣтъ, а только опасюсь, что стыдно будетъ смотрѣть и дожидаться какъ она изъ всего изъ этого разбираться станетъ.

— Неужели же, говорятъ,—вашъ фасонъ лучше?

— Нашъ фасонъ, отвѣчаетъ,—въ Тулѣ простой: всякая въ своихъ кружевахъ, и наши кружева даже и большія дамы носятъ.

Они его тоже и своимъ дамамъ казали, и тамъ ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Онъ отвѣчалъ:

— Что мы, говоритъ,—очень сладко не пріучены.

Тогда ему по-русски въ прикуску подали.

Имъ показывается, что этакъ будто хуже, а онъ говоритъ:

— На нашъ вкусъ этакъ вкусно.

Ничѣмъ его англичане не могли сбить, чтобы онъ на ихъ жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его въ это время по разнымъ заводамъ водить будутъ и все свое искусство покажутъ.

— А потомъ, говорятъ,—мы его на своемъ кораблѣ привеземъ и живого въ Петербургъ доставимъ.

На это онъ согласился.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Взяли англичане лѣвшу на свои руки, а русскаго курьера назадъ въ Россію отправили. Курьеръ хотя и чинъ имѣлъ, и на разные языки былъ ученъ, но они имъ не интересовались, а лѣвшю интересовались, — и пошли они лѣвшу водить и все ему показывать. Онъ смотрѣлъ все ихъ производство и металлическія фабрики и мыльно-пильные заводы, и всѣ хозяйственные порядки ихъ ему очень нравились, особенно насчетъ рабочаго содержанія. Всякій работникъ у нихъ постоянно въ сытости, одѣтъ не въ обрывкахъ, а на каждомъ способный тужурный жилетъ, обувь въ толстые щиблеты съ желѣзными набалдашниками, чтобы нигдѣ ноги ни на что не напороть; работаетъ не съ бойломъ, а съ обученіемъ, и имѣетъ себѣ понятія. Передъ каждымъ на виду виситъ долбица умноженія, а подъ рукою стирабельная дощечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ,— на долбицу смотреть, и съ понятіемъ свѣрять, а потомъ на дощечкѣ одно пишеть, другое стираетъ и въ аккуратъ сводить: что на цифиряхъ написано, то и на дѣлѣ выходитъ. А придетъ праздникъ, соберутся по парочкѣ, возьмутъ въ руки по палочкѣ и идутъ гулять чинно-благородно какъ слѣдуетъ.

Лѣвшна на все ихъ житье и на всѣ ихъ работы насмотрѣлся, но больше всего вниманіе обращалъ на такой предметъ, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, какъ новыя ружья дѣлаютъ, сколь то, какъ старыя въ какомъ видѣ состоятъ. Все обойдетъ и хвалить, и говорить:

— Это и мы такъ можемъ.

А какъ до стараго ружья дойдетъ,—засунетъ палецъ въ дуло поводить по стѣнкамъ и вздохнетъ:

— Это, говорить,—противъ нашего не въ примѣръ превосходнѣйше.

Англичане никакъ не могли отгадать, что такое лѣвша замѣчаетъ, а онъ спрашиваетъ:

— Не могу ли,—говорить, я знать, что наши генералы это когда нибудь глядѣли или нѣтъ?

Ему говорятъ:

— Которые тутъ были, тѣ, должно быть, глядѣли.

— А какъ, говорить,—они были: въ перчаткѣ или безъ перчатки?

— Ваши генералы, говорятъ,—парадные, они всегда въ перчаткахъ ходятъ, значитъ и здѣсь такъ были.

Лѣвша ничего не сказалъ. Но вдругъ началъ безпокойно скучать. Затосковалъ и затосковалъ, и говорить англичанамъ:

— Покорно благодарствуйте на всемъ угощеніи, и я всѣмъ у васъ очень доволенъ и все, что мнѣ нужно было видѣть, уже видѣлъ, а теперь я скорѣе домой хочу.

Никакъ его болѣе удержать не могли. По сушѣ его пустить нельзя, потому что онъ на всѣ языки не умѣлъ, а по водѣ плыть не хорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но онъ присталъ: отпустите.

— Мы на буреметръ, говорятъ, — смотрѣли: буря будетъ,—потонуть можешь: это вѣдь не то, что у насъ Финскій заливъ, а тутъ настоящее Твердиземное море.

— Это все равно, отвѣчаетъ, гдѣ умереть—все единственно, воля Божія, а я желаю скорѣе въ родное мѣсто, потому что иначе я могу родъ помѣшательства достать.

Его силою не удерживали: напители, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы съ трепетиромъ, а для морской прохлады на поздній осенній путь дали байковое пальто съ вѣтряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одѣли и отвезли лѣвшу на корабль, который въ Россію шель. Тутъ помѣстили лѣвшу въ лучшемъ видѣ, какъ настоящаго барина, но онъ съ другими господами въ закрытій сидѣть не любилъ и совѣстился, а уйдетъ на палубу, подъ презентъ сядетъ и спросить:

— Гдѣ наша Россія?

Англичанинъ, котораго онъ спрашиваетъ, рукою ему въ ту сторону покажетъ или головою махнетъ, а онъ туда лицомъ оборотится и нетерпѣливо въ родную сторону смотритъ.

Какъ вышли изъ буфты въ Твердиземное море, такъ стремленіе его къ Россіи такое сдѣлалось, что никакъ его нельзя было успокоить. Водоупление стало ужасное, а лѣвша все внизъ въ каюты пойдетъ, — подъ презентомъ сидитъ, нахлобучку надвинулъ и къ отечеству смотреть.

Много разъ англичане приходили его въ теплое мѣсто внизъ звать, но онъ, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться началъ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, — мнѣ тутъ наружи лучше, — а то со мною подъ крышей отъ колтыханія морская свинка сдѣлается.

Такъ все время и не сходилъ до особаго случая, и черезъ это очень понравился одному полшкиперу, который на горе нашего лѣвши умѣлъ по-русски говорить. Этотъ полшкиперъ не могъ надивиться, что русскій сухопутный человекъ и такъ всѣ непогоды выдерживаетъ.

— Молодецъ, говоритъ, русь, — выпьемъ!

Лѣвша выпилъ.

А полшкиперъ говоритъ:

— Еще!

Лѣвша и еще выпилъ, и напилсь.

Полшкиперъ его и спрашиваетъ:

— Ты какой отъ нашего государства въ Россію секретъ везешь?

Лѣвша отвѣчаетъ:

— Это мое дѣло.

— А если такъ, отвѣчалъ полшкиперъ, — такъ давай держать съ тобой аглицкое парей.

Лѣвша спрашиваетъ.

— Какое?

— Такое, чтобы ничего въ одиночку не пить, а всего

пить за-равно,—что одинъ, то непременно и другой, и кто кого перепьетъ, того и горка.

Лѣвша думаетъ: небо тучится, брюхо пучится, — скука большая, а путина длинная и родного мѣста за волною не-видно—пари держать все-таки веселѣе будетъ.

— Хорошо говорить,—идеть!

— Только чтобъ честно.

— Да, ужъ это, говорить,—не безпокойтесь.

Согласились и по рукамъ ударили.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Началось у нихъ пари еще въ Твердиземномъ морѣ и шли они до рижскаго Динаминде, но шли все наравнѣ и другъ другу не уступали, и до того аккуратно равнялись, что когда одинъ, глянувъ въ море, увидалъ, какъ изъ воды чортъ лѣзетъ, такъ сейчасъ то же самое и другому объявилось. Только полшкиперъ видитъ чорта рыжаго, а лѣвша говорить, будто онъ темень, какъ Муринъ.

Лѣвша говорить:

— Перекрестись и отворотись—это чортъ изъ пучины.

А англичанинъ спорить.

— Это морекой водоглазь.

— Хочешь, говорить,—я тебя въ море швырну, ты не бойся, онъ мнѣ тебя сейчасъ назадъ подастъ.

А лѣвша отвѣчалъ:

— Если такъ, то швырай.

Полшкиперъ его взялъ на закорки и понесъ къ борту.

Матросы это увидали, остановили ихъ и доложили капитану, а тотъ велѣлъ ихъ обоихъ внизъ запереть и дать имъ рому и вина, и холодной пищи, чтобы могли и пить, и ѣсть, и свое пари выдержать, — а горячаго студингу съ огнемъ имъ не подавать, потому что у нихъ въ нутрѣ можетъ спиртъ загорѣться.

Такъ ихъ и привезли взаперти до Петербурга и пари изъ нихъ ни одинъ друга у друга не выигралъ, а тутъ

расклали ихъ на разныя повозки и повезли англичанина въ посланническій домъ на Аглицкую набережную, а лѣвшу въ кварталъ.

Отсюда судьба ихъ начала сильно различаться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Англичанина какъ привезли въ посольскій домъ, сейчасъ сразу позвали къ нему лѣкаря и аптекаря, — лѣкарь велѣлъ его при себѣ въ теплую ванну всадить, а аптекарь сейчасъ же скаталъ гуттаперчевую пилюлю и самъ въ ротъ ему всунулъ, а потомъ оба вмѣстѣ взялись и положили на нериву и сверхъ шубой покрыли и оставили потѣть, а чтобы ему никто не мѣшалъ, по всему посольству приказъ данъ, чтобы никто чихать не смѣлъ. Дождались лѣкарь съ аптекаремъ, пока полшкиперъ заснулъ, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, — возлѣ его изголовья на столикъ положили и ушли.

А лѣвшу свалили въ кварталъ на полъ, и спрашиваютъ:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспортъ или какой другой тугаментъ?

А онъ отъ болѣзни, отъ питья и отъ долгаго колтыханья такъ ослабѣлъ, что ни слова не отвѣчаетъ, а только стонетъ.

Тогда его сейчасъ обыскали, пестрое платье съ него сняли и часы съ трепетиромъ, и деньги обрали, а самого приставъ велѣлъ на встрѣчномъ извозчикѣ бесплатно въ больницу отправить.

Повелъ городской лѣвшу на санки сажать, да долго ни одного встрѣчника поймать не могъ, потому извозчики отъ полицейскихъ бѣгаютъ. А лѣвшу все это время на холодномъ паратѣ лежалъ; потомъ поймалъ городской извозчика, только безъ теплой лисы, потому что они лису въ саняхъ въ такомъ разѣ подъ себя прячутъ, чтобы у полицейскихъ скорѣй ноги стыли. Везли лѣвшу такъ непокрытаго, да какъ съ одного извозчика на другого стануть пересаживать.

вать, все роняютъ, а поднимать стануть,—ухи рвутъ, чтобы въ память пришелъ. Привезли въ одну больницу,—не принимаютъ безъ тугамента, привезли въ другую — и тамъ не принимаютъ, и такъ въ третью, и въ четвертую, — до самаго утра его по всѣмъ отдаленнымъ кривопуткамъ таскали и все пересаживали, такъ что онъ весь избился. Тогда одинъ подлѣкаръ сказалъ городовому везти его въ простонародную Обухвинскую больницу—гдѣ невѣдомаго сословія всѣхъ умираютъ принимаютъ.

Тутъ велѣли росписку дать, а лѣвшу до разборки на полу въ корридоръ посадить.

А аглицкій полшкиперъ въ это самое время на другой день всталъ, другую гуттаперчевую пилюлю въ нутро проглотилъ, на легкой завтракъ курицу съ рысью съѣлъ, эрфиксомъ запилъ и говоритъ:

— Гдѣ мой русскій камрадъ? я его искать пойду.

Одѣлся и побѣжалъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Удивительнымъ манеромъ полшкиперъ какъ-то очень скоро лѣвшу нашель, только его еще на кровать не уложили, а онъ въ корридорѣ на полу лежалъ и жаловался англичанину.

— Мнѣ бы, говоритъ,—два слова государю непременно надо сказать.

Англичанинъ побѣжалъ къ графу Клейнмихелю и зашумѣлъ:

— Развѣ такъ можно! У него, говоритъ, хоть и шуба овечкина, такъ душа человѣкина.

Англичанина сейчасъ оттуда за это разсужденіе вонъ — чтобы не смѣлъ поминать душу человѣкину. А потомъ ему кто-то сказалъ: сходилъ бы ты лучше къ казаку Платову, — онъ простыя чувства имѣетъ.

Англичанинъ достигъ Платова, который теперь опять на укушеткѣ лежалъ: Платовъ его выслушалъ и про лѣвшу вспомнилъ.

— Какъ же, братецъ, говорить,—очень коротко съ нимъ знакомъ, — даже за волоса его драль, — только не знаю, такъ ему въ такомъ несчастномъ разѣ помочь; потому что я уже совсѣмъ отслужился и полную пуплекцію получилъ, — теперь меня больше не уважаютъ, — а ты бѣги скорѣе къ коменданту Скобелеву, онъ въ силахъ и тоже въ этой части опытный,—онъ что-нибудь сдѣлаетъ.

Полшкиперъ пошелъ и къ Скобелеву и все рассказалъ: какая у лѣвши болѣзнь и отчего сдѣлалась. Скобелевъ говоритъ:

— Я эту болѣзнь понимаю, только нѣмцы ее лѣчить не могутъ, а тутъ надо какого-нибудь доктора изъ духовнаго званія, потому что тѣ въ этихъ примѣрахъ выросли и помогать могутъ: я сейчасъ пошлю туда русскаго доктора Мартынь-Сольскаго.

Но только когда Мартынь-Сольскій пріѣхалъ, лѣвша уже кончался, потому что у него затылокъ о парать раскололся, и онъ одно только могъ внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичанъ ружья кирпичомъ не чистятъ: пусть чтобы и у насъ не чистили, а то, храни Богъ войны, они стрѣляютъ не годятся.

И съ этою вѣрностью лѣвша перекрестился и померъ.

Мартынь-Сольскій сейчасъ же поѣхалъ, объ этомъ графу Чернышеву доложилъ, чтобы до государя довести, а графъ Чернышевъ на него закричалъ:

— Знай, говорить, свое рвотное да слабительное, а не въ свое дѣло не мѣшайся—въ Россіи на это генералы есть.

Государю такъ и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской компаніи. Въ тогдашнее время, какъ стали ружья заряжать, а пули въ нихъ и болтаются, потому что стволы кирпичемъ расчищены. Тутъ Мартынь-Сольскій Чернышеву о лѣвшѣ и напомнилъ, а графъ Чернышевъ и говоритъ:

— Пошелъ къ чорту, плезирная трубка, — не въ свое дѣло не мѣшайся, а не то я отопрусь, что никогда отъ тебя объ этомъ не слыхалъ,—тебѣ же и достанется.

Мартынь-Сольскій подумаль: и вправду отопрется, такъ и молчалъ.

А доведи они лѣвшины слова въ свое время до государя — въ Крыму на войнѣ съ непріателемъ совсѣмъ бы другой оборотъ былъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Теперь все это уже — «дѣла минувшихъ дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но преданія эти нѣтъ нужды торопиться забывать, не смотря на баснословный складъ легенды и эпическій характеръ ея главнаго героя. Собственное имя лѣвши, подобно именамъ многихъ величайшихъ геніевъ, навсегда утрачено для потомства; но какъ олицетворенный народною фантазією миѳъ, онъ интересенъ, а его похождения могутъ служить воспоминаніемъ эпохи, общій духъ которой схваченъ мѣтко и вѣрно.

Такихъ мастеровъ, какъ баснословный лѣвша, теперь, разумѣется, уже нѣтъ въ Тулѣ: машины сравняли неравенство талантовъ и дарованій, и геній не рвется въ борьбѣ противъ прилежанія и аккуратности. Благопріятствуя возвышенію заработка, машины не благопріятствуютъ артистической удали, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ нынѣшней баснословныхъ легендъ.

Работники, конечно, умѣютъ цѣнить выгоды, доставляемыя имъ практическими приспособленіями механической науки, но о прежней старинѣ они вспоминаютъ съ гордостью и любовью. Это ихъ эпося, и притомъ съ очень «человѣчкяной душою».

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мы плыли по Ладожскому озеру отъ острова Коневца къ Валааму и на пути зашли по корабельной надобности въ пристань къ Корелѣ. Здѣсь многіе изъ насъ полюбопытствовали сойти на берегъ и съѣздили на добрыхъ чухонскихъ лошадакахъ въ пустынный городокъ. Затѣмъ капитанъ изготовился продолжать путь, и мы снова отплыли.

Послѣ посѣщенія Корелы, весьма естественно, что рѣчь зашла объ этомъ бѣдномъ, хотя и чрезвычайно старомъ русскомъ поселкѣ, грустнѣе котораго трудно чтонибудь выдумать. На суднѣ всѣ раздѣляли это мнѣніе, и одинъ изъ пассажировъ, человекъ склонный къ философскимъ обобщеніямъ и политической шутливости, замѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ понять: для чего это неудобныхъ въ Петербургѣ людей принято отправлять куданибудь въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, отчего, конечно, происходитъ убытокъ казнѣ на ихъ провозъ, тогда какъ тутъ же, вблизи столицы, есть на Ладожскомъ берегу такое превосходное мѣсто, какъ Корела, гдѣ любое вольномысліе и свободомысліе не могутъ устоять передъ апатіею населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природы.

— Я увѣренъ, сказалъ этотъ путникъ:—что въ настоящемъ случаѣ непременно виновата рутина, или въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть, недостатокъ подлежащихъ свѣдѣній.

Кто-то, часто здѣсь путешествующій, отвѣтилъ на это, что будто и здѣсь разновременно жилали какіе-то изгнанники, но только всѣ они недолго будто выдерживали.

— Одинъ молодецъ изъ семинаристовъ сюда за грубость въ дьячки былъ присланъ (этого рода ссылки я уже и понять не могъ). Такъ пріѣхавши сюда, онъ долго храбрился и все надѣялся какое-то судбище поднять; а потомъ, какъ запыль, такъ до того пыль, что совсѣмъ съ ума сошелъ и послалъ такую просьбу, чтобы его лучше какъ можно скорѣе велѣли «разстрѣлять, или въ солдаты отдать, а за неспособностью повѣсить».

— Какая же на это послѣдовала резолюція?

— М... н... не знаю право; только онъ все равно этой резолюціи не дождался: самовольно повѣсился.

— И прекрасно сдѣлалъ, откликнулся философъ.

— Прекрасно?—переспросилъ рассказчикъ, очевидно купецъ и притомъ человѣкъ солидный и религіозный.

— А что же? по крайней мѣрѣ умеръ и концы въ воду.

— Какъ же концы въ воду-съ? А на томъ свѣтѣ что ему* будетъ? Самоубійцы, вѣдь они цѣлый вѣкъ будутъ мучиться. За нихъ даже и молиться никто не можетъ.

Философъ ядовито улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ, но за то и противъ него, и противъ купца выступилъ новый оппонентъ, неожиданно вступившійся за дьячка, совершившаго надъ собою смертную казнь безъ разрѣшенія начальства.

Это былъ новый пассажиръ, который ни для кого изъ насъ незамѣтно присѣлъ съ Коневца. Онъ до сихъ поръ молчалъ, и на него никто не обращалъ никакого вниманія, но теперь всѣ на него оглянулись и, вѣроятно, всѣ подивились: какъ онъ могъ до сихъ поръ оставаться незамѣченнымъ. Это былъ человѣкъ огромнаго роста, съ смуглымъ, открытымъ лицомъ и густыми, волнистыми волосами свинцоваго цвѣта: такъ странно отливала его просѣдь. Онъ былъ одѣтъ въ послушничьемъ подрясникѣ, съ широкимъ монастырскимъ ремненнымъ поясомъ и въ высокомъ, черномъ суконномъ кол-

пачкѣ. Послушникъ онъ былъ, или постриженный монахъ—этого отгадать было невозможно, потому что монахи Ладожскихъ острововъ не только въ путешествіяхъ, но и на самыхъ островахъ не всегда надѣваютъ камилавки, а въ сельской простотѣ ограничиваются колпачками. Этому новому нашему сопутнику, оказавшемуся впоследствии чрезвычайно интереснымъ человѣкомъ, по виду можно было дать съ большимъ лѣтъ за пятьдесятъ; но онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова богатырь, и притомъ типическій, простодушный, добрый русскій богатырь, напоминающій дѣдушку Илью Муромца въ прекрасной картинѣ Верещагина и въ поэмѣ графа А. К. Толстого. Казалось, что ему бы не въ ряскѣ ходить, а сидѣть бы ему на «чубаромъ» да ѣздить въ лаптицахъ по лѣсу и лѣниво нюхать, какъ «смолой и земляникой пахнетъ темный боръ».

Но, при всемъ этомъ добромъ простодушіи, немного надо было наблюдательности, чтобы видѣть въ немъ человѣка много видѣвшаго и, что называется, «бывалаго». Онъ держался смѣло, самоувѣренно, хотя и безъ непріятной развязности, и заговорилъ пріятнымъ басомъ съ повадкою:

— Это все ничего не значить, началъ онъ, лѣниво и мягко выпуская слово за словомъ изъ-подъ густыхъ, вверхъ по гусарки закрученныхъ сѣдыхъ усовъ.—Я, что вы насчетъ того свѣта для самоубійцевъ говорите, что они будто никогда не простятся, не приѣмлю. И что за нихъ будто некому молиться—это тоже пустяки, потому что есть такой человѣкъ, который все ихъ положеніе самымъ легкимъ манеромъ очень просто можетъ поправить.

Его спросили: кто же это такой человѣкъ, который вѣдаетъ и исправляетъ дѣла самоубійць послѣ ихъ смерти?

— А вотъ кто-съ, отвѣчалъ богатырь-черноризецъ:— есть въ московской епархіи въ одномъ селѣ попикъ,—прегорчающій пьяница, котораго чуть было не разстригли,—такъ онъ ими орудуетъ.

— Какъ же вамъ это извѣстно?

— А помиуйте-съ, это не я одинъ знаю, а всѣ въ мо-

сковскомъ округѣ про то знаютъ, потому что это дѣло шло черезъ самого высокопреосвященнаго митрополита Филарета.

Вышла маленькая пауза, и кто-то сказалъ, что все это довольно сомнительно.

Черноризецъ нимало не обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ:

— Да-съ, оно по первому взгляду такъ-съ, сомнительно-съ. И что тутъ удивительнаго, что оно намъ сомнительнымъ кажется, когда даже сами его высокопреосвященство долго этому не вѣрили, а потомъ, получивъ вѣрныя тому доказательства, увидали, что нельзя этому не вѣрить и повѣрили.

Пассажиры пристали къ нему съ просьбою рассказать эту дивную исторію, и онъ отъ этого не отказался и началъ слѣдующее:

— Повѣтствуютъ такъ, что пишетъ будто бы разъ одинъ благочинный высокопреосвященному владыкѣ, что будто бы, говорить, такъ и такъ, этотъ попикъ ужасная пьяница,— пьетъ вино и въ приходѣ не годится. И оно, это донесеніе, по одной сущности было справедливо. Владыко и велѣли прислать къ нему этого полика въ Москву. Посмотрѣли на него и видятъ, что, дѣйствительно, этотъ попикъ запивашка, и рѣшили, что быть ему безъ мѣста. Попикъ огорчился и даже пересталъ пить, и все убивается и оплакиваетъ: «до чего, думаетъ, я себя довелъ, и что мнѣ теперь больше дѣлать, какъ не руки на себя наложить? Это одно, говорить, мнѣ только и осталось: тогда, по крайней мѣрѣ, владыко сжалятся надъ моею несчастною семьею и дочери жениха дадутъ, чтобы онъ на мое мѣсто заступилъ и семью мою питалъ». Вотъ и хорошо: такъ онъ порѣшилъ настоятельно себя кончить и день къ тому опредѣлилъ, но только какъ былъ онъ человѣкъ доброй души, то подумалъ: «хорошо же; умереть-то я, положимъ, умру, а вѣдь я не скотина: я не безъ души,—куда потомъ моя душа пойдетъ?» И сталъ онъ отъ этого часу еще больше скорбѣть. Ну, хорошо: скорбить онъ и скорбитъ, а владыко рѣшили, что быть ему за

его пьянство безъ мѣста, и легли однажды послѣ трапезы на диванчикъ съ книжкой отдохнуть и заснули. Ну, хорошо: заснули они или этакъ только воздремали, какъ вдругъ видятъ, будто къ нимъ въ келію двери отворяются. Они и окликнули: «кто тамъ?» потому что думали, будто служка имъ про кого нибудь доложить пришелъ; анъ, вмѣсто служки, смотрятъ—входитъ старецъ, добрый-предобрый, и владыко его сейчасъ узнали, что это преподобный Сергій.

Владыко и говорятъ:

— Ты ли это, пресвятой отче Сергіе?

А угодникъ отвѣчаетъ:

— Я, рабъ Божій Филаретъ.

Владыко спрашиваютъ:

— Что же твоей чистотѣ угодно отъ моего недостойнства?

А святой Сергій отвѣчаетъ:

— Милости хочу.

— Кому же повелишь явить ее?

А угодникъ и наименовалъ того попка, что за пьянство мѣста лишенъ, и самъ удалился; а владыко проснулись и думаютъ: «къ чему это причестъ: простой это сонъ, или мечтаніе, или духоводительное видѣніе?» И стали они размышлять и, какъ мужъ ума во всемъ свѣтѣ именитаго, находятъ, что это простой сонъ, потому что статочное ли дѣло, что святой Сергій, постникъ и добраго, строгаго житія блюститель, ходатайствовалъ объ іереѣ слабомъ, творящемъ житіе съ небреженіемъ. Ну-съ, хорошо: разсудили такъ его высокопреосвященство и оставили все это дѣло естественному онаго теченію, какъ было начато, а сами провели время, какъ имъ надлежало, и отошли опять въ должный часъ ко сну. Но только что они снова опочили, какъ снова видѣніе, и такое, что великій духъ владыки еще въ большее смятеніе повергло. Можете вообразить: грохоть... такой странный грохоть, что ничѣмъ его невозможно выразить... Скачутъ... числа имъ нѣтъ сколько рыцарей... несутся, всѣ въ зеленомъ убранствѣ, латы и перья, и кони, что львы вороные, а впереди ихъ горделивый стратоне-

дархъ въ такомъ же уборѣ, и куда помахнетъ темнымъ знаменемъ, туда всѣ и скачутъ, а на знамени змѣй. Владыко не знаютъ, къ чему этотъ поѣздъ, а оный горделивецъ командуетъ: «терзайте, говорить, ихъ: теперь нѣтъ ихъ молитвенника», и проскакалъ мимо; а за симъ стратопедархомъ—его воины, а за ними, какъ стая весеннихъ гусей тощихъ, потянулись скучныя тѣни и все киваютъ владыкѣ грустно и жалостно, и все сквозь плачь тихо стонутъ: «отпусти его!—онъ одинъ за насъ молится». Владыко, какъ изволили встать, сейчасъ посылаютъ за пьянымъ попикомъ и разспрашиваютъ: какъ и за кого онъ молится? А попь по бѣдности духовной весь передъ святиелемъ растерялся и говорить: «я, владыко, какъ положено, совершаю». И насилу его высокопреосвященство добились, что онъ повинился: «виновать, говорить, въ одномъ, что самъ, слабость душевную имѣя и отъ отчаянія думая, что лучше жизни себя лишитъ, я всегда на святой проскомидіи за безъ покаянія скончавшихся и руки на ся наложившихъ мѣлюсь...» Ну, тутъ владыко и поняли, что то за тѣни предъ нимъ въ видѣніи какъ тощіе гуси плыли, и не восхотѣли радовать тѣхъ демоновъ, что впереди ихъ спѣшили съ губительствомъ, и благословили поника: «ступай, изволили сказать, и къ тому не согрѣшай, а за кого молился—молись», и опять его на мѣсто отправили. Такъ вотъ онъ, этакій человекъ, всегда таковымъ людямъ, что жизни боренія не переносятъ, можетъ быть полезенъ, ибо онъ уже отъ дерзости своего призванія не отступить и все будетъ за нихъ Создателю докучать, и Тотъ долженъ будетъ ихъ простить.

— Почему же «долженъ?»

— А потому, что «толцываетъ»; вѣдь это отъ Него же самого повелѣно, такъ вѣдь уже это не перемѣнится же-съ.

— А скажите, пожалуйста, кромѣ этого московскаго священника, за самоубійцъ развѣ никто не молится.

— А не знаю, право, какъ вамъ на это что доложить? Не слѣдуетъ, говорятъ, будто бы за нихъ Бога просить, потому что они самоуправцы, а впрочемъ, можетъ быть,

иные, сего не понимая, и о нихъ молятся. На Троицу, не то на Духовъ день, однако, кажется, даже всѣмъ позволено за нихъ молиться. Тогда и молитвы такія особенныя читаются. Чудесныя молитвы, чувствительныя; кажется, всегда бы ихъ слушаль.

— А ихъ нельзя развѣ читать въ другіе дни?

— Не знаю-съ. Объ этомъ надо спросить у когонибудь изъ начитанныхъ: тѣ, думается, должны бы знать; да какъ мнѣ это ни къ чему, такъ и не доводилось объ этомъ говорить.

— А въ служеніи вы не замѣчали, чтобы эти молитвы когданибудь повторялись?

— Нѣтъ-съ, не замѣчалъ; да вы, впрочемъ, на мои слова въ этомъ не полагайтесь, потому что вѣдь я у службы рѣдко бываю.

— Отчего же это?

— Занятія мои мнѣ не позволяютъ.

— Вы іеромонахъ, или іеродіаконъ?

— Нѣтъ, я еще просто въ рясофорѣ.

— Все же вѣдь уже это, значить, вы инокъ?

— Н... да-съ; вообще это такъ почитаютъ.

— Почитать-то почитаютъ, отозвался на это купецъ,— но только изъ рясофора-то еще можно и въ солдаты лобъ забрить.

Богатырь-черноризецъ нимало этимъ замѣчаніемъ не обидѣлся, а только пораздумалъ немножко и отвѣчалъ:

— Да, можно, и, говорятъ, бывали такіе случаи; но только я уже старъ: пятьдесятъ третій годъ живу, да и мнѣ военная служба не въ диковину.

— Развѣ вы служили въ военной службѣ?

— Служилъ-съ.

— Что же, ты изъ ундеровъ, что ли?— снова спросилъ его купецъ.

— Нѣтъ, не изъ ундеровъ.

— Такъ кто же: солдатъ или вахтеръ, или помазокъ — чей возокъ?

— Нѣтъ, не угадали: но только я настоящій военный, при полковыхъ дѣлахъ былъ почти съ самаго дѣтства.

— Значить кантонистъ?—сердцась добивался купецъ.

— Опять же нѣтъ.

— Такъ прахъ же тебя разбереть, кто же ты такой?

— Я *конэсеръ*.

— Что-о-о тако-о-е?

— Я конэсеръ-съ, конэсеръ, или, какъ простонароднѣе выразить, я въ лошадахъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ для ихъ руководствованія.

— Вотъ какъ!

— Да-съ, не одну тысячу коней отобралъ и отъѣздилъ. Такихъ звѣрей отъучалъ, каковые, напримѣръ, бываютъ, что встаетъ на дыбы да со всего духу навзничъ бросается и сейчасъ сѣдоку сѣдельною лукою можетъ грудь проломить, а со мной этого ни одна не могла.

— Какъ же вы такихъ усмиряли?

— Я... я очень просто, потому что я къ этому отъ природы своей особенное дарованіе получилъ. Я какъ вскочу, сейчасъ, бывало, не дамъ лошади опомниться, лѣвою рукою ее со всей силы за ухо да въ сторону, а правую кулакомъ между ушей по банкѣ, да зубами страшно на нее заскриплю, такъ у нея, у иной, даже инда мозгъ изо-лба въ ноздряхъ вмѣстѣ съ кровью покажется,—она и усмирѣеть.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ сойдешь, оглядишь, дашь ей въ глаза себѣ налюбоваться, чтобы въ памяти у нея хорошее воображеніе осталось, да потомъ, сядешь опять и поѣдешь.

— И лошадь послѣ этого смирно идетъ?

— Смирно пойдетъ, потому лошадь умна, она чувствуетъ, какой человекъ съ ней обращается и какихъ онъ насчетъ ея мыслей. Меня, напримѣръ, лошадь въ этомъ разсужденіи всякая любила и чувствовала. Въ Москвѣ, въ манежѣ, одинъ конь былъ, совсѣмъ у всѣхъ наѣздниковъ отъ рукъ отбился и изучилъ, профанъ, такую манеру, чтобы за колѣни сѣдока ѣсть. Простò, какъ чортъ, схватить зубищами, такъ всю ко-

лѣнную чашку и выщелушить. Отъ него много людей погибло. Тогда въ Москву англичанинъ Рарей прїѣзжалъ,— «бѣшенный усмиритель» онъ назывался, — такъ она, эта подлая лошадь, даже и его чуть не съѣла, а въ позоръ она его все-таки привела; но онъ тѣмъ отъ нея только и уцѣлѣлъ, что, говорятъ, стальной наколѣвникъ имѣлъ, такъ что она его хотя и ѣла за ногу, но не могла прокусить и сбросила, а то бы ему смерть; а я ее направилъ какъ должно.

— Разскажите, пожалуйста, какъ же вы это сдѣлали?

— Съ Божіею помощію-съ, потому что, повторяю вамъ, я къ этому даръ имѣю. Мистеръ Рарей тотъ, что называется «бѣшенный укротитель», и прочіе, которые за этого коня брались, все искусство противу его злобности въ поводахъ держали, чтобы не допустить ему ни на ту, ни на другую сторону башкой мотнуть; а я совсѣмъ противное тому средство изобрѣлъ: я, какъ только англичанинъ Рарей отъ этой лошади отказался, говорю: «ничего, говорю:— это самое пустое, потому что этотъ конь ничего больше, какъ бѣсомъ одержимъ». Англичанинъ этого не можетъ постичь, а я постигну и помогу. Начальство согласилось. Тогда я говорю: «выведите его за Драгомиловскую заставу!» Вывели. Хорошо-съ; свели мы его въ поводьяхъ въ лошину къ Филямъ, гдѣ лѣтомъ господа на дачахъ живутъ. Я вижу: тутъ мѣсто просторное и удобное, и давай дѣйствовать. Съѣлъ на него, на этого людоѣда, безъ рубахи, босой, въ однихъ шароварахъ, да въ картузѣ, а по голому тѣлу имѣлъ тесменный поясокъ отъ святого, храбраго князи Всеволода-Гавріила изъ Новгорода, котораго я за молодечество его сильно уважалъ и въ него вѣрилъ; а на томъ пояскѣ его надпись заткана: *«чести моей никому не отдамъ»*. Въ рукахъ же у меня не было никакого особаго инструмента, какъ опричь въ одной — крѣпкая татарская нагайка съ свинцовымъ головкомъ, въ концѣ такъ не болѣе, яко въ два фунта, а въ другой — простой муравный горшокъ съ жидкимъ тѣстомъ. Ну-съ, усѣлся я, а четверо

человѣкъ тому коню морду поводьями въ разныя стороны ташутъ, чтобы онъ на котораго-нибудь изъ нихъ зубомъ не кинулся. А онъ, бѣсъ, видя, что на него ополчаемся, и ржетъ, и визжитъ, и потѣеть, и весь отъ злости трусится, сожрать меня хочетъ. Я это вижу и вѣлю конюхамъ: «тащите, говорю, скорѣе съ него, мерзавца, узду долой». Тѣ ушамъ не вѣрятъ, что я имъ такое даю приказаніе, и глаза выпучили. Я говорю: «Что же вы стоите! или не слышите? Что я вамъ приказываю—то вы сейчасъ исполнять должны!» А они отвѣчаютъ: «что ты, Иванъ Северьянычъ (меня въ міру Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, звали): какъ, говорятъ, это можно, что ты велишь узду снять?» Я на нихъ сердиться началъ, потому что наблюдаю и чувствую въ ногахъ, какъ конь отъ ярости бѣсится, и его хорошенько подавилъ въ колѣняхъ, а имъ кричу: «снимай!» Они было еще слово; но тутъ уже и я совсѣмъ разсвирѣпѣлъ, да какъ заскриплю зубами—они сейчасъ въ одно мгновеніе узду сдернули, да сами, кто куда видитъ, бросились бѣжать, а я ему въ ту же минуту сейчасъ первое, чего онъ не ожидалъ, трахъ горшокъ объ лобъ: горшокъ разбилъ, а тѣсто ему и потекло и въ глаза, и въ ноздри. Онъ испужался, думаетъ: «что это такое?» А я скорѣе схватилъ съ головы картузь въ лѣвую руку и прямо имъ коню еще больше на глаза тѣста натираю, а нагайкой его по боку щѣлкъ... Онъ ёкъ да впередъ, а я его картузомъ по глазамъ тру, чтобы ему совсѣмъ зрѣніе въ глазахъ замутило, а нагайкой еще по другому боку... Да и пошелъ его парить. Не даю ему ни продохнуть, ни проглянуть, все ему своимъ картузомъ по мордѣ тѣсто размазываю, слѣплю; зубнымъ скрежетомъ въ трепетъ привожу, пугаю, а по бокамъ съ обѣихъ сторонъ нагайкой деру, чтобы понималъ, что это не шутка... Онъ это понялъ и не сталъ на одномъ мѣстѣ упорствовать, а ударился меня носить. Носилъ онъ меня, сердечный, носилъ, а я его поролъ да поролъ, такъ что чѣмъ усерднѣе онъ носится, тѣмъ и я для него еще ревностиѣе плетью стараюсь, и, наконецъ,

оба мы отъ этой работы стали уставать: у меня плечо ломить и рука не поднимается, да и онъ, смотрю, уже пересталъ коситься и языкъ изо рта вонъ посунуль. Ну, тутъ я вижу, что онъ пардону просить, поскорѣе съ него сошелъ, протеръ ему глаза, взялъ за вихорь и говорю: «стой, собачье мясо, песья снѣдь!» да какъ дерну его книзу—онъ на колѣни передо мною палъ, и съ той поры такой скромникъ сдѣлался, что лучше требовать не надо: и садиться давался, и ѣздилъ, но только скоро издохъ.

— Издохъ однако?

— Издохъ-съ; гордая очень тварь былъ, поведеніемъ смирился, но характера своего, видно, не могъ преодолѣть. А господинъ Рарей меня тогда, объ этомъ прослышавъ, къ себѣ въ службу приглашалъ.

— Что же, вы служили у него?

— Нѣтъ-съ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ сказать! Первое дѣло, что я вѣдь былъ конэсеръ и больше къ этой части привыкъ—для выбора, а не для отъѣздки, а ему нужно было только для одного бѣшенанаго усмирительства, а второе, что это съ его стороны, какъ я полагаю, была одна коварная хитрость.

— Какая же?

— Хотѣлъ у меня секретъ взять.

— А вы бы ему продали?

— Да, я бы продалъ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Такъ... онъ самъ меня, должно быть, испугался.

— Расскажите, сдѣлайте милость, что это еще за исторія?

— Никакой-съ особенной исторіи не было, а только онъ говорить: «открой мнѣ, братецъ, твой секретъ, — я тебѣ большія деньги дамъ и къ себѣ въ конэсеры возьму». Но какъ я никогда не могъ никого обманывать, то и отвѣчаю: «какой же секретъ? — это глупость». А онъ все съ аглицкой, ученой точки беретъ, и не повѣрилъ; говорить: «ну, если ты не хочешь такъ, въ своемъ видѣ, открыть, то да-

вай съ тобою вмѣстѣ ромъ пить». Послѣ этого мы пили вдвоемъ съ нимъ очень много рому, до того, что онъ раскраснѣлся и говорить, какъ умѣлъ: «ну, теперь, молю, открывай, что ты съ конемъ дѣлалъ?» А я отвѣчаю: «вотъ что...» да глянулъ на него какъ можно пострашнѣе и зубами заскрипѣлъ, а какъ горшка съ тѣстомъ на ту пору при себѣ не имѣлъ, то взялъ да для примѣру стаканомъ на него размахнулъ, а онъ вдругъ, это видя, какъ нырнетъ — и спустился подъ столъ, да потомъ какъ шаркнетъ въ двери, да и былъ таковъ, и негдѣ его стало и искать. Такъ съ тѣхъ поръ мы съ нимъ уже и не видались.

— По этому вы къ нему и не поступили?

— По этому-съ. Да и какъ же поступить, когда онъ съ тѣхъ поръ даже встрѣтить меня опасался? А я бы очень къ нему тогда хотѣлъ, потому что онъ мнѣ, пока мы съ нимъ на ромъ на этомъ состязались, очень понравился; но вѣрно своего пути не обѣжишь, и надо было другому призванію послѣдовать.

— А вы что же почитаете своимъ призваніемъ?

— А не знаю, право, какъ вамъ сказать... Я вѣдь много что происходилъ; мнѣ доводилось быть-съ и на коняхъ, и подъ конями, и въ плѣну былъ, и воевалъ, и самъ людей билъ, и меня увѣчили, такъ что, можетъ быть, не всякій бы вынесъ.

— А когда же вы въ монастырь пошли?

— Это недавно-съ, всего нѣсколько лѣтъ послѣ всей прошедшей моей жизни.

— И тоже призваніе къ этому почувствовали?

— М... н... н..., не знаю, какъ это объяснить... впрочемъ, надо полагать, что имѣлъ-съ.

— Почему же вы это такъ... какъ будто не навѣрное говорите?

— Да потому, что какъ же навѣрное сказать, когда я всей моей обширной протекшей жизненности даже обнять не могу?

— Это отчего?

— Оттого-съ, что я многое даже не своею волею дѣлалъ.

— А чьею же?

— По родительскому обѣщанію.

— И что же такое съ вами происходило по родительскому обѣщанію?

— Всю жизнь свою я погибалъ и никакъ не могъ погибнуть.

— Будто такъ?

— Именно такъ-съ.

— Расскажите же намъ, пожалуйста, вашу жизнь.

— Отчего же, что вспомню, то, извольте, могу рассказать, но только я иначе не могу-съ, какъ съ самого первоначала.

— Сдѣлайте одолженіе. Это тѣмъ интереснѣе будетъ.

— Ну, ужъ не знаю-съ, будетъ ли это сколько нибудь интересно, а извольте слушать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бывшій консервъ Иванъ Северьянычъ, господинъ Флягинъ, началъ свою повѣсть такъ:

— Я родился въ крѣпостномъ званіи и происхожу изъ дворовыхъ людей графа К. изъ Орловской губерніи. Теперь эти имѣнія при молодыхъ господахъ расплылись, но при старомъ графѣ были очень значительны. Въ селѣ Г., гдѣ самъ графъ изволилъ жить, былъ громаднѣйшій великій домина, флигель для пріѣзду, театръ, особая кегельная галлерей, псарня, живые медвѣди на столбу сидѣли, оранжереи, сады, свои пѣвчіе концерты пѣли, свои актеры всякія сцены представляли; были свои ткацкія и всякія свои мастерства содержались; но болѣе всего обращалось вниманіе на конный заводъ. Ко всякому дѣлу были приставлены особые люди, но конюшенная часть была еще въ особомъ вниманіи и все равно какъ въ военной службѣ отъ солдата въ прежнія времена кантонистъ происходилъ, чтобы сражаться, такъ и у насъ отъ кучера шель кучеренокъ, чтобы ѣздить,

отъ конюха—конюшонокъ, чтобы за лошадьми ходить, а отъ кормового мужика кормовикъ, чтобы съ гумна на ворки кормъ возить. Мой родитель былъ кучеръ Северьянъ, и хотя приходился онъ не изъ самыхъ первыхъ кучеровъ, потому что у насъ ихъ было большое множество; но, однако, онъ шестерикомъ правилъ, и въ царскій проѣздъ одинъ разъ въ седьмомъ номерѣ былъ и старинною синею ассигнаціею жалованъ. Отъ родительницы своей я въ самомъ юномъ сиротствѣ остался и ее не помню, потому какъ я былъ у нея *молитвенный сынъ*, значить, она, долго дѣтей не имѣя, меня себѣ у Бога все выпрашивала, и какъ выпросила, такъ сейчасъ же, меня породивши, и умерла, оттого, что я пропознелъ на свѣтъ съ необыкновенною большою головою, такъ что меня поэтому и звали не Иванъ Флягинъ, а просто *Голованъ*. Живучи при отцѣ на кучерскомъ дворѣ, всю жизнь свою я проводилъ на конюшнѣ и тутъ я постигъ тайну познанія въ животномъ и, можно сказать, возлюбилъ коня, потому что маленькимъ еще на четверенькахъ я у лошадей промежъ ногъ ползалъ и онѣ меня не увѣчили, а подросъ такъ и совсѣмъ съ ними спознался. Заводъ у насъ былъ отдѣльно, конюшни отдѣльно и мы, конюшенные люди, до завода не касались, а получали оттуда готовыхъ воспитомковъ и обучали ихъ. У насъ у всякаго кучера съ фореиторомъ были шестерики и все разныхъ сортовъ: вятки, казанки, калмыки, битюгскіе, донскіе,—все это были изъ приводныхъ коней, которые по ярмаркамъ покупались, а то разумѣется, больше было своихъ заводскихъ, но про этихъ говорить не стоитъ, потому что заводскіе кони смирные и ни сильнаго характера, ни фантазіи веселой не имѣютъ; а вотъ эти дикари, это ужасные были звѣри. Покупаетъ ихъ, бывало, графъ прямо цѣлыми косяками, какъ есть весь табунъ, дешево, рублей по восьми, по десяти за голову, ну и какъ скоро мы ихъ домой пригонимъ, сейчасъ начинаемъ ихъ школить. Ужасно противлются. Половина даже, бывало, подохнуть, а воспитанію не поддаются: стоять на дворѣ—все дивятся и даже отъ стѣнъ шарахаются, а все только на

небо, какъ птицы, глазами косятъ. Даже инда жалость, глядя на иного, возьметъ, потому что видишь, что вотъ такъ бы онъ, кажется, сердечный, и улетѣлъ, да крылышекъ у него нѣтъ... И овса или воды изъ корыта ни за что по первоначалу ни пить, ни ѣсть не станеть, и такъ все сохнетъ, сохнетъ, пока изведется совсѣмъ и околѣетъ. Иногда этой траты бываетъ болѣе, какъ на половину того, что купимъ, а особенно изъ киргизскихъ. Ужасно они степную волю любятъ. Ну за то, которые оборкаются и останутся жить, изъ тѣхъ тоже не малое число, учивши, покарѣчить придется, потому что на ихъ дикость одно средство—строгость, но за то уже которые все это воспитаніе и науку вынесутъ, такъ изъ этихъ такая отборность выходитъ, что никогда съ ними никакой заводской лошади не сравнится по ѣздовой добродѣтели.

Родитель мой, Северьянъ Иванычъ, правилъ киргизскимъ шестерикомъ, а когда я подросъ, такъ меня къ нему въ этотъ же шестерикъ фореиторомъ посадили. Лошади были жестокиа, не то, что нынѣшнія какія нибудь кавалерійскія, что для офицеровъ берутъ. Мы этихъ офицерскихъ кофисенками звали потому, что на нихъ нѣтъ никакого удовольствія ѣхать, такъ какъ на нихъ офицеры даже могутъ сидѣть, а тѣ были просто звѣрь, аспидъ и василискъ, все вмѣстѣ: морды эти однѣ чего стоили, или оскаль, либо ножищи, или гривье.. ну, то есть, просто сказать ужасть! Устали онѣ никогда не знали; не только что восемьдесятъ, а даже сто и сто пятнадцать верстъ изъ деревни до Орла или назадъ домой такимъ же манеромъ, это имъ, бывало, безъ отдыха нипочемъ сдѣлать. Какъ разнесутся, такъ только гляди, чтобы мимо не пролетѣли. А мнѣ въ ту пору, какъ я на фореиторскую подсѣдельную сѣлъ, было еще всего одиннадцать лѣтъ и голосъ у меня былъ настоящій такой, какъ по тогдашнему приличію для дворянскихъ фореиторовъ требовалось: самый пронзительный, звонкій и до того продолжительный, что я могъ это «ддиди-и-и-ттты-о-о» завести и полчаса этакъ звенѣть; но въ тѣлѣ своемъ си-

лами я еще не могучь былъ, такъ что дальніе пути не могъ свободно верхомъ переносить и меня еще присѣдывали къ лошади, то есть къ сѣдлу, и къ подпругамъ ко всему ремнями умотаютъ и сдѣлаютъ такъ, что упасть нельзя. Расколотить на смерть и даже не одинъ разъ со-млѣешь и чувство потеряешь, а все въ своей позиціи верхомъ ѣдешь, и опять, наскучивъ мотаться, въ себя придешь. Должность нелегкая, за дорогу, бывало, нѣсколько разъ такія перемѣны происходятъ, то слабѣешь, то исправинься, а дома отъ сѣдла совсѣмъ уже какъ неживого отрѣшати, положить и стануть давать хрѣнь нюхать; ну, а потомъ привыкъ и все это нипочемъ сдѣлалось; еще, бывало, ѣдешь да все наровнишь какого нибудь встрѣчнаго мужика кнутомъ по рубахѣ вытянуть. Это фореиторское озорство уже извѣстно. Вотъ этакъ мы разъ и ѣдемъ съ графомъ въ гости. Погода лѣтняя, прекрасная и графъ сидять съ собакою въ открытой коляскѣ, батюшка четверней править, а я впереди задуваю, а дорога тутъ съ большака свертываетъ и идетъ особый поворотъ верстъ на пятнадцать къ монастырю, каторый называется П... пустынь. Дорожку эту монахи справили, чтобы заманчивѣе къ нимъ ѣздить было: преестественно, тамъ на казенной дорогѣ нечисть и ракиты, одни корявые прутья торчатъ; а у монаховъ къ пѣстынѣ дорожка въ чистотѣ, разметена вся и подчищена и по краямъ сажеными березками обросла и отъ тѣхъ березъ такая зелень и духъ, а вдаль полевой видъ обширный... Словомъ сказать,—столь хорошо, что вотъ такъ бы при всемъ этомъ и вскрикнулъ, а кричать, разумѣется, безъ пути нельзя, такъ я и держусь, скачу; но только вдругъ на третьей или четвертой верстѣ не доѣзжая монастыря, стало этакъ клонить подо взволочекъ и вдругъ я завидѣлъ тутъ впереди себя малую точку... что-то ползеть по дорогѣ, какъ ежикъ. Я обрадовался этому случаю и изо всей силы затянулъ «дддд-и-и-и-т-т-т-ы-о-о», и съ версту все это звучало и до того разгорѣлся, что какъ стали мы нагонять парный возъ, на кого я кричалъ-то, я и сталъ въ

стременахъ подниматься и вижу, что человекъ лежитъ на сѣнѣ на возу и какъ его вѣрно пріятно на свѣжемъ повѣтріи солнышкомъ пригрѣло, то онъ, ничего не опасаяся, крѣпко-прекрѣпко спитъ, такъ сладко вверхъ спиною раскинулся и даже руки врозь разложилъ, точно возъ обнимаетъ. Я вижу, что уже онъ не свернетъ, взявъ въ сторону, да поровнявшись съ нимъ, стоя на стременахъ, впервые тогда заскрипѣлъ зубами, да какъ полосну его во всю мочь вдоль спины кнутомъ. Его лошади какъ подхватятъ съ возомъ подъ гору, а онъ сразу какъ взметнется, старенькій этакой, вотъ въ такомъ, какъ я нонѣ, въ послушничьемъ колпачкѣ и лицо какое-то такое жалкое, какъ у старой бабы, да весь перепуганный и слезы текутъ, и нувиться на сѣнѣ, словно пескарь на сковородѣ, да вдругъ не разобралъ вѣрно съ просонья гдѣ край, да кувыркъ съ воза подъ колесо и въ пыли-то и поползъ... въ возжи ногами замотался... Мнѣ и отцу моему, да и самому графу сначала это смѣшно показалось, какъ онъ кувыркнулся, а тутъ вижу я, что лошади внизу у моста зацѣпили колесомъ за надолбу и стали, а онъ не поднимается и не ворочается... Ближе подѣхали, а гляжу онъ весь сѣрый въ пыли и на лицѣ даже носа не значится, а только трещина и изъ нее кровь... Графъ велѣли остановиться, сошли, посмотрѣли и говорятъ «убить». Погрозились мнѣ дома за это выпоротъ и велѣли скорѣй въ монастырь ѣхать. Оттуда людей послали на мостъ, а графъ тамъ съ игуменомъ переговорили и по осени отъ насъ туда въ дары цѣлый обозъ пошелъ съ овсомъ и съ мукою и съ сушеными карасями, а меня отецъ кнутомъ въ монастырѣ за сараемъ по штанамъ продралъ, но настояще поротъ не стали, потому что мнѣ, по моей должности, сейчасъ опять верхомъ надо было садиться. Тѣмъ это дѣло и кончилось, но въ эту же самую ночь приходитъ ко мнѣ въ видѣніи этотъ монахъ, котораго я засѣкъ, и опять какъ баба плачетъ. Я говорю:

— Чего тебѣ отъ меня надо? пошелъ прочь!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ты, говорить, меня безъ покаянія жизни рѣшилъ.

— Ну, мало чего нѣтъ, отвѣчаю; что жѣ мнѣ теперь съ тобой дѣлать! Вѣдь я это не нарочно. Да и чѣмъ, говорю, тебѣ теперь худо? Умеръ ты и все кончено.

— Кончено-то, говорить,—это, дѣйствительно, такъ, и я тебѣ очень за это благодаренъ, а теперь я пришелъ отъ твоей родной матери сказать тебѣ, что знаешь ли ты, что ты у нея *моленный сынъ*?

— Какъ же, говорю,—слышалъ я про это, бабушка Федосья мнѣ про это не разъ сказывала.

— А знаешь ли, говорить, ты еще и то, что ты *сынъ обѣщанный*?

— Какъ это такъ?

— А такъ, говорить,—что ты Богу обѣщанъ.

— Кто же меня ему обѣщаль?

— Мать твоя.

— Ну, такъ пускай же, говорю,—она сама придетъ мнѣ про это скажетъ, а то ты, можетъ быть, это выдумаль.

— Нѣтъ, я, говорить,—не выдумываль, а ей придти нельзя.

— Почему?

— Такъ, говорить,—потому, что у насъ здѣсь не то, что у васъ на землѣ: здѣшніе не всѣ говорятъ и не всѣ ходять, а кто чѣмъ одаренъ, тотъ то и дѣлаетъ. А если ты хочешь, говорить, такъ я тебѣ дамъ знаменіе въ удостовѣреніе.

— Хочу, отвѣчаю,—только какое же знаменіе?

— А вотъ, говорить, — тебѣ знаменіе, что будешь ты много разъ погибать и ни разу не погибнешь, пока придетъ твоя настоящая погибель и ты тогда вспомнишь материно обѣщаніе за тебя и пойдешь въ чернецы.

— Чудесно, отвѣчаю,—согласенъ и ожидаю.

Онъ и скрылся, а я проснулся и про все это позабылъ и не чаю того, что всѣ эти погибели сейчасъ по ряду и начнутся. Но только черезъ нѣкоторое время поѣхали мы съ графомъ и съ графинею въ Воронежъ,—къ новоявленнымъ

мощамъ маленькую графиньку косолапую на исцѣленіе туда везли,—и остановились въ Елецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Крутомъ, лошадей кормить, я и опять подъ колодой уснулъ, и вижу опять идетъ тотъ монашекъ, котораго я рѣшилъ, и говорить:

— Слушай, Голованька, мнѣ тебя жаль, просись скорѣй у господъ въ монастырь,—они тебя пустятъ.

Я отвѣчаю:—Это съ какой стати?

А онъ говоритъ:

— Ну, гляди, сколько ты иначе зла претерпишь.

Думаю ладно; надо тебѣ что-нибудь баркать, когда я тебя убилъ, и съ этимъ всталъ, запрягъ съ отцомъ лошадей и выѣзжаемъ, а гора здѣсь прекрутая-крутищая и сбоку обрывъ, въ которомъ тогда не вѣсть что народу погибало. Графъ и говоритъ:

— Смотри, Голованъ, осторожниѣе.

А я на это ловокъ былъ и хоть возжи отъ дышловыхъ, которымъ надо спускать, въ рукахъ у кучера, но я много умѣлъ отцу помогать. У него дышловики были сильные и опористые: могли такъ спускать, что просто хвостомъ на землю садились, но одинъ изъ нихъ, подлець, съ астрономіей былъ — какъ только его сильно потянешь, онъ сейчасъ голову кверху деретъ и прахъ его знаетъ куда на небо созерцаетъ. Эти астрономы въ корню—нѣтъ ихъ хуже, а особенно въ дышлѣ они самые опасные, за конемъ съ такою повадкою фореиторъ всегда смотри, потому что астрономъ самъ не зреть какъ тычетъ ногами и не вѣсть куда попадаетъ. Все это я, разумѣется, за своимъ астрономомъ зналъ и всегда помогалъ отцу: своихъ подсѣдельную и подручную, бывало, на лѣвомъ локтѣ поводами держу и такъ ихъ ставлю, что онѣ хвостами дышловымъ въ самую морду приходятся, а дышло у нихъ промежду круновъ, а у самого у меня кнутъ всегда на-готовѣ, у астронома передъ глазами, и чуть вижу, что онъ уже очень въ небо полѣзъ, я его по храпѣ, и онъ сейчасъ морду спуститъ и отлично съѣдемъ. Такъ и на этотъ разъ: спускаемъ эки-

пажъ и я верчусь, знаете, передъ дышломъ и кнутомъ астронома остепеняю, какъ вдругъ вижу, что ужъ онъ ни отцовыхъ возжей, ни моего кнута не чувствуетъ, весь ротъ въ крови отъ удиловъ и глаза выворотилъ, а самъ я вдругъ слышу сзади что-то заскрипѣло, да хлопъ, и весь экипажъ сразу такъ и посунулся... Тормозъ лопнулъ! Я кричу отцу «держи! держи!» и онъ самъ оретъ «держи, держи!» А уже чего держать, когда весь шестерикъ, какъ прокаженные, несутся и сами ничего не видятъ, а передъ глазами у меня вдругъ что-то стрекнуло и смотрю отецъ съ козель долой летитъ... возжа оборвалась... А впереди та страшная пропасть... Не знаю, жалко ли мнѣ господъ или себя стало, но только я, видя неминуемую гибель, съ подсѣдельной бросился прямо на дышло и на концѣ повисъ... Не знаю опять, сколько тогда во мнѣ вѣсу было, но только на перевѣсѣ вѣдь это очень тяжело вѣсить, и я дышловиковъ такъ сдушилъ, что они захрипѣли и... гляжу уже моихъ передовыхъ нѣтъ, какъ отрѣзало ихъ, а я вишу надъ самою пропастью, а экипажъ стоитъ и уперся въ коренныхъ, которыхъ я дышломъ подавилъ.

Тутъ только я опомнился и пришелъ въ страхъ и руки у меня оторвались и я полетѣлъ и ничего уже не помню. Очнулся я тоже не знаю черезъ сколько времени и вижу, что я въ какой-то избѣ и здоровый мужикъ говоритъ мнѣ:

— Ну, что, неужели ты, малый, живъ?

Я отвѣчаю:

— Должно быть живъ.

— А помнишь ли, говоритъ,—что съ тобою было?

Я сталъ припоминать и вспомнилъ, какъ насъ лошади понесли и я на конецъ дышла бросился и повисъ надъ ямищей; а что дальше было—не знаю.

А мужикъ и улыбается:

— Да и гдѣ же, говоритъ,—тебѣ это знать. Туда въ пропасть и кони-то твои передовые заживо не долетѣли—расшиблись, а тебя это словно какая невидимая сила спасла: какъ на глиняну глыбу сорвался, упалъ, такъ на ней внизъ

какъ на салазкахъ и скатился. Думали мертвый совсѣмъ, а глядимъ ты дышешь, только воздухомъ духъ омурило. Ну, а теперь, говорить, если можешь, вставай, поспѣшай скорѣе къ угоднику: графъ деньги оставилъ, чтобы тебя, если умрешь, схоронить, а если живъ будешь, къ нему въ Воронежъ привезть.

Я и поѣхалъ, но только всю дорогу ничего не говорилъ, а слушалъ, какъ этотъ мужикъ, который меня везъ, все на гармоніи «барыню» игралъ.

Какъ мы приѣхали въ Воронежъ, графъ призывалъ меня въ комнаты и говорить графинюшкѣ:

— Вотъ, говорить,—мы, графинюшка, этому мальчишкѣ спасеніемъ своей жизни обязаны.

Графиня только головою закачала, а графъ говорить:

— Преси у меня, Голованъ, чего хочешь, — я все тебѣ сдѣлаю.

Я говорю:

— Я не знаю чего просить!

А онъ говорить:

— Ну чего тебѣ хочется?

А я думалъ, думалъ, да говорю:

— Гармонію.

Графъ засмѣялся и говорить:

— Ну, ты взаправду дуракъ, а, впрочемъ, это само собою, я самъ, когда придетъ время, про тебя вспомню, а гармонію, говорить,—ему сейчасъ же купить.

Лакей сходилъ въ лавки и приносить мнѣ на конюшню гармонію:

— На, говорить, играй.

Я было ее взялъ и сталъ играть, но только вижу, что ничего не умѣю, и сейчасъ ее бросилъ, а потомъ ее у меня странницы на другой день изъ-подъ сарая и украли.

Мнѣ надо было бы этимъ случаемъ графской милости пользоваться, да тогда же, какъ монахъ совѣтовалъ, въ монастырь проситься; а я самъ не знаю зачѣмъ себѣ гармонію выпросилъ и тѣмъ первое самое призваніе опровергъ

и оттого пошелъ отъ одной стражбы къ другой, все болѣе и болѣе претерпѣвая, но нигдѣ не погибъ, пока все мнѣ монахомъ въ видѣніи предреченное въ настоящемъ житейскомъ исполненіи оправдалось за мое недовѣріе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не успѣлъ я, по семъ облагодѣтельствваніи своихъ господъ, вернуться съ ними домой на новыхъ лошадяхъ, коихъ мы въ Воронежѣ опять шестерикъ собрали, какъ прилучилоя мнѣ завести у себя въ конюшнѣ на полочкѣ хохлатыхъ голубей,—голубя и голубочку. Голубь былъ глинистаго пера, а голубочка бѣленькая и такая красноноженькая, прехорошенькая!.. Очень они мнѣ нравились: особенно, бывало, когда голубь ночью воркуеть, такъ это пріятно слушать, а днемъ они между лошадей летаютъ и въ ясли садятся, кормъ клюютъ и сами съ собою цѣлуются... Утѣшно на все на это молодому ребенку смотрѣть.

И пошли у нихъ послѣ этого цѣлованія дѣти; одну пару вывели и опять эти растутъ, а они цѣловались, цѣловались, да и опять на яички сѣли и еще вывели... Маленькіе такіе эти голубяточки, точно въ шерсти, а пера нѣтъ, и желтые какъ бываютъ ядрышки на травѣ, что зовутъ «кошачьи просвирки», а носы, притомъ, не хуже какъ у черкесскихъ князей, здоровенные... Сталь я ихъ, этихъ голубятокъ, разглядывать и чтобы ихъ не помять, взялъ одного за носикъ и смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и засмотрѣлся, какой онъ нѣжный, а голубь его у меня все отбиваетъ. Я съ нимъ и забавлялся,—все его этимъ голубенкомъ дразню; да потомъ какъ сталъ пичужку назадъ въ гнѣздо класть, а онъ уже и не дышетъ. Этакая досада; я его и въ горстяхъ-то грѣлъ и дышалъ на него, все оживить хотѣлъ;—нѣтъ, пропаль да и полно! Я разсердился, взялъ да и выпвырнулъ его вонъ за окно. Ну ничего; другой въ гнѣздѣ остался, а этого, дохлаго, откуда ни возмись, бѣлая кошка какая-то мимо бѣжала и подхватила, и помчала. И я ее,

эту кошку, еще хорошо замѣтилъ, что она вся бѣлая, а на лобочкѣ какъ шалочка черное пятнышко. Ну, да думаю себѣ, прахъ съ ней, — пусть она мертваго ѣсть. Но только ночью я сплю и вдругъ слышу на полочкѣ надъ моею кроватью голубъ съ кѣмъ-то сердито бьется. Я вскочилъ и гляжу, а ночь лунная и мнѣ видно, что это опять та же кошечка бѣлая уже другого живого моего голубенка тащить.

— Ну, думаю, нѣтъ, зачѣмъ же, молъ, это такъ дѣлать? да вдогонку за нею и швырнулъ сапогомъ, но только не попалъ, — такъ она моего голубенка унесла и вѣрно гдѣ-нибудь съѣла. Осиротѣли мои голубки, но недолго поскучали и начали опять цѣловаться и опять у нихъ парка дѣтей готовы, а та проклятая кошка опять какъ тутъ... Лихо ее знаетъ, какъ это она все это наблюдала, но только гляжу я, одинъ разъ она среди бѣлаго дня опять голубенка волочить, да такъ ловко, что мнѣ и швырнуть-то за ней нечѣмъ было. Но за то же я рѣшился ее пробрать и настроилъ въ окнѣ такой силокъ, что чуть она ночью морду показала, тутъ ее сейчасъ и прихлопнуло и она сидитъ и жалится, мяучитъ. Я ее сейчасъ изъ силка вынулъ, воткнулъ ее мордою и передними лапами въ голенище, въ сапогъ, чтобы она не царапалась, а заднія лапки вмѣстѣ съ хвостомъ забралъ въ лѣвую руку, въ рукавицу, а въ правую кнутъ со стѣны снялъ, да и пошелъ ее на своей кровати учить. Кнутовъ, я думаю, сотни полторы я ей закатилъ и то изо всей силы, до того, что она даже и биться перестала. Тогда я ее изъ сапога вынулъ и думаю: издохла или не издохла? Семъ, думаю, испробовать, жива она или нѣтъ? и положилъ я ее на порогъ да топорикомъ хвостъ ей и отсѣкъ: она этакъ «мяя», вся вздрогнула и перекрутилась разъ десять, да и побѣжала.

— Хорошо, думаю, теперь ты сюда, небось, въ другой разъ на моихъ голубятъ не пойдешь; а чтобы ей еще страшнѣе было, такъ я на утро взялъ да и хвостъ ея, который отсѣкъ, гвоздикомъ у себя надъ окномъ снаружи приколо-

тиль, и очень этимъ былъ доволенъ. Но только такъ черезъ часъ или не болѣе какъ черезъ два, смотрю, вбѣгаетъ графинина горничная, которая отъ-роду у насъ на конюшнѣ никогда не была и держитъ надъ собой въ рукѣ зонтикъ, а сама кричитъ:

— Ага, ага! вотъ это кто? вотъ это кто!

Я говорю:

— Что гакое?

— Это ты, говоритъ, — Зозиньку изувѣчилъ? Признавайся: это вѣдь у тебя ея хвостикъ надъ окномъ приколочень?

Я говорю:

— Ну такъ что же такое за важность, что хвостикъ приколочень?

— А какъ же ты, говоритъ, это смѣлъ?

— А она, моль, какъ смѣла моихъ голубятъ ѣсть?

— Ну, важное дѣло твои голубята.

— Да и кошка, моль, тоже небольшая барыня.

Я уже, знаете, на возрастѣ-то поругиваться сталъ.

— Что, говорю, за штука такая кошка.

А та стрекоза:

— Какъ ты эдакъ смѣешь говорить: ты развѣ не знаешь, что это моя кошка и ее сама графиня ласкала; да съ этимъ ручкою хватъ меня по щекѣ, а я, какъ самъ тоже съ дѣтства былъ скоръ на руку, долго не думая, схватилъ отъ дверей грязную метлу, да ее метлою по талии...

Боже мой, чтò тутъ поднялось! Повели меня въ контору къ нѣмцу управителю судить, и онъ разсудилъ, чтобы меня какъ можно жесточе выпоротъ и потомъ съ конюшни долой и въ англицкій садъ для дорожки молоткомъ камешки бить... Отодрали меня ужасно жестоко, даже подняться я не могъ, и къ отцу на рогожѣ снесли, но это бы мнѣ ничего, а вотъ послѣднее осужденіе, чтобы стоять на колѣняхъ да камешки бить... это уже домучило меня до того, что я думалъ, думалъ, какъ себѣ помочь, и рѣшился съ своею жизнью по-

кончить. Припасъ я себѣ крѣпкую сахарную веревочку, у лакейченка ее выпросилъ, и пошелъ вечеромъ выкупался, а оттуда въ осиновый лѣсокъ за огуменникомъ, сталъ на колѣни, помолился за вся христіаны, привязалъ ту веревочку за сукъ, затравилъ петлю и всунулъ въ нее голову, Осталось скакнуть, да и вся-бѣ недолга была... Я бы все это отъ своего характера пресвободно и исполнилъ, но только что размахнулся да соскочилъ съ сука и повисъ, какъ гляжу уже я на землѣ лежу, а передо мною стоитъ цыганъ съ ножомъ и смѣется,—бѣлые - пребѣлые зубы, да такъ ночью середь черной морды и сверкаютъ.

— Что это, говорить,—ты, батракъ, дѣлаешь?

— А тебѣ, моль, что до меня за надобность?

— Или, пристаешь,—тебѣ жить худо?

— Видно, говорю,—не сахарно.

— Такъ чѣмъ своей рукой вѣшаться, пойдемъ, говорить,—лучше съ нами жить, авось иначе повиснешь.

— А вы кто такіе и чѣмъ живете? Вы вѣдь, небось, воры?

— Воры, говорить,—мы и воры, и мошенники.

— Да; вотъ видишь, говорю,—а при случаѣ, моль, вы, пожалуй, небось, и людей рѣжете?

— Случается, говорить,—и это дѣйствуемъ.

Я подумалъ, подумалъ: что тутъ дѣлать: дома завтра и послѣзавтра опять все то же самое, стой на дорожкѣ на колѣняхъ, да тюпъ да тюпъ молоточкомъ камешки бей, а у меня отъ этого ремесла уже на колѣнкахъ наросты пошли и въ ушахъ одно слышаніе было какъ надо мною всѣ насмѣхаются, что осудилъ меня вражій нѣмецъ за кошкинъ хвостъ цѣлую гору камня перемусорить. Смѣются всѣ: «А еще, говорятъ, спаситель называешься: господамъ жизнь спасъ». Просто терпѣнія моего не стало и, взгадавъ все это, что если не удавиться, то опять къ тому же надо вернуться, махнулъ я рукою, заплакалъ и пошелъ въ разбойники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тутъ этотъ хитрый цыганъ не далъ мнѣ опомниться и говоритъ:

— Чтобъ я, говоритъ, тебѣ повѣрилъ, что ты назадъ не уйдешь, ты долженъ мнѣ сейчасъ изъ барской конюшни пару коней вывести, да бери коней такихъ самыхъ наилучшихъ, чтобы мы на нихъ до утра далеко могли ускакать.

Я закручинился: страсть какъ мнѣ не хотѣлось воровать, однако, видно, назвавшись груздемъ, полѣзешь и въ кузовъ; и я, зная въ конюшнѣ всѣ ходы и выходы, безъ труда вывелъ за гумно пару лихихъ коней, кои совсѣмъ устали не вѣдали, а цыганъ еще до того сейчасъ досталъ изъ кармана на шнурочкѣ волчьи зубы и повѣсилъ ихъ и одному, и другому коню на шею, и мы съ цыганомъ сѣли на нихъ и поѣхали. Лошади, чуя на себѣ волчью кость, такъ неслись, что и сказать нельзя, и мы на нихъ къ утру стали за сто верстъ подъ городомъ Карачевомъ. Тутъ мы этихъ коней вразъ продали какому-то дворнику, взяли деньги и пришли къ одной рѣчкѣ и стали дѣлиться. За коней мы взяли триста рублей, разумѣется по тогдашнему, на ассигнацію, а цыганъ мнѣ даетъ всего одинъ серебряный цѣлковый и говоритъ:

— Вотъ тебѣ твоя доля.

Мнѣ это обидно показалось.

— Какъ, говорю,—я же тѣхъ лошадей кралъ и за то больше тебя пострадать могъ, а за что же моя доля такая маленькая?

— Потому, отвѣчаетъ,—что такая выросла.

— Это, говорю,—глупости: почему же ты себѣ много берешь?

— А, опять говоритъ,—потому, что я мастеръ, а ты еще ученикъ.

— Что, говорю, ученикъ,—ты это все врешь! да и пошло у насъ съ нимъ слово за слово и оба мы поруга-

лись. А наконецъ, я говорю: я съ тобою не хочу дальше идти, потому что ты подлець.

А онъ отвѣчаетъ:

— И отстань, братъ, Христа ради, потому что ты беспачпортный, еще съ тобою спутаешься.

Такъ мы и разошлись, и я было пошелъ къ засѣдателю, чтобы объявиться, что я сбѣглый, но только рассказалъ я эту свою исторію его писарю, а тотъ мнѣ и говорить:

— Дуракъ ты, дуракъ: на что тебѣ объявляться; есть у тебя десять рублей?

— Нѣтъ, говорю,—у меня одинъ цѣлковый есть, а десяти рублей нѣту.

— Ну такъ, можетъ быть, еще что-нибудь есть, можетъ быть серебряный крестъ на шеѣ, или вонъ это что у тебя въ ухѣ: серьга?

— Да, говорю,—это сережка.

— Серебряная?

— Серебряная, и крестъ, моль, тоже имѣю отъ Митрофанія серебряный.

— Ну, скидавай, говорить,—ихъ скорѣе и давай ихъ мнѣ, я тебѣ отпускной видъ напишу и уходи въ Николаевъ, тамъ много людей нужно и страсть что туда отъ насъ бродягъ бѣжить.

Я ему отдалъ цѣлковый, крестъ и сережку, а онъ мнѣ видъ написалъ и засѣдателю печать приложилъ и говорить:

— Вотъ за печать съ тебя надо бы прибавку, потому что я такъ со всѣхъ беру, но только уже жалѣю твою бѣдность и не хочу, чтобы моихъ рукъ виды не въ совершенствѣ были. Ступай, говорить, и кому еще нужно—ко мнѣ посылай.

— Ладно, думаю: хорошъ милостивецъ: крестъ съ шеи снялъ, да еще и жалѣетъ. Никого я къ нему не посылаю, а все только шель Христовымъ именемъ безъ грошика мѣднаго.

Прихожу въ этотъ городъ и сталъ на торжокъ, чтобы наниматься.—Народу наемнаго самая малость вышла,—

три человѣка и тоже все должно быть точно такіе какъ я, полубродяжки, а нанимать выбѣжало много людей и всѣ такъ насъ нарасхватъ и рвутъ, тотъ къ себѣ, а этотъ на свою сторону. На меня напалъ одинъ баринъ, огромный преогромный, больше меня и прямо всѣхъ отъ меня отпихнулъ и схватилъ меня за обѣ руки и поволокъ за собою: самъ меня ведетъ, а самъ другихъ во всѣ стороны кулаками расталкиваетъ и преподло бранится, а у самого на глазахъ слезы. Привелъ онъ меня въ домишко, не вѣсть изъ чего наскоро сколоченный, и говорить:

— Скажи правду: ты вѣдь бѣглый?

Я говорю:

— Бѣглый.

— Воръ, говорить,—или душегубецъ, или просто бродяга?

Я отвѣчаю:

— На что вамъ это разспрашивать?

— А чтобы лучше знать, къ какой ты должности годенъ.

Я рассказалъ все, отчего я сбѣжалъ, а онъ вдругъ кинулся меня цѣловать и говорить:

— Такого мнѣ и надо; такого мнѣ и надо! Ты, говорить, вѣрно, если голубяты жалѣлы, такъ ты можешь мое дитя выходить: я тебя въ няньки беру.

Я ужаснулся:

— Какъ, говорю:—въ няньки? я къ этому обстоятельству совсѣмъ не сроденъ.

— Нѣтъ, это пустяки, говорить, пустяки: я вижу, что ты можешь быть нянькой; а то мнѣ бѣда, потому что у меня жена съ ремонтромъ отсюда съ тоски сбѣжала и оставила мнѣ грудную дочку, а мнѣ ее кормить некогда и нечѣмъ, такъ ты ее мнѣ выкормишь, а я тебѣ по два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ стану жалованья платить.

— Помилуйте, отвѣчаю,—тутъ не о двухъ цѣлковыхъ, а какъ я въ этой должности справлюсь?

— Пустяки, говорить:—вѣдь ты русскій человѣкъ? Русскій человѣкъ со всѣмъ справится.

— Да, что же, моль,—хоть и я русскій, но вѣдь я муж-

чина, и чего нужно чтобы грудное дитя воспитывать, тѣмъ не одаренъ.

— А я, говорить, — на этотъ счетъ тебѣ въ помощь у жида козу куплю: ты ее дой и тѣмъ молочкомъ мою дочку воспитывай.

Я задумался и говорю:

— Конечно, молъ, съ козою отчего дитя не воспитать, но только все бы, говорю, кажется, вамъ женщину къ этой должности лучше имѣть.

— Нѣтъ, ты мнѣ про женщину, пожалуйста, отвѣчай, — не говори: изъ-за нихъ-то тутъ всѣ исторіи и поднимаются, да и брать ихъ не откуда, а ты, если мое дити нянчить не согласишься, такъ я сейчасъ казаковъ позову и велю тебя связать да и въ полицію, а оттуда по пересылкѣ отправятъ. Выбери теперь, что тебѣ лучше: опять у своего графа въ саду на дорожкѣ камни щелкать, или мое дитя воспитывать?

Я подумалъ: нѣтъ, уже назадъ не пойду, и согласился остаться въ нянькахъ. Въ тотъ же день мы купили у жида бѣлую козу съ козленочкомъ. Козленочка я закололъ и мы его съ моимъ баринкомъ въ лапшѣ съѣли, а козочку я подоилъ и ея молочкомъ началъ дитя питать. Дитя было маленькое и такое поганое, жалкое: все пищитъ. Баринъ мой, отецъ его, изъ полячковъ былъ чиновникъ и никогда, прохвостикъ, дома не сидѣлъ, а все бѣгалъ по своимъ товарищамъ въ карты играть, а я одинъ съ этой моей воспитомкой, съ дѣвчурочкой, и страшно я сталъ къ ней привыкать, потому что скука для меня была тутъ несносная, и я отъ нечего дѣлать все съ ней упражнялся. То положу дитя въ корытце, да хорошенько ее вымою, а если гдѣ на кожечкѣ сыпка зацвѣтетъ, я ее сейчасъ мучкой подсыплю; или головенку ей расчесываю, или на колѣняхъ качаю ее, либо, если дома очень соскучусь, суну ее за пазуху да пойду на лиманъ бѣлье полоскать, — и коза-то и та къ намъ привыкла, бывало, за нами тоже гулять идетъ. Такъ я дожиль до новаго лѣта и дитя мое подросло, и стало дыбки

стоять, но замѣчаю я, что у нея что-то ножки колесомъ идутъ. Я было на это барину показаль, но онъ ничего на то не уважилъ и сказалъ только:

— Я, говорить, тутъ чѣмъ причиненъ? снеси ее лѣкарю покажи: пусть посмотритъ.

Я понесъ, а лѣкаръ говорить:

— Это аглицкая болѣзнь, надо ее въ песокъ сажать.

Я такъ и началъ исполнять: выбралъ на бережку лимана такое мѣстечко, гдѣ песокъ есть, и какъ погожій теплый день, я заберу и козу, и дѣвочку, и туда съ ними удаляюсь. Разгребу руками теплый песочекъ и закопаю туда дѣвочку по поясъ и дамъ ей палочекъ играть и камушковъ, а коза наша вокругъ насъ ходитъ, травку щиплетъ, а я сижу, сижу, руками ноги обхвативши, и засну, и сплю.

По цѣлымъ днямъ такимъ манеромъ мы втроемъ одни проводили и это мнѣ лучше всего было отъ скуки, потому что скука, опять повторю, была ужасная и особенно мнѣ тутъ весною, какъ я сталъ дѣвочку въ песокъ закапывать, да надъ лиманомъ спать, пошли разные безтолковые сны. Какъ усну, а лиманъ рокочетъ, а со степи теплый вѣтеръ на меня несетъ, такъ точно съ нимъ будто что-то плыветъ на меня чародѣйное и нападаетъ страшное мечтаніе: вижу, какія-то степи, коней и все меня будто кто-то зоветъ и куда-то манитъ: слышу даже имя кричить: «Иванъ! Иванъ! иди, братъ Иванъ!» Встрепенешься, инда вздрогнешь и плюнешь: тьфу, пропасти на васъ нѣтъ, чего вы меня вскликались! оглянешься кругомъ: — тоска; коза уже отойдетъ далеко, бродитъ, травку щиплетъ, да дитя закопано въ песокъ сидитъ, а больше ничего... Ухъ, какъ скучно! пустынь, солнце да лиманъ, и опять заснешь, а оно, это теченіе съ повѣтріемъ, опять въ душу лѣзетъ и кричитъ: «Иванъ! пойдѣмъ, братъ Иванъ!» Даже выругаешься, скажешь: да покажись же ты, лихо тебя возьми, кто ты такой, что меня такъ зовешь? И вотъ я такъ разъ озлобился и сижу да гляжу вполсна за лиманъ, и оттоль какъ облачко легкое поднялось и плыветъ и прямо на меня, думаю: тпру, куда

ты, благое, еще вымочишь! Анъ вдругъ вижу это надо мною стоитъ тотъ монахъ съ бабьимъ лицомъ, котораго я давно, фореиторомъ бывши, кнутомъ засѣкъ. Я говорю: тпружи! пошелъ прочь! А онъ этакъ ласково звенить: «пойдемъ, Иванъ, братъ, пойдемъ! тебѣ еще много надо терпѣть, а потомъ достигнешь». Я его во снѣ выругалъ и говорю: «Куда я съ тобой пойду и чего еще достигать буду». А онъ вдругъ опять облакомъ сдѣлался и сквозь себя показалъ мнѣ и самъ не знаю что: степь, люди, такіе дикіе, сарацины, какъ вотъ бывають при сказкахъ въ Ерусланѣ и въ Бовѣ Королевичѣ; въ большихъ шапкахъ лохматыхъ и съ стрѣлами, на страшныхъ дикихъ коняхъ. И съ этимъ, что вижу, слышались мнѣ и гоготъ, и ржанье, и дикій смѣхъ, а потомъ вдругъ вихорь... взмело песокъ тучею и нѣтъ ничего, только гдѣ-то тонко колоколь тихо звонить и весь какъ алою зарею облитый большой бѣлый монастырь по вершинѣ показывается, а по стѣнамъ крылатые ангелы съ золотыми копьями ходять, а вокругъ море, и какъ который ангелъ по щиту копьемъ ударить, такъ сейчасъ вокругъ всего монастыря море всколышется и заплещетъ, и изъ бездны страшные голоса вопіють: «святъ!»

Ну, думаю,—опять это мнѣ про монашество пошло! и съ досадою проснулся и въ удивленіи вижу, что надъ моею барышнею кто-то стоитъ на песку на колѣняхъ самаго нѣжнаго вида, и рѣка-рѣкой разливается-плачетъ.

Я долго на это смотрѣлъ, потому что все думалъ: не длится ли мнѣ это видѣніе, но потомъ вижу, что оно не исчезаетъ, я и всталъ, и подхожу: вижу дама дѣвочку мою изъ песку выкопала и схватила ее на руки и цѣлуетъ, и плачетъ:

Я спрашиваю ее:

— Что надо?

А она ко мнѣ и бросилась и жметъ дитя къ груди, а сама шепчетъ:

— Это мое дитя, это дочь моя, это дочь моя!

Я говорю:

— Ну такъ что же въ этомъ такое?

— Отдай, говоритъ,—мнѣ ее.

— Съ чего же ты это, говорю — взяла, что я ее тебѣ отдамъ?

— Развѣ тебѣ, плачетъ, ее не жаль? видишь, какъ она ко мнѣ жметса.

— Жаться, моль, она глупый ребенокъ,—она тоже и ко мнѣ жметса, а отдать я ее не отдамъ.

— Почему?

— Потому, моль, что она мнѣ на соблюденіе повѣрена—вонъ и коза съ нами ходитъ, а я дитя долженъ отцу приносить.

Она, эта барынька, начала плакать и руки ломать:

— Ну, хорошо, говоритъ,—ну не хочешь дитя мнѣ отдать, такъ, по крайней мѣрѣ, не сказывай, говоритъ, моему мужу, а твоему господину, что ты меня видѣлъ, и приходи завтра опять сюда на это самое мѣсто съ ребенкомъ, чтобы я его еще поласкать могла.

— Это, моль,—другое дѣло,—это я обѣщаю и исполню.

И точно, я ничего про нее своему барину не сказалъ, а на утро взялъ козу и ребенка и пошелъ опять къ лиману, а барыня уже ждетъ. Все въ ямочкѣ сидѣла, а какъ насъ за видѣла, выскочила и бѣжить, и плачетъ, и смѣется, и въ обѣихъ ручкахъ дитю игрушечки суеть и даже на козу на нашу колокольчикъ на красной суконкѣ повѣсила, а мнѣ трубку и кисеть съ табакомъ и расческу.

— Кури, говоритъ,—пожалуйста, эту трубочку, а я буду дитя няньчить.

И такимъ манеромъ пошли у насъ тутъ надъ лиманомъ свиданія: барыня все съ дитемъ, а я сплю, а порой она мнѣ начнетъ рассказывать, что она того... замужъ въ своемъ мѣстѣ за моего барина насильно была выдана... злою махихою и того... этого мужа своего она не того... говоритъ, никакъ не могла полюбить. А того... этого... другого-то, ремонтера-то... что ли... этого любить и жалуется, что противъ воли, говоритъ, своей я ему... предана. Потому мужъ

мой, какъ самъ, говоритъ, знаешь, неаккуратной жизни, а этотъ съ этими... ну какъ ихъ?.. съ усиками, что ли, прахъ его знаетъ, и очень чисто, говоритъ, онъ завсегда одѣвается, и меня жалѣетъ, но только же, опять я, говоритъ, со всѣмъ съ этимъ все-таки не могу быть счастлива, потому что мнѣ и этого дитя жаль. А теперь мы, говоритъ, съ нимъ сюда пріѣхали и стоимъ здѣсь на квартирѣ у одного у его товарища, но я живу подъ большимъ опасеніемъ, чтобы мой мужъ не узналъ и мы скоро уѣдемъ и я опять о дитѣ страдать буду.

— Ну, что же, молю, дѣлать: если ты, презрѣвъ законъ и религію, свой обрядъ измѣнила, то должна и пострадать.

А она начнетъ плакать и отъ одного дня разъ отъ разу больше и жалостнѣе стала плакать, и мнѣ жалобами докучаетъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего стала все мнѣ деньги сулить. И, наконецъ, пришла послѣдній разъ прощаться и говоритъ:

— Послушай, Иванъ (она уже имя мое знала), послушай, говоритъ, — что я тебѣ скажу: нынче, говоритъ, онъ самъ сюда къ намъ придетъ.

Я спрашиваю:

— Кто это такой?

Она отвѣчаетъ:

— Ремонтеръ.

Я говорю:

— Ну, такъ что же мнѣ за причина?

А она повѣствуетъ, что будто онъ сею ночью страсть какъ много денегъ въ карты выигралъ и сказалъ, что хочетъ ей въ удовольствіе мнѣ тысячу рублей дать за то, чтобы я, то-есть, ей ея дочку отдалъ.

— Ну, уже вотъ этого, говорю, — никогда не будетъ.

— Отчего же, Иванъ? отчего же? пристаегъ. — Неужто гебѣ мсня и ее не жаль, что мы въ разлукѣ?

— Ну, молю, жаль, или не жаль, а только я себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя и не про-

дамъ, а потому всѣ ремонтеровы тысячи пусть при немъ остаются, а твоя дочка при мнѣ.

Она плакать, а я говорю:

— Ты лучше не плачь, потому что мнѣ все равно.

Она говорить:

— Ты безсердечный, ты каменный.

А я отвѣчаю:

— Совсѣмъ, молъ, я не каменный, а такой же какъ и всѣ, костяной да жильный, а я человѣкъ должностной и вѣрный: взялся хранить дитя и берегу его.

Она убѣждаетъ, что вѣдь посуды, говорить, и самому же дитяти у меня лучше будетъ!

— Опять таки,—отвѣчаю,—это не мое дѣло.

— Неужто же, вскрикиваетъ она,—неужто же мнѣ опять съ дитемъ моимъ должно разставаться?

— А что же, говорю,—если ты, презрѣвъ законъ и религію...

Но только не договорилъ я этого, что хотѣлъ сказать, какъ вижу къ намъ по степи легкій уланъ идетъ. Тогда полковые еще какъ должно ходили, съ форсомъ, въ настоящей военной формѣ, не то что какъ нынѣшніе, въ родѣ писарей. Идетъ этотъ уланъ-ремонтёръ такой осанистый, руки въ боки, а шинель широко на опашку несетъ... силы въ немъ, можетъ быть, и нисколько нѣтъ, а форсисто... Гляжу я на этого гостя и думаю: вотъ бы мнѣ отлично съ ними со скуки поиграть. И рѣшилъ, что чуть если онъ ко мнѣ какое слово заговорить, я ему непременно какъ ни можно хуже согрублю и авось, молъ, мы съ нимъ здѣсь, Богъ дастъ, въ свое удовольствіе подеремся. Это, восторгаюсь, будетъ чудесно, и того, что мнѣ въ это время говорить и со слезами моя барынька лепечетъ, уже не слушаю, а только играть хочу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Только, рѣшивши себѣ такую потѣху добыть, я думаю: какъ бы мнѣ лучше этого офицера раздразнить, чтобы онъ

на меня нападать сталь? и взялъ я сѣль, вынулъ изъ кармана гребень и зачалъ имъ себя будто въ головѣ чесать; а офицеръ подходитъ и прямо къ той своей барынкѣ.

Она ему—та-та-та, та-та: все значить о томъ, что я ей дитя не даю.

А онъ ее по головкѣ гладить и говорить:

— Ничего это, душенька, ничего: я противъ него сейчасъ средство найду. Деньги, говорить,—раскинемъ, у него глаза разбѣжятся; а если и это средство не подѣйствуетъ, такъ мы просто отнимемъ у него ребенка, и съ этимъ самымъ словомъ подходитъ ко мнѣ и подаетъ мнѣ пучокъ ассигнацій, а самъ говорить:

— Вотъ, говорить,—тутъ ровно тысяча рублей,—отдай намъ дитя, а деньги бери и ступай куда хочешь.

А я нарочно невѣжничая, не скоро ему отвѣчаю: прежде всталъ потихонечку; потомъ гребень на поясокъ повѣсилъ, откашлянулся и тогда молвилъ:

— Нѣтъ, говорю,—это твое средство, ваше благородіе, не подѣйствуетъ, а самъ взялъ, вырвалъ у него изъ рукъ бумажки, поплевалъ на нихъ да и бросилъ, говорю: тубо—пиль, аппортъ, подними!

Онъ огорчился, весь покраснѣлъ, да на меня; но мнѣ, сами можете видѣть мою комплекцію,—что же мнѣ съ форменнымъ офицеромъ долго справляться: я его такъ слегка пихнулъ, онъ и готовъ: полетѣлъ и шпоры вверхъ задралъ, а сабля на сторону отогнулася. Я сейчасъ топнулъ, на эту саблю его ногой наступилъ и говорю:

— Вотъ тебѣ, говорю, и храбрость твою подъ ногой придавлю.

Но онъ хоть силой плохъ, но отважный былъ офицерикъ: видитъ, что сабельки ему у меня уже не отнять, такъ распоясалъ ее, да съ кулачками ко мнѣ борзо кидается... Разумѣется, и эдакъ онъ отъ меня ничего, кромѣ тѣлеснаго огорченія, для себя не получилъ, но понравилось мнѣ какъ онъ характеромъ своимъ былъ гордъ и благородень: я не беру его денегъ и онъ ихъ тоже не сталъ подбирать.

Какъ перестали мы драться, я кричу:

— Возьми же, ваше сіятельство, свои деньги подбери, на прогоны годится!

Что же вы думаете: вѣдь не поднялъ, а прямо бѣжить и за дитя хватается; но, разумѣется, онъ беретъ дитя за руку, а я сейчасъ же хватъ за другую и говорю:

— Ну, тяни его: на чію половину больше оторвется:

Онъ кричитъ:

— Подлецъ, подлецъ, извергъ! и съ этимъ въ лицо мнѣ плюнулъ и ребенка бросилъ, а уже только эту барыньку увлекаетъ, а она въ отчаяніи прежалобно вопить и, насильно влекома, за нимъ хотя слѣдуетъ, но глаза и руки сюда ко мнѣ и къ дитѣ простираетъ... и вотъ вижу я и чувствую какъ она, точно живая, пополамъ рвется, половина къ нему, половина къ дитяти... А въ эту самую минуту отъ города вдругъ вижу бѣжить мой баринъ, у котораго я служу, и у него въ рукахъ пистолетъ и онъ все стрѣляетъ изъ того пистолета да кричитъ:

— Держи ихъ, Иванъ! держи.

Ну, какъ же, думаю себѣ, такъ я тебѣ и стану ихъ держать? Пускай любятся! да догналъ барыньку съ уланомъ, даю имъ дитя и говорю:

— Нате вамъ этого пострѣла! только уже теперь и меня, говорю,—увозите, а то онъ меня правосудію сдастъ, потому что я по незаконному паспорту.

Она говоритъ:

— Уѣдемъ, голубчикъ Иванъ, уѣдемъ, будемъ съ нами жить.

Такъ мы и ускакали и дѣвчурку, мою воспитомку, съ собой увезли, а тому моему барину коза да деньги, да мой паспортъ остались.

Всю дорогу я съ этими своими съ новыми господами все на козлахъ на тарантасѣ до самой Пензы ѣдучи сидѣлъ и думалъ: хорошо ли же это я сдѣлалъ, что я офицера билъ? вѣдь онъ присягу принималъ, и на войнѣ съ саблею отечество защищаетъ и самъ государь ему, по его

чину, можетъ быть, «вы» говорить, а я, дуракъ, его такъ обидѣлъ!.. А потомъ это передумаю, начну другое думать: куда теперь меня еще судьба опредѣлитъ, а въ Пензѣ тогда была ярмарка и уланъ мнѣ говорить:

— Послушай, Иванъ, ты вѣдь, я думаю, знаешь, что мнѣ тебя при себѣ держать нельзя.

Я говорю:

— Почему же?

— А потому, отвѣчаетъ, что я человекъ служащій, а у тебя никакого паспорта нѣтъ.

— Нѣтъ, у меня былъ, говорю,—паспортъ, только фальшивый.

— Ну, вотъ видишь, отвѣчаетъ,—а теперь у тебя и такого нѣтъ. На же вотъ тебѣ двѣсти рублей денегъ на дорогу и ступай съ Богомъ куда хочешь.

А мнѣ, признаюсь, ужасъ какъ не охота была никуда отъ нихъ идти, потому что я то дитя любилъ; но дѣлать нечего, говорю:

— Ну, прощайте, говорю,—покорно васъ благодарю на вашемъ награжденіи, но только еще вотъ что:

— Что, спрашиваетъ,—такое?

— А то, отвѣчаю,—что я передъ вами виноватъ, что дрался съ вами и грубилъ.

Онъ разсмѣялся и говоритъ:

— Ну, что это, Богъ съ тобой, ты добрый мужикъ.

— Нѣтъ-съ, это отвѣчаю:—мало ли что добрый, это такъ нельзя, потому что это у меня можетъ на совѣсти остаться: вы защитникъ отечества, и вамъ, можетъ быть, самъ государь «вы» говорилъ.

— Это, отвѣчаетъ,—правда: намъ, когда чинъ даютъ, въ бумагѣ пишутъ: «жалуемъ *васъ* и повелѣваемъ *васъ* почитать и уважать».

— Ну, позвольте же, говорю:—я этого никакъ дальше снести не могу...

— А что же, говоритъ,—теперь съ этимъ дѣлать. Что ты меня сильнѣе и поколотилъ меня, того назадъ не вынешь.

— Вынуть, говорю,—нельзя, а по крайности для облегченія моей совѣсти, какъ вамъ угодно, а извольте сколько-нибудь разъ меня сами ударить, и взявъ обѣ щеки передъ нимъ надуль.

— Да за что же? говорить:—за что же я тебя стану бить?

— Да такъ, отвѣчаю,—для моей совѣсти,—чтобы я не безъ наказанія своего государя офицера оскорбилъ.

Онъ засмѣялся, а я опять надуль щеки, какъ можно полнѣе, и опять стою.

Онъ спрашиваетъ:

— Чего же ты это надуваешься, зачѣмъ гримасничаешь?

А я говорю:

— Это я по-солдатски, по артикулу приготовился: извольте, говорю,—меня съ обѣихъ сторонъ ударить, и опять щеки надуль; а онъ вдругъ вмѣсто того, чтобы меня бить, сорвался съ мѣста и ну цѣловать меня и говорить:

— Полно, Христа ради, Иванъ, полно: ни за что на свѣтѣ я тебя ни разу не ударю, а только уходи поскорѣе, пока Машеньки съ дочкѣй дома нѣтъ, а то онѣ по тебѣ очень плакать будутъ.

— А! это, молъ, иное дѣло, зачѣмъ ихъ огорчать?

И хоть не хотѣлось мнѣ отходить, но дѣлать нечего: такъ и ушелъ поскорѣй, не прощавшись, и вышелъ за ворота и сталъ, и думаю:

— Куда я теперь пойду? И взаправду сколько времени прошло съ тѣхъ поръ какъ я отъ господъ бѣжалъ и бродяжу, а все я нигдѣ мѣста подъ собой не согрѣю... Шабашъ, думаю: пойду въ полицію и объявлюсь, но только, думаю, опять теперь тѣ нескладно, что у меня теперь деньги есть, а въ полиціи ихъ всѣ отберутъ: дай же хоть что-нибудь изъ нихъ потрачу, хоть чаю съ кренделями въ трактирѣ попью въ свое удовольствіе. И вотъ я пошелъ на ярмарку въ трактиръ, спросилъ чаю съ кренделями и долго пилъ, а потомъ вижу, долше никакъ невозможно продолжать и пошелъ походить. Выхожу за Суру за рѣку на

степь, гдѣ тамъ стоятъ конскіе косяки и при нихъ же тутъ и татары въ кибиткахъ. Всѣ кибитки одинаковыя, но одна пестрая-препестрая, а вокругъ нея много разныхъ господъ занимаютъ, ѣздовыхъ коней пробуютъ. Разные—и штатскіе, и военные, и помѣщики, которые пріѣхали на ярмарку, всѣ стоятъ трубки курятъ, а посреди ихъ на пестрой кошмѣ сидитъ тонкій, какъ жердь, длинный степенный татаринъ въ штучномъ халатѣ и въ золотой тюбетейкѣ. Я оглядаюсь и видя одного человѣка, который при мнѣ въ трактирѣ чай пилъ, спрашиваю его: что это такой за важный татаринъ, что онъ одинъ при всѣхъ сидитъ? А мнѣ тотъ человѣкъ отвѣчаетъ:

— Нешто ты, говоритъ, его не знаешь: это ханъ Джангарь.

— Что, молъ, еще за ханъ Джангарь?

А тотъ и говоритъ, ханъ Джангарь, говоритъ,—первый степной коневодъ, его табуны ходятъ отъ самой Волги до самаго Урала во всѣ Рынь-пески и самъ онъ, этотъ ханъ Джангарь, въ степи все равно что царь.

— Развѣ, говорю,—эта степь не подъ нами?

— Нѣтъ; она, отвѣчаетъ,—подъ нами, но только намъ ее никакъ достать нельзя, потому что тамъ до самаго Каспія либо солончаки, либо одна трава да птицы по поднебесью выются и чиновнику тамъ совсѣмъ взять нечего, вотъ по этой причинѣ, говоритъ, ханъ Джангарь тамъ и царюетъ, и у него тамъ, въ Рынь-пескахъ, говорятъ, есть свои шихи и шихъ-сады, и молозады, и мамы, и азіи, и дербыши, и уланы, и онъ ихъ всѣхъ, какъ ему надо, наказываетъ, а они тому рады повиноваться.

Я эти слова слушаю, а самъ смотрю, что въ то самое время одинъ татарченокъ пригонилъ передъ этого хана небольшую бѣлую кобылку и что-то залопоталъ; а тотъ всталъ, взялъ кнутъ на длинномъ кнутовищѣ и сталъ прямо противъ кобылицыной головы и кнутъ ей ко лбу вытянулъ и стоитъ. Но вѣдь какъ, я вамъ доложу, разбойникъ стоитъ? просто статуи великолѣпный, на котораго на самого заглядѣться надо, и сейчасъ по немъ видно, что онъ въ конѣ

все нутро соглядаетъ. А какъ я по этой части самъ съ дѣтства былъ наблюдателенъ, то мнѣ видно, что и сама кобылица-то эта зреть въ немъ знатока, и сама вся на вытяжкѣ передъ нимъ держится: на-де, смотри на меня и любуйся! И такимъ манеромъ онъ, этотъ степенный татаринъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ на эту кобылицу и не обходилъ ее, какъ дѣлаютъ наши офицеры, что по суетливости все вокругъ коня мычутся, а онъ все съ одной точки взиралъ и вдругъ кнутъ опустилъ, а самъ персты у себя на рукѣ молча поцѣловалъ: «дескать антикъ!» и опять на кошмѣ, склавши накрестъ ноги, сѣлъ, а кобылица сейчасъ ушми запряла, фыркнула и заиграла.

Господа, которые тутъ стояли, и пошли на нее въ перебой торговаться: одинъ даетъ сто рублей, а другой полтора и такъ далѣе все большую другъ противъ друга цѣну нагоняютъ. Кобылица была, точно, дивная, ростомъ не великонька, въ подобье арабской, но стройненькая, головка маленькая, глазокъ полный, яблочкомъ, ушки сторожкія; бочка самые звонкіе, воздушные, спинка какъ стрѣлка, а ножки легкія, точеныя, самыя уносистыя. Я, какъ подобной красоты былъ любитель, то никакъ глазъ отъ этой кобылицы не отвлеку. А ханъ Джангаръ видитъ, что на всѣхъ отъ нея зорость пришла и господа на нее какъ оглашенные цѣну наполняютъ, кивнулъ чумазому татарченку, а тотъ какъ прыгъ на нее, на лебедушку, да и ну ее гонить,— сидитъ, знаете, по своему, по-татарски, колѣнками ее ежить, а она подъ нимъ окрыляется и точно птица летитъ, и не всколыхнетъ, а какъ онъ ей къ холочкѣ принагнется, да на нее гикнетъ, такъ она такъ вмѣстѣ съ пескомъ въ одинъ вихоръ и воскурится. Ахъ, ты, змѣя! думаю себѣ, ахъ ты стрепеть степной, аспидскій! гдѣ ты только могла такая зародиться? И чувствую, что рванулась моя душа къ ней, къ этой лошади, родной страстию. Пригонилъ ее татарчище назадъ, она пыхнула сразу въ обѣ ноздри, выдулась и всю усталъ сбросила и больше не дыхнетъ и ни сапнетъ. Ахъ, ты, думаю, милушка; ахъ ты милушка! Кажется спроси бы

у меня за нее татаринъ не то что мою душу, а отца и мать родную, и тѣхъ бы не пожалѣлъ—но гдѣ было о томъ и думать, чтобы этакого летуна достать, когда за нее между господами и ремонтерами невѣсть какая цѣна слагалась, но и это еще было все ничего, какъ вдругъ тутъ еще торгъ не былъ конченъ, и никому она не досталась, какъ видимъ изъ-за Суры, отъ Селиксы, гонить на ворономъ конѣ борзый всадникъ, а самъ широкою шляпой машеть и подлетѣлъ, соскочилъ, коня бросилъ и прямо къ той къ бѣлой кобылицѣ и сталъ опять у нея въ головахъ, какъ и первый статуи, и говорить:

— Моя кобылица.

А ханъ отвѣчаетъ:

— Какъ не твоя: господа мнѣ за нее пятьсотъ монетовъ даютъ.

А тотъ всадникъ—татарчище этакій огромный и пузатый, морда загорѣла и вся облупилась, словно кожа съ нея сорвана, а глаза малые точно щелки, и ореть сразу:

— Сто монетовъ больше всѣхъ даю!

Господа взъерепенились, еще больше сулять, а сухой ханъ Джангаръ сидитъ да губы цмокаетъ, а отъ Суры съ другой стороны еще всадникъ татарчище гонить на гривастомъ конѣ, на игренемъ, и этотъ опять весь худой, желтый, въ чемъ кости держатся, а еще озорнѣе того, что первый приѣхалъ. Этотъ съерзнулъ съ коня и какъ гвоздь воткнулся передъ бѣлой кобылицей и говорить:

— Всѣмъ отвѣчаю: хочу, чтобы моя была кобылица!

Я и спрашиваю сосѣда: въ чемъ тутъ у нихъ дѣло зависить. А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить, дѣло зависить отъ очень большого хана-Джангарова понятія. Онъ, говорить, не одинъ разъ, а чуть не всякую ярмарку тутъ такую штуку подводитъ, что прежде всѣхъ своихъ обыкновенныхъ коней, коихъ пригонить сюда, распродаетъ, а потомъ въ послѣдній день, михорь его знаетъ откуда, какъ изъ-за пазухи выйметъ такого коня, или двухъ, что консеры не знаютъ что дѣлаютъ;

а онъ, хитрый татаринъ, глядитъ на это, да тѣшится и еще деньги за то получаетъ. Эту его привычку знавши, всѣ уже такъ этого послѣдыша отъ него и ожидаютъ, и вотъ оно такъ и теперь вышло: всѣ думали, ханъ нонѣ уѣдетъ и онъ, точно, ночью, уѣдетъ, а теперь ишь какую кобылицу вывелъ...

— Диво, говорю, какая лошадь!

— Подлинно диво,—онъ ее, говорятъ,—къ ярмаркѣ все-реди косяка пригонилъ, и такъ гналъ, что ее за другими конями никому видѣть нельзя было, и никто про нее не зналъ, опричь этихъ татаръ, что пріѣхали, да и тѣмъ онъ казалъ, что кобылица у него не продажная, а завѣтная, да ночью ее отъ другихъ отлучилъ и подъ Мордовскій ишимъ въ лѣсъ отогналъ и тамъ на полянѣ съ особымъ пастухомъ пасъ, а теперь вдругъ ее выпустилъ и продавать сталъ, и ты погляди, что изъ-за нея тутъ за чудеса будутъ, и что онъ, собака, за нее возьметъ, а если хочешь, ударимся объ закладъ, кому она достанется?

— А что, моль, такое: изъ-за чего намъ биться?

— А изъ-за того, отвѣчаетъ,—что тутъ страсть, что сейчасъ почнется: и всѣ господа непременно спятятся, а лошадь который нибудь вотъ изъ этихъ двухъ азіатовъ возьметъ.

— Что же они, спрашиваю: — очень что ли богаты?

— И богатые, отвѣчаетъ, — и озорные охотники: они свои большіе косяки гоняютъ и хорошей, завѣтной лошади другъ другу въ жизнь не уступятъ. Ихъ всѣ знаютъ: этотъ, брюхастый, что вся морда облуплена, это называется Бакшей Отучевъ, а худищій, что однѣ кости ходятъ, Ченкунъ Емгурчевъ,—оба злые охотники, и ты только смотри, что они за потѣху сдѣлаютъ.

Я замолчалъ и смотрю: господа, которые за кобылицу торговались, уже отступились отъ нея и только глядятъ, а тѣ два татарина другъ дружку отпихиваютъ и все хана Джангара по рукамъ хлопаютъ, а сами за кобылицу держатся и всѣ трясутся да кричатъ; одинъ кричитъ:

— Я даю за нее, кромѣ монетовъ, еще пять головъ (значить пять лошадей), а другой вопить:

— Вретъ твоя мордамъ, я даю десять.

Бакшей Отучевъ кричить:

— Я даю пятнадцать головъ.

А Чепкунъ Емгурчеевъ:

— Двадцать.

Бакшей:

— Двадцать пять.

А Чепкунъ:

— Тридцать.

А больше ни у того, ни у другого видно уже нѣтъ... Чепкунъ крикнулъ: тридцать, и Бакшей даетъ тоже только тридцать, а больше нѣтъ; но за то Чепкунъ еще въ придачу сѣдло сулить, а Бакшей сѣдло и халатъ, и Чепкунъ халатъ скидаетъ, а больше опять другъ друга имъ нечѣмъ одолѣвать. Чепкунъ крикнулъ: слушай меня, ханъ Джангаръ: я домой приѣду, я къ тебѣ свою дочь пригоню, и Бакшей тоже дочь сулить, а больше опять другъ друга нечѣмъ пересилить. Тутъ вдругъ вся татарва, кои тутъ это торговище зрѣли, заорали, загалдѣли по своему; ихъ разнимаютъ, чтобы до разоренія другъ друга не довели, тормошатъ ихъ, Чепкуна и Бакшея, въ разныя стороны, въ бока ихъ тычутъ, уговариваютъ.

Я спрашиваю у сосѣда:

— Скажи, пожалуйста, что это такое у нихъ теперь пошло?

А вотъ, видишь, говоритъ: — этимъ князьямъ, которые ихъ разнимаютъ, имъ Чепкуна съ Бакшеемъ жалко, что они очень заторговались, такъ вотъ они ихъ разлучаютъ, чтобы опомнились и какъ нибудь другъ дружкѣ честию кобылицу уступили.

— Какъ же, спрашиваю: — можно ли, чтобы они другъ дружкѣ ее уступили, когда она обоимъ имъ такъ нравится? Этого быть не можетъ.

— Отчего же, отвѣчаетъ; — азіаты народъ разсудительный

и степенный: они разсудятъ, что зачѣмъ напрасно имѣніе терять и хану Джангару дадутъ сколько онъ просить, а кому коня взять съ общаго согласія наперепоръ пустятъ.

Я любопытствую:

— Что же, молъ, такое это значить: «наперепоръ».

— А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Нечего спрашивать, смотри, это видѣть надо, а оно сейчасъ начинается.

Смотрю я и вижу, что и Бакшей Отучевъ и Чепкунъ Емгурчеевъ оба будто стихали и у тѣхъ своихъ татаръ мировщиковъ вырываются и оба другъ къ другу бросились, подбѣжали и по рукамъ бьютъ.

— Стодѣ! дескать,—поладили.

И тотъ то-же самое отвѣчаетъ:

— Стодѣ: поладили!

И оба въ разъ съ себя и халаты долой, и бешметы, и чевяки сбросили, и ситцевыя рубахи сняли, и въ однихъ широкихъ полосатыхъ портищахъ остались и плюхъ одинъ противъ другого, сѣли на землю, какъ курохтаны степные и сидятъ.

Въ первой разъ мнѣ этакое диво видѣть доводилось и я смотрю, что дальше будетъ? А они другъ дружкѣ лѣвыя руки подали и крѣпко ихъ держатъ, ноги растопырили и ими другъ дружкѣ слѣдами въ слѣды уперлись и кричатъ: «подавай!»

Что такое они себѣ требуютъ «подавать» я не предвижу, но тѣ, татарва-то, изъ кучки отвѣчаютъ.

— Сейчасъ, бачка, сейчасъ.

И вотъ вышелъ изъ этой кучки татаринъ старый, степенный такой, и держитъ въ рукахъ двѣ здоровыя нагайки и сравниваетъ ихъ въ рукахъ и кажется всей публикѣ и Чепкуну съ Бакшеемъ: смотрите, говорить, обѣ штуки ровныя.

— Ровныя, кричатъ татарва,—всѣ мы видимъ, что благородно сдѣланы, плети ровныя! Пусть садятся и начинаютъ.

А Бакшей и Чепкунъ такъ и рвутся, за нагайки хватаются.

Степennyй татаринъ и говорить имъ: «подождите» и самъ имъ эти нагайки подаеъ: одну Чепкуну, а другую Бакшею, да ладошами хлопаеъ тихо, разъ, два и три... И только что онъ въ третье хлопнулъ, какъ Бакшей стегнетъ изо всей силы Чепкуна нагайкою черезъ плечо по голой спинѣ, а Чепкунъ такимъ самымъ манеромъ на отвѣтъ его. Да и пошли эдакъ одинъ другого подбивать: въ глаза другъ другу глядятъ, ноги въ ноги слѣдками упираются и лѣвыя руки крѣпко жмутъ, а правыми съ нагайками порются... Ухъ, какъ они знатно поролись! Одинъ хорошо черкнетъ, а другой еще лучше. Глаза-то у обоихъ даже вытолбенѣли и лѣвыя руки замерли, а ни тотъ, ни другой не сдается.

Я спрашиваю у моего знакомца:

— Что же это, молъ, у нихъ, стало быть, въ родѣ какъ господа на дуэль что ли выходить?

— Да, отвѣчаеъ, — тоже такой поединокъ, только это говорить, не насчетъ чести, а чтобы не расходоваться.

— И что же, говорю, — они эдакъ могутъ другъ друга долго сбъчь?

— А сколько имъ, говорить, — похочется и сколько силы станеть.

А тѣ все хлещутся, а въ народѣ за нихъ споръ пошелъ: одни говорятъ: «Чепкунъ Бакшея перепореть», а другіе спорять: «Бакшей Чепкуна перебъеъ» и, кому хочется, объ закладъ держатъ—тѣ за Чепкуна, а тѣ за Бакшея, кто на кого больше надѣется. Поглядятъ имъ съ познаніемъ въ глаза и въ зубы, и на спины посмотрятъ и по какимъ-то примѣтамъ понимаютъ кто надежнѣе, за того и держатъ. Человѣкъ, съ которымъ я тутъ разговаривалъ, тоже изъ зрителей опытныхъ былъ и сталъ сначала за Бакшея держать, а потомъ говорить:

— Ахъ, квитъ, пропалъ мой двугривенный: Чепкунъ Бакшея собъеъ.

А я говорю:

— Почему то знать? Еще, молъ, ничего не можно утвердить: оба еще ровно сидятъ.

А тотъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Сидятъ-то, говоритъ, — они еще оба ровно, да не одна въ нихъ повадка.

— Что же, говорю, — по моему мнѣнію, Бакшей еще ярче стегаеть.

— А вотъ то, отвѣчаетъ, — и плохо. Нѣтъ, пропаль за него мой двугривенный: Чепкунъ его запереть.

Что это, думаю, такое за диковина: какъ онъ непонятно, этотъ мой знакомецъ, рассуждаетъ? А вѣдь онъ же, размышляю, должно быть въ этомъ дѣлѣ хорошо понимаетъ практику, когда объ закладъ бьется!

И стало мнѣ, знаете, очень любопытно и я къ этому знакомцу пристаю:

— Скажи, говорю, — милый человѣкъ, отчего ты теперь за Бакшею опасаясь?

А онъ говоритъ:

— Экой ты пригородникъ глупый: ты гляди, говоритъ, — какая у Бакшея спина.

Я гляжу: ничего, спина этакая хорошая, мужественная, большая и пухлая, какъ подушка.

— А видишь, говоритъ, — какъ онъ бьетъ?

Гляжу, и вижу тоже что бьетъ яростно, даже глаза на лобъ выпялилъ, и такъ его какъ ударить, такъ сразу до крови и рѣжетъ.

— Ну, а теперь сообрази, какъ онъ нутремъ дѣйствуетъ?

— Что же, молъ, такое нутремъ? — я вижу одно, что сидитъ онъ прямо, и весь ротъ открылъ и воздухъ въ себя шибко забираетъ.

А мой знакомецъ и говоритъ:

— Вотъ это-то и худо: спина велика, по ней весь ударъ просторно ложится; шибко бьетъ, запыхается, а въ открытый ротъ дышетъ, онъ у себя воздухомъ все нутро пережжетъ.

— Что же, спрашиваю: стало быть Чепкунъ надежнѣй?

— Непремѣнно, отвѣчаетъ, — надежнѣе: видишь, онъ весь

сухой, кости въ одной кожѣ держатся и спиночка у него какъ лопата коробленая, по ней ни за что по всей ударъ не падеть, а только мѣстечками, а самъ онъ, зри, какъ Бакшея спрехвала поливаетъ, не частить, а съ повадочкой, и плеть сразу не отхватываетъ, а подъ нею кожѣ напухаетъ даетъ. Вонъ она отъ этого, спина-то, у Бакшея вся и вздулась и какъ котель посинѣла, а крови нѣтъ и вся боль у него теперь въ тѣлѣ стоитъ, а у Чепкуна на худой спинѣ кожичка какъ на жареномъ поросенкѣ трещить, прорываетъ и оттого у него вся боль кровью сойдетъ и онъ Бакшея запереть. Понимаешь ты это теперь?

— Теперь, говорю,—понимаю, и, точно, тутъ я всю эту азіятскую практику сразу понялъ и сильно ею заинтересовался: какъ въ такомъ случаѣ надо полезнѣе дѣйствовать?

— А еще самое главное, указываетъ мой знакомецъ, замѣчай, говоритъ,—какъ этотъ проклятый Чепкунъ хорошо мордой такту соблюдаетъ; видишь: стегнетъ и на отвѣтъ самъ вытерпѣть и соразмѣрно глазами хлопнетъ, — это легче, чѣмъ пялить глаза, какъ Бакшей пялить, и Чепкунъ зубы стиснулъ и губы прикусилъ, это тоже легче, оттого, что въ немъ черезъ эту замкнутость излишняго горѣнія внутри нѣтъ.

Я всѣ эти его любопытныя примѣты на умъ взялъ, и самъ вглядываюсь и въ Чепкуна, и въ Бакшея, и все мнѣ стало самому понятно, что Бакшей непременно свалится, потому что у него уже и глазища совсѣмъ обьостолопѣли и губы веревочкой собрались и весь оскаль открыли... И точно, глядимъ, Бакшей еще разъ двадцать Чепкуна стегануль и все разъ отъ разу слабѣе, да вдругъ брякъ назадъ и лѣвую Чепкунову руку выпустилъ, а своею правою все еще двигаетъ, какъ будто бьетъ, но уже безъ памяти, совсѣмъ въ обморокѣ. Ну, тутъ мой знакомый говоритъ: «шабашъ: пропалъ мой двугривенный». Тутъ всѣ и татары заговарили, поздравляютъ Чепкуна, кричатъ:

— Ай, башка Чепкунъ Емгурчеевъ, ай, умнай башка—совсѣмъ пересѣкъ Бакшея, садись—теперь твоя кобыла.

И самъ ханъ Джангарь всталъ съ кошмы и похаживаетъ, а самъ губами шлепаетъ и тоже говоритъ:

— Твоя, твоя, Чепкунъ, кобылица: садись, гони, на ней отдыхай.

Чепкунъ и всталъ: кровь струить по спинѣ, а ничего виду болѣзни не даетъ, положилъ кобылицѣ на спину свой халатъ и бешметъ, а самъ на нее брюхомъ вскинулся и такимъ манеромъ поѣхалъ, и мнѣ опять скучно стало.

— Вотъ, думаю, все это уже и окончались, и мнѣ опять про свое положеніе въ голову полѣзеть; а мнѣ страхъ какъ не хотѣлось про это думать.

Но только, спасибо, мой тотъ знакомый человѣкъ говоритъ мнѣ:

— Подожди, не уходи, тутъ непременно что-то еще будетъ.

Я говорю:

— Чему же еще быть? все кончено.

— Нѣтъ, говоритъ, — не кончено, ты смотри, говоритъ, какъ ханъ Джангарь трубку жжетъ. Видишь, палить: это онъ непременно еще про себя чтонибудь думаетъ, самое азіятское.

Ну, а я себѣ думаю: ахъ, если еще что будетъ въ этомъ въ самомъ родѣ, то уже было бы только кому за меня заложиться, а уже я не спущу!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И что же вы изволите полагать? Все точно такъ и вышло, какъ мнѣ желалось: ханъ Джангарь трубку палить, а на него изъ чищобы гонить еще татарченокъ и уже этотъ не на такой кобылицѣ, какую Чепкунъ съ мировой у Бакшея взялъ, а караковый жеребенокъ, какого и описать нельзя. Если вы видали когданибудь, какъ по межѣ въ хлѣбахъ птичка коростель бѣжитъ,—по нашему, по-орловски, дергачъ зовется: крыла онъ растопырить, а задъ у него не какъ у прочихъ птицъ, не распространяется по воздуху,

а внизъ висить и ноги книзу пустить, точно онъ ему не надобны,—настоящее, выходить, будто онъ ѣдетъ по воздуху. Вотъ и этотъ новый конь, на эту птицу подобно, точно не своей силой неся.

Истинно не солгу скажу, что онъ даже не летѣлъ, а только земли за нимъ сзади прибавлялось. Я этакой легкости съ-роду не видалъ и не зналъ, какъ сего конька и цѣнить, на какія сокровища и кому его обречь, какому королевичу, а уже тѣмъ паче никогда того не думалъ, чтобы этотъ конь мой сталъ.

— Какъ онъ вашъ сталъ?—перебили рассказчика удивленные слушатели.

— Такъ-съ, мой, по всеѣмъ правамъ мой, но только на одну минуту, а какимъ манеромъ, извольте про это слушать, если угодно. Господа, по своему обыкновенію, начали и на эту лошадь торговаться и мой ремонтеръ, которому я дитя подарилъ, тоже встрялъ, а противъ нихъ, точно ровня имъ, взялся татаринъ Савакирей, этакой коротышъ, небольшой, но крѣпкій, верченый, голова бритая, словно точеная, и круглая, будто молодой кочашокъ крѣпенькій, а рожа какъ морковь красная, и весь онъ будто огородинка какая здоровая и свѣжая. Кричитъ: что, говорить, по-пустому карманъ терять нечего, клади кто хочетъ деньги за руки сколько ханъ просить, и давай со мною пороться, кому конь достанется?

Господамъ, разумѣется, это непристало и они отъ этого сейчасъ въ сторону; да и гдѣ имъ съ этимъ татаринѣмъ сѣчься, онъ бы, поганый, ихъ всеѣхъ перебилъ. А у моего ремонтера тогда уже и денегъ-то не очень густо было, потому онъ въ Пензѣ опять въ карты проигрался, а лошадь ему, я вижу, хочется. Вотъ я его сзади дернулъ за рукавъ, да и говорю: такъ и такъ, моль, лишняго сулить не надо, а что ханъ требуетъ, то дайте, а я съ Савакиреемъ сяду потягаться на мировую. Онъ было не хотѣлъ, но я упротсилъ, говорю:

— Сдѣлайте такую милость: мнѣ хочется.

Ну, такъ и сдѣлали.

— Вы съ этимъ татаринѣмъ... что же... сѣкли другъ друга?

— Да-съ, тоже такимъ манеромъ попоролись на мировую, и жеребенокъ мнѣ достался.

— Значить, вы татарина побѣдили?

— Побѣдилъ-съ не безъ труда, но пересилилъ его.

— Вѣдь это, должно быть, ужасная боль?

— Ммм... какъ вамъ сказать... да; вначалѣ есть-съ; и даже очень чувствительно, особенно потому, что безъ привычки, и онъ, этотъ Савакирей, тоже имѣлъ сноровку на ошухъ бить, чтобы кровь не спущать, но я противъ этого его тонкаго искусства свою хитрую сноровку взялъ: какъ онъ меня хлобыснетъ, я самъ подъ нагайкой спиною поддерну и такъ приноровился, что сейчасъ шкурку себѣ и сорву, такимъ манеромъ и обезопасился, и самъ этого Савакирея запороль.

— Какъ запороли, неужто совершенно до смерти?

— Да-съ, онъ черезъ свое упорство да черезъ политику такъ глупо себя допустилъ, что его больше и на свѣтѣ не стало, отвѣчалъ добродушно и безстрастно рассказчикъ, и видя, что слушатели всѣ смотрятъ на него, если не съ ужасомъ, то съ нѣмымъ недоумѣніемъ, какъ будто почувствовалъ необходимость пополнить свой рассказъ поясненіемъ.

— Видите, продолжалъ онъ,—это стало не отъ меня, а отъ него, потому что онъ во всѣхъ Рынь-пескахъ первый батырь считался и черезъ эту амбицію ни за что не хотѣлъ мнѣ уступить, хотѣлъ благородно вытерпѣть, чтобы позора черезъ себя на азіятскую націю не положить, но сомлѣлъ, бѣднячокъ, и противъ меня не вытерпѣлъ, вѣрно потому, что я въ ротъ грошъ взялъ. Ужасно это помогаетъ, и я все его грызъ, чтобы боли не чувствовать, а для разсѣянности мыслей въ умѣ удары считалъ, такъ мнѣ и ничего.

— И сколько же вы насчитали ударовъ?—перебили рассказчика.

— А вотъ навѣрно этого сказать не могу-сь, помню, что я сосчиталъ до двѣсти до восемьдесятъ и два, а потомъ вдругъ покачнуло меня въ родѣ обморока, я и сбился на минуту и уже такъ безъ счета пуцалъ, но только Савакирей тутъ же вскорѣ послѣдній разокъ на меня замахнулся, а уже ударить не могъ, самъ какъ кукла на меня впередъ и уналъ: посмотрѣли, а онъ мертвый... Тьфу, ты, дуракъ эдакій! до чего дотерпѣлся? Чуть я за него въ острогъ не попалъ. Татарва—тѣ ничего: ну, убилъ и убилъ: на то такія были кондиціи, потому что и онъ меня могъ засѣчь, но свои, наши русскіе, даже досадно какъ этого не понимаютъ, и взѣлись. Я говорю:

— Ну вамъ что такого? что вамъ за надобность?

— Какъ, говорятъ:—вѣдь ты азіята убилъ?

— Ну такъ, что же, молю, такое, что я его убилъ? Вѣдь это дѣло любовное. А развѣ лучше было бы, еслибы онъ меня засѣкъ.

— Онъ, говорятъ,—тебя могъ засѣчь и ему ничего, потому что онъ иновѣръ, а тебя, говорятъ, по христіанству надо судить. Пойдемъ, говорятъ, въ полицію.

Ну, я себѣ думаю: ладно, братцы, судите вѣтра въ полѣ, а какъ по моему полиція—нѣтъ ее ничего вреднѣе, то я сейчасъ шмыгъ за одного татарина, да за другого. Шепчу имъ:

— Спасайте, князья: сами видѣли, все это было на честномъ бою...

Они сжалились и пошли меня другъ за дружку перепихивать и скрыли.

— То есть, позвольте... Какъ же они васъ *скрыли*?

— Совсѣмъ я съ ними бѣжалъ въ ихъ степи.

— Въ степи даже!

— Да-сь, въ самые Рынь-пески.

— И долго тамъ провели?

— Цѣлые десять лѣтъ: двадцати трехъ лѣтъ меня въ Рынь-пески доставили, по тридцать четвертому году я оттуда назадъ убѣжалъ.

— Что же вамъ понравилось или нѣтъ въ степи жить?

— Нѣтъ-съ; что же тамъ можетъ нравиться? скучно и больше ничего; а только раньше уйти нельзя было.

— Отчего же: держали васъ татары въ ямѣ, или караулили?

— Нѣтъ-съ, они добрые, они этого неблагородства со мною не допускали, чтобы въ яму сажать, или въ колодки, а просто говорятъ: ты намъ, Иванъ, будь пріятель; мы, говорятъ, тебя очень любимъ, и ты съ нами въ степи живи и полезнымъ человѣкомъ будь,—коней намъ лѣчи, и бабамъ помогай.

— И вы лѣчили?

— Лѣчилъ; я такъ у нихъ за лѣкаря и былъ, и самихъ ихъ, и скотину всю, и коней, и овецъ, всего больше женъ ихнихъ, татарокъ, пользовалъ.

— Да вы развѣ умѣете лѣчить.

— Какъ бы вамъ это сказать... Да вѣдь въ этомъ какая же хитрость? Чѣмъ кто заболитъ — я сабуру дамъ, или галганнаго корня, и пройдетъ, а сабуру у нихъ много было. — въ Саратовѣ одинъ татаринъ цѣлый мѣшокъ нашель и привезъ, да они до меня не знали къ чему его опредѣлить.

— И обжились вы съ ними?

— Нѣтъ-съ, постоянно назадъ стремился.

— И неужто никакъ нельзя было уйти отъ нихъ?

— Нѣтъ-съ, отчего же, еслибы у меня ноги въ своемъ видѣ оставались, такъ я навѣрно давно бы назадъ въ отечество ушелъ.

— А у васъ что же съ ногами случилось?

— Подщитинень я былъ, послѣ перваго раза.

— Какъ это?.. Извините, пожалуйста, мы не совсѣмъ понимаемъ, что это значить, что вы были *подщитинены*?

— Это у нихъ самое обыкновенное средство: если они кого полюбятъ и удержать хотятъ, а тотъ тоскуетъ, или попытается бѣжать, то и сдѣлаютъ съ нимъ, чтобы онъ не ушелъ. Такъ и мнѣ, послѣ того какъ я разъ попробовалъ

уходить, да сбился съ дороги, они поймали меня и говорятъ: знаешь, Иванъ, ты, говорятъ, намъ будь пріятель и чтобы ты опять не ушелъ отъ насъ, мы тебѣ лучше пятки нарубимъ и малость щетинки туда пихнемъ, ну и испортили мнѣ такимъ манеромъ ноги, такъ что все время на карачкахъ ползалъ.

— Скажите, пожалуйста: какъ же они дѣлають эту ужасную операцію?

— Очень просто-съ: повалили меня на землю человекъ десять и говорятъ: «ты кричи, Иванъ, погромче кричи, когда мы начнемъ рѣзать: тебѣ тогда легче будетъ», и сверхъ меня сѣли, а одинъ такой искусникъ изъ нихъ въ одну минуточку мнѣ на подошвахъ шкурку подрѣзалъ да рубленой коневьей гривы туда засыпалъ и опять съ этой подсыпью шкурку завернулъ и стрункой зашилъ. Послѣ этого тутъ они меня, точно, дѣнь нѣсколько держали руки связавши,—все боялись, чтобы я себѣ ранъ не вредилъ и щетинку гноемъ не вывелъ; а какъ шкурка зажила и отпустили: теперь, говорятъ, здравствуй, Иванъ, теперь уже ты совсѣмъ нашъ пріятель и отъ насъ отсюда никогда не уйдешь.

Я тогда только всталъ на ноги, да и брякъ опять на землю: волосъ-то этотъ рубленый, что подъ шкурой въ пятахъ заросъ, такъ смертно больно въ живое мясо кололся, что не только шагу ступить невозможно, а даже устоять на ногахъ средства нѣтъ. Съ роду я не плакивалъ, а тутъ даже въ голосъ заголосилъ:

— Что же это, говорю, вы со мною, азіяты проклятые, устроили? Вы бы меня лучше, аспиды, совсѣмъ убили, чѣмъ этакъ цѣлый вѣкъ такимъ калѣкой быть, что ступить не могу.

А они говорятъ:

— Ничего, Иванъ, ничего, что ты по пустому дѣлу обижаешься.

— Какое же, говорю, — это пустое дѣло, такъ человекъ испортить, да еще чтобы не обижаться?

— А ты, говорятъ, — присноровись, прямо-то на слѣдки не наступай, а раскорячкомъ на косточкахъ ходи.

— Тьфу, вы подлецы! — думаю я себѣ, и отъ нихъ отвернулся и говорить не сталъ, и только порѣшилъ себѣ въ своей головѣ, что лучше уже умру, а не стану, молю, по вашему совѣту раскорякою на щиколдкахъ ходить; но потомъ полежалъ, полежалъ, — скука смертная одолѣла и сталъ присноравливаться и мало-по-малу пошелъ на щиколдкахъ ковылять. Но только они надо мной черезъ это ни мало не смѣялись, а еще говорили:

— Вотъ и хорошо, и хорошо, Иванъ, ходишь.

— Экое несчастіе, и какъ же вы это пустились уходить и опять попались?

— Да невозможно-съ; степь ровная, дорогъ нѣтъ и ѣсть хочется... Три дня шелъ, ослабѣлъ не хуже лиса, руками какую-то птицу поймалъ и сырую ее съѣлъ, а тамъ опять голодь и воды нѣтъ... Какъ идти?.. Такъ и упалъ, а они отыскиали меня и взяли и подщетинили.

Нѣкто изъ слушателей замѣтилъ по поводу этого подщетиниванья, что вѣдь это должно быть изъ рукъ вонъ неловко ходить на щиколдкахъ.

— По первоначалу даже очень нехорошо, отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ, — да и потомъ хоть я изловчился, а все много пройти нельзя. Но только за то они, эта татарва, не стану лгать, обо мнѣ съ этихъ поръ хорошо печалились:

— Теперь, говорятъ, тебѣ, Иванъ, самому трудно быть: тебѣ ни воды принести, ни что прочее для себя сготовить неловко. Бери, говорятъ, братъ себѣ теперь Наташу, — мы тебѣ хорошую Наташу дадимъ, какую хочешь выбирай.

Я говорю:

— Что мнѣ ихъ выбирать: одна въ нихъ во всѣхъ польза. Давайте какую попало. Ну, они меня сейчасъ безъ спора и женили.

— Какъ! женили васъ на татаркѣ?

— Да-съ; разумѣется, на татаркѣ. Сначала на одной того самаго Савакирея женѣ, котораго я пересѣкъ, только

она, эта татарка, вышла совсѣмъ мнѣ не по вкусу: благая какая-то и все какъ будто очень меня боялась и нимало меня не веселила. По мужу что ли она скучала, или такъ къ сердцу ей что-то подступало. Ну, такъ они замѣтили, что я ею сталъ отягощаться и сейчасъ другую мнѣ привели, эта маленькая была дѣвочка, не болѣе, какъ всего годовъ тринадцати... Сказали мнѣ:

— Возьми, Иванъ, еще эту Наташу, эта будетъ утѣшнѣе.

Я и взялъ.

— И что же: эта точно была для васъ утѣшнѣе?—спросили слушателей Ивана Северьяныча.

— Да, отвѣчалъ онъ: — эта вышла поутѣшнѣе, только порою, бывало, веселить, а порою тѣмъ докучаетъ, что балуется.

— Какъ же она баловалась?

— А разно... Какъ ей, бывало, вздумается; на колѣни, бывало, вскочить; либо спишь, а она съ головы тюбетейку ногой скопнетъ, да закинетъ куда попало, а сама смѣется. Станешь на нее грозиться, а она хохочетъ, заливается, да какъ русалка бѣгать почнетъ, ну, а мнѣ ее на карачкахъ не догнать,—шлепнешься, да и самъ разсмѣешься.

— А вы тамъ въ степи голову брили и носили тюбетейку?

— Бриль-съ.

— Для чего же это? вѣрно хотѣли нравиться вашимъ женамъ?

— Нѣтъ-съ; больше для опрятности, потому что тамъ бань нѣтъ.

— Такимъ образомъ у васъ, значить, заразъ было двѣ жены?

— Да-съ; въ этой степи двѣ; а потомъ у другаго хана, у Агашимолы, кой меня угонилъ отъ Отучева, мнѣ еще двѣ дали.

— Позвольте же, запыталъ опять одинъ изъ слушателей:—какъ же васъ могли угнать?

— Подвохомъ-съ. Я вѣдь изъ Пензы бѣжалъ съ татарвою Чепкуна Емгурчеева и лѣтъ пять подрядъ жилъ въ емгурчеевской ордѣ и тутъ сѣзжались къ нему на радости всѣ князья и уланы, и шихъ-зады, и мало-зады, и бывалъ ханъ Джангаръ и Бакшей Отучевъ.

— Это котораго Чепкунъ сѣкъ?

— Да-съ, тотъ самый.

— Какъ же это... развѣ Бакшей на Чепкуна не сердился?

— За что же?

— За то, что онъ такъ поролъ его и лошадь у него отбилъ?

— Нѣтъ-съ, они никогда за это другъ на друга не сердятся: кто кого по любовному уговору перебьетъ, тотъ и получай, и больше ничего; а только ханъ Джангаръ мнѣ, точно, одинъ разъ выговаривалъ... эхъ, говоритъ, Иванъ, эхъ, глупая твоя башка, Иванъ, зачѣмъ ты съ Савакиреемъ за русскаго князя сѣчься сѣлъ, — я, говоритъ было хотѣлъ смѣяться, какъ самъ князь рубаха долой будетъ снимать.

— Никогда бы, отвѣчаю ему, ты этого не дождалъ.

— Отчего?

— Оттого, что наши князья, говорю, — слабодушные и не мужественные, и сила ихъ самая ничтожная.

Онъ понялъ.

— Я такъ, говоритъ,—и видѣлъ, что изъ нихъ, говоритъ, настоящихъ охотниковъ нѣтъ, а все только если, что хотятъ получить, такъ за деньги.

— Это, молъ, вѣрно: они безъ денегъ ничего не могутъ.

— Ну, а Агашимола, онъ изъ дальней орды былъ, гдѣ-то надъ самымъ Каспіемъ его косяки ходили, онъ очень лѣчиться любилъ и позвалъ меня свою ханшу попользовать и много головъ скота за то Емгурчею обѣщалъ. Емгурчей меня къ нему и отпустилъ: набралъ я съ собою сабуру и калганнаго корня и поѣхалъ съ нимъ. А Агашимола какъ взялъ меня, да и гайда, въ сторону со всѣмъ кочемъ, восемь дней въ сторону скакали.

— И вы верхомъ ѣхали?

— Верхомъ-съ.

— А какъ же ваши ноги?

— А что же такое?

— Да волосъ-то рубленный, который у васъ въ пяткахъ былъ, развѣ онъ васъ не беспокоилъ?

— Ничего; это у нихъ хорошо приноровлено: они эдакъ кого волосомъ подщетинытъ, тому хорошо ходить нельзя, а на конѣ такой подщетиненный человѣкъ еще лучше обыкновеннаго сидитъ потому что онъ, раскорякой ходючи, всегда ноги колесомъ привыкаетъ держать, и коня какъ обручемъ ими обтянетъ такъ, что ни за что его долой и не сбить.

— Ну и что же съ вами далѣе было въ новой степи у Агашимолы?

— Опять и еще жесточе погибаль.

— Но не погибли?

— Нѣтъ-съ, не погибъ.

— Сдѣлайте же милость, расскажите: что вы дальше у Агашимолы вытерпѣли.

— Извольте.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какъ Агашимолова татарва пригонили со мной, на становище, такъ и гайда на другое на новое мѣсто пошли и уже не выпустили меня.

— Что, говорятъ,—тебѣ тамъ, Иванъ, съ Емгурчеевыми жить,—Емгурчей воръ, ты съ нами живи, мы тебя съ охотой уважать будемъ и хорошихъ Наташъ тебѣ дадимъ. Тамъ у тебя всего двѣ Наташи было, а мы тебѣ больше дадимъ.

Я отказался:

— На что, говорю, мнѣ ихъ больше? мнѣ больше не надо.

— Нѣтъ, говорятъ,—ты не понимаешь: больше Наташъ лучше: онѣ тебѣ больше Колекъ нарожаютъ, всѣ тебя тяткой кричать будутъ.

— Ну, говорю, легко ли мнѣ обязанность татарчать воспитывать. Кабы ихъ крестить и причащать было кому,

другое бы еще дѣло, а то что же: сколько я ихъ ни умножу, всѣ они ваши же будутъ, а не православные, да еще и обманывать мужиковъ стануть какъ выростутъ. Такъ двухъ женъ опять взялъ, а больше не принялъ, потому что если много бабъ, такъ онѣ хоть и татарки, но ссорятся, поганья, и ихъ надо постоянно учить.

— Ну-съ, и что же, любили вы этихъ вашихъ новыхъ женъ?

— Какъ-съ?

— Этихъ новыхъ женъ своихъ вы любили?

— Любить?. Да, то есть вы про это? ничего, одна, что я отъ Агашимолы принялъ, была до меня услужлива, такъ я ее ничего... сожалѣлъ.

— А ту дѣвочку, что прежде молоденькая то такая у васъ въ женахъ была? она вамъ, вѣрно, больше нравилась?

— Ничего; я и ее жалѣлъ.

— И скучали навѣрно по ней, когда васъ изъ одной орды въ другую украли?

— Нѣтъ; скучать не скучалъ.

— Но вѣдь у васъ, вѣрно, и тамъ отъ тѣхъ отъ первыхъ женъ дѣти были?

— Какъ же-съ, были: Савакиреева жена родила двухъ Колекъ да Наташку, да эта маленькая въ пять лѣтъ шесть штукъ породила, потому что она двухъ Колекъ въ одинъ разъ парю принесла.

— Позвольте, однако, спросить васъ: почему вы ихъ все такъ называете «Кольками» да «Наташками»?

— А это по татарски. У нихъ все если взрослый русскій человекъ такъ *Иванъ*, а женщинами *Наташа*, а мальчиковъ они *Кольками* кличутъ, такъ и моихъ женъ, хоть онѣ и татарки были, но по мнѣ ихъ все уже русскими числили и Наташками звали, а мальчишекъ Кольками. Однако, все это, разумѣется, только поверхностно, потому что они были безъ всѣхъ церковныхъ таинствъ и я ихъ за своихъ дѣтей не почиталъ.

— Какъ же не почитали за своихъ? почему же это такъ?

— Да что же ихъ считать, когда они не крещенные-съ, и муромъ не мазаны.

— А чувства-то ваши родительскія?

— Что же такое-съ?

— Да неужто же вы этихъ дѣтей нимало и не любили, и не ласкали ихъ никогда?

— Да вѣдь какъ ихъ ласкать? Разумѣется, если бывало какъ одинъ сидишь, а который нибудь подбѣжитъ, ну, ничего, по головкѣ его рукой поведешь, поглядишь и скажешь ему «ступай къ матери», но только это рѣдко доводилось, потому мнѣ не до нихъ было.

— А отчего же не до нихъ: дѣла что ли у васъ очень много было?

— Нѣтъ-съ; дѣла никакого, а тосковалъ: очень домой въ Россію хотѣлось.

— Такъ вы и въ десять лѣтъ не привыкли къ степямъ?

— Нѣтъ-съ, домой хочется... тоска дѣлалась. Особенно по вечерамъ, или даже когда среди дня стоитъ погода хорошая, жарынь, въ стану тихо, вся татарва отъ зною падаетъ по шатрамъ и спитъ, а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи... въ одну сторону и въ другую—все одинаково... Знойный видъ, жестокий; просторъ—краю нѣтъ; травы, буйство; ковыль бѣлый, пушистый, какъ серебряное море волнуется и по вѣтерку запахъ несетъ: овцой пахнетъ, а солнце обливаетъ, жжетъ и степи, словно жизни тягостной нигдѣ конца не предвидится и тутъ глубинѣ тоски дна нѣтъ... Зришь, самъ не знаешь куда и вдругъ предъ тобой отколь ни возьмется обозначается монастырь, или храмъ и вспомнишь крещеную землю и заплачешь.

Иванъ Северьянычъ остановился, тяжело вздохнулъ отъ воспоминанія и продолжалъ:

— Или еще того хуже было на солончакахъ надъ самымъ надъ Каспіемъ: солнце рдѣетъ, печетъ и солончакъ блеститъ и море блеститъ... Одуреніе отъ этого блеску даже хуже чѣмъ отъ ковыля дѣлается и не знаешь тогда, гдѣ себя, въ какой части свѣта числить, то есть живъ ты или

уже умеръ и въ безнадежномъ аду за грѣхи мучишься. Тамъ, гдѣ степь ковылистѣе, она все-таки радостнѣй; тамъ хоть по уваламъ кое-гдѣ изрѣдка шалфей сизѣеть, или мелкій полынь и чабрець пестрятъ бѣлизну! а тутъ все одно блыщаніе... Тамъ, гдѣ нибудъ огонь паломъ по травѣ поидеть, — суета поднимется: дрохвы летятъ, стрепеты, кулики степные и охота на нихъ затѣется. Тудаковъ этихъ, или по здѣшнему драхвовъ, на коняхъ заѣзжаемъ и длинными кнутьями засѣкаемъ; а тамъ, гляди, надо и самимъ съ коня отъ огня бѣжать... Все отъ этого развлеченіе. А потомъ по старому палу опять клубника засядетъ; птица на нее разная налетитъ, все больше мелочь этакая и поидеть въ воздухѣ чириканье... А потомъ еще гдѣ нибудъ и кустикъ встрѣтишь: таволожка, дикій персичекъ, или чилизникъ... И когда на восходѣ солнца туманъ рососо садится, будто прохладой пахнѣтъ и идутъ отъ растенія запахи... Оно, разумѣется, и при всемъ этомъ скучно, но все еще перенести можно, но на солончакѣ не приведи Господи никому долго побывать. Конь тамъ одно время бываетъ доволенъ: онъ соль лижетъ и съ нее много пьетъ и жирѣетъ, но человѣку тамъ — погибель. Живности даже никакой нѣтъ, только и есть, какъ на смѣхъ, одна малая птичка, красноустикъ, въ родѣ нашей ласточки, самая непримѣчательная, а только у губокъ этакая оторочка красная. Зачѣмъ она къ этимъ морскимъ берегамъ летитъ — не знаю, но какъ съестъ ей постоянно здѣсь не на что, то она упадетъ на солончакъ, полежитъ на своей хлупи и, глядишь, опять схватилась и опять полетѣла, а ты и сего лишень, ибо крыльевъ нѣтъ, и ты снова здѣсь, и нѣтъ тебѣ ни смерти, ни живота, ни покаянія, а умрешь, такъ какъ барана тебя въ соль положить, и лежи до конца свѣта солониною. А еще и этого тошнѣе зимою на тюбенькѣ, снѣгъ малый, только чуть траву укроетъ и залубенить — татары тогда все въ юртахъ надъ огнемъ сидятъ, курятъ... И вотъ тутъ они со скуки тоже часто между собою порятся. Тогда выйдешь и глянуть не на что: кони нахохрятся и ходятъ свернувшись,

худые такіе, что только хвосты да гривы развѣваются. Насилу ноги волочатъ и копытомъ снѣжный настъ разгребаютъ и мерзлую травку гложутъ, тѣмъ и питаются, — это и называется *тюбенькуютъ*... Несносно. Только и разсѣянія, что если замѣчаютъ, что какой конь очень ослабѣлъ и тюбеньковать не можетъ, — снѣгу копытомъ не пробиваетъ и мерзлаго корня зубомъ не достаетъ, то такого сейчасъ въ горло ножемъ колютъ и шкуру снимаютъ, а мясо ѣдятъ. Препоганое, однако, мясо: сладкое, все равно въ родѣ какъ коровье вымя, но жесткое: отъ нужды, разумѣется, ѣшь, а самого мутить. У меня, спасибо, одна жена умѣла еще коневьи ребра коптить: возьметъ какъ есть коневье ребро, съ мясомъ съ обѣихъ сторонъ, да въ большую кишку всунетъ и надъ очагомъ выкоптитъ. Это еще ничего, сходнѣе ѣсть можно, потому что оно, по крайней мѣрѣ, запахомъ въ родѣ ветчины отдаетъ, но а на вкусъ все равно тоже поганое. И тутъ-то этакую гадость гложешь и вдругъ вздумаешь: эхъ, а дома у насъ теперь въ деревнѣ къ празднику утокъ, моль, и гусей щипятъ, свиней рѣжутъ, щи съ зашениной варятъ жирныя-прежирныя и отецъ Илья, нашъ священникъ, добрый-предобрый старичокъ, теперь скоро пойдетъ онъ Христа славить и съ нимъ дьяки, попадья и дьячихи идутъ и съ семинаристами, и всѣ навеселѣ, а самъ отецъ Илья много пить не можетъ: въ господскомъ домѣ ему дворецкій рюмочку поднесетъ; въ конторѣ тоже управитель съ нянькой вышлетъ, поподчуетъ, отецъ Илья и раскиснетъ и ползетъ къ намъ на дворню, совсѣмъ чуть ножки волочить пьяненькій: въ первой съ краю избѣ еще какъ-нибудь рюмочку прососетъ, а тамъ ужъ болѣе не можетъ и все подъ ризой въ бутылочку сливаетъ. Такъ это все у него семейственно, даже въ разсужденіи кушанья, онъ если что посмачнѣе изъ сѣстнаго увидитъ, проситъ: «дайте, говорить, мнѣ въ газетную бумажку, я съ собой заверну». Ему обыкновенно скажутъ: «нѣту, моль, батюшка, у насъ газетной бумаги», онъ не сердится, а возьметъ такъ просто и, не завернувши, своей попадейкѣ передастъ и дальше

столь же мирно пойдет. Ахъ, судари, какъ это все съ дѣтства памятное житье пойдетъ вспоминаться, и понапретъ на душу и станетъ вдругъ загнетать на печеняхъ, что гдѣ ты пропадаешь, отъ всего этого счастья отлученъ, и столько лѣтъ на духу не былъ, и живешь невѣнчанный и умрешь неотпѣтый, и охватитъ тебя тоска, и... дождешься ночи, выползешь потихоньку за ставку, чтобы ни жены, ни дѣти и никто бы тебя изъ поганныхъ не видалъ, и начешь молиться... и молишься, такъ молишься, что даже снѣгъ инда подь колѣнами протаеъ и гдѣ слезы падали — утромъ травку увидишь.

Разказчикъ умолкъ и поникъ головою. Его никто не тревожилъ; казалось, всѣ были проникнуты уваженіемъ къ святой скорби его послѣднихъ воспоминаній; но прошла минута и Иванъ Северьянычъ самъ вздохнулъ, какъ рукой махнулъ; снялъ съ головы своей монастырскій колпачокъ и, перекрестясь, молвилъ:

— А все прошло, слава Богу!

Мы дали ему немножко поотдохнуть и дерзнули на новые вопросы о томъ, какъ онъ, нашъ очарованный богатырь, выправилъ свои попорченныя волосяною сѣчкою пятки и какими путями онъ убѣжалъ изъ татарской степи отъ своихъ Наташекъ и Колекъ и попалъ въ монастырь?

Иванъ Северьянычъ удовлетворилъ это любопытство съ полною откровенностью, измѣнять которой онъ, очевидно, былъ вовсе не способенъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дорожа послѣдовательностью въ развитіи заинтересовавшей насъ исторіи Ивана Северьяновича, мы просили его прежде всего разказать, какими необыкновенными средствами онъ избавился отъ своей щетинки и ушелъ изъ плѣна? Онъ повѣдалъ объ этомъ слѣдующее сказаніе:

— Я совершенно отчаялся когда-нибудь вернуться домой и увидать свое отечество. Помышленіе объ этомъ даже

мнѣ казалось невозможнымъ и стала даже во мнѣ самая тоска замирать. Живу, какъ статуя безчувственный и больше ничего; а иногда думаю: что вотъ же, молъ, у насъ дома въ церкви этотъ самый отецъ Илья, который все газетной бумажки просить, бывало, на служеніи молится «о плавающихъ и путешествующихъ, страждущихъ и *пльннныхъ*», а я, бывало, когда это слушаю, все думаю: зачѣмъ? развѣ теперь есть война, чтобы о плѣнныхъ молиться? А вотъ теперь и понимаю, зачѣмъ этакъ молятся, но не понимаю, отчего же мнѣ отъ всѣхъ этихъ молитвъ никакой пользы нѣтъ и, по малости сказать, хоша не невѣрую, а смущаюсь и самъ молиться не сталъ.

— Что же, думаю, молить, когда ничего оттого не выходитъ.

А между тѣмъ вдругъ однажды слышу-послышу татарва что-то сумятятся.

Я говорю:

— Что такое?

— Ничего, говорятъ, — изъ вашей стороны два муллы пришли, отъ Бѣлаго Царя охранный листъ имѣютъ и далеко идутъ свою вѣру уставлять.

Я бросился: говорю:

— Гдѣ они?

Мнѣ показали на одну юрту, я и пошелъ туда, куда показали. Прихожу и вижу тамъ собралось много шихъ-задовъ и мало-задовъ, имамовъ и дербышей, и всѣ, поджавъ ноги, на кошмахъ сидятъ, а посреди ихъ два человѣка незнакомые, одѣты хотя и по дорожному, а видно, что духовнаго званія: стоятъ оба посреди этого сброда и слову Божьему татарь учатъ.

Я ихъ какъ увидалъ, взрадовался, что русскихъ вижу и, сердце во мнѣ затрепетало и упалъ я имъ въ ноги и зарыдалъ. Они тоже этому моему поклону обрадовались и оба воскликнули:

— А что? а что? видите! видите? какъ дѣйствуетъ благодать, вотъ она уже одного вашего коснулась, и онъ обращается отъ Магомета.

А татары отвѣчаютъ, что это, моль, ничего не дѣйствуетъ: это—вашъ Иванъ, онъ изъ вашихъ, изъ русскихъ. только въ плѣну у насъ здѣсь проживаетъ.

Миссіонеры очень этимъ недовольны сдѣлались. Не вѣрятъ, что я русскій, а я и встрялъ самъ:

— Нѣтъ, я говорю, я, точно, русскій! Отцы, говорю, духовные! смилуйтесь, выручите меня отсюда! я здѣсь уже одиннадцатый годъ въ плѣну томлюсь и видите, какъ изувѣченъ: ходить не могу.

Они, однако, нимало на эти мои слова не уважили и отвернулись и давай опять свое дѣло продолжать: все проповѣдуютъ.

Я думаю: ну что же на это роптать: они люди должностные и, можетъ быть, имъ со мною неловко иначе при татарахъ обойтись и оставилъ, а выбралъ такой часъ, что они были одни въ особливой ставкѣ, и кинулся къ нимъ, и уже со всею откровенностью имъ все рассказалъ, что самую жестокую участь претерпѣваю и прошу ихъ.

— Попугайте, говорю, ихъ, отцы благодѣтели, нашимъ батюшкой Бѣлымъ Царемъ: скажите имъ, что онъ не велитъ азіятамъ своихъ подданныхъ насильно въ плѣну держать, или, еще лучше, выкупъ за меня имъ дайте, а я вамъ служить пойду. Я, говорю, здѣсь живучи, ихнему татарскому языку отлично научился и могу вамъ полезнымъ человѣкомъ быть.

А они отвѣчаютъ:

— Что, говорятъ, сыне: выкупу у насъ нѣтъ, а пугать, говорить, намъ невѣрныхъ не позволено, потому что и безъ того люди лукавые и непреданные, и съ ними изъ политики мы вѣжливость соблюдаемъ.

— Такъ что же, говорю: стало-быть мнѣ изъ-за этой политики такъ тутъ цѣлый вѣкъ у нихъ и пропадать?

— А что же, говорятъ,—все равно, сыне, гдѣ пропадать, а ты молись: у Бога много милости, можетъ-быть Онъ тебя и избавить.

— Я, моль, молился, да уже силъ моихъ нѣтъ и упованіе отложилъ.

— А ты, говорятъ,—не отчаивайся, потому что это большой грѣхъ!

— Да я, говорю,—не отчаиваюсь, а только... какъ же вы это такъ... мнѣ это очень обидно, что вы, русскіе и земляки, и ничего пособить мнѣ не хотите.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ,—ты, чадо, насъ въ это не мѣшай, мы во Христѣ, а во Христѣ нѣтъ ни еллинъ, ни жидъ: наши земляки всѣ послушенствующіе. Намъ всѣ равны, всѣ равны.

— Всѣ? говорю.

— Да, отвѣчаютъ: — всѣ, это наше наученіе отъ апостола Павла. Мы куда приходимъ, не ссоримся... это намъ не подобаешь. Ты рабъ и, что дѣлать, терпи, ибо и по апостолу Павлу, говорятъ, рабы должны повиноваться. А ты помни, что ты христіанинъ и потому о тебѣ намъ уже хлопотать нечего, твоей душѣ и безъ насъ врата въ рай уже отверзты, а эти во тьмѣ будутъ, если мы ихъ не присоединимъ, такъ мы за нихъ должны хлопотать.

И показываютъ мнѣ книжку:

— Вотъ вѣдь, говорятъ, видишь сколько здѣсь у насъ человѣкъ въ этомъ реестрѣ записано,—это все мы столько людей къ нашей вѣрѣ присоединили!

Я съ ними больше и говорить не сталъ и не видѣлъ ихъ больше, какъ окромя одного, и то случаемъ: пригонилъ отколь-то разъ одинъ мой сынишка и говорить:

— У насъ на озерцѣ, тятка, человѣкъ лежитъ.

Я пошелъ посмотрѣть: вижу, на ногахъ съ колѣнъ чулки содраны, а съ рукъ по локти перчатки сняты, татарва это искусно дѣлаютъ, обчертитъ да дернетъ, такъ шкуру и сниметъ,—а голова этого человѣка въ сторонкѣ валяется и на лбу крестъ вырѣзанъ.

— Эхъ, думаю:—не хотѣлъ ты за меня, землякъ, хлопотать и я тебя осуждалъ, а ты вотъ сподобился и вѣнецъ страданія пріялъ. Прости меня теперь ради Христа!

И взялъ я его перекрестилъ, сложилъ его головку съ туловищемъ, поклонился до земли и закопалъ, и «Святый

Боже» надъ нимъ пропѣлъ, — а куда другой его товарищъ дѣлся, такъ и не знаю; но только тоже вѣрно онъ тѣмъ же кончилъ, что вѣнецъ пріялъ, потому что у насъ послѣ по ордѣ у татарокъ очень много образковъ пошло, тѣхъ самыхъ, что съ этими миссіонерами были.

— А эти миссіонеры даже и туда въ Рынь-пески заходятъ?

— Какъ же-съ, они ходятъ, но только все безъ пользы безъ всякой.

— Отчего же?

— Обращаться не знаютъ какъ. Азіята въ вѣру приводятъ надо со страхомъ, чтобы онъ трясся отъ перепуга, а они имъ Бога смирнаго проповѣдываютъ. Это по первоначалу никакъ не годится, потому что азіятъ смирнаго Бога безъ угрозы ни за что не уважить и проповѣдниковъ побьеть.

— А главное, надо полагать, идучи къ азіатамъ, денегъ и драгоценностей не надо при себѣ имѣть.

— Не надо-съ: а впрочемъ, все равно они не повѣрятъ что кто-нибудь пришелъ, да ничего при себѣ не принесъ; подумаютъ, что гдѣ-нибудь въ стени закопалъ и пытать станутъ и запытаютъ.

— Вотъ разбойники!

— Да-съ; такъ было при мнѣ съ однимъ жидовиномъ: старый жидовинъ невѣсть откуда пришелъ, и тоже о вѣрѣ говорилъ. Человѣкъ хорошій и видно къ вѣрѣ своей усердный и весь въ такихъ лахмоткахъ, что вся плоть его видна, а сталъ говорить про вѣру, такъ даже кажется никогда бы его не пересталъ слушать. Я съ нимъ по первоначально было спорить зачалъ, что какая же, молъ, ваша вѣра, когда у васъ святыхъ нѣтъ, но онъ говоритъ: есть, и началъ по талмуду читать, какіе у нихъ бываютъ святые... очень занятно, а тотъ талмудъ, говоритъ, написалъ раввинъ Товозбенъ Леви, который былъ такой ученый, что грѣшные люди на него смотрѣть не могли; какъ взглянули, сейчасъ всѣ умирали, черезъ что Богъ позвалъ его передъ самого себя

и говорить: «Эй, ты, ученый раввинъ, Іовозбенъ Леви! то хорошо, что ты такой ученый, но только то нехорошо, что чрезъ тебя всѣ мои жидки могутъ умирать. Не на то, говорить, я ихъ съ Моисеемъ черезъ степь перегналъ и черезъ море переправилъ. Пошелъ ну ты за это вонъ изъ своего отечества и живи тамъ, гдѣ бы тебя никто не могъ видѣть». — А раввинъ Леви какъ пошелъ, то ударился до самаго до того мѣста, гдѣ былъ рай, и зарылъ себя тамъ въ песокъ по самую шею и пребывалъ въ песокѣ тринадцать лѣтъ, а хотя же и былъ засыпанъ по шею, но всякую субботу приготавливалъ себѣ агнца, который былъ печенъ огнемъ, съ небеси нисходящимъ. И если комаръ или муха ему садилась на носъ, чтобы пить его кровь, то они тоже сейчасъ были пожираемы небеснымъ огнемъ... Азіятамъ это очень понравилось про ученаго раввина и они долго сего жидовина слушали, а потомъ приступили къ нему и стали его допрашивать: гдѣ онъ, идучи къ нимъ, свои деньги закопалъ? Жидовинъ батюшки-какъ клялся, что денегъ у него нѣтъ, что его Богъ безо всего послалъ съ одной мудростью, ну, однако, они ему не повѣрили, а сгребли уголья, гдѣ костеръ горѣлъ, разостлали на горячую золу коневью шкуру, положили на нее и стали потряхивать. Говори имъ, да говори: гдѣ деньги? А какъ видятъ, что онъ весь почернѣлъ и голосу не подаетъ:

— Стой, говорятъ:—давай мы его по горло въ песокъ закопаемъ: можетъ быть ему отъ этого проходить.

И закопали, но, однако, жидовинъ такъ закопанный и померъ, и голова его долго потомъ изъ песку чернѣлась, но дѣти ее стали пужаться, такъ срубили ее и въ сухой колодезь кинули.

— Вотъ тебѣ и проповѣдуй имъ!

— Да-съ; очень трудно, но а деньги у этого жидовина все-таки вѣдь были.

— Были?!

— Были-съ; его потомъ волки тревожить стали и шакалки и всего по кусочкамъ изъ песку повиытаскали и, на-

конецъ, добрались и до обуви. Тутъ сапожонки растормошили, а изъ подметки семь монетъ выкатились. Нашли ихъ потомъ.

— Ну, а какъ же вы-то отъ нихъ вырвались?

— Чудомъ спасень.

— Кто же это чудо сдѣлалъ, чтобы васъ избавить?

— Талафа.

— Это кто же такой, этотъ Талафа: тоже татаринъ?

— Нѣтъ-съ; онъ другой породы, индійской, и даже не простой индеецъ, а ихній богъ, на землю сходящій.

Упрощенный слушателями, Иванъ Северьянычъ Флягинъ рассказалъ нижеслѣдующее объ этомъ новомъ актѣ своей житейской драмо-комедіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Послѣ того, какъ татары нашихъ мисанеровъ избавились, опять прошелъ безъ мала годъ и опять была зима и мы перегнали косяки тюбеньковать на сторону поужнѣе къ Каспію и тутъ вдругъ одного дня передъ вечеромъ пригнали къ намъ два человекъ, ежели только можно ихъ за человекъ считать. Кто ихъ знаетъ, какіе они и откуда и какого рода и званія. Даже языка у нихъ никакого настоящаго не было, ни русскаго, ни татарскаго, а говорили слово по-нашему, слово по-татарски, а то промежь себя ни вѣсть по-каковски. Оба не старые, одинъ черный, съ большой бородой, въ халатѣ, будто и на татарина похожъ, но только халатъ у него не пестрый, а весь красный и на башкѣ острая персіанская шанка, а другой рыжій, тоже въ халатѣ, но этакій штуковатый: все ящички какіе-то при себѣ имѣлъ и сейчасъ, чуть ему время есть, что никто на него не смотритъ, онъ съ себя халатъ долой сниметъ и остается въ однихъ штанцахъ и въ курточкѣ, а эти и штанцы и курточка по такому шиты, какъ въ Россіи на заводахъ у какихъ-нибудь нѣмцевъ бываетъ. И все онъ, бывало, въ этихъ ящичкахъ что-то вертитъ да перебираетъ, а что та-

кое у него тамъ содержалось — лихо его вѣдаетъ. Говорили, будто изъ Хивы пришли коней закупать и хотятъ тамъ у себя дома съ кѣмъ-то войну дѣлать, а съ кѣмъ — не сказываютъ, но только все татарву противъ русскихъ подущаютъ. Слышу я — этотъ рыжій — говорить онъ много не умѣетъ, а только выговорить въ родѣ какъ по-русски «натпальникъ» и плюнетъ; но денегъ съ ними при себѣ не было, потому что они, азіаты, это знаютъ, что если съ деньгами въ степь пріѣхать, то оттолъ уже съ головой на плечахъ не выйдешь, а манули они нашихъ татаръ, чтобы имъ косяки коней на ихъ рѣку, на Дарью, перегнать, и тамъ расчетъ сдѣлать. Татарва и туда, и сюда мыслями разсѣялись, и не знаютъ: согласиться на это, или нѣтъ? Думаютъ, думаютъ, словно золото копаютъ, а видно чего-то боятся.

А тѣ ихъ то честью уговаривали, а потомъ тоже и пугать начали:

— Гоните, говорятъ, а то вамъ худо можетъ быть, у насъ есть богъ Талафа и онъ съ нами свой огонь прислалъ. Не дай Богъ какъ разсердится.

Татары того бога не знаютъ и сомнѣваются, что онъ имъ сдѣлать можетъ въ степи, зимою, съ своимъ огнемъ, — ничего. Но этотъ чернобородый, который изъ Хивы пріѣхалъ въ красномъ халатѣ, говорить, что если, говорить, вы сомнѣваетесь, то Талафа вамъ сею же ночью свою силу покажетъ, только вы, говорить, если что увидите или услышите, наружу не выскакивайте, а то онъ сожжетъ. Разумѣется, всѣмъ это среди скуки степной, зимней, ужасть какъ интересно и всѣ мы хотя немножко этой ужасти боимся, а рады посмотрѣть: что такое отъ этого индійскаго бога будетъ; чѣмъ онъ, какимъ чудомъ проявится?

Позабрались мы съ женами и съ дѣтьми подъ ставки рано и ждемъ... Все темно и тихо, какъ и во всякую ночь, только вдругъ, такъ въ первый сонъ, я слышу, что будто въ степи что-то какъ вьюга пришипѣло и хлопнуло.

и сквозь сонъ мнѣ показалось, будто съ небеси искры посыпались.

Схватился я, гляжу и жены мои ворочаются и ребята заплакали.

Я говорю:

— Цыть! заткните имъ глотки, чтобы сосали и не плакали.

Тѣ зацмоктали и стало опять тихо, а въ темной степи вдругъ опять вверхъ огонь зашипѣлъ... зашипѣло и опять лопнуло...

— Ну, думаю, однако, видно Талафа-то не шутка!

А онъ мало спустя, опять зашипѣлъ да уже совсѣмъ на другой манеръ,—какъ птица огненная выпорхнулъ съ хвостомъ, тоже съ огненнымъ, и огонь необыкновенно какой, какъ кровь красный, а лопнетъ, вдругъ все желтое сдѣлается и потомъ синее станетъ.

По становищу, слышу, все какъ умерло. Не слышать этого, разумѣется, никому нельзя этакой пальбы, но всѣ, значить, оробѣли и лежатъ подъ тулупами. Только слышно, что земля вразъ вздрогнетъ, затрясется и опять станетъ. Это, можно разумѣть, кони шарахаются и все въ кучу тѣсняются, да слышно разъ было какъ эти хивяки, или индйцы, куда-то пробѣгли и сейчасъ опять по степи огонь какъ пустится змѣемъ... Кони какъ зынули на то, да и понеслись... Татарва и страхъ позабыли, всѣ повыскакали, башками трясутъ, вопять: Алла! Алла! да въ погоню, а тѣ, хивяки, пропали и слѣда ихъ нѣтъ, только одинъ ящикъ свой покинули по себѣ на память... Вотъ тутъ какъ всѣ наши батыри угнали за табуномъ, а въ стану однѣ бабы да старики остались, я и доглядѣлся до этого ящика: что тамъ такое? Вижу въ немъ разныя земли и снадобья, и бумажныя трубки: я сталъ разъ одну эту трубку близко къ костру разсматривать, а она какъ хлопнетъ, чуть мнѣ огнемъ всѣ глаза не выжгло и вверхъ полетѣла, а тамъ... оббахххъ звѣздами рассыпало... Эге, думаю себѣ, да это должно не богъ, а просто фейверокъ, какъ у насъ въ пу-

бличномъ саду пускали, да опять какъ изъ другой трубки бабахну, а гляжу татары, кои тутъ старики остались уже, и повалились и ничкомъ лежать кто гдѣ упалъ, да только ногами дрыгають... Я было по-первоначалу и самъ испугался, но потомъ какъ увидалъ, что они этакъ дрыгають, вдругъ совсѣмъ въ иное расположеніе пришелъ и съ тѣхъ поръ, какъ въ полонъ попалъ, въ первый разъ какъ заскриплю зубами, да и ну на нихъ вслухъ какія попало незнакомыя слова произносить. Кричу какъ можно громче:

— Парле-бьень-комса-шире-миръ-ферфлюхтуръ-минъ-адью мусью!

Да еще трубку съ вертуномъ выпустилъ... Ну тутъ уже они, увидавъ, какъ вертунъ съ огнемъ ходитъ, всѣ какъ умерли... Огонь погасъ, а они все лежатъ и только нѣтъ-нѣтъ одинъ голову подниметь, да и опять сейчасъ мордою внизъ, а самъ только пальцемъ киваетъ, зоветъ меня къ себѣ. Я подошелъ и говорю:

— Ну, что? признавайся; чего тебѣ, проклятому: смерти или живота? потому что вижу, что они уже страсть меня боятся.

— Прости, говорятъ, — Иванъ: не дай смерти, а дай живота.

А въ другомъ мѣстѣ тоже и другіе такимъ манеромъ киваютъ и все прощенья и живота просятъ.

Я вижу, что хорошо мое дѣло заиграло: вѣрно уже я за всѣ свои грѣхи оттерпѣлся и прошу:

— Мать Пресвятая Владычица, Николай угодникъ, лебедки мои, голубчики, помогите мнѣ, благодѣтели!

А самъ татаръ строго спрашиваю:

— Въ чемъ и на какой конецъ я васъ долженъ простить и животомъ жаловать.

— Прости, говорятъ, — что мы въ твоего Бога не вѣрили.

— Ага, думаю, — вонъ оно какъ я ихъ пугнулъ, да говорю: ну ужъ нѣтъ, братцы, врите, — этого я вамъ за про-

тивность религии ни за что не прощу! да самъ опять зубами скрипъ, да еще трубку распечаталъ.

Эта вышла съ ракитою... Страшный огонь и трескъ.

Кричу я на татарь:

— Что же: еще одна минута и я васъ всѣхъ погублю, если вы не хотите въ моего Бога вѣрить.

— Не губи, отвѣчаютъ,—мы всѣ подь вашего Бога согласны подойти.

Я и пересталъ фейверки жечь и окрестилъ ихъ въ рѣчечкѣ.

— Тутъ же, въ это самое время и окрестили?

— Въ эту же самую минуту-съ. Да и что же тутъ было долго время препровождать? Надо, чтобы они одуматься не могли. Помочилъ ихъ по башмакамъ водицей, надъ прорубью, прочелъ «во имя Отца и Сына» и крестики, которые отъ мисанеровъ остались, понадѣвалъ на шею и велѣлъ имъ того убитого мисанера, чтобы они за мученика почитали и за него молились и могилку имъ показалъ.

— И они молились?

— Молились-съ.

— Вѣдь они же никакихъ молитвъ христіанскихъ, чай, не знали, или вы ихъ выучили?

— Нѣтъ; учить мнѣ ихъ некогда было, потому что я видѣлъ, что мнѣ въ это время бѣжать пора, а велѣлъ имъ: молитесь, молъ, какъ до сего молились, по старому, но только Аллу называть не смѣйте, а вмѣсто него Иисуса Христа поминайте. Они такъ и приняли сіе исповѣданіе.

— Ну, а потомъ какъ же все-таки вы отъ этихъ новыхъ христіанъ убѣжали съ своими искалѣченными ногами и какъ вылѣчились?

— А потомъ я нашелъ въ тѣхъ фейверкахъ ѣдкую землю; такая, что чуть ее къ тѣлу приложишь, сейчасъ она страшно тѣло палить. Я ее и приложилъ и притворился, будто я боленъ, а самъ себѣ все, подь кошмой лежа, этой ѣдкостью пятки растравливалъ и въ двѣ недѣли такъ растравилъ, что у меня вся какъ есть плоть на ногахъ взгноилась и

вся та щетина, которую мнѣ татары десять лѣтъ назадъ засыпали, съ гноемъ вышла. Я какъ можно скорѣе обмогнулся, но виду въ томъ не подаю, а притворяюсь, что мнѣ еще хуже стало, и наказаль я бабамъ и старикамъ, чтобы они все какъ можно усерднѣе за меня молились, потому что, молъ, помираю. И положилъ я на нихъ въ родѣ эпитимьи постъ, и три дня я имъ за юрты выходить не велѣлъ, а для бѣльшей еще острастки самый большой фейверкъ пустилъ и ушелъ...

— Но они васъ не догнали?

— Нѣтъ; да и гдѣ имъ было догонять: я ихъ такъ за-постилъ и напугалъ, что они, небось, радешеньки остались и три дня носу изъ юртъ не казали, а послѣ хоть и выглянули, да уже искать имъ меня далеко было. Ноги-то у меня, какъ я изъ нихъ щетину спустилъ, подсохли, такія легкія стали, что какъ разбѣжался, всю степь перебѣжалъ.

— И все пѣшкомъ?

— А то какъ же-съ, тамъ вѣдь не проѣзжая дорога, встрѣтить некого, а встрѣтишь, такъ не обрадуешься, кого обрѣтешь. Мнѣ на четвертый день чувашинъ показался, одинъ пять лошадей гонить, говорить: садись верхомъ.

Я поопасался и не поѣхалъ.

— Чего же вы его боялись?

— Да такъ... онъ какъ-то мнѣ невѣренъ показался, а притомъ нельзя было и разобрать, какой онъ религіи, а безъ этого на степи страшно. А онъ, безтолковый, кричить:

— Садись, кричить,—веселѣй, двое будемъ ѣхать.

Я говорю:

— А кто ты: можетъ быть у тебя Бога нѣтъ?

— Какъ, говорить,—нѣтъ: это у татарина бока нѣтъ, онъ кобылу ѣстъ, а у меня есть бокъ.

— Кто же, говорю,—твой Богъ?

— А у меня, говорить,—все бокъ: и солнце бокъ, и мѣсяцъ бокъ, и звѣзды бокъ... все бокъ. Какъ у меня нѣтъ бокъ?

— Все!.. гм... все, молъ, у тебя Богъ, а Иисусъ Христосъ, говорю,—стало быть тебѣ не Богъ?

— Нѣтъ, говорить,—и Онъ бокъ, и Богородица бокъ, и Николачъ бокъ...

— Какой, говорю,—Николачъ?

А что одинъ на зиму, одинъ на лѣто живетъ?

Я его похвалилъ, что онъ русскаго Николая Чудотворца уважаетъ.

— Всегда, говорю,—его почитай, потому что онъ русскій, и уже совсѣмъ было его вѣру одобрилъ и совсѣмъ съ нимъ ѣхать хотѣлъ, а онъ, спасибо, разболтался и выказался.

— Какъ же, говорить,—я Николача почитаю: я ему на зиму, пущай, хоть не кланяюсь, а на лѣто ему двугривенный даю, чтобъ онъ мнѣ хорошенько коровокъ берегъ, да! Да еще на него одного не надѣюсь, такъ Керемети бычка жертвую.

Я и разсердился.

— Какъ же, говорю,—ты смѣешь на Николая Чудотворца не надѣяться и ему, русскому, всего двугривенный, а своей мордовской Керемети поганой цѣлаго бычка! Пошелъ прочь, говорю:—не хочу я съ тобою... я съ тобою не поѣду, если ты такъ Николая Чудотворца не уважаешь.

И не поѣхалъ: зашагалъ во всю мочь; не успѣлъ опомниться, смотрю, къ вечеру третьяго дня вода завиднѣлась и люди. Я легъ для опаски въ траву и высматриваю: что за народъ такой? Потому что боюсь, чтобы опять еще въ худшій плѣнъ не попасть, но вижу, что это люди пищу варятъ... Должно быть, думаю, христіане. Подполозъ еще ближе: гляжу, крестятся и водку пьютъ,—ну, значить, русскіе!.. Тутъ и я выскочилъ изъ травы и объявился. Это, вышло, ватага рыбная: рыбу ловили. Они меня, какъ надо землякамъ, ласкаво приняли и говорятъ:

— Пей водку!

Я отвѣчаю:

— Я, братцы мои, отъ нея, съ татарвой живучи, совсѣмъ отвыкъ.

— Ну, ничего, говорятъ,—здѣсь своя нация, опять привкнешь: пей!

Я налил себѣ стаканчикъ и думаю:

— Ну-ка, Господи благослови, за свое возвращеніе! — и выпилъ, а ватажники пристають, добрые ребята.

— Пей еще! говорятъ,—ишь ты безъ нея какъ заичкался.

Я и еще одну позволилъ и сдѣлался очень откровенный: все имъ рассказалъ: откуда я и гдѣ, и какъ пребывалъ. Всю ночь я имъ, у огня сидя, рассказывалъ и водку пилъ, и все мнѣ такъ радостно было, что я опять на святой Руси, но только подъ утро этакъ, уже костерокъ сталъ тухнуть и почти всѣ, кто слушалъ, заснули, а одинъ изъ нихъ, ватажный товарищъ, говоритъ мнѣ:

— А паспортъ же у тебя есть?

Я говорю:

— Нѣтъ, нема.

— А если, говорить,—нема, такъ тебѣ здѣсь будетъ тюрьма.

— Ну, такъ я, говорю,—я отъ васъ не пойду: а у васъ, небось, тутъ можно жить и безъ паспорта?

А онъ отвѣчаетъ:

— Жить, говорить,—у насъ безъ паспорта можно, но помирать нельзя.

Я говорю:

— Это отчего?

— А какъ же, говорить,—тебя попъ запишетъ, если ты безъ паспорта?

— Такъ какъ же, моль, мнѣ на такой случай быть?

— Въ воду, говорить,—тебя тогда бросимъ на рыбное пропитаніе.

— Безъ попа?

— Безъ попа.

Я, въ легкомъ подпитаніи будучи, ужасно этого испугался и сталъ плакать и жалиться, а рыбакъ смѣется:

— Я, говорить,—надъ тобою шутилъ: помирай смѣло, мы тебя въ родную землю зароемъ.

Но я уже очень огорчился и говорю:

— Хороша, моль, шутка. Если вы этакъ станете надо-

мною часто шутить, такъ я и до другой весны не доживу.

И чуть этотъ послѣдній товарищъ заснулъ, я поскорѣе поднялся и пошелъ прочь, и пришелъ въ Астрахань, заработалъ на поденщинѣ рубль и съ того часу столь усердно зашилъ, что не помню, какъ очутился въ иномъ городѣ, и сижу уже я въ острогѣ, а оттуда меня по пересылкѣ въ свою губернію послали. Привели меня въ нашъ городъ, высѣкли въ полициі и въ свое имѣніе доставили. Графиня, которая меня за кошкинъ хвостъ съчь приказывала, уже померла, а одинъ графъ остался, но тоже очень состарѣлся и богомольный сталъ, и конскую охоту оставилъ. Доложили ему, что я пришелъ, онъ меня вспомнилъ и велѣлъ меня еще разъ дома высѣчь и чтобы я къ батюшкѣ, къ отцу Ильѣ, на духъ шелъ. Ну, высѣкли меня по старинному, въ разрядной избѣ, и я прихожу къ отцу Ильѣ, а онъ сталъ меня исповѣдывать и на три года не разрѣшаетъ мнѣ причастія...

Я говорю:

— Какъ же такъ, батюшка, я было... столько лѣтъ не причащамшисъ... ждалъ...

— Ну, мало ли, говорить, — что; ты ждалъ, а зачѣмъ ты, говорить, татарокъ при себѣ вмѣсто женъ держалъ... Ты знаешь ли, говорить, что я еще милостиво дѣлаю, что тебя только отъ причастія отлучаю, а еслибы тебя взятыся какъ должно по правилу святыхъ отецъ исправлять, такъ на тебѣ на живомъ надлежитъ всю одежду сжечь, но только ты, говорить, этого не бойся, потому что этого теперь по полицейскому закону не позволяется.

Ну что же, думаю, — дѣлать: останусь хоть такъ, безъ причастія, дома поживу, отдохну послѣ плѣна, но графъ этого не захотѣли. Изволили сказать:

— Я, говорятъ, не хочу вблизи себя отлученнаго отъ причастія терпѣть.

И приказали управителю еще разъ меня высѣчь съ оглашеніемъ для всеобщаго примѣра и потомъ на оброкъ

пустить. Такъ и сдѣлалось: выпороли меня въ этотъ разъ по новому, на крыльцѣ, передъ конторою, при всѣхъ людяхъ, и дали паспортъ. Отрадно я себя тутъ-то почувствовалъ, черезъ столько лѣтъ совершенно свободнымъ человекомъ, съ законною бумагою, и пошелъ. Намѣреніе въ у меня никакихъ опредѣлительныхъ не было, но на мою долю Богъ послалъ практику.

— Какую же?

— Да опять все по той же, по конской части. Я пошелъ съ самаго малаго ничтожества, безъ гроша, а вскорѣ очень достаточнаго положенія достигъ и еще бы лучше могъ распорядиться, еслибы не одинъ предметъ.

— Что же это такое, если можно спросить?

— Одержимости большой подпалъ отъ разныхъ духовъ и страстей, и еще одной неподобной вещи.

— Что же это такое за неподобная вещь васъ обдержала?

— Магнетизмъ-съ.

— Какъ! магнетизмъ?!

— Да-съ, магнетическое вліяніе отъ одной особы.

— Какъ же вы чувствовали надъ собой ея вліяніе?

— Чужая воля во мнѣ дѣйствовала, и я чужую судьбу исполнялъ.

— Вотъ тутъ, значить, къ вамъ и пришла ваша собственная погибель, послѣ которой вы нашли, что вамъ должно исполнить матушкино обѣщаніе, и пошли въ монастырь?

— Нѣтъ-съ, это еще послѣ пришло, а до того со мною много иныхъ разныхъ приключеній было, прежде чѣмъ я получилъ настоящее убѣжденіе.

— Вы можете рассказать и эти приключенія?

— Отчего же-съ; съ большимъ моимъ удовольствіемъ.

— Такъ, пожалуйста.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Взявши я паспортъ, пошелъ безъ всякаго о себѣ намѣренія и пришелъ на ярмарку, и вижу тамъ цыганъ мужику лошадь мѣняетъ и безбожно его обманываетъ; сталъ ея силу пробовать, и своего конишку въ просяной возъ заложилъ, а мужикову лошадь въ яблочный. Тяга въ нихъ, разумѣется хоть и равная, а мужикова лошадь прѣть, потому что ее яблочный духъ обморачиваетъ, такъ какъ коню этотъ духъ страшно неприятенъ, а у цыгановой лошади, кромѣ того, я вижу еще и обморокъ бываетъ и это сейчасъ понять можно потому, что у нея на лбу есть знакъ, какъ былъ огонь ставленъ, а цыганъ говоритъ: «это бородавка». А мнѣ мужика, разумѣется, жаль, потому ему на обморочной лошади нельзя будетъ работать, такъ какъ она кувырнетъ, да и все тутъ, а къ тому же, я цыгановъ тогда смерть ненавидѣлъ черезъ то, что отъ первыхъ отъ нихъ имѣлъ соблазнъ бродить и впереди, вѣроятно, еще иное предчувствовалъ, какъ и оправдалось. Я эту фальшь въ лошади мужичку и открылъ, а какъ цыганъ сталъ со мною спорить, что не огонь жженъ на лбу, а бородавка, я въ доказательство моей справедливости ткнулъ коня шильцемъ въ почку, онъ сейчасъ и шлепъ на землю и закрутился. Взялъ я и мужикамъ хорошую лошадь по своимъ познаніямъ выбралъ, а они мнѣ за это вина и угощенія и двѣ гривны денегъ, и очень мы тутъ погуляли. Съ того и пошло: и капиталъ расти и усердное пьянство, и мѣсяца не прошло, какъ я вижу, что это хорошо: обвѣшался весь бляхами и коновальскою сбруею и началъ ходить съ ярмарки на ярмарку и вездѣ бѣдныхъ людей руководствую и собираю себѣ достатокъ и всѣ могарычи пью; а между тѣмъ сталъ я для всѣхъ барышниковъ-цыгановъ все равно, что Божія гроза, и узналъ стороною, что они собираются меня бить. Я отъ этого сталъ уклоняться, потому что ихъ много, а я одинъ и они меня ни разу не могли поцать одного, и вдоволь отколотить, а при

мужикахъ не смѣли, потому что тѣ за мою добродѣтель всегда стояли за меня. Тутъ они и пустили про меня дурную славу, что будто я чародѣй и не своею силою въ твари толкъ знаю, но, разумѣется, все это были пустяки: къ коню я, какъ вамъ докладывалъ, имѣю дарованіе и готовъ бы его всякому кому угодно преподать, но только что главное дѣло это никому въ пользу не послужить.

— Отчего же это не послужить въ пользу?

— Не пойметъ-съ никто, потому что на это надо не иначе какъ имѣть даръ природный и у меня уже не разъ такой опытъ былъ, что я преподавалъ, но все втунѣ осталось; но позвольте, объ этомъ послѣ.

Когда моя слава по ярмаркамъ прогремѣла, что я насквозь коня вижу, то одинъ ремонтеръ, князь, мнѣ сто рублей давалъ:

— Открой, говоритъ, братецъ, твой секретъ насчетъ пониманія. Мнѣ это дорого стоитъ.

А я отвѣчаю:

— Никакого у меня секрета нѣтъ, а у меня на это природное дарованіе.

Ну, а онъ пристааетъ:

— Открой же мнѣ, однако, какъ ты объ этомъ понимаешь? А чтобы ты не думалъ, что я хочу какънибудь,— вотъ тебѣ сто рублей.

— Что тутъ дѣлать? Я пожалъ плечами, завязалъ деньги въ тряпицу и говорю: извольте, моль, я, что знаю, стану сказывать, а вы извольте тому учиться и слушать; а если не выучитесь и нисколько вамъ оттого пользы не будетъ, за что я не отвѣчаю.

Онъ, однако, былъ и этимъ доволенъ, и говоритъ: ну, ужъ это не твоя бѣда, сколько я научусь, а ты только сказывай.

— Первое самое дѣло, говорю,—если кто насчетъ лошади хочетъ знать, что она въ себѣ заключаетъ, тотъ долженъ имѣть хорошее расположеніе въ осмотрѣ и оттого никогда не отдаваться. Съ перваго взгляда надо глядѣть умно на

голову и потомъ всю лошадь окидывать до хвоста, а не латошить, какъ офицеры дѣлаютъ. Тронетъ за зашеину, за чолку, за храпокъ, за обрѣзь и за грудной соколокъ, или еще за что попало, а все безъ толку. Отъ этого барышники кавалерійскихъ офицеровъ за эту латошливость страсть любятъ. Барышникъ, какъ этакую военную латоху увидалъ, сейчасъ начнетъ передъ нимъ конемъ крутить, вертѣть, во всѣ стороны поворачивать, а которую часть не хочетъ показать, той ни за что не покажетъ, а тамъ-то и фальшь, а фальшей этихъ бездна: конь вислоухъ—ему кожицы на вершокъ въ затылкѣ вырѣжутъ, стянутъ и залпютъ и замажутъ и онъ оттого ушки подберетъ, но ненадолго: кожа ослабнетъ и уши развиснутъ. Если уши велики,—ихъ обрѣзываютъ,— а чтобы ушки прямо стояли, въ нихъ рожки суютъ. Если кто паристыхъ лошадей подбираетъ, и если, напимѣръ, одинъ конь во лбу съ звѣздочкой,—барышники уже такъ и зрятъ, чтобы такую звѣздочку другой приспособить: пемзою шерсть вытираютъ, или горячую рѣпу печеную приложить гдѣ надо, чтобы бѣлая шерсть выросла, она сейчасъ и идетъ, но только всячески если хорошо смотрѣть, то такимъ манеромъ роцкая шоретка всегда противъ настоящей немножко длиннѣе и пупится, какъ будто бородочка. Еще больше барышники обижаютъ публику глазами: у иной лошади западинки ввалившись надъ глазомъ и некрасиво, но барышникъ проколетъ кожицу булавкой, а потомъ приляжетъ губами и все въ это мѣсто дуется, и надуетъ такъ, что кожа подыметъ и глазъ освѣжаетъ, и красиво станетъ. Это легко дѣлать, потому что если лошади на глазъ дышать, ей это пріятно, отъ теплаго дыханія и она стоитъ не шелохнется, но воздухъ выйдетъ и у нея опять ямы надъ глазами будутъ. Противъ этого одно средство: около кости щупать, не ходитъ ли воздухъ. Но еще того смѣшнѣе, какъ слѣпыхъ лошадей продаютъ. Это точно комедія бываетъ. Офицерикъ, напимѣръ, крадется къ глазу коня съ соломинкой, чтобы испытать, видитъ ли конь соломинку, а самъ того не видитъ, что барышникъ въ это время,

когда лошади надъ головой мотнуть, кулакомъ ее подъ брюхо или подъ бокъ толкаетъ. А иной хоть и тихо гладить, но у него въ перчаткѣ гвоздикъ и онъ будто гладить, а самъ кольнетъ. И я своему ремонтеру противъ того, что здѣсь сейчасъ упомянулъ, вдесятеро болѣе объяснилъ, но ничего ему это въ пользу не послужило: на-завтра, гляжу, онъ накупилъ коней такихъ, что кляча клячи хуже и еще зоветъ меня посмотрѣть и говорить:

— Ну-ка, братъ, полюбуйся, какъ я наловчился коней понимать?

Я взглянулъ, разсмѣялся и отвѣчаю, что, молъ, и смотрѣть нечего:

— У этой плечи мясистой, — будетъ землю ногами цѣплять; эта ложится — копыто подъ брюхо кладетъ и много, что чрезъ годокъ себѣ килу намнетъ; а эта, когда овесъ ѣсть, передней ногою топаетъ и колѣно объ ясли бьетъ, и такъ всю покупку раскритиковалъ и все правильно на мое вышло.

Князь на другой день и говорить:

— Нѣтъ, Иванъ: мнѣ, точно, твоего дарованія не понять, а лучше служи ты самъ у меня конэсеромъ и выбирай ты, а я только буду деньги платить.

Я согласился и жилъ отлично цѣлые три года, не какъ рабъ или наемникъ, а больше какъ другъ и помощникъ, и еслибы не выходы меня одолѣли, такъ я могъ бы даже себѣ капиталъ собрать, потому что, по ремонтерскому заведенію, какой заводчикъ ни пріѣдетъ, сейчасъ самъ съ ремонтеромъ знакомится, а вѣрнаго человѣка подсылаетъ къ конэсеру, чтобы какъ возможно конэсера на свою сторону задобрить, потому что заводчики знаютъ, что вся настоящая сила не въ ремонтерѣ, а въ томъ, если который имѣетъ при себѣ настоящаго конэсера. Я же былъ, какъ докладывалъ вамъ, природный конэсеръ и этотъ долгъ природы исполнялъ совѣстно: ни за что я того, кому служу, обмануть не могъ. И мой князь это чувствовалъ и высоко меня уважалъ и мы жили съ нимъ во всемъ въ полной откровенности.

Онъ, бывало, если проиграется гдѣ-нибудь ночью, сейчасъ утромъ какъ встанетъ, идетъ въ архалучкѣ ко мнѣ въ конюшню и говоритъ:

— Ну что, почти-полупочтеннѣйшій мой Иванъ Северьянычъ! Каковы ваши дѣла?—Онъ все эдакъ шутилъ, звалъ меня *почти-полупочтенный*, но почиталъ, какъ увидите, вполне.

А я зналъ, что это обозначаетъ, если онъ съ такой шуткой идетъ, и отвѣчу, бывало:

— Ничего, молъ: мои дѣла, слава Богу, хороши, а не знаю, какъ ваше сѣятельство, каковы ваши обстоятельства?

— Мои, говоритъ,—такъ довольно гадки, что даже хуже требовать не надо.

— Что же это такое, молъ, вѣрно опять вчера продулись по анамеднишнему?

— Вы, отвѣчаетъ,—изволили отгадать, мой полупочтеннѣйшій, продулся я-съ, продулся.

— А насколько, спрашиваю,—вашу милость облегчило? Онъ сейчасъ же и отвѣтитъ, сколько тысячъ проигралъ, а я покачаю головою, да говорю:

— Продратъ бы ваше сѣятельство—хорошо, да некому. Онъ разсмѣется и говоритъ:

— То и есть, что некому.

— А вотъ ложитесь, молъ, на мою кроватку, я вамъ чистенькій кулечекъ въ голову положу, а самъ васъ постегаю.

Онъ, разумѣется, и начнетъ подъѣзжать, чтобы я ему на реванжъ денегъ далъ.

— Нѣтъ, ты, говоритъ,—лучше меня не пори, а дай-ка мнѣ изъ расходныхъ денегъ на реванжикъ: я пойду отыграюсь и всѣхъ обыграю.

— Ну, ужъ это, отвѣчаю,—покорно васъ благодарю, нѣтъ уже, играйте, да не отыгрывайтесь.

— Какъ благодарить! — начнетъ смѣхомъ, а тамъ уже пойдетъ сердиться:—ну, пожалуйста, говоритъ, не забывайся, прекрати надо мною свою опеку и подай деньги.

Мы спросили Ивана Северьяныча, давалъ ли онъ своему князю на реванжъ?

— Никогда, отвѣчалъ онъ. — Я его, бывало, либо обману: скажу, что всѣ деньги на овесъ роздалъ, либо просто со двора сбѣгу.

— Вѣдь онъ на васъ, небось, за это сердился?

— Сердился-съ; сейчасъ, бывало. объявляетъ: кончено-съ; вы у меня, полупочтеннѣйшій, болѣе не служите.

Я отвѣчаю:

— Ну, и что же такое, и прекрасно. Пожалуйста, мой паспортъ.

— Хорошо-съ, говорить: — извольте собираться: завтра получите вашъ паспортъ.

Но только на завтра у насъ уже никогда объ этомъ никакого разговору больше не было. Не болѣе какъ черезъ какой-нибудь часъ, онъ, бывало, приходитъ ко мнѣ совсѣмъ въ другомъ расположеніи и говорить:

— Благодарю васъ, мой премного-мало-значущій, что вы имѣли характеръ и мнѣ на реванжъ денегъ не дали.

И такъ это онъ всегда послѣ чувствовалъ, что если и со мною что-нибудь на моихъ выходахъ случалось, такъ онъ тоже, какъ братъ, ко мнѣ снисходилъ.

— А съ вами что же случилось?

— Я же вамъ объяснялъ, что выходы у меня бывали.

— А что это значить *выходы*?

— Гулять со двора выходилъ-съ. Обучасъ пить вино, я его всякій день пить избѣгалъ и въ умѣренности никогда не употреблялъ, но если, бывало, что меня растревожить, ужасное тогда къ питью усердіе получаю и сейчасъ сдѣлаю выходъ на нѣсколько дней и пропадаю. А брало это меня и не замѣтишь отчего; напримѣръ, когда, бывало, отпускаемъ коней, кажется, и не братья они тебѣ, а соскучаешь по нихъ и запьешь. Особенно, если отдалишь отъ себя такого коня, который очень красивъ, то такъ онъ, подлець, у тебя въ глазахъ и мечется, до того, что какъ отъ навожденія какого отъ него скрываешься, и сдѣлаешь выходъ.

— Это значитъ—запъете!?

— Да-съ: выйду и запью.

— И надолго?

— М..! н... н... это не равно-съ, какой выходъ задастся: иногда пьешь пока все пропьешь, и либо кто-нибудь тебя отколотить, либо самъ кого побьешь, а въ другой разъ покороче удастся—въ части посидишь, или въ канавѣ выспишься и доволенъ, и отойдетъ. Въ таковыхъ случаяхъ я уже наблюдалъ правило, и какъ, бывало, чувствую, что долженъ сдѣлать выходъ, прихожу къ князю и говорю:

— Такъ и такъ, ваше сіятельство, извольте принять отъ меня деньги; а я припаду.

Онъ уже и не спорить, а принимаетъ деньги или только спросить, бывало:

— Надолго ли, ваша милость, вздумали зарядить?

— Ну, я отвѣчаю, судя по тому, какое усердіе чувствую: на большой ли выходъ, или на коротенькій.

И я уйду, а онъ уже самъ и хозяйничаетъ и ждетъ меня пока кончится выходъ, и все шло хорошо; но только ужасно мнѣ эта моя слабость надоѣла и вздумалъ я вдругъ отъ нея избавиться; тутъ-то и сдѣлалъ такой послѣдній выходъ, что даже теперь вспомнить страшно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы, разумѣется, подговорились, чтобы Иванъ Северьянычъ довершилъ свою любезность, досказавъ этотъ новый злополучный эпизодъ въ своей жизни, а онъ, по добротѣ своей, всеконечно отъ этого не отказался и повѣдалъ о своемъ «послѣднемъ выходѣ» слѣдующее:

— У насъ была куплена съ завода кобылица Дидона, молодая, золотогнѣдая, для офицерскаго сѣдла. Дивная была красавица: головка хорошенькая, глазки пригожіе, ноздерки сублильныя и открытенькія, какъ хочеть, такъ и дышетъ, гривка легкая; грудь межъ плечъ ловко, какъ корабликъ, сидить, а въ поясу гибкая, и ножки въ бѣлыхъ чулочкахъ

легкія и она ихъ мечеть, какъ играетъ... Однимъ словомъ, кто охотникъ и въ красотѣ имѣеть понятіе, тотъ отъ наглядѣнія на этакого животнаго задуматься можетъ. Мнѣ же она такъ по вкусу пришла, что я даже изъ конюшни отъ нея не выходилъ и все ласкалъ ее отъ радости. Бывало самъ ее вычищу и оботру ее всю какъ есть бѣлымъ платочкомъ, чтобы пылинки у нея въ шерсткѣ нигдѣ не было, даже и поцѣлую ее въ самый лобикъ, въ завиточекъ, откуда шерсточка ея золотая расходилась... Въ эту пору у насъ разомъ шли двѣ ярмарки: одна въ Л., другая въ К., и мы съ княземъ раздѣлились: на одной я дѣйствую, а на другую онъ поѣхалъ. И вдругъ я получаю отъ него письмо, что пишетъ «прислать, говорить, ко мнѣ сюда такихъ-то и такихъ-то лошадей и Дидону». Мнѣ неизвѣстно было зачѣмъ онъ эту мою красавицу потребовалъ, на которую мой охотницкій глазъ радовался. Но думалъ я, конечно, что кому нибудь онъ ее, голубушку, промѣнялъ или продалъ, или, еще того вѣрнѣе, проигралъ въ карты... И вотъ я отпустилъ съ конюхами Дидону и ужасно растосковался и возжелалъ выходъ сдѣлать. А положеніе мое въ эту пору было совсѣмъ необыкновенное: я вамъ докладывалъ, что у меня всегда было такое заведеніе, что если нападетъ на меня усердіе къ выходу, то я, бывало, появляюсь къ князю, отдаю ему всѣ деньги, кои всегда были у меня на рукахъ въ большой суммѣ, и говорю: «Я на столько-то, или на столько-то дней пропаду». Ну, а тутъ, какъ мнѣ это устроить, когда моего князя при мнѣ нѣтъ? И вотъ я думаю себѣ: «нѣтъ, однако, я больше не стану пить, потому что князя моего нѣтъ и выхода мнѣ въ порядкѣ сдѣлать невозможно, потому что денегъ отдать некому, а при мнѣ сумма знатная, болѣе какъ до пяти тысячъ. Рѣшилъ я такъ, что этого нельзя и твердо этого рѣшенія и держусь, и усердія своего, чтобы сдѣлать выходъ и хорошенько пропасть, не попускаю, но ослабленія къ этому желанію все-таки не чувствую, а напротивъ того, все больше и больше стремлюсь сдѣлать выходъ. И, наконецъ, сталъ я исполняться

одной мысли: какъ бы мнѣ такъ устроить, чтобы и свое усердіе къ выходу исполнить, и княжескія деньги соблюсти? И началъ я ихъ съ этою цѣлію прятать и все по самымъ невѣроятнымъ мѣстамъ ихъ пряталъ, гдѣ ни одному человеку на мысль не придетъ деньги положить... Думаю: что дѣлать? видно съ собою не совладаешь, устрою, думаю, понадежнѣе деньги, чтобы онѣ были сохранны и тогда отбуду свое усердіе, сдѣлаю выходъ. Но только напало на меня смущеніе: гдѣ я эти проклятыя деньги спрячу? Куда я ихъ ни положу, чуть прочь отъ того мѣста отойду, сейчасъ мнѣ входитъ въ голову мысль, что ихъ кто-то крадетъ. Иду и опять поскорѣе возьму и опять перепрятываю... Измучился просто я ихъ прятаями, и по сѣноваламъ, и по погребамъ, и по застрѣхамъ, и по другимъ такимъ неподобнымъ мѣстамъ для храненія, а чуть отойду, сейчасъ все кажется, что кто-нибудь видѣлъ какъ я ихъ хоронилъ и непременно ихъ отыщетъ, и я опять вернусь, и опять ихъ достану, и ношу ихъ съ собою, а самъ опять думаю: «нѣтъ, уже баста, видно мнѣ не судьба въ этотъ разъ свое усердіе исполнить». И вдругъ мнѣ пришла божественная мысль: вѣдь это, молъ, меня бѣсъ томить этой страстью, пойду же я его, мерзавца, отъ себя святыней отгоню! И пошелъ я къ ранней обѣдни, помоллся, вынулъ за себя часточку и выходя изъ церкви, вижу, что на стѣнѣ Страшный Судъ нарисованъ, и тамъ въ углу дьявола въ геенѣ ангелы цѣпью бьютъ. Я остановился, посмотрѣлъ и помоллся поусерднѣе святымъ ангеламъ, а дьяволу взялъ, да посплюнвши, кулакъ въ морду и сунулъ:

— На-ка, молъ, тебѣ кукишь, на него, что хочешь, то и купишь, а самъ послѣ этого совершенно успокоился и, распорядившись дома чѣмъ надобно, пошелъ въ трактиръ чай пить... А тамъ, въ трактирѣ, вижу стоитъ между гостей какой-то проходимецъ. Самый препустѣйшій-пустой человекъ. Я его и прежде, этого человека, видалъ, и почиталъ его не больше какъ за какого-нибудь шарлатана, или паяца, потому что онъ все, бывало, по ярмаркамъ таскается и у

господь по-французски пособія себѣ просить. Изъ благородныхъ онъ будто бы былъ и въ военной службѣ служилъ, но все свое промоталъ и въ карты проигралъ, и ходитъ по міру... Тутъ его въ этомъ трактирѣ, куда я пришелъ, служащіе молодцы выгоняютъ вонъ, а онъ не соглашается уходить и стоитъ да говоритъ:

— Вы еще знаете ли кто я такой? Вѣдь я вамъ вовсе не ровня; у меня свои крѣпостные люди были и я очень много такихъ молодцовъ, какъ вы, на конюшнѣ для одной своей прихоти сѣкъ, а что я всего лишился, такъ на это была особая Божія воля и на мнѣ печать гнѣва есть, а потому меня никто тронуть не смѣетъ.

Тѣ ему не вѣрятъ и смѣются, а онъ рассказываетъ, какъ онъ жилъ и въ каретахъ ѣздилъ, и изъ публичнаго сада всѣхъ штатскихъ господъ вонъ прогонялъ, и одинъ разъ къ губернаторшѣ голый пріѣхалъ, а нынѣ, говоритъ, я за свои своеволия проклятъ и вся моя натура окаменѣла, и я ее долженъ постоянно размачивать, а потому подай мнѣ водки!—я за нее денегъ платить не имѣю, но за то со стекломъ сѣмъ.

Одинъ гость и велѣлъ ему подать, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ стекло ѣсть. Онъ сейчасъ водку на лобъ хватилъ, и, какъ обѣщаль, такъ честно и началъ стеклянную рюмку зубами хрустать и передъ всѣми ее и сѣлъ, и всѣ этому съ восторгомъ дивились и хохотали. А мнѣ его стало жалко, что благородный онъ человѣкъ, а вотъ за свое усердіе къ вину даже утробой жертвуетъ. Думаю: надо ему дать хоть кишки отъ этого стекла прополоснуть, и велѣлъ ему на свой счетъ другую рюмку подать, но стекла ѣсть не понуждалъ. Сказалъ: не надо; не ѣшь. Онъ это почувствовалъ и руку мнѣ подаетъ.

— Вѣрно, говоритъ,—ты происхожденія изъ господскихъ людей?

— Да, говорю,—изъ господскихъ.

— Сейчасъ, говоритъ,—и видно, что ты не то, что эти свиньи. Гранъ-мерси, говоритъ, тебѣ за это.

Я говорю:

— Ничего, иди съ Богомъ.

— Нѣтъ; отвѣчаетъ,—я очень радъ съ тобою поговорить. Подвинься-ка, я возлѣ тебя сяду.

— Ну, молъ,—пожалуй, садись.

Онъ возлѣ меня и сѣлъ, и началъ сказывать, какой онъ именитой фамиліи и важнаго воспитанія и опять говоритъ:

— Что это... ты чай пьешь?

— Да, молъ,—чай. Хочешь и ты со мною пей.

— Спасибо, отвѣчаетъ,—только я чаю пить не могу.

— Отчего?

А оттого, говоритъ, что у меня голова не чайная, а у меня голова отчаянная: вели мнѣ лучше еще рюмку вина подать!.. И этакъ онъ и разъ, и два, и три у меня вина выпросилъ, и сталъ уже очень мнѣ этимъ докучать. А еще больше противно мнѣ стало, что онъ очень мало правды сказываетъ, а все-то куражится и невѣсть что о себѣ соплететь, а то вдругъ бѣднится, плачетъ и все о суетѣ.

— Подумай, говоритъ,—ты, какой я человекъ? Я, говорить, самимъ Богомъ въ одинъ годъ съ императоромъ созданъ, и ему ровесникъ:

— Ну, такъ что же, молъ, такое?

— А то, что какое же мое, не смотря на все это, положеніе? Несмотря на все это, я, говорить,—нисколько не възысканъ и вышелъ ничтожество, и какъ ты сейчасъ видишь, я ото всѣхъ презираемъ. И съ этими словами опять водки потребовалъ, но на сей разъ уже велѣлъ цѣлый графинъ подать, а самъ завелъ мнѣ преогромную исторію, какъ надъ нимъ по трактирамъ купцы насмѣхаются, и въ концѣ говоритъ:

— Они, говоритъ,—необразованные люди, думаютъ, что это легко такую обязанность несть, чтобы вѣчно пить и рюмкою закусывать? Это очень трудное, братецъ, призваніе и для многихъ даже совсѣмъ невозможно; но я свою натуру пріучилъ, потому что вижу, что свое надо отбыть, и несу.

— Зачѣмъ же, разсуждаю, — этой привычкѣ такъ уже очень усердствовать? Ты ее брось.

— Бросить?—отвѣчаетъ.—А-га, нѣтъ, братецъ, мнѣ этого бросить невозможно.

— Почему же, говорю, — нельзя?

— А нельзя, отвѣчаетъ, — по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что я, не напившись вина, никакъ въ кровать не попаду, а все буду ходить; а, во-вторыхъ, самое главное, что мнѣ этого мои христіанскія чувства не позволяютъ.

— Что же, молъ, это такое? что ты въ кровать не попадешь, это понятно, потому что все пить ищешь; но чтобы христіанскія чувства тебѣ не позволяли этаку вредную пакость бросить, этому я вѣрить не хочу.

— Да, вотъ ты, отвѣчаетъ, — не хочешь этому вѣрить... Такъ и всѣ говорятъ... А что, какъ ты полагаешь, если я эту привычку пьянствовать брошу, а кто-нибудь ее подниметъ да возьметъ: радъ ли онъ этому будетъ или нѣтъ?

— Спаси, молъ, Господи! Нѣтъ, я думаю, не обрадуется.

— А-га! говорить, — вотъ то-то и есть, а если же это такъ надо, чтобы я страдалъ, такъ вы уважайте же меня, по крайней мѣрѣ, за это и вели мнѣ еще графинъ водки подать!

Я постучалъ еще графинчикъ и сижу и слушаю, потому что мнѣ это стало казаться занятно, а онъ продолжаетъ таковыя слова:

— Оно, говоритъ, — это такъ и надлежитъ, чтобы это мученіе на мнѣ кончилось, чѣмъ еще другому достанется, потому что я, говоритъ, хорошаго рода и настоящее воспитаніе получилъ, такъ что даже я еще самымъ маленькимъ по-французски Богу молился, но я былъ немилостивый и людей мучилъ, въ карты своихъ крѣпостныхъ проигрывалъ; матерей съ дѣтьми разлучалъ; жену за себя богатую взялъ и со свѣта ее сжилъ, и, наконецъ, будучи во всемъ самъ виноватъ, еще на Бога возропталъ: зачѣмъ у меня такой характеръ? Онъ меня и наказалъ: далъ мнѣ другой харак-

теръ, что нѣтъ во мнѣ ни малѣйшей гордости, хоть въ глаза наплюй, по щекамъ отдуй, только бы пьянымъ быть, про себя забыть.

— И что же, спрашиваю,—теперь, ты уже на этотъ характеръ не ропщешь?

— Не ропщу, отвѣчаетъ, — потому что оно хотя хуже, но за то лучше.

— Какъ это, молъ, — такъ: я что-то не понимаю, какъ это: хуже, но лучше?

— А такъ, отвѣчаетъ,—что теперь я только одно знаю, что себя гублю, а за то уже другихъ губить не могу, ибо отъ меня всѣ отвращаются. Я, говорить, теперь все равно, что Іовъ на гноищѣ и въ этомъ, говорить, все мое счастье и спасеніе, и самъ опять водку допилъ и еще графинъ спрашиваетъ, и молвить:

— А ты знаешь ли, любезный другъ: ты никогда ни кѣмъ не пренебрегай, потому что никто не можетъ знать, за что кто какой страстью мучимъ и страдаетъ. Мы, одержимые, страждемъ, а другимъ за то легче. И самъ ты, если какую скорбь отъ какой-нибудь страсти имѣешь, самовольно ее не бросай, чтобы другой человѣкъ не поднялъ ее и не мучился; а ищи такого человѣка, который бы добровольно съ тебя эту слабость взялъ.

— Ну гдѣ же, говорю,—возможно такого человѣка найти! Никто на это не согласится.

— Отчего такъ?—отвѣчаетъ;—да тебѣ даже нечего далеко ходить: такой человѣкъ передъ тобою: я самъ и есть такой человѣкъ.

Я говорю:

— Ты шутишь?

Но онъ вдругъ вскакиваетъ и говоритъ:

— Нѣтъ, не шучу, а если не вѣришь, такъ испытай.

— Ну какъ, говорю,—я могу это испытывать?

— А очень просто: ты желаешь знать, каково мое дарованіе? У меня вѣдь, братъ, большое дарованіе: я вотъ, видишь,—я сейчасъ пьянъ... Такъ или нѣтъ: пьянъ я?

Я посмотрѣлъ на него и вижу, что онъ совсѣмъ сизый и весь осоловѣвши и на ногахъ покачивается, и говорю:

— Да, разумѣется, что ты пьянъ.

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, теперь отвернись на минуту на образъ и прочитай въ умѣ «Отче нашъ».

Я отвернулся, и, дѣйствительно, только «Отче нашъ», глядя на образъ, въ умѣ прочиталъ, а этотъ пьяный баринъ уже опять мнѣ командуетъ:

— А ну-ка, погляди теперь на меня? пьянъ я теперь или нѣтъ?

Обернулся я и вижу, что онъ точно ни въ одномъ глазу у него ничего не было и стоитъ улыбается.

Я говорю:

— Что же это значить: какой это секретъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить, — не секретъ, а это называется магнетизмъ.

— Не понимаю, молъ, — что это такое?

— Такая воля, говорить, — особенная въ человѣкѣ помещается и ее нельзя ни пропить, ни проспять, потому что она дарована. Я, говорить, это тебѣ показалъ для того, чтобы ты понималъ, что я если захочу, сейчасъ могу остановиться и никогда не стану пить, но я этого не хочу, чтобы другой кто-нибудь за меня не запилъ, а я, поправившись, чтобы про Бога не позабылъ. Но съ другого человека со всякаго я готовъ и могу запойную страсть въ одну минуту свести.

— Такъ сведи, говорю, — сдѣлай милость, съ меня!

— А ты, говорить, — развѣ пьешь?

— Пью, говорю, — и временемъ даже очень усердно пью.

— Ну, такъ не робѣй же, говорить, — это все дѣло моихъ рукъ, и я тебя за твое угощеніе отблагодарю, все съ тебя сниму.

— Ахъ, сдѣлай милость, прошу,ними!

— Изволь, говорить, — любезный, изволь: я тебѣ это за

твое угощеніе сдѣлаю; сниму и на себя возьму, и съ этимъ крикнулъ опять вина и двѣ рюмки.

Я говорю:

— На что тебѣ двѣ рюмки?

— Одна, говоритъ,—для меня, другая—для тебя!

— Я, молъ, пить не стану.

А онъ вдругъ какъ бы осерчалъ и говоритъ:

— Тсссъ! сляньсь! молчать! Ты теперь кто?—больной.

— Ну, молъ,—ладно, будь по-твоему: я больной.

— А я, говоритъ,—лѣкаръ, и ты долженъ мои приказанія исполнять и принимать лѣкарство, и съ этимъ налилъ и мнѣ, и себѣ по рюмкѣ и началъ надъ моей рюмкой въ воздухѣ, въ родѣ какъ архіерейскій регентъ, руками махать

Помахалъ, помахалъ и приказываетъ:

— Пей!

Я было усомнился, но, какъ по правдѣ сказать, и самому мнѣ вина попробовать очень хотѣлось и онъ приказываетъ: дай, думаю, ни для чего иного, а для любопытства выпью! и выпилъ.

— Хороша ли?—спрашиваетъ:—вкусна ли, или горька?

— Не знаю, молъ,—какъ тебѣ сказать.

— А это значить,—говоритъ, что ты мало принялъ, и налилъ вторую рюмку, и давай опять надъ нею руками мотать. Помотаетъ, помотаетъ и отряхнетъ, и опять заставить меня и эту, другую, рюмку выпить и вопрошаетъ: эта какова?

Я пошутилъ:

— Говорю, эта что-то тяжела показалась.

Онъ кивнулъ головой и сейчасъ намахалъ третью, и опять командуетъ: пей! Я выпилъ и говорю:

— Эта легче; и затѣмъ уже самъ въ графинъ стучу и его потчую, и себѣ наливаю, да и пошелъ пить. Онъ мнѣ въ этомъ не пренятствуетъ, но только ни одной рюмки такъ просто не намаханной не позволяетъ выпить, а чуть я возьмусь рукой, онъ сейчасъ ее изъ моихъ рукъ выйметъ и говоритъ:

— Шу, силянсь... атанде, и прежде надъ нею руками помашеть, а потомъ и говорить: теперь готово, можешь *принимать какъ сказано.*

И лѣчилъ я такимъ образомъ съ этимъ баринкомъ тутъ въ трактирѣ до самаго вечера, и все былъ очень спокоенъ, потому что знаю, что я пью не для баловства, а для того, чтобы перестать. Попробую за пазухою деньги, и чувствую, что онѣ всѣ, какъ должно, на своемъ мѣстѣ цѣлы лежатъ, и продолжаю.

Баринъ мнѣ тутъ, пивши со мною, про все рассказывалъ, какъ онъ въ свою жизнь кутилъ и гулялъ и особенно про любовь, и впослѣди всего сталъ ссориться, что я любви не понимаю.

— Я говорю: что же съ тѣмъ дѣлать, когда я къ этимъ пустякамъ не привлеченъ? Будетъ съ тебя того, что ты все понимаешь и за то вонъ какой лонтрыгой ходишь.

А онъ говоритъ:

— Шу, силянсь! любовь наша святыня!

— Пустяки, молъ.

— Мужикъ, говоритъ,—ты, и подлець, если ты смѣешь надъ священнымъ сердца чувствомъ смѣяться и его пустяками называть.

— Да, пустяки, молъ,—оно и есть.

— Да ты понимаешь ли, говоритъ,—что такое «краса природы совершенство?»

— Да, говорю,—я въ лошади красоту понимаю.

А онъ какъ вскочить и хотѣлъ меня въ ухо ударить.

— Развѣ лошадь, говоритъ,— краса природы совершенство?

Но какъ время было довольно поздно, то ничего этого онъ мнѣ доказать не могъ, а буфетчикъ видитъ, что мы оба пьяны, моргнулъ на насъ молодцамъ, а тѣ подскочили человѣкъ шесть и сами просятъ... «пожалуйте вонъ», а сами подхватили насъ обоихъ подъ ручки и за порогъ выставили и дверь за нами наглухо на ночь заперли.

Вотъ тутъ и началось такое навожденіе, что хотя этому

дѣлу уже много, много лѣтъ прошло, но я и по сіе время не могу себѣ понять, что тутъ произошло за дѣйствіе и какою силою оно надо мною творилось, но только такихъ искушеній и происшествій, какія я тогда перенесъ, мнѣ кажется, даже ни въ одномъ житіи въ Четминяхъ нѣтъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Первымъ дѣломъ, какъ я за дверь вылетѣлъ, сейчасъ же руку за пазуху и удостовѣрился, здѣсь ли мой бумажникъ? Оказалось, что онъ при мнѣ. Теперь, думаю, вся забота, какъ бы ихъ благополучно домой донести. А ночь была самая темная, какую только можете себѣ вообразить. Въ лѣтѣ, знаете, у насъ, около Курска бываютъ такія темныя ночи, но претеплѣйшія и премягкія: по небу звѣзды какъ лампы навѣшаны, а по низу темнота такая густая, что словно въ ней кто-то тебя шаритъ и трогаетъ... А на ярмаркѣ всякаго дурного народа бездна бываетъ и достаточно случаевъ, что иныхъ грабятъ и убиваютъ. Я же хоть силу въ себѣ и ощущалъ, но думаю, во-первыхъ, я пьянъ, а во вторыхъ, что если десять или болѣе человѣкъ на меня нападутъ, то и съ большою силою ничего съ ними не сдѣлаешь и оберутъ, а я хоть и былъ въ куражѣ, но помнилъ, что когда я не разъ, вставая и опять садясь, расплачивался, то мой компаньонъ, баринокъ этотъ, видѣлъ, что у меня съ собою денегъ тучная сила. И потому вдругъ мнѣ, знаете, впало въ голову: нѣтъ ли съ его стороны ко вреду моему какого нибудь предательства? Гдѣ онъ взаправду? вмѣстѣ насъ вонъ выставили, а куда же онъ такъ спѣшно дѣлся?

Стою я и потихоньку оглядываюсь и, имени его не зная, потихоньку зову такъ:

— Слышь, ты? говорю,—магнетизеръ, гдѣ ты?

А онъ вдругъ, словно бѣсъ какой, прямо у меня передъ глазами вырастаетъ и говоритъ:

— Я вотъ-онъ.

А мнѣ показалось, что будто это не тотъ голосъ, да и впотьмахъ даже и рожа не его представляется.

— Подойди-ка, говорю,—еще поближе; и какъ онъ подошелъ, я его взялъ за плечи и начинаю разсматривать и никакъ не могу узнать, кто онъ такой? какъ только его коснулся, вдругъ ни съ того, ни съ сего всю память отшибло. Слышу только, что онъ что-то по-французски лопочеть: «ди-ка-ти-ли-ка-ти-пе», а я въ томъ ничего не понимаю.

— Что ты такое, говорю,—лопочешь?

А онъ опять по-французски:

— Ди-ка-ти-ли-ка-типе.

— Да перестань, говорю,—дура, отвѣчай мнѣ по-русски, кто ты такой, потому что я тебя позабылъ.

Отвѣчаетъ:

— Ди-ка-ти-ка-типе: я магнетизеръ.

— Тыфу, молъ,—ты пострѣль этакой! и на минутку будто вспомню, что это онъ, но стану въ него всматриваться и вижу у него два носа!.. Два носа, да и только! А раздумуюсь объ этомъ—позабуду, кто онъ такой...

— Ахъ, ты, будь ты проклять, думаю:—и откуда ты, шельма, на меня навязался? и опять его спрашиваю: кто ты такой?

Онъ опять говорить:

— Магнетизеръ.

— Провались же, говорю,—ты отъ меня: можетъ быть ты чортъ?

— Не совсѣмъ, говорить,—такъ, а около того.

Я его въ лобъ и стукнулъ, а онъ обидѣлся и говорить:

— За что же ты меня ударилъ? я тебѣ добродѣтельству, и отъ усерднаго пьянства тебя освобождаю, а ты меня бьешь?

А я, хоть что хочешь, опять его не помню и говорю:

— Да кто же ты, молъ,—такой?

Онъ говорить:

— Я твой довѣчный другъ.

— Ну, хорошо, молъ,—а если ты мой другъ, такъ ты, можетъ быть, мнѣ повредить можешь?

— Нѣтъ, говорить,—я тебѣ такое пти-ком-пѣ представлю, что ты себя инымъ человѣкомъ ощутишь.

— Ну, перестань, говорю,—пожалуйста, врать.

— Истинно, говорить,—истинно: такое пти-ком-пѣ...

— Да не болтай ты, говорю,—чортъ, со мною по-французски: я не понимаю, что то за пти-ком-пѣ!

— Я, отвѣчаетъ,—тебѣ въ жизни новое понятіе дамъ.

— Ну, вотъ это, молъ,—такъ; но только, какое же такое ты можешь мнѣ дать новое понятіе?

— А такое, говорить,—что ты постигнешь красу, природы совершенство.

— Отчего же я, молъ,—вдругъ такъ ее и постигну?

— А вотъ пойдемъ, говорить,—сейчасъ увидишь.

— Хорошо, молъ,—пойдемъ.

И пошли. Идемъ оба, шатаемся, но все идемъ, а я не знаю куда, и только вдругъ вспомню, что кто же это такой со мною и опять говорю:

— Стой! говори мнѣ, кто ты? иначе я не пойду.

Онъ скажетъ, и я на минутку какъ будто вспомню, и спрашиваю:

— Отчего же это я позабываю, кто ты такой?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это, говорить,— и есть дѣйствіе отъ моего магнетизма; но только ты этого не пугайся, это сейчасъ пройдетъ, только вотъ дай я въ тебя сразу побольше магнетизму пущу.

И вдругъ повернулъ меня къ себѣ спиною и ну у меня въ затылкѣ, въ волосахъ пальцами перебирать... Такъ чудно: копаются тамъ, точно хочеть мнѣ взлѣзть въ голову.

— Я говорю: послушай ты... кто ты такой! что ты тамъ роешься?

— Погоди, отвѣчаетъ,—стой: я въ тебя свою силу магнетизмъ перепущаю.

— Хорошо, говорю, — что ты силу перепущаешь, а можешь ты меня обокрасть хочешь?

Онъ отпирается.

— Ну, такъ постой, мошь,—я деньги попробую.

Попробоваль—деньги цѣлы.

— Ну, теперь, мошь,—вѣрно, что ты не воръ, а кто онъ такой—опять позабыль, но только уже не помню какъ про то и спросить, а занять тѣмъ, что чувствую, что уже онъ совсѣмъ въ меня сквозь затылокъ точно внутрь влѣзь и черезъ мои глаза на свѣтъ смотритъ, а мои глаза ему только словно какъ стекла.

— Вотъ, думаю,—штуку онъ со мной сдѣлалъ! а гдѣ же теперь, спрашиваю, мое зрѣніе?

— А твоего, говоритъ,—теперь уже нѣтъ.

— Что, мошь,—это за вздоръ, что нѣтъ?

— Такъ, отвѣчаетъ:—своимъ зрѣніемъ ты теперь только то увидишь, чего нѣту.

— Вотъ, мошь, — еще притча! Ну-ка, давай-ка я понатужусь.

Вылупился, знаете, во всю мочь, и вижу, будто на меня изъ-за всѣхъ угловъ темныхъ разныя мерзкія рожи на ножкахъ смотреть и дорогу мнѣ перебѣгаютъ, и на перекресткахъ стоятъ, ждуть и говорятъ: «убьемъ его и возьмемъ сокровище». А передо мною опять мой вихрястенькій баринокъ и рожа у него вся свѣтомъ свѣтится, а сзади себя слышу страшный шумъ и содомъ, голоса и бряцанье, и гикъ, и визгъ, и веселый хохоть. Осматриваюсь, и понимаю, что стою, прислонясь спиною къ какому-то дому, а въ немъ окна открыты и въ серединѣ свѣтло, и оттуда тѣ разные голоса и шумъ и гитара ноетъ, а передо мною опять мой баринокъ и все мнѣ спереди по лицу ладонями машеть, а потомъ по груди руками ведетъ, противъ сердца останавливается, напираетъ и за персты рукъ схватить, встряхнетъ полегонечку, и опять машеть, и такъ трудится, что даже, вижу, онъ сдѣлался весь въ поту.

Но только тутъ, какъ мнѣ сталъ изъ оконъ дома свѣтъ

свѣтитъ и я почувствовалъ, что въ сознание свое прихожу, то я его пересталъ опасаться и говорю:

— Ну, послушай ты, кто ты такой ни есть: чортъ, или дьяволъ, или мелкій бѣсъ, а только, сдѣлай милость, или разбуди меня, или разсыпся.

А онъ мнѣ на это отвѣчаетъ:

— Погоди, говоритъ, — еще не время: еще опасно, ты еще не можешь перенести.

Я говорю:

— Чего, молъ,—такого я не могу перенести?

— А того, говоритъ, — что въ воздушныхъ сферахъ теперь происходитъ.

— Что же, я, молъ,—ничего особеннаго не слышу.

А онъ настаиваетъ, что будто бы я не такъ слушаю, и говоритъ мнѣ божественнымъ языкомъ:

— Ты, говоритъ,—чтобы слышать, подражай примѣрнѣ гуслеигрателю, како сей подклоняетъ низу главу и, слухъ прилагая къ пѣвию, подвизаетъ бряцало рукою.

— Нѣтъ, думаю: — да что же это такое? Это даже совсѣмъ на пьянаго человѣка рѣчи непохоже, какъ онъ сталъ разговаривать!

А онъ на меня глядитъ и тихо по мнѣ рукамъ водить, а самъ продолжаетъ въ томъ же намѣреніи уговаривать.

— Такъ, говоритъ, — купно струнамъ, художне соударяемымъ единымъ со другими, гусли пѣснь издають и гуслеигратель веселится, сладости ради медовныя.

То есть просто, вамъ я говорю, точно я не слова слышу, а вода живая мимо слуха струить, и я думаю: вотъ тебѣ и пьяничка! Гляди-ка, какъ онъ еще хорошо можетъ отъ божества говорить! а мой барянокъ этимъ временемъ пересталъ егозиться и такую рѣчь молвить:

— Ну, теперь довольно съ тебя; теперь проснись, говоритъ,—и подкрѣпись!

И съ этимъ принагнулся и все что-то у себя въ штанахъ въ карманкѣ долго искалъ и, наконецъ, что-то оттуда достаетъ. Гляжу, это вотъ такохонькій махонькій, махонь-

кій кусочекъ сахарцу и весь въ сору, видно оттого, что тамъ долго валялся. Обобралъ онъ съ него коготками этотъ соръ, пообдулъ и говоритъ:

— Раскрой ротъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ? а самъ ротъ разявилъ. А онъ воткнулъ мнѣ тотъ сахарокъ въ губы и говоритъ:

— Соси,—говоритъ, смѣлѣе: это магнитный сахаръ-менторъ: онъ тебя подкрѣпитъ.

Я уразумѣлъ, что хоть это и по-французски онъ говорилъ, но насчетъ магнетизма, и больше его не спрашиваю, а занимаюсь сахаръ сосу, а кто мнѣ его далъ, того уже не вижу. Отошелъ ли онъ куда впотьмахъ въ эту минуту, или такъ куда провалился, лихо его вѣдаетъ, но только я остался одинъ и совсѣмъ сдѣлался въ своемъ понятіи и думаю: чего же мнѣ его ждать? мнѣ теперь надо домой идти. Но опять дѣло: не знаю — на какой я такой улицѣ нахожусь и что это за домъ, у котораго я стою? И думаю: да уже домъ ли это? можетъ быть это все мнѣ только кажется, а все это навожденіе... Теперь ночь,—всѣ спятъ, а зачѣмъ тутъ свѣтъ?.. Ну, а лучше, моль, попробовать... зайду, посмотрю, что здѣсь такое: если тутъ настоящіе люди, такъ я у нихъ дорогу спрошу, какъ мнѣ домой идти, а если это только обольщеніе глазъ, а не живые люди... такъ что же опаснаго? я скажу: «наше мѣсто свято: чурь меня» и все разсыпется.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вхожу я съ такою отважною рѣшимостью на крылечко, перекрестился и зачурался, ничего: домъ стоитъ, не шатается, и вижу: двери отворены и впереди большія длинныя сѣни, а въ глубинѣ ихъ на стѣнкѣ фонарь со свѣчею свѣтитъ. Осмотрѣлся я и вижу налѣво еще двѣ двери, обѣ цыновкой обиты и надъ ними опять этакіе подсвѣчники съ зеркальными звѣздочками. Я и думаю: что же это такое за

домъ: трактиръ какъ будто не трактиръ, а видно, что гостинное мѣсто, а какое—не разберу. Но только вдругъ вслушиваюсь, и слышу, что изъ-за этой цыновочной двери льется пѣсня... томная-претомная, сердечнѣйшая, и поетъ ее голосъ, точно колоколь малиновый, такъ за душу и щипеть, такъ и беретъ въ полонъ. Я и слушаю и никуда дальѣе не иду, а въ это время дальняя дверка вдругъ растворяется и я вижу вышелъ изъ нея высокій цыганъ, въ шелковыхъ штанахъ, а казакинъ бархатный, и кого-то передъ собою скоро выпроводилъ въ особую дверь, подъ дальнимъ фонаремъ, которую я спервоначала и не замѣтилъ. Я, признаться, хоть не хорошо рассмотрѣлъ, кого это онъ спроводилъ, но показалось мнѣ, что это онъ вывелъ моего магнетизера и говоритъ ему вслѣдъ:

— Ладно, ладно, не обижайся, любезный, на этомъ полтинникѣ, а завтра приходи: если намъ *отъ него* польза будетъ, такъ мы тебѣ за его приведеніе къ намъ еще прибавимъ.

И съ этимъ дверь на защелку защелкнулъ и бѣгитъ ко мнѣ, будто ненарокомъ, отворяетъ передо мною дверь, что подъ зеркальцемъ, и говоритъ:

— Милости просимъ, господинъ купецъ; пожалуйста нашихъ пѣсень послушать! Голоса есть хорошіе.

И съ этимъ дверь передъ мною тихо настезь распахнулъ... Такъ, милостивые государи, меня и обдало не знаю чѣмъ, но только будто столь мнѣ сроднымъ, что я вдругъ весь тамъ очутился. Комната этакая обширная, но низкая и потолокъ повихнуть, пузомъ внизъ лѣзетъ, все темно, закопѣло и дымъ отъ табаку такой густой, что люстра наверху виситъ, такъ только чуть ее знать, что она свѣтится. А внизу въ этомъ дымищѣ люди... очень много, страсть какъ много людей, и передъ ними этимъ голосомъ, который я слышалъ, молодая цыганка поетъ. Притомъ, какъ я взошелъ, она только послѣднюю штучку тонко-претонко, нѣжно дотянула и спустила на нѣтъ и голосокъ у нея замеръ... Замеръ ея голосокъ и съ нимъ въ одно маномъ

веніе точно все умерло... За то через минуту всѣ какъ вскочать, словно бѣшеные, и ладошами плещутъ и кричатъ. А я только удивляюсь: откуда это здѣсь такъ много народу и какъ будто еще все его больше и больше изъ дыму выступаетъ? Ухъ, думаю, да не дичь ли это какая-нибудь, вмѣсто людей? Но только вижу я разныхъ знакомыхъ господъ ремонтеровъ и заводчиковъ, и такъ просто богатыхъ купцовъ и помѣщиковъ узнаю, которые до коней охотники, и промежду всей этой публики цыганка ходить такая... даже нельзя ее описать какъ женщину, а точно будто какъ яркая змѣя, на хвостѣ движеть и вся станомъ гнется, а изъ черныхъ глазъ такъ и жжетъ огнемъ. Любопытная фигура! А въ рукахъ она держитъ большой подносъ, на которомъ по краямъ стоятъ много стакановъ съ шампанскимъ виномъ, а посрединѣ куча денегъ страшная. Только одного серебра нѣтъ, а то и золото, и ассигнаціи, и синія синицы, и сѣрыя утицы, и красные косачи, — только однихъ бѣлыхъ лебедей нѣтъ. Кому она подастъ стаканъ, тотъ сейчасъ вино выпьетъ, и на подносъ, сколько почувствуетъ усердія, денегъ мечеть, золото, или ассигнаціи; а она его тогда въ уста поцѣлуетъ и поклонится. И обошла она первый рядъ и второй—гости въ родѣ какъ полукругомъ сидѣли — и потомъ проходитъ и самый послѣдній рядъ, за которымъ я сзади за стуломъ на ногахъ стоялъ и было уже назадъ повернула, не хотѣла мнѣ подносить, но старый цыганъ, что сзади ее шель, вдругъ какъ крикнетъ:

— Грушка! и глазами на меня кажетъ. Она взмахнула на него рѣсничищами... ей-Богу вотъ такаія рѣсницы, длинныя-предлинныя, черныя, и точно онѣ сами по себѣ живыя и какъ птицы какія шевелятся, а въ глазахъ я замѣтилъ у нея какъ старикъ на нее повелѣлъ, то во всей въ ней точно гнѣвомъ дунуло. Разсердилась, значить, что велеть ей меня потчивать, но, однако, свою должность исполняетъ: заходитъ ко мнѣ за задній рядъ, кланяется и говоритъ:

— Выкушай, гость дорогой, про мое здоровье!

А я ей даже и отвѣчать не могу: такое она со мною сразу сдѣлала! Сразу, то есть, какъ она передо мною надъ подносомъ нагнулась и я увидалъ какъ это у нея промежь черныхъ волосъ на головѣ, будто серебро, приборъ вьется и за спину падаетъ, такъ я и осатанѣлъ, и весь умъ у меня отняло. Пью ея угощенье, а самъ черезъ стаканъ ей въ лицо смотрю и никакъ не разберу: смугла она, или бѣла она, а межъ тѣмъ вижу какъ у нея подъ тонкою кожею, точно въ сливѣ на солнцѣ, краска рдѣетъ и на нѣжномъ вискѣ жилка бьетъ... Вотъ она, думаю, гдѣ настоящая-то красота, что природы совершенство называется: магнетизеръ правду сказалъ: это совсѣмъ не то, что въ лошади, въ продажномъ звѣрѣ.

И вотъ я допилъ стаканъ до дна и стукъ имъ объ подносъ, а она стоитъ да дожидается, за что ласкать будетъ. Я поскорѣе спустилъ на тотъ конецъ руку въ карманъ, а въ карманѣ все попадаются четвертаки да двугривенные, да прочая расхожая мелочь. Мало, думаю; недостойно этимъ одарить такую язвинку, и передъ другими стыдно будетъ! А господа, слышу, не больно тихо цыгану говорятъ:

— Эхъ, Василій Ивановъ, зачѣмъ ты велишь Грушѣ этого мужика угощать? намъ это обидно.

А онъ отвѣчаетъ:

— У насъ, господа, всякому гостю честь и мѣсто, и моя дочь родной отцовъ цыганскій обычай знаетъ; а обижаться вамъ нечего, потому что вы еще пока не знаете, какъ иной простой человѣкъ красоту и талантъ оцѣнить можетъ. На это разные примѣры бываютъ.

А я, это слышучи, думаю:

— Ахъ, вы, волкъ васъ ѣшь! Неужели съ того, что вы меня богатѣе, то у васъ и чувствъ больше? Нѣтъ уже, что будетъ, то будетъ: послѣ князю отслужу, а теперь себя не постыжу и сей невиданной красоты скупостью не унижу.

Да съ этимъ вразъ руку за пазуху, вынулъ изъ пачки сторублеваго лебеда, да и шаркнулъ его на подносъ. А цыганочка сейчасъ подносъ въ одну ручку переняла, а дру-

гою мнѣ бѣлымъ платкомъ губы вытерла и своими устами такъ слегка, даже какъ и не поцѣловала, а только будто тронула устами, а вмѣсто того, точно будто ядомъ какимъ провела и прочь отошла.

Она отошла, а я было на томъ же мѣстѣ остался, но только тотъ старый цыганъ, этой Груши отецъ, и другой цыганъ, подхватили меня подъ руку и волокутъ впередъ и сажаютъ въ самый передній рядъ, рядомъ съ исправникомъ и съ другими господами.

Мнѣ было, признаться, на это и не охота: я не хотѣлъ продолжать и хотѣлъ вонъ идти; но они просятъ и не пускаютъ и зовутъ:

— Груша! Грунюша, останови гостя желаннаго!

И та выходитъ и... врагъ ее знаетъ, что она умѣла глазами дѣлать: взглянула, какъ заразу какую въ очи пустила, а сама говорить:

— Не обидь; погости у насъ на этомъ мѣстѣ.

— Ну ужъ тебя ли, говорю, — кому обидѣть можно, и сѣлъ.

А она меня опять поцѣловала и опять то же самое осязаніе: какъ будто ядовитою кисточкою уста тронетъ и во всю кровь до самаго сердца болью прожжетъ.

И послѣ этого начались опять пѣсни и пляски, и опять другая цыганка съ шампанею пошла. Тоже и эта хороша, но гдѣ противъ Груши! Половины той красоты нѣтъ, и за это я ей на подносъ зацѣпилъ изъ кармана четвертакъ и сыннулъ... Господа это взяли въ пересмѣхъ, но мнѣ все равно, потому я одного смотрю, гдѣ она, эта Грушенька, и жду, чтобы ее одинъ голосъ безъ хора слышать, а она не поетъ. Сидитъ съ другими подцѣваетъ, но солу не дѣлаетъ и мнѣ ея голоса не слышать, а только ротокъ съ бѣлыми зубками видно... Эхъ, ты, думаю: доля моя сиротская: на минуточку зашелъ и сто рублей потерялъ, а вотъ ее-то одну и не услышу! Но на мое счастье не одному мнѣ хотѣлось ее послушать: и другіе господа важные посѣтители всѣ вкупѣ закричали послѣ одной перемѣны:

— Груша! Груша! «Челнокъ», Груша! «Челнокъ!»

Вотъ цыганы покашляли и молодой ея братъ взялъ въ руки гитару, а она запѣла. Знаете... ихъ пѣніе обыкновенно достигающее и за сердца трогаетъ, а я какъ услыхалъ этотъ самый ея голосъ, на который мнѣ еще изъ-за двери манилось, расчувствовался. Ужасно мнѣ какъ понравилось! Начала она такъ какъ будто грубовато, мужественно, эдакъ: «мо-о-ре во-оо-о-еть, мо-ре сто-нетъ». Точно въ дѣйствительности слышно, какъ и море стонетъ, и въ немъ челночекъ поглощенный бьется. А потомъ вдругъ въ голосѣ совсѣмъ другая перемѣна, обращеніе къ звѣздѣ: «Золотая дорогая, предвѣщательница дня, при тебѣ бѣда земная недоступна до меня». И опять новая обратность, чего не ждешь. У нихъ все съ этими съ обращеніями: то плачетъ, томить, просто душу изъ тѣла вынимаетъ, а потомъ вдругъ какъ хватить совсѣмъ въ другомъ родѣ и точно сразу опять сердце вставить... Такъ и тутъ она это «море»-то съ «челномъ» всколыхала, а другіе какъ завизжать всѣмъ хоромъ:

Джа-ла-ла. Джа-ла-ла,
Джа-ла-ла прингала!
Джа-ла-ла принга-ла
Гай да чепурингала!
Гей гопъ-гай, та гара!
Гей гопъ-гай-та гара!

и потомъ Грушенька опять пошла съ виномъ и съ подносомъ, а я ей опять изъ-за пазухи еще одного лебедя... На меня всѣ оглядываться стали, что я ихъ своими подарками ниже себя ставлю; такъ что имъ даже совѣстно послѣ меня класть, а я рѣшительно уже ничего не жалѣю, потому моя воля, сердце выскажу, душу выкажу, и выказалъ. Что Груша разъ ни споетъ, то я ей за то лебедя, и уже не считаю сколько ихъ выпустилъ, а даю да и кончено, и за то другіе ее всѣ разомъ просятъ пѣть, она всѣ ихъ просьбы не поетъ, говоритъ «устала», а я одинъ кивну цыгану: не можно ли, моль, ее понудить? тотъ сейчасъ на ее глазами поведетъ, она и поетъ. И много-съ она пѣла, пѣсня отъ

пѣсни могучѣе, и покидалъ я уже ей много безъ счету лебедей, а въ концѣ, не знаю въ который часъ, но уже совсѣмъ на зарѣ точно и въ самомъ дѣлѣ она измаялась, и устала, и, точно съ намеками на меня глядя, завела: «Отойди, не гляди, скройся съ глазъ моихъ». Этими словами точно гонить, а другими словно допрашиваетъ: «идь играть хочешь ты моей львиной душой и всю власть красоты испытать надъ собой». А я ей еще лебеда! Она меня опять поневолѣ поцѣловала, какъ ужалила; и въ глазахъ точно пламя темное, а тѣ, другіе, въ этотъ лукавый часъ на послѣднихъ какъ заорутъ:

Ты восчувствуй, милая,
Какъ люблю тебя, драгая!

и всѣ имъ подтягиваютъ, да на Грушу смотреть, и я смотрю, да подтягиваю: «ты восчувствуй!» А потомъ цыгане какъ хватаютъ: «Ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь» и вдругъ всѣ въ плясъ пошли... Пляшутъ и цыгане, пляшутъ и цыганки, и господа пляшутъ: всѣ вмѣстѣ выются, точно и въ самомъ дѣлѣ вся изба пошла. Цыганки передъ господами носятъ, и тѣ поспѣваютъ, имъ вслѣдъ гонять, молодые съ посвистомъ, а кои старше съ покрехтомъ... На мѣстахъ, гляжу уже никого и не остается... Даже отъ которыхъ бы степенныхъ мужчинъ и въ жизнь того скоморошества не ожидалъ, и тѣ всѣ поднимаются. Посидить, посидить иной, кто посолиднѣе, и сначала, видно, очень стыдится идти, а только глазомъ ведетъ, либо усомъ дергаетъ, а потомъ одинъ врагъ его плечомъ дернетъ, другой ногой мотнетъ и, смотришь, вдругъ вскочить и хоть не умѣетъ плясать, а пойдетъ такое ногами выводить, что ни къ чему годно! Исправникъ толстый-претолстый и двѣ дочери у него были замужемъ, а и тотъ съ зятьями своими тутъ же заодно пыхтитъ, какъ сомъ, и пятками мѣситъ, а гусарь-ремонтёръ, ротмистръ богатый и собой молодецъ, плясунъ залихватскій, всѣхъ ярче дѣйствуетъ! руки въ боки, а каблуками на вывертъ стучить, передъ всѣми идетъ—козырится, въ загребъ валяетъ, а съ Грушей встрѣнется—голо-

вой тряхнетъ, шапку къ ногамъ ея ронить и кричить «наступи, раздави, красавица!» и она... Охъ, тоже плясунья была! Я видалъ какъ пляшутъ актерки въ театрахъ, да что все это, тьфу, все равно, что офицерскій конь безъ фантазій на парадъ для одного близиру манежится, невѣсть чего ерихонится, а огня—жизни нѣтъ. Эта же краля, какъ пошла, такъ какъ фараонъ плыветъ—не колыхнется а въ самой, въ змѣѣ, слышно, какъ и хрящъ хруститъ, и изъ кости въ кость мозжечокъ идетъ, а станеть, повыгнется, плечомъ ведетъ и бровь съ носкомъ ножки на одну линію строить... Картина! Просто отъ этого видѣнья на ея танецъ всѣ словно свой весь умъ потеряли: рвутся къ ней безъ ума, безъ памяти: у кого слезы на глазахъ, а кто зубы скалить, но всѣ кричатъ:

— Ничего не жалѣемъ: танцуй! и деньги ей такъ просто зря подъ ногу мечутъ, кто золото, кто ассигнаціи. И все тутъ гуще и гуще завѣялось, и я лишь одинъ сижу, да и то не знаю долго ли утерплю, потому что не могу глядѣть, какъ она на гусарову шапку наступаетъ... Она ступитъ, а меня чортъ въ жилу щолкъ; она опять ступитъ, а онъ меня опять щолкъ, да, наконецъ, думаю: что же мнѣ такъ себя все мучить! Пуцу и я свою душу погулять вволю, да какъ вскочу, отпихнуль гусара да и пошелъ передъ Грушею въ присядку... А чтобы она на его, гусарову, шапку не становилася, такое средство избобрѣлъ, что, думаю, всѣ вы кричите, что ничего не жалѣете, меня тѣмъ не удивите: а вотъ, что я ничего не жалѣю, такъ я то дѣломъ-правдою докажу, да самъ прыгну, и самъ изъ-за пазухи ей подъ ноги лебеда и кричу: «дави его! наступай!» Она было не того... даромъ, что мой лебедь гусарской шапки дороже, а она и на лебеда не глядитъ, а все норовитъ за гусаромъ; да только старый цыганъ, спасибо, это замѣтилъ, да какъ на нее топнетъ... Она и поняла и пошла за мной... Она на меня плыветъ, глаза внизъ спустила, какъ змѣица-горынице, ажно гнѣвомъ землю жжетъ; а я передъ ней просто въ подобіи бѣса скачу, да все, что разъ прыгну, то подъ ножку

ей мечу лебеда... Самъ ее такъ уважаю, что думаю: не ты ли, проклятая, и землю, и небо сдѣлала? а самъ на нее съ дерзостью кричу: «ходи шибче», да все подъ ноги ей лебедей, да разъ руку за пазуху пуцаю, чтобы еще одного достать, а ихъ, гляжу, тамъ уже всего съ десятокъ остался... Тьфу ты, думаю, чортъ же васъ всѣхъ побирай! скомкалъ ихъ всѣхъ въ кучку, да сразу ихъ всѣ ей подъ ноги и выбросилъ, а самъ взялъ со стола бутылку шампанскаго вина, отбилъ ей горло и крикнулъ:

— Сторонись, душу, а то оболъю, да всю сразу и выпилъ за ея здоровье, потому что послѣ этой пляски мнѣ пить страшно хотѣлось.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

— Ну и что же далѣе?—вопросили Ивана Северьяныча.

— Далѣе, дѣйствительно, все такъ воспослѣдовало, какъ онъ обѣщался.

— Кто обѣщался?

— А магнетизеръ, который это на меня навелъ: онъ какъ обѣщался отъ меня пьянаго бѣса отставить, такъ его и свелъ, и я съ той поры никогда больше ни одной рюмки не пилъ. Очень онъ это крѣпко сдѣлалъ.

— Ну-съ, а какъ же вы съ княземъ-то своимъ за выпущенныхъ лебедей кончили?

— А я и самъ не знаю, какъ-то очень просто: какъ отъ этихъ цыгановъ доставился домой и не помню какъ легъ, но только слышу князь стучить и зоветь, а я хочу съ коника встать, но никакъ края не найду и не могу сойти. Въ одну сторону поползу—не край, въ другую оборочусь и здѣсь тоже краю нѣтъ... Заблудилъ на коникѣ да и полно?.. Князь кричитъ: «Иванъ Северьянычъ!» А я откликаюсь «сейчасъ», а самъ лазаю во всѣ стороны и все не найду края, и, наконецъ, думаю: ну, если слѣзть нельзя, такъ я же спрыгну, и размахнулся, да какъ сигану какъ можно дальше и чувствую, что меня будто что по мордѣ

ударило и вокругъ меня что-то звенить и сыпится, и сзади тоже звенить и опять сыпится, и голосъ князя говорить деньщику: «давай огня скорѣй!»

А я стою, не трогаюсь, потому что не знаю, наяву или во снѣ я все это надъ собою вижу, и полагаю, что я все еще на коникѣ до края не достигъ; а на мѣсто того, какъ деньщикъ принесъ огонь, я вижу, что я на полу стою, мордой въ хозяйскую горку съ хрусталемъ запрыгнулъ и поколотилъ все...

— Какъ же вы это такъ заблудились?

— Очень просто: думалъ, что я, по всегдашнему своему обыкновенію, на коникѣ силю, а я, вѣрно, придя отъ цыганъ, прямо на полъ легъ, да все и ползалъ, края искалъ, а потомъ сталъ прыгать... и допрыгалъ до горки. Блуждалъ, потому этотъ... магнетизеръ, онъ пьянаго бѣса отъ меня свелъ, а блуднаго при мнѣ поставилъ... Я тутъ же и вспомнилъ его слова, что онъ говорилъ: «какъ бы хуже не было, если питье бросить» и пошелъ его искать, — хотѣлъ просить, чтобы онъ лучше меня размагнетизировалъ на старое, но его не засталъ. Онъ тоже много на себя набралъ и самъ не вынесъ, и тутъ же напротивъ цыгановъ у шинкарки такъ напился, что и померъ.

— А вы такъ и остались замагнетизированы?

— Такъ и остался-съ.

— И долго же на васъ этотъ магнетизмъ дѣйствовалъ?

— Отчего же долго ли? онъ, можетъ быть, и по сей часъ дѣйствуетъ.

— А все-таки интересно знать, какъ же вы съ княземъ то?.. Неужто такъ и объясненія у васъ никакого не было за лебедей?

— Нѣтъ-съ, объясненіе было, только не важное. Князь тоже приѣхалъ проигравшись и на реванжъ у меня сталъ просить. Я говорю:

— Ну, уже это оставьте: у меня ничего денегъ нѣтъ.

Онъ думаетъ шутка, а я говорю:

— Нѣтъ исправди, у меня безъ васъ большой выходъ былъ.

Онъ спрашиваетъ:

— Куда же, моль, ты могъ пять тысячъ на одномъ вы-
ходѣ дѣть?..

Я говорю:

— Я ихъ сразу цыганкѣ бросилъ...

Онъ не вѣритъ.

Я говорю:

— Ну, не вѣрьте: а я вамъ правду говорю.

Онъ было озлился и говоритъ:

— Запри-ка двери, я тебѣ задамъ, какъ казенныя деньги
швырять, а потомъ, это вдругъ отмѣнивъ, и говорить: —
Не надо ничего: я и самъ такой же какъ ты безпутный.

И онъ въ комнатѣ легъ свою ночь досыпать, а я на сѣ-
новаль тоже опять спать пошелъ. Опомился же я въ ла-
заретѣ и слышу говорить, что у меня бѣлая горячка была
и хотѣлъ будто бы я вѣшаться, только меня, слава Богу,
въ длинную рубашку спеленали. Потомъ выздоровѣлъ я и
явился къ князю въ его деревню, потому что онъ этимъ
временемъ въ отставку вышелъ, и говорю:

— Ваше сіятельство, надо мнѣ вамъ деньги отслужить.

Онъ отвѣчаетъ:

— Пошелъ къ чорту.

Я вижу, что онъ очень на меня обиженъ, подхожу къ
нему и нагинаюсь.

— Что, говорить,—это значитъ?

— Да отрепите же, прошу, меня, по крайней мѣрѣ, какъ
слѣдуетъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— А почему ты знаешь, что я на тебя сержусь, а мо-
жетъ быть я тебя вовсе и виноватымъ не считаю.

— Помилуйте, говорю:—какъ же еще я не виноватъ,
когда я этакую область денегъ расшвырять? Я самъ знаю,
что меня, подлеца, за это повѣсить мало.

А онъ отвѣчаетъ:

— А что, братецъ, дѣлать, когда ты артистъ.

— Какъ, говорю,—это такъ?

— Такъ, отвѣчаетъ,—такъ, любезнѣйшій Иванъ Северьянычъ, вы, мой полупочтеннѣйшій,—артистъ.

— И понять, говорю,—не могу.

— Ты, говорить,—не думай, что нибудь худое, потому что и я самъ тоже артистъ.

— Ну, вотъ это, думаю,—понятно: видно не я одинъ до бѣлой горячки подвизался.

А онъ всталъ, ударилъ объ полъ трубку и говоритъ:

— Что тутъ за диво, что ты передъ ней бросилъ, что при себѣ имѣлъ, я, братецъ, за нее то отдалъ, чего у меня нѣтъ и не было.

Я во всѣ глаза на него вылупился.

— Батюшка, молю, ваше сіятельство: помилосердуйте, что вы это говорите, мнѣ это даже слушать страшно.

— Ну, ты, отвѣчаетъ,—очень не пугайся: Богъ милостивъ и авось какъ нибудь выкручусь, а только я за эту Грушу въ таборъ полсотни тысячъ отдалъ.

Я такъ и ахнулъ:

— Какъ, говорю, — полсотни тысячъ! за цыганку! да стоитъ ли она этого, аспидка.

— Ну, вотъ это, отвѣчаетъ, — вы, полупочтеннѣйшій, глупо и не по-артистически заговорили... Какъ стоитъ ли? Женщина всего на свѣтѣ стоитъ, потому что она такую язву нанесетъ, что за все царство отъ нея не вылѣчишься, а она одна въ одну минуту отъ нея можетъ исцѣлить.

А я все думаю, что все это правда, а только самъ все головою качаю и говорю:

-- Этакая, молю, сумма! цѣлыя пятьдесятъ тысячъ!

— Да, да, говорить,—и не повторяй больше, потому что спасибо, что и это взяли, а то бы я и больше далъ... все, что хочешь, далъ бы.

— А вамъ бы, говорю,—плюнуть и больше ничего.

— Не могъ, говорить,—братецъ, не могъ плюнуть.

— Отчего же?

— Она меня красотой и талантомъ уязвила и мнѣ исцѣленья надо, а то я съ ума сойду. А ты мнѣ скажи: вѣдь

правда: она хороша? А? правда, что ли? Есть отчего отъ нея съ ума сойти?..

Я губы закусилъ и только уже молча, головой трясу.

— Правда, моль, правда!

— Мнѣ, говорить князь,—знаешь, мнѣ вѣдь за женщину хоть умереть, такъ ничего не стоитъ. Ты можешь ли это понимать, что умереть нипочемъ?

— Что же, говорю,—тутъ непонятнаго краса, природы совершенство...

— Какъ же ты это понимаешь?

— А такъ, отвѣчаю, — и понимаю, что краса, природы совершенство и за это восхищенному человѣку погибнуть... даже радость!

— Молодецъ, отвѣчаетъ мой князь;—молодецъ вы, мой почти-полу-почтеннѣйшій и премного-мало-значущій Иванъ Северьяновичъ! именно-съ, именно гибнуть-то и радостно, и вотъ то-то мнѣ теперь и сладко, что я для нея всю мою жизнь перевернулъ: и въ отставку вышелъ, имѣніе заложилъ, и съ этихъ поръ стану тутъ жить, человѣка не видя, а только все буду одной ей въ лицо смотрѣть.

Тутъ я еще ниже спустилъ голосъ и шепчу.

— Какъ, говорю,—будете ей въ лицо смотрѣть? Развѣ она здѣсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— А то какъ же иначе? разумѣется, здѣсь.

— Можетъ ли, говорю,—это быть?

— А вотъ ты, говорить,—постой, я ее сейчасъ приведу. Ты артистъ,—отъ тебя я ее не скрою.

И съ этимъ оставилъ меня, а самъ вышелъ за дверь. Я стою, жду и думаю:

— Эхъ, нехорошо это, что ты такъ утверждаешь, что на одно на ея лицо будешь смотрѣть! Наскучить! но въ подробности объ этомъ не разсуждаю, потому что какъ вспомню, что она здѣсь, сейчасъ чувствую, что у меня даже въ бокахъ жарко становится и въ умѣ мѣшаюсь, думаю: неужели я ее сейчасъ увижу? А они вдругъ и входятъ:

князь впереди идетъ и въ одной рукѣ гитару съ широкою алой лентой несетъ, а другою Грушеньку за обѣ ручки сжавши тащитъ, а она идетъ понуро, упирается и не смотритъ, а только эти рѣснички черныя по щекамъ какъ будто птичьи крылья шевелятся.

Ввелъ ее князь, взялъ на руки и посадилъ какъ дитя съ ногами въ уголъ на широкой мягкой диванъ; одну бархатную подушку ей за спинку подеунулъ, другую—подъ правый локотокъ подложилъ, а ленту отъ гитары перекинулъ черезъ плечо, и персты руки на струны поклавъ. Потомъ сѣлъ самъ на полу у дивана и голову склонилъ къ ея алому сафьянному башмачку и мнѣ киваетъ: дескать, «садись и ты».

Я тихонечко опустился у порожка на полъ, тоже подобралъ подъ себя ноги и сижу, гляжу на нее. Тихо настало такъ, что даже тощо дѣлается. Я сидѣлъ, сидѣлъ, индо колѣни разломило, а гляну на нее, она все въ томъ же положеніи, а на князя посмотрю: вижу что онъ отъ томноты у себя весь усъ изгрызъ, а ничего ей не говоритъ.

Я ему и киваю: дескать, что же вы, прикажите ей пѣть! А онъ обратно мнѣ пантомину даетъ въ такомъ смыслѣ, что, дескать, не послушаетъ.

И опять оба сидимъ на полу, да ждемъ, а она вдругъ начала, какъ будто бредить, вздыхать, да похлипывать и по рѣсницѣ слезка струитъ, а по струнамъ пальцы какъ осы ползаютъ и рокочутъ... И вдругъ она тихо, тихо, будто плачетъ, зашѣла: «люди добрые, послушайте про печаль мою сердечную».

Князь шепчетъ: что?

А я ему тоже шопотомъ по-французски отвѣчаю:

— Пти-комъ-пе, говорю и сказать больше нечего, а она въ эту минуту вдругъ какъ вскрикнетъ: «а меня съ красоты продадутъ, продадутъ», да какъ швырнетъ гитару далеко съ колѣнъ, а съ головы сорвала косынку и пала ничкомъ на диванъ, лицо въ ладони уткнула и плачетъ, и я, глядя на нее, плачу, и князь... тоже и онъ заплакалъ,

но взялъ гитару и точно не пѣлъ, а какъ будто службу служа, застоналъ: «Если бѣ знала ты весь огонь любви, всю тоску души моей пламенной», да и ну рыдать. И поетъ, и рыдаетъ: «Успокой меня, беспокойнаго, осчастливь меня, несчастливаго». Какъ онъ такъ жестоко взволновался, она, вижу, внемлетъ симъ его слезамъ и пѣнію и все стала тишать, усмиряться и вдругъ тихо ручку изъ-подъ своего лица вывела и, какъ мать, нѣжно обвила ею его голову...

Ну, тутъ мнѣ стало понятно, что она его въ этотъ часъ пожалѣла и теперь сейчасъ успокоить и исцѣлить всю тоску души его пламенной, и я всталъ потихоньку незамѣтно и вышелъ.

— И вѣрно тутъ-то вы и въ монастырь пошли?—вопросилъ нѣкто рассказчика.

— Нѣтъ-съ: еще не тутъ, а позже, отвѣчалъ Иванъ Северьянычъ и добавилъ, что ему еще надлежало прежде много въ свѣтъ отъ этой женщины видѣть, пока надъ ней все, чему суждено было, исполнилось, и его зачеркнуло.

Слушатели, разумѣется, приступили съ просьбою хотя вкратцѣ рассказать имъ исторію Груни, и Иванъ Северьянычъ это исполнилъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

— Видите, началъ Иванъ Северьянычъ, — мой князь былъ человѣкъ души доброй, но переменчивой. Чего онъ захочетъ, то ему сейчасъ во что бы то ни стало вынь да положи—иначе онъ съ ума сойдетъ, и въ тѣ поры ничего онъ на свѣтъ за это достиженіе не пожалѣетъ, а потомъ, когда получить, не дорожитъ счастьемъ. Такъ это у него и съ этой цыганкою вышло и ея, Грушинъ, отецъ и всѣ тѣ ихніе таборные цыганы отлично сразу въ немъ это поняли и запросили съ него за нее нивѣсть какую цѣну, больше какъ все его домашнее состояніе позволяло, потому что было у него хотя и хорошее имѣніе, но разоренное. Такихъ денегъ, какія таборъ за Грушу назначилъ, у князя

тогда на-лицо не было и онъ сдѣлать для того долгъ и уже служить больше не могъ.

Знавши всѣ эти его привычки, я много хорошаго отъ него не ожидалъ и для Груши, и такъ на мое и вышло. Все онъ къ ней ластился, безотходно на нее смотрѣлъ и дышалъ и вдругъ зѣвать сталъ и все меня въ компанію призывать началъ.

— Садись, говорить,—слушай.

Я беру стулъ, сажусь гдѣ-нибудь поближе къ дверямъ и слушаю. Такъ и часто доводилось: онъ, бывало, ее попросить пѣть, а она скажетъ:

— Передъ кѣмъ я стану пѣть! ты, говорить, — холодный сталъ, а я хочу, чтобы отъ моей пѣсни чья-нибудь душа горѣла и мучилась.

Князь сейчасъ опять за мною и посылаетъ и мы съ нимъ двое ее и слушаемъ; а потомъ Груша и сама стала ему напоминать, чтобы звать меня, и начала со мною обращаться очень дружественно и я послѣ ея пѣнія не разъ у нея въ покояхъ чай пилъ, вмѣстѣ съ княземъ, но только, разумѣется, или за особымъ столомъ, или гдѣ-нибудь у окошечка, а если когда она одна оставалась, то всегда попросту рядомъ съ собою меня сажала. Вотъ такъ прошло сколько времени, а князь все смутнѣе началъ становиться и одинъ разъ мнѣ и говорить:

— А знаешь что, Иванъ Северьяновъ, такъ и такъ, вѣдь, дѣла мои очень плохи.

Я говорю:

— Чѣмъ же они плохи? Слава Богу, живете какъ надо и все у васъ есть.

А онъ вдругъ обидѣлся.

— Какъ, говорить,—вы, мой полупочтеннѣйшій, глушы, «все есть?» что же это такое у меня *есть*?

— Да все, молъ, что нужно.

— Неправда, говорить,—я обѣднѣлъ, я теперь себѣ на бутылку вина къ обѣду долженъ рассчитывать. Развѣ это жизнь? Развѣ это жизнь?

— Вотъ, думаю,—что тебя огорчаетъ и говорю: ну, если когда вина недостача, еще не велика бѣда, потерпѣть можно, зато есть, что слаще и вина, и меду.

Но онъ понялъ, что я намекаю на Грушу, и какъ будто меня устыдился и самъ ходитъ, рукою машетъ, а самъ говоритъ:

— Конечно... конечно... разумѣется... но только... Вотъ я теперь полгода живу здѣсь и человѣка у себя чужого не видалъ...

— А зачѣмъ, молъ, онъ вамъ, чужой-то человѣкъ, когда есть душа желанная?

Князь вспыхнулъ.

— Ты, говорить,—братецъ, ничего не понимаешь: все хорошо одно при другомъ.

— А-га! думаю: вотъ ты что, братъ, заплѣлъ? и говорю: что же, молъ, теперь дѣлать?

— Давай, говорить, — станемъ лошадьми торговать. Я хочу, чтобы ко мнѣ опять ремонтеры и заводчики ѣздили.

Пустое это и не господское дѣло лошадьми торговать, но, думаю, чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, абы не плакало, и говорю: «извольте».

И начали мы съ нимъ заводить ворокъ. Но чуть за это принялись, князь такъ и унесся въ эту страсть: гдѣ какія деньжонки добудетъ, сейчасъ покупать коней и все беретъ, хватаетъ зря; меня не слушаетъ... Накупили обельму, а продажи нѣтъ... Онъ сейчасъ же этого не стерпѣлъ и коней бросилъ, да давай что попало городить: то кинется необыкновенную мельницу строить, то шорную мастерскую завелъ и все отъ всего убытки и долги, а болѣе всего разстройство въ характерѣ... Постоянно онъ дома не сидитъ, а летаетъ то туда, то сюда, да чего-то ищетъ, а Груша одна и въ такомъ положеніи... въ тягости. Скучаетъ. «Мало, говорить, его вижу», а перемогаетъ себя и великатится, чуть замѣтитъ, что онъ день-другой дома заскучаетъ, сейчасъ сама скажетъ.

— Ты бы, говорить, — изумрудъ мой яхонтовый, куда-

нибудь поѣхалъ, прогулялся, что тебѣ со мною сидѣть: я проста, неученая.

Этихъ словъ онъ, бывало, сейчасъ застыдится и руки у нея цѣлуетъ и дня два-три крѣпится, а зато потомъ, какъ выкатить, такъ уже и завѣется, а ее мнѣ заказываетъ:

— Береги, говоритъ,—ее, полупочтенный Иванъ Северьяновъ, ты артистъ, ты не такой, какъ я, свистунъ, а ты настоящій, высокой степени артистъ, и оттого ты съ нею какъ-то умѣешь такъ говорить, что вамъ обоимъ весело, а меня отъ этихъ «изумрудовъ яхонтовыхъ» въ сонъ клонить.

Я говорю:

— Почему же это такъ? вѣдь, это слово любовное.

— Любовное, отвѣчаетъ,—да глупое и надоѣдное.

Я ничего не отвѣтилъ, а только сталь отъ этого времени къ ней запросто захожъ: когда князя нѣтъ, я всякій день два раза на день ходилъ къ ней во флигель чай пить и какъ могъ ее развлекалъ.

А развлекать было оттого, что она, бывало, если разговорится, все жалуется:

— Милый мой, сердечный мой другъ, Иванъ Северьяновичъ, возговорить,—ревность меня, мой голубчикъ, тягостно мучить.

Ну, я ее, разумѣется, уговариваю:

— Чего, говорю, — очень мучиться: гдѣ онъ ни побываетъ, все къ тебѣ воротится.

А она всплачетъ и руками себя въ грудь бьетъ и говоритъ:

— Нѣтъ, скажи же ты мнѣ... не потай отъ меня, мой сердечный другъ, гдѣ онъ бываетъ?

— У господъ, говорю,—у сосѣдей, или въ городѣ.

— А нѣтъ ли, говоритъ, тамъ гдѣ-нибудь моей съ нимъ разлучницы? Скажи мнѣ: можетъ, онъ допрежъ меня кого любилъ и къ ней назадъ воротился, либо не задумалъ ли онъ, лиходѣй мой, жениться? А у самой при этомъ глаза такъ и загорятся, даже смотрѣть ужасно.

Я ее утѣшаю, а самъ думаю:

«Кто его знаетъ, что онъ дѣлаетъ», потому что мы его мало въ то время и видѣли.

Вотъ какъ вспало ей это на мысль, что онъ жениться хочетъ, она и ну меня просить:

— Съѣзди, такой-сякой, голубчикъ, Иванъ Северьяновичъ, въ городъ; съѣзди, доподлинно узнай о немъ все какъ слѣдуетъ и все мнѣ безъ потайки выскажи.

Пристаетъ она съ этимъ ко мнѣ все больше и больше и до того меня разжалобила, что думаю:

«Ну, была не была, поѣду. Хотя ежели что дурное объ измѣнѣ узнаю, всего ей не выскажу, но посмотрю и приведу все дѣло въ ясность».

Выбралъ такой предлогъ, что будто бы надо самому ѣхать ѣзкарствъ для лошадей у травщиковъ набрать и поѣхалъ, но поѣхалъ не сирота, а съ хитрымъ подходомъ.

Грушѣ было неизвѣстно и людямъ строго-на-строго наказано было отъ нея скрывать, что у князя, до этого случая съ Грушею, была въ городѣ другая любовь,—изъ благородныхъ, секретарская дочка Евгенья Семеновна. Извѣстная она была во всемъ городѣ большая на фортепьянахъ игрица и предобрая барыня, и тоже собою очень хорошая и имѣла съ моимъ княземъ дочку, но располнѣла и онъ ее, говорили, будто за это и бросилъ. Однако, имѣя въ ту пору еще большой капиталъ, онъ купилъ этой барынѣ съ дочкою домъ и онѣ въ томъ домѣ доходцами и жили. Князь къ этой къ Евгеньѣ Семеновнѣ, послѣ того какъ ее наградилъ, никогда не заѣзжалъ, а люди наши, по старой памяти, за ея добродѣтель помнили и всякій прїѣздъ все, бывало, къ ней захаживали, потому что ее любили и она до всѣхъ до нашихъ была ужасно какая ласковая, и княземъ интересовалась.

Вотъ я прїѣхалъ въ городъ прямо къ ней, къ этой доброй барынѣ, и говорю:

— Я, матушка Евгенья Семеновна, у васъ остановился. Она отвѣчаетъ:

— Ну, что же; очень рада. Только отчего же, говорить, ты къ князю не ѣдешь на его квартиру?

— А развѣ, говорю, — онъ здѣсь, въ городѣ?

— Здѣсь, отвѣчаетъ. — Онъ уже другая недѣля здѣсь и дѣло какое-то заводитъ.

— Какое, молъ, еще дѣло?

— Фабрику, говоритъ, — суконную въ аренду беретъ.

— Господи! молъ, еще что такое онъ задумалъ?

— А что, говоритъ, развѣ это худо?

— Ничего, говорю, — только что-то мнѣ это удивительно.

Она улыбается.

— Нѣтъ; а ты, говоритъ, — вотъ чему подивись, что князь мнѣ письмо прислалъ, чтобы я нынче его приняла, что онъ хочетъ на дочь взглянуть.

— И что же, говорю, — вы ему, матушка Евгенья Семеновна, разрѣшили?

Она пожала плечьями и отвѣчаетъ:

— Что же, пусть приѣдетъ, на дочь посмотреть, и съ этимъ вздохнула и задумалась, сидеть опустила головку, а сама еще такая молодая, бѣлая, да вальяжная, а къ тому еще и обращеніе совсѣмъ не то, что у Груши... та, вѣдь, больше ничего, какъ начнетъ свое «изумрудный, да яхонтовый», а эта совсѣмъ другое... Я ее и взревновалъ.

«Охъ, думаю себѣ, какъ бы онъ на дитя-то какъ станетъ смотрѣть, то чтобы на самое на тебя своимъ несатымъ сердцемъ не глянулъ! Отъ сего тогда моей Грушенькѣ много добра не воспослѣдуетъ». И въ такомъ размышленіи сижу я у Евгеньи Семеновны въ дѣтской, гдѣ она велѣла нянѣкѣ меня чаемъ поить, а у дверей вдругъ слышу звонокъ и горничная прибѣгаетъ очень радостная и говоритъ нянюшкѣ:

— Князинька къ намъ приѣхалъ!

Я, было, сейчасъ же и поднялся, чтобы на кухню уйти, но нянюшка Татьяна Яковлевна разговорчивая была старушка изъ московскихъ: страсть любила все высказать и не захотѣла черезъ это слушателя лишиться, а говоритъ:

— Не уходи, Иванъ Голованычъ, а пойдемъ вотъ сюда въ гардеробную за шкапу сядемъ, она его сюда ни за что не поведетъ, а мы съ тобою еще разговорцу проведемъ.

Я и согласился, потому что, по разговорчивости Татьяны Яковлевны, надѣялся отъ нея что-нибудь для Груши полезное свѣдать, и какъ отъ Евгеньи Семеновны мнѣ былъ лодиколонный пузыречикъ рому къ чаю высланъ, а я самъ уже тогда ничего не пилъ, то и думаю: подпущу-ка я ей, божьей старушкѣ, въ чаекъ еще вотъ этого разговорцу изъ пузыречка, авось она, по благодати своей, мнѣ тогда что-нибудь и совретъ, чего бы безъ того и не высказала.

Удалились мы изъ дѣтской и сидимъ за шкапами, а эта шкапная комнатка была узенькая, просто сказать—коридоръ, съ дверью въ концѣ, а та дверь какъ разъ въ ту комнату выходила, гдѣ Евгенья Семеновна князя приняла и даже къ тому къ самому дивану, на которомъ они сѣли. Однимъ словомъ, только меня отъ нихъ раздѣлила эта запертая дверь, съ той стороны матеріей завѣшенная, а то все равно будто я съ ними въ одной комнатѣ сижу, такъ мнѣ все слышно.

Князь какъ вошелъ и говорить:

— Здравствуй, старый другъ, испытанный!

А она ему отвѣчаетъ:

— Здравствуйте, князь! Чему я обязана?

А онъ ей:

— Объ этомъ, говорить, — послѣ поговоримъ, а прежде дай поздороваться и позволь въ головку тебя поцѣловать, и мнѣ слышно, какъ онъ ее въ головку чмокнулъ, и спрашиваетъ про дочь. Евгенья Семеновна отвѣчаетъ, что она, молъ, дома.

— Здорова?

— Здорова, говорить.

— И выросла, небось?

Евгенья Семеновна разсмѣялась и отвѣчаетъ:

— Разумѣется, говорить,—выросла.

Князь спрашиваетъ:

— Надѣюсь, что ты мнѣ ее покажешь?

— Отчего же, отвѣчаетъ,—съ удовольствіемъ, и встала съ мѣста, вошла въ дѣтскую и зоветъ эту самую няню, Татьяну Яковлевну, съ которою я угощаюсь.

— Выведите, говоритъ,—нянюшка, Людочку къ князю.

Татьяна Яковлевна плюнула, поставила блюдо на столъ и говоритъ:

— О, пусто бы вамъ совсѣмъ было, только что сядешь, въ самый аппетитъ съ человѣкомъ поговорить, непременно и тутъ отрываютъ и ничего въ свое удовольствіе сдѣлать не дадутъ! и поскорѣ меня барынинными юбками, которыя на стѣнѣ висѣли, закрыла и говоритъ:—посиди, а сама пошла съ дѣвочкой, а я одинъ за шкапами остался и вдругъ слышу князь дѣвочку разъ и два поцѣловалъ и потетешкалъ на колѣнахъ и говоритъ:

— Хочешь, мой анфанъ, въ каретѣ покататься?

Та ничего не отвѣчаетъ; онъ говоритъ Евгенѣ Семеновнѣ.

— Же ву при, говоритъ, — пожалуйста, пусть она съ нянею въ моей каретѣ поѣздитъ, покатается.

Та, было, ему что-то по-французскому, дескать, зачѣмъ и пуркуа, но онъ ей тоже въ родѣ того, что, дескать, «непременно надобно», и этакъ они раза три словами перебросились и потомъ Евгенья Семеновна нехотя говоритъ нянюшкѣ:

— Одѣньте ее и поѣзжайте.

Тѣ и поѣхали, а эти двоичкой себѣ остались, да я у нихъ подъ сокрытьемъ на послухахъ, потому что мнѣ изъ-за шкаповъ и выйти нельзя, да и самъ себѣ я думалъ: вотъ же когда мой часъ насталъ и я теперь настоящее изслѣдую, что у кого противъ Груши есть въ мысляхъ вреднаго?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пустившись на этакое рѣшеніе, чтобы подслушивать, я этимъ не удовольнился, а захотѣлъ и глазомъ, что можно,

увидѣть и всего этого достигъ: сталъ тихонечко ногами на табуретку и сейчасъ вверху дверей въ пазу щелочку при-смотрѣлъ и жаднымъ окомъ приникъ къ ней. Вижу, князь сидитъ на диванѣ, а барыня стоитъ у окна и, вѣрно, смотритъ, какъ ея дитя въ карету сажаютъ.

Карета отѣхала и она оборачивается и говоритъ:

— Ну, князь, я все сдѣлала, какъ вы хотѣли: скажите же теперь, что у васъ за дѣло такое ко мнѣ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Ну, что тамъ дѣло!.. дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить, а ты прежде подойди-ка сюда ко мнѣ: сядемъ рядомъ, да поговоримъ ладомъ, по-старому, по-бывалому.

Барыня стоитъ, руки назадъ, обѣ окно опирается и молчитъ, а сама бровь супитъ. Князь проситъ:

— Что же, говорить, ты: я прошу, — мнѣ говорить съ тобой надо.

Та послушалась, подходитъ; онъ сейчасъ, это видя, опять шутить:

— «Ну, ну, молъ, посиди, посиди по-старому», и обнять ее хотѣлъ, но она его отодвинула и говоритъ:

— Дѣло, князь, говорите, дѣло: чѣмъ я могу вамъ служить?

— Что же это, спрашиваетъ князь, — стало-быть, безъ разговора все на-чистоту выкладывать?

— Конечно, говорить,—объясняйте прямо, въ чемъ дѣло? мы, вѣдь, съ вами коротко знакомы,—церемониться нечего.

— Мнѣ деньги нужны, говоритъ князь.

Та молчитъ и смотреть.

— И немного денегъ, молвилъ князь.

— А сколько?

— Теперь всего тысячъ двадцать.

Та опять не отвѣчаетъ, а князь и ну расписывать, что я, говоритъ, суконную фабрику покупаю, но у меня денегъ ни гроша нѣтъ, а если куплю ее, то я буду миллионеръ; я, говоритъ, все передѣлаю, все старое уничтожу и выброшу, и начну яркія сукна дѣлать да азіатамъ въ Нижній

продавать. Изъ самой гадости, говорить, вытку, да ярко выкрашу и все пойдетъ, и большія деньги наживу, а теперь мнѣ только двадцать тысячъ на задатокъ за фабрику нужно. Евгенья Семеновна говоритъ:

— Гдѣ же ихъ достать?

А князь отвѣчаетъ:

— Я и самъ не знаю, но надо достать, а потомъ расчетъ у меня самый вѣрный: у меня есть человекъ—Иванъ Голованъ, изъ полковыхъ конасеровъ, очень не уменъ, а золотой мужикъ,—честный, и рачитель, и долго у азіатовъ въ плѣну былъ, и всѣ ихъ вкусы отлично знаетъ, а теперь у Макарія стоитъ ярмарка, я пошлю туда Голована заподрядиться и образцовъ взять, и задатки будутъ... тогда... я, первое, сейчасъ эти двадцать тысячъ отдамъ...

И онъ замолкъ, а барыня помолчала, вздохнула и начинаетъ:

— Расчетъ, говоритъ,—вашъ, князь, вѣренъ.

— Неправда ли?

— Вѣренъ, говоритъ, вѣренъ: вы такъ сдѣлаете: вы дадите за фабрику задатокъ, васъ послѣ этого станутъ считать фабрикантомъ; въ обществѣ заговорятъ, что ваши дѣла поправились...

— Да.

— Да; и тогда...

— Голованъ наберетъ у Макарія заказовъ и задатковъ, и я верну долгъ и разбогатѣю.

— Нѣтъ, позвольте, не перебивайте меня: вы прежде поднимете всѣмъ этимъ на фу-фу предводителя, и пока онъ будетъ почитать васъ богачемъ, вы женитесь на его дочери и тогда, взявши за ней ея приданое, въ самомъ дѣлѣ разбогатѣете.

— Ты такъ думаешь?—говоритъ князь.

А барыня отвѣчаетъ:

— А вы, развѣ, иначе думаете?

— А ну, если ты, говоритъ,—все понимаешь, такъ дай Богъ твоими устами да намъ медъ пить.

— *Намъ?*

— Конечно, говорить,—тогда всѣмъ намъ будетъ хорошо: ты для меня теперь домъ заложишь, а я дочери за двадцать тысячъ десять тысячъ процента дамъ.

Барыня отвѣчаетъ:

— Домъ вашъ: вы ей его подарили, вы и берите его, если онъ вамъ нуженъ.

Онъ было началъ, что: «нѣтъ, дескать, домъ не мой, а ты ея мать, я у тебя прошу... разумѣется, только въ такомъ случаѣ, если ты мнѣ вѣришь...»

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, полноте, говорить,—князь: то ли я вамъ, говорить, вѣрила! Я вамъ жизнь и честь свою довѣряла.

— Ахъ, да, говорить,—ты про это... Ну, спасибо тебѣ, спасибо, прекрасно... Такъ завтра, стало-быть, можно прислать тебѣ подписать закладную?

— Присылайте, говорить,—я подпишу.

— А тебѣ не страшно?

— Нѣтъ, говорить,—я уже то потеряла, послѣ чего мнѣ нечего бояться.

— И не жаль? говори: не жаль? вѣрно, еще ты любишь меня немножечко? что? или просто сожалѣешь? а?

Она на эти слова только засмѣялась и говорить:

— Полноте, князь, пустяки болтать. Не хотите ли вы, лучше я велю вамъ моченой морошки съ сахаромъ подать? У меня она нынче очень вкусная.

Онъ, должно-быть, обидѣлся: не того, видно, совсѣмъ ожидалъ.—встаетъ и улыбается.

— Нѣтъ, говорить,—кушай сама свою морошку, а мнѣ теперь не до сладостей. Благодарю тебя и прощай, и начинаетъ ей руки цѣловать, а тѣмъ временемъ какъ разъ и карета назадъ возвратилась.

Евгенья Семеновна и подаетъ ему на прощанье руку, а сама говорить:

— А какъ же вы съ вашей черноокой цыганкой сдѣлаетесь?

А онъ себя вдругъ рукой по лбу и вскрикнулъ:

— Ахъ, и вправду! какая ты всегда умная! Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь, а я всегда о твоёмъ умѣ вспоминаю и спасибо тебѣ, что ты мнѣ теперь про этотъ яхонтъ напомнила!

— А вы, говорить,—будто про нее такъ и позабыли?

— Ей-Богу, говорить,—позабылъ. И изъ ума вонъ, а ее, дуру, вѣдь, дѣйствительно, надо устроить.

— Устраивайте, отвѣчаетъ Евгенья Семеновна,—только хорошенечко: она, вѣдь, не русская прохладная кровь съ парнымъ молокомъ, она не успокоится смиреніемъ и ничего не проститъ ради прошлаго.

— Ничего, отвѣчаетъ,—какъ-нибудь успокоится.

— Она любить васъ, князь? Говорять, даже очень любить?

— Страсть надоѣла; но, слава Богу, на мое счастье, они съ Голованомъ большіе друзья.

— Что же вамъ изъ этого?—спрашиваетъ Евгенья Семеновна.

— Ничего; домъ имъ куплю и Ивана въ купцы запишу, перевѣнчаются и станутъ жить.

А Евгенья Семеновна покачала головою и, улыгнувшись, промолвила:

— Эхъ, вы, князенька, князенька, безтолковый князенька: гдѣ ваша совѣсть?

А князь отвѣчаетъ:

— Оставь, пожалуйста, мою совѣсть! Ей-Богу, мнѣ теперь не до нея: мнѣ когда бы можно было сегодня Ивана Голована сюда вытребовать.

Барыня ему и сказала, что Иванъ Голованъ, говорить, въ городѣ и даже у меня и приставши. Князь очень этому обрадовался и велѣлъ какъ можно скорѣе меня къ нему прислать, а самъ сейчасъ отъ нея и уѣхалъ.

Вслѣдъ за этимъ пошло у насъ все живою рукою, какъ въ сказкѣ. Надавалъ князь мнѣ довѣренностей и свидѣтельствъ, что у него фабрика есть, и научилъ говорить,

какія сукна вырабатываетъ, и услалъ меня прямо изъ города къ Макарью, такъ что я Груши и повидать не могъ, а только все за нее на князя обижался, что какъ онъ это могъ сказать, чтобы ей моею женой быть? У Макарья мнѣ счастье такъ повалило: набралъ я отъ азіатовъ и заказовъ; и денегъ, и образцовъ, и всѣ деньги князю выслалъ, и самъ пріѣхалъ назадъ и своего мѣста узнать не могу... Просто все какъ будто какимъ-нибудь волшебствомъ здѣсь перемѣнилось: все подновлено, словно изба, къ празднику убранная, а флигеля, гдѣ Груша жила, и слѣда нѣтъ: скрытъ и на его мѣстѣ новая постройка поставлена. Я такъ и ахнулъ и кинулся: гдѣ же Груша? а про нее никто и не вѣдаетъ; и люди-то въ прислугѣ все новые, наемные, и прегордые, такъ что и доступу мнѣ прежняго къ князю нѣтъ. Допрежъ сего у насъ съ нимъ все было по-военному, въ простотѣ, а теперь стало все на политикѣ и что мнѣ надо князю сказать, то не иначе, какъ черезъ камердинера.

Я этого такъ терпѣть не люблю, что ни одной бы минуты здѣсь не остался и сейчасъ бы ушелъ, но только мнѣ очень было жаль Грушу и никакъ я не могу узнать: гдѣ же это она дѣлась? Кого изъ старыхъ людей не спрошу — всѣ молчатъ: видно, что строго заказано. Наслу у одной дворовой старушки добился, что Грушенька еще недавно тутъ была и «всего, говорить, день десять какъ съ княземъ въ коляскѣ куда-то отѣхала и съ тѣхъ поръ назадъ не вернулась». Я къ кучерамъ, кои возили ихъ: сталъ спрашивать, и тѣ ничего не говорятъ. Сказали только, что князь, будто, своихъ лошадей на станціи смѣнилъ, назадъ отослалъ, а самъ съ Грушею куда-то на наемныхъ поѣхалъ. Куда ни метнусь, нѣтъ никакого слѣда, да и полно: погубилъ онъ ее, что ли, злодѣй, ножомъ, или пистолетомъ застрѣлилъ и гдѣ-нибудь въ лѣсу, во рву бросилъ, да сухою листвою призасыпалъ, или въ водѣ утопилъ... Отъ страстнаго человѣка, вѣдь, все это легко можетъ статься; а она ему помѣха была, чтобы жениться, потому что, вѣдь, Евгенья Семеновна правду говорила: Груша любила его, злодѣя.

всею страстной своею любовью цыганскою, каторжной, и ей было то не снесть и не покориться, какъ Евгенья Семеновна сдѣлала, русская христіанка, которая жизнь свою передъ нимъ какъ лампаду истеплила. Въ этой цыганское пламище-то, я думаю, дымнымъ костромъ вспыхнуло, какъ онъ ей насчетъ свадьбы сказалъ, и она тутъ, небось, невѣдомо что зачертила, вотъ онъ ее и покончилъ.

Такъ я все чѣмъ больше эту думу въ головѣ содержу, тѣмъ больше увѣряюсь, что иначе это быть не могло и не могу смотрѣть ни на какіе сборы къ его вѣнчанью съ предводительскою дочкою. А какъ свадьбы день пришелъ и всѣмъ людямъ роздали цвѣтные платки и кому какое идетъ по его должности новое платье, я ни платка, ни убора не надѣлъ, я взялъ все въ конюшнѣ въ своемъ чуланчикѣ покинулъ и ушелъ съ утра въ лѣсъ и ходилъ, самъ не знаю чего, до самаго вечера, все думалъ: не попаду ли гдѣ на ея тѣло убитое? Вечеръ пришелъ, я и вышелъ, сѣлъ на крутомъ берегу надъ рѣчкою, а за рѣчкою весь домъ огнями горитъ, свѣтится и праздникъ идетъ; гости гуляютъ и музыка гремитъ, далеко слышно. А я все сижу да гляжу уже не на самый домъ, а въ воду, гдѣ этотъ свѣтъ весь отразило и струями рябитъ, какъ будто столбы ходятъ, точно водяные чертоги открыты. И стало мнѣ таково грустно, таково тягостно, что даже, чего со мною и въ плѣну не было, началъ я съ невидимой силой говорить и, какъ въ сказкѣ про сестрицу Аленушку называютъ, которую братъ звалъ, зову ее, мою сиротинушку Грунюшку, жалобнымъ голосомъ:

— Сестрица моя, моя, говорю, Грунюшка! откликнись ты мнѣ, отзовись мнѣ; откликнися мнѣ; покажися мнѣ на минуточку! И что же вы изволите думать: простоналъ я этакъ три раза и стало мнѣ жутко и зачало все казаться, что ко мнѣ кто-то бѣжитъ; а вотъ прибѣжалъ, вокругъ меня вѣтятся, въ уши мнѣ шепчеть и черезъ плеча въ лицо засматриваетъ, и вдругъ на меня изъ темноты ночной какъ что-то шаркнетъ!.. И прямо на мнѣ повисло, и колотится...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я отъ страха даже мало на землю не упалъ, но чувствъ совсѣмъ не лишился, и ощущаю, что около меня что-то живое и легкое, точно какъ подстрѣленный журавль, бьется и вздыхаетъ, а ничего не молвить.

Я сотворилъ въ умѣ молитву, и что же-съ?—вижу передъ своимъ лицомъ какъ разъ лицо Груши...

— Родная моя, говорю,—голубушка! живая ли ты, или съ того свѣта ко мнѣ явилася? Ничего, говорю, не потаись, говори правду: я тебя, бѣдной сироты, и мертвой не испугаюсь.

А она глубоко-глубоко изъ глубины груди вздохнула и говорить:

— Я жива.

— Ну, и слава, молъ, Богу.

— Только я, говорить,—сюда умереть вырвалась.

— Что ты, говорю,—Богъ съ тобой, Грунюшка: зачѣмъ тебѣ умирать. Пойдемъ жить счастливою жизнью: я для тебя работать стану, а тебѣ, сиротиночкѣ, особливую келлейку учрежду, и ты у меня живи замѣсто милой сестры.

А она отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, Иванъ Северьянычъ, нѣтъ, мой ласковый, милъ-сердечный другъ, прими ты отъ меня, сироты, на томъ твоёмъ словѣ вѣчный поклонъ, а мнѣ, горькой цыганкѣ, больше жить нельзя, потому что я могу неповинную душу загубить.

Пытаю ее:

— Про кого же ты это говоришь? про чью душу жалеешь?

А она отвѣчаетъ:

— Про ее, про лиходѣя моего жену молодую, потому что она — молодая душа, ни въ чемъ неповинная, а мое ревнивое сердце ее все равно стереть не можетъ, и я ее и себя погублю.

— Что ты, моль, перекрестись: вѣдь, ты крещеная, а что душѣ твоей будетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, отвѣчаетъ, — я и души не пожалѣю, пуская въ адъ идетъ. Здѣсь хуже адъ!

Вижу, вся женщина въ разстройствѣ и въ изступленіи ума: я ее взялъ за руки и держу, а самъ вглядываюсь и дивлюсь, какъ страшно она перемѣнилась и гдѣ вся ея красота дѣлась? тѣла даже на ней какъ нѣтъ, а только одни глаза среди темнаго лица, какъ въ ночи у волка, горятъ, и еще будто противъ прежняго вдвое больше стали, да нѣдро разнесло, потому что тягость ея тогда къ концу приходила, а личико въ кулачокъ сжало, и по щекамъ черныя космы трепятся. Гляжу на платьице, какое на ней надѣто, а платьице темное ситцевенькое, какъ есть все въ клочечкахъ, а башмачки на босу ногу.

— Скажи, говорю, — мнѣ: откуда же ты это сюда взялась; гдѣ ты была и отчего такая неприглядная?

А она вдругъ улыбнулася и говорить:

— Что?.. чѣмъ я нехороша?.. Хороша! — Это меня такъ убралъ милъ-сердечный другъ за любовь къ нему за вѣрную: за то, что того, котораго больше его любила, для него позабыла, и вся ему предалась, безъ ума и безъ разума, а онъ меня за то въ крѣпкое мѣсто упряталъ и сторожей настановилъ, чтобы строго мою красоту стеречь...

И съ этимъ, вдругъ-съ, какъ захохочетъ и молвить съ гнѣвностью:

— Ахъ ты, глупая твоя голова княженецкая: развѣ цыганка—барышня, что ее запоры удержатъ? Да я захочу, я сейчасъ брошуся и твоей молодой женѣ горло переѣмъ.

Я вижу, что она сама вся трясется отъ ревнивой муки, и думаю: дай я ее не страхомъ ада, а сладкимъ воспоминаніемъ отъ этихъ мыслей отведу, и говорю:

— А, вѣдь, какъ, моль, онъ любилъ-то тебя! Какъ любилъ! Какъ ноги-то твои цѣловалъ... Бывало, на колѣняхъ передъ диваномъ стоитъ, какъ ты поешь, да алую туфлю твою и сверху, и снизу въ подошву обцалуетъ...

Она это стала слушать и вѣщицами своими черными водить по сухимъ щекамъ, и, въ воду глядя, начала гулкимъ тихимъ голосомъ:

— Любишь, говорить, — любишь, злодѣй, любишь, ничего не жалѣлъ, пока не былъ самъ мнѣ по-сердцу, а полюбила его—онъ покинулъ. А за что?.. Что она, моя разлучница, лучше меня что ли, или больше меня любить его станетъ... Глухой онъ, глупый! Не грѣть солнцу зимой противъ лѣтняго, не видать ему вѣкъ любви противъ того, какъ я любила: такъ ты и скажи ему: молъ, Груша, умирая, такъ тебѣ ворожила и на рокъ положила.

Я тутъ и радъ, что она разговорилась, и присталь, спрашиваю:

— Да что это такое у васъ произошло и черезъ что все это сталося?

А она всплескиваетъ руками и говорить:

— Ахъ, ни черезо-что ничего не было, а все черезъ одно измѣнство... Нравиться ему я перестала, вотъ и вся причина; и сама, знаете, все это говорить, а сама начинаетъ слезами хлепать. Онъ, говорить, платьевъ мнѣ, по своему вкусу, такихъ нашиль, какихъ тягостной не требуется: узкихъ да съ таліями; я ихъ надѣну, выстроюсь, а онъ сердится, говорить: «скинь; не идетъ тебѣ»; не надѣну ихъ, въ распашнѣ покажусь, еще того вдвое обидится... говорить: «на кого похожа ты?» Я все поняла, что уже не воротить мнѣ его, что я ему опротивѣла...

И съ этимъ, совсѣмъ зарыдала и сама впередъ смотреть, а сама шепчетъ:

— Я, говорить, — давно это чужла, что не мила ему стала, да только совѣсть его хотѣла узнать, думала: — ничѣмъ ему не досажу и догляжусь его жалости, а онъ меня и пожалѣлъ...

И рассказала-съ она мнѣ насчетъ своей послѣдней съ княземъ разлуки такую пустяковину, что я даже не понялъ, да и по сейчасъ не могу понять: на чемъ коварный человекъ можетъ съ женщиною вѣковѣчно разстроиться?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Разказала Груша мнѣ, что какъ ты, говорить,—уѣхаль да пропаль, то-есть, это когда я къ Макарью отправился, князя еще долго домой не было; а до меня, говорить, слухи дошли, что онъ женится... Я отъ тѣхъ слуховъ страшно плакала и съ лица спала... Сердце болѣло и дитя подкапывало... думала: оно у меня умретъ въ утробѣ. А тутъ, слышу, вдругъ и говорятъ: «онъ ѣдетъ!» Все во мнѣ затрепетало!.. Кинулась я къ себѣ во флигель, чтобы какъ можно лучше къ нему одѣться, изумрудныя серьги надѣла, и тащу со стѣны изъ-подъ простыни самое любимое его голубое моревое платье съ кружевомъ, лифъ безъ горлышка... Спѣшу, одѣваю, а сзади спинка не сходится... я эту спинку и не застегнула, а такъ, поскорѣе, сверху алую шаль набросила, чтобы не видать, что не застегнуто, и къ нему на крыльцо выскочила... вся дрожу, и себя не помню какъ крикнула:

— Золотой ты мой, изумрудный, яхонтовый!—да обхватила его шею руками и замерла...

Дурнота съ нею сдѣлалась.

— А прочудилась я, говорить,—у себя въ горницѣ... на диванѣ лежу и все вспоминаю: во снѣ, или наяву я его обнимала; но только была, говорить, со мною ужасная слабость и долго она его не видала... Все посылала за нимъ, а онъ не ишелъ.

Наконецъ, онъ приходитъ, а она и говорить:

— Что же ты меня совсѣмъ бросилъ—позабылъ?

А онъ говорить:

— У меня есть дѣла.

Она отвѣчаетъ:

— Какія, говорить,—такія дѣла? Отчего же ихъ прежде не было? Изумрудъ ты мой брилліантовой! да и протягиваетъ опять руки, чтобы его обнять, а онъ наморщился и какъ дернетъ ее изо всей силы крестовымъ шнуркомъ за шею...

— На счастье, говорить,—мое, шелковый шнурочекъ у меня на шеѣ не крѣпокъ былъ, перезніалъ и перервался, потому что я давно на немъ ладанку носила, а то бы онъ мнѣ горло передушилъ; да я полагаю такъ, что онъ того именно и хотѣлъ, потому что даже весь побѣлѣлъ и шипитъ:

— Зачѣмъ ты такіе грязные шнурки носишь?

А я говорю:

— Что тебѣ до моего шнурка; онъ чистый былъ, а это на мнѣ съ тоски почернѣлъ отъ тяжелаго пота.

А онъ:

— Тьфу, тьфу, тьфу, заплевалъ, заплевалъ, и ушелъ, а передъ вечеромъ входитъ сердитый и говоритъ:

— Поѣдемъ въ коляскѣ кататься! и притворился, будто ласковый и въ голову меня поцаловалъ, а я, ничего не опасаясь, сѣла съ нимъ и поѣхала. Ѣхали мы долго и два раза лошадей перемѣняли, а куда ѣдемъ—никакъ не доспрошусь у него, но вижу настало мѣсто лѣсное и болотное, непригожее, дикое. И пріѣхали среди лѣса на какую-то пчельню, а за пчельнею—дворъ, и тутъ встрѣчаютъ насъ три молодые здоровыя дѣвки-однودворки въ мареновыхъ красныхъ юбкахъ и зовутъ меня «барыней». Какъ я изъ коляски спустилась, онъ меня подъ руки выхватили и прямо понесли въ комнату, совсѣмъ убранныю.

Меня что-то сразу отъ всего этого, и особливо отъ этихъ однудворокъ, замутило и сердце мое сжалось.

— Что это, спрашиваю его,—какая здѣсь станція?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это ты здѣсь теперь будешь жить.

Я стала плакать, руки его цѣловать, чтобы не бросалъ меня тутъ, а онъ и не пожалѣлъ: толкнулъ меня прочь и уѣхалъ...

Тутъ Грушенька умолкла и личико внизъ спустила, а потомъ вздыхаетъ и молвитъ:

— Уйти хотѣла; сто разъ порывалась—нельзя: тѣ дѣвки-однудворки стерегутъ и глазъ не спущаютъ... Томилась я, да, наконецъ, вздумала притвориться, и прикинулась без-

заботною, веселою, будто гулять захотѣла. Онѣ меня гулять въ лѣсъ берутъ, да все за мной смотрять, а я смотрю по деревьямъ, по верхамъ вѣтвей да по кожурѣ примѣчаю — куда сторона на полдень, и вздумала, какъ мнѣ отъ этихъ дѣвокъ уйти и вчера то исполнила. Вчера, послѣ обѣда, вышла я съ ними на полянку, да и говорю:

— Давайте, говорю, — ласковыя, въ жмурки по полянкѣ бѣгать.

Онѣ согласились.

— А на мѣсто глазъ, говорю, — станемъ другъ дружкѣ руки назадъ вязать, чтобы задомъ ловить.

Онѣ и на то согласны.

Такъ и стали. Я первой руки за спину крѣпко-на-крѣпко завязала, а съ другою за кустъ забѣжала да и эту тамъ спутала, а на ея крикъ третья бѣжить, я и третью у тѣхъ въ глазахъ силкомъ скрутила; онѣ кричать, а я, хоть тягостная, ударилась быстрѣй коня рѣзваго: все по лѣсу, да по лѣсу и бѣжала цѣлую ночь, и на утро упала у старыхъ бортей въ густой засѣкѣ. Тутъ подошелъ ко мнѣ старый старичокъ, говоритъ — неразборчиво шамкаетъ, а самъ весь въ воску и ото всего отъ него медомъ пахнетъ, и въ желтыхъ бровяхъ пчелки ворочаются. Я ему сказала, что я тебя, Ивана Северьяныча, видѣть хочу, а онъ говоритъ:

— Кличь его, молодка, разъ подь вѣтеръ, а разъ супротивъ вѣтра: онъ затоскуетъ и пойдетъ тебя искать, — вы и встрѣтитесь. Даль онъ мнѣ воды испить и медку на огурчикѣ подкрѣпиться. Я воды испила и огурчикъ съѣла и опять пошла, и все тебя звала, какъ онъ велѣлъ, то по вѣтру, то противъ вѣтра — вотъ и встрѣтились. Спасибо! и обняла меня и поцѣловала, и говоритъ: ты мнѣ все равно, что милый братъ.

Я говорю:

— И ты мнѣ все равно, что сестра милая, а у самого отъ чувства слезы пошли.

А она плачетъ и говоритъ:

— Знаю я, Иванъ Северьянычъ, все знаю и разумѣю;

одинъ ты и любилъ меня, милъ-сердечный другъ мой, ласковый. Докажи же мнѣ теперь твою послѣднюю любовь, сдѣлай, что я попрошу тебя въ этотъ страшный часъ.

— Говори, отвѣчаю,—что тебѣ хочется?

— Нѣтъ, ты, говорить,—прежде поклянись чѣмъ страшнѣе въ свѣтѣ есть, что сдѣлаешь о чемъ просить стану.

Я ей своимъ спасеньемъ души поклялся, а она говорить:

— Это мало: ты это ради меня преступишь. Нѣтъ, ты, говорить,—страшнѣй поклянись.

— Ну, уже я, моль, страшнѣе этого ничего не могу придумать.

— Ну, такъ я же, говорить,—за тебя придумала, а ты за мной поспѣвай, говори, и не раздумывай.

Я сдуру пообѣщался, а она говорить:

— Ты мою душу прокляни такъ, какъ свою клялъ, если меня не слушаешь.

— Хорошо, говорю,—и взялъ да ея душу проклялъ.

— Ну, такъ послушай же, говорить:—теперь же стань поскорѣе душѣ моей за спасителя; моихъ, говорить, больше силъ нѣтъ такъ жить да мучиться, видючи его измѣну и надо мной надругательство. Если я еще день проживу, я и *его*, и *ее* порѣшу, а если ихъ пожалѣю, себя рѣшу, то навѣкъ убью свою душеньку... Пожалѣй меня, родной мой, мой миленый братъ: ударь меня разъ ножомъ противъ сердца.

Я отъ нея въ сторону, да крещу ее, а самъ пячуся, а она сбвила ручками мои колѣни, а сама плачетъ, сама въ ноги кланяется и увѣщаетъ:

— Ты, говорить, — поживешь; ты Богу отмолишь и за мою душу, и за свою, не погуби же меня, чтобы я на себя руку подняла... Н... н... н... у...

Иванъ Северьянычъ страшно наморщилъ брови и, покусавъ усы, словно выдохнулъ изъ глубины расхопившейся груди:

— Ножъ у меня изъ кармана достала... розняла... изъ ручки лезвее выправила... и въ руки мнѣ суетъ... А сама... стала такое несть, что терить нельзя...

— Не убьешь, говорить,—меня, я всѣмъ вамъ въ отместку стану самою стыдной женщиной.

Я весь задрожалъ и велѣлъ ей молиться, и колотъ ее не сталъ, а взялъ, да такъ съ крутизны въ рѣку и спихнулъ...

Всѣ мы, выслушавъ это послѣднее признаніе Ивана Северьяныча, впервые заподозрили справедливость его разсказа и хранили довольно долгое молчаніе, но, наконецъ, кто-то откашлянулся и молвилъ:

— Она утонула?

— Залилась, отвѣчалъ Иванъ Северьяновичъ.

— А вы же какъ потомъ?

— Что такое?

— Пострадали небось?

— Разумѣется-съ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я бѣжалъ оттоль, съ того мѣста, самъ себя не понимая, а помню только, что за мною все будто кто-то гнался ужасно какой большой и длинный, и безстыжій, обнагощен- ный, а тѣло все черное и голова малая, какъ луновочка, а самъ весь обростенькій, въ волосахъ, и я догадался, что это если не Каинъ, то самъ губитель-бѣсъ, и все я отъ него убѣгалъ и звалъ къ себѣ ангела-хранителя. Опомился же я гдѣ-то на большой дорогѣ, подъ ракисточкой. И такой это день былъ осенній, сухой, солнце свѣтитъ, а холодно, и вѣтеръ, и пыль несетъ, и желтый листь крутитъ; а я не знаю, какой часъ, и что это за мѣсто, и куда та дорога ведетъ, и ничего у меня на душѣ нѣтъ, ни чувства, ни опредѣленія, что мнѣ дѣлать; а думаю только одно, что Грушина душа теперь погибшая и моя обязанность за нее отстрадать и ее изъ ада выручить. А какъ это сдѣлать,— не знаю и объ этомъ тоскую, но только вдругъ меня за плечо что-то тронуло: гляжу — это хворостинка съ ракиты пала и далеконько такъ покатила, покатила и вдругъ Груша идетъ, только маленькая, не больше какъ будто ей

всего шесть, или семь лѣтъ, и за плечами у нея малыя крылышки; а чуть я ее увидалъ, она уже сейчасъ отъ меня какъ выстрѣлъ отлетѣла и только пыль да сухой листъ вслѣдъ за ней воскурились.

Думаю я: это непременно ея душа за мной слѣдуетъ, вѣрно, она меня манить и путь мнѣ кажетъ. И пошелъ. Весь день я шель, самъ не знаю куда и не въ моготу усталъ, и вдругъ нагоняють меня люди, старичокъ со старушкою на телѣгѣ парю, и говорятъ:

— Садись, бѣдный человѣкъ, мы тебя подвеземъ.

Я сѣлъ. Они ѣдутъ и убиваются:

— Горе, говорятъ, у насъ: сына въ солдаты берутъ, а капиталу не имѣемъ, нанять не на что.

Я старичковъ пожалѣлъ и говорю:

— Я бы за васъ такъ, безъ платы пошелъ, да у меня бумага нѣтъ.

А они говорятъ:

— Это пустяки: то уже наше дѣло; а ты только назовись, какъ нашъ сынъ, Петромъ Сердюковымъ.

— Что же, отвѣчаю, — мнѣ все равно: я своему ангелу Ивану Предтечѣ буду молитвить, а называться я могу всѣчески, какъ вамъ угодно. Тѣмъ и покончили, и отвезли они меня въ другой городъ и сдали меня тамъ вмѣсто сына въ рекруты, и дали мнѣ на дорогу монетою двадцать пять рублей, а еще обѣщались во всю жизнь помогать. Я эти деньги, что отъ нихъ взялъ, двадцать пять рублей, сейчасъ положилъ въ бѣдный монастырь вкладъ за Грушину душу, а самъ сталъ начальство просить, чтобы на Кавказъ меня опредѣлить, гдѣ я могу скорѣе за вѣру умереть. Такъ и сдѣлалось, и я пробылъ на Кавказѣ болѣе пятнадцати лѣтъ и никому не открывалъ ни настоящаго своего имени, ни званія, а все назывался Петръ Сердюковъ и только на Ивановъ день Богу за себя молилъ, черезъ Предтечу ангела. И позабылъ уже я самъ про все мое прежнее бытiе и званiе, и дослуживаю такимъ манеромъ послѣднiй годъ, какъ вдругъ на самый на Ивановъ день были мы въ погонѣ за

татарами, а тѣ напоскудили и ушли за рѣку Койсу. Тѣхъ Койсь въ томъ мѣстѣ нѣсколько: которая течетъ по Андїи, такъ и зовется андїйская, которая по Аварїи—зовется аварїйская Койса, а то корикумуйская и кузикумуйская, и всѣ они сливаются и отъ сливу ихъ зачинается Сулакь-рѣка. Но всѣ онѣ, и по себѣ сами, быстры и холодны, особливо андїйская, за которую татарва ушли. Много мы ихъ тутъ безъ счету этихъ татаровъ побили, но кои переправились за Койсу—тѣ сѣли на томъ берегу за камнями, и чуть мы покажемся, они въ насъ палятъ. Но палятъ съ такою сноровкою, что даромъ огня не тратятъ, а берегутъ зелье на вѣрный вредъ, потому что знаютъ, что у насъ снаряду не въ примѣръ больше ихняго, и такъ они намъ вредно чинятъ, что стоимъ мы всѣ у нихъ въ виду, они, шельмы, ни разу въ насъ и не пукнуть. Полковникъ у насъ былъ отважной души и любилъ изъ себя Суворова представлять, все, бывало, «помилуй Богъ» говорилъ и своимъ примѣромъ отвагу давалъ. Такъ онъ тутъ сѣлъ на бережку, а ноги разулъ и по колѣни въ эту холоднищую воду опустилъ, а самъ хвалится:

— Помилуй Богъ, говоритъ,—какъ вода тепла: все равно, что твое парное молочко въ доеночкѣ. Кто, благодѣтели, охотники на ту сторону переплыть и канатъ перетащить, чтобы мостъ навести?

Сидитъ полковникъ и такимъ манеромъ съ нами растабарываетъ, а татары съ того бока два ствола ружей въ щель выставили, а не стрѣляютъ. Но только что два солдатика-охотнички вызвались и поплыли, какъ сверкнетъ пламя и оба тѣ солдатика въ Койсу такъ и нырнули. Потянули мы канатъ, пустили другую пару, а сами тѣ камни, гдѣ татары спрятавшись, какъ роемъ, пулями осыпаемъ, но ничего имъ повредить не можемъ, потому что пули наши въ камни бьютъ, а они, анаемы, какъ плюнуть въ пловцовъ, такъ вода кровью замутилась, и опять тѣ два солдатика юркнули. Пошли за ними и третья пара, и тоже середины Койсы не доплыли, какъ татары и этихъ утопили. Тутъ уже за третьею парю и мало стало охотниковъ, потому что ви-

димо всѣмъ, что это не война, а просто убійство, а наказывать злодѣевъ надобно. Полковникъ и говоритъ:

— Слушайте, мои благодѣтели! Нѣтъ ли изъ васъ кого такого, который на душѣ смертный грѣхъ за собой знаетъ? Помилуй Богъ, какъ бы ему хорошо теперь своей кровью беззаконіе смыть!

Я и подумалъ:

«Чего же мнѣ лучше, этого случая ждать, чтобы жизнь кончить? благослови Господи часъ мой!» и вышелъ, раздѣлся, «Отчу» прочиталъ, на всѣ стороны начальству и товарищамъ въ землю ударилъ и говорю въ себѣ: «ну, Груша, сестра моя названная, прими за себя кровь мою!» да съ тѣмъ взялъ въ ротъ тонкую бечеву, на которой другимъ концомъ былъ канатъ привязанъ, да, разбѣжавшись съ берегу, и юркнулъ въ воду.

Вода страсть была холодна: у меня даже подъ мышками закололо и грудь мреть, судорога ноги тянетъ, а я плыву... Поверхъ наши пули летятъ, а вокругъ меня татарскія въ воду шлепаютъ, а меня не касаются и я не знаю: раненъ я или не раненъ, но только достигъ берега... Тутъ татарамъ меня уже бить нельзя, потому что я какъ разъ подъ ущельемъ сталъ, и чтобы имъ стрѣлять въ меня, надо имъ изъ щели высунуться, а наши ихъ съ того берега пулями какъ пескомъ осыпаютъ. Вотъ я стою подъ камнями и тяну канатъ, и перетянулъ его, и мостокъ справили, и вдругъ наши сюда уже идутъ, а я все стою и, какъ самъ изъ себя изъять, ничего не понимаю, потому что думаю: видѣлъ ли кто-нибудь то, что я видѣлъ? А я видѣлъ, когда плылъ, что надо мною Груша летѣла и была она какъ отроковица, примѣрно, въ шестнадцать лѣтъ и у нея крылья уже огромныя, свѣтлыя, черезъ всю рѣку и она ими меня огораживала... Однако, вижу, никто о томъ ни слова не говоритъ: ну, думаю, надо мнѣ самому это рассказать. Какъ меня полковникъ сталъ обнимать и самъ цѣлуетъ, а самъ хвалить:

— Ой, помилуй Богъ, говоритъ,—какой ты, Петръ Сердюковъ, молодецъ!

А я отвѣчаю:

— Я, ваше высокоблагородіе, не молодець, а большой грѣшникъ и меня ни земля, ни вода принимать не хочетъ.

Онъ вопрошаетъ:

— Въ чемъ твой грѣхъ?

А я отвѣчаю:

— Я, говорю, на своемъ вѣку много неповинныхъ душъ погубилъ, да и рассказалъ ему ночью подъ палаткою все, что вамъ теперь сказывалъ.

Онъ слушалъ-слушалъ и задумался, и говоритъ:

— Помилуй Богъ, сколько ты одинъ перенесъ, а, главное, братецъ, какъ ты хочешь, а тебя надо въ офицеры произвести. Я объ этомъ представленіе пошлю.

Я говорю:

— Какъ угодно, а только пошлите и туда узнать: не вѣрно ли я показываю, что я цыганку убилъ?

— Хорошо, говоритъ,—и объ этомъ пошлю.

И послали, но только ходила-ходила бумага и назадъ пришла съ невѣрностью. Объяснено, что никогда, говорятъ, у насъ такого происшествія ни съ какою цыганкою не было, а Иванъ-де Северьяновъ хотя и былъ, и у князя служилъ, только онъ черезъ заочный выкупъ на волю вышелъ и опосля того у казенныхъ крестьянъ Сердюковыхъ въ домъ померъ.

— Ну, что тутъ мнѣ было больше дѣлать: чѣмъ свою вину доказывать?

А полковникъ говоритъ:

— Не смѣй, братецъ, больше на себя этого врать: это ты, какъ черезъ Койсу плыль, такъ ты отъ холодной воды, да отъ страху въ умѣ немножко помѣшался, и я, говоритъ, очень за тебя радъ, что это все неправда, что ты наговорилъ на себя. Теперь офицеромъ будешь: это, братъ, помилуй Богъ, какъ хорошо.

Тутъ я даже и самъ мыслями растерялся: точно ли я спихнулъ Грушу въ воду, или это мнѣ тогда все отъ страшной по ней тоски сильное воображеніе было?

И сдѣлали-съ меня за храбрость офицеромъ, но только

какъ я все на своей истинѣ стоялъ, чтобы открыть свою запрошедшую жизнь, то чтобы отъ этого мнѣ больше безпокойства не имѣть, пустили меня съ Георгіемъ въ отставку.

— Поздравляемъ, говорятъ,—тебя, ты теперь благородный и можешь въ приказные идти; помилуй Богъ, какъ спокойно, и письмо мнѣ полковникъ къ одному большому лицу въ Петербургъ далъ: ступай, говоритъ, онъ твою карьеру и благополучіе совершить. Я съ этимъ письмомъ и добрался до Питера, но не посчастливилось мнѣ насчетъ карьеры.

— Чѣмъ же?

— Долго очень безъ мѣста ходилъ, а потомъ на ѳиту попалъ, и оттого стало еще хуже.

— Какъ на *ѳиту*? что это значитъ?

— Тотъ покровитель, къ которому я насчетъ карьеры былъ присланъ, въ адресный столъ справщикомъ опредѣлилъ, а тамъ у всякаго справщика своя буква есть, по какой кто справкѣ завѣдуетъ. Иныя буквы есть очень хорошія, какъ напимѣръ буки, или покой, или како: много на нихъ фамиліевъ начинается и справщику есть доходъ, а меня поставили на ѳиту. Самая ничтожная буква, очень на нея мало пишется и то еще изъ тѣхъ, кои по всѣмъ видамъ ей принадлежать, все отъ нея отлыниваютъ и лукавятъ: кто чуть хочетъ благородиться, сейчасъ себя самовластно вмѣсто ѳиты черезъ фертъ ставитъ. Ищешь-ищешь его подъ ѳитою—только пропащая работа, а онъ подъ фертомъ себя проименовалъ. Никакой пользы нѣтъ, а сиди на службѣ; ну, я и вижу, что дѣло плохо, и сталъ опять наниматься, по старому обыкновенію, въ кучера, но никто не беретъ; говорятъ: ты благородный офицеръ, и военный орденъ имѣешь, тебя ни обругать, ни ударить непристойно... Просто хотъ повѣситься, но я, благодаря Бога, и съ отчаянности до этого себя не допустилъ, а чтобы съ голоду не пропасть, взялъ да въ артисты пошелъ.

— Какимъ же вы были артистомъ?

Роли представлялъ.

— На какомъ театрѣ?

— Въ балаганѣ на Адмиралтейской площади. Тамъ благородствомъ не гнушаются и всѣхъ принимаютъ: есть и изъ офицеровъ, и столоначальники, и студенты, а особенно сенатскихъ очень много.

— И понравилась вамъ эта жизнь?

— Нѣтъ-съ.

— Чѣмъ же?

— Во-первыхъ, разучка вся и репетиціи вдутъ на Страстной недѣлѣ или передъ масляницей, когда въ церкви поютъ: «покаянія отверзи ми двери», а во-вторыхъ, у меня роль была очень трудная.

— Какая?

— Я демона изображалъ.

— Чѣмъ же это особенно трудно?

— Какъ же-съ: въ двухъ перемѣнахъ танцовать надо, и кувыркаться, а кувыркнувшись страсть неспособно, потому что весь обшить лохматой шкурой сѣдого козла вверхъ шерстью; и хвостъ долгій на проволокъ, но онъ постоянно промежь ногъ путается, а рога на головѣ за что попало цѣпляются, а годы уже стали не прежніе, не молодые и легкости нѣтъ; а потомъ еще во все продолженіе представленія расписано меня бить. Ужасно какъ это докучаетъ. Палки этакія, положимъ, пустыя, изъ холстины сдѣланы, а въ срединѣ хлопья, но, однако, скучно ужасно это терпѣть, что все по тебѣ хлопъ да хлопъ, а иные къ тому еще съ холоду, или для смѣху изловчатся и бьютъ довольно больно. Особенно изъ сенатскихъ приказныхъ, которые въ этомъ опытные и дружные: все за своихъ стоятъ, а которые попадутся военные, они тѣмъ ужасно докучаютъ, и все это продолжительно начнутъ бить передъ всей публикой съ полдня, какъ только полицейскій флагъ поднимается, и бьютъ до самой до ночи, и все, всякій, чтобы публику утѣшить, норовитъ громче хлопнуть. Ничего пріятнаго нѣтъ. А вдобавокъ ко всему со мною и здѣсь непріятное послѣдствіе вышло, послѣ котораго я долженъ былъ свою роль оставить.

— Что же это такое съ вами случилось?

— Принца одного я за вихорь подралъ.

— Какъ принца?

— То-есть не настоящаго-съ, а театрашнаго: онъ изъ сенатскихъ былъ, коллежскій секретарь, но у насъ принца представлялъ.

— За что же вы его прибили?

— Да стоило-съ его еще и не этакъ. Насмѣшникъ злой былъ и выдумщикъ и все надъ всѣми штуки выдумывалъ.

— И надъ вами?

— И надо мною-съ: много шутокъ строилъ; костюмъ мнѣ портилъ; въ грѣльнѣ, гдѣ мы, бывало, надъ угольями грѣлися и чай пили, подкрадется, бывало, и хвостъ мнѣ къ рогамъ прицѣпить, или еще что глупое сдѣлаетъ насмѣхъ, а я не осмотрюсь да такъ къ публикѣ выбѣгу, а хозяинъ сердится; но я за себя все ему спускалъ, а онъ вдругъ сталъ одну фею обижать. Молоденькая такая дѣвочка, изъ бѣдныхъ дворяночекъ, богиню Фортуну она у насъ изображала и этого принца отъ моихъ рукъ спасать должна была. И роль ея такая, что она вся въ одной блестящей тюли выходитъ и съ крыльями, а морозы большіе и у нея, у бѣдной, ручки совсѣмъ посинѣли, зашлись, а онъ ее допекаетъ, лѣзетъ къ ней, и когда мы втроемъ въ апофеозѣ въ подполь проваливаемся, за тѣло ее щипетъ. Мнѣ ее очень жаль стало: я его и оттрепалъ.

— И чѣмъ же это кончилось?

— Ничего; въ провалѣ свидѣтелей не было, кромѣ самой этой феи, а только наши сенатскіе всѣ взбунтовались и не захотѣли меня въ трупѣ имѣть; а какъ они первые тамъ представители, то хозяинъ для ихъ удовольствія меня согналъ.

— И куда же вы тогда дѣлись?

— Совсѣмъ безъ крова и безъ пищи, было, остался, но эта благодарная фея меня питала, но только мнѣ совѣстно стало, что ей, бѣдной, самой такъ трудно достается, и я все думалъ, думалъ, какъ этого положенія избавиться? На оуту

не захотѣлъ ворочаться, да и къ тому на ней уже другой бѣдный человекъ сидѣлъ, мучился, такъ я взялъ и пошелъ въ монастырь.

— Отъ этого только?

— Да, вѣдь, что же дѣлать-съ? дѣться было некуда. А тутъ хорошо.

— Полюбили вы монастырскую жизнь?

— Очень-съ; очень полюбилъ,—здѣсь покойно, все равно какъ въ полку, много сходственнаго, все тебѣ готовое и одѣтъ, и обувь, и накормленъ, и начальство смотреть, и повиновеніе спрашиваетъ.

— А васъ это повиновеніе иногда не тяготитъ?

— Для чего же-съ? что больше повиноваться, то человеку спокойнѣе жить, особенно въ моемъ послушаніи и обижаться нечѣмъ: къ службамъ я въ церковь не хожу иначе, какъ развѣ самъ пожелаю, а исправляю свою должность по-привычному, скажутъ: «запрягай, отецъ Измаиль» (меня теперь Измаиломъ зовутъ),—я запрягу; а скажутъ: «отецъ Измаиль, отпрягай»—я откладываю.

— Позвольте, говоримъ,—такъ это что же такое, выходить вы и въ монастырѣ сстались... при лошадяхъ?

— Постоянно-съ въ кучерахъ. Въ монастырѣ этого моего званія офицерскаго не опасаются, потому что я хотя и въ маломъ еще постригѣ, а все же монахъ и со всѣми сравненъ.

— А скоро же вы примете старшій постригъ?

— Я его не приму-съ.

— Это почему?

— Такъ... достойнымъ себя не почитаю.

— Это все за старые грѣхи или заблужденія?

— Д-д-а-съ; да и вообще зачѣмъ? я своимъ послушаніемъ очень доволенъ и живу въ спокойствіи.

— А вы рассказывали кому-нибудь прежде всю свою исторію, которую теперь намъ рассказали?

— Какъ же-съ; не разъ говорилъ; да что же, когда справокъ нѣтъ... не вѣрятъ, такъ и въ монастырь свѣт-

скую ложь занесъ, и здѣсь изъ благородныхъ числюсь. Да уже все равно доживать: старъ становлюсь.

Исторія очарованнаго странника, очевидно, приходила къ концу: оставалось полюбопытствовать только объ одномъ: какъ ему повелось въ монастырѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Такъ какъ нашъ странникъ доплылъ въ своемъ разсказѣ до послѣдней житейской пристани,—до монастыря, къ которому онъ, по глубокой вѣрѣ его, былъ отъ рожденія предназначенъ, и такъ какъ ему здѣсь, казалось, все столь благопріятствовало, то приходилось думать, что тутъ Иванъ Северьяновичъ болѣе уже ни на какія напасти не натыкался; однакоже, вышло совсѣмъ иное. Одинъ изъ нашихъ сопутниковъ вспомнилъ, что иноки, по всѣмъ о нихъ сказаніямъ, постоянно очень много страдаютъ отъ бѣса, и спросилъ:

— А скажите, пожалуйста, бѣсъ васъ въ монастырѣ не искушалъ? вѣдь, онъ, говорятъ, постоянно монаховъ искушаетъ?

Иванъ Северьяновичъ бросилъ изъ-подъ бровей спокойный взглядъ на говорящаго и отвѣчалъ:

— Какъ же не искушать? Разумѣется, если самъ Павелъ апостоль отъ него не ушелъ и въ посланіи пишетъ, что «ангелъ сатанинъ былъ данъ ему въ плоть», то могъ ли я, грѣшный и слабый человѣкъ, не претерпѣть его мучительства.

— Что же вы отъ него терпѣли?

— Многое-съ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Все разныя пакости, а сначала, пока я его не пересилилъ, были даже и соблазны.

— А вы и его, самого бѣса, тоже пересилили?

— А то какъ же иначе-съ? вѣдь, это уже въ монастырѣ такое призваніе, но я бы этого, по совѣсти скажу, самъ не сумѣлъ, а меня тому одинъ совершенный старецъ на-

училъ, потому что онъ былъ опытный и могъ отъ всякаго искушенія пользоваться. Какъ я ему открылся, что мнѣ все Груша столь живо является, что вотъ словно ею одною вокругъ меня весь воздухъ дышитъ, то онъ сейчасъ кинулъ въ умѣ и говорить:

— У Якова апостола сказано: «противустаньте дьяволу и побѣдите отъ васъ», и ты, говорить, противустань. И тутъ наставилъ меня такъ дѣлать, что ты, говорить, какъ если почувствуешь сердцеразжиженіе, и ее вспомнишь, то и разумѣй, что это значитъ къ тебѣ приступаетъ ангель сатанинъ, и ты тогда сейчасъ простирайся противу его на подвигъ: перво-на-перво стань на колѣни. Колѣни у чело-вѣка, говорить, первый инструментъ: какъ на нихъ па-дешь, душа сейчасъ такъ и порхнетъ вверхъ, а ты тутъ, въ семь возвышеніи, и бей поклоновъ земныхъ елико мощно, до изнеможенія, и изнуряй себя постомъ, чтобы заморить, и дьяволь, какъ увидитъ твое протягновеніе на подвигъ, ни за что этого не стерпитъ и сейчасъ отбѣжитъ, потому что онъ опасается, какъ бы такого чело-вѣка своими кознями еще прямѣе ко Христу не привести, и помыслить: «лучше его оставить и не искушать, авось-де онъ скорѣе забудется». Я сталъ такъ дѣлать и, дѣйствительно, все прошло.

— Долго же вы себя этакъ мучили, пока отъ васъ ангель сатаны отступалъ?

— Долго-съ; и все однимъ изморомъ его, врага этакого, бралъ, потому что онъ другого ничего не боится: вначалѣ я и до тысячи поклоновъ ударялъ и дня по четыре ничего не вкушалъ и воды не пилъ, а потомъ онъ понялъ, что ему со мною спорить не ровно и оробѣлъ, и слабъ сталъ: чуть увидитъ, что я горшочекъ пици своей за окно вы-брошу и берусь за четки, чтобы поклоны считать, онъ уже понимаетъ, что я не шучу и опять простираюсь на под-вигъ, и убѣжитъ. Ужасно, вѣдь, какъ онъ боится, чтобы чело-вѣка къ отрадѣ упованія не привести.

— Однакоже, положимъ... онъ-то... Это такъ: вы его пре-одолѣли, но, вѣдь, сколько же и сами вы отъ него перетерпѣли?

— Ничего-съ; что же такое, я, вѣдь, угнеталъ гнетущаго, а себѣ никакого стѣсненія не дѣлалъ.

— И теперь вы уже совсѣмъ отъ него избавились?

— Совершенно-съ.

— И онъ вамъ вовсе не является?

— Въ соблазнительномъ женскомъ образѣ никогда-съ больше не приходитъ, а если порою еще иногда покажется гдѣ-нибудь въ уголкѣ въ кельѣ, но уже въ самомъ жалостномъ видѣ: визжитъ, какъ будто поросеночекъ издыхаетъ. Я его, негодая, теперь даже и не мучу, а только разъ перекрещу и положу поклонъ, онъ и перестанетъ хрюкать.

— Ну, и слава Богу, что вы со всѣмъ этимъ такъ справились.

— Да-съ; я соблазны большого бѣса осилилъ, но доложу вамъ,—хоть это противъ правила, — а мнѣ мелкихъ бѣсенятъ пакости больше этого надокучили.

— А бѣсенята развѣ къ вамъ тоже приставали?

— Какъ же-съ; положимъ, что хотя они по чину и самыя ничтожныя, но зато постоянно лѣзутъ...

— Что же такое они вамъ дѣлаютъ?

— Да, вѣдь, ребятишки, и при томъ ихъ тамъ, въ аду, очень много, а дѣла имъ при готовыхъ харчахъ никакого нѣтъ, вотъ они и просятъ на землю поучиться смущать, и балуются, и чѣмъ человѣкъ хочетъ быть въ своемъ званіи солиднѣе, тѣмъ они ему больше досаждаютъ.

— Что же такое они, напрімѣръ... чѣмъ могутъ досаждать?

— Подставятъ, напрімѣръ, вамъ что-нибудь такое, или подсунутъ, а опрокинешь, или расшибешь и кого-нибудь тѣмъ смутишь и разгнѣваешь, а имъ это первое удовольствіе, весело: въ ладоши хлопаютъ и бѣжать къ своему старшѣму: дескать, и мы «смутили, дай-намъ теперь за то грошикъ». Вѣдь, вотъ изъ чего быются... Дѣти.

— Чѣмъ же именно имъ, напрімѣръ, удавалось васъ смутить?

— Да вотъ, напрімѣръ, у насъ такой случай былъ, что

одинъ жидъ въ лѣсу около монастыря удавился и стали всѣ послушники говорить, что это Іуда, и что онъ ночами по обители ходить и вздыхаетъ и многіе были о томъ свидѣтели. А я объ немъ и не сокрушался, потому что думалъ: развѣ мало у насъ что ли жидовъ осталось; но только разъ ночью сплю въ конюшнѣ и вдругъ слышу кто-то подошелъ и морду въ дверь черезъ поперечную перекладину всунулъ и вздыхаетъ. Я сотворилъ молитву,—нѣтъ, все-таки стоять. Я перекрестилъ: все стоять и опять вздохнулъ. Ну, что, моль, я тебѣ сдѣлаю: молиться мнѣ за тебя нельзя, потому что ты жидъ, да хоть бы и не жидъ, такъ я благодати не имѣю за самоубійца молить, а пошелъ ты отъ меня прочь въ лѣсъ, или въ пустыню. Положилъ на него этакое зачатіе, онъ и отошелъ, а я опять заснулъ, но на другую ночь онъ, мерзавецъ, опять приходитъ и опять вздыхаетъ... мѣшаетъ спать, да и все тутъ. Какъ ни терпѣль, просто силъ нѣтъ! тьфу ты, невѣжа, думаю, мало ему въ лѣсу, или на паперти мѣста, чтобы еще непременно сюда въ конюшню ко мнѣ ломиться? Ну, нечего дѣлать, видно, надо противъ тебя хорошее средство изобрѣтать: взялъ и на другой день на двери чистымъ углемъ большой крестъ написалъ, и какъ пришла ночь, я и легъ спокойно, думаю себѣ: ужъ теперь не придетъ, да только что съ этимъ заснулъ, а онъ и вотъ онъ, опять стоять и опять вздыхаетъ! Тьфу ты, каторжный, ничего съ нимъ не подѣлаешь! Всю какъ есть эту ночь онъ меня этакъ пугалъ, а утромъ, чуть ударили въ первый колоколъ къ заутрени, я поскорѣ вскочилъ и бѣгу, чтобъ пожаловаться настоятелю, а меня встрѣчаетъ звонарь, братъ Діомидъ, и говоритъ:

— Чего ты такой пужанный?

Я говорю:

— Такъ и такъ, такое мнѣ во всю ночь было безпокойство и я иду къ настоятелю.

А братъ Діомидъ отвѣчаетъ:

— Брось, говоритъ,—и не ходи, настоятель вчера себѣ въ носъ пѣявку ставилъ и теперь *пресердитый* и ничего

тебѣ въ этомъ дѣлѣ не поможетъ, а я тебѣ, если хочешь, гораздо лучше его могу помогать.

Я говорю:

— А мнѣ совершенно все равно: только, сдѣлай милость, помоги, — я тебѣ за это старыя теплыя рукавицы подарю, тебѣ въ нихъ зимою звонить будетъ очень способно.

— Ладно, отвѣчаетъ.

И я ему рукавицы далъ, а онъ мнѣ съ колокольни старую церковную дверь принесъ, на коей Петръ апостоль написанъ и въ рукѣ у него ключи отъ царства небеснаго.

— Вотъ это-то, говорить, — и самое важное есть *ключи*: ты эту дверью только заставься, такъ уже черезъ нее никто не пройдетъ.

Я ему мало въ ноги отъ радости не поклонился и думаю: чѣмъ мнѣ эту дверью заставляться, да потомъ ее отставлятъ, я ее лучше фундаментально прилажу, чтобы она мнѣ всегда была огражденіемъ, и взялъ и учинилъ ее на самыхъ надежныхъ плотныхъ петляхъ, а для безопасности еще къ ней самый тяжелый блокъ приснастилъ изъ булыжнаго камня и все это исправилъ въ тишинѣ въ одинъ день до вечера и, какъ пришла ночная пора, легъ въ свое время и сплю. Но только, что же вы изволите думать: слышу — опять дышитъ! просто ушамъ своимъ не вѣрю, что это можно, анъ нѣтъ: дышитъ да и только! да еще мало этого, что дышитъ, а претъ дверь... При старой двери у меня изнутри замокъ былъ, а въ этой, какъ я болѣе на святость ея располагался, замка не приладилъ, потому что и времени не было, то онъ ее такъ и пихаетъ, и все разъ отъ разу смѣлѣе, и, наконецъ, вижу, какъ будто морда просунулась, но только дверь размахнулась на блокъ и его какъ свиснетъ со всей силы назадъ... А онъ отскочилъ, видно, почесался, да мало обождавши, еще смѣлѣе и опять морда, а блокъ ее еще жестче шелкъ... Больно, должно-быть, ему показалось и онъ усмирѣлъ и больше не лѣзетъ: я и опять заснулъ, но только прошло мало времени, а онъ, гляжу, подлець, опять за свое взялся, да еще съ новымъ

искусствомъ. Уже нѣтъ того, чтобы бодать и прямо лѣзть, а полегонечку рогами дверь отодвинулъ и какъ я былъ съ головою полушубкомъ закрыть, такъ онъ вдругъ дерзко полушубокъ съ меня долой сорвалъ, да какъ лизнетъ меня въ ухо... Я больше этой наглости уже не вытерпѣлъ: спустилъ руку подъ кровать и схватилъ топоръ, да какъ тресну его, слышу—замычалъ и такъ и баянулъ на мѣстѣ. Ну, думаю, такъ тебѣ и надо, а вмѣсто того, утромъ, гляжу никакого жиды нѣтъ, а это они, подлецы, эти бѣсенята, мнѣ вмѣсто его корову нашу монастырскую подставили.

— И вы ее поранили?

— Такъ и прорубилъ топоромъ-съ! Смущеніе ужасное было въ монастырѣ.

— И вы, чай, неприятности какія-нибудь за это имѣли?

— Получилъ-съ; отецъ игуменъ сказали, что это все оттого мнѣ представилось, что я въ церковь мало хожу и благословили, чтобы я, убравшись съ лошадьми, всегда напередѣ у рѣшетки для возжиганія свѣчъ стоялъ, а они тутъ, эти пакостные бѣсенята, еще лучше со мною подстроили и окончательно подвели. На самага на Мокраго Спаса, на всенощной, во время благословенія хлѣбовъ, какъ надо по чину, отецъ игуменъ и іеромонахъ стоятъ посреди храма, а одна богомолочка старенькая подаетъ мнѣ свѣчку и говоритъ:

— Поставь, батюшка, празднику.

Я подошелъ къ аналою, гдѣ положена икона «Спасъ на Водахъ», и сталъ эту свѣчку лѣпить, да другую уронилъ. Нагнулся, эту поднялъ, сталъ прилѣпливать,—двѣ уронилъ. Сталъ ихъ вправлять, анъ, гляжу—четыре уронилъ. Я только головой качнулъ, ну, думаю, это опять непременно мнѣ пострѣлята досаждаютъ и изъ рукъ рвутъ... Нагнулся и поспѣшно съ упавшими свѣчами поднимаюсь, да какъ затылкомъ махну подъ низъ обѣ подсвѣчникъ... а свѣчи такъ и посыпались; ну, тутъ я разсердился да взялъ и всѣ остальные свѣчи рукой посбивалъ.—Что же, думаю, если этакая

наглость пошла, такъ лучше же я самъ поскорѣе все это опрокину.

— И что же съ вами за это было?

— Подъ судъ меня за это хотѣли было отдать, да схимникъ, слѣпенькій старецъ Сысой, въ земляномъ затворѣ у насъ живетъ, такъ онъ за меня заступился.

— За что, говорить, — вы его будете судить, когда это его сатанины служители смутили.

Отецъ игумень его послушались и благословили меня безъ суда въ пустой погребъ опустить.

— Надолго же васъ въ погребъ посадили?

— А отецъ игумень не благословили насколько именно времени, а такъ сказали только, что «посадить», я все лѣто до самыхъ до заморозковъ тутъ и сидѣлъ.

— Вѣдь это, надо полагать, скука и мученіе въ погребѣ, не хуже чѣмъ въ степи?

— Ну, нѣтъ-съ: какъ же можно сравнить? здѣсь и церковный звонъ слышно, и товарищи навѣщали. Придутъ, сверху надъ ямой станутъ и поговоримъ, а отецъ казначей жорновъ мнѣ на веревкѣ велѣли спустить, чтобы я соль для поварни молоть. Какое же сравненіе со степью или съ другимъ мѣстомъ.

— А потомъ когда же васъ вынули? вѣрно, при морозахъ, потому что холодно стало?

— Нѣтъ-съ, это не потому, совсѣмъ не для холода, а для другой причины, такъ какъ я сталъ пророчествовать.

— Пророчествовать!?

— Да-съ; я въ погребу, наконецъ, въ раздумье впалъ, что какой у меня самоничтожный духъ и сколько я черезъ него претерпѣваю, а ничего не усовершеншаюсь, и послалъ я одного послушника къ оному учительному старцу спросить: можно ли мнѣ у Бога просить, чтобы другой болѣе соотвѣтственный духъ получить? А старецъ наказалъ мнѣ сказать, что «пусть, говорить, помолится, какъ должно, и тогда, чего нельзя ожидать, ожидаетъ».

Я такъ и сдѣлалъ: три ночи все на этомъ инструментѣ

на колѣняхъ стоялъ въ своей ямѣ, а духомъ на небо молился и сталъ ожидать себѣ много въ душѣ совершенія. А у насъ другой инокъ Геронтій былъ, этотъ былъ очень начитанный и разныя книги и газеты держалъ и далъ онъ мнѣ одинъ разъ читать житіе преподобнаго Тихона Задонскаго, и когда, случалось, мимо моей ямы идетъ, всегда, бывало, возьметъ, да мнѣ изъ-подъ ряски газету кинетъ.

— Читай, говоритъ,—и усматривай полезное: во рву это тебѣ будетъ развлеченіе.

Я, въ ожиданіи невозможнаго исполненія моей молитвы, сталъ покамѣстъ этимъ чтеніемъ заниматься: какъ всю соль, что мнѣ на урокъ назначено перемолоть, перемелю, и начинаю читать, и начиталъ я сначала у преподобнаго Тихона, какъ посѣтили его въ келіи Пресвятая Владычица и святые апостолы Петръ и Павелъ. Писано, что угодникъ Божій Тихонъ сталъ тогда просить Богородицу о продленіи мира на землѣ, а апостолъ Павелъ ему громко отвѣтилъ знаменіе, когда не станетъ мира, такими словами: «егда, говоритъ,—всѣ рекутъ миръ и утвержденіе, тогда нападаетъ на нихъ внезапно всегубительство». И сталъ я надъ этими апостольскими словами долго думать и все вначалѣ никакъ этого не могъ понять: къ чему было святому отъ апостола въ такихъ словахъ откровеніе? Наконецъ, того начитываю въ газетахъ, что постоянно и у насъ, и въ чужихъ краяхъ неумолчными усты вездѣ утверждается повсемѣстный миръ. И тутъ-то исполнилось мое прошеніе и сталъ я вдругъ понимать, что сближается реченное: «егда рекутъ миръ, нападаетъ внезапно всегубительство», и я исполнился страха за народъ свой русскій и началъ молиться и всѣхъ другихъ, кто ко мнѣ къ ямѣ придетъ, сталъ со слезами увѣщевать: молитесь, молю, о покореніи подъ нозѣ Царя нашего всякаго врага и супостата, ибо близъ есть намъ всегубительство. И даны были мнѣ слезы, дивно обильныя!.. все я о родинѣ плакалъ. Отцу игумену и доложили, что, говорятъ,—нашъ Измаилъ въ погребѣ сталъ очень плакать и войну пророчествовать. Отецъ игумень и благословили меня

за это въ пустую избу на огородъ перевести и поставить мнѣ образъ, «*Благое Молчаніе*» пишется, Спасъ съ крылами тихими, въ видѣ ангела, но въ Саваофовыхъ чинахъ за мѣсто вѣнца, а ручки у груди смирно сложены. И приказано мнѣ было, чтобы я передъ этимъ образомъ всякій день поклоны клалъ, пока во мнѣ провѣщающій духъ умолкнетъ. Такъ меня съ этимъ образомъ и заперли, и я такъ до весны взаперти тамъ и пребывалъ въ этой избѣ, и все «*Благому Молчанію*» молился, но чуть человѣка увижу, опять во мнѣ духъ поднимается и я говорю. На ту пору игумень лѣкаря ко мнѣ прислали посмотриѣть: въ разсудкѣ я не поврежденъ ли? Лѣкарь со мною долго въ избѣ сидѣлъ, вотъ этакъ же, подобно вамъ, всю мою повѣсть слушалъ и плюнулъ:

— Экій, говоритъ, — ты, братецъ, барабанъ: били тебя. били, и все никакъ еще не добьютъ.

Я говорю:

— Что же дѣлать? вѣрно, такъ нужно.

А онъ, все выслушавши, игумену сказалъ:

— Я, говоритъ, — его не могу разобрать, чтò онъ такое: такъ просто, добрякъ, или помѣшался, или взаправду предсказатель. Это, говоритъ, по вашей части, а я въ этомъ не свѣдущъ, мнѣніе же мое такое: прогоните, говоритъ, — его куда-нибудь подальше пробѣгаться, можетъ-быть, онъ засидѣлся на мѣстѣ.

Вотъ меня и отпустили, и я теперь на богомоленіе въ Соловки къ Зосиму и Савватию благословился и пробираюсь. Вездѣ былъ, а ихъ не видалъ и хочу имъ передъ смертью поклониться.

— Отчего же «передъ смертью?» Развѣ вы больны?

— Нѣтъ-съ, не боленъ; а все по тому же случаю, что скоро надо будетъ воевать.

— Позвольте: какъ же это вы опять про войну говорите?

— Да-съ.

— Стало-быть, вамъ «*Благое Молчаніе*» не помогло?

— Не могу знать-съ: усиливаюсь, молчу, а духъ одолеваетъ.

— Что же онъ?

— Все свое внушаетъ: «ополчайся».

— Развѣ вы и сами собираетесь идти воевать?

— А какъ же-съ? Непремѣнно-съ: мнѣ за народъ очень помереть хочется.

— Какъ же вы: въ клобукѣ и въ рясѣ пойдете воевать?

— Нѣтъ-съ; я тогда клобучокъ сниму, а амуничку надѣну.

Проговоривъ это, очарованный странникъ какъ бы вновь ощутилъ на себѣ наитіе вѣщательнаго духа и впалъ въ тихую сосредоточенность, которой никто изъ собесѣдниковъ не позволилъ себѣ прервать ни однимъ новымъ вопросомъ. Да и о чемъ было его еще больше спрашивать? повѣствованія своего минувшаго онъ исповѣдалъ со всею откровенностью своей простой души, а провѣщанія его остаются до времени въ рукѣ Сокрывающаго судьбы свои отъ умныхъ и разумныхъ, и только иногда открывающаго ихъ младенцамъ.

ЧЕЛОВѢКЪ НА ЧАСАХЪ.

(1839 г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Событіе, разсказъ о которомъ ниже сего предлагается вниманію читателей, трогательно и ужасно по своему значенію для главнаго героическаго лица пьесы, а развязка дѣла такъ оригинальна, что подобное ей даже едва ли возможно гдѣ-нибудь, кромѣ Россіи.

Это составляетъ отчасти придворный, отчасти историческій анекдотъ, недурно характеризующій нравы и направленіе очень любопытной, но крайне бѣдно отмѣченной эпохи тридцатыхъ годовъ совершающагося девятнадцатаго столѣтія.

Вымысла въ наступающемъ разсказѣ нѣтъ нисколько.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Зимою, около Крещенія, въ 1839 году въ Петербургѣ была сильная оттепель. Такъ разморопогодило, что совсѣмъ какъ будто веснѣ быть: снѣгъ таялъ, съ крышъ падали днемъ капли, а ледъ на рѣкахъ посинѣлъ и взялся водой. На Невѣ, передъ самымъ Зимнимъ дворцомъ, стояли глубокія полыньи. Вѣтеръ дулъ теплый, западный, но очень сильный: со взморья нагоняло воду и стрѣляли пушки.

Караулъ во дворцѣ занимала рота Измайловскаго полка, которою командовалъ блестяще образованный и очень хорошо поставленный въ обществѣ молодой офицеръ, Николай Ивановичъ Миллеръ (впослѣдствіи полный генералъ и директоръ лицея). Это былъ человекъ съ такъ-называемымъ «гуманнымъ» направленіемъ, которое за нимъ было давно замѣчено и немножко вредило ему по службѣ во вниманіи высшаго начальства.

На самомъ же дѣлѣ, Миллеръ былъ офицеръ исправный и надежный, а дворцовый караулъ въ тогдашнее время и не представлялъ ничего опаснаго. Пора была самая тихая и безмятежная. Отъ дворцоваго караула не требовалось ничего, кромѣ точнаго стоянія на постахъ, а между тѣмъ, какъ разъ тутъ, на караульной очереди капитана Миллера при дворцѣ, произошелъ весьма чрезвычайный и тревожный случай, о которомъ теперь едва вспоминаютъ немногіе изъ доживающихъ свой вѣкъ тогдашнихъ современниковъ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сначала въ караулѣ все шло хорошо: посты распределены, люди разставлены и все обстояло въ совершенномъ порядкѣ. Государь Николай Павловичъ былъ здоровъ, ѣздилъ вечеромъ кататься, возвратился домой и легъ въ постель. Уснулъ и дворецъ. Наступила самая спокойная ночь. Въ кордегардіи тишина. Капитанъ Миллеръ приколотъ булавками свой бѣлый носовой платокъ къ высокой и всегда традиціонно засаленной сафьянной спинкѣ офицерскаго кресла и сѣлъ коротать время за книгой.

Н. И. Миллеръ всегда былъ страстный читатель и потому онъ не скучалъ, а читалъ и не замѣчалъ, какъ уплывала ночь; но вдругъ, въ исходѣ второго часа ночи, его встревожило ужасное безпокойство: предъ нимъ является разводный унтеръ-офицеръ и, весь блѣдный, объятый страхомъ, лепечетъ скороговоркой:

— Бѣда, ваше благородіе, бѣда!

— Что такое?!

— Страшное несчастіе постигло!

Н. И. Миллеръ вскочилъ въ неописанной тревогѣ и едва могъ толкомъ дознаться, въ чемъ именно заключались «бѣда» и «страшное несчастіе».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: часовой, солдатъ Измайловскаго полка, по фамиліи Постниковъ, стоя на часахъ снаружи у нынѣшняго Іорданскаго подѣзда, услышалъ, что въ полыньѣ, которою противъ этого мѣста покрылась Нева, заливается человѣкъ и отчаянно молить о помощи.

Солдатъ Постниковъ, изъ дворовыхъ господскихъ людей, былъ человѣкъ очень нервный и очень чувствительный. Онъ долго слушалъ отдаленные крики и стоны утопающаго и приходилъ отъ нихъ въ оцѣпенѣніе. Въ ужасѣ онъ оглядывался туда и сюда на все видимое ему пространство набережной, и ни здѣсь, ни на Невѣ, какъ на зло, не усматривалъ ни одной живой души.

Подать помощь утопающему никто не можетъ, и онъ непремѣнно зальется...

А между тѣмъ тонущій ужасно долго и упорно борется.

Ужъ одно бы ему, кажется,—не тратя силъ, спускаться на дно, такъ вѣдь нѣтъ! Его изнеможенные стоны и призывные крики то оборвутся и замолкнутъ, то опять начинаютъ раздаваться, и при томъ все ближе и ближе къ дворцовой набережной. Видно, что человѣкъ еще не потерялся и держитъ путь вѣрно, прямо на свѣтъ фонарей, но только онъ, разумѣется, все-таки не спасется, потому что именно тутъ, на этомъ пути, онъ попадетъ въ іорданскую прорубь. Тамъ ему нырокъ подъ ледъ и конецъ... Вотъ и опять стихъ, а черезъ минуту снова полощется и стонетъ: «спасите, спасите!» И теперь уже такъ близко, что даже слышны всплески воды, какъ онъ полощется...

Солдатъ Постниковъ сталъ соображать, что спасти этого

человѣка чрезвычайно легко. Если теперь сбѣжать на ледъ, то тонущій непременно тутъ же и есть. Бросить ему веревку, или протянуть шестикъ, или подать ружье, и онъ спасенъ. Онъ такъ близко, что можетъ схватиться рукою и выскочить. Но Постниковъ помнить и службу и присягу; онъ знаетъ, что онъ часовой, а часовой ни за что и ни подь какимъ предлогомъ не смѣетъ покинуть своей будки.

Съ другой же стороны, сердце у Постникова очень непокорное: такъ и ноетъ, такъ и стучитъ, такъ и замираетъ... Хоть вырви его, да самъ себѣ подь ноги брось,—такъ спокойно съ нимъ дѣлается отъ этихъ стонъ и воплей... Страшно, вѣдь, слышать какъ другой человѣкъ погибаетъ, и не подать этому погибающему помощи, когда, собственно говоря, къ тому есть полная возможность, потому что будка съ мѣста не убѣжить и ничто иное вредное не случится. «Иль сбѣжать, а?.. Не увидятъ... Ахъ, Господи, одинъ бы конецъ! Опять стонетъ»...

За одинъ полчаса, пока это длилось, солдатъ Постниковъ совсѣмъ истерзался сердцемъ и сталъ ощущать «сомнѣнiя разсудка». А солдатъ онъ былъ умный и исправный, съ разсудкомъ яснымъ и отлично понималъ, что оставить свой постъ есть такая вина со стороны часового, за которую сейчасъ же послѣдуетъ военный судъ, а потомъ гонка сквозь строй шпицрутенами и каторжная работа, а можетъ-быть даже и «разстрѣль»; но со стороны вздувшейся рѣки опять наплываютъ все ближе и ближе стоны и уже слышно бурканье и отчаянное барахтанье.

— Т-о-о-ну!.. Спасите, тону!

Тутъ вотъ сейчасъ и есть iорданская прорубь... Конецъ!

Постниковъ еще разъ-два оглянулся во всѣ стороны. Нигдѣ ни души нѣтъ, только фонари трясутся отъ вѣтра и мерцаютъ, да по вѣтру, прерываясь, долетаетъ этотъ крикъ... можетъ-быть, послѣднiй крикъ...

Вотъ еще всплескъ, еще однозвучный вопль, и въ водѣ забулькотало.

Часовой не выдержалъ и покинулъ свой постъ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Постниковъ бросился къ сходнямъ, сбѣжалъ съ сильно бьющимся сердцемъ на ледъ, потомъ въ наплывшую воду полыньи и, скоро разсмотрѣвъ, гдѣ бьется заливающійся утопленникъ, протянулъ ему ложу своего ружья.

Утопавшій схватился за прикладъ, а Постниковъ потянулъ его за штыкъ и вытащилъ на берегъ.

Спасенный и спаситель были совершенно мокры, и какъ изъ нихъ спасенный былъ въ сильной усталости и дрожалъ и падалъ, то спаситель его, солдатъ Постниковъ, не рѣшился его бросить на льду, а вывелъ его на набережную и сталъ осматриваться, кому бы его передать. А межъ тѣмъ, пока все это дѣлалось, на набережной показались сани, въ которыхъ сидѣлъ офицеръ существовавшей тогда придворной инвалидной команды (впослѣдствіи упраздненной).

Этотъ столь не во-время для Постникова подоспѣвшій господинъ былъ, надо полагать, человѣкъ очень легкомысленнаго характера и при томъ немножко безтолковый и изрядный наглець. Онъ соскочилъ съ саней и началъ спрашивать:

— Что за человѣкъ... что за люди?

— Тонулъ, заливался,—началь было Постниковъ.

— Какъ тонулъ? Кто, ты тонулъ? Зачѣмъ въ такомъ мѣстѣ?

А тотъ только отпырхивается, а Постникова уже нѣтъ: онъ взялъ ружье на плечо и опять сталъ въ будку.

Смекнулъ или нѣтъ офицеръ въ чемъ дѣло, но онъ больше не сталъ изслѣдовать, а тотчасъ же подхватилъ къ себѣ въ сани спасеннаго человѣка и покатилъ съ нимъ на Морскую въ сѣзжій домъ Адмиралтейской части.

Тутъ офицеръ сдѣлалъ приставу заявленіе, что привезенный имъ мокрый человѣкъ тонулъ въ полыньѣ противъ дворца и спасенъ имъ, господиномъ офицеромъ, съ опасностью для его собственной жизни.

Тотъ, котораго спасли, былъ и теперь весь мокрый, из-

зѣбшій и изнемогшій. Отъ испуга и отъ страшныхъ усилій, онъ впалъ въ безпамятство и для него было безразлично, кто спасалъ его.

Около него хлопоталъ заспанный полицейскій фельдшеръ, а въ канцеляріи писали протоколъ по словесному заявленію инвалиднаго офицера и, съ свойственною полицейскимъ людямъ подозрительностью, недоумѣвали, какъ онъ самъ весь сухъ изъ воды вышелъ? А офицеръ, который имѣлъ желаніе получить себѣ установленную медаль «за спасеніе погибавшихъ», объяснялъ это счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, но объяснялъ нескладно и невѣроятно. Пошли будить пристава, послали наводить справки.

А между тѣмъ во дворцѣ по этому дѣлу образовались уже другія, быстрыя теченія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ дворцовой караулнѣ всѣ сейчасъ упомянутые обороты послѣ принятія офицеромъ спасеннаго утопленника въ свои сани были неизвѣстны. Тамъ измайловскій офицеръ и солдаты знали только то, что ихъ солдатъ, Постниковъ, оставивъ будку, кинулся спасать человѣка, и какъ это есть большое нарушеніе воинскихъ обязанностей, то рядовой Постниковъ теперь непременно пойдетъ подъ судъ и подъ палки, а всѣмъ начальствующимъ лицамъ, начиная отъ ротнаго командира полка, достанутся страшныя непріятности, противъ которыхъ ничего нельзя ни возражать, ни оправдываться.

Мокрый и дрожащій солдатъ Постниковъ, разумѣется, сейчасъ же былъ смѣненъ съ поста и, будучи приведенъ въ кордегардію, чистосердечно рассказалъ Н. И. Миллеру все, что намъ извѣстно, и со всѣми подробностями, доходившими до того, какъ инвалидный офицеръ посадилъ къ себѣ спасеннаго утопленника и велѣлъ своему кучеру скакать въ Адмиралтейскую часть.

Опасность становилась все больше и неизбѣжнѣе. Разу-

мѣется, инвалидный офицеръ все расскажетъ приставу, а приставъ тотчасъ же доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія оберъ-полиціймейстера Кокошкина, а тотъ доложитъ утромъ государю и пойдѣтъ «горячка».

Долго разсуждать было некогда, надо было призывать къ дѣлу старшихъ.

Николай Ивановичъ Миллеръ тотчасъ же послалъ тревожную записку своему батальонному командиру подполковнику Свиныну, въ которой просилъ его какъ можно скорѣе пріѣхать въ дворцовую караульню и всѣми мѣрами пособить совершившейся страшной бѣдѣ.

Это было уже около трехъ часовъ, а Кокошкинъ являлся съ докладомъ къ государю довольно рано утромъ, такъ что на всѣ думы и на всѣ дѣйствія оставалось очень мало времени.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Подполковникъ Свинынъ не имѣлъ той жалостливости и того мягкосердечія, которыя всегда отличали Николая Ивановича Миллера: Свинынъ былъ человѣкъ не безсердечный, но, прежде всего и больше всего, «службистъ» (типъ, о которомъ нынче опять вспоминаютъ съ сожалѣніемъ). Свинынъ отличался строгостью и даже любилъ щеголять требовательностью дисциплины. Онъ не имѣлъ вкуса ко злу и никому не искалъ причинить напрасное страданіе; но если человѣкъ нарушилъ какую бы то ни было обязанность службы, то Свинынъ былъ неумолимъ. Онъ считалъ неумѣстнымъ входить въ обсужденіе побужденій, какія руководили въ данномъ случаѣ движеніемъ виновнаго, а держался того правила, что на службѣ всякая вина виновата. А потому въ караульной ротѣ всѣ знали, что придется претерпѣть рядовому Постникову за оставленіе своего поста, то онъ и оттершитъ, и Свинынъ объ этомъ скорбѣть не станетъ.

Такимъ этотъ штабъ-офицеръ былъ извѣстенъ начальству и товарищамъ, между которыми были люди, не сим-

патизировавшіе Свиныну, потому что тогда еще не совсѣмъ вывелся «гуманизмъ» и другія ему подобныя заблужденія. Свинынъ былъ равнодушенъ къ тому, порицають или хвалятъ его «гуманисты». Просить и умолять Свинына или даже пытаться его разжалобить — было дѣло совершенно бесполезное. Отъ всего этого онъ былъ закаленъ крѣпкимъ закаломъ карьерныхъ людей того времени, но и у него, какъ у Ахиллеса, было слабое мѣсто.

Свинынъ тоже имѣлъ хорошо начатую служебную карьеру, которую онъ, конечно, тщательно оберегалъ и дорожилъ тѣмъ, чтобы на нее, какъ на парадный мундиръ, ни одна пылинка не сѣла; а между тѣмъ несчастная выходка человѣка изъ вѣреннаго ему батальона непремѣнно должна была бросить дурную тѣнь на дисциплину всей его части. Виноватъ или не виноватъ батальонный командиръ въ томъ, что одинъ изъ его сдѣлалъ, подъ вліяніемъ увлеченія благороднѣйшимъ состраданіемъ,—этого не стануть разбирать тѣ, отъ кого зависитъ хорошо начатая и тщательно поддерживаемая служебная карьера Свинына, а многіе даже охотно подкатятъ ему бревно подъ ноги, чтобы дать путь своему ближнему или подвинуть молодца, протежируемаго людьми, въ случаѣ государь, конечно, разсердится и непремѣнно скажетъ полковому командиру, что у него «слабые офицеры», что у нихъ «люди распушены». А кто это надѣлалъ?— Свинынъ. Вотъ такъ это и пойдетъ повторяться, что «Свинынъ слабъ», и такъ, можетъ, покоръ слабостью и останется несмываемымъ пятномъ на его, Свинына, репутаціи. Не быть ему тогда ничѣмъ достопримѣчательнымъ въ ряду современниковъ и не оставить своего портрета въ галлерей историческихъ лицъ государства Россійскаго.

Изученіемъ исторіи тогда хотя мало занимались, но, однако, въ нее вѣрили, и особенно охотно сами стремились участвовать въ ея сочиненіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Какъ только Свинынь получилъ около трехъ часовъ ночи тревожную записку отъ капитана Миллера, онъ тотчасъ же вскочилъ съ постели, одѣлся по формѣ и, подъ вліяніемъ страха и гнѣва, прибылъ въ караульню Зимняго дворца. Здѣсь онъ немедленно же произвелъ допросъ рядовому Постникову и убѣдился, что невѣроятный случай совершился. Рядовой Постниковъ опять вполне чистосердечно подтвердилъ своему батальонному командиру все то же самое, что произошло на его часахъ, и что онъ, Постниковъ, уже раньше показалъ своему ротному капитану Миллеру. Солдатъ говорилъ, что онъ «Богу и государю виновать безъ милосердія», что онъ стоялъ на часахъ и, слышавъ стоны челоуѣка, тонувшаго въ полыньѣ, долго мучился, долго былъ въ борьбѣ между служебнымъ долгомъ и состраданіемъ и, наконецъ, на него напало искушеніе, и онъ не выдержалъ этой борьбы: покинулъ будку, соскочилъ на ледъ и вытащилъ тонувшаго на берегъ, а здѣсь, какъ на грѣхъ, попался проѣзжавшему офицеру дворцовой инвалидной команды.

Подполковникъ Свинынь былъ въ отчаяніи; онъ далъ себѣ единственное возможное удовлетвореніе, сорвавъ свой гнѣвъ на Постниковъ, котораго тотчасъ же прямо отсюда послалъ подъ арестъ въ казарменный карцеръ, а потомъ сказалъ нѣсколько колкостей Миллеру, попрекнувъ его «гуманеріей», которая ни на что не пригодна въ военной службѣ; но все это было недостаточно для того, чтобы поправить дѣло. Подыскать если не оправданіе, то хотя извиненіе такому поступку, какъ оставленіе часовымъ своего поста, было невозможно, и оставался одинъ исходъ—скрыть все дѣло отъ государя...

Но есть ли возможность скрыть такое происшествіе?

Повидимому, это представлялось невозможнымъ, такъ какъ о спасеніи погибавшаго знали не только всѣ карауль-

ные, но зналъ и тотъ ненавистный инвалидный офицеръ, который до сихъ поръ, конечно, успѣлъ довести обо всемъ этомъ до вѣдома генерала Кокошкина.

Куда теперь скакать? Къ кому бросаться? У кого искать помощи и защиты?

Свиньинъ хотѣлъ скакать къ великому князю Михаилу Павловичу и рассказать ему все чистосердечно. Такіе маневры тогда были въ ходу. Пусть великій князь, по своему пылкому характеру, разсердится и накричитъ, но его нравъ и обычай были таковы, что, чѣмъ онъ сильнѣе окажетъ на первый разъ рѣзкости, и даже тяжело обидитъ, тѣмъ онъ потомъ скорѣе смилуется и самъ же заступится. Подобныхъ случаевъ бывало не мало и ихъ иногда нарочно искали. «Брань на вороту не висла», и Свиньинъ очень хотѣлъ бы свести дѣло къ этому благопріятному положенію, но развѣ можно ночью достигнуть во дворецъ и тревожить великаго князя? А дожидаться утра и явиться къ Михаилу Павловичу послѣ того, когда Кокошкинъ побываетъ съ докладомъ у государя, будетъ уже поздно. И пока Свиньинъ волновался среди такихъ затрудненій, онъ обмякъ, и умъ его началъ прозрѣвать еще одинъ выходъ, до сей поры скрывавшійся въ туманѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ ряду извѣстныхъ военныхъ приемовъ есть одинъ такой, чтобы въ минуту наивысшей опасности, угрожающей со стѣнъ осаждаемой крѣпости, не удаляться отъ нея, а прямо идти подъ ея стѣнами. Свиньинъ рѣшился не дѣлать ничего того, что ему приходило въ голову сначала, а немедленно ѣхать прямо къ Кокошкину.

Объ оберъ-полиціймейстерѣ Кокошкинѣ въ Петербургѣ говорили тогда много ужасающаго и нелѣпаго, но, между прочимъ, утверждали, что онъ обладаетъ удивительнымъ многостороннимъ тактомъ и при содѣйствіи этого такта не только «умѣетъ сдѣлать изъ мухи слона, но такъ же легко умѣетъ сдѣлать изъ слона муху.»

Кокоскинъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень суровъ и очень грозенъ и внушалъ всѣмъ большой страхъ къ себѣ, но онъ иногда мирволилъ шалунамъ и добрымъ весельчакамъ изъ военныхъ, а такихъ шалуновъ тогда было много, и имъ не разъ случалось находить себѣ въ его лицѣ могущественнаго и усерднаго защитника. Вообще онъ много могъ и много умѣлъ сдѣлать, если только захочетъ. Такимъ его знали и Свинынь, и капитанъ Миллеръ. Миллеръ тоже укрѣпилъ своего батальоннаго командира отважиться на то, чтобы ѣхать немедленно къ Кокоскину и довѣриться его великодушію и его «многостороннему такту», который, вѣроятно, продиктуетъ генералу, какъ вывернуться изъ этого досаднаго случая, чтобы не ввести въ гнѣвъ государя, что Кокоскинъ, къ чести его, всегда избѣгалъ съ большимъ стараніемъ.

Свинынь надѣлъ шинель, устремилъ глаза вверхъ, и воскликнувъ нѣсколько разъ: «Господи, Господи!» — поѣхалъ къ Кокоскину.

Это былъ уже въ началѣ пятый часъ утра.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оберъ-полиціймейстера Кокоскина разбудили и доложили ему о Свинынѣ, пріѣхавшемъ по важному и не терпящему отлагательствъ дѣлу.

Генераль немедленно всталъ и вышелъ къ Свиныну въ архалучкѣ, потирая лобъ, зѣвая и ежась. Все, что рассказывалъ Свинынь, Кокоскинъ выслушивалъ съ большимъ вниманіемъ, но спокойно. Онъ во все время этихъ объясненій и просьбъ о снисхожденіи произнесъ только одно:

— Солдатъ бросилъ будку и спасъ человѣка?

— Точно такъ, — отвѣтилъ Свинынь.

— А будка?

— Оставалась въ это время пустою.

— Гм... Я это зналъ, что она оставалась пустою. Очень радъ, что ее не украли.

Свиньинъ изъ этого еще болѣе увѣрился, что ему уже все извѣстно и что онъ, конечно, уже рѣшилъ себѣ, въ какомъ видѣ онъ представить объ этомъ при утреннемъ докладѣ государю, и рѣшенія этого измѣнять не станетъ. Иначе такое событіе, какъ оставленіе часовымъ своего поста въ дворцовомъ караулѣ, безъ сомнѣнія, должно было бы гораздо сильнѣе встревожить энергическаго оберъ-полиціймейстера.

Но Кокоскинъ не зналъ ничего. Приставъ, къ которому явился инвалидный офицеръ со спасеннымъ утопленникомъ, не видалъ въ этомъ дѣлѣ никакой особенной важности. Въ его глазахъ это вовсе даже не было такимъ дѣломъ, чтобы ночью тревожить усталаго оберъ-полиціймейстера, да и притомъ самое событіе представлялось приставу довольно подозрительнымъ, потому что инвалидный офицеръ былъ совсѣмъ сухъ, чего никакъ не могло быть, если онъ спасалъ утопленника съ опасностью для собственной жизни. Приставъ видѣлъ въ этомъ офицерѣ только что честолюбца и лгуна, желающаго имѣть одну новую медаль на грудь, и потому, пока его дежурный писалъ протоколъ, приставъ придерживалъ у себя офицера и старался выпытать у него истину черезъ разспросъ мелкихъ подробностей.

Приставу тоже не было пріятно, что такое происшествіе случилось въ его части и что утопавшаго вытащилъ не полицейскій, а дворцовый офицеръ.

Спокойствіе же Кокоскина объяснялось просто, во-первыхъ, страшною усталостью, которую онъ въ это время испытывалъ послѣ цѣлодневной суеты и ночного участія при тушеніи двухъ пожаровъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что дѣло, сдѣланное часовымъ Постниковымъ, его, г-на оберъ-полиціймейстера, прямо не касалось.

Впрочемъ, Кокоскинъ тотчасъ же сдѣлалъ соответственное распоряженіе.

Онъ послалъ за приставомъ Адмиралтейской части и приказалъ ему немедленно явиться вмѣстѣ съ инвалиднымъ офицеромъ и со спасеннымъ утопленникомъ, а Свиньина

просилъ подождать въ маленькой пріемной передъ кабинетомъ. Затѣмъ Кокоскинъ удалился въ кабинетъ и, не затворяя за собою дверей, сѣлъ за столъ и началъ было подписывать бумаги; но сейчасъ же склонилъ голову на руки и заснулъ за столомъ въ креслѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тогда еще не было ни городскихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, а для спѣшной передачи приказаній начальства скакали по всѣмъ направленіямъ «орокъ тысячъ курьеровъ» о которыхъ сохранится долговѣчное воспоминаніе въ комедіи Гоголя.

Это, разумѣется, не было такъ скоро, какъ телеграфъ или телефонъ, но зато сообщало городу значительное оживленіе и свидѣтельствовало о неуспѣшномъ бдѣніи начальства.

Пока изъ Адмиралтейской части явились запыхавшійся приставъ и офицеръ-спаситель, а также и спасенный утопленникъ, нервный и энергическій генералъ Кокоскинъ вздремнулъ и освѣжился. Это было замѣтно въ выраженіи его лица и въ проявленіи его душевныхъ способностей.

Кокоскинъ потребовалъ всѣхъ явившихся въ кабинетъ и вмѣстѣ съ ними пригласилъ и Свиньина.

— Протоколъ?—односложно спросилъ освѣженнымъ голосомъ у пристава Кокоскинъ.

Тотъ молча подаль ему сложенный листъ бумаги и тихо прошепталъ:

— Долженъ просить дозволить мнѣ доложить вашему превосходительству нѣсколько словъ по секрету...

— Хорошо.

Кокоскинъ отошелъ въ амбразуру окна, а за нимъ приставъ.

— Что такое?

Послышался неясный шопотъ пристава и ясныя покрыванья генерала.

— Гм... Да!.. Ну, что-жъ такое?.. Это могло быть... Они

на томъ стоять, чтобы сухими выскакивать... Ничего больше?

— Ничего-съ.

Генераль вышелъ изъ амбразуры, присѣлъ къ столу и началъ читать. Онъ читалъ протоколъ про себя, не обнаруживая ни страха, ни сомнѣній, и затѣмъ непосредственно обратился съ громкимъ и твердымъ вопросомъ къ спасенному:

— Какъ ты, братецъ, попалъ въ полыню противъ дворца?

— Виновать, отвѣчалъ спасенный.

— То-то! Былъ пьянъ?

— Виновать, пьянъ не былъ, а былъ выпимши.

— Зачѣмъ въ воду попалъ?

— Хотѣлъ перейти поближе черезъ ледъ, сбился и попалъ въ воду.

— Значить, въ глазахъ было темно?

— Темно, кругомъ темно было, ваше превосходительство!

— И ты не могъ разсмотрѣть, кто тебя вытащилъ?

— Виновать, ничего не разсмотрѣлъ. Вотъ они, кажется.—Онъ указалъ на офицера и добавилъ:—Я не могъ разсмотрѣть, былъ испужамшись.

— То-то и есть, шляется, когда надо спать! Всмотрись же теперь и помни навсегда, кто твой благодѣтель. Благодарный человѣкъ жертвовалъ за тебя своею жизнью!

— Вѣкъ буду помнить.

— Имя ваше, господинъ офицеръ?

Офицеръ назвалъ себя по имени.

— Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ты православный?

— Православный, ваше превосходительство.

— Въ поминанье за здравіе это имя запиши.

— Запишу, ваше превосходительство.

— Молись Богу за него и ступай вонъ: ты больше не нуженъ.

Тотъ поклонился въ ноги и выкатился, безъ мѣры довольный тѣмъ, что его отпустили.

Свиньинъ стоялъ и недоумѣвалъ, какъ это такой оборотъ все принимаетъ милостію Божіею!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Кокшкинъ обратился къ инвалидному офицеру:

— Вы спасли этого человѣка, рискуя собственною жизнью?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Свидѣтелей этого происшествія не было, да по позднему времени и не могло быть?

— Да, ваше превосходительство, было темно и на набережной никого не было, кромѣ часовыхъ.

— О часовыхъ не зачѣмъ поминать: часовой охраняетъ свой постъ и не долженъ отвлекаться ничѣмъ постороннимъ. Я вѣрю тому, что написано въ протоколѣ. Вѣдь это съ вашихъ словъ?

Слова эти Кокшкинъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ, точно какъ будто пригрозилъ или прикрикнулъ.

Но офицеръ не сробѣлъ, а, вылупивъ глаза и выпучивъ грудь, отвѣтилъ:

— Съ моихъ словъ и совершенно вѣрно, ваше превосходительство.

— Вашъ поступокъ достоинъ награды.

Тотъ началъ благодарно кланяться.

— Не за что благодарить, продолжалъ Кокшкинъ. — Я доложу о вашемъ самоотверженномъ поступкѣ государю императору и грудь ваша, можетъ-быть, сегодня же будетъ украшена медалью. А теперь можете идти домой, напейтесь теплаго и никуда не выходите, потому что, можетъ-быть, вы понадобятся.

Инвалидный офицеръ совсѣмъ засіялъ, откланялся и вышелъ.

Кокшкинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и проговорилъ:

— Возможная вещь, что государь пожелаетъ самъ его видѣть.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ понятливо приставъ.

— Вы мнѣ больше не нужны.

Приставъ вышелъ и, затворивъ за собою дверь, тотчасъ, по набожной привычкѣ, перекрестился.

Инвалидный офицеръ ожидалъ пристава внизу, и они отправились вмѣстѣ въ гораздо болѣе теплыхъ отношеніяхъ, чѣмъ когда сюда вступали.

Въ кабинетѣ у оберъ-полиціймейстера остался одинъ Свинынь, на котораго Кокоскинъ сначала посмотрѣлъ долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и потомъ спросилъ:

— Вы не были у великаго князя?

Въ то время, когда упоминали о великомъ князѣ, то всѣ знали, что это относится къ великому князю Михаилу Павловичу.

— Я прямо явился къ вамъ, отвѣчалъ Свинынь.

— Кто караульный офицеръ?

— Капитанъ Миллеръ.

Кокоскинъ опять окинулъ Свинына взглядомъ и потомъ сказалъ:

— Вы мнѣ, кажется, что-то прежде иначе говорили.

Свинынь даже не понялъ, къ чему это относится, и промолчалъ, а Кокоскинъ добавилъ:

— Ну, все равно: спокойно почивайте.

Аудиенція кончилась.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ часъ пополудни инвалидный офицеръ, дѣйствительно былъ опять потребованъ къ Кокоскину, который очень ласково объявилъ ему, что государь весьма доволенъ, что среди офицеровъ инвалидной команды его дворца есть такіе бдительные и самоотверженные люди, и жалуется ему медаль «за спасеніе погибавшихъ». При семъ Кокоскинъ собственноручно вручилъ герою медаль, и тотъ пошелъ щеголять ею. Дѣло, стало-быть, можно было считать совсѣмъ сдѣланнымъ, но подполковникъ Свинынь чувствовалъ въ немъ какую-то незаконченность и почиталъ себя призваннымъ поставить *point sur les i*.

Онъ былъ такъ встревоженъ, что три дня проболѣлъ, а на четвертый всталъ, съѣздилъ въ Петровскій домикъ, отслужилъ благодарственный молебенъ передъ иконою Спасителя и, возвратясь домой съ успокою душой, послалъ попросить къ себѣ капитана Миллера.

— Ну, слава Богу, Николай Ивановичъ, сказалъ онъ Миллеру, — теперь гроза, надъ нами тяготѣвшая, совсѣмъ прошла и наше несчастное дѣло съ часовымъ совершенно уладилось. Теперь, кажется, мы можемъ вздохнуть спокойно. Всѣмъ этимъ мы, безъ сомнѣнія, обязаны сначала милосердію Божию, а потомъ генералу Кокошкину. Пусть о немъ говорятъ, что онъ и недобрый, и безсердечный, но я исполненъ благодарности къ его великодушію и почтенія къ его находчивости и такту. Онъ удивительно мастерски воспользовался хвастовствомъ этого инвалиднаго пройдохи, котораго, по правдѣ, стоило бы за его наглость не медалью награждать, а на обѣ корки выдрать на конюшнѣ, но ничего иного не оставалось: имъ нужно было воспользоваться для спасенія многихъ, и Кокошкинъ повернулъ все дѣло такъ умно, что никому не вышло ни малѣйшей неприятности,—напротивъ, всѣ очень рады и довольны. Между нами сказать, мнѣ передано черезъ достовѣрное лицо, что и самъ Кокошкинъ мною *очень доволенъ*. Ему было пріятно, что я не поѣхалъ никуда, а прямо явился къ нему, и не спорилъ съ этимъ проходимцемъ, который получилъ медаль. Словомъ, никто не пострадалъ и все сдѣлано съ такимъ тактомъ, что и впередъ опасаться нечего, но маленькій недочетъ есть за нами. Мы тоже должны съ тактомъ послѣдовать примѣру Кокошкина и закончить дѣло съ своей стороны такъ, чтобъ оградить себя на всякій случай впоследствии. Есть еще одно лицо, котораго положеніе не оформлено. Я говорю про рядового Постникова. Онъ до сихъ поръ въ карцерѣ подъ арестомъ и его, безъ сомнѣнія, томить ожиданіе, что съ нимъ будетъ. Надо прекратить и его мучительное томленіе.

— Да, пора!—подсказалъ обрадованный Миллеръ.

— Ну, конечно, и вамъ это всѣхъ лучше исполнить: отправьтесь, пожалуйста, сейчасъ въ казармы, соберите вашу роту, выведите рядового Постникова изъ-подъ ареста и накажите его передъ строемъ двумя стами розогъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Миллеръ изумился и сдѣлалъ попытку склонить Свинына къ тому, чтобы на общей радости совсѣмъ пощадить и простить рядового Постникова, который и безъ того уже много перестрадалъ, ожидая въ карцерѣ рѣшенія того, что ему будетъ; но Свинынъ вспыхнулъ и даже не далъ Миллеру продолжать.

— Нѣтъ, перебилъ онъ, — это оставьте: я вамъ только что говорилъ о тактѣ, а вы сейчасъ же начинаете безтактность! Оставьте это!

Свинынъ перемѣнилъ тонъ на болѣе сухой и официальный и добавилъ съ твердостью:

— А какъ въ этомъ дѣлѣ вы сами тоже не совсѣмъ правы и даже очень виноваты, потому что у васъ есть не идущая военному человѣку мягкость, и этотъ недостатокъ вашего характера отражается на субординаціи въ вашихъ подчиненныхъ, то я приказываю вамъ лично присутствовать при экзекуціи и настоять, чтобы сѣченіе было произведено серьезно... какъ можно строже. Для этого извольте распорядиться чтобы розгами сѣкли молодые солдаты изъ новоприбывшихъ изъ арміи, потому что наши старики всѣ заражены на этотъ счетъ гвардейскимъ либерализмомъ: они товарища не сѣкутъ какъ должно, а только блохъ у него за спиною пугаютъ. Я заѣду самъ и самъ посмотрю, какъ виноватый будетъ сдѣланъ.

Уклоненія отъ какихъ бы то ни было служебныхъ приказаній начальствующаго лица, конечно, не имѣли мѣста, и мягкосердечный Н. И. Миллеръ долженъ былъ въ точности исполнить приказъ, полученный имъ отъ своего батальоннаго командира.

Рота была выстроена на дворѣ измайловскихъ казармъ, розги принесены изъ запаса въ довольномъ количествѣ и выведенный изъ карцера рядовой Постниковъ «былъ сдѣланъ» при усердномъ содѣйствіи новопривывшихъ изъ арміи молодыхъ товарищей. Эти неспорченные гвардейскимъ либерализмомъ люди въ совершенствѣ выставили на немъ всѣ *point sur les i*, въ полной мѣрѣ опредѣленные ему его батальоннымъ командиромъ. Затѣмъ наказанный Постниковъ былъ поднятъ и непосредственно отсюда на той же шинели, на которой его сѣкли, перенесенъ въ полковой лазаретъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Батальонный командиръ Свинынъ, по полученіи донесенія объ исполненіи экзекуціи, тотчасъ же самъ отечески навѣстилъ Постникова въ лазаретъ и, къ удовольствію своему, самымъ нагляднымъ образомъ убѣдился, что приказаніе его исполнено въ совершенствѣ. Сердобольный и нервный Постниковъ былъ «сдѣланъ какъ слѣдуетъ». Свинынъ остался доволенъ и приказалъ дать отъ себя наказанному Постникову фунтъ сахару и четверть фунта чаю, чтобъ онъ могъ услаждаться, пока будетъ на поправкѣ. Постниковъ, лежа на койкѣ, слышалъ это распоряженіе о чаѣ и отвѣчалъ:

— Много доволенъ, ваше высокородіе, благодарю за отеческую милость.

И онъ въ самомъ дѣлѣ былъ «доволенъ», потому что, сидя три дня въ карцерѣ, онъ ожидалъ гораздо худшаго. Двѣсти розогъ, по тогдашнему сильному времени, очень мало значили въ сравненіи съ тѣми наказаніями, какія люди переносили по приговорамъ военнаго суда; а такое именно наказаніе и досталось бы Постникову, если бы, къ счастью его, не произошло всѣхъ тѣхъ смѣлыхъ и тактическихъ эволюцій, о которыхъ выше рассказано.

Но число всѣхъ довольныхъ рассказаннымъ происшествіемъ этимъ не ограничилось.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подъ сурдинкою подвигъ рядового Постникова расползся по разнымъ кружкамъ столицы, которая въ то время печатной безголосицы жила въ атмосферѣ безконечныхъ сплетенъ. Въ устныхъ передачахъ имя настоящаго героя—солдата Постникова утратилось, но зато сама эпопея раздулась и приняла очень интересный, романтическій характеръ.

Говорили, будто ко дворцу со стороны Петропавловской крѣпости плылъ какой-то необыкновенный пловецъ, въ котораго одинъ изъ стоявшихъ у дворца часовыхъ выстрѣлилъ и пловца ранилъ, а проходившій инвалидный офицеръ бросился въ воду и спасъ его, за что и получили: одинъ—должную награду, а другой—заслуженное наказаніе. Цѣлѣнный слухъ этотъ дошелъ и до подворья, гдѣ въ ту пору жилъ осторожный и равнодушный къ «свѣтскимъ событіямъ» владыко, благосклонно благоволившій къ набожному московскому семейству Свиныхъ.

Проницательному владыкѣ казалось неяснымъ сказаніе о выстрѣлѣ. Что же это за ночной пловецъ? Если онъ былъ бѣглый узникъ, то за что же наказанъ часовой, который исполнилъ свой долгъ, выстрѣливъ въ него, когда тотъ плылъ черезъ Неву изъ крѣпости? Если же это не узникъ, а иной загадочный человѣкъ, котораго надо было спасти изъ волнъ Невы, то почему о немъ могъ знать часовой? И тогда опять не можетъ быть, чтобъ это было такъ, какъ о томъ въ мірѣ суесловятъ. Въ мірѣ многое берутъ крайне легкомысленно и «суесловятъ», но живущіе въ обителяхъ и на подворьяхъ ко всему относятся гораздо серьезнѣе и знаютъ о свѣтскихъ дѣлахъ самое настоящее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Однажды, когда Свиныхъ случился у владыки, чтобы принять отъ него благословеніе, высокочтимый хозяинъ за-

говорилъ съ нимъ «кстати о выстрѣлѣ». Свинынь разска- залъ всю правду, въ которой, какъ мы знаемъ, не было ничего похожаго на то, о чемъ повѣствовали «кстати о вы- стрѣлѣ».

Владыко выслушалъ настоящій разсказъ въ молчаніи, слегка шевеля своими бѣленькими четками и не сводя своихъ глазъ съ разсказчика. Когда же Свинынь кончилъ, владыко тихо журчащею рѣчью произнесъ:

— Посему надлежитъ заключить, что въ семь дѣлѣ не все и не вездѣ излагалось согласно съ полною истиной?

Свинынь замаялся и потомъ отвѣчалъ съ уклономъ, что докладывалъ не онъ, а генераль Кокошкинъ.

Владыко въ молчаніи перепустилъ нѣсколько разъ четки сквозь свои восковыя персты и потомъ молвилъ:

— Должно различать, что есть ложь и что неполная истина.

Опять четки, опять молчаніе и, наконецъ, тихоструйная рѣчь:

— Неполная истина не есть ложь. Но о семь наименьше.

— Это, дѣйствительно, такъ, заговорилъ поощренный Свинынь.—Меня, конечно, больше всего смущаетъ, что я долженъ былъ подвергнуть наказанію этого сслдата, кото- рый хотя нарушилъ свой долгъ...

Четки и тихоструйный перебивъ:

— Долгъ службы никогда не долженъ быть нарушенъ.

— Да, но это имъ было сдѣлано по великодушію, по состраданію и притомъ съ такой борьбой и съ опасностью: онъ понималъ, что, спасая жизнь другому человѣку, онъ губить самого себя... Это высокое, святое чувство!

— Святое извѣстно Богу, наказаніе же на тѣлѣ просто- людину не бываетъ губительно и не противорѣчитъ ни обычаю народовъ, ни духу Писанія. Лозу гораздо легче перенести на грубомъ тѣлѣ, чѣмъ тонкое страданіе въ духѣ. Въ семь справедливость отъ васъ нимало не пострадала.

— Но онъ лишенъ и награды за спасеніе погибавшихъ.

— Спасеніе погибающихъ не есть заслуга, но паче долгъ.

Кто могъ спасти и не спасъ—подлежитъ карѣ законовъ, а кто спасъ, тотъ исполнилъ свой долгъ.

Пауза, четки и тихоструй:

— Воину претерпѣть за свой подвигъ униженіе и раны можетъ быть гораздо полезнѣе, чѣмъ превозноситься знакомъ. Но что во всемъ семъ наибольшее—это то, чтобы хранить о всемъ дѣлѣ семъ осторожность и отнюдь нигдѣ не упоминать о томъ, кому по какому-нибудь случаю о семъ было сказывано.

Очевидно, и владыко былъ доволенъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Если бы я имѣлъ дерзновеніе счастливыхъ избранниковъ Неба, которымъ, по великой ихъ вѣрѣ, дано проникать тайны Божія смотрѣнія, то я, можетъ быть, дерзнулъ бы дозволить себѣ предположеніе, что, вѣроятно, и самъ Богъ былъ доволенъ поведеніемъ созданной имъ смирной души Постникова. Но вѣра моя мала; она не даетъ уму моему силы зрѣть столь высокаго: я держусь земного и перстнаго. Я думаю о тѣхъ смертныхъ, которые любятъ добро просто для самаго добра и не ожидаютъ никакихъ наградъ за него, гдѣ бы то ни было. Эти прямые и надежные люди тоже, мнѣ кажется, должны быть вполне довольны святымъ порывомъ любви и не менѣе святымъ терпѣніемъ смиреннаго героя моего точнаго и безыскусственнаго разказа.

ШЕРАМУРЪ.

(Чрева-ради юродивый).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По нѣкоторымъ, достаточно важнымъ причинамъ выставленная кличка должна замѣнять собственное имя моего героя—если только онъ годится куда-нибудь въ герол.

Если бы я не опасался выразиться вульгарно въ самомъ началѣ разсказа, то я сказалъ бы, что Шерамуръ есть *герой брюха*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, какой только можно соединить съ этимъ выраженіемъ. Но все равно: я долженъ это сказать, потому что свойство матеріи лишаетъ меня возможности быть очень разборчивымъ въ выраженіяхъ,—иначе я ничего не выражу. Герой мой—личность узкая и однообразная, а эпопея его—бѣдная и утомительная, но тѣмъ не менѣе я рискую ее разсказывать.

И такъ, Шерамуръ—*герой брюха*; его девизъ—*жрать*, его идеаль — *кормить другихъ*; въ этомъ настроеніи онъ имѣлъ похожденія, достойныя нѣкотораго вниманія. Я опишу кое-что изъ нихъ въ короткихъ отрывкахъ: это единственная форма, въ которой можно передать что-нибудь о лицѣ, не имѣвшемъ никакой послѣдовательности и неукладывающемся ни въ какую форму.

Начинаю съ того самаго случая, какъ онъ показался первому человѣку, который обнаружилъ въ немъ нѣчто достойное наблюденія.

Лѣтомъ 187* года, въ Парижъ прибылъ изъ Петербурга литературный Немо. Онъ поселился въ небольшой комнаткѣ, противъ рѣшетки Люксембургскаго сада, и жилъ тутъ тихо и смирно нѣсколько дней, какъ вдругъ однажды входитъ къ нему консьержъ и говорить, что пришелъ «нѣкто» и требуетъ, чтобы monsieur вышелъ къ нему—на лѣстницу.

Немо имѣлъ основаніе не любить таинственности, и съ неудовольствіемъ спросилъ:

— Кто это такой и что ему нужно?

— Я думаю, это нѣкто изъ вашихъ, отвѣчалъ французъ.

— Это мужчина или женщина?

— Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что это скорѣе мужчина.

— Такъ попросите его сюда.

— Да, но мнѣ, кажется, что ему неудобно войти.

— Развѣ онъ пьянъ?

— Нѣтъ; онъ... раздѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На узенькой, спиральной лѣстницѣ, съ крошечнымъ окномъ въ безвоздушный каналъ, образовываемый тремя сходящимися острымъ угломъ стѣнами, стояла очень маленькая, но преоригинальная фигура. Первое, что бросилось въ глаза Немо, были полудѣтскія плечи и курчавая голова съ длинными волосами, покрытая истасканною бандитскою шляпою.

Сначала казалось, что это костюмированный тринадцати или четырнадцати-лѣтній мальчикъ, но чуть онъ оборотился, видъ измѣняется: передъ вами, прежде всего, два яркіе, черные глаза, которые горятъ дикимъ, какъ бы голоднымъ огнемъ, и черная борода замѣчательной величины и расположенія. Она заросла по всему лицу, почти подъ самые глаза и внизъ закрываетъ грудь до пояса. Такую бороду, по строгановскому лицевому подлиннику, указано писать только преподобному Моисею Мурину, вѣроятно

ради особенности его мадьярскаго происхожденія и мучительной пылкости темперамента этого святого, которому за то и положено молиться «отъ неистовой страсти».

Немо подошелъ къ незнакомцу и спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь...

— Никакой нѣтъ чести, отвѣчалъ незнакомецъ не натуральнымъ, а искусственнымъ баскомъ, какъ во время оно считали обязанностью хорошаго тона говорить кадеты выпускнаго класса. Немо понималъ нѣкоторый толкъ въ людяхъ и самъ перемѣнилъ манеру.

— Что же вамъ надо?—спросилъ онъ гостя.

— Имѣю дѣло.

— Такъ войдите въ комнату.

— У васъ нѣтъ никого?

— Никого.

— Могу.

И незнакомецъ пошелъ за хозяиномъ важно и неспѣшно, переставляя свои коротенькія ножки, а когда взошелъ, то сѣлъ и, не снимая шляпы, сейчасъ же спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ работы?

— Работы!

— Да, нѣтъ ли у васъ какой работы?

— Да какая же у меня работа?

— Развѣ я знаю какая?

— Вы мастеровой?

— Нѣтъ, не мастеровой, а мнѣ говорили, что вы романы пишете.

— Это правда.

— Такъ я—переписывать.

— Но теперь я ничего не пишу.

— Вотъ какъ! Значить—сыты. Онъ всталъ и, немного насупясь, добавилъ:

— А деньги есть у васъ?

Хозяинъ невольно посторонился и спросилъ:

— Что это значить?

— Значить, что я три дня не жралъ.

— Сколько же вамъ нужно?

— Миѣ нужно много, но я у васъ хочу взять два франка.

— Извольте.

Туристъ опустилъ руку въ портмонэ и подаль своему гостю пятифранковую монету.

— Здѣсь больше, сказалъ тотъ.

— Это все равно.

— Да, разумѣется,—вы сдачи получите.

Съ этимъ онъ завернулся и вышелъ тѣмъ же ровнымъ шагомъ, съ тою же неизмѣнною важностью. Во время разговора можно было видѣть, что у него не крѣпко держатся рейтузы и подъ блузою нѣтъ рубашки.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Нето рассказалъ исторію землякамъ: тѣ сразу узнали.

— Это, говорятъ,—Шерамуръ.

— Кто онъ?

— Неизвѣстно.

— Во всякомъ случаѣ онъ русскій.

— О, да! русскій: у него какая-то таинственная исторія.

— Политическая?

— Кто его разберетъ! но, кажется, политическая.

— По какому дѣлу онъ сюда сбѣжалъ?

— Право не знаю, да и знаетъ ли онъ самъ объ этомъ,— сомнѣваюсь.

— Онъ не сумасшедшій?

— Развѣ съ точки зрѣнія доктора Крупова.

— И не плуть.

— Нѣтъ, онъ по-своему даже очень честенъ: да вотъ вы сами въ этомъ убѣдитесь.

— Какимъ образомъ?

— Онъ занялъ у васъ денегъ?

— А вы почему такъ думаете?

— Если онъ приходилъ, значить или долгъ принесъ, или умираетъ съ голоду и въ долгъ просить.

- Я ему очень мало далъ.
- Все равно: онъ принесетъ.
- Я этого вовсе не требую.
- Мало ли что! А вы если хотите у него заискать, то сведите его пожрать.
- Онъ не обидится?
- Нимало; онъ человѣкъ натуральный; только не ведите въ хорошее мѣсто: этого онъ терпѣть не можетъ, а куда-нибудь погрязнѣе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

На другое утро снится Немо и слышитъ:

— Проснитесь!

Тотъ открывъ глаза и увидалъ передъ собою Шерамура. Онъ былъ по вчерашнему въ блузѣ безъ рубашки и въ бандитской шляпѣ. Только яркій, голодный блескъ черныхъ глазъ его немножко смягчился и въ нихъ даже какъ будто мелькало что-то похожее на нѣкоторый признакъ улыбки. Онъ протянулъ къ хозяину руку и проговорилъ:

— Получайте.

— Что это?

— Три франка сдачи.

— Присядьте,—я сейчасъ встану и мы пойдемъ вмѣстѣ завтракать.

Шерамуръ сѣлъ и, положивъ деньги на стулъ, проговорилъ:

— Могу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Они пили и ѣли именно такъ, какъ хотѣлъ того Шерамуръ, даже не у Дюваля, а пошли по самому темному изъ закоулковъ Латинскаго квартала и пріютились въ грязненькомъ кабачкѣ дородной богатырскаго сложенія нормандки, которую звали Tante Grillade. Это была единственная женщина въ Парижѣ, которую Шерамуръ зналъ по имени и

при встрѣчахъ съ которою онъ кивалъ ей своею горделивою головою. Она этого стоила, потому что имѣла историческую репутацію высокой пробы. Если она не лгала, то она въ самомъ цвѣтѣ своей юности была предметомъ вниманія Луи Бонапарта и очень могла бы ему кое-что напомнить, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался Наполеономъ III, Grillade его презирала и жила, держа грязненькую съѣстную лавку.

Было ли это все правда, или только отчасти,—это оставалось на совѣсти Танти, но Шерамуръ ей вѣрилъ: ему правилось, что она презираетъ «такого барина». За это онъ ее уважалъ и доказывалъ ей свое уваженіе, передъ ней одной снимая свою ужасную шляпу. Притомъ же она и ея темный закоулочекъ составляли для Шерамура очень пріятное воспоминаніе. Здѣсь, въ этой трущобѣ, къ нему разъ спускалось небо на землю; здѣсь онъ испыталъ самое высокое удовольствіе, къ которому стремилась его душа: тутъ онъ, вѣчно голодный и холодный нищій, одинъ разъ давалъ пирь,—такой пирь, который можно было бы назвать «пиромъ Лазаря». Шерамуръ самыми удивительными путями получилъ по матери наслѣдство въ триста или четыреста франковъ и сдѣлалъ на нихъ «пирь Лазаря».

Онъ отдалъ всѣ эти деньги Тантѣ и велѣлъ ей «считать», пока онъ проѣстъ.

Съ того же дня онъ ежедневно водилъ сюда по нѣсколько *voou* и всѣхъ питалъ до тѣхъ поръ, пока Танта подала ему счетъ, въ которомъ значилось, что *все съѣдено*.

Теперь онъ сюда же привелъ своего консоматера. Имъ подали скверныхъ котлетъ, сквернаго пюре и рагу изъ обрѣзковъ, да литръ кислаго вина. Шерамуръ ѣлъ все это сосредоточенно и не обращая ни на кого никакого вниманія, пока отвалился и сказалъ:

— Буде!

Съ этого у Nemo и Шерамура завязалось знакомство, которое поддерживалось «жратвою» у Tante Grillade, и съ каждымъ днемъ выводило наружу все новыя странности этого Каинова сына.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Нешо могъ опредѣлить, что Шерамуръ былъ чрезвычайно гордъ, потому что онъ былъ очень застычивъ, но понятія о самой гордости у него были удивительныя. Такъ, напримѣръ, кормъ онъ принималъ отъ всякаго безъ малѣйшаго стѣсненія и безъ всякой благодарности. Кормить — это, по его мнѣнью, для каждаго было не только долгъ, но и удовольствіе. Въ томъ, что его кормятъ, онъ не только не усматривалъ никакого одолженія, но даже находилъ, что это мало. И дѣйствительно,—самъ онъ при тѣхъ же средствахъ сдѣлалъ бы гораздо больше. При тѣхъ же средствахъ онъ накормилъ бы нѣсколько человѣкъ. Жратва была пунктъ его помѣнательства: онъ о ней думалъ сытый и голодный, во всякое время,—во дни и въ нощи.

Приходитъ онъ, напримѣръ, и видитъ банку съ одеколономъ. Тотчасъ намѣчаетъ ее своимъ сверкающимъ взглядомъ и, показывая на нее пальцемъ, съ презрѣніемъ спрашиваетъ:

- Это что?
- Одеколонъ.
- Зачѣмъ нуженъ?
- Обтираюсь имъ.
- Гмъ! Обтираетесь. Развѣ прѣлое мѣсто есть?
- Нѣтъ; прѣлаго мѣста нѣтъ.
- Такъ зачѣмъ же такая низость!
- Кому же это вредно?
- Еще и спрашиваете: лучше бы сами пожрали, да другого накормили.
- Пойдемте,—накормлю.
- Что же одного-то кормить... сказали бы, такъ я бы еще человѣкъ пять позвалъ.

Другой разъ онъ застаеть на комодѣ бѣлье, принесенное прачкою, и опять тычетъ пальцемъ:

- Чьи рубашки?

— Разумѣется, мои.

— Сколько тутъ?

— Кажется четыре.

— Зачѣмъ столько?

— А по вашему сколько рубашекъ можно имѣть человѣку?

— Одну.

— И будто у васъ всего одна?

— Нѣтъ; у меня ни одной.

— Безъ шутокъ ни одной?

— Какія шутки, мы не такіе друзья, чтобы шутить шутки.

Съ этимъ онъ разстегнулъ блузу и показалъ нагое тѣло.

— Вотъ вамъ и шутки.

— Возьмите у меня рубашку.

— Могу.

Онъ взялъ поданную ему рубашку, пошелъ за занавѣсъ, а оттуда кричить:

— Ножъ!

— Вы не зарѣжетесь?

— Это не ваше дѣло.

— Какъ не мое дѣло! Я не хочу, чтобы вы здѣсь у меня напачкали кровью.

— Эка важность!

— Нѣтъ не рѣжьтесь у меня.

— Не зарѣжусь,—я нынче пожравши.

— На-те вамъ ножъ.

Послышался какой-то трескъ и что-то шлепнуло.

— Что это вы сдѣлали?

Онъ вмѣсто отвѣта выбросилъ отрѣзанныя отъ обоихъ рукавовъ манжеты и появился самъ въ блузѣ, изъ-подъ обшлаговъ которой торчали обрѣзки безпощадно оборванныхъ рукавовъ рубашки.

Этакъ ему казалось лучше, но тоже не надолго,—завтра онъ явился опять безъ рубашки и на вопросъ: гдѣ она?—отвѣчалъ:

— Скинулъ.

— Для какой надобности?

— У другого ничего не было.

Таковъ онъ былъ въ безконечномъ числѣ разныхъ проявленій, которыя cadaго въ состоянїи были убѣдить въ его полнѣйшей неспособности ни къ какому дѣлу, а еще болѣе возбудить самое сильное недоразумѣніе насчетъ того: какое онъ могъ сдѣлать политическое преступленіе? А между тѣмъ это-то и было самое интересное. Но Шерамуръ на этотъ счетъ былъ столь кратокъ, что сказанія его казались невѣроятны. По его словамъ, вся его исторія была въ томъ, что онъ однажды «на дворъ просился».

Какъ и что? Это всякаго могло удивить, но онъ очень мало склоненъ былъ это пояснять.

— Бунтъ, говорить,—былъ. Мы всѣ техноложцы въ институтъ пришли, —вороты заперты, не пускаютъ. Мы стали проситься на дворъ пустить,—пихать начали. Меня взяли.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ,—я ушелъ.

— Зачѣмъ?

— Да что же ждатель—неизвѣстно бы куда засудили.

И больше ничего не добьетесь, да и сомнительно, есть ли чего добиваться.

До сихъ поръ говорю съ чужихъ словъ—теперь перехожу къ личнымъ наблюденіямъ, которыя были счастливыя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я о немъ въ мою послѣднюю поѣздку за границу слышался еще по дорогѣ,—преимущественно въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, гдѣ его знали, и онъ меня чрезвычайно заинтересовалъ. Много странныхъ разновидностей этихъ Каиновыхъ дѣтей встрѣчалъ я на своемъ вѣку, но такого экземпляра не видывалъ. И мнѣ захотѣлось съ нимъ познакомиться,—что было и кстати, такъ какъ я вѣхалъ съ литературною работою, для которой мнѣ былъ нуженъ переписчикъ. Шерамуръ же, говорятъ, исполнялъ эти занятія очень изрядно.

Его адреса никто не зналъ, но я взялъ адресъ Tante Grillade и онъ мнѣ помогъ. По письму, оставленному въ этомъ кабачкѣ, Шерамуръ ко мнѣ явился, совершенно такимъ, какимъ я его описалъ выше: маленькій, коренастый, съ крошечнымъ носикомъ и огромной бородой Черномора.

Здѣсь, кстати замѣчу, что кличка Шерамуръ была не что иное, какъ испорченное на французскій ладъ Черноморъ, а происхожденіе этой клички имѣетъ свою причину, о которой будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Я не торопилъ Шерамура сближеніемъ, а просто далъ ему работу, и въ первый визитъ онъ со мною не говорилъ почти ни слова, а только кивалъ въ знакъ согласія, но, принеся черезъ три дня назадъ переписанную тетрадь, разговаривался.

— Все ли вы, спрашиваю, — разобрали въ моей рукописи — не трудно ли было?

— Ничего нѣтъ труднаго, а только одно трудно понять: зачѣмъ вы это пишете?

— Печатать буду.

— Очень нужно.

— Вамъ это не нравится?

— Не не нравится, а зачѣмъ всякую юрунду. (Онъ именно говорилъ юрунду).

— Добрые люди купятъ, прочтутъ, посмѣются и бросятъ.

— Ну, да; только и всего. Стоить того дѣло. Могли бы что-нибудь лучше написать.

— Да что лучше-то? — Не умѣю.

— Ну, да; не умѣете! Нѣтъ, вы, я вижу, не совсѣмъ глупый!

— Да не знаю, говорю, — что же такое надо писать?

— Полезное что-нибудь.

— Напримѣръ?

— Я вѣдь не писатель, — что меня спрашивать. Если бы я былъ писатель, — я бы написалъ.

— Статью?

— Не знаю, можетъ-быть и статью.

- О чемъ?
— О томъ, чтобы всѣмъ было что жрать,—вотъ о чемъ.
— Какъ же это надо написать?
— Не знаю,—пишутъ.
— Гдѣ?
— Я не знаю; а пишутъ.
— Да все, говорю,—мало куда годится.
— Оттого, что не дописываютъ.
— А отчего не дописываютъ?
— А чортъ ихъ знаетъ.
— Ума мало, или смѣлости недостаетъ?
— Да я не знаю.
— Вы революціонеръ?
— Ну вотъ еще! Жрать всѣмъ надо, вотъ революція.
Въ революцію хорошо,—кто большого роста.
— Это почему?
— Потому что маленькаго никто не послушаетъ.
— А вотъ Наполеоны-то, — вѣдь они оба были небольшого роста, а ихъ слушались.
— Такъ это у французовъ; они на ростъ не глядятъ; а у насъ надо, чтобы дылда былъ и ругаться умѣлъ.
— А вы развѣ этого не можете?
— Нѣтъ, не могу.
— А жрать?
Онъ улыбнулся, но только удивительно странно, сначала однимъ, а потомъ другимъ глазомъ, точно онъ не смѣлъ сразу обоими улыбнуться, и отвѣчалъ:
— Могу.
— Ну, идемте.

И онъ ходилъ со мною разъ и два и, наконецъ, за обычай взялъ со мною питаться и освоился до того, что разъ сказалъ:

- А я еще и другую штуку могу.
— Какую?
— Подвыть.

— Какъ же это?

— Здѣсь нельзя—страшно.

Я объ этомъ и позабылъ, но потомъ мы съ нимъ какъ-то пошли за городъ къ Нельи. Это былъ хорошій вечеръ; мы все бродили, бродили, сѣли на бережку ручья и незамѣтно осмеркли.

Онъ такъ же незамѣтно отъ меня отлучился, и гдѣ-то исчезъ. Я задумался и совсѣмъ про него позабылъ, но вдругъ вздрогнулъ и вскочилъ въ ужасномъ испугѣ, и было чего: въ самомъ недалекомъ отъ меня разстояніи громко и протяжно провылъ голодный волкъ... И прежде чѣмъ я могъ оправиться—онъ завылъ снова.

Надо было опомниться, что я всего въ двухъ шагахъ отъ Парижа, котораго грохотъ слышенъ и котораго огни отражаются заревомъ, чтобы понять, какъ трудно было появиться здѣсь волку.

И пока я это сообразилъ, предо мною предсталъ Шерамуръ.

— Каково?—говорить.

— Это вы были?

— Я. Разобрали, въ чемъ дѣло.

— Какое же дѣло?

— Слушайте.

И онъ опять сѣлъ на корточки, сложилъ у рта ладошки и завылъ: уаа-уаа-уаа.

— Разобрали?

— Нѣтъ; но вы, дѣйствительно, воете какъ настоящій волкъ.

— Еще бы! Мы, бывало, всѣ этакъ хоромъ воемъ.

— Кто, гдѣ?

— Техноложцы-то, въ Петербургѣ, когда топить нечѣмъ и жрать нечего. Завоемъ, — хозяйка испужается и дастъ дровъ и поплеванникъ—чтобы замолчали. Вѣдь это слова.

Онъ опять опустился на корточки и еще разъ завылъ, но гораздо протяжнѣе, и въ этотъ разъ въ этомъ воѣ я разобралъ слова:

Холодно, странничекъ, холодно;
Голодно, родименькій, голодно!

И мнѣ стало жутко и больно, а онъ сталъ рассказывать: какъ имъ бывало холодно и какъ голодно и какъ они, вымоливъ полѣно дровъ и «поплеванникъ», потомъ разогрѣвались, прыгая вокругъ пустой комнаты и напѣвая:

А лягушки по дорожкѣ
Скачуть, вытянувши ножки,
Ква-ква-ква-ква,
Ква-ква-ква-ква.

На него, кажется, дѣйствовала ночь, звѣзды и свобода открытаго пространства. Онъ былъ въ духѣ и въ какомъ-то порывѣ на откровенность. Я этимъ воспользовался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— Неужто вамъ, говорю, — когда вы такъ бѣдствовали, никто не помогалъ?

— А кто мнѣ станеть помогать? со мною все бѣдняки жили;—всѣ втроемъ рѣдко жрали.

— Не всѣ же технологи или по-вашему «техноложцы» такъ бѣдны.

— Да, у кого есть отцы, — не бѣдны разумѣется — имъ помогали.

— А вашъ отецъ?

— У меня отца не было,—только родитель.

— Какая же тутъ разница?

— Отецъ жалѣеть, а родитель—родить и бросить.

— Кто же былъ вашъ *родитель*?

— Мизантропъ.

— Чѣмъ онъ занимался?

— Дворянинъ,—развлекалъ свою ипохондрію.

— Ну, а мать, развѣ и она о васъ не заботилась?

— Чѣмъ ей заботиться? — она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ была.

— Такъ вы, значитъ, изъ податного званія?

— Нѣтъ; изъ благороднаго,—мизантропъ ее за чиновника выдалъ.

— Вы все путаете.

— Ничего не путаю: родитель былъ одинъ, а отцомъ другой числился; мужъ материнъ въ казначействѣ служилъ.

— Да вы чью фамилію-то носите?

— Материнаго мужа.

— Ваша матушка вѣрно была очень красива.

— Ну вотъ... Разумѣется не такая, какъ я. А у него все равно были всякія: и красивыя, и некрасивыя, и всѣхъ замужъ выдавалъ.

— И приданое давалъ.

— Матери пятьсотъ рублей далъ, за чиновника, а которыхъ за своихъ—тѣмъ не давалъ.

— Значитъ, онъ вашу матушку больше другихъ любилъ.

— Время такое пришло: эманцыпація. Крѣпостные не захотѣли безъ награжденія. А онъ разсудилъ, что если съ награжденіемъ, такъ ужъ все равно за благороднаго. Чиновникъ и взялся.

— Выходитъ, вы все-таки счастливѣе другихъ.

— Не вижу, тѣ надѣлы получили, а я нѣтъ.

— А чиновникъ васъ не обижалъ, воспитывалъ?

— Мы у него не жили, онъ съ матерью очень дрался; она назадъ убѣжала.

— Къ мизантропу?

— Да; меня швырнула ему, а сама утопиться хотѣла. Онъ новаго суда побоялся и взялъ насъ.

— Тутъ вамъ хорошо было?

— Ничего не было хорошаго: меня къ акушеркѣ на воспитаніе въ городъ отдали.

— Это добрая была женщина?

— Шельма; сама все съ землемѣромъ кофей пила, а мнѣ жрать не давала. И землемѣръ очень билъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ; напьется и бьетъ по головешкѣ. Я оттого и роста пересталъ,—до двѣнадцати лѣтъ совсѣмъ не росъ.

Въ училище отдали: тамъ началъ жрать и сталъ подниматься. А пуще въ пасалтырѣ морили.

— Что это такое за «пасалтырь»?

— Чуланъ, — землемѣръ такъ называлъ. «Бросить, скажетъ, его въ пасалтырь» — меня и бросятъ, да и позабудутъ безъ корму. А тамъ еще тѣсно, все стѣна передъ носомъ. Я отъ этого пасалтыря и зрѣніе испортилъ, что все въ стѣнку смотрѣлъ. Въ училище привели — за два шага доски не видѣлъ.

— Вы въ какомъ были училищѣ?

— Въ гимназій.

— Окончили курсъ?

— Нѣтъ; у меня отъ битья память глупая.

— А потомъ?

— Въ технологію.

— Что же тутъ больше учились или больше читали?

— Больше всего опять жрать было нечего, а иногда и читали.

— А что читали?

— Много, — не помню.

— Стихи или прозу?

— И стихи, и прозу.

— И ничего не помните?

— Одни стихи помню, потому что много списывалъ ихъ.

— Какіе?

— Начало божественное, а потомъ политическое:

«И вы подобно такъ падете,
«Какъ съ древь увядшій листь падеть,
«И вы подобно такъ умрете,
«Какъ вашъ послѣдній рабъ умреть».

— Это, говорю, — «Властителямъ и Судіямъ».

— Вотъ, вотъ, оно самое.

— Зачѣмъ же вы его списывали?

— Всѣмъ нравилось.

— Да вѣдь это Державинское стихотвореніе: оно есть печатное.

— Ну, рассказывайте-ка.

— Не вѣрите?

— Разумѣется.

— Ну, такъ знайте же, что это переложеніе псалма и оно было въ хрестоматіи, по которой мы бывало грамматическій разборъ дѣлали.

— Ну, а мы не дѣлали.

— Бѣдняжки.

— Ничего не бѣдняжки.

— А когда вы окончили свою технологію?

— Я ее не кончалъ.

— Почему?

— Политическая исторія помѣшала.

— А какая же это была исторія?

— Наши студенты на дворъ просились.

— Для какой надобности?

— Какъ для какой надобности? Безъ двора развѣ можно? дворъ заперли, и некуда дѣться: мы проситься. Бударь говорить нельзя на дворъ,—отъ начальства не велѣно, а мы его отпихнули и пошелъ бунтъ.

— Вѣрно прежде была какая-нибудь распря.

— Я тогда не ходилъ, у меня за ухомъ юрунда какая-то вспухла и ее въ тотъ день только распороли.

— Какъ же вы этимъ не оправдались?

— А какъ это оправдаться, стали насъ показывать,—бударь на меня говорить: «вотъ и этотъ черномордый тоже на дворъ просился». Меня отставили, а ему велѣли изложить. Онъ говорить: «я не пуцалъ, а онъ, какъ Спиноза, промежъ ногъ проюркнулъ».—Меня за это арестовали.

— За Спинозу?

— Да.

— Долго же вы были подъ арестомъ?

— Нѣтъ; я скоро въ деревню уѣхалъ,—меня графиня выпросила.

Онъ, къ крайнему моему удивленію, назвалъ одно изъ самыхъ великосвѣтскихъ именъ. Я впервые ему не повѣрилъ.

— Почему она васъ знала?

— Ничего не знала, а у насъ былъ директоръ Ермаковъ, котораго всѣ знали, и онъ былъ со всѣми знакомъ и съ этой съ графиней. Она прежде жила какъ всѣ,—экозесь танцевала, а потомъ съ однимъ англичаниномъ познакомилась и ей захотѣлось людей исправлять. Ермаковъ за насъ заступался, рассказывалъ всѣмъ, что насъ «исправить можно». А она услышала и говоритъ: «Ахъ, дайте мнѣ одного,—самаго несчастнаго». Меня и послали. Я и идти не хотѣлъ, а директоръ говоритъ: «идите,—она добрая».

— И что же: вправду такъ вышло?

— Ничего не правда. Пустили къ ней скоро—у нея внизу особый залъ былъ. Тамъ люди какіе-то,—все молились. Потомъ меня спросила: читалъ ли Евангеліе? Я говорю: нѣтъ. «Прочитайте, говоритъ, и придите». Я прочиталъ.

— Все прочитали?

— Все.

— Что же,—понравилось вамъ?

— Разумѣется, мистики много, а то бы ничего: есть много хорошаго. Почеркать бы надо по мѣстамъ...

— Вы такъ и графинѣ отозвались?

— Не помню,—да вѣдь еще раньше генераль Дубельтъ говорилъ... Я читалъ объ этомъ, а съ графиней... не помню... Все ровно она была дура. Она мнѣ долбила все про спасеніе, только мнѣ спать захотѣлось, а ничего не понималъ.

— Что же такое было непонятное?

— «Надо придти ко Христу». Очень радъ,—только какъ это сдѣлать? Или будто я спасенъ... Почему я это знаю! Или про кровь тамъ и все этакое: ничего по настоящему нельзя понять. Я сказалъ, что я этого не понимаю, и мнѣ это не нужно. Она стала сердиться: «оставимъ, говоритъ, до деревни,—вы тамъ поймете». Дорогою хотѣла меня съ собой посадить и читать, а потомъ во второй классъ послала; двѣ дѣвки, я да буфетчикъ. Мы и поссорились.

— Какое же вамъ до нихъ дѣло было?

— Подлости говорятъ и безстыдство: я это ненавижу; а потомъ съ мужикомъ скандалъ вышелъ,—все и пропало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Вотъ въ чемъ заключается этотъ эпизодъ, — нелѣпый, курьезный и отрывочный, какъ всѣ эпизоды своеобразной эпопеи Шерамура.

— Мы поѣхали, началъ онъ. Графиня сама сѣла въ первый классъ и дѣтей и старую гувернантку англичанку тоже тамъ посадили, а двѣ дѣвки и я, да буфетчикъ во второмъ сѣли. Буфетчикъ мнѣ подаль билетъ и говоритъ:

— Графиня вамъ тутъ велѣла.

Я говорю:

— Мнѣ все равно. А какъ они стали разныя глупости говорить, я и ушелъ въ третій классъ къ мужикамъ.

— Какія же такія нестерпимыя глупости они говорили?

— Всякія глупости, все важныхъ изъ себя передо мною представляли; одна говоритъ, что ее американскій князь соблазнить и увезть хотѣлъ, да она отказалась, потому что на пароходъ ѣздить не можетъ, будто бы у нея отъ колтыханья морская свинка дѣлается. Противно слушать, а на первой станціи при насъ большая исторія вышла: мужика возлѣ нашего вагона бить стали. Я говорю: за что? А кондукторъ говоритъ: «вѣрно заслуживаетъ». — Я самого мужика спросилъ: за что? а онъ говоритъ: «ничего!» Я подскочилъ къ графинѣ, говорю: видите, безправіе! А она закричала: «ахъ, ахъ!» и окно закрыла. Буфетчикъ говоритъ: «развѣ можно беспокоить». Я говорю: если она христіанка, она могла за бѣднаго заступиться. А онъ: «съ какой стати такъ можете?—вы ангелистъ». А я говорю: а ты дуракъ. И повздорили. Они и начали про студентовъ намеки. «Теперь, говорить, всѣ взялись за этотъ ангелизмъ. Коимъ и не стоило званія своего пачкать, и тѣ нынче счета считаютъ. У насъ тоже теперь новый правитель—только вступилъ, сейчасъ счета сталъ перемарывать. «Зачѣмъ, говорить, пель-

сики пять съ полтиной ставить, когда они по два рубля у Юлисева?—Это воровство». Ахъ ты, дрянъ юная! Мы при гвоемъ отцѣ не такіе счеты писали и ничего, потому что то былъ настоящій баринъ: самъ пользовался и другимъ не мѣшалъ; а ты вонъ что!»

«Дѣвки такъ и ахаютъ:

«— Ишь подлець! ишь каналья!

«А тотъ говорить:

«— Ну такъ я ему сейчасъ и ввернулъ, чего онъ и не думалъ.—Мало ли что, говорю, у Юлисева, мы бокалейщика Юлисева довольно знаемъ, что эта одна лаферма, а продаетъ кто попало,—со всякаго званія особъ. «Къ чему мнѣ это знать?» говорить. — А къ тому-съ, что тамъ все продается для обыкновенной публики, а у насъ домъ,—мы домового поставщика имѣемъ — у него беремъ. «Впередъ, говорить, у Юлисева братъ».—Очень хорошо говорю, только если ихъ сіятельство въ какомъ-нибудь фруктѣ отравятъ, такъ я не буду отвѣчать.

«Дѣвки визжать: ловко, ловко! Ожегся?

«— Страфиль! и весь ангелизмъ спустилъ: «бери, говорить, негодяй, у своего поставщика, а то ты и вправду за три цѣлковыхъ кого угодно отравишь».

«А дѣвки радостно подхватываютъ: очень просто, что такъ! — очень просто! И сами что-то ѣдятъ, а буфетчикъ мнѣ очистки предлагаетъ: «у васъ, говорить, желудокъ крѣпкаго характера, — а у меня съ фистулой. Кушайте. А если не хотите, мы на балъ дешевымъ студентамъ за окно выбросимъ». А потомъ вдругъ всѣ: хи-хи, да ха-ха-ха и: «точно такъ какъ наше къ вашему». Я этого уже слушать не могъ и пересѣлъ къ мужикамъ.

— Что же васъ въ этихъ словахъ особенно возмутило?

— Ну какъ же: цинизмъ: «наше къ вашему».—Развѣ я не понимаю?

— Да я-то, говорю, не понимаю: что тутъ такого особенно циничнаго.

— Ну оставьте, пожалуйста,—очень это понятно.

— Извольте; оставляю, но все-таки, гдѣ вы видите цинизм—не понимаю.

— Ну, а я понимаю: я даже въ Петербургъ хотѣлъ вернуться и сошелъ, но только денегъ не было. Начальникъ станціи велѣлъ съ другимъ поѣздомъ въ Москву отвезть, а въ Петербургъ, говорить, безъ билета нельзя. А поѣздъ подходит—опять того знакомаго мужика, котораго били, ведутъ и опять наколачиваютъ. Я его узналъ, говорю: за что тебя опять? А онъ говоритъ: «не твое дѣло». Я пріѣхалъ въ Москву,—въ ихъ домъ и все спалъ, а потомъ всталъ, а на дворѣ уже никого нѣтъ,—говорятъ: уѣхали.

— Васъ бросили?

— Не взбудили. Я проспалъ — пошелъ на станцію за книгами — книги свои взять и — вижу опять поѣздъ подъѣхалъ и опять того знакомаго мужика бьютъ. Я думаю: вотъ чортъ возьми! — и захотѣлъ узнать: за что! А онъ, какъ его отбили, съ платформы соскочилъ и прямо за ворота, — снялъ шапку и на всѣ сорокъ сороковъ раскрещивается. Я говорю: ты бы, дуракъ, чѣмъ башкой по пустякамъ кивать, — шелъ бы къ мировому. — «А мнѣ чего, говорить, безъ мирового недостаетъ?» — Шея-то, небось болить? — «Такъ что же такое: у насъ шея завсегда можетъ болѣть, мы мужики: а донесъ Господь, — я Ему и благодарствую». — А что били тебя — это ничего? — «А какая важность, господа лише дрались, да мы терпѣли, — и перетерпѣли: теперь они и сами обосѣли — стали смиренные». — Вотъ отъ этого, говорю, въ тебѣ и нѣтъ человѣческой гордости, а ты сталъ скотина. — «Черезъ что такое, отвѣчаетъ, скотина, когда я своихъ родителейъ знаю». — Экое, говорю, животное: никакихъ чувствъ въ тебѣ нѣтъ. А онъ началъ сердиться: «Что ты, говорить, ко мнѣ вяжешься: какое еще чувство, если мнѣ такъ надобѣ». — Отчего же это такъ надобѣ, чтобы тебя на всякой станціи били? — «Анъ совсѣмъ, говорить, не на всякой». — Я, говорю, видѣлъ. — «А мнѣ, говорить, это еще лучше тебя извѣстно: всего четыре раза за путину похлопали, только на большихъ станціяхъ, гдѣ билетъ провѣряютъ. Какое же

тутъ чувство? потолкають и вонь, а я на другой поѣздокъ сяду, да вотъ, Богъ далъ, ничего не платя, и доѣхалъ». — Понимаете, какой отличный народъ! Я его практическому смыслу подивился и какъ у меня полтора рубля было, я ему помочь хотѣлъ. Дальше, спрашиваю, куда-нибудь поѣдешь? — «Дальше мнѣ теперь все равно, что рукой подать—всего въ Тульскую губернію: мы съ Москвой-то сусѣди».—А все же вѣдь и тутъ опять чугушка. — «Простое дѣло, что чугушка».—Такъ опять деньги надо. Онъ посмотрѣлъ и говоритъ:—«Это не твое расположеніе».—Да у тебя есть деньги или нѣтъ? — «Съ чего такъ нѣтъ: мы мужики, а не то что,—мы работаемъ, а не крадемъ, чтобы у насъ не было. У насъ, что надобѣ есть».—А то лучше, говорю, признайся: я тебѣ дамъ. — «Намъ чужого не надо: у насъ вотъ они свои, кровные». Вытащилъ кошель и хвалится:— «Видишь, говоритъ, что есть названье отъ Бога родитель,— вотъ я родитель: я побой претерпѣлъ, а на билетъ ничего не извелъ—безъ билета доѣхалъ. Все что заработалъ—вотъ все оно цѣло, — дѣткамъ везу; а еще захочу, такъ и въ церкву дамъ за свое здоровье. Понимаешь?» — Глупо, говорю, въ церковь давать.—«Ну, этого говорить ты не смѣй, а то вотъ что...» И кулакъ мнѣ къ носу. — Что за народъ! что за народъ! воскликнулъ Шерамуръ и даже впотъмахъ весь расцвѣтился.—Я, говоритъ, не вытерпѣлъ: молодець, говорю: пойдемъ, я тебя угощу въ трактирѣ. А онъ сейчасъ кошель скорѣй прятать и сталъ уходить. Я за нимъ, а онъ отъ меня еще шибче, да на углу хлопъ, упалъ и растянулся. — Чего ты, говорю, дуракъ, бѣжишь? — «А ты чего, говоритъ, меня гонишь: я вѣдь твоего не прошу».— Чего же ты меня боишься?—«Ты деньги увидалъ и скрасть хочешь», и съ этимъ какъ дернетъ во всю мочь: «карррауль!» Насъ обоихъ и забрали.

— Куда?

— Въ часть.

— Выпустили?

— Да; на другой день приставъ пріѣхалъ, разспросилъ

обо мнѣ и послалъ къ графинѣ: дѣйствительно ли я съ нею? Оттуда дворникъ ихъ знакомаго художника прислалъ, тотъ поручился, меня и отпустили. А у мужика тамъ въ части рубль пропалъ. Онъ послѣ сказалъ мнѣ: «это твоя вина,—я за тебя заключался,—ты долженъ мнѣ воротить»,—я отдалъ...

— Вы, значить, на него не сердились?

— Нѣтъ, да вѣдь онъ уменъ, онъ мнѣ сказалъ: «я бы, говорить, отъ тебя и не бѣжалъ, да боялся, что у тебя вумственные книжки есть. А то, сдѣлай милость, буду на угощеніи благодаренъ». Чай съ нимъ вмѣстѣ пили. Отличный мужикъ. «А если еще остача есть, говорить, купи мнѣ дѣткамъ пряничнаго конька да рыбинку. Я свезу,—скажу: дядька прислалъ,—дѣтки малыя рады будутъ». Хорошій мужикъ. Мы поцѣловались.

— Значить, онъ васъ до грошика обобралъ?

— Я самъ отдалъ.

— А зачѣмъ?

— Отдалъ, да и все.

— А сами куда и съ чѣмъ пошли?

Шерамуръ только рукой махнулъ.

— Тутъ говорить,—у меня началась самая тяжкая пора, я едва рассудокъ не потерялъ.

— Отчего же собственно?

— Отъ ужаснаго божества... бѣда, что такое было.

— Вѣрно опять графиня?

— Да; и другіе,—если бы англичанка моего этого спасенія вѣрою не подкургузила, такъ я погибъ бы отъ святости.

— Валяйте, валяйте, говорю,—развѣ можно на такомъ интересномъ мѣстѣ останавливаться: сказывайте, что такое было?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ московскомъ домѣ графини, гдѣ она провела сутки и уѣхала далѣе, повидимому, совсѣмъ позабывъ о Шерамурѣ и не сдѣлавъ на его счетъ никакихъ распоряженій,

онъ нашель того профессора живописи, который за него поручился.

Это былъ единственный человѣкъ, къ которому нашъ герой могъ обратиться въ своемъ положеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Считая имена недостойными человѣческаго вниманія пустяками, Шерамуръ не зналъ: какъ звали художника, но, по его словамъ, это былъ человѣкъ пожилой и больной. Онъ жилъ со своимъ семействомъ, занимая одинъ изъ флигелей въ домѣ графа, который считалъ себя покровителемъ какого-то московскаго художественнаго учрежденія. Остальной домъ былъ пусть и оберегался однимъ старымъ лакеемъ. Лакей этотъ питалъ какія-то особенныя чувства къ профессору и свелъ къ нему Шерамура. Тотъ выслушалъ чудака и говоритъ:

— По-моему, вамъ не стоитъ за графиней ѣхать.

— Я, говоритъ Шерамуръ,—спросилъ, отчего? А онъ не отвѣчаетъ. Большущее что-то пишетъ, и все помазикаетъ кистями и отскочить: высматриваетъ.

— Я, говоритъ,—не совѣтую... И опять мазикаетъ. Графиня, я думаю... вами тяготится.

— Сама, говорю,—пригласила.

— Это ничего. И опять помазикалъ, отскочилъ и смотритъ въ кулакъ на картину и говоритъ: это ей все равно; они люди особенные, у нихъ это ничего-съ.

И еще помазикалъ, помазикалъ, а потомъ положилъ свои снасти, закурилъ трубочку и сѣлъ противъ картины.

— Вы, спрашиваетъ,—«Эмиля» Руссо читали?

— Не читалъ, а слышалъ: опытъ какой-то дѣлали—воспитать человѣка.

— Вотъ, вотъ, вотъ!—вотъ и вы на этотъ опытъ взяты: вы лучше удирайте.

— А что она мнѣ сдѣлаетъ?

— Да нехорошо, говоритъ,—съ ними возиться. Вѣдь ей дѣлать нечего—вотъ ея забота. Ея отецъ, бывало, для собственной потѣхи все лѣчилъ собственныхъ людей, а эта отъ нечего дѣлать для своей потѣхи всѣхъ ко спасенію зоветъ.

Только жаль—собственныхъ людей у нихъ теперь нѣтъ, все искать надо, чтобы одной передъ другой похвастать: какая кого въ свою вѣру поймала. Всякая дрянъ нынче ихъ этою глупою потѣхою пользуется: «я, дескать, увѣровалъ—дайте поѣсть», а вы студентъ,—вамъ это стыдно.

Я говорю:

— Мнѣ это все равно,—я религіи не признаю; а если можете пять рублей мнѣ занять, такъ я поѣду, потому что она мнѣ сулила дать школу.

Онъ говоритъ:

— Нате вамъ пять рублей, а школы она вамъ не дастъ, а если дастъ, такъ васъ оттуда скоро выгонитъ.

А когда я хотѣлъ разспросить, отчего не дастъ?—онъ вдругъ закашлялся и говоритъ:

— Ну васъ совсѣмъ!—Если вы такой безтолковый,—ступайте куда хотите: у меня чахотка; а вы... ничего не понимаете.

Шерамуръ взялъ пять рублей и отправился къ мѣсту своего призванія, гдѣ его осѣтили траги-комическія случайности, которыя имѣли на него роковое вліяніе и довели его до эмиграціи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Во первыхъ, его не ждали и, какъ художникъ отдалъ,—не желали видѣть въ имѣніи, куда онъ явился не то педагогомъ, не то Эмилемъ. Встрѣченъ онъ былъ сухо, какъ человѣкъ никому не нужный; даже помѣщенія ему не дали и благодѣтельница своей графини онъ не видалъ. Въ этомъ, по его словамъ, былъ виноватъ тотъ же врагъ студентовъ, буфетчикъ, способный за три цѣлковыхъ отравить кого угодно. Онъ сбывъ Шерамура сначала въ чуланъ при конторѣ, а потомъ въ каморку при прачечной. У его выломаннаго порога была ямина, а подъ окномъ зольная куча, на которую выбрасывали изъ кухни всякую нечисть, и тутъ, какъ говорилъ Шерамуръ, постоянно «ходили пѣшкомъ три

вороны и чьи-то птичьи кишки таскали». Въ самой же хранилнцѣ здѣсь была такая жара и духота, что Шерамуръ, къ великому своему удивленію и благополучію, —тяжко заболѣлъ: у него сдѣлался карбункулъ, который онъ называлъ: злой чирій. Ему не дали умереть и прислали къ нему фельдшера, —молодого еврея, который здѣсь тоже былъ и врачомъ и религіознымъ Эмилемъ: графиня его второй годъ воспитывала къ христіанству. Главный трудъ обращенія его уже былъ оконченъ и по осени онъ назначался на короткое время на выставку въ религіозные салоны Петербурга, а оттуда къ отсылкѣ за границу для крещенія по наилучшему образцу какой-то изъ неизвѣстныхъ сектъ. Еврей былъ такой же горькій человѣкъ, какъ Шерамуръ, — онъ былъ вырванъ изъ солдатчины, благодаря тому, что рѣшился оказать склонность къ христіанству. Онъ уже второй годъ жилъ здѣсь неизвѣстно по какому праву и, чувствуя свое рискованное положеніе, пѣлъ стишки и читалъ «трактатцы», —но онъ былъ, разумѣется, гораздо находчивѣе Шерамура, и сдѣлалъ ему важную услугу, —спасъ ему жизнь.

Шерамуръ лежалъ безъ всякаго присмотра—его дверь часто некому было затворить и вороны заходили къ нему пѣшкомъ даже въ самую комнату, но фельдшеръ нашель, что случай этотъ достоинъ инога вниманія. Онъ доложилъ о больномъ графинѣ и удостовѣрилъ ее, что болѣзнь опасна, но не заразительна. Онъ зналъ, что это былъ для нея бенефисный случай: она сейчасъ же пришла съ книжечками и флакономъ разведенной водою мадеры, и читала Шерамуру о спасеніи вѣрою. Онъ ничего не понялъ; а она ушла, оставивъ ему трактатцы, но флаконъ унесла. Еврей ему сдѣлалъ выговоръ: «что вамъ такого, говорить, понимать, —спросить: погибъ?—говорите: «погибъ», —а если «спасенъ», такъ «спасенъ».

— А что это значить?—добивался Шерамуръ.

— Ничего не значить, —одинъ разговоръ, а за то вамъ будутъ хорошую пищу присылать и мадеры, —а вы еще слабы. Онъ взялъ оставленные трактатцы, посмотрѣлъ и

говорить: вотъ по этой погибъ, а по этой спасенъ. Я скажу, что вы читали и пошли на спасенъе.

Пріемъ оказался хорошъ. Въ тотъ день Шерамуру, наперекоръ всѣмъ проискамъ буфетчика, прислали супу и котлетъ, а послѣ обѣда пришла графиня и принесла новыхъ трактатцевъ и флаконъ. Еврей сказалъ, что больной слабъ, и графиня его не утруждала: она спросила его только: «видите, что вы погибли»... Онъ отвѣчалъ: «погибъ». Она стала на колѣни и долго молилась. Шерамуръ изъ всей молитвы запомнилъ только: «еще молимъ тебя, Господи, и еще молимъ тебя». Она спросила: «имѣеть ли онъ сколько-нибудь Христа?» Онъ поморщился, но сказалъ: «немножко имѣю». Она еще помолилась, а потомъ ушла, но флаконъ оставила. Съ тѣхъ поръ его стали отлично кормить и графиня къ нему приходила съ трактатцами и флакономъ, а также приводила раза два англичанку и обѣ возлѣ него молились. Онъ велъ себя какъ училъ еврей: но все путалъ, говорилъ, то «погибъ», то имѣеть Христа.

Еврей замѣтилъ по своимъ примѣтамъ, что это долго стоитъ на лизисѣ,—вскрылъ Шерамуру нарывъ и сказалъ: «Ну, теперь скажите: спасенъ». Шерамуръ такъ и сдѣлалъ. Онъ былъ «спасенъ», графиня утѣшалась; она приобрѣла Христу перваго нигилиста, и велѣла Шерамуру по выздоровленіи приходитъ къ ней, чтобы пѣть съ вѣрными и учить дѣтей писать и закону Божию. И какъ съ этихъ поръ лично ей онъ уже былъ не интересенъ, то она его бросила, а буфетчикъ опять сталъ ему посылать вмѣсто «куричьяго супу»—«свинячьи котлеты» и вмѣсто «кокайскаго вина»—«подмадерный хересъ». Продолжали навѣщать Шерамура только фельдшеръ да англичанка, которая въ эту пору и явилась изобрѣтательницею его нынѣшней клички. Графиня при первомъ взглядѣ на него назвала его «Черноморъ»,—что ему и очень шло, графинины горничныя сдѣлали изъ этого «черномордый»,—но и это было кстати, а англичанка по-своему все перековеркала въ «Шерамуръ». Однако, впрочемъ, и это тоже имѣло свою статью, хотя въ смыслѣ ироніи.

Впрочемъ, началось это безъ ироніи. Никому не благодарный и ни на кого не жаловавшійся, Шерамуръ при воспоминаніи объ этой дамѣ морщилъ брови.

— Съ губкою, говоритъ,—все приходила и съ теплой водичкой,—чирій размывать. Я сяду на край кровати, а она стоитъ,—на затылкѣ мнѣ мочить, а лицо мое себѣ въ грудь прижметъ—ужасно неприятно; она полная и какъ зажметъ лицо, совсѣмъ дышать нельзя, а она еще такіе вопросы предлагаетъ, что видно, какая дура.

— Какіе же вопросы, Шерамуръ?

— «Приятно ли?» Разумѣется, говорю, отъ теплой воды хорошо, а дышать трудно. Или: «ты ни о чемъ не думаешь?» Говорю: о чемъ мнѣ думать?—«А ты, говоритъ, думай, ты думай!» Послѣ было выдумала еще мнѣ лицо губкой обтирать, но это я сразу отбилъ—говорю: ужъ это, пожалуйста, не надо: у меня здѣсь не болить.

— Да она вѣрно въ васъ влюбилась?

— Ну вотъ еще! Просто дура.

— А чѣмъ же у васъ съ нею все кончилось?

— Еще что скажете!

— А что?

— Да никогда ничего и не начиналось; а просто какъ я выздоровѣлъ и сунулся въ это божество,—сейчасъ пошли отовсюду неприятности.

— Вы не умѣли пѣть или не умѣли преподавать?

— Я не пѣлъ, а тамъ чай съ молокомъ давали, такъ я просто ходилъ сидѣть, чтобъ чаю дали.

— Вамъ не нравилось, какъ графиня говоритъ?

— Глупости.

— Однако, хуже поповъ, или лучше, толковѣе?

— У поповъ труднѣе.

— Чѣмъ?

— У нихъ, какъ тотъ мужикъ говорилъ, «вумственнѣе»,—они подите-ка какіе вопросы закатываютъ.

— Я, говорю,—не знаю, о чемъ вы говорите.

— Ко мнѣ разъ попъ пришелъ, когда я ребяту учу,

«ну, говоритъ, отвѣчай, что хранилось въ ковчегѣ завѣта!» Мальчикъ говоритъ: «расцвѣтшій жезлъ Авароновъ, чашка съ манной кашей и скрыжи».—А что на скрыжахъ?—«Заповѣди», и все отвѣчалъ. А попъ вдругъ говорилъ, говорилъ о чемъ-то и спрашиваетъ: «А почему сіе важно въ-пятыхъ?» Мальчонко не знаетъ и я не знаю: почему сіе важно въ пятыхъ. Онъ говоритъ: «Дѣтки! вотъ каковъ вашъ наставникъ,—самъ не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ?» Всѣ и стали смѣяться.

— Ученики ваши?

— Ребятишки отцамъ разсказали: «учитель, моль, питерскій, а не знаетъ: почему сіе важно въ-пятыхъ? Батюшка спросилъ, а онъ и ничего». А отцы и рады: «какой это, подхватили, учитель, это — дуракъ. Мы дѣтей къ нему не пустимъ, а къ графинюшкѣ пустимъ: если покосецъ дастъ покосить—пусть тогда ребятки къ ней ходятъ, поютъ, ништо, худого нѣтъ». Я такъ и остался.

— Не при чемъ?

— Да, такъ ходилъ, думалъ до осени, но тугъ... под-вернулось...

— Новая исторія?

— Да, изъ-за пустого лакомства.

Понятно, нетерпѣніе знать: какъ и какая сладость сей жизни соблазнила Шерамура? Почему сіе было важно въ-пятыхъ?

Дѣло это содержалось въ англичанкѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Пожилая дама, о которой заходитъ рѣчь, была особа, описанія которыхъ не терпятъ англійская литература, но которыхъ за то съ любовью разрабатываетъ французская. Смѣлѣйшіе изъ англійскихъ писателей едва касаются одной стороны—ихъ ипокритства, но Тэнъ обнаружилъ и другія свойства этихъ тартюфокъ. Ихъ вкусъ мало разборчивъ, ихъ выборъ падаетъ на то, что менѣе афишируетъ. Въ

большинствѣ случаевъ это бываетъ собственный кучеръ или собственный лакей. Внѣшняя фешіонабельность и гадкая связь идутъ ничего не нарушая и ничему не препятствуя. Если нѣтъ собственнаго кучера и лакея, тогда хорошъ и католическій монахъ. Эти лица пользуются очень хорошою репутаціею во многихъ отношеніяхъ, особенно со стороны скромности. Вообще англійскій культъ дорожить въ такихъ обстоятельствахъ скромностью субъекта и такимъ его положеніемъ, которое исключало бы всякое подозрѣніе. Шерамуръ былъ въ этомъ родѣ. Но тутъ дѣло было нѣсколько лучше: по тонкимъ навыкамъ старой эксцентрички, Шерамуръ ей даже нравился. Она была свободна отъ русскихъ предразсудковъ и не смотрѣла на него презрительными глазами, какими глядѣла «мизантропка», опрокидывающая свою ипохондрию, или ея камеристки, этотъ безвкуснѣйшій родъ женщинъ въ цѣлой вселенной. Крѣпкій, кругленькій, точно выточенный торсъ маленькаго Шерамура, его античныя ручки, огневые черные глаза и неимоვნю сильная растительность, выражавшаяся смолевыми кудрями и волнистою бородою, производили на нее впечатлѣніе сколько томное, столько же и безпокоящее. Онъ представлялся ей маленькимъ гномомъ, который покинулъ темныя нѣдра горъ, чтобы извѣдать привязанность, — и это ничего, что онъ малъ, но онъ крѣпокъ какъ молодой осленокъ, о которомъ въ Библии такъ хорошо рассказано, какъ упруги его ноги и силенъ его хребетъ, — какъ бодро онъ несется и какъ неутомимо прыгаетъ. Она знала въ этомъ толкъ. Притомъ онъ былъ *franc novice*, — это возбуждало ея опытное любопытство, и, наконецъ, онъ молчаливъ и совершенно неподозрителенъ.

И вотъ мало-по-малу, приучивъ его къ себѣ во время его болѣзни, англичанка не оставляла его своимъ вниманіемъ и тогда, когда онъ очутился безъ дѣла и безъ призора за то, что не зналъ: «почему сіе важно въ-пятыхъ?»

Она была терпѣливѣе графини и не покидала Шерамура, а какъ это дѣлалось на основаніи какого-то текста, то гра-

финя не находила этого нимало страннымъ. Напротивъ: это было именно какъ слѣдуетъ, — потому что *они* не такъ какъ мы — примемся, да и бросимъ, а *они* до конца держатся правила: *fais ce que tu dois*.

И та, дѣйствительно, держалась этого правила: она учила Шерамура по-французски, употребляла его для переписки «стишковъ» и «трактатцевъ», и часто его подкармливала, спрашивая на его долю котлетку, или давая ему каштаны или фисташки, которые онъ любилъ и ѣлъ презабавно, какъ обезьяна.

Все это шло въ своемъ порядкѣ, пока не пришло къ развязкѣ, самой неожиданной, но вполне соответственной дарованіямъ и такту Шерамура. Но это замѣчательнѣйшее изъ его приключеній нельзя излагать въ моихъ сокращеніяхъ, оно должно быть передано въ дословной формѣ его собственнаго разсказа, насколько онъ сохранился въ моей памяти.

— Она, говоритъ Шерамуръ, — разъ взяла меня за бороду, — и зубами заскрипѣла. Я говорю: чего это вы?

— Приходи ко мнѣ въ окно, когда всѣ уснутъ.

Я говорю:

— Зачѣмъ?

— Я, говоритъ, — тебѣ сладости дамъ.

— Какой?

Она говоритъ:

— Кись-ме-квикъ.

Я говорю:

— Это пряникъ

Она говоритъ:

— Увидишь.

Я и полѣзъ. Изъ саду не высоко: она руку спустила и меня вздернула.

— Иди, говоритъ, — за ширмы, чтобы тѣнь не видели.

А тамъ, за ширмой, серебряный подносъ и двѣ бутылочки: одна губастая, а одна такая.

Она спрашиваетъ:

— Чего хочешь: коньякъ или шартрезъ?

— Мнѣ, говорю,—все равно.

— Пей, что больше любишь.

— Да мнѣ все равно,—а вотъ зачѣмъ вы такъ разодрѣты?

— А что такое?

— То, говорю,—что мнѣ совѣстно—вѣдь вы не статуя, чтобъ много видно.

— А она, вмѣшиваясь, какъ была разодрѣта?

— Какъ! скверно, совсѣмъ вполъодѣта, рукава съ фибрами и декольте до самыхъ поръ, вездѣ тѣло видно.

— Хорошее тѣло?

— Ну, вотъ я будто знаю? Мерзость... по всѣмъ мѣстамъ вездѣ духами набрыскано и пудрой приляпано... какъ лишай... Зачѣмъ, говорю,—такъ набрыскались, что дышать непріятно?

— Ты, говоритъ,—глупый мальчикъ, не понимаешь: я тебя сейчасъ самого набрыскаю,—и стала черезъ рожокъ дуть.

Я говорю:

— Оставьте, а то уйду.

Она дуть перестала, а замѣсто того мокрую губку съ одеколономъ мнѣ прямо въ лицо.

— Это, говорю,—еще что за подлость!

— Ничего, говоритъ,—надо... личико чисто дѣлать.

— А, говорю,—если такъ, то прощайте! Выскочилъ изъ-за ширмы, а она за мною, стали бѣгать, что-то повалили; она испугалась, а я за окно и прыгнулъ.

— Только всего и было съ англичанкой?

— Ну, понятно. А буфетчикъ изъ этого вывелъ, что я будто духи красть лазилъ.

— Какъ духи красть? Отчего онъ это могъ вывести?

— Оттого, что когда поймалъ, отъ меня пахло. Понимаете?

— Ничего не понимаю: кто васъ поймалъ?

- Буфетчикъ.
- Гдѣ?
- Подъ самымъ окномъ: какъ я выпалъ, онъ и поймалъ.
- Ну-съ!
- Началь кричатъ: «ангелиста поймалъ!» ну тутъ, разумѣется, люди въ контору... стали графу писать: «пойманъ нигилистъ».
- Какъ же вы себя держали?
- Никакъ не держалъ,—сидѣлъ въ конторѣ.
- Сказали, однако, что-нибудь въ свое оправданіе?
- Что говорить,—отъ нигилиста какія оправданія.
- Ну, а далѣе?
- Убѣжалъ за границу.
- Изъ-за этого?
- Нѣтъ; попъ подбавилъ: когда графиня его позвала сочинять, что нигилисты въ домъ врываются и чтобы скорѣе становой пріѣзжалъ, попъ что-то приписалъ, будто я не признаю: «почему сіе важно въ-пятыхъ?» Фельдшеръ это узналъ и говоритъ мнѣ: что это такое — «почему сіе важно въ-пятыхъ?»
- Я говорю: не знаю.
- Можетъ-быть это чего вышняго касается? Вамъ теперь лучше бѣжать.
- Я и побѣжалъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какъ онъ бѣжалъ?—Это тоже интересно.

— Пѣшкомъ, говоритъ, — до самой Москвы перъ, даже на подметкахъ мозоли стали. Пошелъ къ живописцу, чтобы сказать, что пять рублей не принесъ, а ухожу, а онъ со-всѣмъ умираетъ, — съ кровати не вставалъ; — выслушалъ, что было, и хотѣлъ смѣяться, но поманулъ и изъ-подъ подушки двадцать рублей далъ. Я спросилъ:—на что? А онъ нагнулъ къ уху и безъ голосу шепнулъ:

— Ступайте!

Съ этимъ я ушелъ.

— Куда же?

— Въ Женевку.

— Тамъ были рады вамъ?

— Ругать стали. Говорятъ: «у англичанки вѣрно деньги были,—а вы—этого не умѣли. Дуракъ вы».

— Неужто даже не приютили?

— Ничего не приючали: я имъ не годился,—говорятъ: вы очень форменный,—намъ надо потаенные.

— Тогда вы сюда?

— Да: здѣсь вѣжливо.

Онъ сказалъ это съ такимъ облегченнымъ сердцемъ, что даже мнѣ легко стало. Я чувствовалъ, что здѣсь—*period*; что здѣсь замысловатая исторія Шерамура распадается и можно отдохнуть.

Я его спросилъ только: увѣренъ ли онъ, что ему въ Россіи угрожала какая-нибудь опасность? Но онъ пожалъ плечами, потянулъ носомъ, вздохнулъ и коротко отвѣчалъ:

— Все же уйти—безопаснѣе.

Мы встали съ края оврага, въ которомъ Шерамуръ началъ волчьимъ вытьемъ, а кончилъ божествомъ. Пора было вернуться въ Парижъ,—дать Шерамуру жрать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Если бы я не имѣлъ передъ собою примѣра «старца Погодина», какъ онъ скорбѣлъ и плакалъ о нѣкоемъ блуждавшемъ на чужбинѣ соотчичѣ, то я едва ли бы рѣшился сознаться въ неодобрительномъ поступкѣ: мнѣ было жаль Шерамура и я даже положилъ себѣ имъ заняться и довести его до какого-нибудь предѣла. Словомъ: я вель себя совсѣмъ какъ Погодинъ. Разбирая рапсодіи Шерамура, я готовъ былъ иногда подозрѣвать его въ сумасшествіи, но онъ не былъ сумасшедшій; другой разъ мнѣ казалось, что онъ лѣнивый негодяй и дармоѣдъ, но и это

не такъ: онъ всегда ищетъ работы, и что вы ему поручите, — онъ сдѣлаетъ. Не плуть онъ уже ни въ какомъ случаѣ, — онъ даже несомнѣнно честенъ. Онъ такъ какой-то заморухъ: точно цыпленокъ, который еще въ яйцѣ зачичкался. Такихъ самая сердобольная хозяйки, какъ только замѣтятъ, — обыкновенно «притюкиваютъ» по головешкѣ и выбросятъ, — и это очень милостиво; но Шерамуръ былъ не куриный выводокъ, а человекъ. Родись онъ въ селѣ, его бы считали «ледащинькимъ», но приставили бы къ соответственному дѣлу — стадо пасти и гусей сгонять, и онъ все-таки пропитался бы и даже не былъ бы въ тягость; но среди культурнаго общества, — онъ никуда не годился.

Однако, все-таки его лучше увезть въ Россію, гдѣ хоть сытнѣе и много дармоѣдовъ не умираетъ съ голоду. Поэтому самое важное было дознаться, тяготитъ ли надъ нимъ какое обвиненіе и нельзя ли ему помочь оправдаться?

Но какъ за это взяться? Къ счастью, однако, явился такой случай. Но прежде, чѣмъ дойти до него, надо сказать два слова о томъ: какъ Шерамуръ жилъ въ Парижѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ перваго дня своего прибытія въ Парижъ онъ былъ такъ же обезпеченъ какъ нынче. *Никогда* у него не было ни опредѣленнаго жительства, ни постоянныхъ занятій. Онъ иногда что-то зарабатывалъ, нося что-то въ гарѣ, иногда каталъ какія-то бревна. Чтò ему за это платили, — не знаю, но знаю, что имѣть столько денегъ, чтобы пообѣдать за 80 сантимовъ и выспаться въ ночлежномъ домѣ, — это было его высшее благополучіе. Въ большинствѣ же случаевъ у него не было никакой работы, тѣмъ болѣе, что, перекатывая бревна, онъ сломалъ ногу, а отъ носки тяжестей протиралъ свои очень хорошенькія, дамскія плечи, плѣшившія англичанку. Очевидно въ работѣ у него ни на что не доставало сноровки. Отдыхалъ же онъ днемъ и ночью на буль-

варахъ. Это трудно, но можно въ Парижѣ, а по привычкѣ Шерамуру даже не казалось трудно.

— Я, говорилъ онъ,—ловко спать могу.

То-есть, онъ могъ спать сидя на лавочкѣ такъ, чтобы этого не замѣтилъ *sergent de ville*.

— А если онъ васъ замѣтитъ?

— Я на другую иду.

— Вѣдь и съ другой сгонять?

— Не скоро,—съ полчаса можно поспать. Надо только переходить на ту сторону, откуда онъ идетъ.

Но теперь обращаемся къ *случаю*.

Разъ, выйдя изъ русской церкви, я встрѣтился въ паркѣ Монсо съ моею давнею знакомою, г-жею Т. Мы сидѣли на скамеечкѣ и говорили о тѣхъ, кого знали и которыхъ теперь хотѣлось вспомнить. А намъ было о комъ побесѣдовать, такъ какъ знакомство наше съ этою дамою началось еще во дни восторговъ, пробужденныхъ псковскою исторіею Гемпеля съ Якушкинымъ и тверскою эпопеею «пяти дворянъ». Мы вмѣстѣ перегорали въ этихъ трепетаніяхъ,—потомъ разбились: она, тогда еще молодая дама, съ именемъ и обезпеченнымъ состояніемъ, переселилась на житье въ Парижъ, а я,—мелкая литературная сошка, остался на родинѣ, испытывать тоску за различные мои грѣхи, и всего болѣе за то, чего во мнѣ никогда не было, т. е. за какое-то *направленіе*.

Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго четверть столѣтія и многое измѣнилось, — однихъ не стало, другіе очутились слишкомъ далеко, а мы, которыхъ здѣсь свелъ случай послѣ долгой разлуки, могли не безъ интереса подвергнуть другъ друга провѣркамъ: что въ комъ изъ насъ испарилось, что осталось и во что преложилось и окрасилось. Она въ это время видѣла больше меня людей интересныхъ, и притомъ такихъ, о которыхъ я имѣлъ только одни книжные понятія. Въ дни ея отъѣзда, я помню, что она горѣла однимъ постояннымъ и ни на минуту не охлажденнымъ желаніемъ стать близко къ Гарибальди и къ Герцену. О первомъ она пи-

сала, что ѣздила на Капреру, но Гарибальди ей не понравился: онъ не чуждался женскаго пола, но относился къ дамамъ слишкомъ реально. Онъ ей показался лучше издали, но почему и какъ,—я ее о томъ не спрашивалъ. Герценъ тоже не выдержалъ критики: онъ сдѣлался подь старость «не интересенъ какъ тайный совѣтникъ», и очень капризенъ и придирчивъ. Дама весьма хорошо умѣла представлять, какъ она краснѣла за него въ одномъ женевскомъ ресторанѣ,—гдѣ онъ при множествѣ туристовъ «велъ возмутительную сцену съ горчицей» за то, что ему подали не такую горчицу. Онъ былъ подвязанъ подь горло салфеткою и кипятился совершенно какъ русскій помѣщикъ. Всѣ даже обращивались... И это былъ тотъ, чьи остроумныя клички и прозвища такъ смѣшили либеральный Петербургъ шестидесятыхъ годовъ! Это невозможно было снести: дама махнула рукой на подвязаннаго салфеткою старца и даже въ видѣ легкой ироніи отыгралась съ нимъ на его же картахъ: она называла его «салфеточнымъ». Затѣмъ ея вниманіе занимали Клячко, Лангевичъ, Пустовойтова, наконецъ папа Пій IX, отъ котораго она тогда только что возвратилась и была въ восторгѣ по причинѣ его «божественнаго лица».

— Кротость, ласковость и... какое обхожденіе, говорила она;—всякому онъ что-нибудь... Пусть его бранятъ, что онъ выдумалъ непогрѣшимость и зачатіе, но какое мнѣ дѣло! Это все въ догматахъ... Боже мой! кто тутъ что-нибудь разберетъ, а не все ли равно, какъ кто вѣритъ. Но какая прелесть... Въ одномъ представленіи было много русскихъ: одинъ знакомый профессоръ съ двумя женами, то-есть съ законной и съ романической,—и купецъ изъ Риги, раскольникъ—лѣвиться ѣздилъ съ дочерью, дѣвушкою... Всѣхъ приняли,—только раскольникъ велѣли фракъ надѣть. Старикъ никогда фрака не надѣвалъ, но купилъ и во фракѣ пришелъ... И онъ со всѣми, со всѣми умѣлъ заговорить,—съ нами по-французски, а раскольникъ черезъ переводчика напомнилъ что-то такое, будто государю говорили, что «въ его новиз-

нахъ есть старизна», или «старина». Говорятъ—это, дѣйствительно, такъ было. Раскольникъ даже зарыдалъ: «батюшка, гдѣ говоритъ: откуда износишь сіе, отколь тебѣ все вѣдомо?» упалъ въ ноги и вставать не хочетъ. «Старина, старина», говоритъ... Мнѣ это нравится: съ одной стороны находчивость, съ другой простота... Здѣсь теперь въ модѣ Берсье: онъ измѣнилъ католичеству, сдѣлался пасторомъ и все противъ папы... Я и его не осуждаю,—у него талантъ, но онъ не правъ и я ему прямо говорю: вы не правы; папу надо видѣть; надо на него глядѣть безъ предубѣжденія, потому что съ предубѣжденіемъ все можетъ показаться дурно,—а безъ предупрежденія...

Но только что она это высказала, — на поворотѣ аллеи, какъ изъ земли вылупился Шерамуръ, — и какой, — въ какомъ видѣ и убранствѣ! Шершавый, вскоченный, тощій, весь въ пыли, какъ выскочившій изъ-подъ грязной застрѣхи котъ, съ желтымъ листомъ въ своей нечесаной бородѣ и прорѣхами на блузѣ и на обоихъ колѣнахъ.

При появленія его я просто вздрогнулъ, перервалъ оживленный разговоръ мой дамы и, пользуясь правами короткаго знакомства, взялъ ее за руку и шепнулъ:

— А вотъ посмотрите-ка безъ предубѣжденія.

— На кого? Вотъ на этого монстра?

— Да; я послѣ расскажу вамъ, какое подъ этимъ заглавіемъ содержаніе.

Она прищурилась, рассмотрѣла и... тоже вздрогнула.

— Это ужасно!—прошептала она вслѣдъ Шерамуру, когда онъ миновалъ насъ, не удостоивъ ни одинаго взгляда, съ попухой, совершенно падающею головою. Надо было думать, что нынѣшнюю ночь, а можетъ быть и нѣсколько ночей кряду, его мало пожалѣлъ *sergent de ville*.

Моя дама схватила за карманъ, достала портмонэ и, вынимая оттуда десять франковъ, сказала:

— Вы можете ему передать это?..

— О, да, говорю,—съ удовольствіемъ. — Но, позвольте,

вотъ что мнѣ пришло въ голову: вы вѣдь вѣрно знакомы съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ нашихъ дипломатовъ?

— Еще бы,—даже очень дружески.

— Помогите же этому бѣдняку.

— Въ чемъ?

— Надо узнать: преступникъ онъ или нѣтъ?

— Охотно, только если они знаютъ. Но они, кажется, о русскихъ никогда ничего не знаютъ.

— Они, говорю,—могутъ узнать.

Она вызвалась поговорить съ однимъ изъ близкихъ ей людей въ посольствѣ и черезъ два дня пишетъ мнѣ, чтобы я прислалъ къ ней Шерамура: она хотѣла дать ему рекомендательную карточку, съ которою тотъ долженъ пойти къ г. N. N. Это былъ видный чиновникъ посольства, который обѣщалъ принять и выслушать Шерамура и, если можно, помочь ему очистить возвратный путь въ отечество.

— А тогда, прибавила дама, я беру на себя собрать ему средства на дорогу, буду просить въ Петербургѣ и проч., и проч.

Думаю: чего же еще лучше надо?

Передаю все это Шерамуру и спрашиваю:

— Что вы на это скажете?

— Да я, отвѣчаетъ,—не понимаю: зачѣмъ это?

— Вы развѣ не хотите въ Россію?

— Нѣтъ; отчего же,—могу; тамъ пищевареніе лучше.

— Такъ идите къ этой дамѣ.

— Хорошо. Она дура?

— Съ какой же стати она будетъ дураю?

— Аристократка.

— А они развѣ всѣ дураки?

— Да я не знаю, я такъ спросилъ: какая она?

— Это вамъ все равно,—какая она,—она очень добрая, принимаетъ въ васъ участіе и въ силахъ вамъ помочь, какъ никто другой. Вотъ все, что вамъ достаточно знать и идти.

— И ничего изъ этого не будетъ.

— Почему не будетъ?

— Вѣдь я сказалъ.

— Нѣтъ, не сказали.

— Аристократка.

— Такъ вы не пойдете?

Онъ помолчалъ, поводитъ носомъ и протянулъ:

— Ну, чортъ съ ней,—пожалуй схожу.

Онъ это дѣлалъ совершеннымъ *grande signore*, — чтобы отвязаться. Ну да и то слава Богу, что хоть мало на ладъ идетъ. Моя знакомая женщина съ душою,—она его пойметъ и на его невѣжество не обидится.

Другое дѣло,—какъ онъ аттестуетъ себя въ самомъ посольствѣ передъ русскимъ дипломатомъ, котораго чувства, конечно, тоньше и который, по уставамъ своего уряда, «по поступкамъ поступаетъ», а не по движенію сердца.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Я ждалъ развязки дипломатическихъ свиданій Шерамура съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что все это затѣялось наканунѣ моего отъѣзда и вотъ мнѣ не терпится: вечеркомъ въ тотъ день, какъ онъ долженъ былъ представиться своей патронессѣ, я ѣду къ ней и не могу отгадать: что застаю? Но застаю ее очень веселую и довольную.

— Вашъ Шерамуръ, говоритъ, — презабавное существо. Какъ онъ ѣсть! — какъ звѣренышъ.

— Вы его кормили?

— Да; я его брала съ собой...

— Вотъ какъ, я всегда зналъ, что у васъ предоброе сердце, но это еще шагъ впередъ.

— Отчего?

— Оборвышъ онъ этакой, а вы его водили и вмѣстѣ обѣдали.

— Ахъ, это-то! Ну, полноте, вѣдь здѣсь не Россія. Не безпокойтесь меня хвалить; въ Петербургѣ я бы этого ни за что не сдѣлала, а здѣсь что же такое... Я такая, какъ всѣ, и могу дѣлать что хочу. Гарсоны на него только все

удивлялись. Я имъ сказала, что это дикій изъ русской Сибири, и они его все разсматривали и были къ нему очень вѣжливы. А кстати: вы замѣтили, какъ онъ кости грызетъ?

— Нѣтъ, говорю, — что-то не замѣтилъ.

— Ахъ, это прелестно: онъ ихъ грызетъ какъ будто какую-нибудь жареную вермишель и чавкаетъ какъ поросеночекъ.

— Да, говорю, — насчетъ изящества съ нимъ нужна снисходительность.

Но она и приняла это снисходительно и даже рассказала оставшійся у меня въ памяти анекдотъ о другомъ, еще болѣе противномъ, способѣ обращаться съ костями. Дѣло шло объ одномъ ея великосвѣтскомъ кузенѣ Вово и состояло въ томъ, что этотъ кузенъ, русскій консерваторъ, удостоясь чести кушать за особымъ столикомъ съ нѣкоторою принцессою, ощутилъ неодолимое желаніе показать, какъ онъ чтитъ этотъ счастливый случай. Онъ остановилъ лакея, убиравшаго тарелку съ косточками птички, которую скушала принцесса, выбралъ изъ нихъ двѣ или три, завернулъ въ свой бѣлый платокъ и сказалъ, что дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы «сберечь ихъ какъ святыню». Но, къ сожалѣнію, все это было дурно принято: принцесса обидѣлась такою грубостью, и кузенъ Вово лишился впередъ приглашеній. Дама называла это «русскимъ великосвѣтскимъ бебезмомъ», который ставила безъ сравненія ниже шерамурова чавканья, — а я ее не оспаривалъ.

— Конечно, говорю, — такой не деликатности Шерамуръ не сдѣлаетъ, но вотъ меня занимаетъ: какъ онъ поведетъ себя съ дипломатомъ? Предупредили ли вы того: какой это экземпляръ?

— Какъ же, — я все сказала.

— Ну, и что же онъ?

— Очень смѣялся.

Я покачалъ головою и сомнительно спросилъ:

— Зачѣмъ же онъ очень смѣялся?

— А что?

— Да такъ... Зачѣмъ это они всѣ нынче любятъ *очень смѣяться*, когда слышать о страдающихъ людяхъ. Лучше бы *немножко* посмѣяться и *больше* о нихъ подумать.

И она вздохнула, и говорить:

— Правда, правда, правда.

— А когда, спрашиваю,—ихъ *rendez-vous*?

— Завтра.

— Ну, хорошо. А Шерамуру вы не дали никакого наставленія, какъ ему себя держать?

— Нѣтъ.

— Это очень жаль.

— Да не могла, говорить, — онъ такъ скоро убѣжалъ, что мы и не простились.

— Отчего же такъ?

— Не знаю; должна была на минуту выйти и предложила ему почитать книгу, а когда пришла опять въ комнату,—его уже не было; дѣвушка говорить: швырнулъ книгу и убѣжалъ, какъ будто за нимъ самъ дьяволь гнался.

— Что за чудакъ!

— Да.

— Что же это можетъ значить?

— Я васъ могла бы объ этомъ спросить, вы его больше знаете.

— Такъ, говорю, — но надо знать: что передъ этомъ было?

— Передъ этимъ? — передъ этимъ онъ съѣлъ довольно много омета съ малиной.

— А, говорю,—это тоже не шутка.

И мы оба, казалось намъ, *поняли* и разсмѣялись.

— Но, впрочемъ, добавила она, — я надѣюсь, что все будетъ хорошо.

А я, признаться, на это не надѣялся, хотя и самъ не зналъ, — почему всѣ добрыя надежды на его счетъ были мнѣ чужды.

Затѣмъ, слѣдующій день я провелъ въ бѣготнѣ и въ сборахъ и не видалъ Шерамура. Консьержъ говорилъ, что

онъ приходилъ, узналъ, что меня нѣтъ дома, и ушелъ, что-то написавъ на притолкѣ.

Я долго разбиралъ и прочиталъ нѣчто несообразное и не отвѣчавшее главному интересу минуты. Надпись гласила: «оставьте мнѣ пузырянку глазныхъ капель, что помогаютъ отъ зубной боли».

Я зналъ, что онъ одинъ разъ, когда у него болѣли зубы, взялъ въ ротъ бывшія у меня глазныя капли и тотчасъ исцѣлѣлъ. Это меня тогда удивило и насмѣшило, и я отдалъ консержу «пузырянку», чтобы передалъ Шерамуру, если онъ не застанетъ меня дома. Но онъ не приходилъ за глазами каплями,—вѣроятно, зубы его прошли сами собою.

На слѣдующій день онъ не явился, и еще день его тоже не было, а потомъ уже наступилъ и день моего отъѣзда. Шерамуръ какъ въ воду канулъ.

Я былъ въ затрудненіи; мнѣ чрезвычайно хотѣлось знать: чѣмъ его Богъ черезъ добрыхъ людей обрадовалъ; но Шерамура нѣтъ и нѣтъ.—какъ сквозь землю провалился.

Хоть неловко было докучать моей дамѣ послѣ прощанія, но я урвалъ минутку и ѣду къ ней, чтобы узнать: не были ли у ней мой несмысль, или не слыхала ли о немъ чего-нибудь отъ того, къ кому его посылала.

Пріѣзжаю и не застаю ея дома: говорятъ, она на цѣлую недѣлю уѣхала къ пріятельницѣ за Сень-Клу.

Конечно, больше искать слуховъ было негдѣ, и я помирился съ той мыслью, что, вѣроятно, такъ завтра и уѣду, ничего не узнавъ о Шерамурѣ. А потомъ,—думаю, онъ, пожалуй, такъ и затеряется, и въ сознаніи моемъ о немъ останется какой-то разсучившійся обрывокъ... Будетъ и жалко, и досадно всю жизнь воображать, что онъ попрежнему все голоденъ и холоденъ и блуждаетъ отъ одной скамьи до другой, не имѣя гдѣ выспаться.

Кто настоящій эгоистъ, кто съ толкомъ любитъ свой душевный комфортъ, тотъ долженъ тщательно избѣгать такихъ воспоминаній. Вотъ почему; между прочимъ, и слѣдуетъ зна-

комиться только съ порядочными людьми, у которыхъ дѣла ихъ всегда въ порядкѣ, и надо ихъ бросать, когда фортуна поворачивается къ нимъ спиною. Это подлое, но очень практическое правило.

И вотъ прошла послѣдняя ночь, прошло утро: я сбѣгалъ позавтракать невозможными блюдами *m-me Grillade*, — все въ чайнѣ встрѣтить тамъ Шерамура, и, наконецъ, за часъ до отхода поѣзда, нанялъ фіакръ, взялъ мой багажъ и уѣхалъ.

Я зналъ, что приѣду на амбаркадеръ рано; это мнѣ было нужно, чтобы встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ мы условились ѣхать въ одномъ поѣздѣ, притомъ я хотѣлъ поправить свой желудокъ нѣсколько лучшимъ завтракомъ.

О Шерамурѣ размышлять было уже некогда, но зато онъ самъ очутился передо мною въ самую неожиданную минуту, и притомъ въ особенномъ, мало свойственномъ ему настроеніи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Передъ самымъ главнымъ подъѣздомъ амбаркадера сѣверной дороги есть небольшой ресторанъ съ широкимъ тротуаромъ, отѣненнымъ пятью густыми каштанами, подъ которыми разставлено множество бѣлыхъ мраморныхъ столиковъ. Здѣсь даютъ настоящее мясо и очень хорошее красное вино. Такихъ ресторанчиковъ тутъ нѣсколько и всѣ они главнымъ образомъ существуютъ на счетъ отѣзжающихъ и провожающихъ; но самый лучший изъ нихъ это тотъ ресторанъ съ пятью каштанами, о которомъ я рассказываю. Тутъ мы условились встрѣтиться съ землякомъ, съ которымъ хотѣли держать путь, и какъ сговорились, такъ и встрѣтились. Комиссіонеръ избавилъ насъ отъ всякихъ трудовъ по сдачѣ багажа и покупкѣ билетовъ, и мы имѣли добрый часъ досужаго времени для послѣдняго завтрака подъ тѣнью парижскихъ каштановъ. Мы заняли одинъ столикъ, спросили себѣ бифштексы и вина,

и не успѣли воткнуть вилки въ мясо, какъ на имперіалѣ выдвинувшася изъ-за угла омнибуса появился Шерамуръ, котораго я издалека узналъ по его волнующейся черноморской бородѣ и бандитской шляпѣ. Онъ и самъ меня замѣтилъ и сначала закивалъ головою, а потомъ скоро соскочилъ съ имперіала и, взявъ меня за руку, сжалъ ее и не только подержалъ въ своей рукѣ, но для чего-то поводилъ изъ стороны въ сторону и даже промычалъ:

— Ну!

— Да, говорю: вотъ я и увѣжаю, Шерамуръ.

Онъ опять пожалъ и поводилъ мою руку, опять что-то промычалъ и сталъ ѣсть бифштексъ, который я велѣлъ подать для него въ ту минуту, когда только его завидѣлъ.

— Пейте вино, Шерамуръ, — поднимайте прощальную чашу, — вѣдь мы съ вами прощаемся, пошутилъ я, заговоривъ *in hoch romantische Stille*.

— Могу, отвѣчалъ онъ.

Я налилъ ему большой кубокъ, въ который входитъ почти полбутылки, и спросилъ еще вина и еще мяса. Мнѣ хотѣлось на разставаньи накормить его до отвала и, если можно, напоить влагою, веселящею сердце.

Онъ выпилъ, поднялъ другой кубокъ, который я ему налилъ, сказалъ «ну», вздохнулъ и опять поводилъ мою руку, и опять сталъ ѣсть. Наконецъ все это было кончено, онъ выпилъ третій кубокъ, сказалъ свое «буде», закурилъ капоральную сигаретку и, опустивъ руку подъ столъ, сталъ держать меня за руку. Онъ, очевидно, хотѣлъ что-то сказать, или сдѣлать что-то теплое, дружественное, но не зналъ какъ это дѣлается. У меня въ груди закипали слезы.

Я воспользовался его рукожатіемъ и тихо перевелъ въ его руку двадцати-франковый червонецъ, которымъ предварительно подавилъ его въ ладонь. Онъ почувствовалъ у себя въ рукѣ монету и улыбнулся, улыбнулся совершенно просто и отвѣчалъ:

— Могу, могу, и съ этимъ зажалъ деньги въ ладонь съ ловкостью приказнаго старыхъ временъ.

— Ну, какъ же, говорю, — расскажите, любезный Шерамуръ, каковъ вышелъ дебютъ вашъ въ большомъ свѣтѣ?

— Гдѣ это?

— Въ посольствѣ.

— Да, былъ.

— Что же... какой вы тамъ имѣли успѣхъ?

— Никакого.

— Почему?

— Я не знаю.

— Ну, шутки въ сторону: рассказывайте по порядку: вы нашли кого нужно?

— Нашелъ. Я сначала попалъ было куда-то, гдѣ написано: «извѣщаютъ соотечественниковъ, что здѣсь никакихъ пособій не выдаютъ». Тамъ мнѣ сказали чтобы смотрѣть, гдѣ на дверяхъ заплатка и на заплаткѣ его имя написано.

— Ну, вы нашли заплатку и позвонили?

— Да.

— Васъ приняли?

— Да, пустили.

— И вы рассказали этому дипломату всю вашу исторію? Шерамуръ посмотрѣлъ на меня, какъ дѣлалъ всегда, когда ему не хотѣлось говорить, и отвѣчалъ:

— Ничего я ему не рассказывалъ.

Но я не могъ позволить ему такъ легко отъ меня отдѣлаться и присталъ:

— Отчего же вы не рассказали? Вѣдь вы же съ тѣмъ пошли...

— Да что-жъ, какъ ему рассказывать, если онъ не вышелъ.

— Что это за мученіе съ вами: «приняли», «не вышелъ»,—говорите толкомъ!

— Лакей пустилъ и велѣлъ пять минутъ подождать. Я подождалъ пять минутъ, а потомъ говорю: пять минутъ прошло. Лакей говоритъ: «что дѣлать, — monsieur вѣрно позабылъ». А я говорю: ну, такъ скажи же своему monsieur, что онъ свинья,—и ушелъ.

Я просто глаза вытаращилъ: неужто это и все, чѣмъ кончилась моя затѣя?

— А что же вамъ еще надо?

— Шерамуръ, Шерамуръ! Злополучное и бѣдное созданіе: да развѣ это такъ можно дѣлать?

— А какъ еще надо дѣлать?

— Да вы бы подумали,—вѣдь мы изъ-за этого подняли цѣлую исторію: впутали сюда свѣтскую даму...

— А ей что такое?

— Какъ что такое? Она васъ рекомендовала, за васъ старалась, просила, а вы пошли, обругали знакомаго ей человека въ его же домѣ и при его же слугѣ. Вѣдь это же такъ не водится.

— Отчего—не водится?

— Ну вотъ еще: «отчего?»—не водится, а вдобавокъ ко всему можетъ-быть вы поступили не только грубо, но и совершенно несправедливо.

Шерамуръ сдѣлалъ видъ рѣзкаго недоумѣнія и вскричалъ:

— Какъ это... я несправедливо сдѣлалъ!

— Да; вы несправедливо сдѣлали; этотъ чиновникъ въ самомъ дѣлѣ могъ быть занятъ, могъ и позабыть.

— Ну перестаньте.

— Отчего?

— Какія у нихъ занятія!

— У дипломатовъ-то?

— Да!

— А сношенія?

— Все глупости.

— Покорно васъ благодарю.

— Разумѣется; у нихъ жрать всегда готовое. Я, батюшка, проходилъ, самъ видѣлъ: внизу тамъ поваръ въ колпакѣ и кастрюли кишѣли. Чего еще: жри пока не надо.

Я дольше не выдержалъ, разсмѣялся и приказалъ подать еще вина.

Шерамуръ освѣтился; онъ почувствовалъ, что его пытка

кончилась: онъ пять изловилъ мою руку, помялъ ее, поводилъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Бросимъ... не надо ничего.

— Это дѣло о вашей судьбѣ бросить?

— Да; какая судьба... Ну ее!..

— А мнѣ, говорю, — ужасно даже это ваше равнодушіе къ себѣ.

— Ну, вотъ, — есть о чемъ.

Русскій человекъ, — думаю себѣ: одна у него жизнь, и та — бездѣлица. А онъ вдругъ оказываетъ мнѣ снисхожденіе.

— Вы, говорить, — можете, если хотите, лучше въ Петербургѣ?

— Что это такое?

— Да прямо Горчакову поговорите.

— А вы думаете, что я такая персона, что вижу Горчакова запросто и могу съ нимъ о васъ разговаривать и сказать, что въ Парижѣ проживаетъ второй Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

— Зачѣмъ Бобчинскій, — сказать просто, такъ, что было?

— А вы думаете я знаю, что такое съ вами было?

— Разумѣется, знаете.

— Ошибаетесь: я знаю только, что васъ цыгане съ девятаго воза потеряли, что васъ землемѣръ въ тѣсный пасажъ запереть, что вы на дворъ просились, проскользнули какъ Спиноза и ушли оттого, что не знали, почему сіе важно въ-пятыхъ.

— Вотъ, вотъ это все и есть, — больше ничего не было.

— Неужто это такъ — рѣшительно все?

— Да, разумѣется, такъ!

— И больше *ничего*?

— Ничего?

— Припомните?

Припоминалъ, припоминалъ и говоритъ:

— Я у одной дамы былъ, она меня къ одному мужчинѣ послала, а тотъ къ другому. Всѣ добры, а помогать не мо-

гутъ. Тогда одинъ мнѣ работу далъ и не заплатилъ— его арестовали.

— Вы писали что ли?

— Да.

— Что же такое?

— Не знаю. Я середину писалъ, — безъ конца, безъ начала.

— И политичнѣ этого у васъ всю жизнь ничего не было?

— Не было.

— Ну, такъ вотъ же вамъ послѣдній сказъ: какъ вы себя дурно ни держали въ посольствѣ, ступайте опять къ этой дамѣ и расскажите ей откровенно все, что мнѣ сказали — и она сама съѣздитъ и попроситъ навести о васъ справки; вы вѣрно невинны и, можетъ быть, никѣмъ не преслѣдуетесь.

— Нѣтъ; къ ней-то ужъ я не пойду.

— Почему?

Молчить.

— Что же вы не отвѣчаете?

Опять молчить.

— Шерамуръ! вѣдь мы сейчасъ расстаемся! говорите: почему вы не хотите опять сходить къ этой дамѣ?

— Они безстыдница.

— Что-о?

Я отъ нетерпѣнія и досады даже топнулъ и возвысилъ голосъ:

— Какъ, она безстыдница?

— А зачѣмъ она чортъ знаетъ что читать даетъ.

— Повторите мнѣ сейчасъ, что такое она дала вамъ безстыдное?

— Книжку.

— Какую?

— Нѣтъ-съ, я этого не могу назвать.

— Назовите, — я этого требую, потому что я увѣренъ, что она ничего безстыжаго сдѣлать не могла, вы это на нее выдумали.

— Нѣтъ, не выдумаль.

А я говорю:

— Выдумали.

— Не выдумаль.

— Ну, такъ назовите ея безстыдную книжку.

Онъ покраснѣлъ и засмѣялся.

— Извольте называть! настаиваль я.

— Такъ... вы по крайней мѣрѣ—того...

— Чего?

— Отвернитесь.

— Хорошо,—я на васъ не гляжу.

— Она сказала...

— Ну!

Онъ понизилъ голосъ и стыдливо пролепеталь:

— Вы бы читали хорошіе англійскіе романы... и дала...

— Что-о та-акое?!

— «Попэнджой ли онъ»!

— Ну-съ!

— Больше ничего.

— Такъ что же тутъ дурного?

— Какъ что дурного?.. «Попэнджой ли онъ»... Что за мерзость!

— Ну, и вы этимъ обидѣлись?

— Да-съ; я сейчасъ ушелъ.

Право, я почувствовалъ желаніе швырнуть въ него что попало, или треснуть его стаканомъ по лбу, — такъ онъ былъ мнѣ въ эту минуту досадителенъ и даже противенъ своею безнадежною безтолковостью и беспомощностью... И только тутъ я понялъ всю глубину и серьезность такъ называемаго «петровскаго разрыва»... Этотъ «Попэнджой» воочію убѣждалъ, какъ люди другъ друга не понимаютъ, но спорить и разсуждать о романѣ было некогда, потому что появился комиссіонеръ и возвѣстилъ, что время идти въ вагонъ.

Шерамуръ все провожалъ насъ до послѣдней стадіи,— даже несъ мой пледъ и не разъ принимался водить туда

и сюда мою руку, а въ самую послѣднюю минуту мнѣ показалось, какъ будто онъ хотѣлъ потянуть меня къ себѣ или самъ ко мнѣ потянуться. По лицу у него скользнула какая-то тѣнь и волненіе его стало несомнѣнно: онъ торопливо бросилъ пледъ и побѣжалъ, крикнувъ на бѣгу:

— Прощайте; я, должно-быть, муху сожралъ.

Такова была наша разлука.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Парижъ давно былъ за нами.

По мѣрѣ того, какъ я освобождался отъ нервной усталости въ вагонѣ, мнѣ стало припоминаться другое время и другіе люди, которыхъ положеніе и встрѣчи имѣли хотя нѣкоторое маленькое подобіе съ тѣмъ, что было у меня съ Шерамуромъ. Мнѣ вспомнился дерзновенный «старецъ Погодинъ» и его просвѣтительныя паломничества въ Европу съ благородною цѣлю просвѣтить и наставить на истинный путь Искандера, нѣжныя чувства къ коему «старецъ» исповѣдалъ въ своей «Простой рѣчи о мудрыхъ вещахъ» (1874 г.). Потомъ представился Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, — тотъ даровитѣйшій изъ всѣхъ насъ писатель — и «мягкій человекъ»; пришелъ на умъ и тотъ рослый грѣшникъ, чьи черты Тургеневъ изображалъ въ Рудинѣ, — человекъ, котораго Тургеневъ видѣлъ и наблюдалъ здѣсь же, въ этомъ самомъ Парижѣ, и мнѣ стало не по себѣ. Это даже жалостно и жутко сравнивать. Тамъ у всѣхъ есть видъ и содержаніе, и свой нравственный обликъ, а это... именно что-то цыганами оброненное; какая-то затертъ, потерявшая признаки чекана. Какая-то бѣдная, жалкая изморина, которую остается хоть веретеномъ встряхнуть, да выбросить... Что это такое? Или взаправду это уже черезчуръ хитро задуманная «загадочная картинка», изъ тѣхъ, которыми полны окна мелкихъ лавчонокъ Парижа? Глупыя картинки, а надъ ними прилежно трудятся головы очень не глупые люди. Изъ этихъ головоломокъ мнѣ особенно

припоминалась одна: какой-то завитокъ,—сѣрая размазня съ подписью: «Qu'est ce que c'est?» Она болѣе всѣхъ другихъ интригуетъ и мучить любопытныхъ и сбиваетъ съ толку тѣхъ, которые выдаютъ себя за лучшихъ знатоковъ всѣхъ загадокъ. Они вертятъ ее на всѣ стороны, надѣясь при одномъ счастливомъ оборотѣ открыть: что такое сокрыто въ этомъ гіероглифѣ? и не открываютъ, да и не открываютъ ничего, потому что тамъ нѣтъ ничего,—потому что это просто пятно,—и ничего болѣе.

По возвращеніи въ Петербургъ, мнѣ приходилось говорить кое-гдѣ объ этомъ замѣчательномъ экземплярѣ нашей эмиграціи, и всѣ о немъ слушали съ любопытствомъ, иные съ состраданіемъ, другіе смѣялись. Были и такіе, которые не хотѣли вѣрить, чтобы за видимымъ юродствомъ Шерамура не скрывалось что-то другое. Говорили, что «надо бы его положить, да поласкать каленымъ утюжкомъ по спинѣ». Конечно,—каждый судилъ по-своему, но была въ одномъ домѣ вальяжная няня, которая положила ему судъ особенный и притомъ прорекла удивительное пророчество. Это была особа фаворитная, которая пользовалась въ домѣ уваженіемъ и правомъ вступать съ короткими знакомыми въ разговоръ и даже дѣлать имъ замѣчанія.

Она, разумѣется, не принадлежала ни къ одной изъ ярко очерченныхъ въ Россіи политическихъ партій и хотя носила «панье» и соблюдала довольно широкую фантазію въ «шнипѣ», но въ вопросахъ высшихъ мировыхъ coterie держалась взглядовъ Бѣжецкаго уѣзда, откуда происходила родомъ, и оттуда же вынесла запасъ русскихъ истинъ. Ей не понравилось легкомысліе и шутливость, съ которыми всѣ мы относились къ Шерамуру; она не стерпѣла и замѣтила это.

— Нехорошо, сказала она,—человѣкъ ничевошный, надъ нимъ грѣхъ смѣяться: у него есть ангелъ, который видитъ лицо.

— Да что же дѣлать, когда этотъ человѣкъ никуда не годится?

— Это не ваше дѣло: такъ Богъ его создалъ.

— Да онъ и въ Бога-то не вѣритъ.

— А Господь съ нимъ—глупъ, такъ и не вѣритъ, и безъ него дѣло обойдется, ангель у него все-таки есть и о немъ убивается.

— Ну, ужъ будто и убивается?

— Конечно! Онъ къ нему приставленъ и соблюдеть. Вы какъ думаете: вѣдь чѣмъ плоше человѣкъ, тѣмъ ангель къ нему умнѣй ставится, чтобы довель до дѣла. Это и ему въ заслугу.

— Ну да, вы какъ заведете о дуракѣ, такъ никогда не кончите. Это у васъ самые милые люди.

Она слегка обидѣлась, начала тыкать пальцемъ въ разсыпанныя дѣтьми на скатерти крошки и съ дрожаніемъ въ голосѣ докончила:

— Что они вамъ мѣшаютъ, дурачки! ихъ Богъ послалъ, терпѣть ихъ надо, можетъ-быть онъ опредѣлится къ такой цѣли, какой всѣ вы ему и не выдумаете.

— А вы этому вѣрите?

— Я? почему же? вѣрю и уповаю... А вотъ вамъ тогда и будетъ стыдно!

Вотъ она, думаю,—наша мать Оедорунка, распродобрая, распретолстая, что во всѣ края протянулася и всѣмъ ласково улыбнулася.

Украшайся добротою, если другимъ нечѣмъ.

Няня казалась немножко разстроена и съ нею больше не спорили и теплой вѣры ея не огорчали, тѣмъ болѣе, что никто не думалъ, что всей этой исторіи еще не конецъ и что о Шерамурѣ, долго спустя, получатся новѣйшія и притомъ самыя интересныя извѣстія.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло около двухъ лѣтъ; въ Герцеговинѣ кто-то встряхнулъ старые счеты и пошла кровь. Было и не до Шерамура. У насъ шли споры о томъ, какъ мы исполнили наше

призваніе. Ничего не понимая въ политикѣ, я не принималъ въ этихъ спорахъ никакого участія. Но съ окончаніемъ войны я раздѣлялъ нетерпѣливыя ожиданія многихъ, чтобы скорѣе начинала дешеветь страшно вздорожавшая провизія. Подъ вліяніемъ этихъ нетерпѣливыхъ, но тщетныхъ ожиданій, я, бывало, какъ возвращаюсь съ прогулки, сейчасъ же обращаюсь къ этажеркѣ, гдѣ въ завѣтномъ уголкѣ, на полочкѣ, поджидаетъ меня докучная книжка съ постоянно возрастающей «передержкой». И вотъ разъ, сунувшись въ этотъ уголокъ, я нахожу какую-то незнакомую мнѣ вещь, — свертокъ, довольно дурно завернутый въ бумагу, — очевидно книга. На бумагѣ нѣтъ ничего имени, но есть какія-то расплывшіяся письма, писанныя въ самый край «подъ тѣсотку», какъ пишутъ неряхи. Начинаю дѣлать опыты, чтобы это прочесть и послѣ большихъ усилій читаю: «долгъ и за процентъ ж. в. х.». Больше ничего нѣтъ.

Снимаю бумагу и нахожу книгу Ренана «St. Paul», но прежде чѣмъ я успѣлъ ее развернуть, изъ нея что-то выпало и покатилося. Начинаю искать, шарить по всѣмъ мѣстамъ: что бы это такое вывалилось? Зову служанку, ищемъ вдвоемъ, втроемъ, все приподнимаемъ, двигаемъ тяжелую мебель и, наконецъ, находимъ... Но что? — Находимъ чистѣйшаго золота двадцати-франковую французскую монету! Не можетъ же быть, чтобы она валялась тутъ изстари: полъ метутъ, натираютъ и не могли бы ее не замѣтить... Нѣтъ; монета положительно сейчасъ только выпала изъ книги. Но что это такое? зачѣмъ и кто могъ сдѣлать мнѣ такое приношеніе? Ломаю голову, припоминаю, не положилъ ли я ее самъ, соображаю то и другое и не прихожу ни къ какому результату. Опять разыскиваю оберточную бумагу и разсматриваю письма, возлагая на нихъ послѣднюю надежду узнать: что это за явленіе? Ничего болѣе: «долгъ и за процентъ ж. в. х...». Характеръ почерка неуловимъ, потому что писано на протекучкѣ, и все расплылось... Соображаю, что здѣсь *долгъ* и что — *процентъ*, или «за процентъ»: мо-

нета долгъ, а книга «за процентъ», или наоборотъ? И потомъ, что значать эти «ж. в. х.»? Нѣтъ сомнѣнія, что это не первыя буквы какого-либо имени, а совсѣмъ что-то другое... Что же это такое? Подбираю, думаю и сочиняю:—все выходитъ какъ-то странно и не кстати: «жму вашу руку»,— но послѣдняя буква не та: «жгу вашъ хохоль», тутъ всѣ буквы соотвѣтствуютъ словамъ, но для чего же кому-нибудь было бы нужно написать мнѣ такую глупость? Или это продолженіе фразы: посылаю «долгъ и за процентъ» еще вотъ что, напримѣръ: «желтый ватошный халатъ, или женскій ватошный халатъ»... Все никуда не годится. Глупый водевильный случай, а интересуется! Даже во снѣ соображаю и подбираю: «желаю вамъ хорошаго». Вотъ, кажется, это пошло на дорогу! Еще лучше: «живу весьма хорошо»; или... наконецъ, батюшки мои! батюшки, да это такъ и есть: не надлежитъ ли это читать... «жру всегда хорошо»? Рѣшительно это такъ и не можетъ быть иначе. Но тогда, что же это значить: неужто здѣсь былъ Шерамуръ? Неужто онъ появился въ Петербургѣ именно теперь, въ это странное время, и проскользнулъ ко мнѣ. Какова отчаянность! Или, можетъ быть, его простили и разрѣшили и онъ ходитъ смѣло по вольному паспорту... Вѣдь, говорятъ, все возможно въ природѣ.

Я припомнилъ, что дѣвушка мнѣ дня три-четыре назадъ сказывала о какомъ-то незнакомомъ ей господинѣ, который приходилъ, спрашивалъ, просилъ позволенія «обождать» и ждалъ, но не дождался, ушелъ, сказавши, что опять придетъ, но до сихъ поръ не приходилъ.

Разспрашивалъ: каковъ былъ приходившій ростомъ, породствомъ, лицомъ — красотою? — ничего не добился. Всѣ примѣты описываютъ точно на русскомъ паспортѣ: къ кому хочешь приложи—всѣмъ одинаково впору будетъ.

Остается одно: книгу поставить на полку, золото спрятать, а незнакомца ждать. Я такъ и сдѣлалъ, и ждалъ его терпѣливо, съ надеждою, что авось онъ и совсѣмъ не придетъ. Такъ минулъ день, два, недѣля и мѣсяцъ, и, наконецъ,

когда я совсѣмъ пересталъ ждать, — онъ вдругъ и явился.

Звонокъ; дѣвушка отпираетъ дверь и спѣшно бѣжитъ впередъ гостя шепнуть:

— Это тотъ, который ждалъ.

Легкое волненіе и выхожу навстрѣчу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Входитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, совершенно мнѣ незнакомый, и называетъ себя незнакомымъ же именемъ.

Прошу садиться и освѣдомляюсь: чѣмъ могу служить.

— Я, говоритъ, — недавно изъ-за границы; жилъ два мѣсяца въ Парижѣ и часто видѣлся тамъ съ однимъ страннымъ землякомъ, котораго вы знаете. Онъ далъ къ вамъ порученіе, — доставить посылочку. Я ее тутъ у васъ и оставилъ, чтобы не носить, но позабылъ сказать прислугѣ.

— Я, отвѣчаю, — нашелъ какую-то посылочку; но отъ кого это?

Онъ назвалъ Шерамура.

— Какъ же, говорю: — очень его знаю. Ну, что онъ, какъ, гдѣ живетъ и все такъ же ли бѣдствуетъ, какъ бѣдствовалъ?

— Онъ въ Парижѣ, но что касается бѣдствованія, то въ какомъ смыслѣ вы это берете... Если насчетъ жены...

— Какъ, говорю, — жены!.. Какая жена! Я спрашиваю: есть ли у него что ѣсть?

— О, разумѣется, — онъ вовсе не бѣдствуетъ: онъ «пропріетеръ», женатъ, сидитъ *grand mangeur*’омъ въ жениномъ ресторанѣ, который называетъ «обжорной лавкой», и вообще, говоря его языкомъ, «жретъ всегда хорошо», — впрочемъ, онъ это даже обозначилъ начальными буквами, въ полной увѣренности, что вы поймете.

— Понять-то я понялъ, но что же это... какъ же это могло случиться... Ангель... конечно, много значить... но все-таки...

Всматриваюсь въ моего собесѣдника, — думая, коего онъ духа, — не вышучиваетъ ли онъ меня, сообщая такія неста-

точные дѣла о Шерамурѣ? Нѣтъ; насколько мнѣ дано наблюдательности и проникновенія, господинъ этотъ производитъ хорошее впечатлѣніе,—повидимому, это экземпляръ изъ новой, еще не вполне обозначившейся, но очень пріятной породы бодрыхъ людей, не страдающихъ нашимъ нервическимъ раздраженіемъ и безпредметною мнительностью,—«человѣкъ будущаго», который умѣетъ смотрѣть впередъ безъ боязни и не таятъ въ безплодныхъ негодованіяхъ ни на прошлое, ни на настоящее. Люди прошлаго ему представляются больными съ похмѣлья; онъ на нихъ не сердитъ и даже совсѣмъ ихъ не судитъ, а словно провожаетъ на кладбище, приговаривая: вамъ гнить, а намъ жить.

Я люблю эту породу за то, что въ ней есть нѣчто свѣжее, нѣчто уже не наше, нѣчто намъ несвойственное, но живучее и сильное. Они выросли, какъ осотъ на межахъ между грядъ, и ихъ уже не выкопешъ. Русь будетъ скоро не такая, какъ мы, а такая—какъ они, и слава Богу, слава Богу!

Понявъ, что мой гость относится къ этому сорту, я сейчасъ же усадилъ его въ болѣе покойное кресло, велѣлъ подать чай и безцеремонно (какъ слѣдуетъ съ такими людьми) попросилъ его рассказать мнѣ все, что ему извѣстно о моемъ Шерамурѣ, — какъ онъ женился и сдѣлался парижскимъ «пропріетеромъ».

Гость любезно согласился удовлетворить мое любопытство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Шерамуру помогла славянская война въ Турціи. Но какъ онъ могъ вздумать воевать? Не противно ли это всей его натурѣ и всѣмъ доводамъ его бѣднаго разсудка? И противъ кого и за кого онъ мужествовалъ и сражался? Все это было, какъ вся его жизнь,—безтолково.

Вотъ какъ шло дѣло: онъ *начиталъ* въ газетахъ, что турки обижаютъ *бѣдныхъ* славянъ, отнимая у нихъ урожай, стада и все, что надо «жрать». Этого было довольно:

долго не разсуждая, онъ возсталъ и пошелъ по образу пѣшаго хожденія въ Черногорію. Онъ попалъ въ «Волдавію» или «Молдахію», гдѣ соединился съ «доброходцами» и явился въ Сербію, образцовые порядки которой дѣлали нелишними здѣсь даже Шерамура. Онъ поступилъ куда-то, во что-то, о чемъ, по своему обыкновенію, не умѣлъ дать никакого резоннаго отчета. На войнѣ онъ «барабанилъ», чего я даже не могъ ожидать отъ него, но потомъ нашелъ, что въ Сербіи у всѣхъ жратвы больше, чѣмъ онъ видѣлъ во весь свой вѣкъ. «Даже виномъ прихлебываютъ». Никакихъ иныхъ интересовъ, достойныхъ борьбы на жизнь и смерть, Шерамуръ, разумѣется, не признавалъ, но въ этомъ его нельзя винить, потому что онъ не могъ ихъ чувствовать.

И вотъ онъ духомъ возмутился: за что онъ сражается: если у нихъ есть что жрать, то чего же имъ еще надо? «Черти проклятые!.. съ жиру бѣсятся! къ намъ бы ихъ спровадить, чтобы въ черныхъ избахъ пожили, да мякины пожевали!» Славянскія претензіи Шерамуръ всѣ считалъ пустяками, которые Аксаковъ въ Москвѣ выдумалъ вмѣстѣ съ Кокоревымъ, и Шерамуръ разсердился и «вышелъ», то есть пересталъ барабанить. Нѣкоторое время онъ слонялся безъ дѣла, но ощущалъ себя въ полномъ довольствѣ: «вездѣ, говоритъ, есть кукуруза и даже виномъ запиваютъ, какъ въ царствѣ небесномъ». Таково его понятіе о царствѣ небесномъ. Но вотъ, переходя туда-сюда, съ плохими и безтолковыми разспросами, онъ былъ, наконецъ, приведенъ своимъ ангеломъ куда ему слѣдовало; попалъ на такихъ людей, которые тоже подобно ему подвывали:

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Шерамуръ здѣсь сейчасъ «опредѣлился». Опять какъ и подъ какимъ заглавіемъ? это онъ, по непримиримой враждѣ ко всякой опредѣленности, излагалъ не ясно; но можно было

понять, что онъ въ качествѣ человѣка черномордаго и съ «сербскимъ квитомъ» былъ въ числѣ санитаровъ. Кому-то гдѣ-то его отрекомендовалъ какой-то, по его словамъ, «очень добрый и вполне невѣрующій монахъ». Прозорливый инокъ увѣрилъ кого-то, что лучше Шерамура нѣтъ, чтобы «приставить къ пищѣ». И вотъ нашъ чудакъ въ первый разъ во всю жизнь попалъ на мѣсто по своему настоящему призванію. И за то, говорятъ, какъ же онъ дѣйствовалъ: крошкѣ не позволялъ пропасть, все больнымъ тащилъ. Самъ только «хлѣбово» ѣлъ, а свою порцію котлетъ солдатамъ дробилъ, выбирая, который ему казался «замореннѣй». Начальство, «сестры»—все имъ были довольны, а солдатики цѣны не слагали его «добродѣтели».

— Даже котораго, говорятъ, монахъ на смерть отъисповѣдуется, онъ и тому, мимо идя, еще кусочекъ котлетки въ ротъ сунетъ,—утѣшаетъ: «жри». Тотъ и помирать остановится, а за нимъ глазомъ поведетъ.

И кончилось все это для Шерамура чѣмъ же? тѣмъ, что онъ самъ не замѣтилъ, какъ, при его спартанствѣ, у него къ концу службы собралась отъ жалованья «пригоршня золота». Сколько его тамъ было,—онъ не считалъ, но повезъ все въ свою метрополию, къ «швейцарцамъ»—чтобы дѣлать. Привезъ къ одному изъ митрополитовъ и «высыпалъ». Стали говорить и поспорили: тотъ «все» хотѣлъ взять на «дѣло», но Шерамуръ не далъ. Онъ настаивалъ, чтобы прежде всего «сотворить какую-то вселенскую жратву», т. е. «пожрать и другихъ накормить», и ограничился на этомъ такъ твердо, что «*тотъ* цапнулъ съ краю и ушелъ». Сколько именно онъ у него взялъ—Шерамуръ не зналъ: «цапнулъ съ краю», да и баста. Деньги были не считанныя, да и считать ихъ не зачѣмъ: «все равно не воротить».

Шерамуръ увидалъ, что здѣсь дѣлать неладно, и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ зналъ честную душу, способную войти во все его многопитательные виды и оказать ему самое непосредственное содѣйствіе; драгоценный человѣкъ этотъ была Tante Grillade.

Она приняла Шерамура и его золото совсѣмъ не такъ, какъ «швейцарскіе митрополиты».

Tante Grillade ввела Шерамура въ своей *arrière boutique*, что составляетъ своего рода «святая святыхъ» еврейской скиніи, и пригласила его всыпать тамъ все золото въ комодъ, запереть и ключъ взять съ собою. Vous положили пока не собирать. Tante сказала, что знаетъ нѣчто лучшее, — и назначила Шерамуру придти къ ней вечеромъ, когда она будетъ свободна. Они вмѣстѣ должны были обдумать, какъ лучше распорядиться такимъ богатствомъ, которое въ практичныхъ рукахъ нѣчто значило.

Шерамуръ, которому до сихъ поръ никакія комбинаціи никогда не приходили, думалъ просто: оставить деньги у Танты и водить къ ней голодныхъ, пока она подастъ счетъ и скажетъ: *tout est fini*. Но Tante Grillade была гораздо дальнороче и умнѣе Шерамура, и притомъ, на счастье его, она имѣла на него планы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вечеромъ, когда Шерамуръ пришелъ къ Тантѣ, онъ встрѣченъ былъ необыкновенно: «кормежная» зала, дальше которой и во дни благополучій не заходилъ Шерамуръ, теперь была свободна отъ гостей, подметена и убрана. Въ ней еще было влажно и пахло «картофелемъ и маркофелемъ», но въ углу, шипя и потрескивая, горѣла маленькая угольная печечка и очищала воздухъ. Зато чрезъ открытую дверь виднѣлось настоящее чудо декоративнаго устройства. *Arrière boutique*, которая днемъ казалась отвратительнымъ колодезнымъ днищемъ, куда никогда не проникалъ свѣтъ и гдѣ Tante Grillade едва поворачивалась какъ черепаха въ шайкѣ, теперь представляла очень пріютный уголокъ. Сѣрая стѣна, которая заслоняла весь свѣтъ широкаго, но совершенно бесполезнаго окна, теперь была заслонена пышною бѣлою драпировкою съ фестонами, подхваченными розовыми лентами. Вмѣсто слабыхъ, тщедушныхъ рефлек-

совъ внѣшняго свѣта комната была до изобилія освѣщена и согрѣта огнемъ двухъ лампъ, стоявшихъ по угламъ неизбежнаго мраморнаго камина. Вся эта комната была такъ мала, что представляла какой-то клубочекъ, въ которомъ ничто не расходилось, а все сматывалось. На пространствѣ какихъ-нибудь четырехъ квадратныхъ аршинъ тутъ были и двуспальная кровать Tante Grillade, и комодъ, гдѣ теперь хранилось Шерамурово золото, и каминъ съ веселымъ огонькомъ, и круглый столъ, на которомъ прекрасно дымилась чистая вазочка съ бульономъ изъ настоящаго мяса. Кромѣ этого, тутъ же стояли литръ краснаго вина и корзинка съ лакомствомъ «четырехъ нищихъ».

Сама Grillade тоже была въ авантажѣ: съдые крендели на ея вискахъ были загнуты какъ-то круче и крѣпче обыкновеннаго и придавали ея опытному лицу внушительность и въ то же время нѣчто пикантное.

Здѣсь у мѣста сказать, что Шерамуръ въ этотъ разъ *впервые* вкушалъ хлѣбъ и пилъ сокъ винограда tête-à-tête съ женщиной. И онъ не разсуждалъ, но чувствовалъ истину догмата, что для счастья недостаточно достать кусокъ хлѣба, но нужно имѣть съ кѣмъ его пріятно съѣсть.

Затрапезный разговоръ ихъ никѣмъ не записанъ, но онъ былъ очень серьезенъ и шелъ исключительно о деньгахъ. Tante доказала Шерамуру, что если держать его деньги въ въ ея комодѣ и кормить на нихъ *vous*, то этихъ денегъ хватить не надолго; онѣ выйдутъ и *vous* опять будетъ не на что кормить.

Шерамуръ согласился и задумался, а Tante Grillade показала выходъ, который состоялъ въ томъ, чтобы пустить деньги въ оборотъ. Тогда эти деньги дадутъ на себя другія деньги, и явится неистощимая возможность всегда жрать и кормить другихъ.

Шерамуръ захопалъ въ ладоши:

— *Voilà*, говорить, *voilà*, это и нужно! Одна бѣда: какъ пустить деньги, кому довѣрить; кто не обманетъ?

Шерамуръ закивалъ головою: ему вспомнились его швей-

царскіе митрополиты и онъ какъ перешель забилъ: вуй, вуй, мадамъ, вуй, вуй, вуй.

А потомъ, когда вслѣдъ затѣмъ Tante встала, чтобы подать *compte de pommes*, Шерамуръ, глядя ей стыдливо въ спину, вымолвилъ:

— Да возьмите вы эти деньги, Танта!

— На какой предметъ, *monsieur*?

— Да дѣлайте что знаете, наживайте.

Но Танта нашла это невозможнымъ.

— Я наживу и умру, а васъ выгонять.

— Гмъ... Да... подлость... А сколько бы человѣкъ можно постоянно кормить?

— Можно человѣка два кормить раза по два въ недѣлю, или, еще лучше, троихъ каждое воскресенье. И, кромѣ того, разъ въ годъ можно сдѣлать особый пиръ, на которомъ никого не будетъ, кромѣ бездомныхъ *voouu*.

У Шерамура даже сердце забилось отъ такой мысли, и когда Tante Grillade, вооружась щипчиками, принялась за *poisettes*, онъ застѣнчиво приступилъ къ ней:

— Ну, такъ какъ же, Tante,—какъ это сдѣлать?—а Tante, надавливая крѣпкій орѣхъ, посмотрѣла на него и дружески отвѣтила:

— Надо жениться.

— Ну, вотъ! Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что у васъ тогда все будетъ общее и если жена наживетъ—это принадлежитъ и мужу. Тогда, напри- мѣръ, будь это я: я отдаю вамъ весь мой ресторанъ, и мы никого сюда больше не пустимъ.

— Да, да, вотъ... это самое: никого никого не пустимъ!— вскричалъ Шерамуръ и въ сладостномъ изступленіи ума и чувствъ онъ схватилъ Tante за обѣ руки и мялъ ихъ и водилъ изъ стороны въ сторону, пока та, глядя на него, расхохоталась и напомнила ему, что пора убираться.

На другой день вечеромъ его опять повлекли сюда и мысль о пирѣ нищихъ, и, можетъ быть, пріютный уголокъ

при каминѣ, чего онъ, по своей непрактичности, не зналъ какъ устроить даже съ деньгами.

И вотъ онъ опять явился и говорилъ:

— Можно ли, чтобы опять... здѣсь... по-вчерашнему?

— Ага, я понимаю: ты, плутишка, вѣрно напелъ себѣ жену и хочешь со мной говорить? Хорошо, хорошо,—садись: вотъ вино и баранина.

— Да; а жены нѣтъ. Вотъ если бы вы... захотѣли...

— Найти тебѣ невѣсту?

— Нѣтъ, если бы... вы... сами...

— Что это? ужъ не хочешь ли ты сдѣлать позднюю поправку къ проступку третьяго Наполеона?

— Именно это!

— Но едва ли *это* будетъ тебѣ по силамъ, мой бѣдный мальчикъ. Вѣдь тебѣ съ чѣмъ-нибудь тридцать, а мнѣ сорокъ восемь.

Видя простоту Шерамура, Tante Grillade рѣшилась на этотъ случай сократить свою хронологію болѣе чѣмъ на пятнадцать лѣтъ, но это было совершенно не нужно. Ни лѣта, ни наружность Танты не имѣли въ глазахъ Шерамура никакого значенія.

— Это ничего.

— А если такъ, то вотъ тебѣ моя рука и дружба до гроба.

Они обнялись, поцѣловались и обвѣнчались, при чемъ Танта безмѣрно возросла въ глазахъ мужа черезъ то, что получила какія-то деньги съ какого-то общества, покровительствующаго бракамъ.

Вечеромъ у нихъ былъ «пиръ нищихъ»—пиръ удивительный. Гости пришли даже изъ Бельвиля, и всѣ одинъ голоднѣе другого и одинъ другого оборваннѣе. Шерамуръ, придѣтый Тантой въ какую-то куртку, былъ между ними настоящій король, и они съ настоящею деликатностью нищихъ устроили ему королевское мѣсто.

Безъ всякихъ ухищреній съ нимъ совершился святой обычай родной стороны: Шерамуръ былъ княземъ своего

брачнаго вечера. Имъ занимались всѣ: жена, гости и полиція, которая могла заподозрить здѣсь нѣкоторое движеніе въ пользу наполеонидовъ.

Особенно возбудителенъ былъ одинъ моментъ, когда подали *biegnots aux rommons* и три человѣка, подученные *Tante Grillade*, вынули изъ-подъ стола незамѣтно туда спрятанную корзинку; въ корзинкѣ оказался большой, немного увядшій вѣнокъ; дешево купленный Тантою у какого-то капельдинера. Въ вѣнкѣ были стоптаны нѣсколько цвѣтковъ, но зато его освѣжили яркимъ пучкомъ румяныхъ вишенъ и перевязали длиннымъ пунсовымъ вуалемъ съ надписью: «*Von oncle Grillade*».

Вѣнокъ возложили на голову Шерамура и этимъ актомъ навсегда лишили его клички, данной ему англичанкою: съ сей поры онъ сдѣлался «теткинъ мужъ», и очень много утрачивалъ въ своей непосредственности. Но онъ объ этомъ не думалъ. Къ тому же, историческая точность обязываетъ сказать, что добрый «*oncle Grillade*» въ настоящую торжественнѣйшую минуту его жизни былъ пьянъ, и это не его вина, а вина доброй Танты, которая всѣми мѣрами позаботилась облегчить всѣ предстоящія ему задачи.

И, къ чести ея, она съ первыхъ же шаговъ показала, что знаетъ и тактику, и практику. Когда *sergent de ville* постучалъ въ дверь, чтобы честная компанія разошлась, и довольные необыкновеннымъ угощеніемъ *voeux* разсыпались, а *jeunes mariés* остались одни, *Tante Grillade*, ни слова не говоря, взяла своего маленькаго мужа на руки, повѣсила его вѣнокъ надъ кроватью, а самого его раздѣла, умыла губкою и положила къ стѣнкѣ. Шерамуръ все выдержалъ съ стоицизмомъ своего званія и потребовалъ только одно, чтобы ему дали оставшійся въ вѣнкѣ пучокъ вишенъ. И когда *Tante* его удовлетворила, онъ ихъ немедленно «сожралъ» и покоридся своей долѣ.

Но не была ли эта доля слишкомъ сурова? Вотъ небольшія свѣдѣнія, которыя позволяютъ кое-что умозаключать объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Tante не злоупотребляла своими преимуществами: она была великодушна, какъ настоящая дочь бульвара. Единственное, что отравляло покой Шерамура, — опять-таки *зубка*,—это страшное орудіе, которымъ повсюду ему угрожали женскія руки. Но зато онъ изъ этого научился извлекать нѣкоторыя выгоды въ пользу бѣдныхъ. Если ему встрѣчалась надобность помочь ближнему, не въ счетъ абонемента, и Танта этому противилась,—онъ «не давался умывать» и всегда успѣвалъ настоять на своемъ.

Повѣствователь видѣлъ его въ такой борьбѣ и уловилъ кое-что изъ ея сути. Онъ говорилъ, какъ они многіе сообща хотѣли кому-то помочь, и какъ къ этому стремился дядя Грилядь, но ничего не принесъ и самъ пропалъ. А потомъ, когда рассказчикъ зашелъ къ нему вечеромъ, чтобы увести его на прощальную пирушку, онъ засталъ дядю въ стиркѣ: Танта только что вытерла ему лицо губкою и обтирала его полотенцемъ.

Здороваясь съ гостемъ, онъ сейчасъ же сунулъ ему въ руку золотой и сказалъ:

- Передайте, я только сейчасъ у нея выпросилъ.
- Но я за вами, чтобы вмѣстѣ попить.
- Это теперь невозможно.
- Отчего?
- Я занятъ,—видите: меня уже губкой вытерли.
- Тѣмъ лучше идти въ гости.
- Нѣтъ,—какъ же въ гости,—я говорю вамъ, что я занятъ. Надо же честно нести свой сакрифисъ.

И онъ остался въ пользу бѣдныхъ при своей Омфалѣ.

Сообщилъ я объ этомъ толстой нянѣ въ «панье» и со шницомъ. Хлопнула себя она обѣими руками по крутымъ бедрамъ и расхохоталась.

- Видишь, говорить,—какое ему вышло опредѣленіе.
- А какъ полагаете: счастливъ онъ этимъ или нѣтъ?
- А отчего же не быть счастливымъ: какъ она женщина степенная и въ виду, такъ и очень, можетъ быть, счастливъ.

И впрямь,—все же это лучше, чѣмъ было ему во всю его прошлую жизнь.

Я боюсь, что мой Шерамуръ вамъ не совсѣмъ понятенъ, читатель, но это не моя вина; я его записалъ вѣрно. Лично я, по долгому навыку съ нимъ обращаться, все въ немъ нахожу простымъ и понятнымъ. Это видовая, а не родовая особенность: онъ сынъ своего родителя и мнѣ въ немъ видны крупныя родственныя черты, сближающія его даже съ обрацавшею его въ христіанство графинею. Это не новая новинка, а только остатки давняго худосочія. Шерамуръ такой же «мизантропъ, развлекающій свою фантазію», какъ его родитель и графиня; только онъ, разумѣется, ихъ безъ сравненія сердечнѣе; но это взято имъ не отъ нихъ, а принесено оттуда, откуда духъ дышитъ—приходитъ и уходитъ, но никто его не узнаетъ. Шерамуръ человѣкъ ни на что ненужный, точно такъ же, какъ и тѣ, и онъ благополучно догнѣетъ въ одно съ ними время. Вся разница будетъ въ томъ, что о первыхъ скажутъ: «они скончались», а о Шерамурѣ, что онъ—«околѣлъ». Но, можетъ-быть, это не такъ серьезно, какъ нѣкоторые полагаютъ или, по крайней мѣрѣ, не составляетъ самаго рѣшительнаго для вѣчности съ ея безконечнымъ путемъ.

Пьеса кончена и читатель можетъ меня теперь спросить: зачѣмъ она попала въ одну книгу съ разсказами о трехъ праведникахъ, съ которыми у Шерамура, повидимому, нѣтъ ничего общаго въ природѣ?

Такой вопросъ очень возможенъ, и я, предвидя его, спѣшу дать мой отвѣтъ. Шерамуръ поставленъ здѣсь по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я опасался, что безъ него въ этой книжкѣ не выйдетъ опредѣленнаго числа листовъ, а во-вторыхъ, если самъ Шерамуръ не годится къ праведнымъ даже въ качествѣ *юродиваго*, то тутъ есть русская няня, толстая баба съ шницомъ, судъ которой, по моему мнѣнію, можетъ служить выраженіемъ праведности всего нашего умнаго и добраго народа.

Оглавленіе II тома.

ПРАВЕДНИКИ:

	стр.
Предисловіе	3
Однодумъ	6
Пигмей	43
Кадетскій монастырь	59
Прибавленіе о Бобровѣ	96
Русскій демократъ въ Польшѣ	101
Несмертельный Голованъ	121
Инженеры-безсребренники	176
Лѣвша	243
Очарованный странникъ	281
Человѣкъ на часахъ	433
Шерамуръ	455

